SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
LVX
FIAT
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

Годъ XI-й. № 1-й.

UNIV. OF CALIFORNIA

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

05
Мь3
61086

ЯНВАРЬ

1902 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1902.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

1. НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ. 1829—1842 гг. **Н. Котляревскаго.** . . . . . .
2. СТИХОТВОРЕНІЕ. ИЗЪ ДНЕВНИКА. **Ив. Бунина.** . . . . . .
3. НА ПОВОРОТѢ. Повѣсть. **В. Вересаева.** . . . . . .
4. ИЗЪ ЖИЗНИ АНГЛІЙСКИХЪ РАБОЧИХЪ. (Paul de Rousiers. «La question ouvrière en Angleterre». Paris 1895). **Л. Давыдовой.** . . . . . .
5. ДОМОЙ. (Изъ путевыхъ очерковъ). **Тана.** . . . . . .
6. СТИХОТВОРЕНІЕ. ВЪ ДОРОГѢ. **Тана.** 1
7. АРТУРЪ ШОПЕНГАУЭРЪ, КАКЪ ЧЕЛОВѢКЪ, ФИЛОСОФЪ И УЧИТЕЛЬ. **Фридриха Паульсона.** Переводъ съ нѣмецкаго. **Т. Богдановичъ.** 1
8. ВЪ ЦИРКѢ. Разсказъ. **А. Куприна.** 1
9. СТИХОТВОРЕНІЕ ALBUM-BLÄTTER. **О. Чюминой.** 1
10. ОСЕНЬЮ. Эскизъ. **Ив. Бунина** 1
11. ПЕРВЫЙ СЪѢЗДЪ МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦІАЦІИ АКАДЕМІЙ. **А. Фаминцына.** 1
12. БУКЕРЪ ВАШИНГТОНЪ. (Автобіографія негра—общественнаго дѣятеля). **Л. Гуревичъ.** 17
13. АНГЛІЙСКАЯ ГОДОВЩИНА. 1827—1902. (Къ семидесятипятилѣтію со дня смерти Джорджа Каннинга). **Евг. Тарле.** . 19
14. СМЕРТЬ. Повѣсть **Артура Шницлера.** Переводъ съ нѣмецкаго **Т. Б.** 224
15. СТИХОТВОРЕНІЕ. РУДОКОПЫ. **Вл. Волькенштейна.** 252

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

16. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. Выдающіяся произведенія истекшаго года.—Враждебное отношеніе врачей къ «Запискамъ врача» г. Вересаева.—Неосновательность такого отношенія.—Окончаніе романа М. Горькаго «Трое».—Характеристика

Годъ XI-й. № 1-й.

UNIV. OF CALIFORNIA

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

61086

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ЯНВАРЬ

1902 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1902.

UNIV. OF
CALIFORNIA

Дозволено цензурою 26-го декабря 1901 года. С.-Петербургъ.

АР3л
М47
1902:1
Main

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

		стр.
1.	НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ. 1829—1842 гг. **Н. Котляревскаго.**	1
2.	СТИХОТВОРЕНІЕ. ИЗЪ ДНЕВНИКА. **Ив. Бунина.**	26
3.	НА ПОВОРОТѢ. Повѣсть. **В. Вересаева.**	28
4.	ИЗЪ ЖИЗНИ АНГЛІЙСКИХЪ РАБОЧИХЪ. (Paul de Rousiers. «La question ouvrière en Angleterre». Paris 1895). **Л. Давыдовой.**	70
5.	ДОМОЙ. (Изъ путевыхъ очерковъ). **Тана.**	84
6.	СТИХОТВОРЕНІЕ. ВЪ ДОРОГѢ. **Тана.**	100
7.	АРТУРЪ ШОПЕНГАУЭРЪ, КАКЪ ЧЕЛОВѢКЪ, ФИЛОСОФЪ И УЧИТЕЛЬ. **Фридриха Паульсона.** Переводъ съ нѣмецкаго. **Т. Богдановичъ.**	101
8.	ВЪ ЦИРКѢ. Разсказъ. **А. Куприна.**	125
9.	СТИХОТВОРЕНІЕ ALBUM-BLÄTTER. **О. Чюминой.**	149
10.	ОСЕНЬЮ. Эскизъ. **Ив. Бунина**	151
11	ПЕРВЫЙ СЪѢЗДЪ МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦІАЦІИ АКАДЕМІЙ. **А. Фаминцына.**	158
12.	БУКЕРЪ ВАШИНГТОНЪ. (Автобіографія негра—общественнаго дѣятеля). **Л. Гуревичъ.**	173
13.	АНГЛІЙСКАЯ ГОДОВЩИНА. 1827—1902. (Къ семидесятипятилѣтію со дня смерти Джорджа Каннинга). **Евг. Тарле.**	198
14.	СМЕРТЬ. Повѣсть Артура Шницлера. Переводъ съ нѣмецкаго **Т. Б.**	224
15.	СТИХОТВОРЕНІЕ. РУДОКОПЫ. **Вл. Волькенштейна.**	252

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

16. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. Выдающіяся произведенія истекшаго года.—Враждебное отношеніе врачей къ «Запискамъ врача» г. Вересаева.—Неосновательность такого отношенія.—Окончаніе романа М. Горькаго «Трое». — Характеристика

884343

стр.

главнаго героя романа.—Театральныя новинки.—«Лишенный правъ» г. Потапенки. А. Б. 1

17. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. На родинѣ. Дѣтскіе мечты и запросы.—Взаимодѣйствіе деревни и города.—Нѣмецкія колоніи въ Новороссіи.—Изъ прошлаго.—Земскій адресъ Б. Н. Чичерину.—Отголоски монополіи.—За мѣсяцъ.—Н. И. Наумовъ. (Некрологъ). 15

18. ОБЩЕСТВО ВСПОМОЖЕНІЯ ОКОНЧИВШИМЪ ВЫСШІЕ ЖЕНСКІЕ КУРСЫ. Т. Богдановичъ. 30

19. Изъ русскихъ журналовъ. У казаковъ.—Воспоминаніе Д. Ахшарумова.—Новыя теченія въ современной литературѣ. . . . 33

20. За границей. Присужденіе премій Нобеля.—Общественные вопросы въ Германіи.—Народный домъ въ Гамбургѣ.—Первый итальянскій крестьянскій конгрессъ.—Въ скандинавскихъ странахъ.—Современная Аркадія. 43

21. Изъ иностранныхъ журналовъ. Женское движеніе за послѣднее время въ Европѣ и на Востокѣ.—Альфредъ Нобель и его взгляды.—Республика будущаго.—Никола Тесла. 54

22. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ. Марселэнъ Бертело. (По поводу пятидесятилѣтія его научной и общественной дѣятельности). В. Яковлева. 59

23. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. Періодичность солнечныхъ пятенъ и связь съ нею атмосферныхъ явленій.—Что говоритъ опытъ о появленіи разновидностей.—Механическая теорія зрѣнія.—Сѣрнистый газъ, какъ дезинфицирующее и противопожарное средство. В. Аг. 68

24. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Беллетристика.—Исторія литературы.—Исторія всеобщая и русская.—Политическая экономія.—Естествознаніе.—Медицина и гигіена.—Народное образованіе.—Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію . . 76

25. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 108

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

26. ДОСТОПОЧТЕННЫЙ ПИТЕРЪ СТЕРЛИНГЪ. Романъ П. Л. Форда. Переводъ съ англійскаго Л. Я. Сердечной. 1

27. ИЗЪ ГЛУБИНЪ ОКЕАНА. Описаніе путешествія первой германской глубоководной экспедиціи Карла Куна. Переводъ съ нѣмецкаго П. Ю. Шмидта. Съ многочисл. рисунками. 1

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ. 1829—1842 ГГ.

I.

Планъ очерка.—Вопросы достаточно разъясненные: біографія Гоголя, оцѣнка художественнаго и общественнаго значенія его произведеній, пріемы его мастерства.—Вопросы менѣе обслѣдованные: исторія психической жизни художника и связь его творчества съ культурной средой и съ литературными теченіями его эпохи.—Границы очерка: литературная дѣятельность Гоголя отъ 1829 до 1842 г.

О личности Гоголя и его жизни, о заслугахъ его передъ нашимъ обществомъ и о художественной цѣнности его произведеній писано очень много. Все существенное достаточно выяснено, и все-таки тотъ, кто пожелалъ бы теперь вновь заговорить о Гоголѣ, не осужденъ всецѣло повторять старое.

Нашъ очеркъ не ставитъ себѣ цѣлью подробно ознакомить читателя съ біографіей поэта. Гоголь уже нашелъ біографа рѣдкой преданности и еще болѣе рѣдкой добросовѣстности. Кто хочетъ знать, какъ жилъ нашъ писатель, тотъ прочтетъ всю лѣтопись его жизни въ многотомномъ трудѣ В. И. Шенрока, и если читателю случится иной разъ устать при этомъ чтеніи, то онъ, вѣроятно, вспомнитъ, что въ жизни каждаго человѣка, даже и очень крупнаго, всегда бываютъ скучные моменты и мало интересные дни. В. И. Шенрокъ при своей безпредѣльной любви къ Гоголю не дѣлалъ разницы между событіями въ жизни своего кумира: для него всѣ прожитые Гоголемъ дни были полны интереса, и біографъ былъ правъ съ своей точки зрѣнія. Нашъ очеркъ не можетъ и не долженъ претендовать на такое детальное жизнеописаніе. Внѣшнія условія жизни Гоголя будутъ приняты нами въ разсчетъ лишь постольку, поскольку они прямо или косвенно вліяли на его настроеніе или на образъ его мыслей.

Нашъ очеркъ не ставитъ себѣ также главной задачей выясненіе художественной стоимости и общественнаго значенія произведеній Гоголя. Эта стоимость и значеніе давно опредѣлены. Мѣсто, занимаемое комедіями и повѣстями Гоголя въ исторіи нашей словесности, было вѣрно указано еще его современникомъ Бѣлинскимъ. Оцѣнка, имъ произведенная, хотя она и касалась преимущественно эстетической цѣнности критикуемыхъ памятниковъ, достаточно ясно намекала и на ихъ общественную роль. Это

общественное значеніе творчества Гоголя въ связи съ его значеніемъ художественнымъ служило затѣмъ неоднократно предметомъ изслѣдованія. Послѣ Чернышевскаго, Аполлона Григорьева, А. Н. Пыпина и Алексѣя Ник. Веселовскаго едва ли можно сказать что-либо новое по этому вопросу. Для всѣхъ теперь ясна побѣда, одержанная творчествомъ Гоголя надъ старымъ ложнонароднымъ содержаніемъ нашей словесности, надъ условностью ея содержанія и ея формы; всѣ знаютъ, какъ вмѣстѣ съ Пушкинымъ, Гоголь раздѣляетъ славу истинно-народнаго художника, перваго истиннаго реалиста; никто, наконецъ, не станетъ теперь преувеличивать гражданскихъ заслугъ Гоголя и никто, съ другой стороны, не просмотритъ того рѣшительнаго вліянія, какое слова Гоголя оказали на наше самосознаніе.

Такъ же точно едва ли является надобность пересматривать вновь исторію самого процесса художественной работы Гоголя,—исторію его «пріемовъ мастерства». Примѣчанія Н. С. Тихонравова къ его классическому изданію сочиненій нашего автора навсегда освободили историковъ литературы отъ необходимости такого пересмотра.

Если признать, такимъ образомъ, что и біографія поэта, и художественная и общественная стоимость его произведеній, и, наконецъ, самые пріемы его работы достаточно выяснены и описаны, то на долю изслѣдователя, не желающаго ограничиться лишь повтореніемъ, выпадаетъ пересмотръ двухъ до сихъ поръ недостаточно разработанныхъ вопросовъ.

Надлежитъ, во-первыхъ, возстановить съ возможной полнотой исторію психическихъ движеній этой загадочной души художника и, во-вторыхъ, изслѣдовать болѣе подробно то соотношеніе, какое существуетъ между произведеніями Гоголя и современной ему дѣйствительностью, а также и ту взаимную связь, которая объединяетъ его творчество съ творчествомъ предшествовавшихъ и современныхъ ему писателей.

Изъ этихъ двухъ задачъ первая не допускаетъ полнаго рѣшенія. Гоголь унесъ съ собой въ могилу тайну своей души, этой загадочной, сложной души, психическія движенія которой бывали такъ неожиданы и такъ поражали современниковъ. Внутреннія мученія этого страждущаго духа, разрѣшившіяся настоящей душевной болѣзнью — навсегда останутся полуобъяснимой загадкой. Изслѣдователь принужденъ ограничиться лишь догадками—попыткой возстановить ихъ послѣдовательный ходъ по тѣмъ отрывочнымъ словамъ и намекамъ, какіе попадаются въ перепискѣ художника и на нѣкоторыхъ интимныхъ страницахъ его произведеній.

Что же касается вопроса о разъясненіи той связи, какая соединяетъ творчество Гоголя съ міросозерцаніемъ его эпохи и съ ея литературными теченіями, то рѣшеніе этой задачи и возможно, и необходимо для правильной исторической оцѣнки и литературной, и общественной роли нашего писателя.

Поэтъ, какъ и всякій иной дѣятель, во многомъ продуктъ своего

времени и своей среды, какъ бы онъ высоко надъ ними ни возвышался. Въ отношеніи къ Гоголю это тѣмъ болѣе вѣрно, что онъ былъ натурой самобытно русской и западное вліяніе на образъ его мыслей и на его творчествѣ совсѣмъ не сказывалось. Связь между нимъ какъ человѣкомъ и тѣмъ историческимъ моментомъ народной жизни, который онъ пережилъ — связь тѣсная; и въ той же степени тѣсна и связь между его творчествомъ и современнымъ ему литературнымъ движеніемъ. Указать на эту зависимость художника отъ среды, въ кругѣ которой онъ, наблюдатель и поэтъ, вращался, необходимо для возстановленія настоящей перспективы, въ какой намъ должно явиться творчество этого яркаго таланта.

До сей поры историки обыкновенно говорили лишь о томъ впечатлѣніи, какое творчество Гоголя производило на читателей. Картина получалась очень красивая и яркая. Съ момента смерти Пушкина, Гоголь выросталъ на своемъ пьедесталѣ, и созданные имъ художественные образы выступали отчетливо на общемъ литературномъ фонѣ конца 30-хъ и 40-хъ годовъ. Цѣлый періодъ нашего литературнаго развитія получилъ названіе «гоголевскаго» и вполнѣ справедливо въ отношеніи къ Гоголю, и не вполнѣ справедливо относительно тѣхъ писателей, которые до Гоголя или вмѣстѣ съ нимъ трудились надъ одной задачей. Не говоря о ближайшихъ друзьяхъ, о Жуковскомъ и Пушкинѣ, которымъ Гоголь былъ многимъ обязанъ въ развитіи, и своего писательскаго таланта, и своего образа мыслей — у него были обязательства и относительно многихъ второстепенныхъ писателей его времени; пусть Гоголь и превосходилъ всѣхъ этихъ лицъ силой своего поэтическаго дарованія, пусть на нѣкоторыхъ изъ нихъ его творчество оказывало непосредственное и сильное вліяніе — все-таки были среди нихъ лица, которыя прокладывали дорогу самому Гоголю, были также и такія, которыя даже опережали его, если не въ способѣ художественно изображать жизнь, то въ умѣніи иной разъ пристальнѣе къ ней присмотрѣться и замѣтить въ ней то, что, ускользало отъ нашего геніальнаго сатирика или на что, быть можетъ, онъ не хотѣлъ обратить должнаго вниманія. Вотъ это-та связь Гоголя съ его эпохой, связь взаимная — и остается пока не вполнѣ выясненной. Встарину одинъ лишь Бѣлинскій, на глазахъ котораго зрѣлъ Гоголь, оцѣнивалъ его творчество въ связи со всѣми литературными новинками дня. Послѣ Бѣлинскаго, который такъ много способствовалъ къ укрѣпленію славы Гоголя—эта слава окончательно заглушила память о всѣхъ сподвижникахъ нашего писателя и о нихъ забыли. Когда на смѣну Гоголя пришли его ученики—тогда еще меньше было поводовъ вспоминать объ этомъ старомъ*): о немъ приходится, однако, теперь вспомнить и въ исторіи творчества

*) Единственно о чемъ еще говорили, такъ это о вліяніи на Гоголя малороссійской литературы; но установить точно степень этого вліянія очень трудно: оно сказывалось лишь въ самые ранніе годы дѣятельности нашего писателя, а потому при

нашего сатирика должно быть отведено мѣсто работѣ тѣхъ меньшихъ силъ, вмѣстѣ съ которыми ему удалось свершить свое великое дѣло. Разсказъ объ этой совмѣстной работѣ Гоголя и его сподвижниковъ и составитъ задачу нашего очерка.

Мы позволимъ себѣ, однако, одно очень важное ограниченіе въ исполненіи поставленной задачи.

Литературная дѣятельность Гоголя, какъ извѣстно, приняла въ послѣдніе годы его жизни совсѣмъ особое направленіе. Художникъ-бытописатель превратился въ моралиста проповѣдника. Это превращеніе подготовлялось издавна, чуть ли не съ первыхъ шаговъ нашего писателя на литературномъ поприщѣ: никакого рѣзкаго перелома, никакого кризиса его творчество не испытало, но общій характеръ его незамѣтно и постепенно измѣнился. Наступилъ моментъ, когда воплощеніе жизни въ искусствѣ стало Гоголя интересовать меньше, чѣмъ общій религіозно-нравственный смыслъ этой жизни и его проявленіе на практикѣ общественныхъ явленій. Это случилось приблизительно въ серединѣ 40-хъ годовъ, когда первая часть «Мертвыхъ Душъ» была написана, первое полное собраніе сочиненій издано, когда вообще было создано все, что намъ оставилъ Гоголь-художникъ.

Такое преобладаніе размышленія надъ непосредственнымъ творчествомъ совпало въ художникѣ съ повышеніемъ въ нашемъ обществѣ интереса къ вопросамъ общественнаго характера, которые въ концѣ 40 хъ годовъ стали очень настойчиво тревожить мысль нашихъ публицистовъ и художниковъ, до того времени занятыхъ преимущественно вопросами чисто-литературными или общефилософскими.

На долю Гоголя выпала такимъ образомъ совсѣмъ особая роль: въ тридцатыхъ и въ началѣ сороковыхъ годовъ его произведенія были самыми выдающимися литературными явленіями и вокругъ нихъ главнымъ образомъ и закипали всякіе литературные споры; въ художникѣ въ концѣ сороковыхъ годовъ тотъ же Гоголь являлся истолкователемъ разныхъ общественныхъ вопросовъ первостепенной важности. Дѣйствительно, какой бы строгой критикѣ мы ни подвергали его извѣстной «Переписки съ друзьями», мы должны признать, что появленіе этой книги оказало большое вліяніе на возбужденіе нашей общественной мысли и что сама эта книга была отвѣтомъ писателя на тѣ вопросы личной и соціальной этики, которые тогда назрѣвали, отвѣтомъ исчерпывающимъ или поверхностнымъ, вѣрнымъ или невѣрнымъ — это, конечно, вопросъ иной.

Такимъ образомъ, если въ творчествѣ самого Гоголя и не признавать никакихъ рѣзкихъ переломовъ или поворотовъ, то все-таки исто-

---

общей оцѣнкѣ значенія Гоголя, какъ вполнѣ сложившагося писателя, можно и не считаться съ вліяніемъ на него малороссійской словесности: это не значитъ, конечно, что, говоря о нашемъ писателѣ, мы можемъ забыть объ его малороссійскомъ происхожденіи и объ его національныхъ талантахъ и недостаткахъ.

рія его дѣятельности допускаетъ дѣленіе на двѣ эпохи, изъ которой одна характеризуется расцвѣтомъ чисто-художественнаго творчества поэта, а другая—стремленіемъ его осмыслить и понять жизнь, какъ проблему этическую и религіозную.

Разсмотрѣніе этой попытки художника стать судьей и истолкователемъ религіозныхъ, нравственныхъ и общественныхъ нуждъ его эпохи не войдетъ въ предѣлы нашей задачи: оно можетъ составить предметъ совсѣмъ особаго изслѣдованія, въ которомъ о Гоголѣ-поэтѣ не будетъ и рѣчи. Мы же будемъ говорить лишь о тѣхъ годахъ дѣятельности Гоголя, когда онъ былъ исключительно художникомъ и закончимъ обзоръ этой дѣятельности 1842 годомъ, т.-е. годомъ выхода въ свѣтъ первой части «Мертвыхъ Душъ»,—на которой, какъ извѣстно, оборвалась творческая работа нашего писателя.

II.

Народныя черты характера Гоголя. Его настроеніе въ дѣтствѣ.—Странности этого настроенія. — Школьная жизнь. — Мечты о своемъ призваніи и планы будущаго.

Біографію Гоголя принято начинать обыкновенно съ описанія той природы, среди которой онъ выросъ, и съ указанія на основныя черты характера той народности, изъ среды которой онъ вышелъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Малороссія оказала большое вліяніе на развитіе его характера и его поэтическаго дарованія. Гоголь попалъ на сѣверъ лишь на 20-мъ году своей жизни—все свое дѣтство и юность прожилъ онъ въ южной усадьбѣ и въ городѣ Нѣжинѣ, гдѣ учился.

Есть какая-то затаенная грусть въ этой малороссійской природѣ; въ ней нѣтъ ни строгости, ни энергическаго величія природы сѣверной, ни жгучей, страстной красоты настоящаго юга; ея красота по преимуществу томная, мечтательная, какъ какая-то греза безъ ясныхъ очертаній и сильнаго движенія. Народъ, живущій издавна среди этой природы, одаренъ и соотвѣтствующими чертами характера—идиллическимъ настроеніемъ души, переходящимъ иногда въ волевую слабость, грустную мечтательность, которая всегда споритъ съ веселью, живой, но не грандіозной фантазіей. Природа надѣлила малорусскій народъ, кромѣ того, особымъ даромъ — юморомъ, столь типичнымъ для всѣхъ, даже скромныхъ представителей этой народности. Трудно опредѣлить точно, въ чемъ этотъ даръ заключается; иногда это просто комическая жилка—способность оттѣнить въ предметѣ или въ вопросѣ его смѣшную сторону, чтобы позабавиться — такъ, для невинной потѣхи; иногда же это—своеобразный взглядъ на вещи, ищущій въ насмѣшкѣ противовѣса грусти и ограждающій себя смѣхомъ отъ слишкомъ печальныхъ выводовъ и размышленій.

Всѣ эти народныя черты характера сохраняли свою власть и надъ жизнью и творчествомъ Гоголя. Сентиментальное сердце, любящее нѣ-

житься въ грусти, и острый, насмѣшливый умъ — вотъ тѣ двѣ силы, которыя въ немъ никакъ не могли ужиться. Сердце было всегда лирически настроено и на землѣ тосковало по туманному идеальному міру, умъ всегда былъ трезвъ и обладалъ удивительной способностью замѣчать въ этой жизни именно всѣ ея несовершенства, неизбѣжную ложь, грязь и пошлость. Трудно было жить съ такими дарами духа, и Гоголь заплатилъ за нихъ своимъ душевнымъ покоемъ и счастіемъ.

Но еще задолго до того времени, когда зоркость художественнаго взгляда и лиризмъ сердца стали такъ враждовать между собой—еще въ ранніе школьные годы Гоголь сроднился съ тревогою духа.

Какая-то неотвязная мысль, весьма, впрочемъ, неопредѣленная, но мысль во всякомъ случаѣ серьезная и грустная, шла рука объ руку съ тѣмъ весельемъ и той рѣзвостью, какія, судя по воспоминаніямъ товарищей, проявлялъ этотъ хитрый мальчикъ. А онъ былъ хитеръ, скрытенъ и себѣ на умѣ и таковымъ остался всю жизнь, къ немалому огорченію лицъ, которыя думали, что въ душѣ этого человѣка могли читать, какъ въ своей собственной.

Когда позднѣе серьезная сторона жизни пріобрѣла въ его глазахъ гораздо большую цѣну, чѣмъ сторона веселая, когда задумчивость и грусть поколебали совсѣмъ его духовное равновѣсіе— трагедія его души можетъ быть объяснена трудностью того положенія, какое занялъ онъ— художникъ на отвѣтственномъ посту—передъ лицомъ родины, которая, какъ онъ былъ убѣжденъ, ждала отъ него прорицаній. Но любопытно, что еще въ дѣтствѣ у него были проблески этого сознанія отвѣтственности и сознанія своей силы; любопытно, что уже въ его дѣтскихъ интимныхъ рѣчахъ можно подмѣтить въ зародышѣ ту самую мысль, которая его позднѣе такъ мучила — мысль о томъ, что на него возложена какая-то миссія.

Людямъ нерѣдко въ дѣтскомъ возрастѣ приходится считаться съ ударами судьбы. Эти удары на разныхъ людей разно дѣйствуютъ: кого закаляютъ и дѣлаютъ жизнеупорнѣе, кого разслабляютъ и заставляютъ теряться передъ минутой—слѣдствіемъ чего почти всегда бываетъ осадокъ меланхоліи и печали въ сердцѣ человѣка. Гоголю не пришлось испытать такихъ ударовъ въ дѣтствѣ—и не они виноваты въ его ранней грусти.

Въ семьѣ царили любовь и согласіе. Ребенокъ росъ въ довольствѣ, воспитывался, какъ настоящій помѣщичій сынокъ и былъ очень избалованъ. Шалилъ, разсказываютъ, также много. Счастливымъ условіемъ этой дѣтской жизни былъ общій интеллигентный уровень всѣхъ лицъ, которые окружали ребенка. И семья Гоголя, и ея знакомые— были люди, которымъ интересы умственные и литературные не были чужды. Отецъ поэта, какъ извѣстно, былъ авторомъ нѣсколькихъ игривыхъ комедій. Особаго вліянія онъ, впрочемъ, на сына не оказалъ, такъ какъ умеръ очень рано. Если кто вліялъ непосредственно на

ребенка, такъ это его мать — женщина очень религіозная. Ея вліяніе сказалось, по всѣмъ вѣроятіямъ, на томъ повышенномъ религіозномъ чувствѣ, которое всегда, съ юныхъ лѣтъ, было живо въ душѣ ея сына. Она же, вѣроятно, болѣе другихъ и избаловала его. За эти-то попеченія много лѣтъ спустя ей и пришлось выслушать отъ сына нижеслѣдующее наставленіе: «Я очень хорошо помню—писалъ онъ матери въ 1833 году — какъ меня воспитывали. Вы употребляли все усиліе воспитать меня какъ можно лучше. Но, къ несчастію, родители рѣдко бываютъ хорошими воспитателями дѣтей своихъ. Вы были тогда еще молоды, въ первый разъ имѣли дѣтей, въ первый разъ имѣли съ ними обращеніе, и такъ могли ли вы знать, какъ именно должно приступить, что именно нужно? Я помню: я ничего сильно не чувствовалъ, я глядѣлъ на все, какъ на вещи, созданныя для того, чтобы угождать мнѣ. Никого особенно не любилъ, выключая только васъ, и то только потому, что сама натура вдохнула эти чувства» *).

Иногда школа исправляетъ ошибки семьи и излишнее баловство въ семьѣ находитъ себѣ поправку въ школьной дисциплинѣ. Школа кое-чему научила и Гоголя, но только отнюдь не дисциплинѣ. На тринадцатомъ году онъ былъ отданъ въ Нѣжинскій лицей, и веселая жизнь въ усадьбѣ смѣнилась не менѣе веселой жизнью въ корридорахъ училища, въ его саду и въ окрестностяхъ маленькаго провинціальнаго городка, гдѣ, вѣроятно, всѣ жители знали другъ друга по имени и, навѣрное, знали по имени и нашего студента, который много проказничалъ.

По свидѣтельству товарищей, Гоголь особеннымъ прилежаніемъ въ школѣ не отличался; онъ вынесъ изъ аудиторіи мало знаній, и вина въ данномъ случаѣ, едва ли падаетъ на учителей, которые, впрочемъ, также особенными талантами не блистѣли. Нѣжинъ оказалъ вліяніе только на общее развитіе юноши, умственный кругозоръ котораго расширялся въ средѣ талантливыхъ товарищей. Но надъ этимъ расширеніемъ, кажется, больше, другихъ работалъ онъ самъ—кое-что онъ почитывалъ а главное—наблюдалъ; общеніе съ весьма разнообразными классами общества, начиная съ лицейскаго начальства, кончая крестьянами городскихъ предмѣстій, куда онъ часто заглядывалъ, давало не мало пищи его остроумію и фантазіи. Яркій слѣдъ этой изощряющейся наблюдательности остался на его уцѣлѣвшихъ литературныхъ школьныхъ опытахъ и, вѣроятно, этотъ слѣдъ былъ еще болѣе замѣтенъ на тѣхъ его сатирахъ и памфлетахъ, которые онъ писалъ также въ школѣ и которые, къ сожалѣнію, утратились. Много интересовался Гоголь въ эти юношескіе годы и театромъ: онъ ставилъ пьесы и самъ игралъ и, говорятъ, съ большимъ успѣхомъ. Но всего болѣе онъ въ эти годы думалъ, думалъ о самыхъ различныхъ и иногда очень серьезныхъ вопросахъ и они-то и были источникомъ его грусти.

---

*) «Письма Н. В. Гоголя». Редакція *В. И. Шенрока*. Спб. 1901, I. 260.

Стóитъ только перелистать школьную переписку Гоголя, чтобы увидать, какая передъ нами сложная психическая организація. Эта юношеская переписка необычайно важна для характеристики всего склада его души. Ознакомимся же съ этими ранними признаніями, въ которыхъ мы безъ труда узнаемъ совсѣмъ еще юнаго «искателя правды», т.-е. члена той у насъ довольно распространённой семьи моралистовъ отъ рожденія, для которыхъ жизнь—рядъ поводовъ терзать свою душу разными трудными вопросами. Дѣйствительно, въ раннихъ письмахъ Гоголя, передъ нами длинная вереница такихъ серьезныхъ размышленій, иногда изложенныхъ въ удивительно вычурномъ, патетическомъ тонѣ, который звучитъ подчасъ неискренно и непріятно. Но такое вычурное патетическое выраженіе бываетъ нерѣдко прямымъ слѣдствіемъ повышенности очень искренняго чувства, слишкомъ еще интенсивнаго и потому не способнаго изъ нѣсколькихъ выраженій выбирать себѣ наиболѣе подходящее; и у Гоголя, какъ извѣстно, эта вычурность языка всегда проступала наружу, когда онъ говорилъ о чемъ-нибудь сердцу его наиболѣе дорогомъ и близкомъ.

Одна мысль въ его дѣтскихъ письмахъ останавливаетъ на себѣ преимущественно наше вниманіе. Это мысль о томъ, что я — странная натура, иначе, чѣмъ другія, созданная, чувствующая и думающая иначе; куда идти мнѣ и какой избрать родъ дѣятельности, соотвѣтствующій той силѣ, какую я въ себѣ чувствую?

Какъ видимъ, это та же самая мысль, съ которой Гоголь легъ въ могилу.

Гоголь еще въ самую раннюю пору жизни произвелъ себя въ какую-то загадочную натуру и, какъ будто гордился этимъ: онъ почему-то думалъ, что уже успѣлъ испить отъ житейской печали и скорби, что вообще его отношеніе къ жизни совсѣмъ иное, чѣмъ у другихъ людей его возраста. На обыкновенномъ школьномъ языкѣ такое состояніе духа иногда называютъ «ломаньемъ», но если доля такого «ломá» и была въ ранней исповѣди Гоголя, то въ цѣломъ эта исповѣдь все-таки была правдива: что-то необычное и пока неизъяснимое сознавалъ въ себѣ этотъ странный юноша.

Вотъ что онъ пишетъ матери наканунѣ выхода изъ школы: «Я больше испыталъ горя и нуждъ, нежели вы думаете; я нарочно старался у васъ всегда, когда бывалъ дома, показывать разсѣянность, своенравіе и проч., чтобы вы думали, что я мало обтерся, что мало былъ принижаемъ зломъ. Но врядъ ли кто вынесъ столько неблагодарностей, несправедливостей, глупыхъ, смѣшныхъ притязаній, холоднаго презрѣнія и проч. Все выносилъ я безъ упрековъ, безъ роптанія, никто не слыхалъ моихъ жалобъ, я даже всегда хвалилъ виновниковъ моего горя. Правда, я почитаюсь загадкою для всѣхъ; ни кто не разгадалъ меня совершенно. У васъ почитаютъ меня своенравнымъ, какимъ-то несноснымъ педантомъ, думающимъ, что онъ умнѣе всѣхъ, что онъ созданъ на другой ладъ отъ

людей. Вы меня называете мечтателемъ, опрометчивымъ... Нѣтъ я, слишкомъ много знаю людей, чтобы быть мечтателемъ. Уроки, которые я отъ нихъ получилъ, останутся навѣки неизгладимыми, и они—вѣрная порука моего счастія» *).

Читая это письмо, бѣдная Марія Ивановна, вѣроятно, вѣрила каждому слову своего сына, тѣмъ болѣе, что и раньше онъ въ своихъ письмахъ говорилъ ей приблизительно то же, только не все сразу, какъ онъ это сдѣлалъ въ этомъ признаніи. Мы можемъ быть болѣе строги и можемъ увидать въ этихъ словахъ преувеличеніе, которое тѣмъ не менѣе весьма характерно. Преувеличивать Гоголь любилъ и позднѣе: ему всегда казалось, что жизнь на него смотритъ гораздо болѣе страшными глазами, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ; но эти раннія жалобы на одиночество, на неловкое, трудное, страдательное положеніе среди людей—показатели, хоть и неопредѣленнаго, но всетаки весьма задумчиваго отношенія юноши къ тому, мимо чего мы обыкновенно въ юности проходимъ, т.-е. къ общему смыслу жизни, который для большинства теряется за раздробленными впечатлѣніями отдѣльныхъ минутъ и частныхъ будничныхъ столкновеній.

Иногда въ итогѣ такого обобщенія житейскихъ встрѣчъ и явленій получался у нашего мечтателя вызывающій и презрительный отзывъ о людяхъ. Въ письмѣ къ одному пріятелю Гоголь въ такихъ словахъ говорилъ о своей лицейской жизни. «Какъ чувствительно приближеніе выпуска, а съ нимъ и благодѣтельной свободы: не знаю, какъ-то на слѣдующій годъ я перенесу это время! (Рѣчь идетъ объ экзаменахъ)... Какъ тяжело быть зарыту вмѣстѣ съ созданіями низкой неизвѣстности въ безмолвіе мертвое! Ты знаешь всѣхъ нашихъ существователей, всѣхъ, населившихъ Нѣжинъ. Они задавили корою своей земности, ничтожнаго самодовольствія высокое назначеніе человѣка. И между этими существователями я долженъ пресмыкаться... изъ нихъ не исключаются и дорогіе наставники наши. Только между товарищами, и то немногими, нахожу иногда, кому бы сказать что-нибудь. Ты теперь въ зеркалѣ видишь меня. Пожалѣй обо мнѣ! Можетъ быть слеза соучастія, отдавшаяся на твоихъ глазахъ, послышится и мнѣ **)». Все это очень реторично и некрасиво высказано. Но во всей этой тирадѣ и тому подобныхъ, которыхъ въ письмахъ Гоголя не мало, есть и нѣчто истинное и искреннее; это—неясное пока чувство своего превосходства, чувство ничѣмъ еще не оправданное и потому лишь патетически высказанное и взвинченное. Ставить юношѣ въ упрекъ это раннее самомнѣніе, это подчеркиваніе своего отличія отъ всѣхъ остальныхъ людей, это кокетничанье своей загадочностью—можно, но надо помнить, что этотъ порокъ вытекалъ, безсознательно для самого

*) «Письма Н. В. Гоголя» I, 97—98.

**) «Письма Н. В. Гоголя», I, 75.

Гоголя, изъ безспорнаго превосходства его ума и чувства, въ которомъ онъ не давалъ себѣ пока яснаго отчета.

Такое же неопредѣленное честолюбіе и плохо скрытая гордыня видны и въ его мечтаніяхъ о своемъ будущемъ, мечтаніяхъ, которымъ онъ часто отдавался въ школѣ и которыя повѣрялъ охотно своей матери. Это темное предчувствіе славы въ грядущемъ, увѣренность въ великомъ подвигѣ, который его ожидаетъ—явленія довольно обычныя въ юношеской жизни людей крупныхъ. Они не должны удивлять насъ и въ Гоголѣ. Однако, въ этихъ мечтахъ нашего лицеиста о будущей своей славѣ есть нѣчто опять-таки очень своеобразное.

Въ 1826 году, въ веселую и добрую минуту онъ пишетъ матери: «Вы знаете, какой я охотникъ до всего радостнаго. Вы однѣ только видѣли, что подъ видомъ иногда, для другихъ холоднымъ, угрюмымъ, таилось кипучее желаніе веселости (разумѣется не буйной) и часто, въ часы задумчивости, когда другимъ казался я печальнымъ, когда они видѣли или хотѣли видѣть во мнѣ признаки сентиментальной мечтательности, я разгадывалъ науку веселой, счастливой жизни, удивлялся какъ люди, жадные счастія, немедленно убѣгаютъ его, встрѣтившись съ нимъ. Ежели о чемъ я теперь думаю, такъ это все о будущей жизни моей. Во снѣ и на яву мнѣ грезится Петербургъ, съ нимъ вмѣстѣ и служба государству. До сихъ поръ я былъ счастливъ, но ежели счастіе состоитъ въ томъ, чтобы быть довольну своимъ состояніемъ, то не совсѣмъ, — не совсѣмъ до вступленія въ службу, до пріобрѣтенія, можно сказать, собственнаго постояннаго мѣста» *).

Въ другую, печальную минуту, вспоминая своего покойнаго отца, онъ пишетъ матери: «Сладостно мнѣ быть съ нимъ (т.-е. съ образомъ усопшаго), я заглядываю въ него, т.-е. въ себя, какъ въ сердце друга, испытую свои силы для поднятія труда важнаго, благороднаго на пользу отечества, для счастія гражданъ, для блага жизни подобныхъ, и, дотолѣ нерѣшительный, неувѣренный (и справедливо) въ себѣ, я вспыхиваю огнемъ гордаго самосознанія... Чрезъ годъ вступаю я въ службу государственную» **).

«Какъ угодно, почитайте меня, но только съ настоящаго моего поприща вы узнаете настоящій мой характеръ—пишетъ онъ матери, уже прощаясь съ Нѣжиномъ. Вѣрьте только, что всегда чувства благородныя наполняютъ меня, что никогда не унижался я въ душѣ и что я всю жизнь свою обрекъ благу... Вы увидите, что современемъ за всѣ худыя дѣла людей я буду въ состояніи заплатить благодѣяніями, потому что зло ихъ мнѣ обратилось въ добро» ***).

---

*) «Письма Н. В. Гоголя» I, 58, 59.
**) «Письма Н. В. Гоголя» I, 68.
***) «Письма Н. В. Гоголя» I, 98.

Итакъ, скорѣй въ Петербургъ. «Уже ставлю мысленно себя въ Петербургѣ, — мечталъ онъ, — въ той веселой комнаткѣ, окнами на Неву, такъ какъ я всегда думалъ найти себѣ такое мѣсто. Не знаю, сбудутся ли мои предположенія, буду ли я точно живать въ этакомъ райскомъ мѣстѣ или неумолимое веретено судьбы зашвырнетъ меня съ толпою самодовольной черни (мысль ужасная!) въ самую глушь ничтожности, отведетъ мнѣ черную квартиру неизвѣстности въ мірѣ!» *). Читая всѣ эти размышленія о предстоящемъ подвигѣ на благо людей и эти постоянные вздохи о Петербургѣ и службѣ трудно отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ что именно въ данномъ случаѣ такъ разжигало фантазію Гоголя. Было ли это въ самомъ дѣлѣ высокое честолюбіе, унаслѣдованное отъ предковъ, какъ утверждаетъ одинъ біографъ **). Едва ли. Вѣрнѣе предположить, что столь популярное тогда слово «служба» и слово «служеніе» совпадали въ мечтахъ Гоголя о своемъ будущемъ. Дѣйствительно, нашъ художникъ всю жизнь признавалъ себя «служителемъ» общественнаго блага и даже тогда, когда отъ всякихъ честолюбивыхъ плановъ пришлось отказаться, онъ не переставалъ смотрѣть на свою писательскую дѣятельность, какъ на «службу» государству, и раздавалъ направо и налѣво совѣты государственной мудрости. Такъ и въ юные годы слилось у него представленіе о службѣ въ Петербургѣ съ представленіемъ о служеніи на благо ближняго.

Но самое поразительное въ этихъ мечтахъ юноши, это полное молчаніе о писательской карьерѣ: Гоголь настойчиво говоритъ о своемъ желаніи принести людямъ пользу, облагодѣтельствовать ихъ, и кромѣ «службы» онъ не видитъ иного пути для достиженія этой цѣли; онъ какъ будто не желалъ замѣтить, что въ его распоряженіи находится совсѣмъ особый даръ для служенія людямъ. Нельзя, однако, предполагать, что онъ совсѣмъ не сознавалъ въ себѣ этого дара, и потому-то молчаніе о немъ такъ странно. У писателей замѣчается обыкновенно еще въ дѣтствѣ большое пристрастіе и большое довѣріе къ будущему своему излюбленному дѣлу: они дѣтьми о немъ мечтаютъ. Гоголь въ данномъ случаѣ составлялъ исключеніе. Насколько позднѣе онъ высоко цѣнилъ свою писательскую дѣятельность, считая ее боговдохновеннымъ пророчествомъ, настолько небрежно относился онъ къ ней въ ранней юности и даже, какъ сейчасъ увидимъ, въ первые годы своей литературной работы.

А между тѣмъ въ школѣ онъ трудился надъ своимъ литературнымъ образованіемъ довольно усердно и самъ пописывалъ не мало и охотно.

---

*) «Письма Н. В. Гоголя», I, 78.

**) Срав. *А. Кояловичъ*. «Дѣтство и юность Гоголя». «Московскій Сборникъ» С. Шарапова. М. 1887 г., стр. 224.

III.

Литературные опыты въ школѣ.—Неоконченныя историческія повѣсти.—Идиллія «Ганцъ Кюхельгартенъ».—Ея содержаніе и біографическое значеніе.—Туманные идеалы.—Впечатлѣніе, произведенное Петербургомъ.—Неудача съ идиллией.—Бѣгство за границу.—Тревожное состояніе духа и успокоеніе.—Возвращеніе въ Петербургъ и поступленіе на службу.—Работа надъ «Вечерами на хуторѣ».—Ихъ выходъ въ свѣтъ въ 1831 и 1832 гг.

Гоголь пробовалъ свои силы и въ стихахъ, и въ прозѣ, пробовалъ въ разныхъ тонахъ, и веселыхъ, и грустныхъ, и въ различныхъ формахъ, и лирической, и повѣствовательной. Писалъ онъ сатиры и стихи на случай, наполнялъ ими издававшіеся въ лицеѣ рукописные журналы, написалъ какую-то трагедію «Разбойники», набросалъ нѣсколько историческихъ повѣстей и много потрудился надъ идиллией въ стихахъ, которая и была первымъ его произведеніемъ, появившимся въ печати. Біографъ Гоголя замѣтилъ совершенно вѣрно, что въ этихъ юношескихъ произведеніяхъ нашъ писатель предпочиталъ высокій стиль низкому и отдавалъ предпочтеніе патетическимъ темамъ передъ комическими *).

Патетиченъ былъ онъ, когда въ Нѣжинѣ воспѣвалъ Италію, когда впервые съ чужихъ словъ говорилъ объ этой странѣ лимоновъ и миртъ, которая впослѣдствіи стала для него второй отчизной. Онъ воспѣвалъ ее въ стихахъ, не совсѣмъ гладкихъ и звучныхъ, но зато въ мечтахъ предъ нимъ звучали и лились «октавы» Тассо. Патетично настроенъ былъ онъ, когда писалъ свой историческій романъ «Гетьманъ», въ которомъ разсказывалъ страшное преданіе о томъ, какъ нѣкій благочестивый дьяконъ пошелъ усовѣщевать безбожныхъ ляховъ въ ихъ гнѣздо разврата, какъ его повѣсили на соснѣ, какъ затѣмъ посинѣла эта сосна, подобно мертвецу, какъ кивала убійцѣ своей всклокоченной бородою, какъ она сквозь стѣну его спальни простерла къ нему свои колючія вѣтви, съ которыхъ капала на него невинная кровь. И уже въ этомъ романѣ, отъ котораго сохранилась только одна глава, можно было замѣтить мастерство пріемовъ Гоголя въ описаніи природы, въ реализмѣ діалоговъ, въ умѣніи пользоваться фантастичнымъ и страшнымъ. Патетиченъ и страшенъ былъ нашъ молодой писатель и въ другомъ своемъ историческомъ романѣ, когда описывалъ монастырскую темницу, гдѣ «цѣлые лоскутья паутины висѣли темными клоками съ земляного свода, гдѣ обсыпавшаяся со сводовъ земля лежала кучами на полу, гдѣ на одной изъ этихъ кучъ торчали человѣческія кости, гдѣ летавшія молніями ящерицы быстро мелькали по нимъ, гдѣ, наконецъ, сова и летучая мышь были бы красавицами». Ужасъ возбуждалъ нашъ разсказчикъ въ читателѣ, когда гово-

*) *В. И. Шенрокъ.* «Матеріалы для біографіи Гоголя». I, 88.

рилъ о несчастномъ плѣнникѣ, для котораго эта темница была предназначена, плѣнникѣ, который весь съ ногъ до головы былъ увязанъ ружьями, придавленъ пушечнымъ лафетомъ и привязанъ толстымъ канатомъ къ сѣдлу. «Освѣтить бы мѣсячному лучу хоть на минуту этого несчастнаго — и онъ бы (т. е. мѣсяцъ), вѣрно, блеснулъ въ каплях кроваваго пота, катившагося по щекамъ его! Но мѣсяцъ не могъ видѣть лица его, потому что оно было заковано въ желѣзную рѣшотку»... Не всегда, впрочемъ, нашъ авторъ писалъ въ такомъ романтически-ужасномъ стилѣ. Въ третьей своей повѣсти «Страшный кабанъ», уцѣлѣвшей также лишь въ отрывкахъ, онъ набросалъ рядъ жанровыхъ картинокъ изъ малороссійской жизни, въ которыхъ былъ уже видѣнъ авторъ «Вечеровъ на хуторѣ». Здѣсь была дана мѣткая, полная юмора, характеристика школьнаго учителя, тщательно вырисованыя сценки сельской жизни и разсказана очень граціозная, веселая любовная идиллія, которая потомъ будетъ такъ часто попадаться въ его малороссійскихъ повѣстяхъ.

Среди всѣхъ этихъ отрывковъ и литературныхъ плановъ «Ганцъ Кюхельгартенъ»—идиллія въ стихахъ — представляетъ наибольшій интересъ для біографа. Въ художественномъ отношеніи эта идиллія стоитъ неизмѣримо ниже прозаическихъ отрывковъ изъ недописанныхъ романовъ Гоголя, но она имѣетъ совсѣмъ иное значеніе: она документъ, важный для опредѣленія настроенія, въ какомъ находился нашъ мечтатель въ послѣдніе годы своей лицейской жизни. Эта странная греза съ ея героемъ изъ нѣмцевъ и съ обстановкой не русской, была въ сущности страницей изъ жизни самого автора, который скрылся подъ псевдонимомъ. Гоголь вложилъ много души въ эту сентиментальную повѣсть, которая причинила ему затѣмъ столько огорченій. Въ ней, безспорно, были самыя свѣжія воспоминанія и намеки на собственныя думы и впечатлѣнія, что между прочимъ, подтверждается сходствомъ нѣкоторыхъ строфъ этой идилліи съ письмами Гоголя послѣднихъ лѣтъ его лицейской жизни. В. И. Шенрокъ далъ убѣдительные примѣры такихъ совпаденій *) и тѣмъ самымъ рѣшилъ вопросъ и объ оригинальности «Ганца». Давно было указано на довольно извѣстную идиллію Фосса «Луиза», какъ на оригиналъ, который могъ служить Гоголю образцомъ для его «Ганца»—предположеніе, которое напрашивалось въ виду общаго тона и сентиментальнаго настроенія въ этихъ двухъ памятникахъ. Сходство это однако чисто-внѣшнее, и у Фосса нѣтъ и намека на тотъ типъ, который данъ въ самомъ Ганцѣ. Но если даже и предположить въ данномъ случаѣ заимствованіе, то оно ничуть не измѣняетъ стоимости этого перваго опыта для біографа Гоголя. Западный образецъ надо въ крайнемъ случаѣ признать не за ориги-

*) *В. И. Шенрокъ.* «Матеріалы для біографіи Гоголя» I, 159.

налъ, съ котораго Гоголь списывалъ, а за предлогъ, который натолкнулъ Гоголя на мысль воспользоваться сходной внѣшней формой для выраженія своего внутренняго чувства. Припомнимъ содержаніе этой юношеской грезы.

Подъ тѣнью липъ стоитъ уютный домикъ пастора... Патріархальную жизнь ведутъ его обитатели. Старый пасторъ среди мирной своей семьи какъ бы предвкушаетъ вѣчный миръ небесныхъ селеній и веселая весенняя природа улыбается ему, какъ вѣстникъ вѣчнаго свѣта, тепла и радости. Семья его не велика, но зато при немъ его Луиза, рѣзвая, свѣжая, любящая, какъ ангелъ-посѣтитель, озаряющая закатъ его дней. Все бы обстояло въ этой семьѣ благополучно, когда бы только не Ганцъ. Странный человѣкъ этотъ Ганцъ! Онъ вѣрно боленъ. Онъ обнаруживаетъ всѣ симптомы романическаго душевнаго разстройства. Въ часъ полночи, часъ мечтаній, сидитъ онъ за книгою преданій и перевертывая листы, ловитъ въ ней только нѣмыя буквы. Онъ живетъ въ вѣкахъ прошлыхъ; очарованъ чудесной мыслью, сидитъ онъ подъ сумрачной тѣнью дуба и простираетъ руки къ какой-то тайной тѣни. Онъ страдаетъ отъ прозы жизни, его тянетъ вдаль, вдаль не только пространства, но и времени. Онъ вздыхаетъ по древней Греціи, по ея свободѣ, славнымъ дѣламъ и прекраснымъ созданіямъ искусства.

И Ганцъ рѣшается бѣжать, пропѣвъ предварительно подъ окномъ своей невѣсты прощальную пѣсню. Гоголь, конечно, читалъ Байрона, такъ какъ не даромъ, когда Ганцъ, постоявъ нѣкоторое время въ раздумьи, удаляется, окутанный туманомъ, подъ вой вѣтра—

Вѣрный песъ какъ бы въ укоръ
Пролаялъ звучно на весь дворъ.

Въ эту ночь разлуки Луиза видѣла тяжелый сонъ; ей приснилось, что она въ темной пустынѣ, что вокругъ нея туманъ и глушь... По примѣру Татьяны, которая видѣла тотъ же сонъ, Луиза поспѣшила найти разгадку своего сновидѣнія и вообще бѣгства Ганца въ его собственномъ кабинетѣ. Вмѣстѣ съ матерью онѣ начали рыться въ его книгахъ и романтическая тайна обнаружилась:

Вотъ входятъ въ комнату онѣ,
Но въ ней все пусто. Въ сторонѣ
Лежитъ въ густой пыли томъ давній
Платонъ и Шиллеръ своенравный.
Петрарка, Тикъ, Аристофанъ,
Да позабытый Винкельманъ.

Подборъ книгъ чрезвычайно любопытный. Это—библіотека, въ которую вошли всѣ лучшіе выразители тѣхъ поэтическихъ мотивовъ, которые преобладаютъ въ поэзіи самого Гоголя. Платонъ и Шиллеръ, какъ пѣвцы того міра идей, тоска по которомъ не покидала нашего

писателя во всѣ моменты его жизни; Петрарка, какъ пѣвецъ неземной любви, влюбленный въ воздушный женскій образъ, которымъ бредила разгоряченная фантазія поэта; Аристофанъ—Гоголь аѳинской республики; Винкельманъ—восторженный жрецъ античной красоты и, наконецъ, Тикъ, средневѣковой Паладинъ, кудесникъ, живущій въ такомъ ладу со всѣмъ міромъ привидѣній.

Цѣлыхъ два года пространствовалъ Ганцъ, помышляя о жертвахъ слѣпой бренности. Старикъ тѣмъ временемъ умеръ, надъ его могильнымъ холмомъ шумятъ смиренно два зеленыхъ явора... А Луиза?.. она ходитъ на его могилу и опершись лилейной рукой на урну сидитъ долго въ раздумьи. Она въ своей томной грусти какъ серафимъ, который тоскуетъ о пагубномъ паденіи человѣка. Она по прежнему ждетъ Ганца. Наконецъ онъ возвращается. Но кто бы узналъ въ немъ прежняго Ганца? Житейскій опытъ превратилъ юношу въ старца. Его житейская мудрость свелась къ правилу, которое гласило, что если въ человѣкѣ нѣтъ желѣзной воли и силъ исполнить великое предназначеніе, то лучше въ скромной тишинѣ протекать по полю жизни, довольствоваться скромной семьей и не внимать шуму свѣта. Такъ дѣйствительно и поступилъ Ганцъ, вернувшись къ своей Луизѣ. Тяжкій сонъ страданій спалъ съ его души, онъ переродился живой и спокойный, женясь на Луизѣ... и потекли для нашего Ганца мирные годы счастья.

Ганцъ — портретъ самого Гоголя, конечно идеализированный, но въ основныхъ чертахъ вѣрный. Тревожное состояніе духа, неясность желаній, тоска по какому-то идеалу, стремленіе вдаль, на поиски за чѣмъ-то непонятнымъ, недовольство скромной дѣйствительностью—всѣ эти приступы романтической болѣзни испыталъ на себѣ очень рано и Гоголь. Въ одномъ только идиллія не совпала съ жизнью поэта—онъ не примирился и не пожелалъ въ скромной тишинѣ «протекать по полю жизни»—онъ всю жизнь тосковалъ по великомъ дѣлѣ и по высокомъ идеалѣ; онъ искалъ его сначала вокругъ себя, потомъ вдали, наконецъ въ себѣ самомъ и, измученный этими поисками умеръ.

Подводя общій итогъ всѣмъ разрозненнымъ намекамъ, которые мы находимъ въ юношескихъ письмахъ Гоголя и въ его раннихъ литературныхъ опытахъ, мы получаемъ въ высшей степени неясное впечатлѣніе о складѣ его ума и вообще объ его настроеніи. Ясно только одно, что передъ нами очень сложная натура, нервная, въ которой настроенія мѣняются очень часто, склонная отъ природы къ меланхоліи; натура очень гордая и скрытная, съ очень высокимъ мнѣніемъ о себѣ и увѣренная въ томъ, что она современемъ оправдаетъ это самомнѣніе; натура богато одаренная литературнымъ талантомъ, съ умомъ рѣзкимъ, саркастическимъ и насмѣшливымъ и съ сердцемъ, полнымъ самаго расплывчатаго лиризма. Какая на его долю выпадетъ дѣятельность, мальчикъ

пока не знаетъ, и только смутное представленіе о службѣ государству окрашиваетъ въ розовый цвѣтъ всѣ его надежды на будущее. Съ этой службой тѣсно связано у него понятіе вообще о плодотворной дѣятельности на пользу людей, которые ждутъ отъ него чего то и которыхъ онъ, очевидно, любитъ, хотя и самой неясной, чисто сентиментальной мечтательной любовью. Въ этой любви нѣтъ никакихъ положительныхъ идеаловъ, на защиту которыхъ она должна быть направлена; все сводится къ туманнымъ, но заманчивымъ словамъ «добро» и «благо». Ко всѣмъ этимъ чувствамъ и размышленіямъ примѣшивается кромѣ того иногда настроеніе религіозное, правда не очень часто; и затѣмъ нѣкоторое ощущеніе тяготы дѣйствительностью: нашъ мечтатель тоскуетъ по иному порядку жизни, чѣмъ тотъ сѣрый, будничный, среди котораго ему приходится вращаться. Это представленіе объ иномъ порядкѣ жизни не связано опять-таки ни съ какимъ опредѣленнымъ понятіемъ объ условіяхъ реальнаго существованія, это просто ощущеніе разлада между мечтой и дѣйствительностью, между туманнымъ желаемымъ и оскорбительно яснымъ настоящимъ—разлада, который особенно ощутительно чувствуютъ натуры мечтательныя, сентиментальныя или, какъ ихъ иногда называютъ, «романтическія».

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, нашъ мечтатель и философъ болѣе чѣмъ кто либо умѣетъ въ этой сѣрой дѣйствительности найти и оттѣнить то, что всегда помогаетъ переносить ея однообразіе---а именно ея смѣшную сторону. Многое весьма серьезное и глубокое угадываетъ онъ, этотъ еще неопытный искатель правды, и кажется только одного не подозрѣваетъ пока, это — своего призванія какъ художника. И, даже позднѣе, когда придется ему убѣдиться въ силѣ своего художественнаго таланта, онъ и тогда не съумѣетъ оцѣнить его какъ слѣдуетъ: все ему будетъ казаться, что этотъ талантъ цѣненъ не самъ по себѣ, а лишь тѣми нравственными истинами, которымъ онъ служитъ.

Такова была эта мятежная душа, когда она сочиняла свою мирную идиллію:

Живаго юности стремленья
Такъ испестрялися мечты.
Порой, небеснаго черты,
Души прекрасной впечатлѣнья
На немъ лежали; но чего,
Въ волненьяхъ сердца своего,
Искалъ онъ думою неясной,
Чего желалъ, чего хотѣлъ
Къ чему такъ пламенно летѣлъ
Душой и жадною, и страстной
Какъ будто міръ желалъ обнять,
Того и самъ не могъ понять.
Ему казалось душно, пыльно
Въ сей позаброшеной странѣ,

И сердце билось сильно, сильно
По дальней, дальней сторонѣ.
Тогда когда бъ вы повидали,
Какъ воздымалась буйно грудь,
Какъ взоры гордо трепетали,
Какъ сердце жаждало прильнуть
Къ своей мечтѣ, мечтѣ неясной,
Какой въ немъ пылъ кипѣлъ прекрасной;
Какая жаркая слеза
Живые полнила глаза! («Ганцъ Кюхельгартенъ», Картина V).

Въ такомъ восторженно-неясномъ настроеніи былъ нашъ мечтатель, когда приходили къ концу годы его школьной жизни. Тягость этого настроенія была имъ глубоко прочувствована; онъ ждалъ избавленія и примиренія и оно рисовалось ему вдали какъ награда за всѣ его тревоги. Юноша нашъ разсуждалъ такъ:

Благословенъ тотъ дивный мигъ,
Когда въ порѣ самопознанья,
Въ порѣ могучихъ силъ своихъ,
Тотъ, небомъ избранный, постигъ
Цѣль высшую существованья;
Когда не грезъ пустая тѣнь,
Когда не славы блескъ мишурный
Его тревожатъ ночь и день,
Его влекутъ въ міръ шумный, бурный;
Но мысль и крѣпка, и бодра
Его одна объемлетъ, мучитъ
Желаньемъ блага и добра;
Его трудамъ великимъ учитъ.
Для нихъ онъ жизни не щадитъ.
Вотще безумно чернь кричитъ:
Онъ твердъ средь сихъ живыхъ обломковъ
И только слышитъ, какъ шумитъ
Благословеніе потомковъ. («Ганцъ Кюхельгартенъ», Картина XVII. Дума).

Вѣроятно, что это благословеніе потомковъ слышалось издали и нашему мечтателю, когда наконецъ насталъ желанный мигъ и онъ садился въ тарантасъ, чтобы ѣхать въ Петербургъ на службу.

Въ самыхъ радужныхъ цвѣтахъ рисовалась ему наша сѣверная столица — арена «гражданскихъ» его подвиговъ... Тѣмъ тяжелѣе и оскорбительнѣе было разочарованіе.

На самомъ дѣлѣ, ничего особенно грустнаго и печальнаго съ Гоголемъ въ Петербургѣ не случилось; никакія бѣды на голову его не падали—произошло самое обыкновенное: холеный ребенокъ попалъ въ чужой городъ, гдѣ никому до него не было дѣла и гдѣ, ни отъ жизни, ни отъ людей нельзя было ждать ласки, а Гоголь въ ней всегда нуждался.

Заставимъ его самого разсказать намъ о томъ, чѣмъ ему Петербургъ такъ не понравился; мы увидимъ, что главная причина недовольства—

было именно отсутствіе ласки и красоты въ его Петербургской обстановкѣ и отсутствіе вообще подъема духа въ этой для него новой, сѣрой и мелко-дѣловитой жизни. Первый разъ молодому фантазеру пришлось испытать на дѣлѣ разладъ мечты и дѣйствительности, и на первыхъ порахъ этотъ разладъ явился передъ нимъ въ очень несложномъ обычномъ и пока милостивомъ своемъ видѣ.

«Скажу вамъ—пишетъ онъ матери—что Петербургъ мнѣ показался вовсе не такимъ, какъ я думалъ. Я его воображалъ гораздо красивѣе, великолѣпнѣе, и слухи, которые распускали другіе о немъ, также лживы. Жить здѣсь несравненно дороже, нежели думали. Это заставляетъ меня жить какъ въ пустынѣ: я принужденъ отказаться отъ лучшаго своего удовольствія — видѣть театръ. Если я пойду разъ, то уже буду ходить часто: а это для меня накладно т.-е. для моего неплотнаго кармана...» *)

«Каждая столица вообще характеризуется своимъ народомъ, набрасывающимъ на нее печать національности—пишетъ онъ въ другомъ письмѣ. На Петербургѣ же нѣтъ никакого характера: иностранцы, которые посѣлились сюда, обжились и вовсе не похожи на иностранцевъ; а русскіе, въ свою очередь, объиностранились и сдѣлались ни тѣмъ, ни другимъ. Тишина въ немъ необыкновенная, никакой духъ не блеститъ въ народѣ, все служащіе да должностные, всѣ толкуютъ о своихъ департаментахъ да коллегіяхъ, все погрязло въ трудахъ, въ которыхъ безплодно издерживается жизнь ихъ» **).

Очевидно, что взглядъ на «службу» у нашего мечтателя нѣсколько измѣнился и если Гоголь все таки продолжалъ искать этой службы для себя, то это надо объяснять уже не прежнимъ романтическимъ увлеченіемъ «службой какъ средствомъ работать на благо людей, а менѣе сложными соображеніями чисто-матеріальнаго свойства.

Кажется, что отчасти, эти же соображенія побудили Гоголя попытать свое счастье и на иномъ поприщѣ, чѣмъ служебное, а именно, на литературномъ. Говоримъ кажется, потому что прямыхъ указаній на мотивы, которые заставили Гоголя печатать то, что у него накопилось въ портфелѣ, и приступить къ новой работѣ у насъ нѣтъ. Въ своихъ письмахъ онъ говоритъ о своихъ литературныхъ планахъ неопредѣленно и не достаточно откровенно. Одно только ясно: въ этихъ письмахъ не видно совсѣмъ увлеченія своей литературной работой, въ нихъ нѣтъ того увѣреннаго тона, по которому мы могли бы заключить, что эта работа—его истинное «дѣло», его святое призваніе. И позднѣе, въ самый разгаръ работы надъ «Вечерами на хуторѣ», онъ все будетъ напирать на непосредственную выгоду, которую онъ можетъ получить отъ своей работы, и будетъ очень трезво говорить о томъ, о чемъ другой—столь

*) «Письма Н. В. Гоголя» I, 115.
**) «Письма Н. В. Гоголя» I, 117.

же даровитый художникъ, какъ онъ—сталъ бы говорить совсѣмъ иначе! Какъ бы то ни было, но вскорѣ послѣ пріѣзда въ Петербургъ Гоголь рѣшилъ напечатать своего «Ганца».

Нашъ авторъ едва ли могъ ожидать матеріальныхъ выгодъ отъ продажи этой идилліи, но, можетъ быть, онъ думалъ, что ея успѣхъ облегчитъ ему вообще дальнѣйшую его литературную работу. Онъ выпустилъ идиллію въ свѣтъ, однако, анонимно. На обложкѣ значилось, что она сочинена В. Аловымъ, а въ предисловіи говорилось отъ лица какихъ-то мнимыхъ издателей, что авторъ ея восемнадцатилѣтній юноша, что сама идиллія представляетъ изъ себя лишь разрозненные отрывки, что главный характеръ главнаго героя не дорисованъ, но что все таки издатели гордятся тѣмъ, что по возможности споспѣшествовали свѣту ознакомиться съ созданіемъ юнаго таланта. Какъ видимъ это не совсѣмъ скромное предисловіе отзывалось нѣсколько рекламой. Но она не спасла идиллію.

«Ганцъ» былъ принятъ критикой враждебно. Сначала «Московскій Телеграфъ», а затѣмъ «Сѣверная Пчела» расправились съ нимъ жестоко—такъ, по крайней мѣрѣ казалось автору, который впалъ въ отчаяніе и самъ предалъ казни своего первенца: онъ отобралъ изъ книжныхъ лавокъ и сжегъ почти всѣ экземпляры. Судъ былъ нѣсколько поспѣшный, тѣмъ болѣе, что критика, осудивъ этотъ юношескій опытъ, все-таки признала, что въ авторѣ замѣтно воображеніе и способность писать хорошіе стихи. Но самолюбіе Гоголя границъ и тогда уже не имѣло и этой суровой расправой со своей книгой онъ спасалъ себя отъ непріятныхъ намековъ и напоминаній въ будущемъ. Дѣйствительно, такъ какъ идиллія была написана и напечатана въ большомъ секретѣ отъ всѣхъ, даже близкихъ друзей, и такъ какъ съ книжнаго рынка она исчезла, то уязвленный авторъ могъ безъ опасеній забыть о ней—что онъ и сдѣлалъ.

Но эта неудача, довольно обычная въ жизни начинающихъ писателей, произвела въ первую минуту на Гоголя самое тягостное впечатлѣніе и очень своеобразно отразилась на его жизни.

Нашъ писатель вдругъ, совсѣмъ неожиданно, рѣшился покинуть Россію. Это было одно изъ тѣхъ мгновенныхъ рѣшеній, одна изъ тѣхъ выходокъ, на какія часто бываютъ способны нервныя натуры. Смятеніе духа въ Гоголѣ было сильное и оно ясно выразилось въ томъ любопытномъ письмѣ, которое онъ написалъ матери, извѣщая ее о своемъ внезапномъ отъѣздѣ за границу. Въ письмѣ рядомъ съ явною ложью были и искреннія строки, очень цѣнныя.

«Я чувствую налегшую на меня справедливымъ наказаніемъ тяжкую десницу Всемогущаго!—писалъ Гоголь. Безумный! Я хотѣлъ было противиться этимъ вѣчно-неумолкаемымъ желаніямъ души, которыя одинъ Богъ вдвинулъ въ меня, претворивъ меня въ жажду, ненасытимую бездѣйственною разсѣянностью свѣта. Онъ указалъ мнѣ путь въ землю

чуждую, чтобы я тамъ воспиталъ свои страсти въ тишинѣ, въ уединеніи, въ шумѣ вѣчнаго труда и дѣятельности, чтобы я самъ по нѣсколькимъ ступенямъ поднялся на высшую, откуда бы былъ въ состояніи разсѣевать благо и работать на пользу міра. И я осмѣлился откинуть эти Божественные помыслы и пресмыкаться въ столицѣ здѣшней между сими служащими, издерживающими жизнь такъ безплодно. Пресмыкаться другое дѣло тамъ, гдѣ каждая минута жизни не утрачивается даромъ, гдѣ каждая минута — богатый запасъ опытовъ и знаній; но изжить тамъ вѣкъ, гдѣ не представляется совершенно впереди ничего, гдѣ всѣ лѣта, проводимыя въ ничтожныхъ занятіяхъ, будутъ тяжкимъ упрекомъ звучать душѣ,—это убійственно!»

«Я рѣшился служить здѣсь во что бы ни стало; но Богу не было угодно. Вездѣ совершенно я встрѣчалъ однѣ неудачи и, что всего страннѣе, тамъ, гдѣ ихъ вовсе нельзя было ожидать».

Гоголь разсказывалъ въ этомъ письмѣ дальше что, съ нимъ случилось великое несчастіе: онъ влюбился до безумія; все въ мірѣ стало для него чуждо, адская тоска со всевозможными муками закипѣла въ его душѣ; онъ въ порывѣ бѣшенства кипѣлъ упиться однимъ только взглядомъ и потому созналъ необходимость бѣжать отъ самого себя.

Вся эта пламенная исповѣдь была, однако, чистой выдумкой; послѣ тщательной провѣрки всего біографическаго матеріала оказывается, что никакой такой дамы не было, которая такъ неожиданно погнала бы Гоголя изъ Петербурга. Онъ просто подыскивалъ правдоподобный мотивъ, который могъ бы въ глазахъ матери объяснить его странное поспѣшное бѣгство изъ Россіи.

«Не огорчайтесь, добрая, несравненная маменька!—продолжалъ онъ въ томъ же письмѣ. Этотъ переломъ для меня необходимъ. Это училище непремѣнно образуетъ меня: я имѣю дурной характеръ, испорченный и избалованный нравъ (въ этомъ признаюсь я отъ чистаго сердца): лѣнь и безжизненное для меня здѣсь пребываніе непремѣнно упрочили бы мнѣ ихъ навѣкъ. Нѣтъ, мнѣ нужно передѣлать себя, переродиться, оживиться новой жизнью, расцвѣсть силою души въ вѣчномъ трудѣ и дѣятельности, и если я не могу быть счастливъ (нѣтъ, я никогда не буду счастливъ для себя: это божественное существо вырвало покой изъ груди моей и удалилось отъ меня)—по крайней мѣрѣ, всю жизнь посвящу для счастія и блага себѣ подобныхъ *).

Всѣ эти восторженныя обѣщанія для насъ не новость, мы встрѣчали ихъ еще въ письмахъ лицеиста и должны признать ихъ и въ данномъ случаѣ не за рисовку, а лишь за неумѣлое выраженіе искренняго порыва восторженной души, все еще не утратившей вѣры въ возможность работать на «благо» и «счастіе» ближняго.

Врожденная сентиментальность и восторженность, не убитая петер-

*) «Письма Н. В. Гоголя» I, 123, 129.

бургской прозой, а лишь обманутая и раздразненная, она-то и заставила нашего мечтателя бѣжать въ чужіе края, искать за границей Россіи желаннаго совпаденія мечты и дѣйствительности; бѣжать безъ оглядки на послѣднія деньги, унося съ собой все-таки надежду совершить нѣчто «полезное». Это неудержимое влеченіе вдаль, которое Гоголь подмѣтилъ въ себѣ самомъ еще тогда, когда вручилъ своему Ганцу Кюхельгартену странническій посохъ, эта надежда найти за предѣлами Россіи разгадку тѣхъ вопросовъ, на которые его наводила жизнь— остались навсегда характерными чертами его психической организаціи. Онъ въ трудныя минуты всегда будетъ помышлять о бѣгствѣ.

Такой попыткой бѣжать отъ призраковъ, обступившихъ его душу, и была его первая поѣздка за границу. Приблизительно въ этомъ же смыслѣ истолковывалъ эту поѣздку и самъ авторъ когда много лѣтъ спустя писалъ въ своей «Авторской исповѣди»: «Я никогда не имѣлъ влеченія или страсти къ чужимъ краямъ, я не имѣлъ также того безотчетнаго любопытства, которымъ бываетъ снѣдаемъ юноша, жадный впечатлѣній Но, странное дѣло, даже въ дѣтствѣ, даже во время школьнаго ученья, даже въ то время, когда я помышлялъ только объ одной службѣ, а не о писательствѣ, мнѣ всегда казалось, что въ жизни моей мнѣ предстоитъ какое-то большое самопожертвованіе и что, именно для службы моей отчизнѣ, я долженъ буду воспитаться гдѣ-то вдали отъ нея. Я не зналъ, ни какъ это будетъ, ни почему это нужно; я даже не задумывался объ этомъ, но видѣлъ самого себя такъ живо въ какой-то чужой землѣ тоскующимъ по своей отчизнѣ; картина эта такъ часто меня преслѣдовала, что я чувствовалъ отъ нея грусть. Какъ бы то ни было, но это противувольное мнѣ самому влеченіе было такъ сильно, что не прошло пяти мѣсяцевъ по прибытіи моемъ въ Петербургъ, какъ я сѣлъ уже на корабль, не будучи въ силахъ противиться чувству, мнѣ самому непонятному. Проектъ и цѣль моего путешествія были очень неясны. Я зналъ только то, что ѣду вовсе не затѣмъ, чтобы наслаждаться чужими краями, но скорѣе, чтобы натерпѣться, точно какъ бы предчувствовалъ, что узнаю цѣну Россіи только внѣ Россіи и добуду любовь къ ней вдали отъ нея» *).

Всѣхъ этихъ мыслей о Россіи у Гоголя въ 1829 году, конечно, не было; онѣ сложились и приняли такой настойчивый характеръ позднѣе, но надежда на то, что вдали ждетъ что-то, что обѣщаетъ и прояснѣніе мысли, и успокоеніе взволнованнаго чувства, эта надежда могла въ душѣ Гоголя зародиться и въ очень ранніе годы.

Гоголь пробылъ за границей всего лишь три мѣсяца и поспѣшно вернулся обратно. Какъ можно судить по нѣкоторымъ весьма немногочисленнымъ письмамъ, состояніе его духа за этотъ срокъ времени было очень смутное. Его охватило знакомое намъ непонятное вол-

*) «Сочиненія Гоголя. X-ое изданіе», 1839 IV, 260.

неніе, которое выражалось теперь въ сѣтованіяхъ на Бога, зачѣмъ Онъ, создавъ такое единственное или, по крайней мѣрѣ, рѣдкое въ мірѣ сердце, какъ его, создавъ такую душу, пламенѣющую жаркою любовью ко всему высокому и прекрасному, облекъ ее въ такую грубую оболочку? Гоголь какъ будто угадывая, что о немъ будетъ говорить потомство, спрашивалъ Бога, зачѣмъ онъ допустилъ въ его душѣ такую страшную смѣсь противорѣчій, упрямства, дерзкой самонадѣянности и самаго униженнаго смиренія?

Но смѣна впечатлѣній все-таки свое дѣло сдѣлала. Новая обстановка и новые люди заинтересовали Гоголя, и онъ въ письмахъ своихъ къ матери очень подробно и спокойно разсказываетъ о томъ, что ему пришлось видѣть новаго въ Любекѣ и Гамбургѣ, двухъ городахъ, дальше которыхъ онъ и не поѣхалъ. Впрочемъ, мечта и въ данномъ случаѣ значительно опередила дѣйствительность. Онъ ожидалъ отъ чужихъ странъ большаго. Онъ думалъ, что любопытство его будетъ разгораться постепенно. «Ничего не бывало. Я въѣхалъ (въ Любекъ) такъ, какъ бы въ давно знакомую деревню, которую привыкъ видѣть часто. Никакого особеннаго волненія не испыталъ я». Но въ этомъ отсутствіи волненія, быть можетъ, и заключался самый осязательный и благотворный результатъ путешествія. Гоголь самъ это чувствовалъ, когда писалъ матери, что теперь онъ въ силахъ занять въ Петербургѣ предлагаемую должность, что новыя занятія дадутъ силу его душѣ быть равнодушнѣе и невнимательнѣе къ мірскимъ горечамъ. Нашъ странникъ, повидимому, настолько успокоился, что былъ даже въ состояніи довольно трезво обсудить свой собственный поступокъ. «Вотъ вамъ мое признаніе—писалъ онъ матери по поводу своей первой поѣздки:—одни только гордые помыслы юности, проистекавшіе, однако-жъ, изъ чистаго источника, изъ одного только пламеннаго желанія быть полезнымъ, не будучи увѣряемы благоразуміемъ, завлекли меня слишкомъ далеко *)». Тотъ-же трезвый тонъ слышится и черезъ мѣсяцъ, когда Гоголь уже рѣшилъ поскорѣй вернуться во свояси. «Въ скоромъ времени я надѣюсь опредѣлиться на службу, писалъ онъ матери. Тогда съ обновленными силами примусь за трудъ и посвящу ему всю жизнь свою. Можетъ быть, Богу будетъ угодно даровать мнѣ возможность загладить современемъ мой безразсудный поступокъ»**).

Онъ и загладилъ его очень скоро, возвратясь въ Петербургъ и поступивъ въ первыхъ мѣсяцахъ 1830 года, на службу въ департаментъ удѣловъ.

Этотъ годъ и два за нимъ слѣдующихъ—эпоха очень знаменательная въ жизни Гоголя: это годы созданія его «Вечеровъ на хуторѣ», съ которыхъ началась его литературная слава и вмѣстѣ съ тѣмъ пер-

*) «Письма Н. В. Гоголя» I, 136.

**) «Письма Н. В. Гоголя» I, 138.

вые годы сознательной выработки въ себѣ художника подъ непосредственнымъ вліяніемъ Жуковскаго и Пушкина, съ которыми Гоголь въ это время познакомился и очень быстро сошелся.

За исключеніемъ этихъ знакомствъ, кругъ которыхъ постепенно расширялся, во внѣшней жизни Гоголя никакихъ особыхъ перемѣнъ не произошло. Онъ служилъ на маленькомъ мѣстѣ, жалованье получалъ весьма скромное, порой нуждался и на эту нужду жаловался. Свои финансовые недочеты пополнялъ частью заказной литературной работой, отчасти уроками и гувернерствомъ. Во всякомъ случаѣ, сѣрая и прозаическая сторона жизни была для него ощутима не меньше, чѣмъ прежде и быть можетъ она давала себя чувствовать еще сильнѣе теперь, когда въ обществѣ Жуковскаго и Пушкина, разгорался въ Гоголѣ энтузіазмъ художника и міръ художественной мечты пріобрѣталъ для него особую прелесть.

Однимъ изъ способовъ смягчить тяготу прозаической жизни была и работа надъ малороссійскими повѣстями и сказками, изъ которыхъ потомъ составились «Вечера на хуторѣ». Эти повѣсти, съ одной стороны, должны были принести матеріальную пользу, съ другой—дать писателю возможность позабыться въ мечтахъ.

Писались эти разсказы довольно долго—цѣлыхъ три года, съ 1829 до 1831 г.—и авторъ, созидая ихъ, на первыхъ порахъ менѣе всего думалъ объ ихъ литературной цѣнности: онъ не угадывалъ ихъ силы и значенія, и говорилъ о нихъ совсѣмъ не такъ, какъ художникъ говоритъ о своемъ любимомъ твореніи.

«Теперь, почтеннѣйшая маменька, теперь васъ прошу сдѣлать для меня величайшее изъ одолженій — пишетъ онъ матери въ 1829 г.— Вы много знаете обычаи и нравы малороссіянъ нашихъ и потому вы не откажетесь сообщать мнѣ ихъ въ нашей перепискѣ. Это мнѣ очень, очень нужно... Я ожидаю отъ васъ описанія полнаго наряда сельскаго дьячка, отъ верхняго платья до самыхъ сапоговъ, съ поименованіемъ, какъ это все называлось у самыхъ закоренѣлыхъ, самыхъ древнихъ самыхъ наименѣе перемѣнившихся малороссіянъ... Еще обстоятельное описаніе свадьбы, не упуская ни малѣйшихъ подробностей... Еще нѣсколько словъ о колядкахъ, о Иванѣ Купалѣ, о русалкахъ. Если есть, кромѣ того, какіе-либо духи или домовые, то о нихъ подробнѣе, съ ихъ названіями и дѣлами. Множество носится между простымъ народомъ повѣрій, страшныхъ сказавій, преданій, разныхъ анекдотовъ и проч. Все это будетъ для меня чрезвычайно занимательно... Еще прошу васъ выслать мнѣ двѣ папинькины малороссійскія комедіи: «Овца-собака» и «Романа съ Параскою». Здѣсь такъ занимаетъ всѣхъ все малороссійское, что я постараюсь попробовать, нельзя ли одну изъ нихъ поставить на здѣшній театръ. За это, по крайней мѣрѣ, достался бы мнѣ хотя небольшой сборъ; а по моему мнѣнію, ничего не должно пренебрегать, на все нужно обращать вниманіе. Если въ одномъ не-

удача, можно прибѣгнуть къ другому, въ другомъ—къ третьему и такъ далѣе» *).

И Гоголь неоднократно повторяетъ такія просьбы въ своихъ письмахъ. Его «отдохновеніе», подъ которымъ онъ подразумѣвалъ свою писательскую работу, должно ему въ скорости принести существенную пользу **). Онъ проситъ мать собирать ему свѣдѣнія объ играхъ (карточныхъ), о хороводныхъ пѣсняхъ, а главное разсказываемыя простолюдинами повѣрья, въ которыхъ участвуютъ духи и нечистые. Гоголь такъ занятъ этимъ собираніемъ матеріала, что онъ не забываетъ о немъ даже во время пребыванія своего за границей; наканунѣ отъѣзда за границу, онъ извѣщаетъ мать, что въ тиши уединенія онъ «готовитъ запасъ», который не хочетъ выпустить въ свѣтъ, пока порядочно не обработаетъ. У него мелькаетъ даже мысль издать весь этотъ «запасъ» на иностранномъ языкѣ. Не успѣлъ онъ вернуться изъ за границы, какъ опять проситъ собирать для него всякія древнія монеты и рѣдкости, старопечатныя книги, другія «антики»; онъ хочетъ прислужиться этимъ одному вельможѣ, отъ котораго зависитъ улучшеніе его участи. Ему очень хотѣлось бы имѣть старыя записки, веденныя предками какой-нибудь старинной фамиліи, стародавнія рукописи про времена гетьманщины... «Это составляетъ мой хлѣбъ»—пишетъ онъ матери.

Размѣръ и содержаніе труда или «запаса», надъ которымъ Гоголь работалъ, недостаточно ясно опредѣляются всѣми этими указаніями. Легко можетъ быть, что онъ имѣлъ въ виду написать обширное этнографическое и историческое изслѣдованіе о Малороссіи: на это указываетъ, напр., его желаніе издать свой трудъ на иностранномъ языкѣ, который едва ли былъ пригоденъ для того, чтобы на немъ писать повѣсти. Мы знаемъ также, что мысль о широкомъ планѣ историческаго труда и позднѣе очень долго занимала Гоголя. Во всякомъ случаѣ можно предположить, что чисто-художественная обработка собраннаго имъ матеріала, была не единственная, которую онъ имѣлъ въ виду, когда говорилъ о своихъ литературныхъ планахъ.

Первая часть «Вечеровъ на хуторѣ близь Диканьки» вышла въ свѣтъ въ серединѣ 1831 г., а черезъ годъ была издана вторая. Литературная репутація Гоголя была сразу твердо установлена; его талантъ былъ признанъ и оцѣненъ по достоинству, и самымъ авторитетнымъ литературнымъ трибуналомъ, и кругомъ самой простой читающей публики.

Ученическіе годы Гоголя окончились.

---

*) «Письма Н. В. Гоголя» I, 119—121.

**) «Письма Н. В. Гоголя» I, 122.

Въ психической жизни художника за эти годы, какъ мы видѣли, много туманнаго и трудно объяснимаго. Удивительное чередованіе веселости и глубокой меланхоліи съ перевѣсомъ послѣдней; необычайно живо работающая фантазія и рядомъ съ ней умъ очень зоркій; романтическое тяготѣніе къ неизвѣданному и неиспытанному, большая склонность къ размышленію и къ анализу своихъ собственныхъ ощущеній и мыслей, самолюбіе сильно развитое и очень близко подходящее къ самомнѣнію; увѣренность въ своихъ силахъ, пока еще не испробованныхъ; смутное представленіе о призваніи къ чему-то великому, но пока неизвѣстному взглядъ на этотъ грядущій подвигъ, какъ на нѣчто весьма для людей полезное и спасительное, а потому и сознаніе своего права строго судить людей, наконецъ, великій даръ художественнаго творчества—вотъ тѣ мысли, ощущенія, настроенія и силы, которыя владѣютъ Гоголемъ одновременно.

Со всѣми этими психическими факторами его жизни мы будемъ встрѣчаться и позже и они будутъ проявляться въ своеобразномъ, иногда весьма странномъ видѣ. Но теперь, когда Гоголь сталъ авторомъ «Вечеровъ на хуторѣ», мы должны на время оборвать разсказъ объ его жизни, чтобы перейти къ историко-литературной оцѣнкѣ его перваго художественнаго произведенія. Обзоръ главнѣйшихъ литературныхъ явленій конца 20-хъ и начала 30-хъ годовъ облегчитъ намъ эту оцѣнку.

Н. Котляревскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ИЗЪ ДНЕВНИКА.

Въ окно я вижу груды облаковъ,
Холодныхъ, бѣлоснѣжныхъ, какъ зимою,
И яркость неба влажно-голубого.
Осенній полдень свѣтелъ, и на сѣверъ
Уходятъ тучи. Клены золотые
И бѣлыя березки у балкона
Сквозятъ на небѣ рѣдкою листвой,
И хрусталемъ на нихъ сверкаютъ льдинки.
Онѣ, качаясь, таютъ, а за домомъ
Вшуетъ вѣтеръ... Двери на балконѣ
Уже давно заклеены къ зимѣ,
Двойныя рамы, топленыя печи—
Все охраняетъ ветхій домъ отъ стужи,
А по саду пустому кружитъ вѣтеръ
И, листья подметая по аллеямъ,
Гудитъ въ березахъ старыхъ... Свѣтелъ день,
Но холодно,—до снѣга недалеко.

Въ концѣ аллей есть старая калитка.
Подъ нею лужа зеркаломъ чернѣетъ,
А въ лужѣ—куча листьевъ. За калиткой
Зеленыхъ всходовъ лоснится равнина
И даль полей открыта... Много дней
Вдоль тѣхъ аллей, среди березъ гудящихъ
Подъ холодомъ и вѣтромъ я скитался,
Пытаясь къ одиночеству привыкнуть,
Забыть тебя, унять тоску разлуки,
Пока въ тоскѣ душа не истомилась,
Пока недугъ печали не сломилъ...
Теперь я отдыхаю. Одиноко
Проходятъ дни, но горе миновало.
Мнѣ весело глядѣть теперь на небо,
На облака, на солнце... Я съ улыбкой
Внимаю пѣснѣ вѣтра, что разгульно
Весь день звенитъ и свищетъ въ щели рамъ.

Я часто вспоминаю осень юга...
Теперь на Черномъ морѣ непрерывно
Бушуютъ бури: тусклый блескъ отъ солнца,
Скалистый берегъ, бѣшеный прибой
И въ шумѣ волнъ—сверкающая пѣна...
Ты помнишь этотъ берегъ, окаймленный
Его широкой, снѣжною грядой?
Бывало, мы сбѣжимъ къ нему съ обрыва
И жадно ловимъ вѣтеръ. Вольно вѣетъ
Онъ бодростью и свѣжестью морской;
Срывая брызги съ бурнаго прибоя,
Онъ влажной пылью воздухъ наполняетъ
И снѣжныхъ чаекъ носитъ надъ волнами.
Мы въ шумѣ волнъ кричимъ ему навстрѣчу,
Онъ валитъ съ ногъ и заглушаетъ голосъ,
А намъ легко и весело, какъ птицамъ...
Ты помнишь, что я говорилъ тебѣ?
„Не надо думать въ радости и горѣ.
Люби и грусть, и радость,—пѣсни жизни!“
Все это сномъ мнѣ кажется теперь.
Деревня, глушь, забытая усадьба
И только вѣтеръ тотъ же... Онъ играетъ
Въ березахъ старыхъ, кружится по саду
И въ щели рамъ, мѣняясь каждый мигъ,
Поетъ о чемъ-то звонко и высоко...
Какое дѣло вѣтру до сомнѣній,
До слезъ о прошломъ? Жизнь не замедляетъ
Свой вольный бѣгъ, она зоветъ впередъ,
Она поетъ, какъ вѣтеръ, лишь о вѣчномъ!
Зачѣмъ смущать себя безплодной думой,
Что мы живемъ не счастьемъ, а надеждой
На это счастье,—что никто не знаетъ,
Къ чему всѣ наши радости и скорби,
Когда насъ ждетъ забвенье и ничто?
Умру—и все-жъ останусь въ этомъ мірѣ,
Какъ часть его великой, вѣчной жизни,
И пусть, пока я сознаю его,
Пока я это чувствую и мыслю,
Пусть сердце не смущается въ печали,
Пусть любитъ все, что разлюбить не можетъ,
Пусть познаетъ, что и печаль, и радость—
Равно прекрасны въ вѣчной жаждѣ—жить!

Ив. Бунинъ.

НА ПОВОРОТѢ.

ПОВѢСТЬ.

I.

20 іюля 1900 года въ томилинскомъ вокзалѣ стояла обычная суета, сопровождавшая приходъ вечерняго почтоваго поѣзда. Съ этимъ поѣздомъ пріѣхалъ изъ Пожарска Владиміръ Николаевичъ Токаревъ. Его встрѣтили на вокзалѣ его сестра Таня и фельдшерица земской больницы Варвара Васильевна Изворова. Они всѣ трое стояли въ залѣ второго класса, въ ожиданіи носильщика, ушедшаго получать багажъ Токарева.

— Вотъ досадную вещь я вамъ должна сообщить!—сказала Варвара Васильевна. — Я вамъ писала, — директоръ банка обѣщалъ мнѣ немедленно дать вамъ мѣсто въ банкѣ, какъ только пріѣдете. Вчера захожу къ нему,—оказывается, онъ совсѣмъ неожиданно уѣхалъ за границу, въ Карлсбадѣ у него опасно заболѣла дочь. Спрашивала я помощника директора, — ему онъ ничего не говорилъ объ васъ... Такая досада! Придется вамъ ждать, пока воротится директоръ.

Варвара Васильевна говорила извиняющимся тономъ, какъ-будто была виновата въ неожиданномъ отъѣздѣ директора. Токаревъ съ любовью и любопытствомъ приглядывался къ ея блѣдному, красивому лицу; онъ не видѣлъ ея четыре года, со времени своего петербургскаго студенчества.

— Такъ вѣдь не на годъ же уѣхалъ директоръ?—спросилъ онъ, улыбаясь ея тону.

— Нѣтъ, конечно. На мѣсяцъ, самое большее—на два. А покамѣстъ, знаете что? Поѣдемте къ намъ въ деревню. Я съ завтрашняго числа беру въ больницѣ отпускъ, нынче или завтра пріѣдутъ изъ деревни лошади.

— Варвара Васильевна, да вѣдь это превосходно!—радостно воскликнулъ Токаревъ. — Чего-жъ вы за меня огорчаетесь? Пожить въ деревнѣ, — лучшаго для себя я не могъ бы ничего и

придумать. Я такъ усталъ за это время, такъ усталъ!.. Только вотъ хорошо было бы, если бы и ты, Танька, съ нами поѣхала!—обратился онъ къ сестрѣ.

— Обязательно! Объ этомъ нечего и говорить!—рѣшительно произнесла Варвара Васильевна.

— Не знаю еще, посмотрю!—уклончиво отвѣтила Таня.

— Ну, чего тамъ,—„посмотрю!“—сказалъ Токаревъ.—Мнѣ, голубушка, хотѣлось бы и съ тобою побыть, посмотрѣть, чѣмъ ты стала... Вотъ ужъ не ждалъ-то, что увижу тебя здѣсь!—въ десятый разъ, повторилъ онъ, оглядывая Таню.

Подошелъ носильщикъ съ вещами.

— Куда прикажете извозчика брать?—спросилъ онъ Токарева, приложивъ руку къ козырьку.

Токаревъ, оживленный, съ блестящими глазами, взялъ ремни съ пледомъ.

— Какая у васъ тутъ есть гостинница недорогая? — обратился онъ къ спутницамъ.

— Ну, вотъ еще, зачѣмъ гостинница?—встрепенулась Таня.—Остановишься у насъ въ колоніи.

— Въ колоніи?—переспросилъ Токаревъ, поднявъ брови. — Посмотримъ, что за колонія!

Они вышли изъ вокзала. Къ подъѣзду подкатилъ извозчикъ въ выцвѣтшемъ синемъ армякѣ, на дребезжащей пролеткѣ.

— Поѣзжайте, господа, — сказала Варвара Васильевна, — а мнѣ нужно еще забѣжать въ больницу, сдѣлать двѣ перевязки. Я сейчасъ буду у васъ.

Носильщикъ уложилъ чемоданы, Токаревъ и Таня сѣли и поѣхали по шоссе, ведшему отъ вокзала къ городу. По бокамъ шоссе тянулись трактиры, съ синими вывѣсками и сѣрыми тесовыми крышами; солнце садилось, надъ шоссе стояла золотистая пыль, и самъ воздухъ казался отъ нея золотымъ. Токаревъ смотрѣлъ, и все вокругъ казалось ему милымъ и необычно-хорошимъ.

— Разскажи ты мнѣ толкомъ, какъ ты сюда попала,—обратился онъ къ Танѣ. — Въ февралѣ въ послѣдній разъ написала изъ Петербурга, и послѣ этого, какъ въ воду канула.

— Я тебѣ говорила, — всю весну мы пробыли тутъ на голодѣ, въ артемьевскомъ уѣздѣ. Ну, я тебѣ скажу, — и насмотрѣлись! Жутко вспомнить. До іюня пробыли тамъ,—и все просадили, у кого какія были деньги; то-есть, понимаешь, ни гроша ни у кого не осталось! Ну, вотъ и пошли въ Томилинскъ.

— Пошли?—удивился Токаревъ.

— Гдѣ шли, гдѣ на товарномъ поѣздѣ ѣхали... Очень было весело! Тутъ раздобыли работы, кто по статистикѣ, кто уроковъ.

Живемъ всѣ вмѣстѣ, — цѣлый, братъ, домъ нанимаемъ! За три рубля въ мѣсяцъ. Вотъ увидишь, славные подобрались ребята.

— Я кое-что слышалъ о твоей дѣятельности на голодѣ. Въ вагонѣ я разговорился съ однимъ земскимъ врачомъ,—Разсудинъ, кажется, фамилія. Онъ мнѣ много разсказывалъ о тебѣ.

— Разсудинъ? Что, что онъ говорилъ? — быстро спросила Таня, съ любопытствомъ поднявъ голову; ея большіе глаза самолюбиво заблестѣли.

Токаревъ лукаво улыбнулся.

— Однимъ словомъ, одобрялъ. А передавать не стану, — загордишься... А скажи ты мнѣ лучше вотъ что: когда ты уѣхала на голодъ?

— Въ мартѣ мѣсяцѣ.

— Какъ же ты съ экзаменами устроилась? Перешла на слѣдующій курсъ?

— Я ужъ зимою вышла съ курсовъ.

— Вы-шла?—протянулъ Токаревъ и замолчалъ.—Почему?—коротко спросилъ онъ.

— Они мнѣ совершенно не нужны. Курсы важны только вначалѣ, чтобъ пріобрѣсти знакомства, попасть въ извѣстную среду. А разъ это ужъ есть, то что въ нихъ?

Токаревъ потемнѣлъ.

— Странно! — сказалъ онъ, пожавъ плечами. — Курсы, во всякомъ случаѣ, даютъ систематическое знаніе.

— Систематическое знаніе! — разсмѣялась Таня. — Дипломъ они даютъ, а не систематическое знаніе. Мнѣ не шестнадцать лѣтъ, я и безъ профессорской указки сумѣю пріобрѣсти знанія.

— Я не понимаю, вѣдь тебѣ всего одинъ годъ оставался до окончанія! — раздраженно заговорилъ Токаревъ. — Что бы тебѣ помѣшалъ дипломъ? Кто знаетъ, что можетъ случиться въ будущемъ,—почему его не имѣть на всякій случай?

— Господи, какъ это скучно,—о будущемъ думать! Не боюсь я никакого будущаго, всегда сумѣю прожить и безъ диплома. Вѣдь тебѣ вотъ тоже оставался всего годъ до диплома,—не получилъ, и что-жъ? Большая отъ этого бѣда?

Токаревъ нахмурился и молчалъ. Онъ не видѣлъ Таню три года, съ тѣхъ поръ, какъ она, кончившею гимназисткою, пріѣзжала лѣтомъ провѣдать его въ вятскую губернію. Она осталась все такою же, какъ была дѣвочкою,—безпечною и безалаберною, не хотящею знать никакихъ заботъ. „Родительская кровь!“ подумалъ Токаревъ, вспоминая своего отца, почтальона въ глухомъ приволожскомъ городкѣ: добродушно-беззаботный, онъ жилъ, не зная, чѣмъ будетъ жить завтра, тратя послѣдніе гроши на

чижей, „канаровъ“ и голубей; съ четвертаго класса гимназіи Токаревъ собственнымъ трудомъ содержалъ себя и Таню.

Пролетка переваливалась изъ ямы въ яму по немощеной, изрытой промоинами улицѣ. По бокамъ тянулись ветхіе заборы садовъ, надъ ними тамъ и сямъ высились удивительно-корявыя лозины, съ листвою на самыхъ неожиданныхъ мѣстахъ; подъ заборами, въ бурьянѣ, валялись дохлыя кошки и арбузныя корки. Пролетка остановилась у покосившихся воротъ небольшого дома; на скамеечкѣ сидѣлъ подслѣповатый, бритый старикъ въ жилеткѣ и желѣзныхъ очкахъ.

— Иванъ Финогеичъ, пожалуйста, откройте намъ ворота! — крикнула ему Таня.

Старикъ оглядѣлъ пролетку и молча пошелъ отпирать. Они въѣхали на заросшій муравкою дворъ; въ его углу, около садовой калитки, стоялъ крохотный флигелекъ съ двумя оконцами на дворъ; подъ крышею было еще одно маленькое оконце. На крыльцо вышли два студента въ ситцевыхъ цвѣтныхъ рубашкахъ.

Пролетка подъѣхала къ крылечку. Токаревъ и Таня сошли на земь. Токаревъ остановился, оправляя на себѣ дорожную сумку и съ любезнымъ, ожидающимъ вниманіемъ глядя на студентовъ.

— Знакомьтесь, господа, — сказала Таня. — Это мой братъ, я вамъ объ немъ говорила.

Студенты, немножко стѣснясь, назвали себя и пожали Токареву руку. Одного изъ нихъ звали Борисоглѣбскимъ, другого Шеметовымъ. Борисоглѣбскій, студентъ-медикъ, былъ высокаго роста, съ крупнымъ лицомъ и крупными губами, въ очкахъ, съ жесткими черными волосиками на подбородкѣ; Шеметовъ былъ стройный парень съ густыми, темными волосами; маленькіе глаза его смотрѣли исподлобья.

— Давайте-ка, я вамъ снесу! — сказалъ Шеметовъ, беря изъ пролетки большой чемоданъ.—У-ухъ, тяжелый какой!—удивленно произнесъ онъ, взваливая его на плечи.

— Чай будете пить? Сейчасъ запалимъ самоварчикъ! — заикаясь, проговорилъ Борисоглѣбскій, глядя сквозь очки на Токарева.

Всѣ вошли во флигель. Онъ состоялъ изъ двухъ маленькихъ комнатъ съ грязными, полуоборванными обоями. Въ углахъ стояло три убогихъ кровати, на кроватяхъ и двухъ некрашеныхъ столахъ валялись книги. Къ стѣнѣ были пришпилены булавками портреты Маркса, Чернышевскаго и Горькаго. Въ окна, выходившія въ садъ, виднѣлись яблони и густой орѣшникъ.

Шеметовъ ушелъ за булками и закусками, Борисоглѣбскій возился въ сѣнцахъ съ самоваромъ.

— Ну, вотъ тебѣ наша колонія! — сказала Таня, опускаясь

на одну изъ кроватей. — Третьяго, Вегнера, еще нѣту, — ушелъ куда-то...

Она помолчала.

— Ну, разскажи же, что ты подѣлывалъ въ Пожарскѣ.

— Да нечего разсказывать, — неохотно отвѣтилъ Токаревъ, у котораго еще не совсѣмъ прошло враждебное чувство къ Танѣ. — Пріѣхалъ туда изъ вятской губерніи, служилъ въ управленіи желѣзной дороги, ты знаешь. Прослужилъ годъ, штаты сократили, — я и остался на мели.

— Ну, а что за народъ тамъ? — спросила Таня, внимательно приглядываясь къ Токареву.

— Никакого „народу“ нѣтъ, одни лишь обыватели. Скука, тишь, только книгами и спасался. Совершенно мертвый городишко.

Они замолчали. Токаревъ остановился у стѣны, разсматривая карточки.

— Несчастное дитя природы, онъ все тутъ съ самоваромъ киснетъ! — раздался въ сѣнцахъ ворчливый голосъ Шеметова, воротившагося изъ булочной. — Пусти!

— Погоди, Сашка! Углей надо подкинуть, — возразилъ Борисоглѣбскій.

— Уйди, постылый! „Углей“! Углей довольно, нужно сапогомъ раздуть... Вотъ такъ! Видалъ? Э, какъ пошла!.. „Угле-ей“!..

Таня слушала улыбаясь.

— Милый парень этотъ Шеметовъ! — сказала она. — Смотритъ исподлобья, голосъ свирѣпый, — а такая мягкая, деликатная душа! На голодѣ Вегнеръ заболѣлъ у насъ сыпнымъ тифомъ, — посмотрѣлъ бы ты, какъ онъ за нимъ ухаживалъ: словно мать.

Черезъ десять минутъ самоваръ былъ поданъ. Сѣли пить чай. Токаревъ разспрашивалъ хозяевъ о голодѣ и объ условіяхъ, въ которыхъ имъ приходилось работать.

Пришла Варвара Васильевна вмѣстѣ съ Вегнеромъ, съ которымъ она встрѣтилась у воротъ. Невысокій и сутулый, съ впалою грудью, Вегнеръ съ застѣнчивою улыбкою пожалъ руку Токарева и молча сѣлъ за чай.

— Сейчасъ спасла Вегнера отъ расторгуевскихъ собакъ! — съ торжествомъ объявила Варвара Васильевна. — Подхожу къ углу, вижу, — собаки его окружили, заливаются, а онъ стоитъ и собирается примѣнить свой способъ. Еле успѣла ему помѣшать.

Всѣ, кромѣ Токарева, засмѣялись.

— А что же это за способъ? — спросилъ Токаревъ.

— У него свой особенный способъ есть отпугивать собакъ, самый вѣрный. Если бросится собака, нужно только присѣсть на корточки и грозно взглянуть ей въ глаза, — она сейчасъ же подожметъ хвостъ и убѣжитъ.

— Вотъ только никакъ онъ себѣ грознаго взгляда не можетъ выработать,—замѣтилъ Шеметовъ.

— Въ этомъ-то его и горе!.. Недавно, на голодѣ, пошелъ онъ къ лавочнику покупать соли для своей столовой. Выскочила громадная собака; онъ присѣлъ на корточки и „грозно“ взглянулъ ей въ глаза, а она какъ цапнетъ его за носъ!

— Какъ все точно!—произнесъ Вегнеръ, съ улыбкой качая головою.—Я только говорилъ вамъ, что слышалъ на голодѣ отъ одного пономаря о такомъ способѣ. А вы каждый разъ разсказываете, какъ будто все это и вправду было,—даже знаете, что именно я шелъ покупать къ какому-то лавочнику.

— И завтра будетъ разсказано такъ же!—неумолимо проговорила Варвара Васильевна.

Темнѣло. Смѣнили второй самоваръ. Въ маленькія окна тянуло изъ сада росистою свѣжестью и запахомъ спѣлыхъ вишенъ. Токаревъ взялъ съ бокового стола продолговатую сѣренькую книжку и сталъ ее просматривать. Это были протоколы недавняго ганноверскаго съѣзда, на нѣмецкомъ языкѣ.

Таня заглянула, какую онъ взялъ книжку.

— Вотъ! Правда, характерно?—сказала она.—Весь съѣздъ цѣликомъ былъ посвященъ книжонкѣ Бернштейна!.. Нечего было больше дѣлать!

Токаревъ помолчалъ, перевертывая страницы книжки.

— По моему, Бернштейнъ надъ очень многимъ заставляетъ задуматься,—сдержанно произнесъ онъ.

— Господи, Володя! Ну, надъ чѣмъ онъ можетъ заставить задуматься,—изумленно воскликнула Таня.—Вѣдь это просто банкротъ,—успокоившійся, присмирѣвшій и трусливый! И вѣдь до чего онъ гаденько-трусливъ: у него даже не хватаетъ мужества прямо отречься отъ прежнихъ „мечтаній“...

— Не вижу у него трусости. Напротивъ, нужно было большое мужество, чтобъ выступить съ такою книгою. И ни отъ какихъ мечтаній онъ не отказывается, онъ возстаетъ только противъ трескучихъ фразъ. Вспомни, что сказалъ на съѣздѣ по его адресу Ауэръ: „Lieber Ede, du bist ein Esel, denn so was sagt man nicht, so was *thut* man!..“ Прелестно!

— Но этого-то вы не будете отрицать, что онъ филистеръ до мозга костей?—спросилъ Вегнеръ, слегка покраснѣвъ и пощипывая свою бородку.

— Я этого не отрицаю,—поспѣшно сказалъ Токаревъ.—Но это нисколько не мѣшаетъ быть его книгѣ по существу глубоко вѣрной. Филистерство остается при авторѣ, а въ книгѣ его всетаки больше настоящаго, реалистическаго марксизма, чѣмъ въ правовѣрномъ марксизмѣ.

— Удивительное дѣло!—насмѣшливо улыбнулась Таня.—Ты согласенъ, что онъ насквозь проникнутъ филистерствомъ; какъ же это филистерство можетъ не отражаться на самой сути его построеній? Какъ-будто филистерство—это такъ себѣ, маленькій придатокъ, который не стоитъ ни въ какой связи съ остальнымъ!

— Мнѣ кажется, Таня, вы относитесь къ нему, во всякомъ случаѣ, слишкомъ легко, — заговорила Варвара Васильевна.—По моему, онъ страшно важенъ,—важенъ, какъ симптомъ, и за нимъ должно быть теперь больше силы, чѣмъ за его противниками. Когда ученіе воспринимается тысячами людей, оно можетъ сохраняться во всей своей сильной и непримиримой чистотѣ; когда же оно разливается въ милліонахъ, то по необходимости должно стать болѣе оппортунистичнымъ и „практичнымъ“. И Бернштейнъ, по моему, не случайный наростъ, а симптомъ громадной исторической важности: движеніе становится все болѣе карманнымъ, желающимъ лишь синицы въ руки, и отъ него все больше начинаетъ отлетать идея.

Вегнеръ вдумчиво слушалъ, покручивая свою бородку.

— Варвара Васильевна, это совершенно невѣрно! — рѣшительно сказалъ онъ.—Бернштейнъ, конечно, очень важный симптомъ, но совершенно въ другомъ смыслѣ. Противники видятъ растущую силу врага, видятъ, что прежними мѣрами съ нимъ не справиться,—и вотъ они радикально мѣняютъ свою тактику; единственный остающійся для нихъ выходъ—это попытаться фальсифицировать самую идеологію враговъ. Въ этомъ-то отношеніи очень интересны и Зомбартъ, какъ первая ласточка такой тактики, и Бернштейнъ, какъ ея первая жертва. Но, конечно, и эта тактика разобьется о ходъ вещей, и волкъ никогда не превратится въ добрую собачку, предупредительно помахивающую передъ хозяиномъ хвостикомъ.

— Но господа! Вы совершенно не принимаете въ разсчетъ той страшной силы, которую бернштейнство придаетъ движенію,— возразилъ Токаревъ.—Эта сила—въ его реалистичности, въ полномъ устраненіи того утопизма, противъ котораго марксизмъ боролся, но которымъ все-таки онъ былъ такъ богатъ.

Споръ разгорѣлся жестокій. Въ немъ приняли участіе всѣ присутствующіе, и было столько мнѣній, сколько было спорящихъ. Варвара Васильевна, сдвинувъ брови и сжавъ рукою подбородокъ, внимательно вслушивалась въ возраженія, какъ бы стараясь ими провѣрить свои взгляды; Таня спорила рѣзко и насмѣшливо, не брезгуя софизмами и переиначиваніемъ словъ противниковъ; ея большіе глаза съ суровою и негодующею враждою смотрѣли на Токарева и всѣхъ, кто хоть сколько-нибудь высказывался за Бернштейна. Было ужъ за полночь, въ комнатѣ стоялъ душный табач-

ный дымъ, а въ окна тянуло свѣжею и глубокою тишиною спавшей ночи.

Варвара Васильевна взглянула на часы и всполошилась.

— Господи, мнѣ ужъ давно пора въ больницу!—воскликнула она вставая.—Съ двѣнадцати часовъ начинается мое дежурство, а теперь ужъ двадцать минутъ перваго. Прощайте, господа!

Она поспѣшно надѣла шляпу и протянула руку Токареву.

— Приходите ко мнѣ завтра, я съ двѣнадцати часовъ буду свободна,—сказала она, крѣпко пожавъ его руку, и быстро вышла.

— Ну, пора бы ужъ и спать,—проговорилъ Токаревъ.—Правду говоря, голова трещитъ съ дороги.

Онъ безпомощно оглянулся, недоумѣвая, гдѣ его тутъ могутъ положить.

— Мы вамъ сейчасъ устроимъ постель!—сказалъ Шеметовъ и всталъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо!—воскликнула Таня, опять ставшая милой и радушной.—У васъ тутъ клоповъ много. Онъ у меня наверху будетъ спать, а я пойду ночевать къ Варѣ... Пойдемъ, Володя!

Таня зажгла свѣчу. По крутой лѣсенкѣ изъ сѣнецъ они поднялись наверхъ. Тамъ была крохотная комнатка, въ которой отъ желѣзной крыши было жарко и душно, какъ въ банѣ. Въ комнатѣ стоялъ еще большій безпорядокъ, чѣмъ внизу: книги и груды статистическихъ листковъ валялись на полу, на стульяхъ, на кровати; на столѣ лежала черная юбка, которую Таня поспѣшно повѣсила на гвоздикъ.

— Ну, вотъ тебѣ комната!... Тебѣ не будетъ жестко спать?—спросила Таня, пощупавъ рукою свою кровать.

— Нѣтъ, ничего!—разсѣянно отвѣтилъ Токаревъ, пріятно возбужденный споромъ и общей атмосферой, отъ которой онъ ужъ сталъ отвыкать.

— Ну, спи!.. Прощай!

Таня пошла къ двери.

— Да, вотъ что!—вспомнила она и остановилась.—Не возмешься ли ты обдѣлать тутъ одно дѣльцо?

— Что такое?—насторожившись, спросилъ Токаревъ.

— Видишь ли... Какое впечатлѣніе произвела на тебя Варвара Васильевна?

— Право, не могу сказать: я ее слишкомъ мало видѣлъ.

— Она очень живой человѣкъ и дѣльный. Между тѣмъ вотъ ужъ третій годъ она киснетъ тутъ въ Томилинскѣ, въ больницѣ,—отслуживаетъ земскую стипендію. Ей положительно невозможно здѣсь оставаться, необходимо перетащить ее въ Петербургъ.

— Ну, да... Но что же я тутъ могу сдѣлать?

— Видишь ли, мнѣ говорила Варя, ты зналъ въ Петербургѣ и ея двоюродную сестру Засѣцкую; она кончила на фельдшерскихъ курсахъ двумя годами раньше Вари. Такъ вотъ, эта Засѣцкая теперь замужемъ здѣсь за членомъ управы Будиновскимъ,— либеральный земецъ, вліятельный человѣкъ. Познакомься съ ними, они какъ разъ третьяго дня пріѣхали сюда на недѣлю изъ деревни. Ты человѣкъ солидный,—подѣйствуй на Будиновскаго, уговори его, чтобъ Варѣ сократили срокъ службы въ земствѣ.

— Она что же, сама хочетъ этого?

— Ей ничего объ этомъ и говорить не нужно! Она такая щепетильная,—ни за что не согласится.

— Вотъ странно! Какое же мы имѣемъ право безъ ея разрѣшенія хлопотать за нее?

— Ахъ ты, Господи!—Таня досадливо передернула плечами и быстро прошлась по комнатѣ.—Ну, я не знаю,—какъ хочешь, а здѣсь ей невозможно оставаться. Я прямо не могу съ этимъ примириться!

— Провѣдать Засѣцкую я не прочь,—сказалъ Токаревъ,— мнѣ интересно повидать ее. Но хлопотать за Варвару Васильевну безъ ея разрѣшенія,— это, по моему, безцеремонно прежде всего по отношенію къ ней же самой... А скажи, пожалуйста, я и не зналъ, что Варвара Васильевна получала стипендію; вѣдь ея родители—богатые люди, имѣютъ имѣніе подъ Томилинскомъ.

— Да, только оно все въ долгахъ, усадьба разваливается, отецъ сильно въ карты играетъ. Они только наружно богаты... Ну, однако, прощай! Спи!.. Такъ завтра мы все-таки пойдемъ къ Будиновскимъ.

Таня ушла. Токаревъ нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ, сѣлъ на окно и закурилъ папиросу. Росистый садъ, облитый луннымъ свѣтомъ, словно замеръ, стояла глубокая тишина; только изрѣдка полно и увѣсисто шлепалось о землю упавшее съ дерева яблоко; вдали кричали пѣтухи.

Варвара Васильевна произвела на Токарева довольно блѣдное и расхолаживающее впечатлѣніе. А между тѣмъ въ Пожарскѣ и раньше—въ Вятской губерніи, онъ думалъ о ней съ сладкимъ и захватывающимъ чувствомъ. Въ Петербургѣ они были хорошо знакомы: время стояло горячее, волна общественнаго настроенія начинала подниматься все выше, и они не замѣтили, какъ сближеніе ихъ стало чѣмъ-то большимъ, чѣмъ дружба. Однажды вечеромъ вдругъ, въ какомъ-то неожиданномъ порывѣ, Токаревъ высказалъ Варварѣ Васильевнѣ то, что онъ къ ней чувствовалъ; Варвара Васильевна рѣзко и испуганно отшатнулась отъ него, и съ этого времени стала все больше замыкаться и отдаляться отъ Токарева. А между тѣмъ онъ чувствовалъ, что и она лю-

битъ его... Вскорѣ судьба забросила Токарева далеко отъ Петербурга. Они все время переписывались, и въ этой перепискѣ образъ Варвары Васильевны дѣлался для него все свѣтлѣе, чище и дороже. Теперь, увидѣвъ ее, онъ почуствовалъ разочарованіе. Идеальный образъ, увеличенный разстояніемъ, одѣлся плотью и превратился въ обыкновенную дѣвушку,—къ тому же блѣдную, похудѣвшую и постарѣвшую; только лицо ея, строгое и красивое, немножко подходило къ прежней мечтѣ...

Токаревъ всталъ и началъ раздѣваться. Онъ сѣлъ на кровать, чтобъ снять штиблеты, уперся въ нее руками—и остановился.

— Одна-ако!..—протянулъ онъ и поднялъ одѣяло и простыни. На двухъ сосновыхъ подставкахъ лежали три неоструганныхъ доски, покрытыхъ тонкимъ солдатскимъ сукномъ, и больше ничего; это была вся постель.

Токаревъ расхохотался.

„Не жестко будетъ тебѣ?“—вспомнился ему вопросъ Тани.

— Да, „не жестко!“—громко произнесъ онъ, щупая ладонью твердыя доски. Его охватило горячее умиленіе къ Танѣ: вѣдь, видимо, ей самой это *дѣйствительно* не жестко; она заботилась, чтобъ ему было поудобнѣе, онъ сказалъ: „не будетъ жестко“,—и она успокоилась...

Токаревъ развязалъ плэдъ, уложилъ на доски свои подушки, пальто, плэдъ, все, что было въ комнатѣ изъ таниной одежды, и кое-какъ устроилъ себѣ сносную постель. Все улыбаясь, онъ потушилъ свѣчу и легъ.

Прошелъ часъ, другой,—Токаревъ не могъ заснуть. Было душно, кусали комары и мошки, жесткія танины простыни терли тѣло; наложенныя вмѣсто тюфяка вещи образовали въ постели бугры, и никакъ нельзя было удобно улечься, хотѣлось пить, а воды не было. Токаревъ лежалъ, потный, угрюмый и злой, и вспоминалъ свою уютную квартиру въ Пожарскѣ. Опять онъ бездоменъ, будущее темно и невѣрно, и что хорошаго можетъ онъ ждать отъ этого будущаго?..

Токаревъ заснулъ, когда уже свѣтало и въ саду бойко зачирикали воробьи,—заснулъ тяжелымъ, дурманнымъ сномъ.

II.

На слѣдующій день Токаревъ проснулся въ первомъ часу. Онъ одѣлся и спустился внизъ. Студенты давно уже разошлись по своимъ занятіямъ. Таня сидѣла за статистическими листками; на столѣ кипѣлъ самоваръ и лежали свѣжія булки.

— Ну, и спишь же ты!—удивилась Таня.—Три раза углей подкладывала въ самоваръ... Садись! Ужъ такъ и быть, для

перваго разу налью тебѣ чаю. А вообще на это не разсчитывай: терпѣть не могу чай разливать.

Они напились чаю и пошли въ больницу. На больничномъ дворѣ и на улицѣ стояли телѣги, привезшія больныхъ изъ окрестныхъ деревень. Шелъ амбулаторный пріемъ. Таня и Токаревъ пробрались къ крыльцу сквозь толпу ожидавшихъ и свернули въ длинный корридоръ, въ которомъ пахло валеріанкой и мятой. Таня постучалась въ небольшую бѣлую дверь. Отвѣта не было. Она отворила дверь Комната была пуста.

— Ну, такъ я и думала! Ея нѣтъ еще!—сказала Таня.— А ужъ второй часъ. Навѣрное, помогаетъ кому-нибудь управиться. Я положительно не видывала, чтобъ человѣкъ когда-нибудь такъ работалъ. Съ утра до ночи возится съ больными, всѣ служащіе выѣзжаютъ на ней и сваливаютъ на нее всю работу, а она и въ усъ себѣ не дуетъ.

Комната была большая и чистая, два окна выходили въ больничный садъ; отъ росшихъ въ саду дубовъ и ясеней въ комнатѣ стоялъ прохладный зеленоватый сумракъ. Все вокругъ глядѣло чисто и уютно, книги на этажеркѣ стояли въ строгомъ порядкѣ, наволочки на узкой постели были бѣлоснѣжной чистоты.

Токаревъ сѣлъ въ кресло около окна и закурилъ папиросу. Таня прошлась по комнатѣ, потомъ остановилась передъ этажеркою и стала пересматривать книги.

— Варенька, вы у себя?—спросилъ за дверью тонкій женскій голосъ, и дверь отворилась.

Таня поморщилась.

— Ея нѣтъ здѣсь!—холодно отрѣзала она.

Въ комнату, съ книжкою въ рукахъ, вошла молодая дѣвушка въ сѣромъ платьѣ,—блѣдная, съ круглыми, странно-свѣтлыми голубыми глазами. Токаревъ поднялся съ кресла.

— Здраствуйте, Татьяна Николаевна! — сказала барышня, протягивая Танѣ руку.—Варенька скоро придетъ?

— Не знаю я,—хмуро отвѣтила Таня.

Дѣвушка стояла, растерянно поглядывая на Токарева своими круглыми глазами.

— Мой братъ! Ольга Петровна Темпераментова!—пробурчала Таня.

Темпераментова почтительно пожала руку Токарева.

— Я очень рада, мнѣ Варенька столько разсказывала про васъ!—заговорила она. —Она ужасно рада, что вы перебираетесь изъ Пожарска въ Томилинскъ... Я эти дни какъ разъ вспоминала объ васъ: я вотъ читаю варенькину книжку, Энгельса, „О происхожденіи семьи“, съ вашею надписью ей... Какая книжка, просто замѣчательно! Такъ глубоко, такъ ясно все изложено!..

Какъ неопровержимо доказывается правильность экономическаго матеріализма!..

Слова ея сыпались, какъ мелкія горошины,—ровныя, круглыя и сухія, и на душѣ отъ этихъ словъ сразу стало сухо и пусто. Токаревъ слушалъ, стараясь изобразить на своемъ лицѣ вниманіе, Таня сѣла къ окну и, раскрывъ книжку журнала, стала читать. А Ольга Петровна, съ своими растерянными, странно-голубыми глазами, продолжала высыпать свое восхищеніе отъ книжки.

Пришла, наконецъ, Варвара Васильевна. Она сняла больничный халатъ, поспѣшно вышла и воротилась съ горячимъ кофейникомъ. Сидѣлка внесла подносъ съ чашками.

— Ну, слава Богу! Свободна!—облегченно вздохнула Варвара Васильевна, опускаясь на кровать.

— Долгонько вы „освобождались"!—съ улыбкою замѣтилъ Токаревъ.

Темпераментова влюбленными глазами слѣдила за Варварой Васильевной.

— Вѣдь вы не знаете, Варенька такая добросовѣстная!—заговорила она.—Всѣмъ ей нужно помочь, за всѣмъ присмотрѣть. Главный докторъ прямо говоритъ, что ею держится вся больница...

— Варя, пойдемте сейчасъ къ Будиновскимъ!—прервала ее Таня.—Володя хотѣлъ бы повидать Марью Михайловну.

— Отлично! Сейчасъ послѣ кофе и пойдемъ!—сказала Варвара Васильевна.

Сѣли пить кофе. Ольга Петровна сыпала своимъ пустымъ разговоромъ, время шло томительно и угнетающе. Всѣ поспѣшили кончить и стали собираться идти.

— Варенька, душечка, можно, я останусь у васъ въ комнатѣ читать?—спросила Темпераментова.—А то у насъ дома сейчасъ такая духота и шумъ, совсѣмъ нельзя читать.

— Господи, конечно! Пожалуйста!..

Варвара Васильевна, Таня и Токаревъ вышли на улицу. Таня шла, нахмуренная и злая.

— По моему, это прямо профанація Энгельса,—давать его читать такимъ госпожамъ,—злобно произнесла она.—Не понимаю, чего вы возитесь съ нею! Вѣдь пять минутъ пробыть съ нею—это каторга!

— Скучновата она, это вѣрно,—отвѣтила Варвара Васильевна, глядя вдаль.—Да и навязчива немножко. А все-таки она очень хорошій человѣкъ... и несчастный. Съ утра до ночи бѣгаетъ по урокамъ, на ея рукахъ больной отецъ и цѣлая куча сестренокъ; изъ-за этого не пошла на курсы...

Они вышли на тихую Стародворянскую улицу. На углу

высился просторный одноэтажный домъ, съ большими, свѣтлыми окнами; къ дому примыкалъ большой садъ, густые клены и ясени, простирая вѣтви черезъ заборъ, образовывали надъ тротуаромъ темно-зеленый сводъ. Варвара Васильевна позвонила, всѣ вошли въ прихожую. Въ дверяхъ залы показалась молодая дама въ свѣтлой блузѣ,—бѣлая и полная, съ красивыми синими глазами.

— А-а, Вареньки! Рѣдкій гость!—радостно проговорила она, цѣлуясь съ Варварой Васильевной; потомъ она остановилась, съ недоумѣвающею улыбкою щуря свои близорукіе глаза на Токарева.

— Не узнаете, Марья Михайловна?—улыбнулся Токаревъ.

— Ахъ, Господи, да это Владиміръ Николаевичъ!—воскликнула Будиновская.—Я слышала отъ Вареньки, что вы перебираетесь въ Томилинскъ... Какъ же вы измѣнились! Ну, здравствуйте, здравствуйте!—Она крѣпко, нѣсколько разъ, пожала руку Токарева.—Пойдемте, господа, въ кабинетъ... Боря, иди сюда! Къ намъ гости!

Изъ кабинета, мягко ступая легкими лѣтними башмаками, медленно вышелъ высокій, плотный господинъ лѣтъ тридцати пяти, съ большимъ лбомъ и густою русою бородкою, остриженною клинышкомъ. Марья Михайловна перезнакомила всѣхъ. Они вошли въ просторный, прохладный кабинетъ.

— Это Владиміръ Николаевичъ, Токаревъ,—говорила Марья Михайловна мужу, усаживаясь на мягкій, широкій турецкій диванъ.—Я тебѣ часто разсказывала про него. Пріятелями были въ Петербургѣ.

На большомъ дубовомъ письменомъ столѣ были въ порядкѣ разложены книги и бумаги, солнечные лучи, пробиваясь сквозь жалюзи, весело играли на зеленомъ сукнѣ стола и на яркой бронзѣ письменныхъ принадлежностей. У оконъ стояли великолѣпныя тропическія растенія; величественныя латаніи, нѣжныя ареки и кенціи переплетали узоры своихъ листьевъ; въ кабинетѣ было комфортно и уютно.

— Я слышалъ, вы переселяетесь къ намъ въ Томилинскъ?—медленно спросилъ Будиновскій, глядя на Токарева своими серьезными глазами и вертя въ рукахъ разрѣзальный ножъ изъ слоновой кости. Будиновскій и говорилъ, и двигался медленно и сдержанно.

Онъ сталъ разспрашивать Токарева о его прежней жизни и слушалъ, сочувственно и многозначительно кивая головою. Токаревъ разсказывалъ, а самъ приглядывался къ Марьѣ Михайловнѣ. Въ Петербургѣ, курсисткой, она была тоненькая и худенькая, съ большими, чудесными глазами, полными безпокойства и вопроса; теперь эти глаза смотрѣли мягко и удовлетворенно, и все ея

красивое, полное тѣло подъ легкою блузою дышало тихимъ покоемъ.

— Да, Варвара Васильевна, я вамъ хотѣлъ сообщить,— вспомнилъ Будиновскій.—Вы простите меня, но я вашего заявленія до свѣдѣнія управы не довелъ.

Варвара Васильевна нахмурилась.

— Очень жаль! Въ такомъ случаѣ я сама напишу предсѣдателю,—холодно отвѣтила она.

— Вотъ, Владиміръ Николаевичъ, подѣйствуйте хоть вы на Варвару Васильевну,—съ легкою улыбкою обратился Будиновскій къ Токареву. —Осенью на земскомъ собраніи мы единогласно постановили выразить Варварѣ Васильевнѣ благодарность за ея сердечное и добросовѣстное отношеніе къ больнымъ въ нашей больницѣ; прислали ей соотвѣтственную бумагу,—а она въ отвѣтъ подала мнѣ заявленіе, что не нуждается въ нашей благодарности... Ну, какъ можно это дѣлать?

— А какъ можно благодарить человѣка за то, что онъ исполняетъ взятыя на себя обязанности?—рѣзко возразила Варвара Васильевна. —Благодарятъ за самое обыкновенное исполненіе своихъ обязанностей!—обратилась она къ Токареву.—Да вѣдь это дико! Эдакъ скоро дождешься еще благодарности за то, что не обворовываешь своихъ больныхъ и не берешь съ нихъ взятокъ!

— Мы благодарили васъ именно за особенное отношеніе къ своимъ обязанностямъ, а не за обычное, формальное: отзвонилъ, и съ колокольни долой!—сказалъ Будиновскій, забавляясь ея негодованіемъ.

— Ну, не стоитъ объ этомъ говорить! Дѣло само по себѣ слишкомъ ясно. Я работаю вовсе не для вашего земскаго собранія, и мнѣ рѣшительно все равно, одобряетъ оно меня или порицаетъ.

Въ ея голосѣ зазвенѣли слезы обиды; она быстро прошлась по кабинету и, закусивъ губу, остановилась у окна. Будиновскій посмѣивался, Токареву также было немножко смѣшно. Таня слушала внимательно, вся насторожившись, глаза ея блестѣли: у нея создавался новый планъ.

Вошла горничная и доложила, что подано кушать.

— Господа, пойдемте обѣдать!—объявила Марья Михайловна, вставая.

Всѣ направились въ столовую. Таня, отставшая отъ другихъ, остановила Будиновскаго.

— Борисъ Александровичъ, мнѣ нужно съ вами поговорить,— сказала она.

Будиновскій съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Таню.

— Пожалуйста! Въ чемъ дѣло?—любезно произнесъ онъ.

— Видите ли... Вы сейчасъ разсказывали, какъ довольна управа службою Варвары Васильевны. Ей еще годъ нужно отслуживать стипендію... Нельзя ли, во вниманіе къ ея выдающейся дѣятельности, устроить такъ, чтобъ простить ей этотъ годъ?

Будиновскій стоялъ, наклонивъ голову, и внимательно слушалъ.

— Я не совсѣмъ васъ понимаю... Зачѣмъ ей это нужно? — медленно спросилъ онъ.

— Затѣмъ, что тогда она сможетъ уѣхать отсюда, — въ Петербургъ, напримѣръ. Ее только отслуживаніе стипендіи и удерживаетъ здѣсь.

— Я этого совершенно не зналъ.

Будиновскій медленно прошелся по кабинету, въ замѣшательствѣ поглаживая рукою бороду.

— Откровенно говоря, мнѣ сдѣлать это чрезвычайно неудобно,—заговорилъ онъ.—Какъ вы знаете, Варвара Васильевна—двоюродная сестра моей жены. На меня и такъ всѣ косятся за мой послѣдній докладъ о недостаткахъ постановки народнаго образованія въ нашей губерніи; если же я предложу сдѣлать, что вы желаете, то всѣ скажутъ, что я „радѣю родному человѣчку".

— Господи, стоитъ на это обращать вниманіе!—возмутилась Таня.

— Очень даже стоитъ,—серьезно произнесъ Будиновскій.

— Что жъ теперь дѣлать?—Таня задумалась.—Вотъ что: тогда познакомьте меня съ какимъ-нибудь другимъ вліятельнымъ членомъ управы.

„Вотъ неугомонная!" подумалъ Будиновскій.

— Сейчасъ всѣ разъѣхались изъ города,—неохотно отвѣтилъ онъ.—Раньше осени, все равно, ничего нельзя сдѣлать.

— Господа! Идите же обѣдать!—крикнула изъ столовой Марья Михайловна.

— Только, пожалуйста, не говорите ничего Варѣ объ нашемъ разговорѣ,—быстро сказала Таня.

Они пошли въ столовую. По тарелкамъ ужъ была разлита ботвинья съ розовыми ломтиками лососины и прозрачными кусочками льда. Мужчины выпили водки; всѣ принялись за ботвинью. На концѣ стола сидѣлъ рядомъ съ бонной шестилѣтній сынъ Будиновскихъ, въ матроскѣ, съ мягкими, длинными и кудрявыми волосами.

— Зачѣмъ у тебя синія очки?—вдругъ спросилъ онъ, съ любопытствомъ глядя на Токарева.

— Ахъ, Павлуша, ну, что тебѣ за дѣло!—разсмѣялась Марья Михайловна.—У дяди глазки болятъ.

— Глазки болятъ... Тогда нужно компрессы, — увѣренно произнесъ Павлуша.

— Какой опытный окулистъ! — улыбнулся Будиновскій Токареву.

— Да, тутъ станешь опытнымъ!—вздохнула Марья Михайловна.—Всю эту зиму онъ у насъ прохворалъ глазами; должно быть, простудился прошлымъ лѣтомъ, когда мы ѣздили по Волгѣ. Пришлось къ профессорамъ возить его въ Москву... Какой комичный мальчугашка!—засмѣялась она, вспомнивъ что-то.—Представьте себѣ: ѣдемъ мы по Волгѣ на пароходѣ, стоимъ на палубѣ. Я говорю: „Ну, Павлуша, я сейчасъ возьму папу за ноги и брошу въ Волгу"!.. А онъ отвѣчаетъ: „Ахъ, мама, пожалуйста, не дѣлай этого! Я ужасно не люблю, когда папу берутъ за ноги и бросаютъ въ Волгу!.."

Всѣ разсмѣялись. Павлуша, довольно ухмыляясь, оглядывалъ смѣющихся

Въ передней раздался звонокъ. Вошелъ стройный, красивый студентъ въ сѣрой тужуркѣ, а съ нимъ—молодая, лѣтъ семнадцати, дѣвушка, розовая, съ длинною русою косою. Это были Сергѣй и Катя Изворовы, братъ и сестра Варвары Васильевны, пріѣхавшіе за нею изъ деревни.

— Получила отпускъ?—быстро спросилъ Сергѣй въ самыхъ дверяхъ.

— Получила!

— Чудесно! Значитъ, ѣдемъ!

— Сережа, Катя! Садитесь скорѣй, ѣшьте ботвинью!—сказала Марья Михайловна.

Пришедшіе поздоровались. Сергѣй крѣпко и радостно пожалъ руку Токареву,—видимо, онъ ужъ слышалъ объ немъ отъ сестры.

— А мы съ Катей пріѣхали, сунулись къ тебѣ,—обратился Сергѣй къ Варварѣ Васильевнѣ, садясь за столъ. — Тебя нѣту, сидитъ только дѣвица эта... Какъ ее? Съ психологической такой фамиліей. Сказала, что вы сюда пошли... Ну, а ты, шишъ, какъ поживаешь?—спросилъ онъ Павлушу.—Дифтеритомъ не заразился еще? Пора бы, братъ, пора бы тебѣ схватить хорошій дифтеритикъ!

— Ахъ, Сережа, ну, что это такое?! — воскликнула Марья Михайловна.

— Нѣтъ, ей Богу, слѣдовало бы ему заразиться! — серьезно произнесъ Сергѣй.—Живутъ въ деревнѣ, мать—по образованію фельдшерица, и не позволяетъ бабамъ приносить къ себѣ больныхъ ребятъ,—заразятъ Павлушеньку!

— Ну, Сережа, мы лучше объ этомъ не будемъ говорить!—сказала Марья Михайловна, начиная волноваться. — Я не могу заниматься общественными дѣлами. Женщина, имѣя дѣтей, должна жить для нихъ,—это мое глубокое убѣжденіе.

— Какое же это общественное дѣло—каломелю или хинину дать ребенку?—изумленно спросилъ Сергѣй.

— Мы дѣлаемъ для народа все, что можемъ. Благодаря Борису, въ нашемъ уѣздѣ прибавлено восемь новыхъ фельдшерскихъ пунктовъ, увеличена сумма, отпускаемая на лекарства... Мы за это имѣемъ право не подвергать опасности Павлушу. Я могу жертвовать собою, а не ребенкомъ,—сказала Марья Михайловна, обращаясь взглядомъ къ Токареву за сочувствіемъ. — Владиміръ Николаевичъ, что-жъ вы себѣ лафиту не наливаете? Боря, налей Владиміру Николаевичу... Нѣтъ, право, эта молодежь — такая всегда прямолинейная!—продолжала она.—Недавно продали мы наше мценское имѣніе,—только одни расходы съ нимъ. Сережа смѣется: будете, говоритъ, теперь стричь купоны?.. Я рѣшительно не понимаю, — что-жъ дурного въ томъ, чтобъ купоны стричь? Почему это хуже, чѣмъ хозяйничать въ имѣніи?

— Я ничего противъ купоновъ не имѣю,—возразилъ Сергѣй съ легкою улыбкою.—Но Борису Александровичу не восемьдесятъ лѣтъ, чтобъ сидѣть на ворохѣ бумагъ и рѣзать купоны.

— Это все равно. Мы не имѣемъ права рисковать капиталомъ.

— Почему такъ?

— Деньги отъ мценскаго имѣнія цѣликомъ должны остаться для Павлуши, — медленно проговорила Марья Михайловна, съ улыбкою глядя вдаль и поправляя кольца на своихъ бѣлыхъ, мягкихъ пальцахъ.

Послѣ цыплятъ подали мороженое, потомъ кофе. Сергѣй перешептывался съ Таней. Будиновскій курилъ сигару и своимъ медленнымъ, слегка меланхоличнымъ голосомъ разсказывалъ Токареву объ учрежденномъ имъ въ Томилинскѣ обществѣ трезвости.

— А какую прекрасную публичную лекцію въ пользу этого общества прочелъ у насъ недавно Осьмериковъ, Алексѣй Кузьмичъ!—обратилась Марья Михайловна къ Токареву.—О рентгеновскихъ лучахъ... Это учитель гимназіи нашей,—такой талантливый человѣкъ, удивительно! И какъ его дѣти любятъ! Вотъ, если бы у насъ все такіе учителя были, я бы не боялась отдать Павлушу въ гимназію.

— Дѣйствительно, удивительно дѣти его любятъ! — сказала Варвара Васильевна.—Весною встрѣтилась я съ нимъ на улицѣ, идетъ въ цѣлой толпѣ гимназистиковъ. Разговариваю съ нимъ, а мальчуганъ сзади стоитъ и тихо, любовно гладитъ его рукою по рукаву... Такъ жалко его, бѣднягу, — въ злѣйшей чахоткѣ человѣкъ.

— Только ужасно долго онъ лекцію эту читалъ, — улыбну-

лась Марья Михайловна.—Два часа безъ перерыву! Хоть и демонстраціи были, а все-таки утомительно слушать два часа подрядъ.

— Да, у насъ вообще не привыкли долго слушать, — сказалъ Токаревъ.—Вотъ въ Германіи,—тамъ простой рабочій слушаетъ рѣчь или лекцію три-четыре часа подрядъ, и ничего, не устаетъ.

— Такъ это почему?—возразила Марья Михайловна.—Они сидятъ себѣ, пьютъ пиво и слушаютъ; женщины вяжутъ чулки... Когда чѣмъ-нибудь занимаешься, всегда легче слушать. Да вотъ, напр.,—мы иногда съ Борисомъ читаемъ по вечерамъ „Русское Богатство". Я читаю, а онъ слушаетъ и рисуетъ лошадиныя головки. Это очень помогаетъ слушать.

— Ч-чортъ знаетъ, что такое!—расхохотался Сергѣй, слышавшій конецъ разговора.—Лошадиныя головки... А вѣдь остроумно вы это придумали!

Онъ смѣялся самымъ искреннимъ и веселымъ смѣхомъ. Будиновскій сконфузился.

— Ну, Маша, что ты такое разсказываешь? — проговорилъ онъ нахмурившись. — Просто, водишь машинально карандашомъ по листу, а по твоему разсказу выходитъ такъ, что безъ лошадиныхъ головокъ я и слушать не могу.

— Нѣтъ, я только говорю, что это все-таки помогаетъ сосредоточиваться,—возразила Марья Михайловна, оправдываясь.—Вѣдь правда, какъ-то легче слушать!

Сергѣй нѣсколько разъ замолкалъ и опять прорывался смѣхомъ. Таня скучала. Варвара Васильевна поспѣшила перевести разговоръ на другое.

Опять раздался звонокъ. Вошелъ господинъ, невысокаго роста и худой, съ большою, остриженною подъ гребешокъ головою и оттопыренными ушами; лицо у него было коричневое, какого-то нездороваго цвѣта, лѣтній пиджакъ болтался на костлявыхъ плечахъ, какъ на вѣшалкѣ.

— А-а, Алексѣй Кузьмичъ!— привѣтливо протянула Марья Михайловна.—Вотъ легокъ на поминѣ! А мы только что говорили о вашей лекціи. Всѣ отъ нея положительно въ восторгѣ!

— Угу!—какъ-то странно пробурчалъ Осьмериковъ и подошелъ къ ней поздороваться; онъ подошелъ, втянувъ наклоненную голову въ поднятыя плечи, какъ будто ждалъ, что Марья Михайловна сейчасъ ударитъ его по головѣ палкою.

— Ну, здравствуйте! — проговорилъ онъ сиплымъ голосомъ, сѣлъ и нервно провелъ рукою по стриженой головѣ.—А я слышалъ отъ Викентія Францевича, что вы пріѣхали, — вотъ забѣжалъ къ вамъ... Да, вотъ что! Кстати!—Осьмериковъ уставился

на Сергѣя своими тусклыми глазами. — Скажите, вы не знаете, Коломенцовъ Александръ кончаетъ въ этомъ году?

— Ужъ кончилъ, кажется,—небрежно отвѣтилъ Сергѣй. — Даже при университетѣ оставленъ.

— А-а! — хрипло произнесъ Осьмериковъ. — Дай-Богъ, дай-Богъ!

— Ну, не знаю, чего тутъ „дай-Богъ“. Вѣдь это полнѣйшая бездарность!

— Зато работникъ! Это гораздо важнѣе!—отрывисто возразилъ Осьмериковъ своимъ сиплымъ, срывающимся голосомъ.—Для жизни нужны работники, а не одаренные люди... Охъ, ужъ эти мнѣ одаренные люди? Вы мнѣ, пожалуйста, не говорите объ нихъ! Я имъ *ничего* не довѣрю, никакого дѣла,—вашимъ „одареннымъ людямъ“!

— Одн-нако! — удивился Сергѣй. — Ужъ что что другое, а бездарность-профессоръ—это нѣчто прямо невозможное.

— Да вѣдь свѣточей-то среди нихъ—всего два-три процента, не больше!—воскликнулъ Осьмериковъ.—А остальные... Вотъ я недавно былъ въ Москвѣ на физико-математическомъ съѣздѣ. Ужасъ, ужасъ!.. У-ужасъ!—повторилъ онъ и, поднявшись, быстро оглядѣлся по сторонамъ.—Гдѣ люди? Нѣту ихъ! Профессоръ математики, ученый человѣкъ, европейская величина, а заставь его поговорить съ ребенкомъ,—онъ не можетъ! Слишкомъ самъ онъ большая величина. Ребенокъ для него—логариѳмъ! Вотъ эдакая коробочка, въ которую нужно запихивать знанія,—пихай! Изволите видѣть? Во-отъ-съ!.. А я вамъ скажу: умный человѣкъ не тотъ, кто умѣетъ логически мыслить, а тотъ, кто понимаетъ чужую логику и умѣетъ въ нее войти!.. Вотъ иной разъ у меня же въ классѣ. Толкуешь, толкуешь мальчишкѣ,—никакъ не возьметъ въ толкъ. Кто виноватъ? Я! Я не поймалъ его логики!.. Вызовешь другого мальца: ты понялъ?—Понялъ!—Ну, ступай съ нимъ за доску, объясни ему тамъ... И объяснитъ! А я вотъ, старый дуракъ, не сумѣлъ!

Онъ снова быстро сѣлъ на стулъ и придвинулся съ нимъ къ столу.

— Такъ вотъ, вѣдь вы, именно, и доказываете, что педагогомъ можетъ быть только одаренный человѣкъ,—неохотно возразилъ Сергѣй.

— Нѣтъ-съ, нѣтъ-съ, я этого не доказываю! Нужно быть только добросовѣстнымъ работникомъ, не смотрѣть на жизнь свысока, не презирать ея! Не презирать чужой души, не презирать чужой логики!

Осьмериковъ говорилъ быстро и нервно, глядя въ глаза Сергѣя своими круглыми и тусклыми, какъ-будто безцвѣтными, и въ то же время проницательными глазами.

— Бездарный работникъ именно на это-то и неспособенъ,— сказалъ Сергѣй.

— Почему нѣтъ? Почему нѣтъ?

— Потому что онъ слишкомъ преклоняется передъ...

— Почему нѣтъ?

— ...Передъ собственной логикой. Она для него—все.

— Намъ нужны „большія дѣла“, на малыя мы плюемъ... Почему нѣтъ?

Осмериковъ снова порывисто всталъ и началъ оглядываться, какъ-будто собираясь немедленно уйти, потомъ опять сѣлъ.

— „Одаренные люди“!.. О, Господи! Избави нашу жизнь отъ одаренныхъ людей!—воскликнулъ онъ.—Они-то все и баломутятъ, они-то и мѣшаютъ нормальному теченію жизни!.. Вотъ, я вамъ прямо скажу: вы—одаренный человѣкъ. Я все время видѣлъ это, когда вы были моимъ ученикомъ. И тогда же я сказалъ себѣ: для жизни отъ васъ толку не будетъ!.. Васъ вотъ въ прошломъ году исключили изъ Московскаго университета, черезъ годъ исключатъ и изъ Юрьевскаго. И кончите вы жизнь мелкимъ чинушей въ акцизѣ или сопьетесь съ кругу. Почему? Потому что намъ нужно „большое дѣло“, обыденный, будничный трудъ для насъ скученъ и пошлъ, къ „пай-мальчикамъ“ мы питаемъ органическое отвращеніе!

— Вѣрно! Прямо органическое отвращеніе питаю!—подтвердилъ Сергѣй.

— Ну, во-отъ! Не правда, что?—обрадовался Осмериковъ.— Сѣрые, обыденные люди для насъ не существуютъ, они для насъ— вотъ тутъ, подъ диваномъ!.. Милый мой, дорогой! Жизнь жива сѣрыми, тусклыми людьми, ея большое дѣло творится изъ малаго, скучнаго и ничтожнаго!..

Таня встала.

— Мнѣ пора идти!—сказала она.—Нужно еще поспѣть въ статистическій комитетъ.

— Господа! Пойдемте, намъ вѣдь тоже ужъ давно пора!— обратился Сергѣй къ остальнымъ.

Всѣ поднялись и стали прощаться.

III.

Они вышли на улицу. Вечерѣло. Вдали еще глухо шумѣлъ городъ, но ужъ чувствовалась наступающая тишина. По бокамъ широкой и пустынной Стародворянской улицы тянулись домики, тонувшіе въ садахъ, и отъ широкой улицы они казались странно-маленькими и низенькими.

— Кто этотъ грибъ?—спросила Таня.

— Осьмериковъ-то?.. „Чистая душа“!—усмѣхнулся Сергѣй.—Вѣдь, дѣйствительно, вся душа свѣтится! Но сколько онъ народу среди учениковъ перепортилъ своею чистою душою!

— Какъ душно съ ними!—сказала Таня, быстро поведши плечами.—И какое все кругомъ маленькое, низенькое, смирное,—совсѣмъ вотъ, какъ эти домики!.. И ариѳметика, и чувства—все какое-то особенное: малое больше большого, сѣрое ярче краснаго...

— А какъ вы нашли Марью Михайловну?—обратилась Варвара Васильевна къ Токареву.

— Какая она стала... мягкая и бѣлая!—улыбнулся Токаревъ.

— Страшно! Страшно, какъ человѣкъ мѣняется!—задумчиво произнесла Варвара Васильевна.—Вѣдь одно лишь имя осталось отъ прежняго... Что значитъ семья и дѣти!..

— Да,—вздохнулъ Сергѣй,—много я видалъ семейныхъ счастій, и нахожу, что на свѣтѣ ничего нѣтъ тухлѣе семейнаго счастья.

— И это положительно что-то роковое лежитъ въ женщинѣ,—продолжала Варвара Васильевна;—ребенокъ заслоняетъ отъ нея весь большой міръ... Нѣтъ, страшно, страшно!.. Никогда бы не пошла замужъ!

— Я не знаю, отчего?—проговорила Таня съ неопредѣленною улыбкою.—Все зависитъ отъ самого же человѣка. Я бы вышла, если бы захотѣла.

— Совершенно съ вами согласенъ! — рѣшительно сказалъ Сергѣй.—Люди устраиваютъ себѣ тухлятину; виноваты въ этомъ только они сами. Почему отсюда слѣдуетъ, что нужно давить себя, связывать, взваливать на себя какія-то аскетическія ограниченія? Разъ это—потребность, то она свята, и бѣжать отъ нея стыдно и смѣшно... Эхъ, ночь какая будетъ!—прервалъ онъ себя.—Господа, чуете? Давайте, выѣдемъ сегодня же! Лошади отдохнули, а ночи теперь лунныя, свѣтлыя... Заберемъ всю колонію съ собою и поѣдемъ!

У Тани разгорѣлись глаза.

— Вотъ это славно!—воскликнула она.—Въ такомъ случаѣ обязательно поѣду! Имъ всѣмъ полезно будетъ отдохнуть: въ Питерѣ жили чортъ знаетъ какъ, на голодѣ сами голодали, а тутъ ужъ совсѣмъ пооблѣзли... Превосходно! Всѣ и поѣдемъ!

Когда они пришли въ колонію, тамъ всѣ сидѣли за работой.

— Ну, ребята, одѣвайтесь! Ѣдемъ въ деревню!—объявилъ Сергѣй.

— Да ну-у?—просіялъ Борисоглѣбскій.—Вотъ такъ здорово!.. Серьезно?

Сергѣй молча оглядѣлъ его и сдѣлалъ сконфуженную рожу.

— Прости, братъ-Митрычъ! Я пошутилъ!

— Статистику съ собою заберемъ, и тамъ можно будетъ работать,—оживленно говорила Таня. — А деревня, говорятъ, чудесная! Славно недѣльку проживемъ!

Митрычъ слабо свистнулъ и съ торжествующимъ видомъ запрыгалъ по комнатѣ, неуклюже поднимая свои ножищи въ большихъ сапогахъ.

— Чай, и простокваша есть у васъ тамъ?.. Собирайся, ребята!

— Ишь, зачуялъ простоквашу, взыгралъ!.. Ну, забирайте свою статистику, одѣвайтесь. А я пойду на постоялый, велю закладывать лошадей,—сказалъ Сергѣй.

Шеметовъ колебался.

— Сколько до вашей деревни верстъ-то?—спросилъ онъ.

— Тридцать.

— Чортъ ее, вотъ охота по пыли трястись! Я не поѣду,—рѣшительно проговорилъ Шеметовъ.

— Ну, слушайте, что вы! Поѣдемте!—воскликнула Варвара Васильевна.

— Чего я поѣду? Что я, простокваши вашей, что ли, не видалъ? Не хочу я.

— Что-то онъ больно ужъ презрѣніемъ полонъ... Что такое?—въ раздумьѣ проговорила Таня.

— Слушай, Сашка, будетъ дурить! — нетерпѣливо сказалъ Сергѣй.

Шеметовъ сталъ серьезнымъ.

— Нѣтъ, слушай, я не шучу. Мнѣ хочется поработать, почитать, а въ деревнѣ у васъ будешь развлекаться.

— А-а, вотъ оно что!— сообразила Таня.—Вѣдь у него урокъ, онъ только на два дня можетъ поѣхать, на праздники, а во вторникъ долженъ воротиться. Вы его назадъ черезъ два дня можете доставить?

— Господи, да конечно!—воскликнула Катя.—До станціи отъ насъ всего пять верстъ. И телѣжку можно запречь, и такъ, пѣшкомъ, мы васъ проводимъ.

— Такъ вы такъ бы съ самаго начала и говорили!—проворчалъ Шеметовъ съ пробивающеюся сконфуженною улыбкою.

— Чортъ знаетъ, что такое! Чего-жъ ты прямо не сказалъ?—изумился Сергѣй.

— Онъ всегда такой!— засмѣялась Таня.—Кипитъ презрѣніемъ,— значитъ, фонды плохи. Придетъ въ Петербургѣ. „Ѣсть хотите?“ Если скажетъ: „хочу“, значитъ, не особенно голоденъ. А придетъ голодный, цѣлый день не ѣвши,—конецъ! Отъ всего отказывается. Пошлешь за колбасой, сыромъ,—фыркаетъ: „стану я эту колбасу ѣсть,—она изъ собачины дѣлается!“ Ворчитъ, фыркаетъ, а у самого за ушами такъ и трещитъ.

— Слушайте, Шеметовъ, вы вѣдь у Домниныхъ даете урокъ?— спросила Варвара Васильевна.

— Да.

— Такъ вотъ что. Я съ ними хорошо знакома; пойду сейчасъ и попрошу, чтобъ они васъ отпустили на недѣлю... Только, господа, еще одно: нужно будетъ и Ольгу Петровну взять съ собою, Темпераментову.

— Оо-о!—застонала Таня, скорбно уронивъ руки.

— Ну, Таня, ну, что же дѣлать? Пускай и она немного отдохнетъ. Вѣдь совсѣмъ, бѣдная, заработалась за зиму!

— Отрава!—вздохнулъ Митрычъ.— Аппетита къ жизни лишаетъ человѣка!.. А что оно, конечно, того... Нужно же и дѣвчонкѣ отдохнуть, это вѣрно!

Варвара Васильевна и Сергѣй ушли.

Дѣло Шеметова уладилось. Въ девятомъ часу вечера изъ города выѣхалъ запряженный тройкою тарантасъ, биткомъ набитый народомъ. Сидѣли на козлахъ, на приступочкахъ, вездѣ. Сергѣй правилъ.

— Селедки, селедки моченыя!— тонкимъ голосомъ кричалъ Шеметовъ, когда навстрѣчу попадались проѣзжіе мужики.

Тарантасъ выкатилъ на мягкую дорогу. Заря догорѣла, взошла луна. Лошади бѣжали бойко, Сергѣй ухалъ и свисталъ, въ тарантасѣ спорили, пѣли, смѣялись.

Была глухая ночь, когда гости пріѣхали въ Изворовку. Ихъ не ждали. Встала хозяйка, Конкордія Сергѣевна Изворова, суетливая, радушная старушка. Пріѣхавшимъ подали молока, простокваши, холодной баранины. Сонныя дѣвки натаскали въ гостиную свѣжаго сѣна и на немъ постелили гостямъ постели. Ужъ свѣтало, когда всѣ,—оживленные, веселые и смертельно-усталые,— залегли спать и заснули мертвецки.

IV.

Изворбвка была старинная барская усадьба, — большая и когда-то роскошная, но теперь все въ ней разрушалось. На огромномъ домѣ крыша проржавѣла, штукатурка облупилась, службы разрушались; великолѣпенъ былъ только садъ,—обширный, тѣнистый и заросшій, съ кирпичными развалинами оранжерей и бань. Самъ Изворовъ, Василій Васильевичъ, съ утра до вечера пропадалъ въ полѣ. Его отношенія къ семьѣ были странныя. Онъ былъ работникъ, хозяйничалъ усердно, но все, что вырабатывалъ съ имѣнія, проигрывалъ въ карты. Сергѣй содержалъ себя въ университетѣ самъ, Варя отслуживала въ больницѣ земскую стипендію, Катю съ грѣхомъ пополамъ поддерживала въ гимназіи

Конкордія Сергѣевна; она урывала отъ домашняго хозяйства все, что могла, продавала свиней, гусей, пеньку, и деньги прятала отъ мужа. Василій Васильевичъ предоставилъ дѣтямъ полную свободу и не предъявлялъ къ нимъ никакихъ правъ. Установилось какъ бы молчаливое соглашеніе: вы дѣлайте, что хотите, но и я буду дѣлать, что хочу.

Жизнь для гостей текла привольная. Вставали поздно, купались; потомъ пили чай и расходились по саду заниматься. На скамейкахъ аллей, въ бесѣдкахъ, на землѣ подъ кустами, вездѣ сидѣли и читали, — въ одиночку или вмѣстѣ. Послѣ завтрака играли въ крокетъ или въ городки, слушали Катину игру на рояли. Вечеромъ уходили гулять и возвращались поздно ночью. Токаревъ чувствовалъ себя очень хорошо въ молодой компаніи и наслаждался жизнью.

Прошла недѣля. Завтра „колонія“ должна была уѣзжать. На прощаніе рѣшили идти куда-нибудь подальше и прогулять всю ночь. Былъ шестой часъ вечера. Токаревъ и студенты сидѣли съ простынями подъ „ближними елками“ и ждали, когда выкупаются барышни. День былъ очень жаркій и тихій, въ воздухѣ парило.

— Эй, дѣвицы! Скорѣй!—крикнулъ Сергѣй.—Прохлаждаются себѣ ужъ два часа, а тутъ кисни... Эй, барышни! Потопли вы тамъ, что ли?

Отъ террасы быстро прошла по дорожкѣ Таня, съ простынею на плечѣ и книгою подмышкой.

— Тэ-тэ-тэ!.. Татьяна Николаевна! Это что же, вы только еще идете купаться?—спросилъ Сергѣй.

— Я въ одну минуту буду готова, только одинъ разъ окунусь,—быстро отвѣтила Таня.

— Слушай, Таня, вѣдь это невозможно!—раздраженно замѣтилъ Токаревъ.—Вѣдь кричали тебѣ купаться,—нѣтъ, сидѣла и читала, а знаешь, что люди ждутъ. А когда кончаютъ, теперь идешь. Еще полчаса ждать!

— Ну, вотъ увидишь, я съ ними въ одно время ворочусь,—сказала Таня и прошла.

Токаревъ прикусилъ губу, стараясь не показать своего раздраженія. Какъ разъ вчера утромъ онъ проспалъ и шелъ купаться, когда тамъ уже купались, а Таня сидѣла подъ елками и ждала. Она энергично воспротивилась и не пустила его,—„по одиночкѣ будете ходить, такъ цѣлый день придется тутъ ждать!..“ А сегодня сама дѣлаетъ то же самое...

— Чортъ возьми, голова трещитъ!—проговорилъ Шеметовъ, сидя на столѣ и лѣниво раскачивая ногами.—Обломъ этотъ, свинья Митрычъ,—въ восемь часовъ сегодня поднялъ... Слушай, Сережка,

убери ты его, пожалуйста, отъ насъ въ другую комнату, я съ нимъ, съ подлецомъ, не могу спать.

Митрычъ, осклабивъ лицо, посмѣивался.

— Ты же самъ вчера просилъ разбудить тебя, — напомнилъ онъ.

— А сегодня утромъ я тебя просилъ не будить... Чортъ знаетъ, какъ восемь часовъ,—хватаетъ и стаскиваетъ съ постели. Эдакая свинья!

— А ужъ Сашка-то тутъ извивается! — засмѣялся Вегнеръ. — „Осторожнѣе, ты меня запуталъ!..“ „Ой, Митрычъ, оставь, я очень похудѣлъ!..“ Богъ знаетъ, что говоритъ, и самымъ серьезнымъ, озабоченнымъ тономъ.

— Потѣха у насъ... того... бываетъ съ ними по утрамъ!—обратился Митрычъ къ Токареву. — Вечеромъ просятъ будить: это, говорятъ, развратъ,—спать до полудня. Ну, я и стараюсь. Значитъ, стащишь Сашку съ постели, онъ ругается, ругается, а потомъ вдругъ вскочитъ и бросится нѣмца стаскивать съ кровати.

— Нѣтъ, я, главное, не понимаю, для чего будить!—сердито продолжалъ Шеметовъ. — Не выспавшійся человѣкъ не въ состояніи работать; что же онъ? Будетъ только сидѣть надъ книгой и клевать носомъ; это все равно, что пустымъ ведромъ воду черпать!

— Гм... А ты полагаешь, что обыкновенно воду черпаютъ полнымъ ведромъ?—спросилъ Сергѣй.

— Полнымъ, пустымъ,—мнѣ все равно!—проговорилъ Шеметовъ.—Я вашихъ пословицъ вовсе не желаю знать!

— Онъ вообще насчетъ пословицъ и цитатъ любитель,—замѣтилъ Вегнеръ.—Вчера вдругъ провозглашаетъ:

На свѣтѣ много есть, мой другъ Гораціо,
Чего нехитрому уму не выдумать и ввѣкъ!

Увѣряетъ, что это Шекспиръ сказалъ...

— Эй, вы, дѣвицы!!—заоралъ Сергѣй.—Скоро вы?!

— Сейча-асъ!—донесся отъ пруда голосъ Тани. Но тамъ все слышались плескъ воды и смѣхъ.

Токаревъ кипѣлъ. Что за безцеремонность! Она даже не считаетъ нужнымъ поторопиться!.. Вообще за эту недѣлю у Токарева много накопилось противъ Тани. Пріѣхавшая съ ними изъ Томилинска Темпераментова была, дѣйствительно, невыносимо скучна, но такъ третировать человѣка, какъ третировала ее Таня, было положительно невозможно. Больше же всего Токарева возмущало въ Танѣ ея невыносимое „разгильдяйство“: она пріѣхала сюда, не взявъ съ собою изъ одежды рѣшительно ничего,—„не стоитъ возиться,“ а тутъ безъ церемоніи носила бѣлье и платья Варвары Васильевны и Кати. Такъ же она относилась и къ чу-

жимъ деньгамъ: Токаревъ изъ своего скуднаго заработка въ Пожарскѣ высылалъ ей въ Петербургъ денегъ, чтобъ дать ей возможность кончить курсы, ни разу она не отказалась отъ денегъ, хотя могли же быть у нея хоть иногда кой-какіе заработки; этою весною она вышла съ курсовъ, ничего ему даже не написала, а деньги отъ него продолжала получать.

— Идите! Можно!—раздалось наконецъ со стороны пруда.

Барышни поднимались по тропинкѣ.

— Ну, вотъ видишь, въ одно время кончила со всѣми!—обратилась Таня къ Токареву.

Онъ ничего не отвѣтилъ и прошелъ мимо.

Горячее солнце играло на гладкой и чистой поверхности большого пруда, старыя ивы на плотинѣ свѣшивали вѣтви къ водѣ. Отъ берега шли мостки къ купальнѣ, обтянутой ветхою, посѣрѣвшею парусиною, но всѣ раздѣвались на берегу, на лавочкахъ подъ большою березою.

Шеметовъ и Сергѣй лѣниво раздѣлись и остались сидѣть на скамейкѣ. Вегнеръ ужъ давно былъ въ водѣ; маленькій и юркій, онъ, какъ рыба, нырялъ и плескался по серединѣ пруда.

— Слушай, нѣмецъ, вода теплая?—спросилъ Шеметовъ.

— „Пріятная“!—значительно крикнулъ Вегнеръ.

— Гм....—Шеметовъ взошелъ на мостки и попробовалъ ногою воду.—Д-да, „пріятная“!..—протянулъ онъ.

Борисоглѣбскій стоялъ на берегу,—огромный, мускулистый и голый, обросшій жесткими черными волосами, съ странно-щурившимися безъ очковъ глазами. Протянувъ руку впередъ, онъ пѣлъ своею глубокою, рычащею октавою:

Проклятый міръ!
Презрѣнный міръ!
Несчастный,
Ненавистный мнѣ...

— Ой, чортъ!..

Шеметовъ съ мостковъ брызнулъ въ него водою.

— Ну, что за свинья! Вѣдь холодная она, вода-то!—серьезно замѣтилъ Борисоглѣбскій; онъ потеръ себѣ ляжки и продолжалъ:

Несчастный,
Ненавистный мнѣ міръ!..

Сергѣй перемигнулся съ Шеметовымъ и Вегнеромъ, съ невиннымъ видомъ вошелъ въ воду,—и на Митрыча полился цѣлый дождь брызгъ.

— Чер-рти!! — зарычалъ Митрычъ и ринулся къ берегу. Вегнеръ и Сергѣй, какъ лягушки, бросились въ воду, Шеметовъ передъ носомъ Митрыча захлопнулъ дверь купальни и заперся на

крючокъ. Митрычъ, сильный, какъ медвѣдь, плавалъ плохо и въ водѣ чувствовалъ себя неувѣренно.

— Погодите вы, черти! — произнесъ онъ. — Выйдете на берегъ, я васъ каждаго заставлю „Проклятый міръ“ спѣть!

— Ребята!—крикнулъ изъ купальни Шеметовъ.—Заключимъ противъ него общій морской союзъ!

— Идетъ!—отозвался съ середины пруда Сергѣй.—Лѣзь въ воду, Сапка!

— Да вода, братъ, холодная!—отозвался Шеметовъ.

Сражался я, искалъ я смерти,
Но остался живъ...—

пѣлъ на берегу Борисоглѣбскій.

Сергѣй и Вегнеръ, тихо, стараясь не шумѣть, подплывали къ купальнѣ.

— Ой, подлецы!.. Карау-улъ!!—завопилъ вдругъ въ запертой купальнѣ Шеметовъ, подъ хохотъ другихъ голосовъ. Сергѣй и Вегнеръ нырнули въ купальню и обрызгали Шеметова.

— Ой!.. Погодите вы, черти,—мнѣ вамъ что-то нужно сказать!—кричалъ Шеметовъ, а вода бурлила въ купальнѣ, и брызги взлетали высоко вверхъ.

Дверь хлопнула, и Шеметовъ бомбою вылетѣлъ на берегъ.

И будешь ты царицей мі-і-іра,
Подруга первая моя!..—

рявкнулъ Борисоглѣбскій и, широко разставивъ руки, облапилъ Шеметова.

— Ой, Митрычъ, погоди! Что мнѣ тебѣ нужно сказать!—серьезнымъ, озабоченнымъ тономъ говорилъ Шеметовъ.—Поосторожнѣе, пожалуйста, я запутался!

— Онъ запутался!—смѣялись въ купальнѣ.

— Пой: „Проклятый міръ!“

— Убирайся къ чорту!.. Ахъ ты, кутья несчастная!

Шеметовъ ловко дернулся и обхватилъ Борисоглѣбскаго. Началась борьба. Шеметовъ, ловкій и стройный, искусно увертывался отъ попытокъ Митрыча сломить ему спину. Тѣла ихъ переплелись, напрягшіяся крѣпкія мышцы оставляли на кожѣ красные слѣды. Митрычъ съ силою налегъ на Шеметова, тотъ увернулся и брякнулъ Митрыча на земь, но Митрычъ ужъ на землѣ подмялъ его подъ себя.

— А-а, братъ!—задыхаясь, произнесъ Борисоглѣбскій, взбираясь на Шеметова.—Ну, пой: „Проклятый міръ!“

И онъ запустилъ ему свой толстый большой палецъ подъ ребра.

— Бо-ольно, Митрошка!

— Пой: „Проклятый міръ!“

— Ой-ой!.. Кишки выдавишь, свинья!

— Пой,—сейчасъ пущу!.. „Прокля-атый міръ!..“

— „Проклятый міръ“—неистово завопилъ Шеметовъ.

— „Презрѣ-ѣнный міръ!.. Несчастный!..“—подсказывалъ Борисоглѣбскій, ворочая пальцемъ подъ ребрами Шеметова.

— „Презрѣнный, міръ!..“ Ой Митрофанъ проклятый, саврасъ безъ узды!..

— „Несча-астный!..“—сосредоточенно и мрачно подсказывалъ Митрычъ.

— „Несча-астный!..“

— Морской союзъ идетъ на континентъ!—крикнулъ Сергѣй. Онъ и Вегнеръ выскочили изъ воды и вцѣпились въ Митрыча.

Четыре тѣла слились въ общую кучу; они возились и барахтались на травѣ, и среди нихъ выдавалось красное, напруженное лицо Митрыча и его огромныя, мускулистыя руки, охватывавшія сразу двоихъ, а то и всѣхъ троихъ. Токаревъ сидѣлъ на скамейкѣ и, смѣясь, смотрѣлъ на борьбу. Ему бросилось въ глаза злобно-нахмуренное лицо Сергѣя, придавленнаго къ землѣ локтемъ Митрыча. Наконецъ, Борисоглѣбскаго подмяли подъ низъ, и всѣ трое навалились на него.

— Пой: „Проклятый міръ!“—крикнулъ Сергѣй, съ все еще злымъ лицомъ, запуская ему палецъ въ животъ.

— „Прокля-атый міръ!“—покорно заоралъ Митрычъ,—такъ дико, что галки на ивахъ всполыхнулись и съ крикомъ полетѣли прочь.

— Дальше!

— „Презрѣ-ѣнный міръ!.. Несчастный!.. Ненавистный мнѣ міръ!..“

Его выпустили. Всѣ поднялись,—красные, взлохмаченные, задыхающіеся.

— Этакая гнусная привычка!—возмущался Шеметовъ, поглаживая ладонью бока.—Чуть что, сейчасъ палецъ подъ девятое ребро,—радъ, что анатомію знаетъ,—и пой ему: „Проклятый міръ!..“ Да можетъ быть, я въ этотъ моментъ совсѣмъ не расположенъ пѣть?

— Скоты эдакіе! Самому мнѣ все брюхо разворочали!—сказалъ Митрычъ.

— Такъ вѣдь тебѣ-то это такъ и слѣдовало,—увѣренно произнесъ Шеметовъ.— Ну, ребята, довольно возиться! Нужно купаться. Чуръ, не брызгаться... Только у меня что-то ужъ и охота прошла въ воду лѣзть!—вздохнулъ онъ.

— А раньше бо-ольшая охота была!—засмѣялся Вегнеръ.

— Молчи ты, плюгашъ паршивый! Предатель! Я съ тобою и разговаривать не хочу... Владиміръ Николаевичъ!—обратился онъ къ Токареву.—Пойдемте въ купальню, какъ полагается при-

личнымъ людямъ.—Онъ взялъ Токарева подъ руку и важно прошелъ съ нимъ въ купальню.—Ишь, всю купальню замочили! Порядочному человѣку и выкупаться нельзя!

— Ну, вправду, ребята, чуръ не брызгаться! Будетъ!—сказалъ Борисоглѣбскій.

Вегнеръ и Сергѣй поплыли на ту сторону пруда. Митрычъ три раза окунулся въ купальнѣ и вылѣзъ въ прудъ.

— У-у, песъ твою голову отверти! Хорошо!—въ восторгѣ загоготалъ онъ, подпрыгивая и окунаясь до плечъ. Токаревъ тоже влѣзъ въ воду. Только Шеметовъ стоялъ, опираясь о перекладину купальни, и болталъ ногою въ водѣ.

— Ключи у васъ здѣсь какіе-то бьютъ на днѣ, что-ли?—ворчливо проговорилъ онъ.—Вода какая холодная!

— Лѣзь, Сашка, а то опять обрызгаю!—крикнулъ съ того берега Сергѣй.

— Я те „обрызгаю!“—погрозился Шеметовъ и вздохнулъ.—Нѣтъ, ей-Богу, я нахожу это прямо безнравственнымъ: зачѣмъ я буду насиловать свое тѣло? Я и безъ того прозябъ, инстинктъ тянетъ меня согрѣться, а какой-то нелѣпый долгъ повелѣваетъ лѣзть въ холодную воду.

Митрычъ стоялъ, по грудь въ водѣ, и мылилъ себѣ голову. Шеметовъ встрепенулся, тихонько соскользнулъ въ купальню и исчезъ подъ водою.

— Уу-уй!!—завопилъ вдругъ Митрычъ и шарахнулся къ берегу. Изъ воды вынырнуло смѣющееся лицо Шеметова.

— Ну, братъ, напугалъ ты меня! Я думалъ,—ракъ!—сказалъ Митрычъ.

— „Ра-акъ“... Будешь ты впередъ „Проклятый міръ“ заставлять меня пѣть?

— Ну, ребята, одѣваться, скорѣй! А то поздно будетъ!—крикнулъ Сергѣй.

Они одѣлись и пошли къ дому. Токаревъ, одѣваясь, замѣшкался.

Широкая, еще не успокоившаяся гладь пруда играла подъ солнцемъ золотыми змѣйками, въ тихомъ вечернемъ воздухѣ ивы надъ плотиною не шевелились ни листикомъ. Токаревъ съ улыбкою смотрѣлъ вокругъ, на душѣ у него было весело и молодо.

— Славно тутъ, и славные ребята,—подумалъ онъ.

На широкой каменной террасѣ, заросшей дикимъ плющемъ, кипѣлъ самоваръ. Всѣ ужъ пили чай. Конкордія Сергѣевна, сидя за самоваромъ, растирала деревянной ложкой горчицу въ глиняной мискѣ.

— Какую это вы, Шеметовъ, пѣсню пѣли на берегу?—лу-

каво спросила Катя, выставляя изъ-за самовара свое розовое, молодое лицо.

— Это мы съ Митрычемъ спѣвались,—вздохнулъ Шеметовъ.—Дуэтъ изъ „Демона.“ Онъ Демона пѣлъ, а я Тамару,—томно произнесъ онъ.—А что, хорошо? Производитъ эстетическое впечатлѣніе?

— Прелестно! Производитъ.

— То-то!—ворчливо сказалъ Шеметовъ.—А вы думали, что только вы способны доставлять эстетическое наслажденіе, разыгрывая своихъ Шопенгауеровъ?

Катя расхохоталась и въ восторгѣ забила въ ладоши.

— А это хорошій композиторъ — Шопенгауеръ? — невинно спросила Варвара Васильевна.

— Онъ Шопена хотѣлъ сказать!—смѣялась Катя.

И всѣ смѣялись. Шеметовъ презрительно оглядывалъ ихъ.

— Смѣются! — сказалъ онъ, пожавъ плечами. — Какъ-будто композиторы бываютъ только въ области музыки!

— А гдѣ-жъ они еще бываютъ?—спросилъ Вегнеръ.

— Гдѣ! Да хоть въ философіи. Среди твоихъ нѣмцевъ есть цѣлый рядъ философовъ-композиторовъ,—напр., тотъ же Шопенгауеръ, Ницше... Платонъ...

— Да Платонъ вовсе не нѣмецъ.

— Поэтому я объ немъ и не говорю,—невозмутимо возразилъ Шеметовъ.—Вотъ еще—Фихте...

— Ну, ну, припомни, какихъ ты еще философовъ слыхалъ,—засмѣялся Сергѣй.—Вали: Гегель, Лейбницъ, Шеллингъ, Кантъ...

— Нѣтъ, они были сухими раціоналистами, — сердито отвѣтилъ Шеметовъ. — Въ нихъ не было этого... порыва, экстаза, что ли...

— Какой нахалъ!—вздохнулъ Вегнеръ.

— А какимъ голосомъ говоритъ свирѣпымъ, какъ будто хочетъ смертоубійство совершить!—воскликнула Варвара Васильевна.

— Я самымъ обыкновеннымъ голосомъ говорю, — возразилъ Шеметовъ.

— Да, обыкновеннымъ!—сказала Катя.—Мама, смотри, онъ тебѣ голову скуситъ! Налей ему поскорѣе чаю, умилостивь его!

— А, чтобъ васъ Богъ любилъ!—смѣялась Конкордія Сергѣевна, разливая въ стаканы чай.

Всѣ усердно ѣли и пили. Пришелъ Василій Васильевичъ, широкоплечій и загорѣлый старикъ, въ большихъ сапогахъ и парусиновомъ пиджакѣ. Конкордія Сергѣевна налила ему чай въ большую фарфоровую кружку съ золотыми иниціалами. Василій Васильевичъ сталъ пить, не выпуская изъ рукъ черешневаго мундштука съ дымящеюся толстою папиросою. Онъ молча слушалъ

разговоры, и подъ его сѣдыми усами пробѣгала легкая скрытая усмѣшка.

— Ну, господа, напились? Пойдемте!—сказала Таня, вставая.

— Идемъ!—воскликнулъ Сергѣй.

Всѣ поднялись.

V.

Солнце садилось въ багровыя тучи. Всѣ быстрымъ шагомъ шли по дорогѣ среди ржи. Небо было покрыто тяжелыми, лохматыми облаками, на югѣ стояла синеватая муть. Безвѣтреный, неподвижный воздухъ какъ-будто замеръ въ могильной тишинѣ.

— Гроза будетъ! Чуется въ воздухѣ! — проговорилъ Сергѣй, радостно потирая руки, съ страннымъ, нервнымъ блескомъ въ глазахъ.

— Господа, пойдемте подальше!— оживленно сказала Таня.— Ведите, Сергѣй Васильевичъ!.. Да поскорѣе, господа,—что такъ медленно?

— Медленно! И такъ почти бѣжимъ!—засмѣялась Катя.

— Правда, гроза будетъ?—встрепенулась Темпераментова.— Такъ тогда лучше воротиться, захватить калоши, а то всѣ утонемъ.

— Отъ утопленія калоши не могутъ спасти, — проворчалъ Шеметовъ.

Ольга Петровна радостно засмѣялась.

— Не отъ утопленія, а чтобъ ноги не промочить,—поправилась она.

— Не только не спасутъ калоши, а въ нихъ и топиться ходилъ,—заговорилъ Митрычъ, неуклюже шагая по пыли своими большими сапогами. — У насъ въ селѣ, гдѣ мой батька псаломщикомъ служилъ, былъ попъ, у него сынъ, въ семинаріи учился со мною. Смирный былъ мальчишка, того... Скромный. Ну, ладно. Вотъ разъ попалъ онъ въ компаніи на ярмарку,—то, другое, и напился въ дрызгъ, до ризъ положенія; не знаетъ, какъ домой попалъ. Утромъ проснулся,—голова трещитъ, лохматый; лежитъ и стонетъ: „Олена, а Олена! Подай мои колоши!..“ У насъ тамъ, въ Олонецкой губерніи, на о говорятъ. Вышелъ на дворъ, вцѣпился въ волосы... „О, позоръ, позоръ!.. Гдѣ мои колоши? Пойду, утоплюся!..“

— Господа, посмотрите, что наверху дѣлается!—вдругъ воскликнула Катя.

Тучи,—низкія, причудливо-лохматыя,—горѣли по всему небу яркими красками. Надъ головою тянулось большое, расплывающееся по краямъ облако ярко-краснаго цвѣта, далеко на востокѣ нѣжно розовѣли круглыя облачка, а ихъ перерѣзала черно-ли-

ловая гряда тучъ. Облако надъ головою все краснѣло, какъ-будто наливалось кроваво-краснымъ свѣтомъ, и все небо, покрытое странными, клубящимися тучами, выглядѣло необычно и грозно.

— Смотрите, господа, смотрите, какое у Митрыча красное лицо!—засмѣялась Катя.

— Да у васъ еще краснѣе,—возразилъ Шеметовъ.

— У всѣхъ, у всѣхъ! Господа, посмотрите другъ на друга! И дорога, и все!

Лица всѣхъ были алыя, дорога и рожь казались облитыми кровью, а зелень пырея на межахъ выглядѣла еще зеленѣе и ярче. На югѣ темнѣло, по ржи изрѣдка проносилась быстрая, нервная рябь. Потянуло прохладою, груди бодро дышали.

— Впередъ, господа, впередъ! —торопила Таня.—Эхъ, славно!

Они шли какъ разъ навстрѣчу надвигавшимся съ юга тучамъ. Тамъ поблескивала молнія, и слышалось глухое ворчаніе грома. Облако надъ головою сжалось, вытянулось и стало лиловымъ, и всѣ облака наверху стали темнѣть.

— А тамъ-то какая идиллія, посмотрите!—сказала Варвара Васильевна.

На сѣверѣ, на бирюзово-синемъ небѣ, бѣлѣли легкія облачка, все было тамъ такъ тихо, мирно и спокойно...

— Туда посмотрѣть и потомъ сразу обернуться сюда,—совсѣмъ два разныхъ міра.

Далеко на дорогѣ взвилось большое облако пыли и окутало сѣрѣвшія надъ рожью крыши деревни; видно было, какъ на горѣ вдругъ забилась старая лозина. Вѣтеръ рванулъ и понесся по ржи, по ней побѣжали большія, раскатистыя волны. И опять все стихло. Только слышалось мирное чириканье птичекъ, вдали протяжно свистнула иволга.

— Господа, не присядемъ ли мы здѣсь на минутку?—сказала Ольга Петровна.

У перекрестка дороги шелъ угломъ невысокій валъ, отгораживавшій деревенскіе конопляники. По ту сторону дороги высился запущенный садъ, сквозь плетень виднѣлись заросшія дорожки и куртины.

— Ну, вотъ еще!—запротестовала Таня.—Дальше, господа, дальше пойдемъ!

— Нѣтъ, я тоже усталъ,—присядемъ!—рѣшительно произнесъ Токаревъ.

— Ну, что-жъ, присядемъ,—согласилась Варвара Васильевна.

Ольга Петровна, Катя и Вегнеръ устало опустились на валъ.

— Такъ давайте большинствомъ голосовъ рѣшимъ,—предложила Таня.

— Я рѣшительно не понимаю, какъ такія вещи можно рѣ-

шать большинствомъ голосовъ!—заговорилъ Токаревъ, враждебно глядя на Таню. — Я удивляюсь, у тебя нѣтъ самаго элементарнаго чувства товарищества! Многіе устали, не могутъ идти, а ты хочешь большинствомъ голосовъ заставить ихъ тащиться за собою!

— Да о чемъ тутъ говорить? Отдохнемъ немного, того... покуримъ и пойдемъ дальше,—примирительно произнесъ Митрычъ и сѣлъ.

И всѣ сѣли.

— Эхъ, вы, ползучіе люди!—презрительно сказала Таня. Она продолжала стоять, жадно глядя въ надвигавшіяся тучи.

Черно-синія, тяжелыя, онѣ медленно наростали, поблескивая молніями; громъ доносился ужъ совсѣмъ явственно. За полверсты, на склонѣ горы, вдругъ бѣшено забилась и зашумѣла роща, и этотъ шумъ было странно слышать рядомъ съ неподвижнымъ, молчащимъ садомъ. Вскорѣ заревѣлъ и онъ; деревья заметались, сверкая изнанкою листьевъ.

Ночь будетъ страшная и буря будетъ злая,
Сольются въ мракъ и гулъ и небо, и земля...—

продекламировалъ Сергѣй.

— Сергѣй Васильевичъ, вы знаете Фета? — изумленно спросилъ Токаревъ.

— А почему бы мнѣ его не знать? — въ свою очередь удивился Сергѣй.—Очень даже его люблю.

— Сережа, прочти все стихотвореніе,—коротко сказала Варвара Васильевна, подперевъ подбородокъ и глядя вдаль.

Таня стояла, жадно дыша бодрымъ, прохладнымъ вѣтромъ.

— Господи, я положительно этого не могу понять!—воскликнула она.—Тутъ настоящая, живая гроза идетъ, а они сидятъ и стихи читаютъ про грозу!.. А ну, васъ! Шеметовъ, пойдемте впередъ! Мы воротимся.

— Идемъ!—Шеметовъ вскочилъ.

— А, чортъ! Я тоже съ вами! Чего тутъ киснуть?—сказалъ Сергѣй и тоже вскочилъ.

Они втроемъ пошли по дорогѣ навстрѣчу вѣтру. На югѣ сверкали яркіе зигзаги молній, громъдоносился громко, но еще довольно долго послѣ молній. Далеко на дорогѣ, на свинцовомъ фонѣ неба, бился подъ вѣтромъ легкій свѣтло-желтый шарфъ на головѣ Тани, и ярко пестрѣли красная и синяя рубашки Сергѣя и Шеметова.

— А гроза-то замѣшкается! — вдругъ лѣниво проговорилъ Митрычъ, лежавшій на брюхѣ и жевавшій сухую былинку.

Тучи, дѣйствительно, какъ-будто остановились, вѣтеръ упалъ; наверху вяло двигались клочковатыя облака,—сѣрыя, безсильныя. На нѣсколько минутъ воцарилась мертвая тишина, природа словно

подозрительно прислушивалась. Потомъ все оживилось, птицы беззаботно зачирикали.

— Господи, да вѣдь онѣ вправду остановились! — воскликнула Варвара Васильевна, глядя на неподвижныя тучи.

— А тѣ то, несчастные! — засмѣялась Катя. — Смотрите: стоятъ и ждутъ!

— Эй-эй, ребята! — зычно крикнулъ Митрычъ. — Спектакль отложенъ, ворочайтесь!

Прошло пять минутъ, десять; воздухъ и небо были неподвижны. Таня, Сергѣй и Шеметовъ повернули назадъ.

— А что, хорошая гроза? — спросила Катя.

— О, позоръ, позоръ! Гдѣ мои колоши? Пойду, утоплюся! — воскликнулъ Шеметовъ, валясь на траву.

— Ну, свалился! — возмутилась Таня. — Вставайте же, господа, пойдемте, наконецъ! Неужели еще не отдохнули?

Всѣ встали и пошли дальше. Темнѣло. Тучи на югѣ стояли неподвижно, помигивая молніями. Дорога, обогнувъ овсы, шла въ густой давыдовскій лѣсъ.

— Эхъ, славная вещь гроза! Люблю ее, — заговорила Варвара Васильевна. — Странное она на меня производитъ впечатлѣніе: она такъ поднимаетъ, въ ней есть что-то такое увѣренное, несомнѣнное и творческое... Кажется, — здѣсь, подъ грозой, не можетъ быть никакихъ раздумій и колебаній; все, что будешь дѣлать, будетъ хорошо, нужно, и будетъ какъ разъ то, что и слѣдовало дѣлать. А какъ это хорошо, — дѣйствовать, не раздумывая, когда тебя подхватитъ и понесетъ впередъ большая, могучая сила!..

— Оно такъ теперь и есть, — сказала Таня.

Варвара Васильевна помолчала.

— Гдѣ-жъ оно есть? — возразила она. — Такъ, на минуту, намъ показалось было, что что-то есть. Но это оказалось миражемъ. Опять все замутилось, опять темно; все по обычному мелко, вяло и слабо. И нѣтъ, нѣтъ того прилива, который бы подхватилъ людей цѣликомъ, нѣтъ бодрящаго воздуха, въ которомъ бы и слабые крѣпли, и падали бы сомнѣнія, и росъ бы духъ. Дорога была найдена, но она оказалась книжною.

— Господи, „книжною“! — воскликнула Таня. — Варя, вы, значитъ, совсѣмъ слѣпы, вы ничего не видите кругомъ!

— Я все, мнѣ кажется, вижу. Робкіе, слабые намеки на что-то... Помнится, Достоевскій говоритъ о вѣчномъ русскомъ „скитальцѣ“-интеллигентѣ и его драмѣ. Недавно казалось, что вопросъ, наконецъ, рѣшенъ, и скиталецъ перестаетъ быть скитальцемъ. Но развѣ это такъ? Конечно, сравнительно съ прежнимъ есть разница, но разница очень небольшая: мы по прежнему

остаемся царями въ области идеаловъ и безпріютными скитальцами въ жизни.

— Что ты такое городишь? Я рѣшительно ничего не понимаю!—раздраженно произнесъ Сергѣй, пожавъ плечами. Лицо у него, съ тѣхъ поръ, какъ они съ Таней и Шеметовымъ воротились къ перекрестку, было злое и сѣрое.

— Я говорю, что у насъ все хорошо и стройно только въ теоріи,—продолжала Варвара Васильевна.—Вотъ мы идемъ вмѣстѣ и разговариваемъ, — люди все благомыслящіе и единомыслящіе. Наши идеалы велики и свѣтлы, мы горды собою и своимъ міросозерцаніемъ. Но столкнешься съ жизнью,—и все это тускнѣетъ, и все становится такимъ маленькимъ и жалкимъ по своей безпочвенности... И жизнь говоритъ: „ты горда собою, и горда по праву, и какъ ты можешь поступаться всею полнотою и правдою твоихъ идеаловъ? Но вмѣстѣ съ этимъ, — а можетъ быть, какъ разъ вслѣдствіе этого,—ты слѣпа и неумѣла, и жизнь тебя отметаетъ“... Иногда мнѣ почти кажется, что я слышу прежнее страшное: „не суйся!..“

Таня хотѣла возразить, но Варвара Васильевна продолжала:

— И вотъ возникаютъ вопросы: идти на два или на десять шаговъ впередъ? Сами эти вопросы подлы, подлы до самой сути, они оскорбительны для меня и ставятъ меня въ фальшивое положеніе: я не могу отрекаться отъ самой себя. Но то, — могучее, стихійное,—оно меня не признаетъ, а во мнѣ нѣтъ силы, я—ничто, если не захочу признать этого стихійнаго и его стихійности.

— Чортъ знаетъ, что такое!—возмутилась Таня.—Вотъ такъ вопросы! На два, на десять шаговъ впередъ! Что мнѣ за дѣло до этого? Я хочу идти полнымъ шагомъ, и плевать мнѣ на все и на всѣхъ! Кто отстанетъ,—догоняй, а эдакъ какъ начнутъ всѣ одинъ къ другому приноравливаться, то всѣ и будутъ топтаться на мѣстѣ!

— Браво, Татьяна Николаевна! — въ восторгѣ воскликнулъ Сергѣй.—Вотъ! Вотъ это самое и есть! Все стихійность, стихійность... Еще новый богъ какой-то, передъ которымъ извольте преклоняться! На себя нужно разсчитывать, а не на стихійность! Стану я себя отрицать, какъ же! Чорта съ два!.. Смѣлѣе нужно быть, нужно идти на свой собственный рискъ и полагаться на свои собственныя силы, — только! Будь она проклята, эта стихійность!

— Вѣрно, вѣрно!—согласился и Борисоглѣбскій.—Что она мнѣ за указъ, стихійность эта? Злость у мени есть тутъ здоровенная (онъ ударилъ себя кулакомъ въ грудь), — ну, и ладно! Больше мнѣ ничего не нужно!

— Ну, и тѣшьтесь въ такомъ случаѣ бирюльками, гарцуйте съ своею злостью въ безвоздушномъ пространствѣ! — ворчливо произнесъ Шеметовъ.—А я не понимаю и не признаю, что подлаго въ тѣхъ вопросахъ, о которыхъ говоритъ Варвара Васильевна. Да, весь вопросъ именно въ томъ,—на два или на десять шаговъ впередъ! Для меня стихійность только и дорога, самый важный, самый главный вопросъ, — какъ къ ней примкнуть. А вы, кучка гарцующихъ, и будете себѣ гарцовать, пока, совершенно независимо отъ васъ, къ вамъ подойдутъ тѣ... Вы сколько ужъ времени,—тридцать, сорокъ лѣтъ гарцуете?..

Они шли теперь по лѣсной полянѣ, среди лѣса. Вокругъ поляны тѣснились темные, кудрявые дубы, и отъ нихъ поляна имѣла какой-то спокойный и серьезный видъ. Тучи на югѣ все росли и темнѣли, но вѣтру не было, и стояла глухая тишина.

Токаревъ молча шелъ и задумчиво слушалъ спорящихъ. На душѣ у него было тяжело: всѣ спорили горячо и страстно, вопросы спора, видимо, имѣли для нихъ такой жизненный, кровный интересъ; онъ старался и себя настроить на такой ладъ, но мысль его оставалась холодною, и онъ чувствовалъ себя чуждымъ и постороннимъ.

Къ нему подошелъ Сергѣй.

— Люблю я эти споры!—сказалъ онъ.—Мысль жива,—работаетъ и ищетъ... А какъ нѣсколько-то лѣтъ назадъ: всѣ вопросы рѣшены, все распредѣлено по ящичкамъ, на ящички наклеены ярлыки. Сиди да любуйся. Вѣдь это—гибель для ученія, смерть!.. Только и оставалось, что спорить съ народниками; другъ съ другомъ не о чемъ было и говорить...

— А что, господа, кобылка тутъ не пробѣгала?—вдругъ раздался надъ ихъ ухомъ незнакомый, задыхающійся голосъ.

— Фу, чортъ!!—нервно вскрикнулъ Сергѣй и отскочилъ въ сторону.

Въ сумеркахъ передъ ними стоялъ сгорбленный мужикъ съ растеряннымъ лицомъ, въ накинутомъ на плечи зипунѣ.

— Вотъ испугалъ-то! — улыбнулся Сергѣй, стыдясь за свой испугъ.—Какая кобылка?

— Пѣгая кобылка, сбѣгла съ ночного,—что съ нею подѣялось!.. Не иначе, какъ по этой дорогѣ побѣгла... Горе какое!

— Нѣтъ, тутъ не видно было,—сказала Варвара Васильевна.

— Э-эхъ!—крякнулъ старикъ, почесавъ въ волосахъ.—Главное дѣло, конь-то молодой, дороги домой не знаетъ, только на Казанскую купленъ...

— Возмутительнѣе всего эти инсинуаціи, на которыхъ вы выѣзжаете!—сердито говорилъ Шеметовъ.—Споръ тутъ вовсе не о принц. ѣ, а только о фактѣ. Какъ обстоитъ дѣло? По вашему?

Ну, и слава Богу, это—самое лучшее, чего и мы хотимъ. Но только суть-то въ томъ, что вы ошибаетесь.

Они пошли дальше. Варвара Васильевна осталась стоять съ мужикомъ.

— Тутъ весь вопросъ именно въ принципѣ, — возражала Таня. — Вопросъ въ этомъ оппортунизмѣ, „практичности", довольствѣ малымъ...

— Кто проповѣдуетъ ваше довольство?—грубо спросилъ Шеметовъ и вдругъ остановился. Онъ поднялъ брови и, словно что вспомнивъ, оглянулся назадъ.—Что это онъ про кобылку-то говорилъ?.. Чортъ знаетъ, что такое! Идетъ девять здоровенныхъ балбесовъ, судьбы отечества рѣшаютъ... Пойдемте, поможемъ ему!

— Пойдемте, господа! — убѣждающе сказала Варвара Васильевна.

Сергѣй встряхнулся.

— Идемъ!.. Эй, дѣдушка!—крикнулъ онъ старику.—Какая, говоришь, кобылка твоя? Пѣгая?

— Пѣгая, батюшка, пѣгая... Я чего боюсь-то? Ночь подходитъ, непогода, а въ лѣсу у насъ тутъ волки,—задерутъ лошадь.

— Говоришь, въ эту сторону побѣжала?

— Въ эту, въ эту!

— Ну, ладно. Ты самъ откуда,—дернопольскій? Такъ ступай, мы тебѣ приведемъ кобылку твою.

— Самоувѣренно!—засмѣялась Варвара Васильевна, качая головою.

— Подсобить хотите? Ну, дай вамъ Богъ!—обрадовался мужикъ.—Пойдемте! Ужъ больно трудно одному-то!

— Пойдемъ, ребята, большимъ кругомъ, въ эту сторону,—сказалъ Сергѣй.—Чуръ, перекликаться! Сходиться у мостика въ лощинкѣ, передъ сторожкой.

Всѣ разбрелись по лѣсу, лѣсъ огласился криками и смѣхомъ. На западѣ было еще свѣтло, но кругомъ становилось все темнѣе; средь полной тишины тучи на югѣ росли медленно и увѣренно.

Токаревъ шелъ, продираясь сквозь чащу орѣшниковъ и осинокъ, оступаясь о пеньки и буреломъ. Слѣва раздались крики и смѣхъ Шеметова и Митрыча.

— Нашли-и-и...—донесся справа голосъ Сергѣя.

— Нашли?—крикнулъ слѣва Шеметовъ.

— Нашли вы?—спросилъ Сергѣй.

— Мы-то не нашли, а ты нашелъ?

— Нѣтъ, не нашелъ.

— Чего-жъ ты кричишь „нашли"?

— Я васъ спрашивалъ.

— Дуракъ!..

Лѣсъ вдали глухо зашумѣлъ, по вершинамъ деревьевъ порывисто пронесся вѣтеръ. Токаревъ шелъ впередъ, стараясь не сбиться съ направленія. Сначала онъ усердно глядѣлъ по сторонамъ, потомъ пересталъ и шелъ лѣниво, постукивая тросточкою по стволамъ. Крики и ауканья становились все отдаленнѣе.

„Еще заблудишься тутъ!"—подумалъ Токаревъ. Лѣсъ теперь вылъ и шумѣлъ подъ налетѣвшимъ вихремъ, желтые листья и сучки падали на землю. Вдали глухо грохоталъ громъ.

Чаща стала свѣтлѣть. Токаревъ вышелъ на край какой-то лощинки. Внизу вился болотистый ручей, заросшій осокою, квакали лягушки. По косогору шла дорога и виднѣлся мостикъ. Этотъ, что ли?..

По дорогѣ усталою походкою спускались Варвара Васильевна и Ольга Петровна. Токаревъ направился къ нимъ.

— Не нашли?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ. Нужно будетъ дальше идти. Только подождемъ, чтобъ всѣ собрались... Ау-уу!!.

Вдали откликнулись. Вѣтеръ бѣшено вылъ по лѣсу, глухой шумъ деревьевъ то росъ, то ослабѣвалъ, и по этому глухому шуму струями проносился рѣзкій, шипящій шумъ ближнихъ деревьевъ. Подошли еще Вегнеръ и Катя, потомъ Борисоглѣбскій.

Вдругъ ярко блеснула молнія, небо какъ-будто растрескалось и съ оглушительнымъ грохотомъ посыпалось на землю. Изъ кустовъ неслышно вышелъ Шеметовъ.

— „Отецъ, слышишь, рубитъ, а я отвожу!"—сказалъ онъ, кивая на небо.

— Не нашли лошадь?—волнуясь, спросила Варвара Васильевна.

— Чортъ ее найдетъ! — проворчалъ Шеметовъ, садясь на мостикъ.

Молніи ярко-бѣлыми стрѣлами сыпались на лѣсъ, громъ яростно катался по небу изъ конца въ конецъ, лѣсъ ревѣлъ и бился. На югѣ было жутко-темно. Ольга Петровна стояла съ блѣдною улыбкою, стараясь побороть страхъ.

На косогорѣ, среди дубовыхъ кустовъ, показался Сергѣй; молнія ярко освѣтила его кумачную рубашку.

— Го-го-го-го!! — въ бѣшеномъ восторгѣ кричалъ онъ, покрывая голосомъ шумъ бури.—Слышите, ребята? Вонъ какъ гремитъ!.. Варька, слышишь?!

Вѣтеръ рвалъ на немъ рубашку, Сергѣй былъ въ какомъ-то восторженномъ экстазѣ.

— Позоръ всѣмъ слабымъ и малодушнымъ!—гремѣлъ онъ.— Позоръ тѣмъ, кто передъ лицомъ грозы отрицаетъ идущую грозу!..

Идетъ она, идетъ! Видите вы ее теперь,—вы, робкіе, сомнѣвающіеся?.. Пришла жизнь, пришла борьба и просторъ! Слава бурѣ!..

— Го-го-го-го!—раздался изъ чащи голосъ Тани.

— Татьяна Николаевна, сюда! — кричалъ Сергѣй. — Наша взяла! Пришла гроза!.. Слава борцамъ, слава всѣмъ друзьямъ грозы...

Таня, къ развѣвающейся юбкѣ, быстро спустилась къ мостику; глаза ея блестѣли, она упоенно дышала вѣтромъ.

— Ну, что, не нашли?—поспѣшно спросила она.

— Нѣтъ.

— Такъ чего-жъ вы сидите? Пойдемте дальше!.. Правда, какъ хорошо?—съ счастливою улыбкою обратилась она къ Токареву.

Токаревъ молча кивнулъ головою, хотя находилъ, что кругомъ становится довольно-таки неуютно.

— Ну, идемъ, господа! Вставайте!—торопила Таня.

— Экая неугомонная! — проворчалъ Шеметовъ.—Куда вставать-то? Очевидно, лошадь украли и увели. Станетъ васъ конокрадъ ждать!

— Ну, все-таки, поищемъ еще!—сказала Варвара Васильевна.—Очень ужъ мужика жалко.

— Навѣрное, кобыла сама ужъ домой пришла, — замѣтилъ Борисоглѣбскій.

— А что найти-то, конечно, ужъ не найдемъ теперь,—согласился Сергѣй.

— „Позоръ всѣмъ сомнѣвающимся и малодушнымъ!“—иронически повторила его слова Варвара Васильевна.

— Э, чортъ! Вѣрно, пойдемъ дальше!—воскликнулъ Сергѣй.—Что за позоръ! Бабы насъ ведутъ впередъ!

По дорогѣ забили первыя крупныя капли дождя. Варвара Васильевна украдкой внимательно посмотрѣла на Токарева.

— Только вотъ что: зачѣмъ всѣмъ идти? — сказала она.—Многіе устали. Тутъ сейчасъ за бугромъ сторожка, можно зайти, отдохнуть; тѣмъ болѣе, дождь начинается.

— Господа, да зайдемте всѣ!—заговорилъ Токаревъ.—Ну, что за охота мокнуть подъ дождемъ! Пройдетъ дождь, тогда и пойдемъ опять искать.

— А тогда ты скажешь, что мокро, ноги промочишь,—ядовито возразила Таня.

Токаревъ нахмурился и замолчалъ.

— Пойдемте, я васъ проведу въ сторожку,—предложила Варвара Васильевна.

— Ну, господа, а мы пойдемъ дальше,—сказала Таня.

— Го-го-го! На выносъ возьмемъ гору! — крикнулъ Сергѣй.

Онъ, Шеметовъ и Митрычъ вмѣстѣ съ Танею быстро взбѣжали на косогоръ.

— Нѣтъ, я отдохну, усталъ,—произнесъ Вегнеръ, съ завистью глядя вслѣдъ убѣгавшимъ.

Варвара Васильевна провела Токарева, Катю, Вегнера и Ольгу Петровну къ лѣсной сторожкѣ. Къ нимъ навстрѣчу вышелъ лѣсникъ,—худощавый, съ краснымъ носомъ, въ пиджакѣ.

— Ну, прощайте пока!—сказала Варвара Васильевна.

— Варвара Васильевна, да передохните же и вы!—возмутился Токаревъ. — Вы блѣдны, какъ полотно,—видимо, вы страшно устали!

— Э, пустяки! Это такъ кажется!

Она исчезла въ темнотѣ.

— А что, любезный, хорошо бы самоварчикъ поставить; найдется у васъ? —обратился Токаревъ къ лѣснику.

— Найдется, помилуйте!.. Сейчасъ поставимъ. А мы за то винца потомъ выпьемъ за ваше здоровье.

Еще разъ блеснула молнія, прокатился громъ, и дождь хлынулъ, какъ изъ ведра. Онъ шуршалъ по соломенной крышѣ, и журчащими ручьями сбѣгалъ на землю, изъ чернаго лѣса широко потянуло свѣжею, сырою прохладою. Въ сторожку постучались. Вошелъ мужикъ, у котораго убѣжала лошадь; вода струилась по его шапкѣ, лицу и зипуну.

— Не нашли?—спросила его Катя.

— Нѣтъ, барышня!—вздохнулъ старикъ.—Ужъ и въ деревню сбѣгалъ, не воротилась ли... Нѣту!

Онъ устало опустился на лавку. Подали самоваръ, стали пить чай. Тараканы бѣгали по стѣнамъ, въ щели трещалъ сверчокъ, на печи ровно дышали спящіе ребята. Громъ гремѣлъ теперь глуше, молніи вспыхивали синимъ свѣтомъ, дождь продолжалъ лить.

Пришли Сергѣй и Шеметовъ; съ обоихъ вода лила ручьями, на сапогахъ налипли кучи грязи, оба были злы.

— Нѣтъ, Татьяна Николаевна—это, положительно, ненормальный человѣкъ,—сказалъ Сергѣй.—Ужъ Варя, и та созналась, что невозможно найти; а она: „а я все-таки найду!“

— Нѣтъ, вѣдь правда, нелѣпо!—сердито засмѣялся Шеметовъ.— Въ двухъ шагахъ ничего не видно,—по этакому лѣсищу ищи лошадь ощупью!.. И Митрыча несчастнаго запрягла; кряхтитъ, а претъ за нею слѣдомъ.

Вскорѣ пришла и Варвара Васильевна. Было ужъ двѣнадцать часовъ. Молча пили чай, разговоръ не вязался; всѣ были вялы и думали о томъ, что по грязи, мокротѣ и холоду придется тащиться домой верстъ восемь. Варвара Васильевна, блѣдная, бодрилась, стараясь скрыть прохватывавшую ее дрожь, Сергѣй

и Шеметовъ сидѣли въ облипшихъ рубашкахъ, взлохмаченные и хмурые, какъ мокрые пѣтухи.

— Эй, ребята! Вы здѣсь?—раздался за темными окнами могучій басъ Митрыча.—Выходите встрѣчать, нашли!

Всѣ бросились къ выходу. Въ темнотѣ бѣлѣла лошадь, которую Митрычъ держалъ за оборотъ. Таня, бодрая, оживленная, вбѣжала въ сѣни.

— А что? Нашла?—торжествующе обратилась она къ Сергѣю и Шеметову.—Я говорила, что найду!

— Преклоняюсь!—сказалъ Сергѣй, разведя руками и низко склонилъ голову. Таня сіяла дѣтскою, смѣшною гордостью.

— Ну, и молодецъ же вы, Таня!—радостно воскликнула Варвара Васильевна.

— Ужъ вотъ, барышня, спасибо вамъ!—кланялся мужикъ.—Вѣкъ за васъ уду Бога молить! Пошли вамъ Господь добраго здоровья!

— И вѣдь какъ все вышло!—разсказывала Таня. Идемъ,—что-то въ сторонѣ бѣлѣетъ. Митрычъ говоритъ: рѣка!.. Все-таки свернули. А это она! Стоитъ на полянкѣ и щиплетъ траву.

— Нашли, нашли!—радостно повторялъ мужикъ, беря изъ рукъ Митрыча оборотъ.

Таня и Митрычъ выпили остывшаго чаю. Токаревъ расплатился съ лѣсникомъ. Двинулись въ обратный путь.

Усталые и продрогшіе, всѣ вяло тащились по осклизшей, грязной дорогѣ. На сѣверѣ громоздились уходившія тучи, и глухо грохоталъ громъ, надъ лѣсомъ, среди прозрачно-бѣлыхъ тучекъ, плылъ убывавшій мѣсяцъ. Было сыро и холодно, востокъ свѣтлѣлъ.

Лѣсъ остался назади. Митрычъ и Шеметовъ стали напѣвать маршъ, всѣ пошли ровнымъ шагомъ, въ ногу; такъ идти оказалось легче; отъ ходьбы постепенно размялись, опять раздались шутки смѣхъ.

Когда они пришли въ Изворовку, солнце ужъ встало. Сергѣй и Катя обыскали буфетъ, нашли холодныя яйца въ смятку и полкувшина молока. Всѣ жадно принялись ѣсть. Въ свѣтѣ солнечнаго утра лица выглядѣли сѣрыми и помятыми, глаза странно блестѣли.

Варвара Васильевна, уходившая къ себѣ въ комнату, воротилась радостная и оживленная, съ распечатаннымъ письмомъ въ рукѣ.

— Владиміръ Николаевичъ, вы помните по Петербургу Тимоѳея Балуева?—спросила она.

— Какъ же!—отвѣтилъ Токаревъ.

— Онъ пишетъ, что ѣдетъ въ Екатеринославъ и по дорогѣ, отъ поѣзда до поѣзда, заѣдетъ ко мнѣ въ Томилинскъ; шестого августа, на Преображеніе. Хотите его видѣть?

— Конечно!

— Кто это?—спросила Таня.

— Рабочій, слесарь. Замѣчательно хорошій человѣкъ,—сказала Варвара Васильевна.

— Я тоже хочу его увидѣть,—быстро проговорила Таня съ загорѣвшимися глазами.

— Да всѣмъ, всѣмъ нужно его повидать,—рѣшилъ Сергѣй.—Хоть у Вари всѣ люди—замѣчательно-хорошіе люди, а все-таки интересно.

— Ну, а теперь спать!—объявила Варвара Васильевна.—Еле на ногахъ стою.

В. Вересаевъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ИЗЪ ЖИЗНИ АНГЛІЙСКИХЪ РАБОЧИХЪ *).

(*Paul de Rousiers*. «La question ouvriére en Angletterre». Paris 1895).

Книга Рузье является результатомъ изслѣдованія, предпринятаго имъ по порученію парижскаго «Musée social». Онъ былъ въ Англіи, лично осматривалъ тамъ многіе заводы и фабрики и знакомился съ рабочими. Будучи противникомъ соціализма, Рузье останавливалъ свое вниманіе преимущественно на «преуспѣвшихъ» рабочихъ, которые, по его словамъ, рѣшили для себя рабочій вопросъ.

Поэтому книга его носитъ нѣсколько односторонній характеръ. Но, какъ бы мы ни относились къ основнымъ взглядамъ автора, нельзя не признать, что изслѣдованіе его заключаетъ въ себѣ много интересныхъ практическихъ данныхъ о жизни рабочихъ въ разныхъ англійскихъ городахъ. Читатель не найдетъ въ ней рѣшенія рабочаго вопроса, но зато найдетъ характерныя бытовыя картинки, рисующія столь чуждыя намъ, характерныя фигуры англійскихъ рабочихъ въ ихъ семейной и трудовой обстановкѣ. Рузье описываетъ сначала рабочихъ въ мелкомъ производствѣ, ведущемъ непосильную борьбу съ крупными предпріятіями, затѣмъ шотландскихъ углекоповъ и, наконецъ, рабочихъ въ крупной промышленности. Послѣдняя часть его книги, посвященная описанію крупной промышленности, наименѣе интересна: здѣсь онъ даетъ только отрывочныя свѣдѣнія о разныхъ заводахъ, касающіяся преимущественно технической стороны. Поэтому о ней мы говорить не будемъ.

I.

Для иллюстраціи падающихъ производствъ стараго типа Рузье беретъ одну маленькую мастерскую желѣзныхъ издѣлій въ Бирмингамѣ.

---

*) Настоящая статья найдена при разборѣ бумагъ покойной Л. К. Давыдовой въ видѣ вполнѣ готовой къ печати работѣ. Намъ извѣстно, что Л. К. Давыдова отложила ее, съ цѣлью сдѣлать нѣкоторыя дополненія по новымъ появившимся книгамъ того же типа, что и Рузье, имѣя въ виду рядъ задуманныхъ ею очерковъ изъ культурной и общественной жизни Западной Европы. Статья печатается безъ всякихъ измѣненій. *Ред.*

Хозяинъ ея, Жозефъ Браунъ, началъ простымъ рабочимъ и кончилъ тѣмъ, что сдѣлался собственникомъ мастерской и дома съ садикомъ, въ которомъ онъ живетъ съ семьею. Это — типъ преуспѣвшаго рабочаго, который, по словамъ Рузье, «рѣшилъ для себя соціальный вопросъ».

Конечно, такое рѣшеніе можетъ быть только единичнымъ, и въ сущности является вовсе не «рѣшеніемъ» рабочаго вопроса, а просто счастливою случайностью.

Авторъ книги познакомился съ Брауномъ слѣдующимъ образомъ: въ домѣ одного изъ его друзей служила въ нянѣхъ сестра Брауна, и хозяинъ дома, узнавъ о цѣли пріѣзда своего гостя, досталъ ему рекомендацію отъ няни къ ея брату. Эта небольшая подробность очень характерна, потому что она рисуетъ ту соціальную среду, изъ которой вышелъ Браунъ: самому ему удалось выбиться въ люди и его дочь занимаетъ уже болѣе высокое общественное положеніе,—она служитъ учительницей въ одной изъ городскихъ школъ Бирмингама, а сестра его остается простой прислугой.

Маленькая мастерская Брауна помѣщается въ одномъ изъ рабочихъ предмѣстій Бирмингама. Авторъ засталъ Брауна за работой въ кузницѣ. Узнавъ, что посѣтитель его и есть тотъ самый «джентльмэнъ», о которомъ ему говорила сестра, Браунъ тотчасъ же оставилъ работу, надѣлъ пиджакъ и отправился показывать ему свои владѣнія. Маленькая мастерская, домъ, гдѣ живетъ семья Брауна, садикъ, окруженный каменной оградой, обвитой ползучими растеніями — все это его собственность. Въ мастерской его работаютъ отъ 10 до 22-хъ рабочихъ, и все это спеціалисты, потратившіе много времени на изученіе своего ремесла, и получающіе хорошую заработную плату—отъ 10 до 12 шил. въ недѣлю въ теченіе всего года. По словамъ Рузье, отношенія Брауна къ своимъ рабочимъ далеко не патріархальныя, что, впрочемъ, замѣчается и въ большинствѣ маленькихъ мастерскихъ, въ которыхъ вообще рабочіе поставлены хуже, чѣмъ на крупныхъ фабрикахъ. «У Брауна это особенно рѣзко бросается въ глаза, потому что вообще онъ чрезвычайно привѣтливъ и мягокъ,—говоритъ Рузье,—о своей женѣ онъ всегда отзывается съ искреннимъ чувствомъ, которое пріятно поражаетъ васъ въ человѣкѣ, женатомъ 25 лѣтъ; дѣти болтаютъ съ нимъ безъ всякаго стѣсненія и страха, но къ рабочимъ онъ относится далеко не по отечески».

Изъ разговоровъ съ Брауномъ выясняется, что его мастерская, которая въ былыя времена процвѣтала и послужила единственнымъ источникомъ благосостоянія для всей его семьи, состоящей изъ жены и 8 человѣкъ дѣтей, теперь находится въ упадкѣ, вслѣдствіе невозможности конкурировать съ крупными предпріятіями, выполняющими ту же работу машиннымъ способомъ.

— Дѣйствительно ли все дѣло заключается въ конкуренціи ма-

шинъ?—спрашивалъ авторъ изслѣдованія у своего собесѣдника.—Можетъ быть, одной изъ причинъ вашей неудачи являются также неблагопріятныя условія при покупкѣ сырья?

— Конечно, — отвѣчалъ Браунъ,—но эти неблагопріятныя условія играютъ лишь самую незначительную роль. Если бы я велъ производство въ крупныхъ размѣрахъ, я прямо заказывалъ бы желѣзо на какомъ-нибудь большомъ заводѣ въ Шеффильдѣ или Бирмингамѣ, и мнѣ оно обходилось бы гораздо дешевле; но тамъ не принимаютъ заказовъ меньше, чѣмъ на десять тоннъ сразу, а для меня это слишкомъ много. Поэтому приходится прибѣгать къ посредникамъ и переплачивать имъ на каждой тоннѣ. Но, главное, мы имѣемъ страшнаго соперника въ лицѣ машины и въ скоромъ времени ручныя кузнечныя издѣлія совсѣмъ исчезнутъ.

Сознавая неизбѣжность упадка своего ремесла, Браунъ рѣшилъ обезпечить будущность своихъ дѣтей на другомъ пути. Это ремесло дало ему возможность воспитать дѣтей, но онъ не хочетъ, чтобы они продолжали его дѣло: одинъ изъ его сыновей служитъ въ торговой конторѣ, двое другихъ эмигрировали въ Новую Зеландію, и только старшій сынъ, Джо, помогаетъ отцу, да и тотъ спеціализировался не въ технической работѣ, а ведетъ коммерческую часть предпріятія и пріобрѣтаетъ знанія и опытъ, которыя могутъ пригодиться ему во всякомъ другомъ дѣлѣ.

— Все это очень просто разсказывается,—замѣчаетъ Рузье,—а на дѣлѣ оно вовсе не такъ просто. Сколько есть рабочихъ, которые во что́ бы то ни стало держатся за какое-нибудь падающее производство, требуютъ поддержки и искуственныхъ ограниченій. Браунъ ни отъ кого ничего не требуетъ: онъ только констатируетъ фактъ, что для его дѣтей его предпріятіе не будетъ такимъ выгоднымъ, какимъ оно было для него, и старается обезпечить имъ другой заработокъ.

Рузье подробно описываетъ вечеръ, проведенный имъ въ семьѣ Брауна.

«Въ восемь часовъ вечера, — говоритъ онъ,—я звонилъ у двери Брауна. Мнѣ открыла мистриссъ Браунъ; она попросила меня войти въ гостиную и немного подождать мужа, который долженъ сейчасъ вернуться. Оставшись одинъ, я воспользовался этимъ, чтобы осмотрѣть ихъ обстановку. Гостиная—небольшая квадратная комната, съ однимъ окномъ на улицу. Полъ устланъ цѣльнымъ ковромъ. Съ потолка спускается люстра съ тремя рожками газа. Противъ входной двери бѣлый мраморный каминъ, надъ нимъ стѣнное зеркало. Мебель солидная, семейная, прослужившая уже много лѣтъ, покрыта темнымъ репсомъ. Столы покрыты скатертями. Одинъ столъ заваленъ книгами и альбомами. На столахъ и на каминѣ красуются многочисленныя фотографическія карточки, а на стѣнахъ висятъ двѣ-три гравюры. Такова гостиная Жозефа Брауна.

«Въ ожиданіи хозяина, я разговариваю съ его двумя маленькими

сынишками, которые съ любопытствомъ разглядываютъ меня. Младшій, молодой человѣкъ лѣтъ 8, показываетъ мнѣ книжку съ картинками, изображающими разныхъ животныхъ. Мы вмѣстѣ просматриваемъ картинки, обмѣниваемся различными соображеніями относительно носороговъ, львовъ, ягуаровъ, и пр., и вскорѣ дѣлаемся большими пріятелями. Его братъ, старше его на два года, въ свободное время занимается музыкой. Онъ приноситъ свою скрипку и извлекаетъ изъ нея нѣсколько звуковъ, предварительно объяснивъ мнѣ, что онъ взялъ всего одинъ урокъ. Это можно было заключить и по его игрѣ, но тѣмъ не менѣе я совѣтую ему продолжать заниматься. Мои поощрительные совѣты, впрочемъ, совершенно излишни, потому что, въ качествѣ маленькихъ англичанъ, мои новые друзья относятся ко всѣмъ своимъ занятіямъ съ глубочайшею серьезностью. Эта серьезность ихъ невольно заставляетъ меня улыбаться, когда я бесѣдую съ ними о ягуарахъ и о скрипичныхъ гаммахъ, но въ то же время я сознаю, что именно это свойство и сдѣлаетъ изъ нихъ впослѣдствіи людей, способныхъ выйти побѣдителями въ борьбѣ за существованіе.

«Пока мы бесѣдуемъ, приходитъ и самъ м-ръ Браунъ, но я вижу передъ собою уже не рабочаго въ кожаномъ фартукѣ и безъ жилетки, какъ утромъ въ мастерской, а прилично одѣтаго господина въ сѣрой пиджачной парѣ весьма недурного покроя. Браунъ предлагаетъ мнѣ сигару и стаканъ «виски съ содой», и у насъ начинается обстоятельный разговоръ о его жизни и работѣ».

Исторія Брауна очень несложна: отецъ его былъ рабочимъ механикомъ и произвелъ на свѣтъ многочисленное потомство: онъ былъ женатъ дважды и имѣлъ 15 дѣтей. Маленькій Джо съ 11 лѣтъ былъ отданъ въ ученье въ желѣзно-дорожную мастерскую желѣзныхъ издѣлій. Образованіе его оставляло желать очень многаго: онъ мало посѣщалъ школу и, вѣроятно, всю жизнь ничего бы не добился, если бы съ 14 лѣтъ не созналъ необходимости пополнить свои скудныя знанія: онъ усердно началъ посѣщать вечерніе классы, читалъ, учился, и не останавливался передъ добровольно-налагаемымъ на себя трудомъ въ томъ возрастѣ, когда большинство дѣтей думаютъ только о томъ, чтобы продлить свои часы досуга.

18-ти лѣтъ Браунъ кончилъ свое ученичество и поступилъ въ подмастерья въ одну маленькую мастерскую желѣзныхъ издѣлій. Возможно, что, покидая желѣзно-дорожную мастерскую, онъ уже мечталъ о независимомъ положеніи мелкаго предпринимателя, работающаго въ своей собственной мастерской, чего онъ и достигъ впослѣдствіи. Въ это время Браунъ женился и вскорѣ рѣшился завести свое маленькое предпріятіе. Но на первыхъ порахъ его постигла неудача: предпріятіе лопнуло и Браунъ остался на улицѣ съ женою и 4-мя маленькими дѣтьми. Приходилось начинать сызнова. Ему удалось получить хорошій заказъ и онъ принялся за дѣло съ двумя подмастерьями. Мало-по-малу

кругъ его заказовъ расширился и ему удалось вполнѣ упрочить свое положеніе.

Дѣти Брауна начали работать въ томъ же возрастѣ, какъ и ихъ отецъ: старшій сынъ, 14 лѣтъ, поступилъ приказчикомъ въ одинъ магазинъ и зарабатывалъ 10 шилл. въ недѣлю, но онъ не ужился тамъ и вернулся въ отцовскую мастерскую, гдѣ завѣдуетъ теперь всею коммерческою частью и получаетъ 30 шилл. въ недѣлю. Другой братъ его служитъ въ большомъ фруктовомъ магазинѣ и дѣла его идутъ прекрасно: онъ уже скопилъ себѣ нѣкоторую сумму денегъ, собирается жениться и завести собственную лавочку. Двое среднихъ сыновей Брауна эмигрировали въ Новую Зеландію. Одинъ изъ нихъ, Джекъ, въ Бирмингамѣ занимался свиневодствомъ и дѣла его шли недурно— онъ успѣлъ скопить около 500 шил., но здѣсь трудно было разсчитывать на быстрый успѣхъ, и вотъ онъ рѣшилъ попытать счастья въ Новой Зеландіи. Скопленныхъ 500 шил. хватало какъ разъ на билетъ 3-го класса до Новой Зеландіи. Отецъ далъ ему небольшую сумму на первые расходы, подарилъ ему пилу и топоръ и снарядилъ его въ путь. Пила и топоръ ему очень пригодились: пріѣхавъ въ свою новую отчизну, онъ выстроилъ себѣ самъ хижину и занялся овцеводствомъ. Дѣла его вскорѣ начали процвѣтать и онъ выписалъ себѣ цѣлый рядъ машинъ изъ Англіи черезъ отца. На вопросъ Рузье, что Браунъ, вѣроятно, послалъ эти машины сыну въ подарокъ, тотъ отвѣтилъ: «Нисколько. Я только не получилъ никакой прибыли за свое посредничество и послалъ ихъ ему въ кредитъ, согласившись на уплату по частямъ. Онъ и до сихъ поръ еще долженъ мнѣ 50 ф. стерл., но, конечно, въ положенные сроки выплатитъ ихъ».

Успѣхъ Джэка побудилъ слѣдующаго брата Джона также отправиться въ Новую Зеландію и теперь они оба подговариваютъ всю семью эмигрировать туда. М-съ Браунъ не прочь была бы послѣдовать за своими дѣтьми, но самъ Браунъ не можетъ разстаться съ насиженнымъ мѣстечкомъ.

Въ настоящее время семья Брауна живетъ вполнѣ культурною жизнью: у нихъ въ домѣ нѣтъ прислуги, и м-съ Браунъ сама готовитъ и исполняетъ всѣ домашнія работы, но лѣтомъ они каждый годъ ѣздятъ куда нибудь къ морю или въ горы, «чтобы освѣжиться и отдохнуть». Однажды они даже переправились черезъ Ламаншъ и провели мѣсяцъ на берегу Бретани.

II.

Браунъ является представителемъ падающей отрасли производства, которая до сихъ поръ, однако, еще кое-какъ выдерживаетъ борьбу за существованіе и даетъ извѣстный доходъ; она погибаетъ; но еще не погибла. Разсказавъ его исторію, Рузье переходитъ къ совершенно

побѣжденной отрасли производства—ручному ткачеству. Онъ воспроизводитъ передъ нами интересную фигуру ручного ткача изъ Ковентри—Геттериджа, пользуясь его автобіографіей, подъ названіемъ: «Lights and Shadows in the Life of an Artisan» (Свѣтъ и тѣни въ жизни одного ремесленника).

Геттериджъ былъ свидѣтелемъ «промышленной революціи» въ его отрасли производства. Въ 1831 году онъ работалъ въ качествѣ подмастерья на мануфактурѣ своего отца, когда владѣлецъ сосѣдней фабрики впервые примѣнилъ паровую машину къ производству шелковыхъ лентъ. Это произвело цѣлый переворотъ въ жизни города. На новую фабрику брали молодыхъ дѣвушекъ, которымъ платили понедѣльно. Рабочіе поняли, что имъ угрожаетъ опасная конкуренція: женщины, которыя до сихъ поръ допускались только въ качествѣ помощницъ, безъ всякихъ техническихъ знаній, могли съ успѣхомъ замѣнять ихъ при машинномъ производствѣ! Къ чему-же тогда служили 7 лѣтъ ученичества, которыми они покупали право работать въ качествѣ ткачей? Общее недовольство выразилось сначала въ протестахъ, въ негодующихъ митингахъ, а вскорѣ отъ словъ перешли къ дѣлу—толпа рабочихъ отправилась къ фабрикѣ м-ра Бека, посадила владѣльца ея на осла, лицомъ къ хвосту, и торжественно провезла его такимъ образомъ по всѣмъ улицамъ города. Часть рабочихъ присоединилась къ этой процессіи, а часть бросилась на фабрику, сломала ненавистныя машины и подожгла фабричныя зданія.

Подобные инциденты происходили тогда по всей Англіи: рабочіе упорно противились введенію машинъ. Геттериджъ разсказываетъ, какого труда стоило тогда приписаться къ какому-нибудь ремеслу. Для этого нужно было пройти семь лѣтъ ученичества, причемъ ученикъ былъ связанъ съ мастеромъ неразрывнымъ контрактомъ и получалъ за свою работу только половинную плату; другая половина удерживалась его хозяиномъ. Къ тому же, если судьба посылала ему хозяина, склоннаго къ спиртнымъ напиткамъ, какъ это случилось съ Геттериджемъ, то, несмотря на 7 лѣтъ ученичества, трудно было выучиться какъ слѣдуетъ ремеслу. Вообще ученичество утрачивало характеръ обученія, а дѣлалось просто семилѣтнимъ предварительнымъ искусомъ для достиженія званія рабочаго.

Изобрѣтательный умъ Геттериджа тяготился однообразной ткаческой работой: его влекло къ механикѣ и на этомъ пути онъ, вѣроятно, достигъ бы большихъ результатовъ, но тѣ же ограниченія, которыя окружали его ремесло, заграждали ему доступъ въ другія. Кончивъ ученичество ленточнаго ткача, онъ подумывалъ сдѣлаться часовыхъ дѣлъ мастеромъ. Эта отрасль промышленности тогда процвѣтала въ Ковентри и болѣе отвѣчала его вкусамъ, чѣмъ ткачество, но тамъ тоже нужно было пройти 7 лѣтъ ученичества. Такимъ образомъ, Геттериджъ на всю жизнь оказался связаннымъ съ ремесломъ, которое

было ему не по душѣ и которое, къ тому же, находилось въ упадкѣ, вслѣдствіе введенія машинъ.

То измѣняется мода: вмѣсто лентъ, шляпы гарнируются перьями и кружевами, и тотчасъ же въ ленточномъ производствѣ наступаетъ застой. Америка закрываетъ свой рынокъ запретительными пошлинами, это тотчасъ же отражается на производствѣ лентъ въ Ковентри и непосредственно затрогиваетъ Геттериджа. Онъ женится и вмѣстѣ со своей семьей терпитъ постоянную нужду. Нужда эта доходитъ до такихъ предѣловъ, что приходится постепенно распродавать всю мебель и бросать въ огонь послѣдній стулъ, чтобы немного согрѣть комнату, потому что дровъ купить не на что. Сравнивая положеніе такого «независимаго» рабочаго, какъ Геттериджъ, съ положеніемъ фабричныхъ рабочихъ, Рузье приходитъ къ убѣжденію, что вторые находятся въ несравненно болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ первые. По справедливому замѣчанію Чарльса Бутса, автора извѣстнаго изслѣдованія о «Жизни и трудѣ лондонскаго населенія», «нѣтъ болѣе тяжелой доли, чѣмъ доля одинокого рабочаго, работающаго для неизвѣстнаго и необезпеченнаго рынка и не имѣющаго другого хозяина, кромѣ необходимости прокормиться. Этотъ «независимый трудъ», также какъ и фабричная работа представляютъ собою различныя формы экономическаго рабства, но послѣдняя форма, въ общемъ, можетъ быть признана менѣе желательной».

Геттериджу пришлось на своей спинѣ испытать всѣ удовольствія такого «независимаго» положенія. Съ большимъ трудомъ, на занятыя деньги, ему удалось пріобрѣсти ткацкій станокъ и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ дѣла его шли недурно: онъ могъ даже позволить себѣ маленькую роскошь—покупалъ книги и началъ собирать коллекцію раковинъ. Но вотъ насталъ тяжелый промышленный кризисъ 1860 г. и Геттериджъ въ теченіе цѣлаго года остается безъ работы. Всѣ его сбереженія растаяли, и ему съ большимъ трудомъ удалось снова устроить мастерскую и купить новые, усовершенствованные станки. Наконецъ, мечта его сбывается: онъ заводитъ собственную маленькую мастерскую и работаетъ въ ней вмѣстѣ со своей женой. Но, къ несчастью, спросъ на ленты сокращается, и Геттериджъ, не имѣя запасовъ, принужденъ жить случайной, столярной работой. Благодаря своимъ не заурядным способностямъ, онъ кое-какъ изворачивается: начинаетъ фабриковать собственными средствами микроскопы, скрипки, и пр. Въ 90-хъ годахъ онъ не могъ заработать ни одного пенни своимъ ремесломъ и перебивается разными побочными заработками. Въ настоящее время ему 75 лѣтъ и онъ живетъ на маленькую пенсію, которую ему даютъ друзья. Эти же друзья помогли ему издать его автобіографію. Но не надо забывать, что Геттериджъ — человѣкъ не заурядный, обладающій даже, какъ видно изъ его книги, нѣкоторымъ литературнымъ талантомъ. И если такой человѣкъ на старости лѣтъ остается безъ куска хлѣба

и принужденъ прибѣгать къ общественной благотворительности, то какова же участь другихъ, менѣе одаренныхъ представителей погибающихъ отраслей промышленности!

Рузье приводитъ также интересную исторію другого ткача-неудачника и поэта, Вильяма Тома *). Вильямъ Томъ также былъ рабочимъ стараго типа—онъ былъ ручнымъ ткачомъ бумажныхъ матерій. Судьба его во многомъ напоминаетъ судьбу Гёттериджа: та же падающая отрасль промышленности, не выдерживающая конкуренціи съ грозною силою фабрикъ, снабженныхъ механическими двигателями и новѣйшими техническими усовершенствованіями; тѣ же кризисы, выбрасывающіе тысячи рабочихъ на улицу и заставляющіе Тома кочевать изъ города въ городъ, въ надеждѣ найти работу. Чтобы какъ-нибудь прокормить семью, Томъ прибѣгаетъ къ послѣднему средству—распродаетъ маленькую библіотечку, которую онъ съ такой любовью собиралъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Онъ бродитъ съ семьей по деревнямъ, играетъ на флейтѣ и поетъ собственные стихи подъ эту музыку. Фермеры даютъ кое-какіе гроши странствующему пѣвцу, и на эти деньги существуетъ вся семья. Зима стоитъ суровая и дѣти дрожатъ отъ холода, странствуя въ туманныя ночи. Младшая дѣвочка умираетъ отъ холода и голода въ одной глухой деревушкѣ, и семья, схоронивъ ее на пути, продолжаетъ свое странствованіе. Наконецъ они добираются до Абердина, гдѣ Томъ находитъ работу, но не надолго: черезъ годъ снова наступаетъ безработица, а съ нею нужда.

III.

Далѣе Рузье описываетъ положеніе рабочихъ въ копяхъ Шотландіи и для иллюстраціи беретъ семью углекопа Фишера. Фишеръ также является «преуспѣвшимъ» рабочимъ, но для насъ онъ интереснѣе Брауна, потому что онъ остался настоящимъ рабочимъ и продолжаетъ работать въ тѣхъ же копяхъ, гдѣ и началась его трудовая жизнь.

Маленькая деревня Розуэль сплошь заселена углекопами, работающими въ копяхъ «White Hill Colliery». Можно сказать безъ преувеличенія, что вся жизнь деревни находится въ зависимости отъ компаніи, владѣющей копями. Всѣ дома въ деревнѣ принадлежатъ ей, все и вся находится въ ея власти. По словамъ Рузье, углекопы также прикрѣплены къ подземнымъ пластамъ каменнаго угля, какъ средневѣковые крѣпостные были прикрѣплены къ землѣ. Несмотря на отсутствіе юридическаго закрѣпощенія, оно фактически сохраняется въ полной силѣ: поколѣнія за поколѣніями жителей Розуэля работаютъ на шахтахъ. Деревня живетъ совсѣмъ обособленной жизнью. Углекопы свыкаются со своей работой и не ищутъ себѣ другихъ заработковъ, потому что они пред-

*) «Rhymes and Recollections of a hand-hoom Weaver», by William Thom.

ставляютъ собою рабочихъ стараго типа, рабочихъ-спеціалистовъ, привязанныхъ къ своей профессіи.

«Я познакомился съ Фишеромъ,—разсказываетъ Рузье,—черезъ школьную учительницу Розуэля и въ первый разъ зашелъ къ нему около 7 часовъ вечера. Онъ только что облекся въ свой рабочій костюмъ. Фишеръ работаетъ въ ночной смѣнѣ и поэтому вечеромъ не можетъ принимать гостей. По утрамъ онъ спитъ, пользуясь тѣмъ, что дѣти въ школѣ и въ домѣ тихо. Поэтому мы назначаемъ себѣ свиданье на другой день утромъ.

«Какъ всѣ рабочіе «въ «White Hill Colliery», Фишеръ работаетъ только 5 дней въ недѣлю: по субботамъ и воскресеньямъ въ шахтахъ нѣтъ работы. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ по субботамъ работали до полудня, но теперь установленъ полный субботній отдыхъ. Я спрашиваю Фишера, довольны ли рабочіе этимъ новымъ праздникомъ.

— Конечно,—отвѣчаетъ онъ.—Вѣдь мы же сами его и постановили.

Фишеръ вообще стоитъ за сокращеніе часовъ. «Когда я начиналъ работать,—разсказываетъ онъ,—рабочій день продолжался 12 часовъ, теперь онъ длится всего 9 часовъ въ Розуэлѣ, а въ другихъ деревняхъ—8 ч., и мы отъ этого значительно выиграли. Я помню, что представляли собою углекопы, когда имъ приходилось работать по 12 часовъ въ день: почти никто изъ нихъ не читалъ газетъ и не интересовался общественными дѣлами; они гораздо рѣже насъ ходили въ церковь, вообще жизнь ихъ была скучной. Зимою имъ приходилось спускаться въ шахту, когда было еще совсѣмъ темно, и они выходили изъ нея только вечеромъ; по цѣлымъ недѣлямъ они не видѣли солнца, кромѣ какъ по воскресеньямъ».

Въ настоящее время розуэльскіе углекопы проводятъ въ шахтахъ 46 часовъ въ недѣлю: дневная смѣна спускается въ шахту въ 6 часовъ утра и возвращается въ 3 часа пополудни; въ 9 ч. работа прерывается на полчаса для завтрака. Дневные рабочіе получаютъ отъ 22 до 30 шил. *) въ недѣлю, т.-е. въ среднемъ около 6 шил. въ день. Рабочіе въ въ ночной смѣнѣ получаютъ отъ 30 до 35 шил. въ недѣлю. Правда, 35 шил. получаютъ только тѣ изъ нихъ, которые, какъ Фишеръ, добровольно работаютъ больше и остаются въ шахтѣ не 9, а 10 часовъ.

Работа въ Розуэлѣ имѣется постоянная и непрерывная, поэтому годовой заработокъ такого рабочаго, какъ Фишеръ, составляетъ около 1.800 шил. Къ доходамъ семьи нужно прибавить еще заработки двухъ старшихъ сыновей Фишера, изъ которыхъ одинъ служитъ въ конторѣ компаніи, а другой—подмастерьемъ въ столярной мастерской, состоящей при шахтѣ. Первый зарабатываетъ 7 шил., а второй—6 шил. въ недѣлю. Деньги эти идутъ въ общую семейную кассу, и такимъ образомъ

*) Шиллингъ около 50 к. по курсу.

составляется бюджетъ въ 2.380 шил. Посмотримъ же теперь, какъ живетъ семья Фишера на эти деньги.

Деревня Розуэль, въ которой живетъ 300 углекоповъ, состоитъ изъ нѣсколькихъ улицъ, застроенныхъ одинаковыми маленькими кирпичными домиками. Домики эти построены углепромышленной компаніей и отдаются въ наемъ рабочимъ семьямъ по 2 шил. въ недѣлю. Каждый домикъ имѣетъ передъ собой маленькій цвѣтникъ въ 25 метр., обнесенный невысокой каменной оградой. Цвѣтники, засаженные яркими, пестрыми цвѣтами, придаютъ веселый видъ маленькимъ домикамъ, и углекопы, возвращаясь домой изъ темныхъ подземныхъ копей, сразу попадаютъ въ уютную и веселую обстановку. Фишеръ, обитающій въ одномъ изъ такихъ домиковъ, очень ревностно ухаживаетъ за своими грядками герани и анютиныхъ глазокъ и, видимо, гордится этимъ цвѣтникомъ. За домомъ находится маленькій огородъ, въ которомъ произрастаютъ овощи, играющіе довольно значительную роль въ его хозяйствѣ. Подобно многимъ углекопамъ, Фишеръ—хорошій садоводъ: послѣ мрачной подземной работы, работа въ саду и огородѣ представляетъ для нихъ особую прелесть. По словамъ Рузье, онъ наблюдалъ эту любовь къ садоводству не только въ Шотландіи и Англіи, но и во Франціи, гдѣ даже въ большихъ городахъ углекопы селятся на окраинахъ и стараются обзавестись небольшимъ садомъ.

«Внутреннее устройство дома очень просто: въ каждомъ имѣются 2 маленькія комнаты. Каждая комната съ альковомъ, въ которомъ помѣщается по 2 кровати. Все помѣщеніе занимаетъ около 45 кв. метровъ. Это очень немного, принимая въ соображеніе количество дѣтей. Фишеръ, женатый 18 лѣтъ, имѣетъ 8 человѣкъ дѣтей. Трое дѣтей у него умерло, замѣчаетъ Рузье, и такъ какъ послѣдній «бэби» родился всего нѣсколько недѣль тому назадъ, то есть основаніе думать, что онъ не навсегда останется послѣднимъ. Старшая дочь находится въ услуженіи, и въ маленькомъ домикѣ живутъ, не считая бэби, 8 человѣкъ: бэби помѣщается въ деревянной корзинкѣ, довольно примитивнаго устройства, а остальные члены семьи спятъ по двое въ 4-хъ кроватяхъ. Удивительнѣе всего то, что при такомъ большомъ количествѣ дѣтей и маленькихъ размѣрахъ квартиры, въ домѣ Фишера царитъ образцовая чистота и все имѣетъ вполнѣ «респектабельный» (respectable) видъ.

Въ Англіи условія жизни углекоповъ гораздо лучше, чѣмъ въ Шотландіи: въ Страффордширѣ, напр., жилища углекоповъ состоятъ минимумъ изъ 3-хъ комнатъ. Англійскіе углекопы не согласились бы жить въ такой тѣснотѣ.

Это объясняется, по мнѣнію Рузье, тѣмъ, что уровень потребностей рабочихъ въ Англіи выше, чѣмъ въ Шотландіи. Англійскій рабочій ставитъ себѣ задачей хорошо работать и хорошо жить, и возлагаетъ надежды на увеличеніе производительности своего труда, а

не на сокращеніе своихъ расходовъ. Шотландскіе рабочіе стремятся къ тому же, но имъ труднѣе осуществить это, потому что промышленное развитіе въ Шотландіи не такъ подвинуто, какъ въ Англіи.

Кромѣ того, одной изъ главныхъ причинъ плохихъ жилищъ розуэльскихъ углекоповъ является то, что эти жилища принадлежатъ владѣльцамъ копей, которые преслѣдуютъ главнымъ образомъ свои выгоды, а не интересы рабочихъ.

Однимъ изъ преимуществъ Розуэля является отсутствіе скученности. Улицы широкія, дома построены на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга. Въ концѣ улицы устроенъ водоемъ, снабжающій водою всѣхъ жителей.

Внутренняя обстановка жилища Фишеровъ не отличается особенной изысканностью: первая комната служитъ въ одно время и спальней, и кухней, и столовой; въ ней стоитъ деревянный буфетъ, большой столъ, 4 стула и соломенное кресло. У окна красуется прекрасная швейная машина, недавно пріобрѣтенная за 8 ф. стерл. Это — самая дорогая вещь въ домѣ, и она постоянно находится въ употребленіи. М-съ Фишеръ сама обшиваетъ всю семью.

Вторая комната обставлена съ нѣсколько большею роскошью. Въ ней, какъ и въ первой, есть альковъ съ двумя кроватями, отдѣленный ситцевой занавѣской; но передъ занавѣской стоитъ мягкая мебель — 6 стульевъ и кресло, обтянутыя темнымъ репсомъ, какой мы уже видѣли у Брауна. У стѣны — коммодъ и зеркало съ разными украшеніями. Окна завѣшаны бѣлыми занавѣсками.

Ѣдятъ шотландскіе углекопы тоже гораздо хуже своихъ англійскихъ товарищей: мясо они ѣдятъ только разъ въ день и пуддинги только по праздникамъ.

Фишеры обѣдаютъ послѣ 12 часовъ; обѣдъ состоитъ изъ супа, мясного блюда и овощей, главнымъ образомъ картофеля. Вечеромъ, въ 6 часовъ, пьютъ чай съ хлѣбомъ и вареньемъ и закусываютъ чѣмъ нибудь легкимъ—яйцами, селедкой и пр. При второй ѣдѣ мясо обыкновенно замѣняется какой нибудь рыбой, которая здѣсь очень дешева, благодаря близости рыбацкихъ деревень на морскомъ берегу.

Рузье говоритъ, что, когда онъ разсказывалъ Фишерамъ сколько ѣдятъ англійскіе рабочіе, тѣ приходили въ ужасъ отъ этого изобилія пищи.

М-съ Фишеръ покупаетъ всю провизію въ кооперативной лавкѣ, устроенной въ деревнѣ. Тамъ имѣется и мясо, и хлѣбъ, и колоніальные товары. Фишеръ и его жена не нахвалятся этой лавкой.

По ихъ словамъ, продукты тамъ гораздо лучше и дешевле чѣмъ въ другихъ розуэльскихъ лавкахъ. И дѣйствительно, эта лавка чрезвычайно полезна для населенія, потому что благодаря ей прекратилась эксплуатація потребителей лавочникомъ, который раньше въ такомъ маленькомъ мѣстечкѣ, какъ Розуэль, являлся полнымъ хозяиномъ,

и, благодаря отсутствію конкуренціи, могъ назначать какія угодно цѣны за свои товары. Фишеръ чрезвычайно доволенъ тѣмъ, что можетъ теперь покупать хлѣбъ на полпенса дешевле, чѣмъ раньше, говядину по 8 пенсовъ за фунтъ, чай по 4 шил., и пр. Но не это одно заставляетъ его такъ дорожить своимъ званіемъ члена мѣстнаго потребительнаго общества.

«Каждый триместръ,—разсказываетъ онъ,—мы получаемъ извѣстныя сбереженія, скопившіяся на общей суммѣ нашихъ покупокъ. Послѣдній разъ мы получили по 4 шил. на каждый фунтъ стерлинговъ. Конечно, это указываетъ на то, что мы нѣсколько переплачиваемъ при нашихъ ежедневныхъ покупкахъ (хотя и то они обходятся намъ дешевле, чѣмъ раньше), но, благодаря такому устройству, мы получаемъ сразу небольшую сумму денегъ, которая идетъ на одежду. Большинство членовъ потребительнаго общества на это и разсчитываетъ, и къ этому времени и пригоняютъ заказы бѣлья и и платьевъ, которые они могутъ получить тутъ же, въ кооперативной лавкѣ. Такимъ образомъ, потребительное общество является въ то же время и сберегательной кассой. Замѣтимъ кстати, что на этомъ же принципѣ основано и большинство бельгійскихъ потребительныхъ обществъ, напр., извѣстное общество «Впередъ» въ Гентѣ *).

Но потребительное общество въ Розуэлѣ не только удешевляетъ стоимость жизни и облегчаетъ сбереженія: оно является также практической школой для рабочихъ, учитъ ихъ отстаивать свои интересы и руководить предпріятіемъ. Фишеръ разсказываетъ по этому поводу:

«На общемъ собраніи, собирающемся каждые три мѣсяца, мы платимъ жалованье приказчикамъ, за помѣщеніе магазина и уплачиваемъ по счетамъ, представляемымъ управляющимъ лавкою. Все дѣло, конечно, находится въ его рукахъ, но мы можемъ смѣстить его, если будемъ имъ недовольны».

Изъ словъ Фишера видно, что контроль общихъ собраній надъ управляющимъ—самый серьезный и дѣйствительный. Не надо забывать, что этотъ контроль практикуется рабочими надъ операціями, которыя близко затрогиваютъ ихъ интересы и въ которыхъ они понимаютъ толкъ. По справедливому замѣчанію Рузье, такія кооперативныя лавки являются прекрасной школой здравой демократіи, въ которыхъ рабочіе могутъ подготовляться къ пользованію своими политическими правами.

Вотъ приблизительный годовой бюджетъ семьи Фишера, являющійся типичнымъ для шотландскихъ углекоповъ; бюджетъ этотъ вычисленъ у Рузье въ франкахъ, а мы переведемъ его на русскія деньги, считая франкъ по 40 коп.:

---

*) См. «М. В.» 1900 г., іюнь, отд. II, 63. «Потребительныя общества въ Бельгіи».

Доходъ.

Жалованье Фишера	840	руб. —	коп.
Жалованье двухъ сыновей	350	» —	»
	1.190	» —	»

Расходъ.

Плата за квартиру съ садомъ.....	52	руб. —	коп.
Расходы на мебель и бѣлье.....	40	» —	»
Отопленіе	42	» —	»
Освѣщеніе	20	» —	»
Ѣда	640	» —	»
Одежда	140	» —	»
Лѣкарства и доктора	7	» —	»
Развлеченія	24	» —	»
Взносы въ рабочіе союзы	2	» 40	»
Учебныя пособія	4	» —	»
Страховка	20	» 80	»

Въ общемъ получается ежегодная сумма расходовъ около 990 р., и на непредвидѣнные расходы остается еще до 200 р. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что въ ежегодный расходъ «на развлеченія» включаются и расходы на газеты. Фишеръ выписываетъ двѣ газеты—одну ежедневную и одну еженедѣльную. Онъ вообще очень интересуется политикой и слѣдитъ не только за англійскими дѣлами, но и за тѣмъ, что дѣлается за предѣлами его отечества. По словамъ Рузье, этотъ углекопъ гораздо лучше освѣдомленъ на счетъ современныхъ вопросовъ, чѣмъ огромное большинство французовъ, получившихъ среднее образованіе. «Во время моего пребыванія въ Розуэлѣ,—говоритъ онъ,—на очереди стоялъ вопросъ о монометаллизмѣ и биметаллизмѣ. Фишеръ живо интересовался различными американскими «silver bills». Мы обсуждали съ нимъ отмѣну закона Шермана, вѣроятныя измѣненія въ тарифѣ Макъ-Кинлея и пр. Обо всемъ этомъ онъ высказываетъ свои сужденія, какъ человѣкъ, думавшій надъ этими вопросами; видно, что для него всѣ эти разсужденія имѣютъ реальную, фактическую подкладку. По своей газетѣ онъ слѣдитъ за новѣйшими событіями и относится къ нимъ вполнѣ сознательно. Само собою разумѣется, что онъ имѣетъ вполнѣ ясное представленіе объ Австраліи, Новой Зеландіи, Капштадтѣ. Онъ побывалъ въ Америкѣ, и въ каждомъ большомъ американскомъ городѣ, который случайно упоминается въ разговорѣ, у него окажется или родственникъ, или знакомый. Вообще весь земной шаръ кажется англичанину менѣе чужимъ, чѣмъ Европа французу. Помимо личныхъ связей, въ этомъ отношеніи нельзя не отмѣтить и

особаго характера англійской прессы, которая сообщаетъ своимъ читателямъ массу фактическихъ данныхъ и постоянно освѣдомляетъ ихъ относительно всего, что дѣлается на свѣтѣ».

Рузье сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о розуэльской школѣ. Сельскія школы въ Англіи находятся въ зависимости отъ мѣстнаго школьнаго совѣта (School Board). Въ составъ школьнаго совѣта входятъ всѣ отцы семействъ данной деревни. Совѣтъ выбираетъ учителей, назначаетъ имъ жалованье и можетъ даже въ извѣстной степени вліять на программу школы и на ходъ преподаванія. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что эта зависимость отъ деревни должна ронять учителя въ глазахъ родителей ихъ учениковъ. Но на самомъ дѣлѣ, замѣчаетъ Рузье, англійскимъ учителямъ нечего завидовать своимъ французскимъ собратьямъ, которые являются чиновниками на государственной службѣ. Безъ всякаго сомнѣнія, говоритъ онъ, Фишеръ относится къ розуэльской учительницѣ, миссъ Т., обучающей 2-хъ его дѣтей, съ гораздо большимъ уваженіемъ, чѣмъ французскій крестьянинъ относится къ коммунальному учителю своей деревни, исполняющему свои бюрократическія обязанности, безъ всякой связи съ мѣстнымъ населеніемъ. Въ Англіи каждый отецъ семейства, будь онъ крестьяниномъ, углекопомъ или фабричнымъ рабочимъ, непосредственно заинтересованъ въ школѣ, въ которой учатся его дѣти, и прекрасно сознаетъ, что онъ можетъ оказать извѣстное воздѣйствіе на ея судьбу, что онъ несетъ отвѣтственность за ходъ занятій въ школѣ: онъ прилагаетъ всѣ старанія къ тому, чтобы учительница, за которую онъ подавалъ голосъ, дѣйствительно оказалась бы достойной его довѣрія.

Чтобы имѣть хорошихъ учителей, нужно хорошо оплачивать ихъ трудъ. Въ маленькой деревнѣ Розуэлѣ, гдѣ всего 300 жителей, главный учитель получаетъ 200 фр. ст. (около 2 000 р.), учительница около 800 р., а помощницы учительницъ отъ 120—до 160 р. Помощницами являются старшія ученицы, которыя работаютъ для полученія права на преподаваніе и, между прочимъ, помогаютъ учительницамъ, занимаясь съ дѣтьми.

Л. Давыдова.

ДОМОЙ.

(ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ОЧЕРКОВЪ).

Второй разъ я подъѣзжалъ къ Петропавловскому порту на манчжурскомъ пароходѣ. Цѣлый годъ прошелъ въ непрерывныхъ скитаніяхъ по сѣвернымъ пустынямъ во славу этнографической науки. Я сдѣлалъ нѣсколько тысячъ верстъ на собакахъ и въ лодкѣ и за всю зиму ни разу не жилъ на одномъ мѣстѣ больше трехъ недѣль. Въ октябрѣ мокрая пурга чуть не зарыла насъ на среднемъ Анадырѣ; въ январѣ сухая мятель держала насъ въ осадѣ на вершинѣ горнаго перевала въ сѣверной Камчаткѣ; въ мартѣ мы попали въ густой снѣжный «убродъ» у рѣки Опуки и выбирались изъ него на лыжахъ три недѣли по поясъ въ снѣгу, соображая дорогу по солнцу и по теченію рѣкъ, какъ дѣлали это старинные казаки, въ іюнѣ прибои Сѣвернаго моря выбрасывали насъ на прибрежный песокъ и заставляли просиживать долгіе дни у каждаго скалистаго мыса, подъ утлымъ кровомъ кожаной лодки, опрокинутой вверхъ дномъ. Годъ выдался плохой, люди умирали отъ кори и отъ инфлуэнцы, олени падали отъ безкормицы, торжки и *суглапы* свелись на нѣтъ; намъ приходилось самимъ отыскивать уединенныя стойбища на просторѣ моховыхъ пустынь и глухіе поселки въ глубинѣ приморскихъ ущелій.

Культурныя привычки исчезли. Недѣлями нельзя было умыться, ибо не было топлива, чтобы натаять лишній котелъ снѣговой воды; питаться приходилось тухлой тюленіной, или сырой моржовой кожей, дѣлить съ собаками заплѣсневѣлую сушеную рыбу, жить съ ружья или сидѣть голодомъ.

Интересы цивилизованной жизни ступевались. Французская выставка, даже китайская война, все отошло куда-то далеко, какъ будто провалилось на тотъ свѣтъ.

Зато я розыскивалъ формы спряженій полуисчезнувшаго камчадальскаго языка, собиралъ каменныя орудія у казацкихъ троглодитовъ на р. Хатыркѣ и черепа азіатскихъ эскимосовъ, во множествѣ вымершихъ съ голоду двадцать лѣтъ тому назадъ; дѣлалъ гипсовыя маски и деревянные ящики для укладки коллекцій, снималъ фотографіи, набивалъ чучела, записывалъ пѣсни на фонографѣ. Вокругъ меня былъ

кругъ интересовъ, искусственный, если угодно и чуждый непосвященному міру (кромѣ нѣсколькихъ хранителей музеевъ), но зато самодовлѣющій и пока до поры до времени не нуждающійся въ впечатлѣніяхъ съ того берега.

Правда на Чукотскомъ мысу отъ американскихъ китолововъ я получилъ нѣсколько разрозненныхъ газетныхъ нумеровъ изъ Сеаттля и Такомы, но они не могли вывести меня изъ равновѣсія. Вся эта мѣстность, эскимосскіе поселки, острова Берингова моря, американскіе китоловы и американскіе миссіонеры лежали хотя и внутри русской границы, но внѣ предѣловъ русскаго вліянія и какъ то не входили въ счетъ. Въ газетахъ были разныя сенсаціонныя извѣстія о русской дѣйствительности, о перемѣнахъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, но я счелъ ихъ американскими утками и поспѣшилъ забыть.

Однако въ концѣ концовъ пароходъ «Гиринъ» доползъ таки до Анадырскаго лимана въ апогеѣ многострадальнаго кругового рейса по Охотскому и Берингову морямъ. Конечно это былъ своеобразный пароходъ, какіе можно встрѣтить только въ тихоокеанскихъ водахъ, съ манчжурскими порядками, приспособленными развѣ для перевозки кулievъ, а не пассажировъ, но все-таки окно въ Европу открылось таки передъ нами. На пароходѣ не было ни газетъ, ни журналовъ, и вся литература состояла изъ стараго эстонскаго псалтыря, принадлежавшаго капитаншѣ; почты тоже не было, ибо ее умудрились заслать въ Гижигу, и тѣмъ не менѣе отголоски русской дѣйствительности внезапно долетѣли до насъ. Сенсаціонныя свѣдѣнія американскихъ газетъ неожиданно подтвердились. На замороженной почвѣ уединеннаго сѣвера слабо отдалось біеніе живого пульса всемірной дѣйствительности и мы опять почувствовали связь съ странами и людьми, живущими за предѣломъ этихъ заколдованныхъ пустынь.

Къ великому моему изумленію на пароходѣ были также и пассажиры изъ спортучной публики. Одинъ изъ нихъ былъ туристъ, отставной лейтенантъ нѣмецкой гвардіи, въ шапочкѣ и гетрахъ, съ биноклемъ и маузеровскимъ ружьемъ, не говорившій ни слова по-русски.

Очевидно на свѣтѣ развелось столько туристовъ, что наименѣе удачливые оттѣсняются на сѣверъ, какъ альпійскіе зайцы, сѣверные олени и пингвины, сперва въ Норвегію, потомъ въ Камчатку, потомъ и на берегъ Ледовитаго моря. Съ легкой руки Нансена завелась даже мода ѣздить на 86-ую параллель и, въ концѣ концовъ, вслѣдъ за герцогомъ Абруццкимъ и барономъ Толемъ шапочка и гетры туриста попадутъ и на Сѣверный полюсъ.

Лейтенантъ выѣхалъ изъ Берлина въ числѣ дюжины молодыхъ нѣмцевъ, которыхъ подобрало кольцовское общество для распространенія нѣмецкихъ туристовъ по всему свѣту, съ тѣмъ, чтобы показать имъ земной шаръ оптомъ и по заранѣе установленной программѣ (12.000 марокъ съ души).

Такіе туристы въ послѣдніе годы разводятся за границей дюжинами и десятками какъ искусственные цыплята, и перевозятся съ мѣста на мѣсто, какъ свѣжевыведенныя устрицы, нуждающіяся въ провѣтриваніи.

Однако въ Коломбо нашему дюжинному туристу стало не въ моготу, и онъ сбѣжалъ, оставивъ за собой право на полученіе 7.845 марокъ 14 пфениговъ по недоконченному билету.

Не зная однако, что дѣлать съ своей свободой, лейтенантъ рѣшилъ объѣхать нѣмецкія колоніи, благодаря книжкѣ о колоніяхъ купленной на батареѣ въ Гонконгѣ, но для начала попалъ во Владивостокъ, быть можетъ, для того, чтобы посмотрѣть контору Кунста и Альберса, гамбургскихъ королей владивостокской торговли.

Главной заботой лейтенанта были его усы, которые ни за что не хотѣли расти, хотя онъ смазывалъ ихъ какимъ то патентованнымъ снадобьемъ, а на ночь завязывалъ столь же патентованнымъ бинтомъ новѣйшаго берлинскаго образца. Въ свободное отъ этихъ занятій время нѣмецъ писалъ дневникъ, выдержки изъ котораго онъ читалъ по временамъ избраннымъ слушателямъ. Я помню теперь только одно мѣсто: «Мѣхъ юколы довольно теплый, но не годится для вывоза. Жители обшиваютъ ею воротники шубъ, а высушеннымъ мясомъ юколы кормятъ собакъ»! Я хотѣлъ было объяснить молодому путешественнику, что въ сущности юкола есть не что иное, какъ сушеная рыба, но воздержался, чтобы не испортить впечатлѣнія. Кромѣ дневника нѣмецъ еще переписывалъ избранныя мѣста изъ энциклопедическаго словаря, дѣлалъ конспекты изъ сокращеннаго изданія Брема «Жизнь животныхъ». Онъ отличался прожорливостью и единственный изъ всѣхъ пассажировъ потреблялъ несвѣжую пароходную солонину, безъ всякаго ущерба для своего здоровья и настроенія духа.

Другой путешественникъ былъ молодой еврей изъ Архангельска, Гершкензонъ по имени, коммивояжеръ замшеваго завода, который пріѣхалъ въ сѣверные порты искать счастья и дешевыхъ оленьихъ шкуръ. Это былъ плотный рыжеватый малый съ развязнымъ купеческимъ разговоромъ и дешевымъ гостиннодворскимъ глянцемъ. Всѣ его помыслы были сосредоточены на ѣдѣ и, и такъ какъ кормили на «Гиринѣ» плохо, то онъ съ утра до вечера грызся съ капитаномъ и капитаншей, ругался и даже дрался съ прислугой.

Нѣсколько странно было видѣть, что свою обычную порцію водки онъ закусывалъ соленой рыбой вмѣсто ветчины.

— Душа моя не лежитъ къ свинству-съ!—пояснялъ онъ особеннымъ приказчичьимъ отлетомъ.—Мы лучше лососинки-съ!

Онъ по своему былъ шовинистомъ, не хуже любого охотнорядца, но подъ конецъ разсказалъ совсѣмъ неожиданную эпопею.

— Что за чортъ!—жаловался онъ.—Нигдѣ жить не даютъ!.. Пробовалъ я ремеслу учиться, все равно. Въ Архангельскѣ я скорнякъ,

а въ Тюмени *они* и вниманія не обращаютъ. Я на ярмарку пріѣхалъ, а они говорятъ: «пошелъ вонъ!» Не знаемъ, какъ и жить!..

Оказалось, что и сюда онъ попалъ въ смутной надеждѣ, что на Дальнемъ Сѣверѣ ему разрѣшатъ торговлю.

— Хоть бы у насъ денегъ не было!—жаловался онъ.—Слава Богу, есть чѣмъ дѣло завести!.. Вотъ у моей невѣсты отецъ, богатый человѣкъ, будемъ говорить прямо,—ростовщикъ!.. «Заведи, говоритъ, какое-нибудь дѣло, я свой капиталъ вложу!..» Теперь съ процентами плохо,—пояснилъ Гершкензонъ.—Возьми восемь процентовъ годовыхъ, да въ казну пошлину отдай, да расходы. Почти ничего и не очистится. Поневолѣ предпріятіе нужно затѣвать!..

Узнавъ, что я былъ на Чукотскомъ носу, онъ тотчасъ же заинтересовался и принялся разспрашивать.

— Вотъ бы тамъ дѣло завести!..—мечталъ онъ.—Какъ вы думаете, разрѣшатъ?.. Намъ, евреямъ?.. Я бы цѣлую колонію устроилъ. У меня братъ скорнякъ, другой братъ лайковый мастеръ. Свой пароходъ купимъ, китобойную шкуну заведемъ...

— А кто же у васъ будетъ китовъ убивать?—спросилъ я не безъ изумленія.

— Сами будемъ—отвѣчалъ Гершкензонъ.—Вы что думаете-съ? Мои братья на Мурманъ ходили, по Бѣлому морю плавали... Въ Архангельскомъ тоже безъ морского промыслу прожить нельзя-съ!.. Какъ вы думаете разрѣшатъ? А?.. приставалъ онъ ко мнѣ. *Какъ вы изъ подъ себя думаете?*

— Торговля-то тамъ невелика!—возразилъ я.—Смотрите, не промахнитесь!..

— Ого!—воскликнулъ Гершкензонъ. — Однѣ моржевыя шкуры!.. У насъ моржовая шкура тридцать рубликовъ ходитъ за штуку, да еще наклоняешься!.. Ворвань, усъ, зубъ, пушнина, оленій товаръ. Много кой-чего!.. Можно *300* на *100* нажить.

Глаза его загорѣлись плотояднымъ блескомъ, но тотчасъ же потухли.

— Какъ вы думаете, разрѣшатъ... А?—тревожно повторилъ онъ свой постоянный вопросъ.

Я не зналъ, что отвѣчать ему. Можно ли разрѣшить евреямъ завести первую русскую факторію на Чукотскомъ носу, для того, чтобы архангельская фирма Гершкензонъ съ братьями замѣнила калифорнійскую (и тоже еврейскую) компанію Рота и Блюма и будетъ ли отъ этого лучше туземцу? Съ другой стороны, не все ли равно, кто будетъ расхищать скудное богатство полярной жизни и получать триста на сто?.. И можно ли сдѣлать, чтобы туземцу было лучше въ этихъ широтахъ?..

Пароходъ «Гиринъ», который мои казаки тотчасъ же перекрестили въ «Горюна», представлялъ удивительное смѣшеніе языковъ.

Капитанъ былъ чухонецъ, жена его эстонка, одинъ младшій помощникъ латышъ, а другой—гельсингфорскій финнъ.

Матросы были японцы, носильщики корейскіе, прислуга китайская даже по-англійски здѣсь говорили плохо. Единственный русскій на пароходѣ былъ старшій помощникъ капитана и на его плечахъ лежала вся работа. Отъ постоянной возни съ тихоокеанскими народами у него развилась мизантропія.

— Господи!—съ озлобленнымъ отчаяніемъ вскрикивалъ онъ иногда, останавливаясь на бѣгу и взмахивая руками.—Уйти бы отъ васъ! На мачту залѣзть! На маякъ наняться!..

Жизнь на маякѣ вообще была его любимой мечтой.

— Никто тебя не найдетъ, никто не потревожитъ,—часто расписывалъ онъ послѣ второй бутылки пива.—Лампу заправилъ, машинку завелъ и правъ! Туманъ будетъ—въ колоколъ звони. Хочешь спи, хочешь трубку кури!.. Воля!..

Впрочемъ, человѣкъ онъ былъ въ сущности добрый и общее количество затрещинъ, разсыпавшихся на пароходѣ, развѣ немногимъ превышало средній тихоокеанскій уровень.

— Нельзя! — объяснилъ онъ мнѣ однажды въ откровенную минуту.—У китайца, оказывается, тоже душа есть!.. Вотъ въ прошломъ году мы везли изъ Чифу рабочихъ въ Владивостокъ. Ну, конечно, стоятъ они на палубѣ, какъ бараны, 800 человѣкъ... Стали ихъ на другое мѣсто перегонять... Третій помощникъ одному и залѣпилъ, такъ... мимоходомъ, не очень крѣпко!.. Погодили немного, приходитъ старшій ихній.—Одна китайса говоритъ: «Мой вода падай!»—«Зачѣмъ»? Капитана морда колоти!—Ну пойдемъ! Посмотримъ!—«Стали искать. Чортъ его знаетъ, гдѣ онъ и кто?.. Гововорю старшему: «Спрашивай: какой китаецъ хотѣлъ въ воду броситься?».—Никто не признается. Боятся, небось, думаютъ: въ яму посадятъ. Ну! говорю: «ищи его самъ, можетъ, ты лицо помнишь!..»

«Нѣ, говоритъ, мыного китайса кули!... Мой не знай!» Стали мы ходить между китайцами. Главное неловко: все-таки онъ человѣкъ, а если сказалъ, то, пожалуй, и сдѣлалъ; по настоящему шлюпку давно спустить надо... Походили немножко, старшій опять говоритъ: «Не надо искать!... Мой не надо искать, твой не надо искать пускай падай!... Китай народъ много!.. Мало, мало еще падай, пускай!..»

— «Правда!—закончилъ Николай Николаевичъ!—Они вѣдь такъ и говорятъ. Сколько вотъ ихъ въ Таку перестрѣляли... Наберутъ, можно сказать, первыхъ попавшихся, заставятъ уголь грузить, а потомъ поставятъ по набережной повзводно пали!... Я самъ видѣлъ!.. А спросите-ка нашего компрадора (завѣдывающаго грузомъ):» «Китай народъ много!.. Мало, мало убивай, ничего!..»

Океанъ по обыкновенію встрѣтилъ насъ сперва холоднымъ туманомъ, потомъ штормомъ.

«Гиринъ» и качался совсѣмъ особенно: ляжетъ на бокъ и еще какъ то особенно гнусно подскочитъ, а потомъ сразу на другой бокъ. «Безкостый пароходъ!» опредѣлили его казаки. Дѣйствительно, онъ даже не качался, а какъ-то вихлялъ тѣломъ. Ходить по палубѣ было невозможно, спать тоже, тѣмъ болѣе, что на пять пассажировъ было только двѣ крошечныхъ каюты.

Къ концу второго дня, когда число размаховъ доходило до 36 въ минуту, мнѣ стало казаться, что я подвѣшенъ къ маятнику и отбиваю вмѣстѣ съ «Гириномъ» какой-то новый тактъ. Сосѣдъ мой все жаловался, что не можетъ сообразить, гдѣ у него голова, гдѣ ноги, и при каждомъ размахѣ перелеталъ во всю длину кожанаго дивана отъ стѣны до стѣны.

Вдобавокъ и кормили-то насъ исключительно несвѣжей солониной изъ запаснаго трюма, такъ какъ на пароходѣ не было никакихъ запасовъ, какъ будто послѣ кораблекрушенія. Впрочемъ, при разсчетѣ это не помѣшало взыскать съ насъ по благородному тарифу по два съ полтиной съ человѣка въ сутки.

Наконецъ, входъ въ Авачинскую губу открылся передъ нами. Въ воздухѣ стало теплѣе и солнце проглянуло изъ тумана. Берега Петропавловской бухты, съ ихъ живописными сопками, утопающими въ зелени, развернулись вокругъ насъ въ своей граціозной и свѣжей красотѣ. Маленькій городокъ лѣпился по крутому склону, сверкая множествомъ ручьевъ, сбѣгавшихъ внизъ къ уютному заливчику Ковшу, въ которомъ едва можетъ обернуться одинъ небольшой пароходъ.

Впереди Ковша на ровной и бѣлой песчаной стрѣлкѣ сверкала бронзовая верхушка памятника петропавловской славы пядьдесятъ четвертаго года. На заднемъ планѣ, но совсѣмъ близко курилась не угасающая Авачинская сопка, обѣщая къ ночи разгорѣться обычнымъ тускло-багровымъ заревомъ. Рядомъ поднималась другая сопка, Корякская, еще выше и обрывистѣе съ боками, изъѣденными со всѣхъ сторонъ туманомъ, гдѣ къ каждой морщинѣ прильнула тонкая и долгая струя оледянѣлаго снѣга.

Мой прошлогодній знакомецъ «Байкалъ» стоялъ у естественной пристани противъ города и выгружалъ уголь.

Японская шкуна выходила изъ городского закоулка на просторъ бухты и ея высокіе паруса поднимались другъ надъ другомъ, какъ крылья гигантской бѣлой бабочки, простертыя по вѣтру.

Я смотрѣлъ на эти густыя лиственныя заросли и зеленыя тесовыя крыши, поднимавшіяся мнѣ навстрѣчу, и чувствовалъ, что въ моемъ умѣ оттаиваютъ и всплываютъ воспоминанія, оцѣпенѣвшія на сѣверѣ подъ гнетомъ мятели и этнографическаго уединенія, всплываютъ наружу, сперва по одиночкѣ, потомъ группами, потомъ сплошной массой, какъ льдины на весеннемъ ледоходѣ.

Тамъ, у Берингова пролива негостепріимные утесы были наги или

покрыты краснобурыми лишаями; вмѣсто тесовыхъ крышъ были грязные патры.

У черныхъ мысовъ постоянно волновался прибой, съ отрытаго моря ползли тяжелыя низкія облака, гонимыя западнымъ вѣтромъ... все было тускло, уныло и безлюдно.

Здѣсь предо мною опять открылась картина природы и человѣческой жизни, какъ онѣ существуютъ въ своемъ вѣчномъ взаимодѣйствіи по всему цивилизованному міру. Мнѣ вспомнились безконечныя хлѣбныя поля, которыми я проѣзжалъ еще недавно отъ Иркутска до Петербурга, изгороди лѣсовъ и длинныя села, мосты на широкихъ рѣкахъ, волжскія пристани и грязныя петербургскія улицы, полныя суеты и движенія. Тамъ кипѣла и замирала, голодала и работала, волновалась и росла та же безпокойная и загадочная Русь, которая такъ утомила меня своими противорѣчивыми впечатлѣніями, что я не вытерпѣлъ и сбѣжалъ для отдыха за полярный кругъ..

Вѣра, желающая сдвинуть горы и не могущая пошевелить горчишнаго зерна; готовность все отдать—и лбомъ объ стѣну; жажда правды и безсилье, всероссійскіе пошехонцы и всероссійскіе чумазые нищіе духомъ и просто нищіе,—все это, конечно, осталось по прежнему и во всемъ этомъ мнѣ опять предстояло разбираться.

Сложная и мучительная жизнь, которая, какъ тяжело нагруженная телѣга, поднимается вверхъ по глинистому откосу, уже захватила меня въ свою власть цѣпкими нитями воспоминаній...

Петропавловскъ—это городъ, построенный и наполненный чиновниками изъ Владивостока.

Чиновники существуютъ для казенныхъ дѣлъ, казаки—для помощи чиновникамъ, мѣщане добываютъ для нихъ рыбу, пароходы возятъ припасы и для нихъ и для мѣщанъ, а мѣщанки утѣшаютъ чиновниковъ и казаковъ и матросовъ. Чиновники дѣлятся на партіи, которыя враждуютъ между собой Каждый домъ наполненъ сплетнями, какъ улей медомъ.

Страдательнымъ объектомъ являются камчадалы, разсѣянные по небольшимъ поселкамъ, которыхъ и чиновники и казаки усмиряютъ со времени послѣдняго камчатскаго бунта въ 1731 г. и заусмиряли до пожизненнаго трепета и безмолвія. Зимою, путешествуя по сѣверной Камчаткѣ, я былъ пораженъ складомъ туземной жизни и никакъ не могъ помириться съ ея противорѣчіями. Ѣды много: рыба, бараны, медвѣди. Губернаторъ Завойко велѣлъ построить, вмѣсто юртъ, избы, и жители построили и даже научились натапливать каменку до одурѣнія, благо густой лѣсъ шумитъ у самыхъ дверей. Завойко велѣлъ завести скотъ, и камчадальскіе ребятишки пьютъ молоко, ѣдятъ молочную кашу, смѣшанную съ прогорклымъ тюленьимъ жиромъ. Завойко велѣлъ развести огородъ и камчадалы ѣдятъ картошку перетертую съ кипрейными стеблями и шеломайнымъ корнемъ. Природа богата и все

терпитъ и все даетъ; соболи вздорожали до 30 рублей и въ годъ промышляютъ двѣ, три тысячи штукъ. Крапива для выдѣлки сѣтей дико растетъ выше человѣческаго роста. Но среди всего этого изобилія въ просторныхъ избахъ у амбаровъ, наполненныхъ пищей, живетъ населеніе, забитое до потери человѣческаго образа и вѣчно умирающее со страху то передъ начальствомъ, то передъ заразой, то даже передъ проѣзжимъ казакомъ, везущимъ почту.

Я пріѣхалъ въ Камчатку самъ-другъ съ казакомъ, но мнѣ предшествовала молва о 75 собачьихъ нартахъ, будто бы потребныхъ для экспедиціи и старосты мѣстами уже заставили жителей приготовить пищу для грядущаго нашествія.

Въ одномъ изъ большихъ поселковъ убили шесть оленей, выдергали изъ нихъ кости, вычистили десять большихъ вязокъ сушеной рыбы, обрѣзавъ перья и хвосты для болѣе приличнаго вида. Впрочемъ, пока я добрался до этого поселка, жители успѣли узнать ближе истинные размѣры моего проѣзда и сами съѣли и юколу и оленину.

Въ нѣкоторыхъ поселкахъ грозное слово: ѣдетъ изъ Петербурга производило неописуемый ужасъ; въ Кинкилѣ два старика, которыхъ я попробовалъ разспрашивать о камчадальскомъ богѣ Куткѣ, немедленно бѣжали въ лѣсъ и вернулись только черезъ два дня послѣ моего отъѣзда. Женщины при каждой встрѣчѣ падали ничкомъ закрывая голову колпакомъ мѣховой одежды, дѣти плакали и прятались подъ нары или подъ печку.

Южные камчадалы, по крайней мѣрѣ, на три четверти обрусѣли и изъ всѣхъ силъ стараются обрусѣть до конца. Но сѣверные не имѣютъ и этого утѣшенія. По-русски не говоритъ почти никто,—тѣмъ не менѣе отъ собственной духовной жизни не осталось и слѣда, сказки забыты, старинные обычаи брошены, шаманскія вѣрованія исчезли, а христіанство привилось только по имени.

Игрища и пляски, общественные обряды, сложные и оригинальные, какъ ихъ описываетъ Крашенинниковъ, — все перевелось и не замѣнено ничѣмъ.

Мнѣ случилось отсиживаться отъ пурги въ небольшой лѣсной избушкѣ съ артелью камчадальскихъ охотниковъ почти трое сутокъ. Все это время они сидѣли, теплили огонь и молчали, варили рыбу, ѣли и опять молчали, ложились спать, просыпались и опять начинали молчать. Въ жизни своей я не встрѣчалъ такого безсловеснаго народа.

Я объяснялъ себѣ испуганное состояніе камчадаловъ историческими причинами, вспоминая, напр., пословицу: «На небѣ Богъ, а въ Камчаткѣ Кохъ», но потомъ оказалось, что современность продолжаетъ вносить свою лепту.

— А ты видѣлъ помощника?—сказалъ мнѣ, наконецъ, одинъ старикъ, довѣріе котораго я успѣлъ заслужить, вылѣчивъ его отъ инфлуэнцы.—Въ немъ безъ малаго восемь пудовъ. Такой закричитъ, да

ногами затопаетъ, поневолѣ испугаешься да въ ноги упадешь... А тигильскій-то священникъ!—прибавилъ онъ, помолчавъ.—Тоже крупный, Богъ съ нимъ!.. Всѣ русскіе крупные... Кулаки—во-о!.. Тó мы и боимся, не попало бы намъ случаемъ!..

Проѣзжая черезъ Петропавловскъ, я успѣлъ получить нѣкоторые новые комментаріи во взаимныхъ обвиненіяхъ враждующихъ чиновничьихъ партій.

Рыболовные промыслы, о которыхъ я писалъ въ прошломъ году, всѣ лопнули, благодаря настойчивому запрещенію японскихъ рабочихъ. Товарищество котиковыхъ промысловъ сняло долой свои рыбалки. Японская компанія подъ фирмою Зубкова распалась, но Зубковъ очутился съ капиталомъ и сталъ вести дѣло на собственный страхъ. Зато его довѣрители въ Хакодате, по разсказамъ проѣзжихъ, пересилились изъ большихъ домовъ въ маленькіе. Впрочемъ, и Зубкову не везло. Лишившись японскихъ рабочихъ, онъ попробовалъ подобрать русскихъ въ Владивостокѣ изъ уличной шпонки, но они, получивъ задатки, бѣжали, какъ и въ прошломъ году. Тогда онъ попытался опять привести японскія шкуны, но его поймали, отняли невода и оштрафовали на довольно крупную сумму. Невода расшили на части и продали въ Петропавловскѣ съ публичнаго торга, къ великой радости мѣстныхъ жителей, а Зубковъ, въ свою очередь, сколько я знаю, опять обратился къ японцамъ. Стеречь эти воды некому, шкуна «Сторожъ» совсѣмъ разлѣзлась, а пароходъ «Якутъ» ходилъ это лѣто въ Беринговомъ морѣ, а между тѣмъ сушеная рыба, проданная въ Японіи, приноситъ по меньшей мѣрѣ сто на сто барыша.

Впрочемъ, товарищество котиковыхъ промысловъ не унываетъ и преобразовавшись въ камчатское акціонерное общество, съ капиталомъ въ полтора милліона, устроило подъ Петропавловскомъ большой консервный заводъ, первый на русскомъ тихоокеанскомъ побережьѣ, а по размѣрамъ, кажется, первый и въ Россіи.

Я провелъ на заводѣ одно поучительное утро.

Устройствомъ его завѣдываетъ управляющій рыбными промыслами, г. Ѳедосѣевъ, торговавшій нѣкогда на Волгѣ хлѣбомъ и, кстати сказать, не знающій ни одного иностраннаго языка. Между тѣмъ, столпотвореніе языковъ на заводѣ не уступаетъ вавилонскому.

— Прямо двенадесять языкъ!—разсказывалъ мнѣ г. Ѳедосѣевъ.—Я вотъ русскій, старшій инженеръ по набиванію консервовъ—американецъ, товарищъ его тоже, поваръ у нихъ негръ. Механики есть шведы, есть норвежцы, одинъ нѣмецъ, одинъ чухонецъ; рабочіе—китайцы изъ Шанхая, китайцы изъ С.-Франциско, японцы, алеуты, корейцы... Переводчиковъ нѣтъ, никто другъ друга не понимаетъ. Ссорятся, жалуются, а я ихъ тоже не понимаю... Другой разъ возишься, возишься съ ними, да поневолѣ и скажешь: «Ну васъ ко всѣмъ чертямъ! Глаза

бы мои не глядѣли на васъ!.. Уѣду я отъ васъ, отъ треклятыхъ, куда глаза глядятъ!» А потомъ подумаешь и опять жалко станетъ!

Излишне объяснять, что до пріѣзда на Камчатку г. Ѳедосѣевъ не имѣлъ никакого понятія ни о дѣланіи консервовъ, ни о рыболовствѣ вообще.

— Ѣздилъ я въ Норвегію! — говорилъ онъ мнѣ. — Промыслы посмотрѣть... Да безъ языка худо, да и не показываютъ подлецы!..

Тѣмъ не менѣе консервный заводъ отстроенъ и даже пущенъ въ дѣйствіе. Машины привезены изъ Норвегіи и Америки. А строили и собирали ихъ китайскіе и японскіе плотники, котельщики и кузнецы, ибо употреблять иностранныхъ рабочихъ запрещенно только въ рыболовствѣ. Паровая машина имѣетъ 65 силъ и производительность завода достигаетъ 800 ящиковъ, т.-е. 3.200 дюжинъ коробокъ въ сутки. Такъ какъ изъ одной рыбы средней величины выходитъ 3—4 коробки то, слѣдовательно, заводъ можетъ обработать до десяти тысячъ рыбъ въ день.

Различныя лососинныя породы, ежегодно во множествѣ приходящія для метанія икры къ устьямъ рѣки, движутся густыми стадами и сравнительно короткое время. Поэтому консервный заводъ можетъ разсчитывать на работу только въ теченіе короткаго сезоннаго времени, два или три мѣсяца.

Необходимый минимумъ обработанной рыбы, для того, чтобы заводъ давалъ прибыль, составляетъ четыреста тысячъ рыбъ—на 40—45 дней работы. Не знаю, однако, хватитъ ли въ Авачинской губѣ рыбы для завода; по Охотскому морю и у устьевъ рѣки Камчатки рыбы дѣйствительно много, но собственно Авачинская губа не очень рыбная. Вдобавокъ въ этомъ году промыслы были начаты слишкомъ поздно и рыбы хватило только на двѣ тысячи ящиковъ. При мнѣ работа уже почти замирала. Поймаютъ сколько-нибудь рыбы и пустятъ машины въ ходъ на часъ или на два. Не поймаютъ, заводъ стоитъ. За отсутствіемъ японскихъ рыболововъ, общество стало скупать рыбу у петропавловскихъ мѣщанъ по неслыханный здѣсь цѣнѣ—восемь рублей за сотню, между тѣмъ какъ еще въ прошломъ году цѣна сотни не превышала трехъ съ полтиной. Пробовали нанимать на промыслы мѣщанъ. Человѣкъ двадцать въ двѣ недѣли заработали по девяносто рублей, пока ходъ рыбы не кончился. Но вообще жители Камчатки слишкомъ лѣнивы, чтобы послужить объектомъ для капиталистической обработки и никто изъ нихъ не годится для настоящей работы, «отъ звонка до звонка».

— Придется привести рыболововъ изъ Россіи! — вздыхалъ Ѳедосѣевъ.—Только гдѣ ихъ взять, вотъ что горе!.. Съ Чернаго моря намъ не годятся, съ Мурмана тоже, рыба не та. Балтійскіе чухонцы подходятъ, а только кто ихъ знаетъ. Приведи ихъ сюда,—домовъ пока нѣтъ, палатки; пожалуй, и изъ провизіи того-другого не хватитъ, съ ними бѣды не оберешься!

— Да вѣдь они смирные!—усомнился я.

— Ну, нѣтъ, знаете! — возразилъ Ѳедосѣевъ. — Съ финляндской стороны которые, тѣ упрямы!... Съ остзейской стороны эти точно посмирнѣе. А только чухонцы—хитрый народъ, проживетъ годъ или два, узнаетъ, что заработки на этой сторонѣ легкіе, только его и видѣли.

— А контрактъ?—возразилъ я.

— Контрактъ о двухъ концахъ!—загададочно сказалъ Ѳедосѣевъ.— Они по контракту, пожалуй, того напросятъ, чего мы имъ и дать не можемъ!..

— Кого же вамъ нужно?—спросилъ я.—Японцевъ по прежнему?

— Нѣтъ! — живо возразилъ, къ моему изумленію, Ѳедосѣевъ.— Японцы тоже испортились. Теперь вѣдь плата не по прежнему идетъ; 20—30 рублей на мѣсяцъ, а чуть что не по нихъ сейчасъ стачка: «Не хотимъ работать, везите насъ въ Японію!» А правительство японское, жалуйся не жалуйся, вниманія не обращаетъ.

— Кого же вамъ нужно!—съ недоумѣніемъ повторилъ я вопросъ. Ѳедосѣевъ задумчиво покачалъ головой.

— Я и самъ не знаю, кого. Вотъ кабы китайцевъ приспособить!— сказалъ онъ наконецъ.—Они хорошій народъ, послушный и къ работѣ понятливый!.. Только чортъ ихъ знаетъ,—прибавилъ онъ съ внезапной досадой,—на водяной работѣ ни одинъ китаецъ ничего не стоитъ!.. Мерзнутъ они что-ли!..

Выходило, что для надлежащей обработки г. Ѳедосѣева Богъ еще не создалъ подходящаго племени на Востокѣ, да и чуть ли не на всемъ земномъ шарѣ.

Консервы назначены преимущественно для австралійскаго рынка, и каждая коробка, имѣющая фунтъ съ четвертью чистаго вѣса, будетъ продаваться около сорока коп., т.-е. въ двадцать разъ дороже стоимости сырого продукта на мѣстѣ. Тѣмъ не менѣе въ лавкѣ общества въ Петропавловскѣ консервы имѣются въ продажѣ и жители ничего, берутъ.

— Съ насъ тоже всѣ дерутъ!—меланхолически говорилъ г. Ѳедосѣевъ.—До послѣдняго японца!.. Вонъ, главному инженеру за сезонъ двѣнадцать тысячъ платимъ на всемъ готовомъ, за три мѣсяца. по четыре тысячи рублей въ мѣсяцъ... Да проѣздъ взадъ впередъ на нашъ счетъ, да еще ему русская кухня не нравится, привези ему повара изъ Америки, да еще переводчика ему особаго, потому онъ ни на какомъ языкѣ не говоритъ и говорить не хочетъ, кромѣ американскаго. Раззоръ!..

— Неужели за три мѣсяца двѣнадцать тысячъ?—удивился я.

— Ну, да!—пояснилъ г. Ѳедосѣевъ.—Зато вѣдь и работникъ, не нашимъ чета! Практикъ, все умѣетъ дѣлать! Посмотрите, на его руки— дерево, чистый рогъ! Въ будничный день вы его отъ рабочаго не отличите: грязный, въ маслѣ, руки запачканныя, двѣнадцать часовъ вмѣстѣ съ рабочими работаетъ. Стоитъ и платить такому!,. А намъ

вѣдь только бы выработать и продать побольше. Всѣ расходы оправдаются!..—заключилъ онъ довольно наивнымъ тономъ

Рядомъ съ консервнымъ заводомъ начаты работы по постройкѣ туковаго, который будетъ имѣть вдвое большіе размѣры. Онъ разсчитанъ не только на отбросы консервнаго завода, но и на переработку всей рыбы, которая будетъ доставлена не въ совершенно свѣжемъ видѣ изъ болѣе отдаленныхъ мѣстъ. Пока произведены только земляныя работы, чрезвычайно трудныя при этой вѣчно мерзлой почвѣ и поставлено основаніе большой трубы, которая будетъ имѣть 120 футовъ вышины.

— Видите, какая широкая труба!—меланхолически указалъ мнѣ г. Ѳедосѣевъ, какъ бы не вылетѣть въ нее всему нашему капиталу!

Я смотрѣлъ на глубокія и узкія ямы, выкопанныя по сторонамъ трубы, и очень похожія на могилы, и думалъ, какъ бы г. Ѳедосѣевъ не зарылъ туда остатки камчадаловъ вмѣстѣ съ петропавлоскими жителями. На противоположной американской сторонѣ по всему берегу стоятъ заводы, всего около полутораста, а рыбное богатство пока не уменьшается.

Аляскинцы съѣдаютъ, что могутъ, а чего не могутъ, запаиваютъ въ банки,—гласитъ новая шуточная поговорка Аляски, но у насъ все какъ-то выходитъ иначе и, напр., отъ устьевъ Амура купеческіе рыбные промыслы уже успѣли наполовину отбить рыбныя стада.

Осмотрѣвъ постройки мы отправились въ рабочіе бараки. Впрочемъ г. Ѳедосѣевъ на этотъ разъ не захотѣлъ сопровождать насъ.

— Что же!—объяснилъ онъ довольно просто.—Говорить съ ними я не умѣю. Переводчикъ уѣхалъ въ Петропавлоскъ.. Вы ужъ съ ними сами!

Бараки устроены въ видѣ длинныхъ палатокъ, покрытыхъ непромокаемымъ брезентомъ. По одну сторону завода три японскихъ барака, по другую одинъ китайскій. Внутри тѣсно, но необыкновенно чисто, особенно у японцевъ. У каждаго человѣка нѣчто вродѣ стойла, отгороженнаго досками и устланнаго цыновками, съ постелью и крошечнымъ пологомъ надъ нею.

По случаю воскреснаго дня большая часть рабочихъ сидѣла на своихъ мѣстахъ. Проходя по узкой дорожкѣ между двумя рядами постелей и инстинктивно сдерживая шаги, чтобы не наступить грязными сапогами на чистенькія, какъ будто только что вымытыя цыновки, я невольно почувствовалъ, что вокругъ меня, несмотря на монгольскія лица и странный говоръ, сидятъ люди изъ культурной страны.

По случаю жаркаго дня японцы были почти совсѣмъ раздѣты. Нѣкоторые сидѣли нагишомъ, въ чемъ мать родила. Иные, впрочемъ, до пояса были покрыты такой сложной и густой татуировкой, что она производила впечатлѣніе пестрой фуфайки, плотно облегающей тѣло. Всѣ они сидѣли необыкновенно чинно и сдержанно посматривали на насъ, очевидно не желая обнаруживать слишкомъ большого любо-

нытства. У многихъ были книги и грифельныя доски. Я полюбопытствовалъ посмотрѣть книги. Все это были пособія для изученія русскаго и англійскаго языковъ. Нѣкоторые писали письма разведенною тушью на длинныхъ полоскахъ цвѣтной бумаги; въ дальнемъ углу на столѣ, назначенномъ для обѣда, играли въ карты, но и карты были совсѣмъ другія, маленькія, пестрыя, съ букетами цвѣтовъ вмѣсто очковъ и ландшафтами вмѣсто фигуръ, такъ называемыя «четыре времени года».

Никто изъ японцевъ не говорилъ по-русски, но по-англійски немного говорили двое или трое. Я спросилъ, нельзя ли снять снимокъ съ внутренности барака, но японцы отвѣтили вѣжливымъ, но рѣшительнымъ отказомъ.

— Мы никому не позволяемъ фотографировать здѣсь,—объяснили они.—Но у насъ есть собственные снимки; если вы оставите адресъ, мы можемъ вамъ прислать!

Не надо забывать, что это были бѣдные плотники и кузнецы, набранные въ захолустномъ Хакодате, на сѣверномъ островѣ Хокайдо, который и заселенъ-то не очень давно и до послѣдняго времени служитъ мѣстомъ ссылки преступниковъ.

Я невольно вспомнилъ нефтяныхъ рабочихъ въ Баку, которыхъ я видѣлъ въ прошломъ году и которые спятъ и ѣдятъ въ такихъ же тѣсныхъ стойлахъ, но въ невыносимой грязи, по колѣно въ нефтяныхъ останкахъ, и даже тѣсто для лепешекъ замѣшиваютъ на нефтяной жижицѣ

У китайцевъ было не такъ чисто. Но зато впереди барака у нихъ была кухня съ кирпичной выведенной по-русски плитой. Многіе изъ нихъ были одѣты въ обноски европейскаго платья. Лица ихъ смотрѣли кротко, но нѣсколько печально. Они толпились вокругъ повара, который варилъ въ кипяткѣ особыя булочки, какъ будто сдѣланныя изъ бѣлой слоистой кожи. Сюда г. Ѳедосѣевъ пришелъ вмѣстѣ съ нами.

— Вотъ хорошій народъ, послушный!—неутомимо повторялъ онъ.—Всѣмъ они довольны, стачекъ никогда не затѣваютъ, а работаютъ еще лучше японцевъ... Побольше бы такихъ-то!..

Изъ китайскаго барака мы отправились къ Смиту, который, за неимѣніемъ рыбы для обработки, уже собрался уѣзжать въ Америку. Они сводили съ Ѳедосѣевымъ послѣдніе разсчеты. Смитъ былъ необыкновенно длинный и чрезвычайно безобразный американецъ и не только руки, но и лицо его казалось грубо вырѣзаннымъ изъ сѣраго ноздреватаго рога.

— Набрали японскъ (japs)!—ворчалъ онъ въ носъ, вкладывая въ послѣднее слово japs всю ненависть, которую «торговые люди англійскаго говора» на Востокѣ питаютъ къ своимъ маленькимъ желтокожимъ соперникамъ.—Какіе это рабочіе? Дрянь! Надутоголовые! Къ чорту ихъ послать, такъ и чорта жалко...

Двое молодыхъ японскихъ джентльмена, съ лицами, похожими на желтыя маски, въ ослѣпительно бѣлыхъ воротничкахъ и черныхъ костюмахъ, какъ будто только что снятыхъ съ магазинной выставки, сидѣли у стѣны, но Смитъ не обращалъ на нихъ никакого вниманія. Впрочемъ, даже я съ трудомъ понималъ его сдержанное носовое ворчаніе.

— Скажите ему,—обратился онъ къ переводчику, плотному бѣлобрысому норвежцу, съ головой, очень похожей на большую свѣжеочищенную рѣпу, кивая головой на Ѳедосѣева,—зачѣмъ онъ не привезъ бѣлыхъ людей?.. Десять бѣлыхъ людей сработаютъ за тридцать японцевъ въ половинное время.

— Гдѣ же я возьму бѣлыхъ?—съ сокрушеніемъ возразилъ Ѳедосѣевъ.

— Эти японцы,—продолжалъ Смитъ съ тѣмъ же сдержаннымъ озлобленіемъ,—чѣмъ работать, они прибавки просятъ... Въ два мѣсяца три забастовки.

— Да-съ!—вздохнулъ Ѳедосѣевъ.—Двадцать рублей въ мѣсяцъ—еще имъ мало!..

— Они говорятъ,—вдругъ вмѣшался переводчикъ,—мы и третьей части не получаемъ! Китайскій подрядчикъ изъ С.-Франциска все себѣ беретъ.

— А намъ какое дѣло?—сказалъ Ѳедосѣевъ.—Не можемъ же мы со всѣми ими дѣло имѣть, намъ надо знать кого-нибудь одного!..

Рабочихъ на всемъ тихоокеанскомъ побережьи отъ Владивостока до С.-Франциско поставляютъ китайскія или японскія конторы, которыя имѣютъ отдѣленія въ русскихъ и американскихъ городахъ и сами отъ себя нанимаютъ рабочихъ въ Шанхаѣ, Чифу, Хакодате, конечно, съ огромнымъ вычетомъ въ свою пользу.

— А что же дали имъ прибавку?—полюбопытствовалъ я.

— Какъ же не дать!—вздохнулъ Ѳедосѣевъ—поневолѣ дашь!—не хотятъ работать иначе, знаютъ—другихъ рабочихъ здѣсь нѣтъ, ну и пользуются!.. У нихъ вѣдь одинъ сказалъ «не хочу работать», такъ и всѣ заодно: цехи у нихъ, общества. Отстать никому нельзя: убьютъ!

— Да и капризные они!..—продолжалъ онъ жаловаться.—Намедни заставили кузнецовъ трубу заводскую склепывать, не хотятъ. «Мы, говорятъ, не котельщики. Это, говорятъ, трудная работа: мы не нанимались». Плотниковъ просилъ землекопамъ помочь, отказались. А ужъ съ консервщиками прямо сладу нѣтъ. Такъ прямо и долбятъ: «Работы нашей у васъ не стало! Везите насъ въ Японію!»

— Нѣтъ!—рѣшительно сказалъ Смитъ.—Въ будущемъ году ни одного японца!.. Я поѣду въ Шанхай и самъ привезу китайцевъ; тамъ сколько угодно искусныхъ работниковъ, изъ С.-Франциско вернулись, прямо съ завода!..

Японскіе джентльмены сидѣли неподвижно, какъ муміи. Одинъ былъ маленькій, лысоватый, съ забавнымъ разноцвѣтнымъ лицомъ, какъ будто сшитымъ изъ кусковъ поношенной замши; другой повыше и

потоньше, съ черной гривой, похожей на парикъ изъ конскаго волоса, и большими неровными зубами, сіявшими изъ-подъ растопыренныхъ и неизмѣнно улыбавшихся губъ.

Я потихоньку освѣдомился объ нихъ у Ѳедосѣева.

— Кто ихъ знаетъ!—съ неудовольствіемъ отвѣтилъ онъ.—Чиновники таможенные изъ Хакодате... Кто ихъ знаетъ, зачѣмъ изъ Владивостока пріѣхали... На нашемъ пароходѣ назадъ поѣдутъ.

— Съ порученіемъ какимъ-нибудь?

— Не думаю,—медленно отвѣтилъ Ѳедосѣевъ.—Въ прошломъ году Дичковъ, надзиратель рыбныхъ промысловъ изъ Петропавловска, въ Японію заѣхалъ. Должно быть, визитъ отвѣтный... А между прочимъ, кто ихъ знаетъ!..

Послѣ завтрака мы сдѣлали прогулку по берегамъ Тарвинской бухты, гдѣ расположенъ заводъ.

Я шелъ рядомъ съ японцами. Маленькій японецъ напѣвалъ что-то, поразительно напоминавшее русское церковное пѣніе. Я не вытерпѣлъ и спросилъ его о происхожденіи мотива.

— Я православный, Евграфъ Никитичъ Кураока,—объяснилъ онъ мнѣ очень плохимъ русскимъ языкомъ,—Токіо семинарія училъ! Теперь Хакодате живу.

— А много православныхъ въ Хакодате?—спросилъ я.

— Токіо много, Хакодате мало, триста человѣкъ. Токіо большой соборъ, епископъ есть; Хакодате церковь одинъ, священникъ одинъ. Весь островъ только четыреста человѣкъ!..

— А священникъ говоритъ по-русски?

— Нѣту говорить! Японскій священникъ... Русскій консулъ, писарь Кассавора хорошо говоритъ русскій языкъ.

— Я тоже въ Хакодате поѣду! На одномъ пароходѣ съ вами!.. —сказалъ я.

Дѣйствительно, я собирался покинуть «Гиринъ», который еще пять недѣль долженъ былъ слоняться по охотскимъ портамъ.

Японецъ посмотрѣлъ на фотографическій снарядъ въ рукахъ моего спутника.

— Хакодате такой нельзя работать, штрафъ плати!— неожиданно сказалъ онъ дружескимъ, но предостерегающимъ тономъ.

— Отчего?—спросилъ я съ удивленіемъ.

— Нельзя, крѣпость! Штрафъ плати!—настаивалъ японецъ.—Наши строго смотрѣли!..—Я—японски!—и онъ ткнулъ себя рукою въ грудь. Тоже нельзя работать такъ!.. — и онъ опять указалъ пальцемъ на аппаратъ.

Я посмотрѣлъ своему собесѣднику въ маленькіе глазки, похожіе на кусочки чернаго стекла, но европейскому взгляду ничего нельзя было различить въ ихъ мелкой глубинѣ. Другой японецъ, не говорившій ни слова по-русски, автоматически улыбался. Тѣмъ не менѣе мнѣ

пришло въ голову, что этотъ православный чиновникъ японской крѣпости, въ концѣ концовъ, могъ имѣть какое-нибудь порученіе къ строптивымъ японскимъ кузнецамъ, которые не соглашались заколачивать заклепки для г. Ѳедосѣева, какъ гаршинскій глухарь.

Черезъ два дня Петропавловскъ тоже остался у насъ сзади и благодаря любезности г. Ѳедосѣева мы ѣхали въ Японію на пароходѣ общества вмѣстѣ со Смитомъ и японцами сквозь густой туманъ, окутывавшій пустынные Курильскіе острова. Пароходъ былъ русскій, тотъ же прошлогодній «Байкалъ».

— А какъ вы думаете?—спросилъ я помощника капитана, хитраго владивостокскаго старожила. — Выйдетъ толкъ изъ Ѳедосѣевскаго завода?..

— Какъ же у нихъ выйдетъ толкъ?—немедленно съострилъ помощникъ. — Будто они рыбу ищутъ? — они ищутъ только, гдѣ раки зимуютъ!..—Я вамъ скажу, какъ будетъ,—прибавилъ онъ.—Общество истратило милліонъ рублей. Эти, должно быть, въ трубу вылетятъ. Потомъ продадутъ они другому машины и остатки—тысячъ за сто или за полтораста. Этотъ опять прогоритъ, да третьему продастъ. А у третьяго, можетъ, и толкъ будетъ. Такъ бываетъ.

Волны круто поднимались и качали пароходъ. Высоко надъ головой туманъ раздѣлился, какъ разорванная ткань и сталъ сжиматься большими сѣрыми клочьями. На западѣ смутно проглянула вершина сопки безъ подножія и очертаній, похожая скорѣй на облако, чѣмъ на твердую землю.

На востокѣ прорѣзался узкій солнечный лучъ и на линіи горизонта заиграли бѣлые блики волнистыхъ гребней, какъ бѣлыя чайки, низко пролетающія надъ водой. Пассажиры сошли внизъ, я одинъ остался на верхней палубѣ. Мысли мои двигались скорѣе этого неуклюжаго парохода и были далеко, Богъ знаетъ гдѣ.

Я вспомнилъ, какъ уѣзжалъ я въ такое же туманное осеннее утро изъ большого шумнаго города, и на душѣ моей было смутно, какъ и на окружающемъ водяномъ просторѣ. Отъ жизни не убѣжишь или убѣжишь и самъ вернешься назадъ...

Господи, приспособи меня! Найди какое-нибудь мѣсто въ этой сложной машинѣ, куда я могъ бы втиснуть свою строптивую волю, какъ винтъ въ гайку и истомить ее до конца въ будничной черной работѣ, чтобы не быть мнѣ больше зрителемъ чужихъ безумій и ошибокъ и лучше самому сойти съ ума и заблуждаться и буйствовать вмѣстѣ съ другими, не смущая бѣгущаго вѣка проклятымъ вопросомъ: зачѣмъ?..

Танъ.

ВЪ ДОРОГѢ.

Уныло и глухо гудитъ паровозъ
Подъ вѣющимъ пологомъ ночи;
Десятками крѣпкихъ тяжелыхъ колесъ
Вагоны бѣгутъ, что есть мочи.
Вагоны бѣгутъ и скрипятъ, и дрожатъ,
Ихъ тонкія стѣнки трясутся,
Оконныя стекла не въ тактъ дребезжатъ
И въ каждомъ мелькаетъ назойливый взглядъ,
То призраки вмѣстѣ несутся.
Опять я свободенъ. Я духомъ окрѣпъ,
Развѣялъ и скуку, и горе.
Я городъ покинулъ холодный, какъ склепъ,
И финское мелкое море.
Изъ каменной, тѣсной, постылой тюрьмы
Я вырвался вонъ безъ оглядки...
Тамъ души ржавѣютъ, тамъ вянутъ умы,
Тамъ люди такъ мелки и гадки...
Привѣтъ тебѣ, воля! трикратный привѣтъ,
Моя удалая подруга!..
Неси меня быстро на солнце и свѣтъ
Изъ этого рабскаго круга!..
Съ тобою вдвоемъ мнѣ весь міръ нипочемъ!...
Путемъ нескончаемымъ нашимъ
Два раза мы землю кругомъ обовьемъ,
Сѣдой океанъ опояшемъ!..
Напрасно навстрѣчу сгущается тьма
И вьюга бушуетъ сердито,—
Безсонная бодрость людского ума
То лучшая наша защита.
Равно намъ покорны земля и вода,
И горы и быстрыя рѣки:
Великая сила людского труда
Ихъ всѣхъ покорила навѣки.
Начнемъ же смѣлѣе нашъ дальній походъ!
Не нужно страшиться погони...
Намъ служатъ стихіи. Несутъ насъ впередъ
Желѣзные быстрые кони.
Съ тобой мы объѣдемъ и сѣверъ, и югъ,
Какъ птицы умчимся далеко...
Два раза мы землю объѣдемъ вокругъ,
На западъ вернемся съ востока!..

Танъ.

Артуръ Шопенгауэръ, какъ человѣкъ, философъ и учитель.

Фридриха Паульсена.

Переводъ съ нѣмецкаго Т. Богдановичъ.

Личность Шопенгауэра.

За три дня до смерти Шопенгауэръ видѣлся въ послѣдній разъ съ близкимъ ему человѣкомъ, Гвиннеромъ, написавшимъ впослѣдствіи его біографію. Рѣчь шла о смерти; прощаясь, Шопенгауэръ сказалъ: «Пусть будетъ, что будетъ, по крайней мѣрѣ, совѣсть моя, какъ мыслителя, чиста» *).

*) Гвиннеръ. «Жизнь Шопенгауэра, 2-е изд. 1878 г., стр. 315. Для характеристики Шопенгауэра это сочиненіе попрежнему остается самымъ важнымъ источникомъ. Книга Фрауэнштета и Линднера «Artur Schopenhauer-Von ihm. Ueber ihn» (1863 г.) представляетъ апологетическое произведеніе, направленное противъ первыхъ сообщеній Гвиннера отъ 1862 г. Имѣютъ значеніе также письма Шопенгауэра, собранныя Шеманомъ (1893 г.) и Гризебахомъ. Гризебахъ, лучшій издатель сочиненій Шопенгауэра, составилъ также его біографію (Сборникъ Беттельгейма «Герои духа» 1897 г.); достойная полнаго довѣрія въ отношеніи фактовъ, она нѣсколько односторонняя по освѣщенію ихъ; стремясь изобразить въ самомъ благопріятномъ свѣтѣ характеръ Шопенгауэра, она черезчуръ мрачными красками рисуетъ образъ его матери. Прекрасную характеристику Шопенгауэра, опирающуюся на мнѣнія врача, далъ въ недавнее время Мёбіусъ «О Шопенгауэрѣ» (1899 г.). Двѣнадцать приложенныхъ картинъ еще увеличиваютъ цѣнность книги; особенно интересны оригинальныя фотографіи, ихъ всего пять, первая относится къ 1845 г. Среди общихъ сочиненій о Шопенгауэрѣ наибольшей извѣстностью пользуется книга Фишера **). «Шопенгауэръ, его жизнь, дѣятельность и ученіе» (2-ое изд. 1898 г.) Особаго вниманія заслуживаетъ только что изданная работа Фолькета «А. Шопенгауэръ, его личность, его ученіе, его вѣра» (1900 г.); съ тонкимъ пониманіемъ отмѣчены въ ней сильныя стороны мыслителя, но съ не меньшей тщательностью и вниманіемъ указаны односторонности, преувеличенія, недостатки и противорѣчія въ построеніи его системы. Хорошее изображеніе отношенія его философіи, съ одной стороны, къ его личности, съ другой—къ его эпохѣ и къ философіи его современниковъ даетъ Леманъ: «Шопенгауэръ, дополненіе къ психологіи метафизики» (1894). Еще можно назвать два сочиненія на англійскомъ языкѣ: W. Wallace. «Life of. S.» (1890) и W. Caldwell. «Sch-s System in its philosophical significance» (1896 г.).

**) См. «Міръ Божій» 1894 г., октябрь. *Ред.*

Это одна, положительная сторона сужденія Шопенгауэра о себѣ самомъ. Но, какъ видно, изъ этихъ же словъ существовала и отрицательная сторона.

Ее можно заимствовать изъ его собственнаго отзыва о Фрауэнштетѣ. Шопенгауэру нравилась его умственная физіономія, отражающаяся въ глазахъ и во лбу, но въ такой же мѣрѣ ему не нравилась его нравственная физіономія, выражающаяся въ нижней части лица, главнымъ образомъ въ очертаніи рта. Шопенгауэръ придавалъ большое значеніе физіономіи и подъ этимъ онъ подразумѣвалъ, что цѣнитъ умъ Фрауэнштета выше его характера. Онъ различалъ два вида дружбы: дружбу, основанную на волѣ, и дружбу, основанную на разумѣ; съ самимъ собой у него была дружба второго рода. Онъ удивлялся своему уму и бесѣдовалъ съ самимъ собой охотнѣе, чѣмъ съ кѣмъ бы то ни было другимъ. Напротивъ, о своей волѣ онъ былъ не особенно лестнаго мнѣнія; онъ почти стыдился ея, конечно, онъ меньше всего обвинялъ за это самого себя, онъ склоненъ былъ видѣть въ недостаткѣ воли общечеловѣческую черту, свойственную также и геніямъ.

Мнѣніе Шопенгауэра о себѣ самомъ вполнѣ основательно въ обоихъ отношеніяхъ. У него были всѣ основанія считать свои умственныя дарованія выдающимися и необычайными, но въ то же время онъ никакъ не могъ быть довольнымъ своей волей. Это было существо дикое и необузданное, съ которымъ ему всю жизнь было много хлопотъ. Въ качествѣ философа, Шопенгауэръ презиралъ, какъ призрачныя блага, вещи, составляющія предметъ общихъ стремленій; какъ человѣкъ, онъ не могъ оторваться отъ нихъ; его воля неустанно тревожно и жадно стремилась къ нимъ.

Въ началѣ своего разсужденія объ усовершенствованіи разума Спиноза называетъ три вещи, къ которымъ естественно стремится воля: богатство, слава и сладострастіе. Онъ также домогался ихъ. Но когда онъ сталъ размышлять объ нихъ при свѣтѣ опыта, ему стало ясно, что эти три вещи не только не представляютъ прочныхъ благъ, но даже составляютъ извѣстное зло, такъ какъ отвлекаютъ духъ отъ себя самого и такимъ образомъ мѣшаютъ его полнотѣ и совершенству. Поэтому онъ принялъ рѣшеніе отказаться отъ этихъ пустыхъ и ничтожныхъ вещей и стремиться только къ вѣчному и неизмѣнному благу, обладаніе которымъ наполняетъ духъ вѣчной и неизмѣнной радостью. Это высшее благо Спиноза открылъ въ созерцательномъ познаніи Всемогущаго Бога. И насколько можно судить изъ неполныхъ свѣдѣній о его жизни, она не стояла въ противорѣчіи съ тѣмъ, что въ своихъ писаніяхъ онъ считалъ высшей мудростью. Это та же самая мудрость, которую высказывалъ у него средневѣковой монахъ. Черезъ отрицаніе естественной воли, черезъ отреченіе отъ призрачныхъ благъ міра, черезъ тройной обѣтъ бѣдности, цѣломудрія и послушанія идетъ путь къ достиженію высшаго блага, вѣчнаго блаженства въ созерцаніи Бога.

Шопенгауэръ съ глубочайшимъ убѣжденіемъ примыкаетъ къ этому ученію, но покорить въ дѣйствительности свою волю разсудку ему никакъ не удавалось, съ неукротимой силой его влекло къ тѣмъ вещамъ, которыя онъ, какъ философъ, цѣнилъ такъ же мало какъ мудрецъ и святой. Нѣсколько чертъ изъ сообщаемаго біографами достовѣрнаго матеріала о немъ достаточно убѣдительно доказываетъ это.

Самую выдающуюся черту нравственной физіономіи Шопенгауэра составляетъ очень высокая самооцѣнка, проявлявшаяся въ сознаніи неизмѣримаго превосходства надъ прочими людьми. Онъ геній среди посредственностей; считать ихъ ничтожествами и поступать съ ними, какъ съ ничтожествами, его право, даже обязанность передъ самимъ собой. Только презирая ихъ, онъ можетъ постоянно чувствовать разстояніе между ними и собой и не смѣшиваться съ ними. Эта самооцѣнка не была въ сущности неправильной, мало того, нельзя даже пожелать, чтобы она была иною, на скользкомъ литературно-академическомъ пути она предохраняла его отъ недостойныхъ его шаговъ. Вообще желать, чтобы Шопенгауэръ въ какомъ-либо существенномъ отношеніи былъ не тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности, значитъ желать, чтобы нѣмецкая литература не имѣла совсѣмъ Шопенгауэра,— такія произведенія могъ написать только такой человѣкъ. Но не менѣе справедливо и то, что эта черта доставила много непріятностей и ему самому, и другимъ, и что поведеніе его далеко не всегда было похвальнымъ и достойнымъ подражанія.

Еще въ юношескіе годы эта самооцѣнка проявляется въ формѣ заносчиваго высокомѣрія. Въ Готѣ, гдѣ, едва раздѣлавшись съ купеческой профессіей, навязанной ему волей отца, онъ завязалъ отношенія съ мѣстной гимназіей, онъ скоро создалъ себѣ невозможное положеніе, благодаря сатирическимъ стихамъ на одного учителя (1807 г.). Самъ по себѣ этотъ случай еще не особенно удивителенъ, но удивительно то, что много лѣтъ спустя въ своей біографіи, которую онъ представилъ передъ диспутомъ берлинскому факультету, онъ подробно излагаетъ его изящной латинской прозой. Очень рѣдко этого рода произведенія содержали въ себѣ подобные разсказы, да и вообще это жизнеописаніе и по своей длинѣ, и по своему характеру было единственнымъ въ своемъ родѣ. Каждое слово даетъ почувствовать, что тутъ дѣло идетъ не о жизни какого-нибудь обыкновеннаго приватъ-доцента, что это единственный, изъ ряда вонъ выходящій случай, относительно котораго никакія подробности не могутъ быть лишними *).

*) Жизнеописаніе и просьба о допущеніи диссертаціи были впервые опубликованы Гвинеромъ (ст. 232—247). Переписка съ деканомъ и переписка по тому же поводу съ Осаномъ напечатана у Шемана. Я считаю умѣстнымъ отмѣтить, что берлинскій факультетъ обратилъ особое вниманіе на тонъ этихъ записокъ. Въ университетскихъ актахъ сохранилась надпись, сдѣланная деканомъ на просьбѣ при передачѣ ея въ факультетъ. Высказываясь за допущеніе диссертаціи, онъ дѣлаетъ

Точно такое же впечатлѣніе производитъ переписка, которую онъ незадолго передъ тѣмъ велъ съ издателемъ своего главнаго произведенія —Брокгаузомъ. Здѣсь также идетъ рѣчь объ «ординарныхъ профессорахъ», которые хлопочутъ только о томъ, чтобы скрывать правду. Въ другомъ письмѣ онъ объявляетъ своему издателю, чтобы тотъ не вздумалъ смотрѣть на него и относиться къ нему, какъ къ «вашимъ авторамъ разговорныхъ книжекъ и другимъ жалкимъ писакамъ, съ которыми у меня нѣтъ ровно ничего общаго, кромѣ употребленія пера и чернилъ».

Этотъ надменный тонъ можно съ большой степенью вѣроятности объяснить его безграничнымъ тщеславіемъ, благодаря которому онъ считалъ, что между нимъ и всѣмъ тогдашнимъ ученымъ міромъ лежитъ громадная пропасть. Происходя изъ виднаго и богатаго купеческаго дома, онъ смотрѣлъ свысока на нѣмецкихъ ученыхъ, профессоровъ, учителей и писателей, какъ на жалкихъ бѣдняковъ, которые должны изъ-за куска хлѣба строчить или бѣгать по урокамъ въ школы или университеты. Онъ рѣдко забывалъ объ этомъ и съ гордостью указывалъ на свое независимое положеніе. Съ такимъ же высокомѣріемъ онъ выставлялъ преимущества своего свѣтскаго образованія, дополненнаго путешествіями, передъ сухой кабинетной и книжной ученостью. Въ теченіе всей своей жизни онъ предпочиталъ общество свѣтскихъ людей обществу настоящихъ ученыхъ, поскольку онъ вообще чувствовалъ необходимость въ обществѣ. Къ этому присоединялась также противоположность его роднаго, главнымъ образомъ, естественно-научнаго образованія съ старинной богословской ученостью, пріобрѣтаемой въ монастыряхъ и закрытыхъ школахъ.

Та же самая черта его характера проявлялась и въ его отношеніяхъ съ близкими людьми. Его высокомѣріе и неуживчивость сначала испортили, а потомъ и окончательно разстроили его отношенія съ матерью. Въ извиненіе ему можно сказать, что относиться съ чувствомъ

слѣдующее замѣчаніе: «Несмотря на большую несдержанность и непомѣрное тщеславіе г-на Шопенгауэра, выражающееся во всемъ вышеприведенномъ, я нахожу тѣмъ не менѣе, что, оставя въ сторонѣ оцѣнку ихъ, нельзя ничего возразить противъ допущенія диссертаціи». Онъ считаетъ также возможнымъ удовлетворить его просьбу о внесеніи его въ росписаніе лекцій до пробной лекціи въ факультетѣ и до публичной вступительной лекціи. Гегель присоединился къ его мнѣнію, между тѣмъ какъ Раумеръ и Эрманъ считали предварительное внесеніе въ росписаніе не вполнѣ удобнымъ, а Вейсъ замѣтилъ: «Признаюсь, что чрезвычайное высокомѣріе г-на Шопенгауэра не особенно располагаетъ меня настаивать на какомъ-нибудь исключительномъ снисхожденіи къ нему со стороны факультета. Тѣмъ не менѣе я нисколько не сомнѣваюсь, что его просьбы должны быть удовлетворены». Семью голосами противъ трехъ Шопенгауэру была оказана просимая любезность: 23-го марта 1820 г. онъ читалъ пробную лекцію о четверякомъ корнѣ закона достаточнаго основанія. Во время преній онъ нашелъ случай, какъ онъ самъ впослѣдствіи разсказывалъ, передъ всѣмъ факультетомъ, уличить Гегеля въ незнакомствѣ съ психологіей.

сыновняго почтенія къ его матери было дѣло не легкое. Она любила сына, но еще больше любила самое себя. Это была женщина, хорошо одаренная отъ природы и совсѣмъ не злая, но исполненная наивнаго тщеславія избалованной свѣтской дамы. Мужа своего она никогда по настоящему не любила; онъ женился на дѣвушкѣ чуть не на двадцать лѣтъ моложе себя, происходившей изъ скромной семьи, и окружилъ ее всѣмъ блескомъ и роскошью богатаго купеческаго дома. Послѣ двадцатилѣтняго супружества внезапная смерть мужа дала ей полную свободу устраивать свою жизнь согласно собственнымъ склонностямъ. Она поселилась въ Веймарѣ, играя тамъ роль интересной и богатой вдовы. Центромъ ея жизни сдѣлались вечера, которые она устраивала у себя по два раза въ недѣлю, собирая на нихъ все, что было выдающагося въ Веймарѣ и прежде всѣхъ, конечно, Гёте. Эти вечера сыграли также значительную роль въ ея разрывѣ съ сыномъ. Послѣ постигшей его въ Готѣ непріятности, она позволила ему—въ сущности противъ своего желанія, пріѣхать въ Веймаръ. Но она не взяла его къ себѣ въ домъ, онъ долженъ былъ, какъ гость, приходить къ обѣду и являться на званые вечера. Впрочемъ, она опасалась, что они «будутъ для него не такъ интересны, какъ для людей болѣе взрослыхъ и болѣе значительныхъ, чѣмъ онъ, которые могутъ принимать въ нихъ дѣятельное участіе». Въ одномъ изъ позднѣйшихъ писемъ она еще точнѣе опредѣляетъ его роль на нихъ. «На моихъ вечерахъ ты можешь ужинать у меня, но самое лучшее, если ты будешь воздерживаться отъ несносныхъ споровъ, которые только раздражаютъ меня, также какъ вѣчные охи да ахи о жалкомъ человѣчествѣ и о царящей въ мірѣ глупости. Отъ нихъ у меня всегда бываютъ дурные сны, а я люблю хорошо поспать». Другой разъ она называетъ его «несноснымъ и утомительнымъ». «Твое вѣчное умничанье заставляетъ забывать о всѣхъ твоихъ достоинствахъ и дѣлаетъ ихъ совершенно непригодными для жизни. Ты непремѣнно хочешь знать все лучше другихъ, вездѣ видишь недостатки, кромѣ самого себя, и все хочешь исправлять и передѣлывать по своему» (Гвинеръ, стр. 67).

Нельзя не сознаться, что мать далеко не привлекательными красками изображаетъ своего двадцатилѣтняго сына; надо думать, у нея были для этого достаточныя основанія, а ея замѣчаніямъ, касающимся его отношеній съ людьми, нельзя отказать въ наблюдательности. Въ то же время эти письма достаточно ярко рисуютъ ея собственный обликъ. Гордость матери выдающимся умомъ сына борется въ нихъ съ любовью свѣтской дамы къ покою и комфорту. Можно быть увѣреннымъ, что въ его отвѣтахъ не было недостатка въ саркастическихъ выходкахъ, такъ какъ сынъ не уступалъ матери въ умѣньи подмѣчать человѣческія слабости. Позднѣе, послѣ окончанія университетскаго курса, между ними произошелъ окончательный разрывъ. Непріятныя для него отношенія матери съ однимъ другомъ дома и ея

крупные, быть можетъ, чрезмѣрные расходы, послужили послѣдней каплей, докончившей дѣло. Послѣдній разъ онъ видѣлъ ее въ 1814 году, съ тѣхъ поръ,—хотя она прожила еще 24 года,—личныя сношенія между ними не возобновлялись. Можетъ быть, это было и къ лучшему, у нихъ было слишкомъ много родственныхъ чертъ и они слишкомъ хорошо знали другъ друга, чтобы жить вмѣстѣ. Всякая встрѣча вела къ тяжелымъ столкновеніямъ *).

Разставшись навсегда съ матерью, онъ прожилъ слѣдующіе четыре года въ Дрезденѣ, это были годы созданія и разработки его системы. Одинъ изъ членовъ литературнаго круга, въ которомъ онъ тамъ вращался, оставилъ намъ слѣдующую характеристику молодого человѣка: «Чистосердечный и честный, прямой и строгій, въ научныхъ и литературныхъ вопросахъ необычайно рѣшительный и твердый, называющій все своими именами, не боясь ни друзей, ни враговъ, очень склонный къ шуткѣ, порой даже грубовато-насмѣшливый, этотъ бѣлокурый юноша съ сверкающими сѣро-голубыми глазами и съ глубокими складками по обѣимъ сторонамъ носа, съ нѣсколько рѣзкимъ голосомъ и отрывистыми жестами имѣлъ иногда далеко не ласковый видъ». Живя уединенно и не добиваясь ничьей дружбы, онъ слылъ за чудака; когда онъ появлялся въ обществѣ, тотчасъ же возникалъ споръ, «причемъ онъ со своей безудержной откровенностью старался досадить всѣмъ, пересыпая разговоръ самыми ѣдкими сарказмами, давая волю своему злому юмору, бросая въ лицо всѣмъ самые оскорбительные отрывки изъ Шекспира и Гёте; онъ игралъ роль какого-то буки, его всѣ боялись, но никто не осмѣливался отплатить ему тою же монетою».

Къ тому же времени относится письмо Квандта—человѣка, принадлежавшаго къ ближайшимъ друзьямъ Шопенгауэра и оставшагося до конца ему преданнымъ, къ его сестрѣ Адели (опубликовано Шеманомъ, стр. 489). Относясь съ искреннимъ расположеніемъ и къ брату, и къ сестрѣ, онъ высказывалъ послѣдней свои опасенія и свое огорченіе по поводу все болѣе глубокаго одиночества, въ которое замыкался ея братъ, онъ боялся, что результатомъ его, въ концѣ концовъ, явится угрюмый и жесткій эгоизмъ. Онъ убѣдительно просилъ ее съ любовью протянуть ему руку и попытаться возстановить его отношенія съ матерью.

Закончивъ писанье своей главной работы, Шопенгауэръ уѣхалъ въ Италію. Въ Римѣ онъ завязалъ сношенія съ колоніей нѣмецкихъ ху-

---

*) Изъ писемъ Шопенгауэра къ матери и сестрѣ до насъ ничего не дошло, вѣроятно, по его желанію они были уничтожены послѣ ея смерти. Вмѣстѣ съ ними погибъ очень важный для насъ матеріалъ. Письма того періода, когда складывался его характеръ, имѣли бы большое значеніе для пониманія его личности. Но едва ли можно предполагать, чтобы они могли представить его характеръ въ болѣе благопріятномъ освѣщеніи. Правильную и тонкую характеристику его матери можно найти у Мёбіуса (стр. 20 и сл.).

должниковъ; здѣсь онъ игралъ ту же роль, что и въ Дрезденѣ. Особенно сильное раздраженіе вызывалъ онъ тѣмъ, что выказывалъ явное пренебреженіе къ господствовавшему романтическому направленію въ національномъ и религіозномъ вопросѣ. Нѣмецкій народъ самый глупый изъ всѣхъ, заявилъ онъ разъ въ греческой кофейнѣ,—и если онъ добился духовнаго первенства, то только тѣмъ, что не имѣлъ никакой религіи. Нельзя не сознаться, что онъ обладалъ, какъ говорила его мать, особою способностью быть непріятнымъ и невыносимымъ для окружающихъ.

Выразившееся въ этомъ случаѣ стремленіе противорѣчить всему общепризнанному, составляетъ его существенную черту, какъ писателя и мыслителя; всю жизнь его душевной потребностью было высказывать презрѣніе ко всему, что пользовалось общимъ уваженіемъ, была ли это гегелевская философія или ньютоновское ученіе о цвѣтахъ, церковная ортодоксальность или новомодный матеріализмъ, романтизмъ или тяготѣніе къ средневѣковью, юдофильскій либерализмъ или просвѣтительный оптимизмъ. Оппозиція и противорѣчіе—его стихія. Пусть другіе будутъ увѣрены въ своей правотѣ, опираясь на общепризнанныя истины, онъ, наоборотъ, находитъ эту увѣренность въ опроверженіи ихъ. Онъ счелъ бы самого себя достойнымъ презрѣнія, если бы уличилъ себя въ томъ, что думаетъ, чувствуетъ или судитъ, какъ всѣ.

Это именно то настроеніе, при которомъ написано введеніе къ первому изданію его основного труда. Трудъ его представляетъ именно то, что люди такъ долго искали подъ именемъ философіи—разрѣшеніе великой загадки міра и жизни. Впрочемъ, книга эта едва ли придется по вкусу читателямъ: она представляетъ достояніе paucorum hominum *) «такъ какъ какой образованный человѣкъ нашего времени, когда знаніе приблизилось къ торжественной точкѣ, на которой ложь и парадоксъ вполнѣ одно и то же, могъ бы стерпѣть, встрѣчая почти на каждой страницѣ мысли, которыя прямо противорѣчатъ тому, что онъ самъ положительно призналъ вѣрнымъ и рѣшеннымъ?» **).

Несмотря на эти слова, Шопенгауэръ является безспорно сыномъ своего времени. По крайней мѣрѣ онъ гораздо ближе къ Фихте, Шеллингу и Гегелю, чѣмъ къ прославленнымъ въ противоположность имъ философамъ просвѣтительной эпохи. По мнѣнію всей этой группы, соглашаться съ тѣмъ, что думаетъ весь міръ, что утверждаетъ здравый смыслъ, было гибелью для философа. Кто шелъ по этому пути, тотъ получалъ упрекъ въ поверхностности. Рука объ руку съ этимъ шло настойчивое стремленіе къ оригинальности и самобытности даже въ отношеніи къ родственнымъ мыслителямъ. Никто не хотѣлъ признавать другого, каждый стремился къ неограниченному господству. Все

*) Немногихъ людей.

**) «Міръ, какъ воля и представленіе», переводъ Фета, изд. 1881 г., стр. XVI.

это обще у Шопенгауэра съ этими людьми, которыхъ онъ считаетъ въ философіи своими антиподами. Полная самобытность, которую они видятъ въ противоположности со всѣмъ окружающимъ, составляетъ основное свойство его духа. Больше всего боится онъ быть стаднымъ животнымъ. Ничто такъ не чуждо ему, какъ духъ солидарности во всѣхъ его проявленіяхъ. Самъ онъ не испытывалъ и тѣни его ни какъ членъ семейства, ни какъ членъ какого-либо сословія, націи или, наконецъ, всего человѣчества. Онъ смѣется, когда ему указываютъ на далеко не лестный портретъ его матери въ воспоминаніяхъ Фейербаха, онъ презираетъ и осмѣиваетъ своихъ товарищей, университетскихъ преподавателей, онъ презираетъ и осмѣиваетъ нѣмцевъ, онъ презираетъ и осмѣиваетъ людей вообще, всѣхъ этихъ двуногихъ животныхъ. Онъ ничѣмъ не хочетъ быть, кромѣ какъ самимъ собой, онъ хочетъ быть признанъ единственнымъ. Самобытность составляетъ вѣнецъ его существованія.

Оскорбленія, дѣйствительныя или мнимыя, вызывали въ этомъ высокомѣрномъ самосознаніи яростный гнѣвъ. Два случая, относящіеся къ началу его приватъ-доцентуры въ Берлинѣ, показываютъ всю неукротимость его характера. Одинъ заключался въ столкновеніи съ товарищемъ. Вскорѣ послѣ него получилъ кафедру философіи при Берлинскомъ университетѣ Ф. Е. Беннеке. Передъ тѣмъ онъ напечаталъ въ Іенской литературной газетѣ рецензію на «Міръ, какъ волю и представленіе», которую Шопенгауэръ счелъ за литературное оскорбленіе и за попытку подкопаться подъ его академическое положеніе. Въ посланной въ литературную газету «Необходимой замѣткѣ по поводу перевранной цитаты», онъ отклонялъ отъ себя, какъ недостойныя его, всякія объясненія съ анонимнымъ критикомъ, но сильно нападалъ на него за своевольное отношеніе къ тексту, выразившееся въ неточныхъ цитатахъ. На неоднократныя попытки добродушнаго Беннеке покончить ссору личнымъ объясненіемъ, онъ отвѣчалъ всякій разъ рѣзкимъ отказомъ. Любопытно также, что свою «Необходимую замѣтку» онъ послалъ въ сопровожденіи угрожающаго письма издателю «Литературной газеты» проф. Эйхштату въ Іену (6-го января 1821 г., Шеманъ, ст. 142). Въ случаѣ, если бы тотъ отказался помѣстить эту замѣтку, онъ грозилъ тотчасъ же напечатать ее въ шести другихъ литературныхъ и политическихъ газетахъ, снабдивъ ее примѣчаніями по поводу этого отказа, а также, по поводу того «что вы поставили судьей надъ произведеніемъ, важность и значеніе котораго оцѣнитъ нація, мальчишку, едва выскочившаго изъ карцера».

Если здѣсь побѣда осталась за нимъ, то нѣсколько мѣсяцевъ спустя (лѣтомъ 1821 г.), его неудержимая вспыльчивость навлекла на него большія непріятности—много лѣтъ тянувшійся процессъ и плату за убытки, тянувшуюся еще дольше.

Однажды, выходя изъ дому, онъ натолкнулся на порогѣ своей квар-

тиры на пожилую женщину-швею, жившую у той-же хозяйки. Она не захотѣла посторониться и онъ два раза собственноручно сильно толкнулъ ее. Женщина, увѣрявшая, что получила при этомъ поврежденія, возбудила противъ него процессъ, требуя съ него платы на содержаніе. Въ теченіе двадцати лѣтъ, онъ принужденъ былъ каждые три мѣсяца выплачивать ей по 15 талеровъ, пока его не освободила ея смерть, которую онъ привѣтствовалъ словами: «obit anus, abit onus» *). Пусть даже рѣшеніе суда было несправедливо—въ оправдательныхъ письмахъ, сообщенныхъ Гвинеромъ (стр. 304), слышится скрежетъ зубовный невинно пострадавшаго. Во всякомъ случаѣ этотъ горькій опытъ былъ для него хорошимъ урокомъ. Онъ стоилъ ему тяжелаго раскаянія. Въ главѣ о первенствѣ воли въ самосознаніи, богатой такими мѣткими наблюденіями, чувствуется человѣкъ, испытавшій на себѣ то, о чемъ онъ говоритъ (Міръ какъ воля и представленіе, II ч.). Воля сжимаетъ въ зубахъ узду, которую накладываетъ на нее разумъ, и мчится впередъ, чтобы потомъ искупать муками раскаянія безумную поспѣшность. Тотъ же самый опытъ породилъ у него размышленія о техникѣ мести: молчать и выжидать и потомъ съ ясной головой и твердой рукой наносить ударъ: хладнокровныя животныя — самыя ядовитыя. Шопенгауэръ не обладалъ этой техникой, именно потому онъ и чувствовалъ съ такой силой ея достоинства.

Вмѣсто того онъ постигъ искусство избѣгать оскорбленій, уклоняясь отъ общенія съ людьми; такимъ образомъ онъ не испытывалъ ни досады, ни раздраженія, отъ неумѣнья установить съ ними правильныхъ отношеній. Онъ избѣгалъ даже литературныхъ отношеній въ формѣ личныхъ знакомствъ. Столкновеніе съ Беннеке, въ которомъ проявилась вся его вспыльчивость и несдержанность, было единственнымъ въ этомъ родѣ. Съ теченіемъ времени Шопенгауэръ достигъ того, что̀ считалъ плодомъ самостоятельно выработаннаго характера, и называлъ планомѣрнымъ устройствомъ жизни на основѣ пріобрѣтеннаго изъ опыта знанія собственной индивидуальности, главнымъ образомъ, своихъ силъ и своихъ слабостей. Кто этого достигъ, «тому часто придется радоваться, чувствуя свою силу, и рѣдко испытывать боль, вспоминая о своихъ слабостяхъ, что составляетъ уничиженіе, причиняющее, быть можетъ, величайшее духовное страданіе». (Міръ, какъ воля и представленіе, пер. Фета, стр. 363). Онъ чувствовалъ, что не могъ жить съ людьми ни въ мирѣ,—для этого онъ былъ слишкомъ высокомѣренъ и раздражителенъ, ни во враждѣ,—для этого ему не доставало хладнокровной предусмотрительности; поэтому онъ рѣшился жить безъ людей. Это былъ самый подходящій для него образъ жизни, и его онъ держался постоянно и послѣдовательно. Въ серединѣ двадца-

*) «Ушла старуха, ушла забота»,—латинская пословица, соотвѣтствующая русской: «баба съ воза, возу легче»..

тыхъ годовъ онъ сдѣлалъ нѣсколько послѣднихъ попытокъ занять въ академическомъ мірѣ болѣе соотвѣтствующее ему положеніе, онъ мечталъ перебраться изъ ненавистнаго ему Берлина, гдѣ онъ читалъ одинъ только семестръ, въ одинъ изъ южныхъ университетовъ, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, Вюрцбургъ и Гейдельбергъ. Но изъ этого ничего не вышло. Послѣ того онъ уѣзжаетъ во Франкфуртъ и погружается тамъ въ такое глубочайшее двадцатилѣтнее затворничество, что почти исчезаетъ изъ виду. Нѣсколько небольшихъ работъ доказываютъ, что онъ еще живъ, но объ его отношеніяхъ къ людямъ въ теченіе двухъ десятилѣтій мы не узнаемъ рѣшительно ничего. Только на порогѣ старости онъ снова выплываетъ на свѣтъ. Появляются первые ученики, ихъ посѣщеніямъ и разсказамъ обязаны мы первыми извѣстіями о жизни отшельника.

Не было недостатка въ людяхъ, порицавшихъ его за это постоянное затворничество. Прежде всего ему ставилось въ вину, что онъ бросилъ университетскую каѳедру, едва вступивъ на нее. Положеніе въ университетѣ и соревнованіе съ товарищами могло бы оказать на него благотворное вліяніе, нѣсколько смягчивъ его угрюмую односторонность и его эгоизмъ. Благотворное вліяніе университетскаго воздуха на его философію сказалось будто бы даже въ краткій періодъ его доцентуры. Я думаю, что Шопенгауэръ лучше зналъ свой характеръ. Исполненіе преподавательскихъ обязанностей, связанное съ ними соперничество съ сотоварищами и обязательное чтеніе лекцій и экзамены, все это окончательно измучило бы его. Онъ никогда не могъ бы ни пересилить, ни скрыть въ отношеніяхъ съ профессорами и со студентами чувства превосходства надъ ними. Онъ былъ глубоко увѣренъ, что ихъ общество ниже его достоинства и что преподавательская дѣятельность предназначена для дюжинныхъ умовъ, а для генія это не болѣе, какъ тяжелый ремесленный трудъ. То же самое можно сказать и по поводу его нежеланія устраивать семью. Всевозможныя мелкія столкновенія, которыя неизбѣжны при совмѣстной жизни, многообразная зависимость семейнаго человѣка отъ общества, для Шопенгауэра, съ его характеромъ, были бы неизсякаемымъ источникомъ огорченій, которыя привели бы его къ внутренней гибели. Не связанный ни семьей, ни должностью, свободный отъ всякой зависимости, насколько это возможно для человѣка, онъ избралъ самую подходящую для себя жизнь.

Если Аристотель былъ правъ, говоря, что лучшій сапожникъ тотъ, который сошьетъ лучшіе сапоги изъ даннаго матеріала, въ такомъ случаѣ Шопенгауэръ имѣетъ полное право считаться замѣчательнымъ мастеромъ искусства жизни.

Сильно развитое чувство собственнаго достоинства сопровождалось у Шопенгауэра не менѣе сильной жаждой всеобщаго признанія. Это не было обыденное тщеславіе, удовлетворяющееся внѣшнимъ почетомъ

или отличіями, всего этого онъ могъ бы достичь, еслибъ захотѣлъ сдѣлать необходимые шаги,—нѣтъ, это было жгучее стремленіе къ тому, чтобы его идеи признавались единственной истинной философіей, а онъ самъ ея основателемъ. Какъ ни презиралъ онъ своихъ литературныхъ современниковъ, онъ далеко не былъ равнодушенъ къ ихъ сужденію. Это, конечно, довольно непослѣдовательное поведеніе. Но, быть можетъ, никто еще не достигалъ въ презрѣніи къ людямъ той степени послѣдовательности, чтобы оставаться равнодушнымъ къ тому, что люди къ нему равнодушны.

Уже въ 1822 году, во время своего второго путешествія въ Италію онъ далъ своему другу Осанну одно важное порученіе, слѣдить вездѣ за отзывами о его книгѣ, не только въ литературныхъ газетахъ, но и въ книгахъ, журналахъ, отчетахъ, программахъ и диссертаціяхъ. И въ это же самое время онъ не переставалъ высказывать презрѣнія къ своимъ собратіямъ по профессіи. «Они всѣ отъ души ненавидятъ меня наиболѣе чуждые и враждебные другъ другу сходятся въ этомъ пунктѣ; такъ какъ я ни одному изъ нихъ не причинилъ ни малѣйшаго зла, то для меня эта ненависть можетъ быть только лестной» (Шеманъ, стр. 116).

Конечно, зависть и ненависть обычная форма отношенія посредственностей къ генію. Въ этомъ случаѣ теорія Шопенгауэра оказалась старше его опыта. Но, кромѣ этой формы признанія, онъ требовалъ отъ нихъ еще дани удивленія. Этого онъ не получилъ, ему не удивлялись, его не прославляли, мало того, съ нимъ даже не боролись, его не преслѣдовали, какъ Спинозу или Юма; послѣ нѣсколькихъ рецензій на его основной трудъ, воцарилось полное молчаніе, какъ будто бы ничего важнаго не произошло,—это, безъ сомнѣнія, доставило ему самыя горькія минуты въ его и безъ того не лишенной горечи жизни. Объ этомъ можно заключить по той желчной брани, которой онъ осыпалъ впослѣдствіи и тѣхъ, кто имѣлъ больше успѣха, чѣмъ онъ, и тѣхъ, кто, по его мнѣнію, былъ обязанъ распространять его славу. Съ половины тридцатыхъ годовъ злобныя выходки, наполняющія въ изобиліи всѣ его произведенія, начинаютъ понемногу стихать. Взоры его отъ настоящаго обращаются къ будущему. Черезъ головы живущихъ поколѣній взываетъ онъ гордымъ и высокомѣрнымъ тономъ къ болѣе справедливому потомству. Отказавшись отъ всякаго внѣшняго положенія, онъ, повидимому, достигъ въ этомъ отношеніи нѣкотораго душевнаго равновѣсія, исполненнаго большого спокойствія и достоинства.

Къ сожалѣнію, старѣющій философъ не сумѣлъ сохранить это гордое достоинство при позднихъ восторгахъ первыхъ почитателей. Смѣшное и вмѣстѣ жалкое зрѣлище представляетъ этотъ человѣкъ, высокомѣрно презиравшій, какъ онъ утверждаетъ, одобреніе современниковъ, увѣренный въ своемъ вѣчномъ вліяніи и посмертной славѣ и

ловившій въ послѣднее десятилѣтіе ничтожнѣйшую похвалу ничтожнѣйшаго изъ своихъ современниковъ. Письма къ такъ называемымъ апостоламъ, Фрауэнштету, Линдеру, особенно къ Давиду Ашеру, представляютъ, дѣйствительно, постыдныя свидѣтельства человѣческой слабости. Кажется, ни отъ одного замѣчательнаго человѣка не осталось такъ мало замѣчательныхъ и такъ много мелочныхъ писемъ. Большая часть ихъ наполнена сообщеніями о лестныхъ отзывахъ по поводу его произведеній въ газетахъ, книгахъ и письмахъ и настойчивыми просьбами присылать ему все, касающееся его растущей славы, чего онъ самъ не замѣтитъ,—въ Берлинѣ и Лейпцигѣ это скорѣе можетъ попасться на глаза; пусть посылающіе даже не оплачиваютъ писемъ—это его дѣло. Къ этому присоединяются безчисленныя благодарности за оказанныя «апостольскія» услуги и побужденія къ новымъ. Кажется, ни надъ кѣмъ тщеславіе не одерживало болѣе видной побѣды, чѣмъ надъ этимъ гордымъ человѣкомъ.

Положимъ, большую роль здѣсь играетъ возрастъ и чисто старческое тщеславіе. Многихъ изъ этихъ писемъ молодой Шопенгауэръ никогда не простилъ бы себѣ. Ему самому пришлось испытать то, что онъ однажды писалъ о Кантѣ: «Старческая слабость отзывается не только на головѣ, она отнимаетъ иногда у сердца твердость, необходимую для того, чтобы презирать по заслугамъ мнѣнія и поступки своихъ современниковъ, а безъ этого нельзя стать великимъ человѣкомъ». (Шеманъ, стр. 187).

Вторую основную черту характера Шопенгауэра составляетъ большая воспріимчивость къ тѣлесному благополучію, большая чувствительность къ тѣлеснымъ страданіямъ и происходящее отсюда сильное стремленіе доставлять себѣ первое и избѣгать вторыхъ. То, что дѣлало Сократа въ глазахъ стоиковъ прототипомъ философовъ—извѣстная твердость и нечувствительность къ тѣлеснымъ ощущеніямъ, совершенно отсутствовало у Шопенгауэра. Комфортъ составлялъ для него предметъ серьезнаго вниманія. Когда онъ, окончивъ свою академическую карьеру, выбиралъ себѣ мѣсто жительства, онъ остановилъ свое вниманіе прежде всего на Франкфуртѣ и Мангеймѣ. Гвиннеръ приводитъ письмо, въ которомъ онъ взвѣшиваетъ преимущества того и другого; погода, мѣстоположеніе, вода, ванны, доктора и зубные врачи, кофейни, концерты, театры, столъ, безопасность отъ воровъ и шпіоновъ, собранія и условія книгоиздательства, вотъ основные пункты, которые онъ принимаетъ во вниманіе. Наконецъ, выборъ палъ на Франкфуртъ. Искусство жить, въ которомъ онъ упражнялся тамъ въ теченіе почти 30-ти лѣтъ, хорошо извѣстно намъ благодаря подробнымъ описаніямъ его образа жизни. Надо сознаться, что тщательность, съ какою предусмотрѣны были всѣ мельчайшія подробности житейскихъ удобствъ, производитъ нѣсколько странное впечатлѣніе, когда подумаешь, что этотъ человѣкъ считалъ себя носителемъ важнѣйшей жизненной задачи, основателемъ единой истинной философіи.

Даже отрицаніе семьи зависѣло у него отъ того же страха передъ посягательствомъ на его свободу и удобства. Ему мѣшало основать семью вовсе не отвращеніе къ женщинамъ, но отвращеніе къ заботамъ и обязанностямъ, которыя налагаетъ бракъ. Въ молодые годы сильная, неукротимая чувственность играла въ его жизни немаловажную роль; мы знаемъ это не только отъ біографовъ,—его произведенія, трактующія постоянно вопросъ о половой жизни, доказываютъ это въ достаточной степени,—Шопенгауэръ философствуетъ только о томъ, что онъ самъ пережилъ. Изъ того же самаго источника мы знаемъ, что эта сторона жизни принесла ему много непріятностей, огорченій, разочарованій и угрызеній совѣсти. Половое чувство представлялось ему злымъ демономъ, заставляющимъ индивидуумъ жертвовать своимъ личнымъ благомъ чуждой ему цѣли—продолженію рода, и быть избавленнымъ отъ него составляетъ величайшее преимущество старости. Всѣ свои переживанья въ этой области онъ облекъ въ форму теоремъ. Высокія умственныя дарованія и сильные плотскіе инстинкты тѣсно связаны между собой, тѣлесная мощь есть та почва, на которой только и можетъ развиться геній. Свое отрицательное отношеніе къ браку онъ также возвелъ въ теорію. Человѣкъ съ высшими духовными дарованіями, геній имѣетъ и болѣе высокія обязанности, обязанности передъ человѣчествомъ, которыя избавляютъ его отъ общечеловѣческой обязанности взять жену и ростить дѣтей. А его разбойническіе подвиги въ этой области находятъ себѣ оправданіе въ ученіи о ничтожествѣ женщины.

Комфортъ и жизненныя удобства находятся въ зависимости отъ состоянія. Шопенгауэръ понималъ это, и не только умомъ,—инстинктъ собственности пустилъ глубокіе корни въ его душѣ. Выражался онъ, впрочемъ, не въ формѣ инстинкта пріобрѣтенія,—профессія купца была ему не по вкусу, для этого въ немъ слишкомъ сильно было стремленіе къ умственной жизни, но зато въ немъ громко говорилъ инстинктъ накопленія и сбереженія. Съ необычайнымъ упорствомъ сумѣлъ онъ въ трудныя времена сохранить отцовское наслѣдство и даже благоразумно пріумножить его. Особенно характерно его поведеніе во время одного финансоваго кризиса. Часть его состоянія вмѣстѣ съ состояніемъ матери и сестры лежала въ одномъ данцигскомъ торговомъ предпріятіи. Въ 1819 году эта фирма обанкротилась и всѣ кредиторы получили 70% своихъ вкладовъ. Одинъ Шопенгауэръ спасъ весь свой капиталъ вмѣстѣ съ процентами. Гвиннеръ приводитъ замѣчательную переписку, въ которой онъ отстаивалъ свою собственность. Съ ловкостью, сдѣлавшей бы честь любому адвокату, сумѣлъ онъ выдѣлить себя изъ всей массы кредиторовъ, вступившихъ въ соглашеніе съ фирмой, и вслѣдъ затѣмъ съ неотвязной настойчивостью принудить гибнущую фирму уплатить по всѣмъ тремъ своимъ векселямъ. Радость Шейлока звучитъ въ его письмѣ, когда онъ обращается къ представителямъ пострадавшаго дома: «Если бы вы стали настаивать на невозможности производить

платежи, я доказалъ бы вамъ противоположное посредствомъ знаменитаго способа заключенія, который ввелъ въ философію великій Кантъ для доказательства нравственной свободы человѣка, а именно по способу заключенія отъ должнаго къ возможному. Проще говоря, если бы вы не уплатили добровольно, я бы опротестовалъ вексель. Вы видите, что можно быть философомъ, не будучи дуракомъ».

Трудно судить, лежитъ ли тотъ способъ, какимъ онъ отстаивалъ свои права, въ самой сущности коммерческихъ дѣлъ, но нечего удивляться, что эта фирма сдѣлала къ его имени слѣдующее примѣчаніе: «Съ этимъ человѣкомъ надо быть осторожнымъ, онъ не упуститъ своей выгоды». Шопенгауэръ же оправдывалъ передъ самимъ собой свой образъ дѣйствій слѣдующимъ разсужденіемъ. Свобода отъ обязательной работы и отъ писанья ради гонорара, и независимость отъ чьей бы то ни было благосклонности составляетъ необходимое условіе для выполненія поставленной имъ себѣ задачи. Условіе свободы будетъ достигнуто при сохраненіи доставшагося ему по счастливой случайности наслѣдства. Поэтому онъ обязанъ передъ самимъ собой и передъ философіей отстаивать свое состояніе всѣми предоставленными ему закономъ средствами.

Мы не имѣемъ въ виду упрекать его за заботы о своей собственности. Конечно, бѣдность плохая спутница особенно на ученомъ поприщѣ, она несетъ съ собой опасность ради сохраненія жизни утратить то, что придаетъ цѣну жизни. Состояніе предохраняетъ отъ этой опасности. Конечно, это не вполнѣ вѣрная охрана и при томъ не единственная; есть и иной фундаментъ для свободы—отсутствіе потребностей. Спиноза и Сократъ основали на немъ свою независимость. Шопенгауэръ удивлялся подобному героизму, но самъ онъ не обладалъ имъ. Нельзя не согласиться, что для него съ его характеромъ и привычками внѣшній комфортъ составлялъ необходимое условіе жизни. Нужда сломила бы его и лишила дара творчества. Было бы глупо осуждать его за это. Но еще глупѣе отрицать въ немъ извѣстную жесткость характера. Въ немъ была эта жесткость, онъ самъ зналъ это и ничего не имѣлъ противъ этого.

Тотъ же финансовый кризисъ привелъ Шопенгауэра къ разрыву съ сестрой. Въ первый моментъ тревоги по поводу грозящей потери,— въ которой онъ рисковалъ только третью своего состоянія (около 9.000 талеровъ), а мать и сестра—всѣмъ, онъ написалъ сестрѣ, что всегда готовъ будетъ подѣлиться съ ними. Но позднѣе объ этомъ нѣтъ болѣе рѣчи, съ другой стороны онъ даетъ понять, что мать и сестра во время улаживанія этихъ дѣлъ гораздо болѣе заботились о своихъ выгодахъ, чѣмъ объ его. Взаимное недовѣріе повело къ отчужденію, которое уже никогда не исчезало, не смотря на возобновившуюся переписку. Съ этихъ поръ они, повидимому, больше не видались, хотя Адель жила очень недалеко отъ него до 1849 года. Въ 1830 году она вмѣстѣ съ матерью

перебралась на Рейнъ, такъ какъ сильно уменьшившіяся средства не допускали того образа жизни, къ которому онѣ съ самаго начала привыкли въ Веймарѣ. Сестра его, по всему, что мы о ней знаемъ, была очень милая дѣвушка, некрасивая, но съ далеко недюжиннымъ умомъ и съ прекраснымъ сердцемъ. Гёте, правда, былъ о ней не особенно высокаго мнѣнія. Вслѣдствіе тяжелыхъ жизненныхъ условій, главнымъ образомъ, вслѣдствіе кореннаго перелома жизни послѣ крупнаго денежнаго краха, въ ея характерѣ появилась также нѣкоторая жестокость (см. Мёбіусъ, стр. 27 и сл.).

Теперь мы подходимъ къ той чертѣ характера Шопенгауэра, которая имѣла рѣшающее вліяніе на его настроеніе и даже на строй всей его жизни—это его недовѣрчивость. Онъ не вѣрилъ людямъ, не признавалъ въ нихъ даже самой обыденной честности въ денежныхъ дѣлахъ. Въ отношеніяхъ съ людьми онъ всегда былъ «застегнутъ на всѣ пуговицы» и въ прямомъ, и въ переносномъ смыслѣ—это былъ его принципъ. Онъ замыкалъ отъ нихъ и свои деньги, и слова, и чувства. Pax vobiscum, nihil amplius (миръ вамъ, и ничего больше)—вотъ его единственное привѣтствіе всѣмъ двуногимъ; это можно перевести слѣдующимъ образомъ: не дѣлай мнѣ ничего и я тебѣ ничего не сдѣлаю. Онъ не довѣрялъ своимъ знакомымъ точно также, какъ матери и сестрѣ. Однажды Шопенгауэръ обратился съ просьбою къ одному французу, своему другу юности, сохранившему къ нему дружеское расположеніе; онъ проситъ дать ему совѣтъ, стоитъ ли вложить капиталъ въ одно французское общество страхованія жизни. Тотъ не совѣтовалъ ему дѣлать это и въ то же время предложилъ вложить часть капитала въ его собственное предпріятіе. Шопенгауэръ ничего не отвѣтилъ на это, только сдѣлалъ на письмѣ отмѣтку: «Понимаешь, въ чемъ тутъ дѣло»?

Другой разъ при подобныхъ же обстоятельствахъ ему пришлось выслушать крайне непріятную отповѣдь отъ своего издателя Брокгауза. Передавъ ему рукопись перваго изданія «Міръ, какъ воля и представленіе», онъ не могъ избавиться отъ подозрѣнія, что тотъ хочетъ замошенничать его гонораръ. Онъ написалъ ему въ этомъ смыслѣ довольно грубое письмо и прибавилъ въ концѣ, что по слухамъ онъ вообще не особенно честно выплачиваетъ гонораръ. Тотъ отвѣтилъ требованіемъ назвать ему хоть одного автора, по отношенію къ которому онъ не выполнилъ своихъ обязательствъ, въ противномъ случаѣ онъ принужденъ будетъ считать Шопенгауэра нечестнымъ человѣкомъ. Шопенгауэръ не могъ этого сдѣлать и принужденъ былъ проглотить горькую пилюлю; послѣ этого Брокгаузъ отказался продолжать съ нимъ и письменныя, и устныя сношенія. «Съ этимъ человѣкомъ надо быть очень осмотрительнымъ, это настоящая цѣпная собака», выражался о немъ Брокгаузъ.

Такое же опасеніе выражалъ Шопенгауэръ во время печатанья «Parerga»,—правда, на этотъ разъ не по поводу гонорара,—онъ боялся,

какъ бы издатель не показалъ его рукопись кому-нибудь, «кто можетъ украсть его мысли» (Фрауэнштетъ, стр. 509).

Удивительное впечатлѣніе производятъ тѣ мѣры предосторожности, какія онъ принималъ для охраны отъ воровъ своего имущества. «Свои цѣнныя вещи,—утверждаетъ Гвиннеръ (стр. 401),—онъ такъ тщательно пряталъ, что, несмотря на латинскія указанія на нихъ въ завѣщаніи, лишь немногія изъ нихъ съ большимъ трудомъ могли быть найдены. Послѣ своего второго путешествія въ Италію онъ велъ свою счетную книгу на англійскомъ языкѣ, а для самыхъ важныхъ отмѣтокъ пользовался латинскимъ или греческимъ языкомъ. Чтобы защититься отъ воровъ, онъ дѣлалъ нарочно невѣрныя надписи, хранилъ свои цѣнныя бумаги въ ящикѣ съ надписью arcana medica, пряталъ купоны въ старыя письма и въ тетради для замѣтокъ, а золото засовывалъ въ углубленіе подъ чернильницей въ своей конторкѣ». Ясно, что мы имѣемъ здѣсь, дѣло съ проявленіями страннаго скопидомническаго инстинкта, а не съ разумными мѣрами предосторожности.

Въ зависимости отъ этихъ чувствъ и инстинктовъ находятся и его политическія воззрѣнія. Государству онъ ставитъ одну единственную задачу—охранять безопасность личности и собственности. Въ его глазахъ оно является не болѣе, какъ ночнымъ сторожемъ, по выраженію Лассаля, охраняющимъ отъ воровъ и разбойниковъ. Говорить о нравственныхъ задачахъ государства представляется ему «весьма страннымъ заблужденіемъ» («Міръ, какъ воля и представленіе», § 62, стр. 410, пер. Фета, изд. 1881 г.). Какъ возмущало его движеніе 1848 года, можно судить по его письмамъ къ Фрауэнштету. Возстановленіе стараго порядка въ Германіи врядъ ли кѣмъ-нибудь было встрѣчено съ бо́льшимъ удовольствіемъ, чѣмъ Шопенгауэромъ. Въ своемъ завѣщаніи, составленномъ въ 1852 году, онъ—вообще далеко не сторонникъ прусскаго государства,—оставилъ свой капиталъ «основанному въ Берлинѣ фонду вспомоществованія солдатамъ, раненнымъ во время усмиренія возстаній и мятежей 1848 года и возстановленія законнаго порядка, а также семьямъ павшихъ во время этихъ войнъ» (Шеманъ, стр. 547). Радость, съ какою онъ привѣтствовалъ въ сентябрѣ 1848 года «синихъ богемцевъ», ворвавшихся въ его квартиру и стрѣлявшихъ изъ оконъ въ «суверенный» народъ, служитъ хорошимъ комментаріемъ къ этому завѣщанію.

Страхъ передъ ворами и разбойниками составлялъ только особую форму общаго неопредѣленнаго состоянія страха, которое онъ испытывалъ постоянно. «Въ молодости его мучили воображаемыя болѣзни и процессы. При началѣ войны 1813 года онъ вообразилъ себѣ, что его заберутъ въ солдаты. Изъ Неаполя его прогналъ страхъ оспы, изъ Берлина—холера. Въ Веронѣ его вдругъ охватила увѣренность, что ему подсунули отравленный нюхательный табакъ. Въ 1833 году, когда онъ собирался уѣзжать изъ Мангейма, на него вдругъ, безъ всякихъ видимыхъ причинъ, напало чувство несказаннаго ужаса. Долгіе

годы его преслѣдовалъ страхъ какого нибудь уголовнаго процесса. Если ночью раздавался какой-нибудь шумъ, онъ вскакивалъ съ постели и хватался за кинжалъ и пистолеты, которые всегда держалъ заряженными. Никогда не довѣрялся онъ бритвѣ цирюльника; боясь заразы, онъ всегда имѣлъ при себѣ кожаный стаканчикъ, чтобы въ общественныхъ мѣстахъ не пить воды изъ общихъ стакановъ» (Гвиннеръ, стр. 400). Фрауэнштетъ разсказываетъ съ его словъ, что онъ пугался всякій разъ, когда почтальонъ приносилъ ему письмо. «Когда нѣтъ ничего, что бы меня страшило,—говоритъ онъ,—меня пугаетъ именно это, мнѣ представляется, что есть что-то, что мнѣ грозитъ, но оно пока еще скрыто отъ меня» (стр. 332). Не удивительно, что его молодость окрашена глубокой грустью и постоянно мрачнымъ настроеніемъ духа.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что эти страхи представляютъ собою патологическія явленія, какъ это и доказываетъ Мёбіусъ. Съ полнымъ правомъ указываютъ при этомъ также на наслѣдственное предрасположеніе. Отецъ Шопенгауэра также склоненъ былъ къ мрачнымъ настроеніямъ и въ послѣдніе годы жизни страдалъ по временамъ душевнымъ разстройствомъ. Не безъ основанія Гвиннеръ объясняетъ его внезапную смерть (онъ бросился изъ окна магазина) самоубійствомъ въ припадкѣ душевнаго разстройства. У обоихъ братьевъ его отца замѣчались также патологическіе признаки. Вмѣстѣ съ гордостью и любовью къ независимости, сынъ его унаслѣдовалъ темпераментъ отца, его горячность, склонность къ мрачному взгляду на жизнь, дисколію, какъ онъ самъ это называлъ. Ушная болѣзнь, которой онъ страдалъ въ молодости, повидимому также была наслѣдственной.

Въ концѣ концовъ характеръ Шопенгауэра нельзя назвать ни пріятнымъ, ни счастливымъ, онъ не былъ созданъ ни быть счастливымъ, ни дѣлать счастливыми другихъ. Сильное, основанное на инстинктѣ чувство самосохраненія служило ему опорой противъ нападокъ со стороны и противъ его собственныхъ неукротимыхъ порывовъ. Но чувство спокойной увѣренности и радости жизни было ему чуждо по крайней мѣрѣ въ молодые годы и въ зрѣломъ возрастѣ. И въ отношеніи къ людямъ, и въ отношеніи къ вещамъ онъ всегда былъ настороженъ. Его живая фантазія рисовала ему постоянно картины всевозможныхъ бѣдствій и преслѣдованій, они составляли его единственное общество въ той безводной пустынѣ, гдѣ онъ провелъ лучшіе годы жизни, разставшись съ друзьями своей молодости, и раньше, чѣмъ явились почитатели, окружившіе его старость. Тяжелая жизнь! И едва-ли стала она легче оттого, что онъ основалъ на ней свою философію и восхвалялъ ее, какъ высшую житейскую мудрость. «Ни въ какомъ случаѣ не забывать примѣровъ злобы, измѣны, низости и подлости, какіе приходилось видѣть или испытать, наоборотъ, питать ими свою ненависть къ людямъ, постоянно воскрешать ихъ передъ собой, чтобы всегда имѣть передъ глазами истинную природу людей и ни въ какомъ случаѣ не смѣшиваться съ ними» (Гвиннеръ, стр. 424).

Здѣсь не мѣшаетъ добавить еще одно замѣчаніе по поводу его отношенія къ той породѣ людей, которую онъ ненавидѣлъ болѣе всѣхъ остальныхъ, а именно, профессоровъ философіи. Объясняется это слѣдующимъ образомъ. Съ его стороны это отношеніе основывалось прежде всего на инстиктивномъ презрѣніи и отвращеніи къ нимъ. Еще въ университетскіе годы эти чувства часто прорывались у него. Позднѣе опытъ еще болѣе укрѣпилъ ихъ, онъ испыталъ или вообразилъ себѣ, что испыталъ со стороны этихъ людей и невниманіе, и тайное воровство мыслей. На почвѣ досады выросла цѣлая теорія, и онъ безчисленное количество разъ повторялъ ее. Недостатокъ въ послѣдователяхъ, отсутствіе литературной славы—все это результатъ заговора профессоровъ противъ него. И смѣшно, и грустно наблюдать, какъ онъ съ искусствомъ и ловкостью, которыя сдѣлали бы честь полицейскому агенту, прослѣживаетъ призракъ заговора и заставляетъ и себя, и и другихъ повѣрить въ него и потомъ, какъ настоящій адскій судья, предаетъ заговорщиковъ вѣчному презрѣнію. Какъ Лютеръ признался однажды, что онъ не могъ молиться, не проклиная въ то же время папы, такъ Шопенгауэръ въ позднѣйшіе годы не могъ философствовать, не проклиная профессоровъ философіи. И когда, наконецъ, пришла слава, фиміамъ который онъ вдыхалъ съ такимъ наслажденіемъ, онъ, судя по письмамъ, больше всего цѣнилъ ее, воображая, какъ будутъ злиться профессора философіи. Ихъ великолѣпный планъ рушился! Каспаръ Гаузеръ, котораго они такъ долго держали въ заключеніи, освобожденъ и мало того, провозглашенъ принцемъ.

Для всякаго непредубѣжденнаго наблюдателя не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что весь этотъ заговоръ чистѣйшій плодъ его фантазіи. Но его угрюмо настроенный умъ принималъ его за непреложную истину, а нѣкоторые изъ его учениковъ и до сихъ поръ готовы утверждать это. Чтобы понять всю нелѣпость этого, стоитъ только перенестись въ ту эпоху и попробовать серьезно нарисовать себѣ слѣдующую картину: Гегель и Фризъ, Гербартъ и Шеллингъ, Баадеръ и Рейнгольдъ и всѣ, кто еще въ 20-хъ и 30-хъ годахъ читали философію въ германскихъ университетахъ сговариваются и рѣшаютъ погубить славу не знаменитаго Артура Шопенгауэра, а неизвѣстнаго молодого человѣка, защищавшаго диссертацію въ Берлинѣ, но не имѣвшаго успѣха и скоро скрывшагося изъ вида. Можно заподозрить этихъ людей въ какой угодно низости, можно упрекать ихъ въ томъ, что они просмотрѣли «Міръ, какъ волю и представленіе» или не поняли его значенія, но приписывать имъ злой умыселъ и совмѣстное, разсчитанное преслѣдованіе автора, для этого надо обладать угрюмой подозрительностью и безразсудствомъ Шопенгауэра! Какъ будто каждый изъ этихъ людей не желалъ всякому, другому всевозможныхъ неудачъ! И какъ будто у каждаго изъ нихъ не было другихъ гораздо болѣе важныхъ дѣлъ, чѣмъ изучать произведеніе какого-то неизвѣстнаго Шопенгауэра! Еслибы еще онъ имѣлъ успѣхъ, если бы его сочиненіе выдер-

жало нѣсколько изданій, а его лекціи собирали многочисленныя аудиторіи, тогда онъ могъ бы, по крайней мѣрѣ, возбудить зависть товарищей и вызвать какія-нибудь враждебные поступки. А безъ этого не было ни малѣйшей причины обращать на него вниманія; большинство совершенно не замѣтило его книгу. Если же кому-нибудь случалось взять ее въ руки, онъ быстро убѣждался, что этотъ человѣкъ идетъ совершенно иными путями, чѣмъ онъ самъ и что философія его поэтому ложна съ самаго основанія. Стоило ему только прочитать введеніе и онъ убѣждался, что Шопенгауэръ не имѣетъ ни малѣйшаго поползновенія стать наряду съ другими и что онъ, въ свою очередь, совершенно не признаетъ трудовъ своихъ современниковъ. Могъ ли онъ послѣ этого претендовать на признаніе со стороны тѣхъ, кого онъ такъ откровенно презиралъ?

Тотъ фактъ, что Шопенгауэровская теорія заговора имѣетъ до сихъ поръ многочисленныхъ сторонниковъ, служитъ доказательствомъ поразительной силы остроумно обставленной клеветы. Даже Мёбіусъ, разсуждающій вообще довольно здраво, вѣритъ въ какое-то «безмолвное соглашеніе замалчивать его». Въ другомъ мѣстѣ онъ жалуется: «Если бы назначаемые государствомъ учителя философіи исполняли свою обязанность, если бы они свободно изучали и безпристрастно преподавали дѣйствительно существующія формы, философія вмѣсто того, чтобы клясться in verba magistri (словами учителя)», Шопенгауэръ раньше сталъ бы извѣстенъ. Меня не особенно огорчаетъ, когда бранятъ профессоровъ философіи, и я не знаю огорчаетъ ли это остальныхъ; мнѣ кажется, что объ ихъ солидарности слишкомъ много говорятъ. Но въ данномъ случаѣ я не могу признать за ними никакой вины. Если ознакомленіе съ философіей Шопенгауэра было дѣйствительно такимъ насущнымъ и важнымъ дѣломъ, могли бы возразить обвиняемые, то кому же оно было ближе всѣхъ, какъ не ея основателю. Если бы онъ продолжалъ свою преподавательскую дѣятельность въ университетѣ, въ чемъ ему никто не мѣшалъ, если бы онъ принялъ участіе въ публичномъ обсужденіи философскихъ вопросовъ въ газетахъ и книгахъ, въ чемъ ему точно также никто не мѣшалъ, тогда онъ пріобрѣлъ бы сначала нѣсколькихъ учениковъ, а потомъ и болѣе широкій кругъ послѣдователей. Вмѣсто того онъ, напечатавъ свое произведеніе, скрылся отъ всѣхъ и въ теченіе 18-ти лѣтъ не подавалъ никакихъ признаковъ жизни, выжидая, пока объ его созданіи заговорятъ другіе. Странно было бы порицать за это Шопенгауэра, онъ поступалъ такъ, какъ было ему свойственно, но еще страннѣе упрекать постороннихъ за то, что они не подобрали подкидыша. Конечно, съ его стороны негодованіе противъ нихъ вполнѣ понятно, но продолжать до сихъ поръ бранить не мать подкинутаго ребенка, а тѣхъ, кто не подобралъ его, поистинѣ удивительно.

И что должны они были дѣлать, чтобъ избѣжать его неудовольствія? Не забывать «Міръ какъ волю и представленіе», обсуждать его, критиковать или рекомендовать, какъ истинную философскую си-

стему? Какъ будто бы Шопенгауэра удовлетворило это! Онъ требовалъ почитателей, поклонниковъ, учениковъ, апостоловъ, евангелистовъ своего ученія. Что могли бы ему дать люди, имѣвшіе смѣлость мыслить самостоятельно? Другое дѣло, если бы они рѣшились отбросить свои мысли и принять его теорію. Но кто можетъ сдѣлать это, не отказавшись отъ своей личности? Идеи всегда находятся въ гармоніи съ личностью человѣка, ихъ создавшаго и именно потому онъ считаетъ ихъ истинными, а чужія идеи, выросшія на чуждой почвѣ онъ всегда по необходимости считаетъ ложными.

Страннѣе всего, что самъ Шопенгауэръ прекрасно понималъ это. Онъ знаетъ, что истина можетъ проложить себѣ путь только во второмъ поколѣніи, когда поколѣніе людей, выросшихъ на заблужденіи, сойдетъ со сцены. «На долю истины,—говоритъ онъ во введеніи къ первому изданію,—опредѣлено только краткое торжество между долгими періодами, когда она, какъ парадоксъ, отвергается или, какъ тривіальность не цѣнится» («Міръ какъ воля и представленіе», переводъ Фета, изд. 1881 г., стр. XVII).

Но это нисколько не мѣшаетъ ему поступать совершенно иначе, когда это происходитъ въ дѣйствительности и его собственныя мысли отвергаются, какъ парадоксы. Теперь онъ смотритъ на это, какъ на нѣчто неслыханное и подозрѣваетъ тутъ низкій заговоръ. Между тѣмъ, нужно было по меньшей мѣрѣ чудо, чтобы эти профессора много лѣтъ признававшіе только собственную мудрость, вдругъ убѣдились въ ея несостоятельности и обратились къ ученію Шопенгауэра. Онъ знаетъ это. И онъ говоритъ себѣ: естественно, что мысли генія не могутъ проникнуть въ такой тяжеловѣсный мозгъ, особенно когда онъ загроможденъ старыми заблужденіями. Но негодованіе на непризнаніе быстро беретъ верхъ и въ ту же минуту эти самые люди превращаются въ заговорщиковъ, которые вполнѣ признаютъ значеніе и цѣну новыхъ идей, но въ то же время понимаютъ, что нельзя принять ихъ и остаться профессорами философіи, и поэтому рѣшаются соединенными силами задавить опасную систему, самымъ надежнымъ средствомъ для чего представляется имъ заговоръ.

Трудно, я думаю, найти случай, на которомъ можно бы лучше изучить вліяніе аффекта на мышленіе. Какъ психологъ, Шопенгауэръ самъ хорошо знаетъ это явленіе, онъ много разъ наблюдалъ и описывалъ его. Но и здѣсь, также какъ при обманахъ чувствъ, пониманіе переживаемаго состоянія не мѣшаетъ его наступленію. Съ обманами сужденія можно въ сущности бороться, пользуясь обычными пріемами контроля. Шопенгауэръ отказался отъ самого дѣйствительнаго изъ нихъ—сравненія своихъ впечатлѣній съ впечатлѣніями другихъ людей. Наединѣ со своими книгами и рукописями онъ никогда не слышитъ возраженій, бумага вѣдь терпитъ все, что ей ввѣряютъ. Мало-по-малу отшельникъ теряетъ контроль надъ своими представленіями, онъ разучивается доказывать другимъ ихъ истинность. Онъ прислушивается

только къ самому себѣ, оперируетъ только надъ своими мыслями и теряетъ различіе между субъективными и объективными элементами.

Это одна сторона жизни Шопенгауэра. Я нѣсколько подробнѣе остановился на ней не для того, чтобы подчеркнуть его недостатки, не для того, чтобы противъ его воли раскрыть его частную жизнь «холодному и недоброжелательному любопытству толпы», но для того, чтобы найти въ личности философа основанія для пониманія его идей. Нельзя найти болѣе субъективнаго философа, чѣмъ онъ. Если нарисованный здѣсь портретъ трудно назвать привлекательнымъ, то это не вина живописца.

Впрочемъ, Шопенгауэръ не имѣлъ никакого права жаловаться на введеніе личнаго элемента. Съ этимъ согласуются и его основная точка зрѣнія, и его собственные пріемы—никто не вводилъ такъ охотно личныхъ мотивовъ въ истолкованіе чужихъ мыслей, какъ Шопенгауэръ. Въ упомянутомъ выше письмѣ къ Розенкранцу, онъ объясняетъ тѣ перемѣны, какія ввелъ Кантъ во второмъ изданіи «Критики чистаго разума» боязнью чужихъ мнѣній и желаніемъ приспособиться, и замѣчаетъ: «Еслибы еще онъ былъ живъ, его слѣдовало бы пощадить, но de mortuis nihil nisi verum» *) (Шеманъ, стр. 197). Онъ не могъ бы протестовать противъ примѣненія этого принципа къ нему самому. И, въ концѣ-концовъ, онъ и не желалъ бы ничего иного; онъ былъ не святой и зналъ это, но онъ былъ искренній человѣкъ даже въ отношеніи къ самому себѣ. Въ замѣткахъ, обращенныхъ «къ самому себѣ» (которыми воспользовался Гвиннеръ, но, къ сожалѣнію, потомъ уничтожилъ), онъ характеризовалъ свою личность далеко не лестными чертами.

Но «человѣкъ съ выдающимися духовными дарованіями живетъ не только одной личной жизнью, но и другой духовной жизнью, которая служитъ ему для той же цѣли» («Parerga», I, стр. 357). Это сказано имъ самимъ. Изъ основъ жизни индивидуума, наполняющаго свое земное существованіе всевозможными стремленіями, заботами и тревогами, выдѣляется безличный разумъ для особой, самостоятельной жизни. Эта жизнь, жизнь въ духѣ и представляетъ истинную жизнь Шопенгауэра, въ ней коренится его значеніе для человѣчества. Въ практической жизни онъ потерпѣлъ крушеніе, но онъ спасъ себя для спекулятивной жизни, къ чему его побуждали съ ранней юности его дарованія и склонности. Для практической жизни онъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ неприспособленъ, прежде всего ему не хватало рѣшительности въ поступкахъ. Еще въ самыхъ раннихъ письмахъ его матери идетъ рѣчь объ его постоянныхъ колебаніяхъ, объ его «извѣстной благородной нерѣшительности». (Гвиннеръ, стр. 15). И онъ самъ знаетъ это; въ его біографіи, представленной факультету, мы находимъ слѣдующее интересное замѣчаніе: онъ вообще очень нерѣшителенъ въ выборѣ и только одно рѣшеніе принялъ онъ сразу твердо и непоколебимо,—это рѣшеніе перейти отъ торговой дѣятельности къ ученымъ занятіямъ, какъ только къ

*) О мертвыхъ ничего, кромѣ правды.

этому представилась возможность. Это былъ крутой переходъ отъ дѣятельной къ созерцательной жизни. Послѣ попытки основаться на границѣ обоихъ, принявъ профессуру въ университетѣ, онъ окончательно разстался съ міромъ практическихъ интересовъ. Онъ хотѣлъ бы совершенно отказаться отъ него и превратиться исключительно въ наблюдателя. «Люди чувствуютъ потребность во внѣшней дѣятельности, потому что они лишены внутренней. Но тамъ, гдѣ есть вторая, первая является часто неумѣстной и ненавистной помѣхой». («Парерга», II, стр. 645).

И у этого Шопенгауэра, у Шопенгауэра-мыслителя нѣтъ недостатка ни въ величіи, ни въ счастьи. У него есть три свойства которыя особенно способствовали тому, чтобы сдѣлать изъ него философа—правдивость, смѣлость и гордость. Правдивость заставляетъ его додумывать до конца свои мысли, смѣлость позволяетъ высказывать ихъ свободно, не задумываясь надъ тѣмъ впечатлѣніемъ, какое онѣ могутъ произвести и, наконецъ, гордость побуждаетъ его принимать равнодушіе окружающихъ, какъ предназначенный ему жребій и удалиться въ уединеніе, хоть и со скрежетомъ зубовнымъ. «Счастливая жизнь невозможна, высшее чего можетъ достичь человѣкъ это героизмъ въ жизни». Это тоже сказано о немъ.

И тѣмъ не менѣе эта жизнь не лишена была радостей. Если ему было отказано въ радостяхъ, расцвѣтающихъ на почвѣ практическихъ интересовъ, то взамѣнъ этого онъ испытывалъ въ полной мѣрѣ созерцательныя радости.

Читатель помнитъ, быть можетъ, прекрасную картину Дюрера. Святой Іеронимъ сидитъ одинъ въ залитой солнцемъ комнатѣ. Вокругъ царитъ глубокая тишина. Его спутники, левъ и собака спятъ,—кажется, что слышно ихъ спокойное дыханье. Погруженный въ размышленія святой сидитъ, откинувшись на спинку стула. Только что ему пришла въ голову мысль и онъ наклонился впередъ, чтобы записать ее на листкѣ бумаги, лежащей на низкомъ пюпитрѣ передъ нимъ. Потомъ онъ снова откидывается назадъ и отдается теченію мыслей.

Въ этой картинѣ можно узнать Шопенгауэра. Полдень, солнце изъза Майна посылаетъ лучи въ его комнату. Онъ одинъ, наединѣ съ собой и съ своими мыслями. Звѣри — нечистыя желанія, страсти и гнѣвъ, спятъ. Отъ времени до времени онъ записываетъ пришедшія ему въ голову мысли въ лежашую передъ нимъ тетрадь. А мысли текутъ сами собой. Онъ не ищетъ ихъ, не вызываетъ, въ немъ нѣтъ своей воли, нѣтъ намѣреній. Онъ во власти вещей, онѣ говорятъ съ нимъ, онѣ открываютъ передъ нимъ свою сущность. Безъ систематической послѣдовательности чередуются другъ за другомъ афоризмы. Онъ работаетъ не по опредѣленному плану, онъ не придумываетъ системы, но въ немъ что-то возникаетъ, создается, какъ ребенокъ въ утробѣ матери. Отсутствіе предвзятыхъ намѣреній составляетъ характерную черту его мышленія не только въ практической, но и въ теоретической области. Какъ зеркальная вода отражаетъ въ себѣ вещи

находящіяся на берегу, такъ разумъ Шопенгауэра воспринимаетъ въ себя вещи, попадающія въ поле его зрѣнія.

Способъ его мышленія отражается на его стилѣ. Его стиль прекрасно характеризуется словами: наглядная ясность при прозрачной глубинѣ. Его способность рисовать образы не имѣетъ себѣ равной въ нѣмецкой литературѣ; какъ живые стоятъ они передъ читателемъ, хотя намѣчены всего нѣсколькими чертами. «Мои произведенія, — говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, характерномъ и для его стиля, и для способа мышленія,—состоятъ изъ отдѣльныхъ кусковъ, создававшихся, когда меня наполняла какая-нибудь мысль и я хотѣлъ запечатлѣть ее: изъ нихъ они сложены почти безъ извести и цемента».

Двумя словами въ этомъ заключительномъ обращеніи къ читателю начерчена цѣлая картина. Философія Шопенгауэра представляетъ постройку изъ цѣльныхъ плитъ, какъ тѣ циклопическія стѣны, гдѣ каждый камень ложится рядомъ съ другимъ безъ всякой искусственной связи и держится въ цѣломъ исключительно силою своей тяжести.

Такъ погруженный въ созерцаніе переживалъ онъ блаженные часы. Едва ли другой человѣкъ въ девятнадцатомъ вѣкѣ испытывалъ состояніе такого глубокаго и чистаго блаженства въ тиши размышленія. Непередаваемой свѣтлой радостью вѣетъ отъ описаній этого душевнаго мира въ его произведеніяхъ. Даже между художниками мы не найдемъ болѣе убѣжденнаго и краснорѣчиваго, отъ сердца къ сердцу говорящаго защитника уединенія и молчанія. Конечно, бывали и иныя минуты. Просыпались дикіе звѣри—страсти и ненасытныя желанія и наполняли комнату отвратительнымъ шумомъ и гамомъ. Правда, онъ надѣялся и пытался совершенно укротить ихъ. Но напрасно, они не давали ни выгнать, ни связать себя. «Изъ этого происходитъ та изумительная вещь,—говоритъ онъ, — что всякій a priori считаетъ себя вполнѣ свободнымъ, даже въ своихъ отдѣльныхъ дѣйствіяхъ и думаетъ, что можетъ каждую минуту начать новый образъ жизни, что значило бы сдѣлаться другимъ. Но a posteriori, по опыту, онъ находитъ къ своему удивленію, что онъ не свободенъ, а подчиненъ необходимости, что, несмотря на всѣ планы и размышленія, онъ не измѣняетъ своихъ дѣйствій и вынужденъ съ начала и до конца своей жизни проводить тотъ же самимъ имъ осуждаемый характеръ, какъ бы до конца разыгрывая принятую на себя роль». (М. какъ в. и пр., пер. Фета, изд. 1881 г. § 23, стр. 135). Онъ можетъ научиться обращаться съ своими прирожденными свойствами. Этому научился и Шопенгауэръ, вслѣдствіе этого старость его протекала спокойнѣе и веселѣе, чѣмъ молодость. Но совсѣмъ измѣнить или уничтожить ихъ онъ не имѣлъ возможности. Въ этомъ и заключался глубокій разладъ въ характерѣ Шопенгауэра, разладъ между взглядами и поступками, между философомъ и человѣкомъ, разладъ между «волей и представленіемъ».

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ВЪ ЦИРКѢ.

I.

Докторъ Луховицынъ, считавшійся постояннымъ врачомъ при циркѣ, велѣлъ Арбузову раздѣться. Несмотря на свой горбъ, а можетъ быть именно вслѣдствіе этого недостатка, докторъ питалъ къ цирковымъ зрѣлищамъ острую и нѣсколько смѣшную для человѣка его возраста любовь. Правда, къ его медицинской помощи прибѣгали въ циркѣ очень рѣдко, потому что въ этомъ мірѣ лѣчатъ ушибы, выводятъ изъ обморочнаго состоянія и вправляютъ вывихи своими собственными средствами, передающимися неизмѣнно изъ поколѣнія въ поколѣніе, вѣроятно, со временъ олимпійскихъ игръ. Это, однако, не мѣшало ему не пропускать ни одного вечерняго представленія, знать близко всѣхъ выдающихся наѣздниковъ, акробатовъ и жонглеровъ и щеголять въ разговорахъ словечками, выхваченными изъ лексикона цирковой арены и конюшни.

Но изъ всѣхъ людей, причастныхъ цирку, атлеты и профессіональные борцы вызывали у доктора Луховицына особенное восхищеніе, достигавшее размѣровъ настоящей страсти. Поэтому, когда Арбузовъ освободившись отъ крахмальной сорочки и снявъ вязанную фуфайку, которую обязательно носятъ всѣ цирковые, остался голымъ до пояса, маленькій докторъ отъ удовольствія даже потеръ ладонь о ладонь, обходя атлета со всѣхъ сторонъ и любуясь его огромнымъ, выхоленнымъ, блестящимъ, блѣдно-розовымъ тѣломъ, съ рѣзко выступающими буграми твердыхъ, какъ дерево, мускуловъ.

— И чортъ же васъ возьми какая силища! — говорилъ онъ, тиская изо всѣхъ силъ своими тонкими, цѣпкими пальцами попеременно то одно, то другое плечо Арбузова. — Это ужъ что-то даже не человѣческое, а лошадиное, ей-Богу. На вашемъ тѣлѣ хоть сейчасъ лекцію по анатоміи читай — и атласа никакого не нужно. Ну-ка, дружокъ, согните-ка руку въ локтѣ.

Атлетъ вздохнулъ и сонно покосившись на свою лѣвую руку,

согнулъ ее, отчего выше сгиба подъ тонкой кожей, надувая и растягивая ее, выросъ и прокатился къ плечу большой упругій шаръ, величиной съ дѣтскую голову. Въ то же время все обнаженное тѣло Арбузова отъ прикосновенія холодныхъ пальцевъ доктора вдругъ покрылось мелкими и жесткими пупырышками.

— Да, батенька, ужъ подлинно надѣлилъ васъ Господь,— продолжалъ восторгаться докторъ.—Видите эти вотъ шары? Они у насъ въ анатоміи называются бицепсами, т.-е. двухглавыми. А это—такъ называемые супинаторы и пронаторы. Поверните кулакъ, какъ-будто вы отворяете ключомъ замокъ. Такъ, такъ, прекрасно, видите какъ они ходятъ? А это — слышите, я нащупываю на плечѣ?—это—дельтовидныя мышцы. Онѣ у васъ точно полковничьи эполеты. Ахъ, и сильный же вы человѣчина. Что, если вы кого-нибудь этакъ... нечаянно? А? Или, если съ вами этакъ... въ темномъ мѣстѣ встрѣтиться? А? Я думаю, не приведи Богъ! Хе-хе-хе! Ну-съ, итакъ, значитъ, мы жалуемся на плохой сонъ и на легкую общую слабость?

Атлетъ все время улыбался застѣнчиво и снисходительно. Хотя онъ уже давно привыкъ показываться полуобнаженнымъ передъ одѣтыми людьми, но, въ присутствіи тщедушнаго доктора, ему было неловко, почти стыдно за свое большое, мускулистое, сильное тѣло.

— Боюсь, докторъ, не простудился ли,—сказалъ онъ тонкимъ, слабымъ и немного сиплымъ голосомъ, совсѣмъ не идущимъ къ его массивной фигурѣ. Главное дѣло—уборныя у насъ безобразныя, вездѣ дуетъ. Во время борьбы, сами знаете, вспотѣешь, а переодѣваться приходится на сквознякѣ. Такъ и прохватываетъ.

— Голова не болитъ ли? Не кашляете ли?

— Нѣтъ, кашлять не кашляю, а голова,—Арбузовъ потеръ ладонью низко остриженный затылокъ,—голова, правда, что-то не въ порядкѣ. Не болитъ, а такъ... будто тяжесть какая-то... И вотъ еще сплю плохо. Особенно сначала. Знаете, засыпаю, засыпаю, и вдругъ меня точно что-то подброситъ на кровати; точно, понимаете, я чего-то испугался. Даже сердце заколотится отъ испуга. И этакъ раза три, четыре: все просыпаюсь. А утромъ голова, и вообще... кисло какъ-то себя чувствую.

— Кровь носомъ не идетъ ли?

— Бываетъ иногда, докторъ.

— Мм-да-съ, такъ-съ...—значительно протянулъ Луховицынъ и поднявъ брови, тотчасъ же опустилъ ихъ.—Должно быть, много упражняетесь въ послѣднее время? Устаете?

— Много, докторъ. Вѣдь, масляница теперь, такъ каждый день приходится съ тяжестями работать. А иногда, съ утренними представленіями, и по два раза въ день. Да еще черезъ день,

кромѣ обыкновеннаго номера, приходится бороться... Конечно, устанешь немного...

— Такъ, такъ, такъ,—втягивая въ себя воздухъ и трясь головой, поддакивалъ докторъ.—А вотъ мы васъ сейчасъ послушаемъ. Раздвиньте руки въ стороны. Прекрасно. Дышите теперь. Спокойно, спокойно. Дышите глубже, ровнѣй...

Маленькій докторъ, едва доставая до груди Арбузова, приложилъ къ ней стетоскопъ и сталъ выслушивать. Испуганно глядя доктору въ затылокъ, Арбузовъ шумно вдыхалъ воздухъ и выпускалъ его изо рта, сдѣлавъ губы трубочкой, чтобы не дышать на ровный, глянцевитый проборъ докторскихъ волосъ.

Выслушавъ и выстукавъ паціента, докторъ присѣлъ на уголъ письменнаго стола, положивъ нога на ногу и обхвативъ руками острыя колѣни. Его птичье, выдавшееся впередъ лицо, широкое въ скулахъ и острое къ подбородку, стало серьезнымъ, почти строгимъ. Подумавъ съ минуту, онъ заговорилъ, глядя мимо плеча Арбузова на шкафъ съ книгами.

— Опаснаго, дружочекъ, я у васъ ничего не нахожу, хотя эти перебои сердца и кровотеченіе изъ носа можно, пожалуй, считать деликатными предостереженіями съ того свѣта. Видите ли, у васъ есть нѣкоторая склонность къ гипертрофіи сердца. Гипертрофія сердца, это, какъ бы вамъ сказать, это такая болѣзнь, которой подвержены всѣ люди, занимающіеся усиленной мускульной работой: кузнецы, матросы, гимнасты и такъ далѣе. Стѣнки сердца у нихъ отъ постояннаго и чрезмѣрнаго напряженія необыкновенно расширяются, и получается то, что мы въ медицинѣ называемъ „cor bovinum“, т.-е. бычачье сердце. Такое сердце въ одинъ прекрасный день отказывается работать, съ нимъ дѣлается параличъ и тогда—баста, представленіе окончено. Вы не безпокойтесь, вамъ до этого непріятнаго момента очень далеко, но на всякій случай посовѣтую: не пить кофе, крѣпкаго чаю, спиртныхъ напитковъ и прочихъ возбуждающихъ вещей. Понимаете?—спросилъ Луховицынъ, слегка барабаня пальцами по столу и исподлобья взглядывая на Арбузова.

— Понимаю, докторъ.

— И въ остальномъ рекомендуется такое же воздержаніе. Вы, конечно, понимаете, про что я говорю.

Атлетъ, который въ это время застегивалъ запонки у рубашки, покраснѣлъ и смущенно улыбнулся.

— Понимаю... но вѣдь, вы знаете, докторъ, что въ нашей профессіи и безъ того приходится быть умѣреннымъ. Да, по правдѣ, и думать то объ этомъ некогда.

— И прекрасно, дружочекъ. Затѣмъ отдохните денекъ-другой, а то и больше, если можете. Вы сегодня, кажется, съ Ре-

беромъ боретесь? Постарайтесь отложить борьбу на другой разъ. Нельзя? Ну, скажите что нездоровится и все тутъ. А я вамъ прямо запрещаю, слышите? Покажите-ка языкъ. Ну, вотъ, и языкъ скверный. Вѣдь слабо себя чувствуете дружочекъ? Э! да говорите прямо. Я васъ все равно никому не выдамъ, такъ какого же чорта вы мнетесь! Попы и доктора за то и деньги берутъ, чтобы хранить чужіе секреты. Вѣдь совсѣмъ плохо? да?

Арбузовъ признался, что и въ самомъ дѣлѣ чувствуетъ себя нехорошо. Временами находитъ слабость и точно лѣнь какая-то, аппетита нѣтъ, по вечерамъ знобитъ. Вотъ если бы докторъ прописалъ какихъ-нибудь капель?

— Нѣтъ, дружочекъ, какъ хотите, а бороться вамъ нельзя, — рѣшительно сказалъ докторъ, соскакивая со стола. Я въ этомъ дѣлѣ, какъ вамъ извѣстно, не новичокъ, и всѣмъ борцамъ, которыхъ мнѣ приходилось знать, я всегда говорилъ одно: передъ состязаніемъ соблюдайте четыре правила: первое, — наканунѣ нужно хорошо выспаться, второе, — днемъ вкусно и питательно пообѣдать, но при этомъ—третье,—выступать въ борьбу съ пустымъ желудкомъ и, наконецъ, четвертое, — это уже психологія—ни на минуту не терять увѣренности въ побѣдѣ. Спрашивается, какъ же вы будете состязаться, если вы съ утра обрѣтаетесь въ такой мехлюзіи? Вы извините меня за нескромный вопросъ... я вѣдь человѣкъ свой... у васъ борьба не того?.. не фиктивная? То-есть заранѣе не условлено, кто кого и въ какое состязаніе положитъ?

— О, нѣтъ, докторъ, что вы... Мы съ Ребером уже давно гонялись по всей Европѣ другъ за другомъ. Даже и залогъ настоящій, а не для приманки. И онъ, и я внесли по сту рублей въ третьи руки.

— Все-таки я не вижу резона, почему нельзя отложить состязаніе на будущее время.

— Наоборотъ, докторъ, очень важные резоны. Да вы посудите сами. У насъ борьба состоитъ изъ трехъ состязаній. Положимъ первое взялъ Реберъ, второе — я, третье, значитъ, остается рѣшающимъ. Но ужъ мы настолько хорошо узнали другъ друга, что можно безошибочно сказать за кѣмъ будетъ третья борьба, и тогда — если я не увѣренъ въ своихъ силахъ—что мнѣ мѣшаетъ заболѣть, или захромать и т. д. и взять свои деньги обратно? Тогда, выходитъ, для чего же Реберъ боролся первые два раза? Для своего удовольствія? Вотъ, на этотъ случай, докторъ, мы и заключаемъ между собой условіе, по которому тотъ, кто въ день рѣшительной борьбы окажется больнымъ, считается все равно проигравшимъ и деньги его пропадаютъ.

— Да-съ, это дѣло скверное—сказалъ докторъ и опять зна-

чительно поднялъ и опустилъ брови.—Ну что-же, дружочекъ, чортъ съ ними съ этими ста рублями?

— Съ двухстами, докторъ,—поправилъ Арбузовъ.—По контракту съ дирекціей я платчу неустойку въ сто рублей, если откажусь, хотя бы по болѣзни, работать въ самый день представленія.

— Ну, чортъ... ну, двѣсти!—разсердился докторъ. Я бы на вашемъ мѣстѣ все равно отказался... Чортъ съ ними, пускай пропадаютъ, свое здоровье дороже. Да наконецъ, дружочекъ, вы и такъ рискуете потерять вашъ залогъ, если будете больной бороться съ такимъ опаснымъ противникомъ, какъ этотъ американецъ.

Арбузовъ самоувѣренно мотнулъ головой и по его крупнымъ губамъ проползла медленная презрительная улыбка.

— Э, пустяки, — уронилъ онъ пренебрежительно. — Въ Реберѣ всего шесть пудовъ вѣсу, и онъ едва достаетъ мнѣ подъ подбородокъ. Увидите, что я его черезъ три минуты положу на обѣ лопатки. Я бы его бросилъ и во второй борьбѣ, если бы онъ не прижалъ меня къ барьеру. Собственно говоря, со стороны жюри было свинствомъ засчитать такую подлую борьбу. Даже публика, и та протестовала.

Докторъ улыбался чуть замѣтной лукавой улыбкой. Постоянно сталкиваясь съ цирковой жизнью, онъ уже давно изучилъ эту непоколебимую и хвастливую самоувѣренность всѣхъ профессіональныхъ борцовъ, атлетовъ и боксеровъ и ихъ наклонность сваливать свое пораженіе на какія-нибудь случайныя причины. Отпуская Арбузова, онъ прописалъ ему бромъ, который велѣлъ принять за часъ до состязанія, и, дружески похлопавъ атлета по широкой спинѣ, пожелалъ ему побѣды.

II.

Арбузовъ вышелъ на улицу. Былъ послѣдній день масляной недѣли, которая въ этомъ году пришлась поздно. Холода еще не сдали, но въ воздухѣ уже слышался неопредѣленный, тонкій, радостно щекочущій грудь запахъ весны. По наѣзженному грязному снѣгу безшумно неслись въ противуположныхъ направленіяхъ двѣ вереницы саней и каретъ, и окрики кучеровъ раздавались съ особенно ясной и мягкой звучностью. На перекресткахъ продавали моченыя яблоки въ бѣлыхъ новыхъ ушатахъ, халву, похожую цвѣтомъ на уличный снѣгъ, и воздушные шары. Эти шары были видны издалека. Разноцвѣтными блестящими гроздьями они подымались и плавали надъ головами прохожихъ, запрудившихъ черными кипящимъ потокомъ тротуары, и

въ ихъ движеніяхъ—то стремительныхъ, то лѣнивыхъ,—было что-то весеннее и дѣтски-радостное.

У доктора Арбузовъ чувствовалъ себя почти здоровымъ, но на свѣжемъ воздухѣ имъ опять овладѣли томительныя ощущенія болѣзни. Голова казалась большой, отяжелѣвшей и точно пустой, и каждый шагъ отзывался въ ней непріятнымъ гуломъ. Въ пересохшемъ рту опять слышался вкусъ гари, въ глазахъ была тупая боль, какъ будто кто то надавливалъ на нихъ снаружи пальцами, а когда Арбузовъ переводилъ глаза съ предмета на предметъ, то вмѣстѣ съ этимъ по снѣгу, по домамъ и по небу двигались два большіе, желтые пятна.

У перекрестка на кругломъ столбѣ Арбузову кинулась въ глаза его собственная фамилія, напечатанная крупными буквами. Машинально онъ подошелъ къ столбу. Среди пестрыхъ афишъ, объявлявшихъ о праздничныхъ развлеченіяхъ подъ обычной красной цирковой афишей былъ приклеенъ отдѣльный зеленый аншлагъ, и Арбузовъ равнодушно, точно во снѣ, прочиталъ его съ начала до конца:

ЦИРКЪ бр. ДЮВЕРНУА.

Сегодня состоится 3-я рѣшительная борьба

по римско-французскимъ правиламъ

между извѣстнымъ американскимъ чемпіономъ

Г. ДЖОНОМЪ РЕБЕРОМЪ

и знаменитымъ русскимъ борцомъ и геркулесомъ

Г. АРБУЗОВЫМЪ

на призъ въ 100 руб. Подробности въ афишахъ.

У столба остановились двое мастеровыхъ, судя по запачканнымъ копотью лицамъ, слесарей, и одинъ изъ нихъ сталъ читать объявленіе о борьбѣ вслухъ, коверкая слова. Арбузовъ услышалъ свою фамилію, и она прозвучала для него блѣднымъ, оборваннымъ, чуждымъ, потерявшимъ всякій смыслъ звукомъ, какъ это бываетъ иногда, если долго повторяешь подрядъ одно и то же слово. Мастеровые узнали атлета. Одинъ изъ нихъ толкнулъ товарища локтемъ и почтительно посторонился. Арбузовъ сердито отвернулся и, засунувъ руки въ карманы пальто, пошелъ дальше.

Въ циркѣ уже отошло дневное представленіе. Такъ какъ свѣтъ

проникалъ на арену только черезъ стеклянное заваленное снѣгомъ окно въ куполѣ, то въ полумракѣ циркъ казался огромнымъ, пустымъ и холоднымъ сараемъ.

Войдя съ улицы, Арбузовъ съ трудомъ различалъ стулья перваго ряда, бархатъ на барьерахъ и на канатахъ, отдѣляющихъ проходы, позолоту на бокахъ ложъ и бѣлые столбы съ прибитыми къ нимъ щитами, изображающими лошадиныя морды, клоунскія маски и какіе то вензеля. Амфитеатръ и галлерея тонули въ темнотѣ. Вверху, подъ куполомъ, подтянутыя на блокахъ, холодно поблескивали сталью и никелемъ гимнастическія машины: лѣстница, кольца, турники и трапеціи.

На аренѣ, припавъ къ полу, барахтались два человѣка. Арбузовъ долго всматривался въ нихъ, щуря глаза, пока не узналъ своего противника, американскаго борца, который, какъ и всегда по утрамъ, тренировался въ борьбѣ съ однимъ изъ своихъ помощниковъ, тоже американцемъ, Гарваномъ. На жаргонѣ профессіональныхъ атлетовъ такихъ помощниковъ называютъ „волками“, или „собачками“. Разъѣзжая по всѣмъ странамъ и городамъ вмѣстѣ съ знаменитымъ борцомъ, они помогаютъ ему въ ежедневной тренировкѣ, заботятся объ его гардеробѣ, если ему не сопутствуетъ въ поѣздѣ жена, растираютъ, послѣ обычной утренней ванны и холоднаго душа, жесткими рукавицами его мускулы и вообще оказываютъ ему множество мелкихъ услугъ, относящихся непосредственно къ его профессіи. Такъ какъ въ „волки“ идутъ или молодые, неувѣренные въ себѣ атлеты, еще не овладѣвшіе разными секретами и не выработавшіе пріемовъ, или старые, но посредственные борцы, то они рѣдко одерживаютъ побѣды въ состязаніяхъ на призы. Но передъ матчемъ съ серьезнымъ борцомъ, профессоръ непремѣнно сначала выпуститъ на него своихъ „собачекъ“, чтобы слѣдя за борьбой, уловить слабыя стороны и привычные промахи своего будущаго противника и оцѣнить его преимущества, которыхъ слѣдуетъ остерегаться. Реберъ уже спускалъ на Арбузова одного изъ своихъ помощниковъ — англичанина Симпсона, второстепеннаго борца, сырого и неповоротливаго, но извѣстнаго среди атлетовъ чудовищной силой грифа, т.-е кистей и пальцевъ рукъ. Борьба велась безъ приза, по просьбѣ дирекціи, и Арбузовъ два раза бросалъ англичанина, почти шутя, рѣдкими и эффектными „трюками“, которые онъ не рискнулъ бы употребить въ состязаніи съ мало-мальски опаснымъ борцомъ. Реберъ уже тогда отмѣтилъ про себя главные недостатки и преимущества Арбузова: тяжелый вѣсъ и большой ростъ, при страшной мускульной силѣ рукъ и ногъ, смѣлость и рѣшительность въ пріемахъ, а также пластическую красоту движеній, всегда подкупающую сим-

патіи публики, но—въ то же время—сравнительно слабыя кисти рукъ и шею, короткое дыханіе и чрезмѣрную горячность. И онъ тогда же рѣшилъ, что съ такимъ противникомъ надо держаться системы обороны, обезсиливая и разгорячая его до тѣхъ поръ, пока онъ не выдохнется, избѣгать обхватовъ спереди и сзади, отъ которыхъ трудно будетъ защищаться, и, главное, съумѣть выдержать первые натиски, въ которыхъ этотъ русскій дикарь проявляетъ, дѣйствительно, чудовищную силу и энергію. Такой системы Реберъ и держался въ первыхъ двухъ состязаніяхъ, изъ которыхъ одно осталось за Арбузовымъ, а другое за нимъ.

Привыкнувъ къ полусвѣту, Арбузовъ явственно различилъ обоихъ американцевъ. Они были въ сѣрыхъ фуфайкахъ, оставлявшихъ руки голыми, въ широкихъ кожаныхъ поясахъ и въ панталонахъ прихваченныхъ у щиколодокъ ремнями. Реберъ находился въ одномъ изъ самыхъ трудныхъ и важныхъ для борьбы положеній, которое называется „мостомъ“. Лежа на землѣ лицомъ вверхъ и касаясь ее затылкомъ съ одной стороны а пятками съ другой, круто выгнувъ спину и поддерживая равновѣсіе руками, которые глубоко ушли въ тырсу *), онъ изображалъ такимъ образомъ изъ своего тѣла живую упругую арку, между тѣмъ какъ Гарванъ, навалившись сверху на выпяченный животъ и грудь профессора, напрягалъ всѣ силы, чтобы выпрямить эту выгнувшуюся массу мускуловъ, опрокинуть ее, прижать къ землѣ.

Каждый разъ, когда Горванъ дѣлалъ новый толчокъ, оба борца съ напряженіемъ кряхтѣли и съ усиліемъ, огромными вздохами переводили дыханіе. Большіе, тяжелые, со страшными выпучившимися мускулами голыхъ рукъ и точно застывшіе на полу арены въ причудливыхъ позахъ, они напоминали при невѣрномъ полусвѣтѣ, разлитомъ въ пустомъ циркѣ, двухъ чудовищныхъ крабовъ, оплетшихъ другъ друга клешнями.

Такъ какъ между атлетами существуетъ своеобразная этика, въ силу которой считается предосудительнымъ глядѣть на упражненія своего противника, то Арбузовъ, огибая барьеръ и дѣлая видъ, что не замѣчаетъ борцовъ, прошелъ къ выходу, ведущему въ уборныя. Въ то время, когда онъ отодвигалъ массивную красную занавѣсъ, отдѣляющую арену отъ корридоровъ, кто то отодвинулъ ее съ другой стороны, и Арбузовъ увидѣлъ передъ собой, подъ блестящимъ, сдвинутымъ на бокъ цилиндромъ — черные усы и смѣющіеся черные глаза своего большого пріятеля, акробата Антоніо Батисто.

— Bone giorne, mon cher monsieur Arbusoffff! — воскликнулъ на распѣвъ акробатъ, сверкая бѣлыми, прекрасными зубами и

*) Смѣсь песка и деревянныхъ опилковъ, которой посыпается арена цирка.

широко разводя руки, точно желая обнять Арбузова. Я только чичасъ окончилъ мой répetition. Allons donc prendre quelque chose. Пойдемъ что-нибудь себѣ немножко взять? Одинъ рюмокъ коньякъ? О-о, только не сломай мнѣ руку. Пойдемъ на буфетъ.

Этого акробата любили въ циркѣ всѣ начиная съ директора и кончая конюхами. Артистъ онъ былъ исключительный и всесторонній: одинаково хорошо жонглировалъ, работалъ на трапеціи и на турникѣ, подготовлялъ лошадей высшей школы, ставилъ пантомимы и главное, былъ неистощимъ въ изобрѣтеніи новыхъ „номеровъ", что особенно цѣнится въ цирковоомъ мірѣ, гдѣ искусство, по самымъ своимъ свойствамъ почти не двигается впередъ, оставаясь и теперь чуть ли не въ такомъ же видѣ, въ какомъ оно было при римскихъ цезаряхъ.

Все въ немъ нравилось Арбузову веселый характеръ, щедрость, утонченная деликатность, выдающіяся даже въ средѣ цирковыхъ артистовъ, которые внѣ манежа,—допускающаго по традиціи нѣкоторую жестокость въ обращеніи—отличаются обыкновенно джентльменской вѣжливостью. Несмотря на свою молодость онъ успѣлъ объѣхать всѣ большіе города Европы и во всѣхъ труппахъ считался наиболѣе желательнымъ и популярнымъ товарищемъ. Онъ владѣлъ одинаково плохо всѣми европейскими языками, и въ разговорѣ постоянно перемѣшивалъ ихъ, коверкая слова можетъ быть нѣсколько умышленно, потому что въ каждомъ акробатѣ всегда сидитъ немного клоуна.

— Не знаете ли гдѣ директоръ? — спросилъ Арбузовъ.

— Il est à l'écurie. Онъ ходилъ на конюшенъ, сморѣлъ одинъ больной лошадь. Mais allons donc. Пойдемъ немножка. Я очень имѣю радъ васъ видѣть. Мой голюбушка? — вдругъ вопросительно сказалъ Антоніо, смѣясь самъ надъ своимъ произношеніемъ и продѣвая руку подъ локоть Арбузова.—Карошо, будьте здоровы, самоваръ, извозчикъ,—скороговоркой добавилъ онъ, видя что атлетъ улыбнулся.

У буфета они выпили по рюмкѣ коньяку и пожевали кусочки лимона, обмокнутаго въ сахаръ. Арбузовъ почувствовалъ, что послѣ вина у него въ животѣ стало сначала холодно, а потомъ тепло и пріятно. Но тотчасъ же у него закружилась голова, а по всему тѣлу разлилась какая-то сонная слабость.

— Oh, sans doutes вы будете имѣть une victoire,—одна побѣда,—говорилъ Антоніо жестикулируя и блестя изъ подъ черныхъ усовъ бѣлыми, ровными, крупными зубами.—Вы такой brave homme, такой прекрасный и сильный борецъ. Я зналъ одинъ замѣчательный борецъ—онъ назывался Карлъ Абсъ... да, Карлъ Абсъ. И онъ теперь уже ist gestorben... есть умеръ. О, хотя онъ былъ нѣмецъ, но онъ былъ великій профессоръ! И онъ однажды ска-

залъ: французскій борьба есть une bagatelle, одна пустячокъ. И хорошій борецъ, ein guter Kämpfer долженъ имѣть очень, очень мало: всего только сильный шея, какъ у одинъ буйволъ, весьма крѣпкій спина, какъ у носильщикъ, длинная рука mit starken Müskeln, съ твердый мускулъ, und ein gewaltiger Griff... Какъ это называется по-русски? (Антоніо нѣсколько разъ сжалъ и разжалъ передъ своимъ лицомъ пальцы правой руки). Очень сильный пальцы. Et puis, тоже необходимо имѣть устойчивый нога, какъ у одинъ монументъ и, конечно, самый большой Gewicht, самый большой тяжесть въ корпусъ. Если еще взять un coeur saint, здоровый сердца, les poumons... какъ это по-русску? легкія точно у лошадь, потомъ еще немножко кладнокровіе и немножко смѣлость, и еще немножко savoir les règles de la lutte, знать всѣ правила борьба, то au fond, консѣ-консовъ, вотъ и всѣ пустячки, которые нуженъ для одинъ хорошій борецъ! Ха-ха-ха!

Засмѣявшись своей шуткѣ, Антоніо нѣжно схватилъ Арбузова поверхъ пальто подъ мышками, точно хотѣлъ его пощекотать, и тотчасъ же лицо его сдѣлалось серьезнымъ. Въ этомъ красивомъ, загорѣломъ и подвижномъ лицѣ была одна удивительная особенность: переставая смѣяться, оно принимало трагическій, суровый и сумрачный характеръ, и эта смѣна выраженій наступала такъ быстро и такъ неожиданно, что, казалось, будто у Антоніо два лица,—одно смѣющееся, другое серьезное,—и что онъ непонятнымъ образомъ замѣняетъ одно другимъ, по своему желанію.

— Конечно, Реберъ есть опасный Nebenbuhler. У нихъ въ Америкѣ борятся, comme les bouchers, какъ мьяснйки. Я видѣлъ борба въ Чикаго и въ Нью-Іоркѣ... Пфуй, какая гадость!

Съ тѣми же быстрыми итальянскими жестами, поясняющими рѣчь, Антоніо сталъ подробно и занимательно разсказывать объ американскихъ борцахъ. У нихъ считаются дозволенными всѣ тѣ жестокіе и опасные „трюки“, которые безусловно запрещено употреблять на европейскихъ аренахъ. Тамъ борцы давятъ другъ друга за горло, зажимаютъ противнику ротъ и носъ, охватывая его голову страшнымъ пріемомъ, называемымъ желѣзнымъ ошейникомъ—collier de fer, лишаютъ его сознанія искуснымъ нажатіемъ на сонныя артеріи. Тамъ передаются отъ учителей къ ученикамъ, составляя непроницаемую профессіональную тайну, ужасные секретные пріемы, дѣйствіе которыхъ не всегда бываетъ ясно даже для врачей. Обладая знаніемъ такихъ пріемовъ, можно, напримѣръ, легкимъ и какъ-будто нечаяннымъ ударомъ по triceps'у вызвать минутный параличъ въ рукѣ у противника, или незамѣтнымъ ни для кого движеніемъ причинить ему такую нестерпимую боль, которая заставитъ его забыть о всякой осторожности. Тотъ же Реберъ привлекался недавно къ суду за то, что въ Лодзи,

во время состязанія съ извѣстнымъ польскимъ атлетомъ Владиславскимъ, онъ, захвативъ его руку черезъ свое плечо пріемомъ tour de bras, сталъ ее выгибать, несмотря на протесты публики и самого Владиславскаго, въ сторону, противоположную естественному сгибу, и выгибалъ до тѣхъ поръ, пока не разорвалъ ему сухожилій, связывающихъ плечо съ предплечьемъ. У американцевъ нѣтъ никакого артистическаго самолюбія, и они борятся, имѣя въ виду только одинъ денежный призъ. Завѣтная цѣль американскаго атлета,— скопить свои 50.000 долларовъ, тотчасъ же послѣ этого разжирѣть, опуститься и открыть гдѣ-нибудь въ Санъ-Франциско кабачокъ, въ которомъ потихоньку отъ полиціи процвѣтаетъ травля крысъ и самые жестокіе виды американскаго бокса.

Все это, не исключая лодзинскаго скандала, было давно извѣстно Арбузову, и его больше занимало не то, что разсказывалъ Антоніо, а свои собственныя, странныя и болѣзненныя ощущенія, къ которымъ онъ съ удивленіемъ прислушивался. Иногда ему казалось, что лицо Антоніо придвигается совсѣмъ вплотную къ его лицу, и каждое слово звучитъ такъ громко и рѣзко, что даже отдается смутнымъ гуломъ въ его головѣ но, минуту спустя, Антоніо начиналъ отодвигаться, уходилъ все дальше и дальше, пока его лицо не становилось мутнымъ и до смѣшного маленькимъ, и тогда его голосъ раздавался тихо и сдавленно, какъ-будто бы онъ говорилъ съ Арбузовымъ по телефону, или черезъ нѣсколько комнатъ. И всего удивительнѣе было то, что перемѣна этихъ впечатлѣній зависѣла отъ самого Арбузова и происходила отъ того, поддавался ли онъ пріятной лѣнивой и дремотной истомѣ, овладѣвавшей имъ, или стряхивалъ ее съ себя усиліемъ воли.

— О, я не сомнѣваюсь, что вы будете его бросать, mon cher Arbusoff, мой душенька, мой голюпшйкъ, — говорилъ Антоніо, смѣясь и коверкая русскія ласкательныя имена.— Реберъ c'est un animal, un accapareur. Онъ есть ремесленникъ, какъ бываетъ одинъ водовозъ, одинъ сапожникъ, одинъ... un tailleur, который шить панталонъ. Онъ не имѣетъ себѣ вотъ тутъ... dans le coeur... ничего, никакой senti ment и никакой tempérament. Онъ есть большой грубый мясникъ, а вы, o! vous êtes un vrais artiste. Вы есть художникъ, и я всегда имѣю удовольствіе на васъ смотрѣть.

Въ буфетъ быстро вошелъ директоръ, маленькій толстый и тонконогій человѣкъ, съ поднятыми вверхъ плечами, безъ шеи, въ цилиндрѣ и распахнутой шубѣ, очень похожій своимъ круглымъ бульдожьимъ лицомъ, толстыми усами и жесткимъ выраженіемъ бровей и глазъ на портретъ Бисмарка. Антоніо и Арбузовъ слегка притронулись къ шляпамъ. Директоръ отвѣтилъ

тѣмъ же и тотчасъ же, точно онъ долго воздерживался и ждалъ только случая, принялся ругать разсердившаго его конюха.

— Мужикъ, русская каналья... напоилъ потную лошадь, чортъ его побирай!.. Я буду ходить на мировой судья, и онъ будетъ мнѣ присудить триста рублей штрафъ съ этого мерзавца. Я... чортъ его побирай!.. Я пойду и буду ему разбивать морду, я его буду стегать съ моимъ Reitpeitsch!

Точно ухватившись за эту мысль, онъ быстро повернулся и, семеня тонкими слабыми ногами, побѣжалъ въ конюшню. Арбузовъ нагналъ его у дверей.

— Господинъ директоръ...

Директоръ круто остановился и съ тѣмъ же недовольнымъ лицомъ выжидательно засунулъ руки въ карманы шубы.

Арбузовъ сталъ просить его отложить сегодняшнюю борьбу на день или на два. Если директору угодно, онъ, Арбузовъ, дастъ за это, внѣ заключенныхъ условій,—два, или даже три вечернихъ упражненій съ гирями. Вмѣстѣ съ тѣмъ, не возметъ ли на себя г. директоръ трудъ переговорить съ Реберомъ относительно перемѣны дня состязанія.

Директоръ слушалъ атлета, повернувшись къ нему въ полуоборота и глядя поверхъ его головы въ окно. Убѣдившись, что Арбузовъ кончилъ, онъ перевелъ на него свои жесткіе глаза съ нависшими надъ ними землистыми мѣшками, и отрѣзалъ коротко и внушительно:

— Сто рублей неустойки.

— Господинъ директоръ...

— Я, чортъ, побирай, самъ знаю, что я есть господинъ директоръ, — перебилъ онъ, закипая. Устраивайтесь съ Реберомъ сами, это не мое дѣло. Мое дѣло—контрактъ, ваше дѣло—неустойка.

Онъ рѣзко повернулся спиной къ Арбузову и пошелъ, часто перебирая присѣдающими ногами къ дверямъ, но передъ ними вдругъ остановился, обернулся и внезапно, затрясшись отъ злости, съ прыгающими дряблыми щеками, съ побагровѣвшимъ лицомъ, раздувшейся шеей и выкатившимися глазами, закричалъ, задыхаясь:

— Чортъ побирай! У меня подыхаетъ Фатиница, первая лошадь парфорсной ѣзды!.. Русскій конюхъ, сволочь, свинья, русская обезьяна опоилъ самую лучшую лошадь, а вы позволяете просить разныя глупости. Чортъ побирай! Сегодня послѣдній день этой идіотской русской масляница, и у меня не хватаетъ даже приставной стулья, и публикумъ будетъ мнѣ дѣлать ein grosser Scandal, если я отмѣню борьбу. Чортъ побирай! У меня потребуютъ назадъ деньги и разломаютъ мой циркъ на маленькіе ку-

сочки. Schwamm drüber! Чортъ побирай! Я не хочу слушать глупости, я ничего не слышалъ и ничего не знаю!

И онъ выскочилъ изъ буфета, захлопнувъ за собой тяжелую дверь съ такой силой, что рюмки на стойкѣ отозвались тонкимъ, дребезжащимъ звономъ.

III.

Простившись съ Антоніо, Арбузовъ пошелъ домой. Надо было до борьбы пообѣдать и постараться выспаться, чтобы хоть немного освѣжить голову. Но опять, выйдя на улицу, онъ почувствовалъ себя больнымъ. Уличный шумъ и суета происходили гдѣ-то далеко, далеко отъ него и казались ему такими посторонними, ненастоящими, точно онъ разсматривалъ пеструю, движущуюся картину. Переходя черезъ улицы, онъ испытывалъ острую боязнь, что на него налетятъ сзади лошади и собьютъ съ ногъ.

Онъ жилъ недалеко отъ цирка, въ меблированныхъ комнатахъ. Еще на лѣстницѣ онъ услышалъ запахъ, который всегда стоялъ въ корридорахъ, запахъ кухни, керосиноваго чада и мышей. Пробираясь ощупью въ свой номеръ, Арбузовъ все ждалъ, что онъ вотъ-вотъ наткнется впотьмахъ на какое-нибудь препятствіе, и къ этому чувству напряженнаго ожиданія невольно и мучительно примѣшивалось чувство тоски, потерянности, страха и сознанія своего одиночества.

Ѣсть ему не хотѣлось, но когда снизу, изъ столовой „Эврика“ принесли обѣдъ, онъ принудилъ себя съѣсть нѣсколько ложекъ краснаго борща, отдававшаго грязной кухонной тряпкой, и половину блѣдной волокнистой котлеты съ морковнымъ соусомъ. Послѣ обѣда ему захотѣлось пить. Онъ послалъ мальчишку за квасомъ и легъ на кровать.

И тотчасъ же ему показалось, что кровать тихо заколыхалась и поплыла подъ нимъ, точно лодка, а стѣны и потолокъ медленно поползли въ противоположную сторону. Но въ этомъ ощущеніи не было ничего страшнаго или непріятнаго; наоборотъ, вмѣстѣ съ нимъ въ тѣло вступала все сильнѣй усталая, лѣнивая, теплая истома. Закоптѣлый потолокъ, изборожденный, точно жилами, тонкими извилистыми трещинами, то уходилъ далеко вверхъ, то надвигался совсѣмъ близко, и въ его колебаніяхъ была разслабляющая дремотная плавность.

Гдѣ-то за стѣной гремѣли чашками, по корридору безпрерывно сновали торопливые, заглушаемые половикомъ шаги, въ окно широко и неясно несся уличный гулъ. Всѣ эти звуки долго цѣплялись, перегоняли другъ друга, спутывались и вдругъ, слившись на нѣсколько мгновеній, выстраивались въ чудесную мелодію, такую

полную, неожиданную и красивую, что отъ нея становилось щекотно въ груди и хотѣлось смѣяться.

Приподнявшись на кровати, чтобы напиться, атлетъ оглядѣлъ свою комнату. Въ густомъ лиловомъ сумракѣ зимняго вечера, вся мебель представилась ему совсѣмъ не такой, какой онъ ее привыкъ до сихъ поръ видѣть: на ней лежало странное, загадочное, живое выраженіе. И низенькій, приземистый, серьезный комодъ, и высокій узкій шкафъ, съ его дѣловитой, но черствой и насмѣшливой наружностью, и добродушный, круглый столъ, и нарядное кокетливое зеркало—всѣ они сквозь лѣнивую и темную дремоту зорко, выжидательно и угрожающе стерегли Арбузова.

— Значитъ у меня лихорадка,—подумалъ Арбузовъ и повторилъ вслухъ: „у меня лихорадка“, и его голосъ отозвался въ его ушахъ откуда-то издалека слабымъ, пустымъ и равнодушнымъ звукомъ.

Подъ колыханье кровати, съ пріятной сонной рѣзью въ глазахъ, Арбузовъ забылся въ прерывистомъ тревожномъ лихорадочномъ бредѣ. Но и въ бреду, какъ и наяву, онъ испытывалъ такую же чередующуюся смѣну впечатлѣній. То ему казалось, что онъ ворочаетъ со страшными усиліями и громоздитъ одна на другую гранитныя глыбы съ отполированными боками, гладкими и твердыми на ощупь, но въ то же время мягко, какъ вата, поддающимися подъ его руками. Потомъ эти глыбы рушились и катились внизъ, а вмѣсто нихъ остановилось что-то ровное, зыбкое, зловѣще-спокойное; имени ему не было, но оно одинаково походило и на гладкую поверхность озера, и на тонкую проволоку, которая, безконечно вытягиваясь, жужжитъ однообразно, утомительно и сонно. Но исчезала проволока, и опять Арбузовъ воздвигалъ громадныя глыбы, и опять онѣ рушились съ громомъ, и опять оставалась во всемъ мірѣ одна только зловѣщая, тоскливая проволока. Въ то же время Арбузовъ не переставалъ видѣть потолокъ съ трещинами и слышать странно переплетающіеся звуки, но все это принадлежало къ чужому, стерегущему, враждебному міру, жалкому и неинтересному по сравненію съ тѣми грезами, въ которыхъ онъ жилъ.

Было уже совсѣмъ темно, когда Арбузовъ вдругъ вскочилъ и сѣлъ на кровати, охваченный чувствомъ дикаго ужаса и нестерпимой физической тоски, которая начиналась отъ сердца, переставшаго биться, наполняла всю грудь, подымалась до горла и сжимала его. Легкимъ не хватало воздуху, что-то изнутри мѣшало ему войти. Арбузовъ судорожно раскрывалъ ротъ, стараясь вздохнуть, но не умѣлъ, не могъ этого сдѣлать и задыхался. Эти страшныя ощущенія продолжались всего три, четыре секунды, но атлету казалось, что припадокъ начался много лѣтъ тому назадъ,

и что онъ успѣлъ состариться за это время. „Смерть идетъ!“ мелькнуло у него въ головѣ, но въ тотъ же моментъ чья-то невидимая рука тронула остановившееся сердце, какъ трогаютъ остановившійся маятникъ, и оно, сдѣлавъ бѣшеный толчокъ, готовый разбить грудь, забилось пугливо, жадно и безтолково. Вмѣстѣ съ тѣмъ жаркія волны крови бросились Арбузову въ лицо, въ руки и въ ноги и покрыли все его тѣло испариной.

Въ отворенную дверь просунулась большая стриженная голова, съ тонкими, оттопыренными, какъ крылья у летучей мыши, ушами. Это пришелъ Гришутка, мальчишка, помощникъ корридорнаго справиться о чаѣ. Изъ-за его спины весело и ободряюще скользнулъ въ номеръ свѣтъ отъ лампы, горѣвшей въ корридорѣ.

— Прикажите самоварчикъ, Никитъ Іонычъ?

Арбузовъ хорошо слышалъ эти слова, и онѣ ясно отпечатлѣлись въ его памяти, но онъ никакъ не могъ заставить себя понять, что они значатъ. Мысль его въ это время усиленно работала, стараясь уловить какое-то небеыкновенное, рѣдкое и очень важное слово, которое онъ слышалъ во снѣ, передъ тѣмъ какъ вскочить въ припадкѣ.

— Никитъ Іонычъ, подавать, что ли, самоваръ-то? Седьмой часъ.

— Постой, Гришутка, постой, сейчасъ,—отозвался Арбузовъ, попрежнему слыша и не понимая мальчишку, и вдругъ поймалъ забытое слово. „Бумерангъ“. Бумерангъ — это такая изогнутая, смѣшная деревяшка, которую въ циркѣ на Монмартрѣ бросали какіе-то черные дикари, маленькіе, голые, ловкіе и мускулистые человѣчки. И тотчасъ же, точно освободившись отъ путъ, вниманіе Арбузова перенеслось на слова мальчишки, все еще звучащіе въ памяти.

— Седьмой часъ, ты говоришь? Ну, такъ неси скорѣе самоваръ, Гриша.

Мальчикъ ушелъ. Арбузовъ долго сидѣлъ на кровати, спустивъ на полъ ноги, и прислушивался, глядя въ темные углы, къ своему сердцу, все еще бившемуся тревожно и суетливо. А губы его тихо шевелились, повторяя раздѣльно все одно и тоже, поразившее его, звучное, упругое слово:

— Бу-ме-рангъ!

IV.

Къ девяти часамъ Арбузовъ пошелъ въ циркъ. Большеголовый мальчишка изъ номеровъ, страстный поклонникъ цирковаго искусства, несъ за нимъ соломенный сакъ съ костюмомъ. У ярко освѣщеннаго подъѣзда было шумно и весело. Непрерывно, одинъ

за другимъ подъѣзжали извозчики и, по мановенію руки величественнаго, какъ статуя, городового, описавъ полукругъ, отъѣзжали дальше, въ темноту, гдѣ длинной вереницей стояли вдоль улицы сани и кареты. Красныя цирковыя афиши и зеленые анонсы о борьбѣ видѣлись повсюду — по обѣимъ сторонамъ входа, около кассъ, въ вестибюлѣ и корридорахъ, и вездѣ Арбузовъ видѣлъ свою фамилію, напечатанную громаднымъ шрифтомъ. Въ корридорахъ пахло конюшней, газомъ, тырсой, который посыпаютъ арену, и обыкновеннымъ запахомъ зрительныхъ залъ, смѣшаннымъ запахомъ новыхъ лайковыхъ перчатокъ и пудры. Эти запахи, всегда немного волновавшіе и возбуждавшіе Арбузова въ вечера передъ борьбою, теперь болѣзненно и непріятно скользнули по его нервамъ.

За кулисами, около того прохода, изъ котораго выходятъ на арену артисты, висѣло за проволочной сѣткой, освѣщенное газовымъ рожкомъ рукописное росписаніе вечера съ печатными заголовками: „Arbeit. Pferd. Klown". Арбузовъ заглянулъ въ него съ неясной и наивной надеждой не найти своего имени. Но во II-мъ отдѣленіи, противъ знакомаго ему слова—Kampf,—стояли, написанныя крупнымъ катящимся внизъ почеркомъ полуграмотнаго человѣка, двѣ фамиліи Arbusow u. Roeber.

На аренѣ кричали картавыми деревянными голосами и хохотали идіотскимъ смѣхомъ клоуны. Антоніо Батисто и его жена, Генріетта, дожидались въ проходѣ окончанія номера. На обоихъ были одинаковые костюмы изъ нѣжно-фіолетоваго расшитаго золотыми блестками трико, отливавшаго на сгибахъ противъ свѣта шелковымъ глянцемъ, и бѣлыя атласныя туфли.

Юбки на Генріеттѣ не было, вмѣсто нея шли отъ таліи къ бедрамъ пышныя буффы, а вокругъ пояса висѣла длинная и частая золотая бахрома, сверкавшая при каждомъ ея движеніи. Атласная рубашечка фіолетоваго цвѣта, надѣтая прямо поверхъ тѣла, безъ корсета, была свободна и совсѣмъ не стѣсняла движеній гибкаго торса. Поверхъ трико на Генріеттѣ былъ наброшенъ длинный, бѣлый арабскій бурнусъ, мягко оттѣнявшій ея хорошенькую, черноволосую, смуглую головку.

— Et bien, monsieur Arbusoff? — сказала Генріета, ласково улыбаясь и протягивая изъ подъ бурнуса обнаженную тонкую, но сильную и красивую руку. Какъ вамъ нравятся наши новые костюмы? Это идея моего Антоніо. Вы придете на манежъ смотрѣть нашъ номеръ? Пожалуйста приходите. У васъ хорошій глазъ, и вы мнѣ приносите удачу.

Подошедшій Антоніо дружелюбно похлопалъ Арбузова по плечу.

— Ну какъ дѣла, мой голюбушка? All right! Я держу за васъ пари съ Винченцо на одна бутылка коньякъ. Смотрите же!

По цирку прокатился смѣхъ и затрещали аплодисменты. Два клоуна съ бѣлыми лицами, вымазанными черной и малиновой краской выбѣжали съ арены въ корридоръ. Они точно позабыли на своихъ лицахъ широкія, безсмысленныя улыбки, но ихъ груди послѣ утомительныхъ сальтомортале дышали глубоко и быстро. Ихъ вызвали и заставили еще что-то сдѣлать, потомъ еще разъ, и еще, и только, когда музыка заиграла вальсъ, и публика утихла, они ушли въ уборную, оба потные, какъ-то сразу опустившіеся, разбитые усталостью.

Незанятые въ этотъ вечеръ артисты, во фракахъ и въ панталонахъ съ золотыми лампасами, быстро и ловко опустили съ потолка большую сѣтку, притянувъ ее веревками къ столбамъ. Потомъ они выстроились по обѣ стороны прохода, и кто-то отдернулъ занавѣсъ. Ласково и кокетливо сверкнувъ глазами изъ подъ тонкихъ смѣлыхъ бровей, Генріета сбросила свой бурнусъ на руки Арбузову, быстрымъ женскимъ привычнымъ движеніемъ поправила волосы, и, взявшись съ мужемъ за руки, граціозно выбѣжала на арену. Слѣдомъ за ними, передавъ бурнусъ конюху, вышелъ и Арбузовъ.

Въ труппѣ всѣ любили смотрѣть на ихъ работу. Въ ней, кромѣ красоты и легкости движеній, изумляло цирковыхъ артистовъ доведенное до невѣроятной точности *чувство темпа*, особенное шестое чувство, врядъ-ли понятное гдѣ нибудь кромѣ балета и цирка, но необходимое при всѣхъ трудныхъ и согласованныхъ движеніяхъ подъ музыку. Не теряя даромъ ни одной секунды и соразмѣряя каждое движеніе съ плавными звуками вальса, Антоніо и Генріетта проворно поднялись подъ куполъ на высоту верхнихъ рядовъ галлереи. Съ разныхъ концовъ цирка они посылали публикѣ воздушные поцѣлуи—онъ сидя на трапеціи, она—стоя на легкомъ табуретѣ обитомъ такимъ же фіолетовымъ атласомъ, какой былъ на ея рубашкѣ, съ золотой бахромой на краяхъ и съ иниціалами А и В посрединѣ.

Все, что они дѣлали, было одновременно, согласно и, повидимому такъ легко и просто, что даже у цирковыхъ артистовъ, глядѣвшихъ на нихъ, исчезало представленіе о трудности и опасности этихъ упражненій. Скользнувъ всѣмъ тѣломъ назадъ, точно падая въ сѣтку, Антоніо вдругъ повисалъ внизъ головой и уцѣпившись ногами за стальную палку, начиналъ раскачиваться взадъ и впередъ. Генріетта, стоя на своемъ фіолетовомъ возвышеніи и держась вытянутыми руками за трапецію, напряженно и выжидательно слѣдила за каждымъ движеніемъ мужа, и вдругъ, поймавъ темпъ, отталкивалась отъ табурета ногами и летѣла на встрѣчу мужу, выгибаясь всѣмъ тѣломъ и вытягивая назадъ стройныя ноги. Ея трапеція была вдвое длиннѣе и дѣлала вдвое

большіе размахи: поэтому ихъ движенія то шли параллельно, то сходились, то расходились...

И вотъ, по какому-то незамѣтному ни для кого сигналу, она бросала палку своей трапеціи, падала ничѣмъ не поддерживаемая внизъ и вдругъ, скользнувъ руками вдоль рукъ Антоніо, крѣпко сплеталась съ нимъ кисть за кисть. Нѣсколько секундъ ихъ тѣла, связавшись въ одно гибкое сильное тѣло, плавно и широко качались въ воздухѣ, и атласныя туфельки Генріетты чертили по поднятому вверхъ краю сѣтки; затѣмъ онъ переворачивалъ ее и опять бросалъ въ пространство, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда надъ ея головою пролетала брошенная ею и все еще качающаяся трапеція, за которую она быстро хваталась, чтобы однимъ размахомъ вновь перенестись на другой конецъ цирка, на свой фіолетовый табуретъ.

Послѣднимъ упражненіемъ въ ихъ номерѣ былъ полетъ съ высоты. Шталмейстеры подтянули трапецію на блокахъ подъ самый куполъ цирка вмѣстѣ съ сидящей на ней Генріеттой. Тамъ, на семисаженной высотѣ, артистка осторожно перешла на неподвижный турникъ, почти касаясь головой стеколъ слухового окна. Арбузовъ смотрѣлъ на нее, съ усиліемъ подымая вверхъ голову, и думалъ, что, должно быть, Антоніо кажется ей теперь сверху совсѣмъ маленькимъ, и у него отъ этой мысли кружилась голова.

Убѣдившись, что жена прочно утвердилась на турникѣ, Антоніо опять скользнулъ головой внизъ и сталъ раскачиваться. Музыка, игравшая до сихъ поръ меланхолическій вальсъ, вдругъ рѣзко оборвала его и замолкла. Слышалось только однотонное, жалобное шипѣніе углей въ электрическихъ фонаряхъ. Жуткое напряженіе чувствовалось въ тишинѣ, которая наступила вдругъ среди тысячной толпы, жадно и боязливо слѣдившей за каждымъ движеніемъ артистовъ...

— Pronta!—рѣзко, увѣренно и весело крикнулъ Антоніо и бросилъ внизъ, въ сѣтку, бѣлый платокъ, которымъ онъ до сихъ поръ, не переставая качаться взадъ и впередъ, вытиралъ руки. Арбузовъ увидѣлъ, какъ при этомъ восклицаніи Генріетта, стоявшая подъ куполомъ и державшаяся обѣими руками за проволоки, нервно, быстро и выжидательно подалась всѣмъ тѣломъ впередъ.

— Attenti!—опять крикнулъ Антоніо.

Угли въ фонаряхъ тянули всю ту же жалобную, однообразную ноту, а молчаніе въ циркѣ становилось тягостнымъ и грознымъ.

— Allez!—раздался отрывисто и властно голосъ Антоніо.

Казалось, этотъ повелительный крикъ столкнулъ Генріетту съ

турника. Арбузовъ увидѣлъ, какъ въ воздухѣ, падая стремглавъ внизъ и крутясь, пронеслось что-то большое, фіолетовое, сверкающее золотыми искрами. Съ похолодѣвшимъ сердцемъ и съ чувствомъ внезапной раздражающей слабости въ ногахъ, атлетъ закрылъ глаза и открылъ ихъ только тогда, когда, вслѣдъ за радостнымъ, высокимъ, гортаннымъ крикомъ Генріетты, весь циркъ вздохнулъ шумно и глубоко, какъ великанъ, сбросившій со спины тяжкій грузъ. Музыка заиграла бѣшеный галопъ, и, раскачиваясь подъ него въ рукахъ Антоніо, Генріетта весело перебирала ногами и била ими одна о другую. Брошенная мужемъ въ сѣтку, она провалилась въ нее глубоко и мягко, но тотчасъ же, упруго подброшенная обратно, стала на ноги и, балансируя на трясущейся сѣткѣ, вся сіяющая неподдѣльной, радостной улыбкой, раскраснѣвшаяся, прелестная,—кланялась кричащимъ зрителямъ... Накидывая на нее за кулисами бурнусъ, Арбузовъ замѣтилъ, какъ часто подымалась и опускалась ея грудь и какъ напряженно бились у нея на вискахъ тонкія голубыя жилки...

V.

Звонокъ прозвонилъ антрактъ, и Арбузовъ пошелъ въ свою уборную одѣваться. Въ сосѣдней уборной одѣвался Реберъ. Арбузову сквозь широкія щели наскоро сколоченной перегородки было видно каждое его движеніе. Одѣваясь, американецъ то напѣвалъ фальшивымъ баскомъ какой-то мотивъ, то принимался насвистывать и изрѣдка обмѣнивался со своимъ тренеромъ короткими, отрывистыми словами, раздававшимися такъ странно и глухо, какъ будто бы они выходили изъ самой глубины его желудка. Арбузовъ не зналъ англійскаго языка, но каждый разъ, когда Реберъ смѣялся или когда интонація его словъ становилась сердитой, ему казалось, что рѣчь идетъ о немъ и о сегодняшнемъ состязаніи, и отъ звуковъ этого увѣреннаго, квакающаго голоса имъ все сильнѣе овладѣвало чувство страха и физической слабости.

Снявъ верхнее платье, онъ почувствовалъ холодъ и вдругъ задрожалъ крупной дрожью лихорадочнаго озноба, отъ которой затряслись его ноги, животъ и плечи, а челюсти громко застукали одна о другую. Чтобы согрѣться, онъ послалъ Гришутку въ буфетъ за коньякомъ. Коньякъ нѣсколько успокоилъ и согрѣлъ атлета, но послѣ него, также какъ и утромъ, по всему тѣлу разлилась тихая сонная усталость.

Въ уборную поминутно стучали и входили какіе-то люди. Тутъ были кавалерійскіе офицеры, съ ногами, обтянутыми, точно

трико, тѣсными рейтузами, рослые гимназисты въ смѣшныхъ узенькихъ шапкахъ и всѣ почему-то въ pince-nez и съ папиросами въ зубахъ, щеголеватые студенты, говорившіе очень громко и называвшіе другъ друга уменьшительными именами. Всѣ они трогали Арбузова за руки, за грудь и за шею, восхищались видомъ его напруженныхъ мускуловъ. Нѣкоторые ласково-одобрительно похлопывали его по спинѣ, точно призовую лошадь, и давали ему совѣты, какъ вести борьбу. Ихъ голоса то звучали для Арбузова откуда-то издали, снизу, изъ-подъ земли, то вдругъ надвигались на него и невыносимо-болѣзненно били его по головѣ. Въ то же время онъ одѣвался машинальными привычными движеніями, заботливо расправляя и натягивая на своемъ тѣлѣ тонкое трико и крѣпко затягивая вокругъ живота широкій кожаный поясъ.

Заиграла музыка, и назойливые посѣтители одинъ за другимъ вышли изъ уборной. Остался только докторъ Луховицынъ. Онъ взялъ руку Арбузова, нащупалъ пульсъ и покачалъ головой.

— Вамъ теперь бороться—чистое безуміе. Пульсъ, какъ молотокъ, и руки совсѣмъ холодныя. Поглядите въ зеркало, какъ у васъ расширены зрачки.

Арбузовъ взглянулъ въ маленькое наклонное зеркало, стоявшее на столѣ и увидѣлъ показавшееся ему незнакомымъ, большое, блѣдное, равнодушное лицо.

— Ну все равно, докторъ,—сказалъ онъ лѣниво и, поставивъ ногу на свободный стулъ, сталъ тщательно обматывать вокругъ икры тонкіе ремни туфли. Кто то, пробѣгая быстро по корридору, крикнулъ поочередно въ двери обѣихъ уборныхъ.

— Monsieur Реберъ, monsieur Арбузовъ, на манежъ!

Непобѣдимая истома вдругъ охватила тѣло Арбузова, и ему захотѣлось долго и сладко, какъ передъ сномъ, тянуться руками и спиной. Въ углу уборной были навалены большой безпорядочной кучей, черкесскіе костюмы для пантомимы III-го отдѣленія. Глядя на этотъ хламъ, Арбузовъ подумалъ, что нѣтъ ничего лучше въ мірѣ, какъ забраться туда, улечься поуютнѣе и зарыться съ головой въ теплыя, мягкія одежды.

— Надо идти,—сказалъ онъ, подымаясь со вздохомъ. Докторъ, вы знаете, что такое бумерангъ?

— Бумерангъ?—съ удивленіемъ переспросилъ докторъ.—Это, кажется, такой особенный инструментъ, которымъ австралійцы бьютъ попугаевъ. А впрочемъ, можетъ быть, вовсе и не попугаевъ... Такъ въ чемъ же дѣло?

— Просто вспомнилось... Ну, пойдемте, докторъ.

У занавѣса въ досчатомъ широкомъ проходѣ тѣснились завсегдатаи цирка, артисты, служащіе и конюхи; когда показался

Арбузовъ, они зашептались и быстро очистили ему мѣсто передъ занавѣсомъ. Слѣдомъ за Арбузовымъ подходилъ Реберъ. Избѣгая глядѣть другъ на друга, оба атлета встали рядомъ, и въ эту минуту Арбузову съ необыкновенной ясностью пришла въ голову мысль о томъ, какъ дико, безполезно, нелѣпо и жестоко то, что онъ собирается сейчасъ дѣлать. Но онъ также зналъ и чувствовалъ, что его держитъ здѣсь и заставляетъ именно такъ поступать какая-то безымянная, безпощадная сила. И онъ стоялъ неподвижно, глядя на тяжелыя складки занавѣса съ тупой и печальной покорностью.

— Готово?—спросилъ сверху, съ музыкантной эстрады чей-то голосъ.

— Готово, давай! — отозвались внизу.

Послышался тревожный стукъ капельмейстерской палочки, и первые такты марша понеслись по цирку веселыми, возбуждающими, мѣдными звуками. Кто-то быстро распахнулъ занавѣсъ, кто-то хлопнулъ Арбузова по плечу и отрывисто скомандовалъ ему—allez! Плечо о плечо, ступая съ тяжелой, самоувѣренной граціей, но по прежнему не глядя другъ на друга, борцы прошли между двухъ рядовъ выстроившихся артистовъ, и, дойдя до средины арены, разошлись въ разныя стороны.

Одинъ изъ шталмейстеровъ также вышелъ на арену и, ставъ между атлетами, началъ читать по бумажкѣ съ сильнымъ иностраннымъ акцентомъ и со множествомъ ошибокъ объявленіе о борьбѣ:

— Сейчасъ состоится борьба, по римско-французскимъ правиламъ, между знаменитыми атлетами и борцами, г. Джономъ Ребером и г. Арбузовымъ. Правила борьбы заключаются въ томъ, что борцы могутъ, какъ угодно, хватать другъ друга отъ головы до пояса. Побѣжденнымъ считается тотъ, кто коснется двумя лопатками земли. Царапать другъ друга, хватать за ноги и за волосы и душить за шею—запрещается. Борьба эта—третья, рѣшительная и послѣдняя. Поборовшій своего противника, получаетъ призъ въ 100 рублей... Передъ началомъ состязанія, борцы подаютъ другъ другу руки, какъ бы въ видѣ клятвеннаго обѣщанія, что борьба будетъ вестись ими честно и по всѣмъ правиламъ.

Зрители слушали его въ такомъ напряженномъ, внимательномъ молчаніи, что казалось будто каждый изъ нихъ удерживаетъ дыханіе. Вѣроятно это былъ самый жгучій моментъ во всемъ вечерѣ, моментъ нетерпѣливаго ожиданія. Лица поблѣднѣли, рты полураскрылись, головы выдвинулись впередъ, глаза съ жаднымъ любопытствомъ приковались къ фигурамъ атлетовъ, неподвижно стоявшихъ на брезентѣ, покрывавшемъ песокъ арены.

Оба борца были въ черномъ трико, благодаря которому ихъ туловища и ноги казались тоньше и стройнѣе, чѣмъ они были въ самомъ дѣлѣ, а обнаженныя руки и голыя шеи массивнѣе и сильнѣй. Реберъ стоялъ слегка выдвинувъ впередъ ногу, упираясь одной рукой въ бокъ, въ небрежной и самоувѣренной позѣ, и, закинувъ назадъ голову обводилъ глазами верхніе ряды. Онъ зналъ по опыту, что симпатіи галлереи будутъ на сторонѣ его противника, какъ болѣе молодого, красиваго изящнаго, а главное, носящаго русскую фамилію борца, и этимъ небрежнымъ спокойнымъ взглядомъ точно посылалъ вызовъ разглядывавшей его толпѣ. Онъ былъ средняго роста, широкій въ плечахъ и еще болѣе широкій къ тазу, съ короткими толстыми и кривыми, какъ корни могучаго дерева, ногами, длиннорукій и сгорбленный, какъ большая сильная обезьяна. У него была маленькая лысая голова съ бычачьимъ затылкомъ, который, начиная отъ макушки, ровно и плоско, безъ всякихъ изгибовъ, переходилъ въ шею, также какъ и шея, расширяясь книзу, непосредственно сливалась съ плечами. Этотъ страшный затылокъ невольно возбуждалъ въ зрителяхъ смутное и боязливое представленіе о жестокой, нечеловѣческой силѣ.

Арбузовъ стоялъ въ той обычной позѣ профессіональныхъ атлетовъ, въ которой они снимаются всегда на фотографіяхъ, т.-е. со скрещенными на груди руками и со втянутымъ въ грудь подбородкомъ. Его тѣло было болѣе, чѣмъ у Ребера, а сложеніе почти безукоризненное: шея выступала изъ низкаго вырѣза трико ровнымъ круглымъ, мощнымъ стволомъ, и на ней держалась свободно и легко красивая, рыжеватая, коротко остриженная голова съ низкимъ лбомъ и равнодушными чертами лица. Грудныя мышцы, стиснутыя сложенными руками, обрисовывались подъ трико двумя выпуклыми шарами, круглыя плечи отливали блескомъ розоваго атласа подъ голубымъ сіяніемъ элекрическихъ фонарей.

Арбузовъ пристально глядѣлъ на читающаго шталмейстера. Одинъ только разъ онъ отвелъ отъ него глаза и обернулся на зрителей. Весь циркъ сверху до низу наполненный людьми, былъ точно залитъ сплошной черной волной, на которой громоздясь одинъ надъ другимъ выдѣлялись правильными рядами бѣлыя, круглыя пятна лицъ. Какимъ-то безпощаднымъ, роковымъ холодомъ повѣяло на Арбузова отъ этой черной, безличной массы. Онъ всѣмъ существомъ понялъ что ему уже нѣтъ возврата съ этого ярко освѣщеннаго заколдованнаго круга, что чья-то чужая, огромная воля привела его сюда, и нѣтъ силы, которая могла бы заставить его вернуться назадъ. И отъ этой мысли атлетъ вдругъ почувствовалъ себя безпомощнымъ, растерянным и слабымъ, какъ заблудившійся ребенокъ, и въ его душѣ тяжело шевельнулся настоящій животный страхъ, темный инстиктивный ужасъ,

который, вѣроятно, овладѣваетъ молодымъ быкомъ, когда его вводятъ на залитый кровью асфальтъ бойни.

Шталмейстеръ кончилъ и отошелъ къ выходу. Музыка опять заиграла отчетливо, весело и осторожно, и въ рѣзкихъ звукахъ трубъ слышалось теперь лукавое, скрытое и жестокое торжество. Былъ одинъ странный моментъ, когда Арбузову представилось, что эти вкрадчивые звуки марша, и печальное шипѣніе углей, и жуткое молчаніе зрителей служатъ продолженіемъ его послѣобѣденнаго бреда, въ которомъ онъ видѣлъ тянущуюся передъ нимъ длинную, монотонную проволоку. И опять въ его умѣ кто-то произнесъ причудливое названіе австралійскаго инструмента.

До сихъ поръ однако Арбузовъ надѣялся на то, что въ самый послѣдній моментъ передъ борьбой, въ немъ, какъ это всегда бывало раньше, вдругъ вспыхнетъ злоба, а вмѣстѣ съ нею увѣренность въ побѣдѣ и быстрый приливъ физической силы. Но теперь, когда борцы повернулись другъ къ другу, и Арбузовъ въ первый разъ встрѣтилъ острый и холодный взглядъ маленькихъ голубыхъ глазъ американца, онъ понялъ, что исходъ сегодняшней борьбы уже рѣшенъ.

Атлеты пошли другъ къ другу навстрѣчу. Реберъ приближался быстрыми мягкими и упругими шагами, слегка сгибая ноги и наклонивъ впередъ свой страшный затылокъ, похожій на хищное животное, собирающееся сдѣлать скачокъ. Сойдясь на срединѣ арены, они обмѣнялись быстрымъ сильнымъ рукопожатіемъ, разошлись и тотчасъ же одновременнымъ прыжкомъ повернулись другъ къ другу лицами. И въ отрывистомъ прикосновеніи горячей, сильной, мозолистой руки Ребера, Арбузовъ почувствовалъ такую же увѣренность въ побѣдѣ, какъ и въ его колючихъ глазахъ.

Сначала они пробовали захватить другъ друга за кисти рукъ, за локти и за плечи, выворачиваясь и уклоняясь въ то же время отъ захватовъ противника. Движенія ихъ были медленны, мягки, осторожны и разсчетливы, какъ движенія двухъ большихъ кошекъ, начинающихъ играть. Упираясь виском въ високъ и горячо дыша другъ другу въ плечи, они постоянно перемѣняли мѣсто и обошли кругомъ всю арену. Пользуясь своимъ высокимъ ростомъ, Арбузовъ обхватилъ ладонью затылокъ Ребера и попробовалъ нагнуть его, но голова американца быстро, какъ голова прячущейся черепахи, ушла въ плечи, шея сдѣлалась твердой, точно стальной, а широко разставленныя ноги крѣпко уперлись въ землю. Въ то же время Арбузовъ почувствовалъ, что Реберъ изо всѣхъ силъ мнетъ пальцами его бицепсы, стараясь причинить имъ боль и скорѣе обезсилить ихъ.

Такъ они ходили по аренѣ, едва переступая ногами, не отры-

взявшись другъ отъ друга, и дѣлая медленныя, точно лѣнивыя и нерѣшительныя движенія. Вдругъ Реберъ поймавъ обѣими руками руку своего противника, съ силой рванулъ ее на себя. Не предвидѣвшій этого пріема, Арбузовъ сдѣлалъ впередъ два шага и въ ту же секунду почувствовалъ, что его сзади опоясали и подымаютъ отъ земли сильныя, сплетшіяся у него на груди руки. Инстиктивно, для того чтобы увеличить свой вѣсъ, Арбузовъ перегнулся верхней частью туловища впередъ и, на случай нападенія, широко разставилъ руки и ноги. Реберъ сдѣлалъ нѣсколько усилій притянуть къ своей груди его спину, но, видя что ему не удастся поднять тяжелаго атлета, быстрымъ толчкомъ заставилъ его опуститься на четвереньки, и самъ присѣлъ рядомъ съ нимъ на колѣни, обхвативъ его за шею и за спину.

Нѣкоторое время Реберъ точно раздумывалъ и примѣривался. Потомъ искуснымъ движеніемъ онъ просунулъ свою руку сзади, подъ мышкой у Арбузова, изогнулъ ее вверхъ, обхватилъ жесткой и сильной ладонью его шею и сталъ нагибать ее внизъ, между тѣмъ какъ другая рука, окруживъ снизу животъ Арбузова, старалась перевернуть его тѣло по оси. Арбузовъ сопротивлялся, напрягая шею, шире разставляя руки и ближе пригибаясь къ землѣ. Борцы не двигались съ мѣста, точно застывъ въ одномъ положеніи, и со стороны можно было бы подумать, что они забавляются или отдыхаютъ, если бы не было замѣтно, какъ постепенно наливаются кровью ихъ лица и шеи, и какъ ихъ напряженные мускулы все рѣзче выпячиваются подъ трико. Они дышали тяжело и громко, и острый запахъ ихъ пота былъ слышенъ въ первыхъ рядахъ партера.

И вдругъ прежняя, знакомая, физическая тоска разрослась у Арбузова около сердца, наполнила ему всю грудь, сжала судорожно за горло, и все тотчасъ же стало для него скучнымъ, пустымъ и безразличнымъ: и мѣдные звуки музыки, и печальное пѣніе фонарей, и циркъ, и Реберъ, и самая борьба. Что-то вродѣ давней привычки еще заставляло его сопротивляться, но онъ уже слышалъ въ прерывистомъ, обдававшемъ ему затылокъ дыханіи Ребера хриплые звуки, похожіе на торжествующее звѣриное рычаніе, и уже одна его рука, оторвавшись отъ земли, напрасно искала въ воздухѣ опоры. Потомъ и все его тѣло потеряло равновѣсіе, и онъ, неожиданно и крѣпко прижатый спиной къ холодному брезенту, увидѣлъ надъ собой красное, потное лицо Ребера съ растрепанными свалявшимися усами, съ оскаленными зубами, съ глазами, искаженными безуміемъ и злобой...

Поднявшись на ноги, Арбузовъ, точно въ туманѣ, видѣлъ Ребера, который на всѣ стороны кивалъ головой публикѣ. Зрители, поднявшись съ мѣстъ, кричали, какъ изступленные, двигались, ма-

хали платками, но все это показалось Арбузову давно знакомымъ сномъ,—сномъ нелѣпымъ, фантастическимъ, и въ то же время мелкимъ и скучнымъ, по сравненію съ тоской, разрывавшей его грудь. Шатаясь, онъ добрался до уборной. Видъ сваленнаго въ кучу хлама напомнилъ ему что-то неясное, о чемъ онъ недавно думалъ, и онъ опустился на него, держась обѣими руками за сердце и хватая воздухъ раскрытымъ ртомъ.

Внезапно вмѣстѣ съ чувствомъ тоски и потери дыханія, имъ овладѣли тошнота и слабость. Все позеленѣло въ его глазахъ, потомъ стало темнѣть и проваливаться въ глубокую черную пропасть. Въ его мозгу рѣзкимъ высокимъ звукомъ, точно тамъ лопнула тонкая струна кто-то явственно и раздѣльно крикнулъ: бу-ме-рангъ! Потомъ все исчезло: и мысль и сознаніе и боль и тоска. И это случилось такъ же просто и быстро, какъ если бы кто дунулъ на свѣчу, горѣвшую въ темной комнатѣ, и погасилъ ее...

А. Купринъ.

ALBUM-BLÄTTER.

1.

Какъ иногда съ прогулокъ лѣтомъ
Мы возвращаемся домой
Въ вечерній часъ съ простымъ букетомъ,
Небрежно связаннымъ тесьмой;

Тамъ, вмѣсто буквицы пахучей
И медуницъ, и васильковъ,
Я приношу цвѣты созвучій
Изъ отдаленныхъ уголковъ.

И съ каждымъ словомъ оживая,
Опять встаютъ передо мной:
И лѣсъ, и даль береговая,
Извилины тропы лѣсной.

Вечерній воздухъ, полный ласки
И тѣнь березъ вокругъ скамьи,
Я помню все: лучи и краски
И шумъ вѣтвей, и звонъ струи.

2.

Вѣтерокъ едва колышетъ
Порѣдѣвшую листву,
Грудь вольнѣй и легче дышитъ,
Я мечтаю, и—живу.

Далекò—заботы бремя,
Затихаетъ боль души,
Надо мной безсильно время
Въ очарованной глуши.

Тишина—въ аллеяхъ парка,
Въ сердцѣ—та же тишина,
Межъ листвою блещутъ ярко
Золотистые тона́.

Нити бѣлой паутины
Протянулись межъ кустовъ,
И усыпаны куртины
Лепестками отъ цвѣтовъ.

Пахнетъ влажною травою,
Въ небесахъ—блѣднѣе лучъ,
Подъ увядшею листвою
Пересохъ въ оврагѣ ключъ.

Рдѣетъ, солнцемъ озаренный,
Старый кленъ, одѣтъ въ багрецъ,
И съ улыбкой примиренной
Все привѣтствуетъ конецъ.

О. Чюмина.

ОСЕНЬЮ.

ЭСКИЗЪ.

I.

Около одиннадцати часовъ вечера, когда мы всѣ сидѣли въ гостиной, наступило на минуту молчаніе среди разговора, и, воспользовавшись этимъ, она тотчасъ же встала съ мѣста и какъ бы мелькомъ взглянула на меня.

— Ну, мнѣ пора,—сказала она съ легкимъ вздохомъ, и у меня дрогнуло сердце отъ предчувствія какой-то большой радости и тайны между нами. Я не отходилъ отъ нея весь вечеръ и весь вечеръ ловилъ въ ея глазахъ затаенный блескъ, а въ разговорахъ разсѣянность и едва замѣтную, но совершенно новую ласковость. Теперь я вдругъ почувствовалъ, что наступилъ рѣшительный моментъ. Въ тонѣ, какимъ она какъ бы съ сожалѣніемъ сказала, что ей пора уходить, мнѣ почудился скрытый смыслъ,— то, что она знала, что я выйду съ нею.

— Вы тоже?—полутвердительно спросила она, видя, что я беру шляпу. — Значитъ, вы проводите меня, — прибавила она вскользь и, слегка не выдержавъ роли, застѣнчиво улыбнулась, оглядываясь.

— Ну, до свиданія,—ласково сказала она хозяйкѣ.

Мужчины встали, и въ сдержанности, съ какой они опустили руки, была неподдѣльная почтительность передъ нею. Стройная и гибкая, какъ всѣ южанки съ примѣсью итальянской крови, она легкимъ и привычнымъ движеніемъ руки захватила юбку чернаго атласнаго платья и еще разъ, уже всѣмъ, улыбнулась на прощанье. И въ этой улыбкѣ, въ молодомъ, изящномъ лицѣ, въ черныхъ глазахъ и волосахъ, — даже, казалось, въ тонкой ниткѣ жемчуга на шеѣ и блескѣ бриллiантовъ въ серьгахъ—во всемъ была застѣнчивость дѣвушки, которая любитъ впервые. И пока ее просили передать поклоны ея мужу, а потомъ помогали ей въ прихожей одѣваться, я держался въ сторонѣ, а самъ считалъ секунды, боясь, что кто-нибудь выйдетъ съ нами.

Но вотъ мы пожали руку хозяину, нѣсколько голосовъ сразу сказало „до свиданья“, и дверь, изъ которой на мгновеніе упала въ темный большой дворъ полоса свѣта, мягко захлопнулась. Подавляя нервную дрожь и чувствуя во всемъ тѣлѣ необычную легкость, я взялъ ее подъ руку и заботливо сталъ сводить съ крыльца, предупреждая о ступенькахъ.

— Вы хорошо видите?—спросила она, глядя подъ ноги. И въ голосѣ ея опять послышались и застѣнчивость, и поощряющая привѣтливость.

Я поспѣшилъ отвѣтить неестественно-оживленно и, наступая на лужи и листья, наугадъ повелъ ее по двору мимо обнаженныхъ акацій и уксусныхъ деревьевъ, которыя гулко и упруго, какъ корабельныя снасти, гудѣли подъ влажнымъ и сильнымъ вѣтромъ южной ноябрьской ночи.

— Воображаю, какой штормъ теперь на морѣ!—заговорилъ я машинально, все болѣе волнуясь и не зная, какъ сказать главное и нужное.

— Теперь, должно быть, очень поздно,—перебила она безпокойно, прислушиваясь къ шуму деревьевъ.—Я уже третій вечеръ не дома и мнѣ ужасно стыдно передъ своими...

— Какъ поздно?—возразилъ я, на мгновеніе растерявшись.—Какъ поздно, когда еще одиннадцати нѣтъ? И неужели вы домой?—прибавилъ я внезапно, останавливаясь и понижая голосъ.

Она тоже пріостановилась.

— А куда же?—спросила она изумленно и почти строго.

За рѣшетчатыми воротами свѣтился фонарь моего экипажа. Я взглянулъ на него, потомъ на ея лицо и вспомнилъ то, что она уже давно обѣщала мнѣ,—поѣздку за городъ.

— Къ морю,—выговорилъ я тихо.

Тогда, не отвѣчая, она взяла своей маленькой, узкой отъ перчатки рукой желѣзный прутъ воротъ и безъ моей помощи откинула половину ихъ въ сторону. Поспѣшно прошла она къ экипажу и сѣла въ него, также быстро сѣлъ и я рядомъ съ нею и, накидывая на ея колѣни плэдъ, негромко, но увѣренно сказалъ кучеру:

— За городъ, по прибрежной дорогѣ.

II.

Мы мелькомъ взглянули другъ на друга, но, помню, первое время долго не могли сказать ни слова. То, что тайно волновало насъ послѣдній мѣсяцъ, было теперь сказано, и мы замолчали только потому, что сказали это слишкомъ ясно и неожиданно.

Я беззвучно прижалъ ея руку къ своимъ губамъ и, взволнованный, отвернулся и сталъ пристально глядѣть въ сумрачную даль бѣгущей навстрѣчу намъ улицы. Я еще боялся ея и, когда на мой вопросъ,—не холодно ли ей,—она только съ слабой улыбкой шевельнула губами, не въ силахъ отвѣтить, я понялъ, что и она боится меня. Но на пожатье руки она отвѣтила благодарно и крѣпко.

Коляска быстро и по одной линіи мчалась вдоль полутемной улицы уже безлюднаго и сонна̀го города. Южный вѣтеръ шумѣлъ въ деревьяхъ на бульварахъ, колебалъ пламя рѣдкихъ газовыхъ фонарей на перекресткахъ и скрипѣлъ вывѣсками надъ дверями запертыхъ лавокъ. Иногда какая-нибудь сгорбленная фигура выростала вмѣстѣ съ своею шаткой тѣнью подъ большимъ качающимся фонаремъ таверны, но исчезалъ фонарь за нами—и опять на улицѣ было пусто, и только сырой вѣтеръ мягко и непрерывно билъ откуда-то изъ темноты по лицамъ. Изъ-подъ переднихъ колесъ брызгами сыпалась въ разныя стороны грязь, и она, казалось, съ интересомъ слѣдила за ними. Я взглядывалъ иногда на ея опущенныя рѣсницы и склоненный подъ шляпой профиль, чувствовалъ всю ее такъ близко отъ себя, слышалъ тонкій запахъ ея волосъ, и меня волновалъ даже гладкій и нѣжный мѣхъ соболя на ея шеѣ.

— Направо, — сказалъ я кучеру, молчаливому австрійцу, когда впереди показались лиловато-бѣлые электрическіе шары на главной улицѣ.

И за два квартала до нея онъ свернулъ на Старо-Бессарабскую, такую широкую, пустую и длинную, что, казалось, ей нѣтъ конца. Здѣсь почти уже совсѣмъ не было фонарей и только въ рѣдкихъ домахъ свѣтились окна сквозь жалюзи и ставни. Когда-же коляска миновала старые еврейскіе ряды и базаръ, мостовая сразу кончилась, точно оборвалась подъ нами. Отъ толчка на новомъ поворотѣ она покачнулась, и я невольно обнялъ ее. Она взглянула впередъ,—потомъ обернулась ко мнѣ. Мы встрѣтились лицомъ къ лицу, въ ея глазахъ не было больше ни страха, ни колебанія,—легкая застѣнчивость сквозила только въ напряженной улыбкѣ,—и тогда я, не сознавая, что дѣлаю, на мгновеніе крѣпко прильнулъ къ ея губамъ. Не выпуская моей руки изъ своей, она отвѣтила робкимъ и быстрымъ поцѣлуемъ и, смутившись, но уже тономъ близкаго человѣка, машинально проговорила:

— Закрой мнѣ пледомъ ноги...

Я заботливо, какъ женѣ, окуталъ ей пледомъ колѣни, а въ душѣ у меня все затрепетало отъ неудержимой радости. О, это первое „ты“ послѣ перваго поцѣлуя! Въ моей радости уже не

было ни тревоги, ни сомнѣній, но мнѣ еще сладко было сдерживать ее внутри себя. И опять, переглянувшись, мы невольно отвернулись другъ отъ друга и стали пристально слѣдить за брызгами летѣвшей изъ-подъ колесъ грязи...

III.

Въ темнотѣ мелькали высокіе силуэты телеграфныхъ столбовъ вдоль дороги,—наконецъ, пропали и они, свернули куда-то въ сторону и скрылись. Небо, которое надъ городомъ было черно и все-таки отдѣлялось отъ его слабо освѣщенныхъ улицъ, совершенно слилось здѣсь съ землею, и насъ окружилъ сырой и вѣтряный мракъ. Я оглянулся назадъ. Огни города, расположеннаго въ долинѣ, тоже исчезали,—они были разсыпаны точно гдѣ-то въ темномъ морѣ,—а впереди мерцалъ только одинъ огонекъ, такой одинокій и отдаленный, точно онъ былъ на краю свѣта. То была старая молдаванская корчма на большой дорогѣ, и оттуда несло сильнымъ вѣтромъ, который путался и торопливо шуршалъ въ изсохшихъ стебляхъ кукурузы.

— Куда мы ѣдемъ?—спросила она, сдерживая дрожь въ голосѣ. Но глаза ея блестѣли,—наклонившись къ ней, я различалъ ихъ въ темнотѣ,—и въ нихъ было какое-то странное и вмѣстѣ съ тѣмъ счастливое выраженіе.

— Къ дачамъ за маяками,—сказалъ я.—Ты боишься?

Она закрыла глаза и съ улыбкой покачала головой.

— Тамъ теперь жутко, какъ на картинѣ Бэклина,—сказалъ я.—Я люблю тебя, я хотѣлъ-бы затеряться съ тобой въ темнотѣ этой непонятной ночи... Слушай, какъ все это случилось?

— Не знаю,—отвѣтила она медленно, опять качая головой.—Скажи лучше: правда, что ты любилъ меня и раньше... до сегодняшняго вечера?

Вѣтеръ торопливо шуршалъ и бѣжалъ, путаясь въ кукурузѣ, лошади быстро неслись ему навстрѣчу. На нѣсколько минутъ, горизонтально освѣщая темноту въ отдаленіи, показались два далеко разставленные другъ отъ друга маяка, два большихъ зловѣщихъ огня, висѣвшихъ гдѣ-то въ воздухѣ. Потомъ одинъ изъ нихъ сталъ опускаться и меркнуть, точно уходя въ землю, а второй какъ будто выросъ и загорѣлся виднѣе и ярче, кидая вправо отъ себя длинную бѣлесо-дымчатую полосу. Когда же она внезапно повернулась куда-то по направленію къ морю и потухла, только ночь и темнота остались съ нами. Казалось, что теперь уже надолго кончились обитаемыя мѣста. Снова куда-то мы свернули, и вѣтеръ сразу измѣнился, сталъ влажнѣе и прохладнѣе и еще безпокойнѣй заметался вокругъ насъ, играя,

какъ крыльями, капюшономъ моего плаща. Она низко наклонила противъ вѣтра голову, потомъ повернулась ко мнѣ.

— А вѣдь правда!—сказала она вполголоса.—Куда мы ѣдемъ, и къ чему эта странная случайная ночь? Я даже мечтать разучилась о такихъ ночахъ, и что будетъ завтра, послѣзавтра?.. Откуда ты и кто ты?—прибавила она, съ изумленной улыбкой раскрывая блестѣвшіе въ темнотѣ глаза.—Ты понимаешь, что я хочу сказать? Я какъ будто въ первый разъ вижу тебя и вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ такъ хорошо съ тобой, точно я во снѣ!

— Не надо думать!—отвѣтилъ я.—Я знаю только то, что все это нужно и мнѣ, и тебѣ и что я люблю тебя...

„Можетъ быть, мы и въ самомъ дѣлѣ сошли съ ума!“ добавилъ я мысленно, полной грудью вдыхая вѣтеръ. И мнѣ все сильнѣе хотѣлось, чтобы все темное, слѣпое и непонятное, что было въ этой ночи, было еще непонятнѣе и смѣлѣе. Ночь, которая казалась въ городѣ обычной ненастной ночью, была здѣсь, въ полѣ, совсѣмъ иная. Въ ея темнотѣ и вѣтрѣ было теперь что-то большое и властное, и когда, наконецъ, послышался сквозь шорохъ бурьяновъ какой-то ровный и однообразный шумъ вдали, мнѣ стало жутко и бѣшено-весело.

— Море?—спросила она.

— Море,—сказалъ я.—Это уже послѣднія дачи.

А въ поблѣднѣвшей темнотѣ, къ которой мы приглядывались, между тѣмъ, выростали влѣво отъ насъ огромные и угрюмые силуэты тополей въ дачныхъ садахъ, спускавшихся къ морю. Шорохъ колесъ и топотъ копытъ по грязи, отдаваясь отъ садовыхъ оградъ, на минуту сталъ явственнѣе, но скоро ихъ заглушилъ приближающійся гулъ деревьевъ, въ которыхъ метался вѣтеръ и шумъ моря. Промелькнуло нѣсколько наглухо забитыхъ виллъ въ садахъ, смутно бѣлѣвшихъ въ темнотѣ и казавшихся мертвыми... Потомъ тополи разступились, и внезапно въ пролетѣ между ними пахнуло широкой влажностью,—тѣмъ вѣтромъ, который прилетаетъ къ землѣ съ огромныхъ водяныхъ пространствъ и кажется ихъ свѣжимъ дыханіемъ...

— Остановись,—сказалъ я, трогая за рукавъ кучера.

Она взглянула на меня.

— Пріѣхали?—спросила она удивленно.

— Да,—отвѣтилъ я, беря ее подъ руку.

Лошади остановились.

И тотчасъ же ровный и величавый ропотъ, въ которомъ чувствовалась огромная тяжесть воды, и безпорядочный гулъ деревьевъ въ безпокойно дремавшихъ садахъ стали слышнѣе, и мы быстро пошли по листьямъ и лужамъ, среди какой-то высокой аллеи къ обрывамъ...

IV.

Море гудѣло подъ нами необычно-грозно. Оно какъ будто хотѣло выдѣлиться изъ всѣхъ шумовъ этой тревожной и полусонной ночи. Огромное, теряющееся изъ глазъ въ пространствѣ, оно лежало глубоко внизу, далеко бѣлѣя сквозь сумракъ бѣгущими къ землѣ гривами пѣны. Все было дико и мощно въ немъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ величественно и прекрасно, что мы спѣшили къ нему, не разбирая дороги. Гораздо болѣе страшенъ былъ безпорядочный гулъ старыхъ липъ и тополей за оградой сада, мрачнымъ островомъ выроставшаго на скалистомъ прибрежьи. Чувствовалось, что въ этомъ безлюдномъ мѣстѣ властно царитъ теперь ночь поздней осени, и старый большой садъ, забитый на зиму домъ и раскрытыя бесѣдки по угламъ ограды производили жуткое впечатлѣніе своей заброшенностью. Одно море гудѣло ровно, побѣдно и, казалось, все величавѣе въ сознаніи своей силы. Влажный вѣтеръ валилъ съ ногъ на обрывѣ, и остановясь надъ нимъ, мы долго не въ состояніи были насытиться его мягкой, до глубины души проникающей свѣжестью. Потомъ, невольно прижимаясь другъ къ другу, скользя по мокрымъ глинистымъ тропинкамъ и остаткамъ деревянныхъ лѣстницъ, мы поспѣшно и невольно стали спускаться внизъ, къ сверкающему пѣной прибою.

— Не упади!—крикнулъ я на послѣднемъ обрывѣ, протягивая къ ней обѣ руки.

Она покорно отдалась въ нихъ, и это былъ послѣдній моментъ нашего смущенія другъ передъ другомъ. Ставъ на гравій, мы тотчасъ же отскочили въ сторону отъ волны, разбившейся о камни цѣлымъ снопомъ брызгъ, и, переглянувшись, засмѣялись.

— Посмотри скорѣе вверхъ,—сказала она.

Я взглянулъ на обрывъ,—тамъ высились и гудѣли черные тополи, а подъ нами, какъ бы въ отвѣтъ имъ, жаднымъ и бѣшенымъ прибоемъ играло море. Высокія долетающія до насъ волны съ грохотомъ пушечныхъ выстрѣловъ рушились на берегъ, крутились и сверкали цѣлыми водопадами снѣжной пѣны, рыли песокъ и камни и, убѣгая назадъ, увлекали спутанные водоросли, илъ и гравій, который гремѣлъ и скрежеталъ въ ихъ влажномъ шумѣ. И весь воздухъ былъ полонъ тонкой, прохладной пылью, все вокругъ дышало вольной свѣжестью моря. Темнота блѣднѣла все болѣе, и море уже ясно видно было на далекое пространство.

— И мы одни!—сказала она, закрывая глаза отъ вѣтра и какъ бы дополняя словами все, что окружало насъ...

V.

Мы были одни... Обнимая ее, я цѣловалъ ея губы, упиваясь ихъ нѣжностью и влажностью, цѣловалъ глаза, которые она подставляла мнѣ, прикрывая ихъ съ улыбкой, цѣловалъ похолодѣвшее отъ морского вѣтра лицо, а когда она сѣла на камень, сталъ передъ нею на колѣни, обезсиленный своей радостью.

— А завтра?—говорила она надъ моею головою.

И я поднималъ голову и смотрѣлъ ей въ лицо. За мною жадно бушевало море, надъ нами высились и гудѣли тополи...

— Что завтра?—повторилъ я ея вопросъ и почувствовалъ, какъ у меня дрогнулъ голосъ отъ слезъ непобѣдимаго счастья.—Что завтра?—сказалъ я, смѣясь, и поцѣловалъ ея грудь сквозь одежду.—Я, который упивается близостью къ тебѣ, къ твоей красотѣ и молодости, кому ты всѣмъ существомъ своимъ говоришь: я твоя, ты достоинъ меня,—что я могу сказать теперь тебѣ?

Она долго не отвѣчала мнѣ, потомъ протянула мнѣ руку и я сталъ снимать перчатку, цѣлуя и руку, и перчатку и наслаждаясь ихъ тонкимъ, женственнымъ запахомъ.

— Да!—сказала она медленно, и я близко видѣлъ въ звѣздномъ свѣтѣ ея блѣдное и счастливое лицо.—Какъ все это похоже на сонъ, на мечты, какъ горько мнѣ почему-то и въ то же время какъ необычно хорошо! Когда я была дѣвушкой, я безъ конца мечтала о счастьи, но все оказалась такъ скудно и обыденно, что теперь эта, можетъ быть, единственная счастливая ночь въ моей жизни кажется мнѣ не похожей на дѣйствительность и преступной. Завтра все это покажется еще болѣе сномъ, завтра я сама съ ужасомъ вспомню эту ночь, но теперь мнѣ все равно... Я люблю тебя,—говорила она тихо и вдумчиво, какъ бы говоря только для самой себя, и медленно перебирала мои волосы.

Говорила ли она именно такъ и было ли въ дѣйствительности все то, что вспоминается мнѣ? Я не знаю этого, да и нужна ли людямъ только правда и правда?

Рѣдкія, голубоватыя звѣзды мелькали между тучами надъ нами, и небо понемногу расчищалось, и тополи на обрывахъ чернѣли рѣзче, и море все болѣе отдѣлялось отъ далекихъ горизонтовъ. Была ли она лучше другихъ, которыхъ я любилъ, или нѣтъ, я тоже не знаю, но въ эту ночь она была несравненной. И когда я цѣловалъ атласъ платья на ея колѣняхъ, а она въ отвѣтъ на мои безконечныя признанія и планы на будущее тихо смѣялась сквозь слезы и обнимала мою голову, я смотрѣлъ на нея съ восторгомъ безумія, и въ тонкомъ звѣздномъ свѣтѣ ея блѣдное, счастливое и въ то же время усталое лицо казалось мнѣ прекрасно, какъ у безсмертной.

Ив. Бунинъ.

ПЕРВЫЙ СЪѢЗДЪ МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦІАЦІИ АКАДЕМІЙ.

Въ настоящемъ году зародилось новое ученое Общество, отличающееся отъ всѣхъ остальныхъ какъ по грандіознымъ размѣрамъ научныхъ задачъ, которымъ оно намѣрено посвятить свою дѣятельность, такъ и по своему составу. Въ настоящее время, въ моментъ своего зарожденія, оно включаетъ въ себѣ 19 академій, или, правильнѣе, первоклассныхъ Обществъ и, повидимому, все позволяетъ надѣяться, что съ каждымъ годомъ число это будетъ возрастать.

Называется это Общество *Международной Ассоціаціей академій*; названіе не совсѣмъ точное, такъ какъ иниціаторами этого Общества были, кромѣ академій (Берлина, Вѣны и Мюнхена), три ученыхъ Общества: Королевское Общество наукъ въ Геттингенѣ, Королевское Общество наукъ въ Лейпцигѣ и Лондонское Королевское Общество *).

Оффиціальное открытіе Международной Ассоціаціи академій послѣдовало 16-го апрѣля (по новому стилю) въ Парижѣ, въ конференцъ-залѣ института (Palais de l'Institut de France).

Открытію его предшествовали двѣ конференціи: въ Висбаденѣ въ 1899-мъ и въ Парижѣ, въ 1900 году.

Исторія возникновенія Международной Ассоціаціи академій слѣдующая: мысль о ея учрежденіи возникла въ 1898 году на съѣздѣ представителей вышепоименованныхъ академій и ученыхъ обществъ. Первое предложеніе нашей академіи о принятіи участія въ этой Ассоціаціи было сдѣлано въ 1898 году со стороны президента Лондонскаго королевскаго Общества, Листера. Въ письмѣ отъ 17-го ноября 1898 года онъ пишетъ: «Въ теченіе прошлыхъ годовъ Королевское Общество неоднократно брало на себя починъ въ ученыхъ предпріятіяхъ, непосильныхъ для одной страны и достигаемыхъ только при участіи нѣсколькихъ государствъ. Еще недавно Королевское Общество имѣло случай убѣдиться на практикѣ въ плодотворномъ соглашеніи между учеными обществами, именно въ Геттингенѣ, на происходившихъ тамъ совѣщаніяхъ делегатовъ Лондонскаго королевскаго Обще-

*) Тѣмъ не менѣе во всемъ послѣдующемъ изложеніи, для избѣжанія недоразумѣній, я буду обозначать всѣ, вошедшія въ составъ Международной Ассоціаціи ученыя общества—академіями.

ства съ представителями нѣмецкихъ академій Геттингена, Лейпцига, Мюнхена и Вѣны. Отсюда возникла мысль о возможности установленія тщательно организованныхъ періодическихъ совѣщаній между главнѣйшими академіями для обсужденія научныхъ вопросовъ, требующихъ для разрѣшенія международнаго соглашенія». Для достиженія намѣченной цѣли, Листеръ нашелъ необходимымъ обратиться къ первенствующимъ академіямъ Европы съ предложеіемъ: *уподно ли имъ созывать въ установленные сроки, періодическіе съѣзды или совѣщанія?*

Съ этимъ вопросомъ обратился Листеръ по порученію Совѣта Королевскаго Общества, и къ нашей академіи, присовокупивъ, что если предложеніе это будетъ принято нами сочувственно, то Совѣтъ озаботится присылкой намъ и самаго проекта, когда онъ будетъ выработанъ въ окончательной формѣ. Въ этомъ же письмѣ сообщается, что Совѣтомъ Королевскаго Общества приняты мѣры къ полученію отзывовъ по этому вопросу и отъ другихъ академій важнѣйшихъ европейскихъ государствъ.

Со стороны нашей академіи выражено было Листеру полное сочувствіе его предложенію.

Въ 1899 году непремѣнный секретарь Берлинской академіи наукъ Дильсъ, состоящій членомъ корреспондентомъ Императорской академіи наукъ въ Петербургѣ, увѣдомилъ нашу академію, что, согласно постановленію съѣзда въ Мюнхенѣ нѣмецкихъ академій и по соглашенію съ Королевскимъ Обществомъ въ Лондонѣ, онъ приглашаетъ, отъ имени Берлинской академіи, Императорскую академію наукъ принять участіе въ конференціи, назначенной въ Висбаденѣ» на 9-е и 10-е октября (нов. стиля) и имѣющей цѣлью основаніе Международной Ассоціаціи академій.

Приглашенными Берлинской академіей на конференцію оказались: Королевское Общество наукъ въ Геттингенѣ, Королевское Общество наукъ въ Лейпцигѣ; академіи въ Мюнхенѣ, Парижѣ, Римѣ, Вашингтонѣ и въ Вѣнѣ. Задача конференціи состояла въ томъ, чтобы выработать планъ и способъ совмѣстной, въ случаѣ надобности, научной дѣятельности приглашенныхъ къ участію въ Международной Ассоціаціи ученыхъ обществъ и принятіе мѣръ для облегченія и развитія между ними сношеній и обмѣна научными предметами.

Принявъ приглашеніе, Академія наша назначила своими делегатами въ Висбаденъ академика Залемана и меня. Въ засѣданіяхъ конференціи приняли участіе делегаты всѣхъ приглашенныхъ академій за исключеніемъ Academia dei Lincei въ Римѣ, прислашей заявленіе сочувствія и въ то же время сожалѣнія, что не можетъ принять участія въ Висбаденской конференціи; въ засѣданіяхъ принимали такимъ образомъ участіе представители девяти академій.

Восьмого октября (27-го сентября) вечеромъ состоялось Собраніе делегатовъ академій съ цѣлью взаимнаго ознакомленія и предваритель-

наго обсужденія вопросовъ, намѣченныхъ въ проектѣ, составленнаго Берлинской академіей устава учреждаемой Ассоціаціи. Кромѣ того на этомъ же Собраніи розданъ былъ еще другой проектъ, *Фостера* и *Будвича*. Оба проекта и послужили основой при обсужденіи устава Ассоціаціи.

Мнѣнія съѣхавшихся делегатовъ оказались на предварительномъ совѣщаніи настолько различными, что многими высказывалось опасеніе относительно возможности достигнуть соглашенія.

Тѣмъ не менѣе, благодаря талантливому веденію преній предсѣдателемъ собранія, берлинскимъ астрономомъ Ауэрсомъ, и дружной работѣ остальныхъ членовъ конференціи, проектъ Ассоціаціи удалось выработать въ три Общихъ Собранія. Въ заключеніе редакція его въ окончательной формѣ была принята единогласно. Кромѣ того, на конференціи въ Висбаденѣ выбраны были еще *девять* академій, которымъ рѣшено было послать составленный проектъ устава Ассоціаціи, съ приглашеніемъ присоединиться къ послѣдней.

Приглашены были слѣдующія девять академій: 1) академія въ Амстердамѣ, 2) Брюсселѣ, 3) Буда-Пештѣ, 4) Христіаніи, 5) Копенгагенѣ, 6) Мадридѣ, 7) Академія надписей и словесности въ Парижѣ, 8) Академія нравственныхъ и политическихъ наукъ въ Парижѣ и 9) Академія въ Стокгольмѣ. Въ заключеніе положено было:

1) Сообщить рѣшенія конференціи участвовавшимъ въ ней академіямъ и ученымъ обществамъ, а также и Академіи dei Lincei въ Римѣ.

2) Просить вышеназванныя академіи сообщить Берлинской академіи свои сужденія о проектѣ Ассоціаціи, которая взяла на себя трудъ доставить вышеназваннымъ академіямъ всѣ имѣющія поступить заявленія, а также и свое заключеніе по этому предмету.

3) Считать статуты Ассоціаціи вошедшими въ силу, по полученіи согласія отъ шести академій.

По предложенію Лондонскаго Королевскаго Общества, мѣстомъ перваго оффиціальнаго собранія Ассоціаціи выбранъ Парижъ и предположено собраться въ 1900 году.

Въ 1900 году послѣдовало однако отъ Парижской Академіи наукъ приглашеніе не на съѣздъ, а на вторую предварительную конференцію, состоявшуюся 31-го іюля и продолжавшуюся два дня.

Конференціи этой предложены были на обсужденіе слѣдующіе предметы:

1) проектъ правилъ комитета;

2) предложенія, поступившія отъ Лондонскаго Королевскаго Общества, академіи Берлинской и Парижской академіи наукъ;

3) проектъ измѣненія статутовъ, предложенный Національной Академіей въ Вашингтонѣ, сопровождаемый сочувственнымъ отзывомъ Лондонскаго королевскаго Общества;

4) опредѣленіе юридическихъ правъ Ассоціаціи на принятіе пожертвованій;

5) распредѣленіе занятій на предстоящемъ общемъ собраніи Ассоціаціи и назначеніе дня открытія перваго съѣзда Международной Ассоціаціи академій.

Конференціей этой установлены правила для комитета; остальныя же предложенія рѣшено было передать на обсужденіе ближайшаго общаго собранія Международной Ассоціаціи, заблаговременно оповѣстивъ о нихъ вошедшія въ составъ Ассоціаціи академіи. Опредѣленъ, кромѣ того, порядокъ занятій на предстоящемъ общемъ собраніи, днемъ открытія котораго назначено 16-ое апрѣля (по новому стилю) 1901 года, въ конференцъ залѣ Парижскагоинститута.

Согласно постановленію конференціи и состоялось 16-го апрѣля, въ 9½ часовъ утра, въ конференцъ-залѣ института первое общее собраніе Международной Ассоціаціи академій. Въ собраніи приняли участіе 19 вошедшихъ въ Ассоціацію академій; число назначенныхъ делегатовъ достигло 72; за немногими исключеніями, всѣ присутствовали. Засѣданіе было открыто непремѣннымъ секретаремъ института Дарбу, который, состоя предсѣдателемъ комитета, былъ избранъ и предсѣдателемъ Общаго Собранія.

Привожу дословный переводъ его блестящей рѣчи, которая, кромѣ привѣтствія, обращеннаго къ членамъ Ассоціаціи, заключаетъ и разъясненіе важнаго значенія ассоціаціи для успѣшной и дружной разработки научныхъ вопросовъ вообще и въ особенности вопросовъ, непосильныхъ не только для одного лица, но и для отдѣльной націи:

Милостивые государи и дорогіе товарищи!

Наша юная Ассоціація, основанная лишь четырнадцать или пятнадцать мѣсяцевъ назадъ, выполняетъ послѣдовательно и при самыхъ счастливыхъ предзнаменованіяхъ все подготовленное и предусмотрѣнное уставомъ. 19-го и 20-го сего марта прошлаго года, имѣя за собою всего 6 недѣль существованія, она принесла свои искреннія поздравленія Берлинской академіи, по случаю празднованія послѣднею двухсотлѣтія со дня ея основанія. 31-го прошлаго іюля мѣсяца здѣсь собрались всѣ, кого можно назвать «исполнительною властью»—комитетъ нашей Ассоціаціи. Сегодня мы открываемъ наше первое Общее Собраніе и можемъ съ удовольствіемъ засвидѣтельствовать, что всѣ Академіи, составляющія Ассоціацію (академіи учредительницы) отвѣтили на сдѣланное приглашеніе. Оцѣнивъ вполнѣ важность этого перваго собранія, онѣ позаботились о возможно полномъ своемъ представительствѣ на собраніи. Изъ 18-ти академій, составляющихъ Ассоціацію, только одна, Вашингтонская, не будетъ имѣть представителя. Делегатъ, ея профессоръ Линкольнъ Гоудаль, директоръ ботаническаго сада Гарвардскаго университета, задержанный упорнымъ гриппомъ въ Женевѣ, прислалъ намъ заявленіе искренняго сожалѣнія, что лишенъ возможности участія въ нашемъ собраніи. Желая быстраго и полнаго выздоровленія сотоварищу, объ отсутствіи котораго очень сожалѣемъ, мы привѣтствуемъ въ то же время сердечно отъ имени французскаго правительства всѣхъ делегатовъ, здѣсь присутствующихъ. Институтъ, гостепріимно раскрывъ двери делегатамъ, постарается сдѣлать возможно пріятнымъ ихъ пребываніе среди насъ. Пусть они унесутъ самыя лучшія воспоминанія о недѣлѣ, которую мы употребимъ вмѣстѣ съ ними на организацію дѣла, ради котораго мы соединились здѣсь. Что это дѣло вполнѣ отвѣчаетъ насущной потребности, доказываетъ быстрота, съ которой примкнули приглашенныя къ участію въ немъ ученыя корпораціи. Прошло

время (о которомъ нѣкоторые и теперь сожалѣютъ), когда научная работа велась въ разбродъ, когда произведеніе ученаго или писателя являлось трудомъ ученаго, замкнувшагося въ своемъ кабинетѣ.

Еще въ началѣ 17-го вѣка канцлеръ Бэконъ призналъ необходимымъ предложить учрежденіе ассоціаціи для научныхъ разслѣдованій, съ цѣлью расширить знаніе и могущество людей до послѣднихъ предѣловъ.

Одаренный могущественнымъ воображеніемъ Бэконъ выработалъ до мельчайшихъ подробностей планъ этого любопытнаго учрежденія, названнаго имъ «le Collège de l'oeuvre de six jours ou la maison de Salomon». Въ зданіи этомъ предполагалось устроить башни и пещеры, пруды, колодцы, сады, лабораторіи, и снабдить его инструментами и машинами. Многочисленные, предполагаемые члены этого учрежденія, подъ разными причудливыми наименованіями, какія только Бэконъ умѣлъ придумывать, должны были распредѣлить между собою возлагаемыя на нихъ работы, состоящія въ разнообразныхъ теоретическихъ изысканіяхъ, командировкахъ за границу, въ обученіи наукамъ и ихъ приложенія къ жизни. Полный вѣры въ свои идеи, Бэконъ испрашивалъ у своего государя средства для немедленнаго осуществленія задуманнаго имъ учрежденія, твердо памятуя, что, по прекрасному выраженію Кондорсе, «бываютъ препятствія, преодолѣть которыя можетъ только время, и имѣются работы не разрѣшимыя безъ твердой и продолжительно къ одной опредѣленной цѣли, направленной воли, безъ громадныхъ средствъ и дружныхъ усилій большаго числа ученыхъ».

Вы знаете, милостивые государи, что проектъ Бэкона не былъ осуществленъ: я прибавлю, что и въ настоящее время не могъ бы осуществиться. Наука, понимаемая ее въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, заняла въ современномъ обществѣ столь большое мѣсто, что изученіе ея не можетъ быть ограничено какимъ-нибудь однимъ учрежденіемъ, какъ бы широко послѣднее ни задумано. Даже академіи и университеты не могутъ вмѣстить ее; расширяя безпрерывно свои предѣлы и распространяя повсюду свое благодѣтельное вліяніе, она проникла въ фабрики, лабораторіи, въ жилище рабочаго, въ хижину крестьянина. Непрерывный рядъ одержанныхъ ею побѣдъ и ея успѣхи въ разрѣшеніи научныхъ вопросовъ настолько подняли ея значеніе, что она ставитъ въ настоящее время на очередь вопросы непосильные одной какой-либо націи, какого бы могущества она ни достигла,—вопросы, доступные лишь при дружныхъ усиліяхъ все-возрастающаго числа цивилизованныхъ народовъ. Нѣсколько частныхъ вопросовъ уже разрѣшались этимъ путемъ, о которыхъ врядъ ли нужно напоминать Вамъ, каковы напр. труды Палаты мѣръ и вѣсовъ, Геодезической международной ассоціаціи, ассоціаціи для составленія карты неба и многія другія, которыхъ я не буду перечислять въ настоящую минуту. Въ сегодняшній день однако одна среди нихъ заслуживаетъ особеннаго вниманія, по важной роли, которую она сыграла въ быстромъ развитіи нашей Ассоціаціи—это предпріятіе изданія международнаго каталога по научной литературѣ (естествознанію и математикѣ); предпріятіе, возникшее всецѣло по почину Королевскаго Общества. Это знаменитое Общество, проявившее въ проведеніи намѣченной имъ цѣли необычайную стойкость и послѣдовательность, доложитъ Вамъ о блестящемъ положеніи ея предпріятія и обратится къ Вамъ съ просьбой о нравственной поддержкѣ, въ которой конечно Вы не откажите.

Наша Ассоціація, господа, какъ Вы знаете, имѣетъ цѣлью закрѣпить выдержавшую съ успѣхомъ неоднократныя испытанія международную кооперацію и сдѣлать ее явленіемъ нормальнымъ и всесвѣтнымъ.

Задача, которую мы себѣ поставили, можетъ показаться трудной, но исполненіе ея сдѣлалось необходимостью; пусть воодушевляющія насъ чувства вселятъ въ насъ увѣренность въ успѣхѣ и въ томъ, что, соединенными силами, мы преодолѣемъ всѣ трудности. Ассоціація наша, воплощая въ видимой и постоянной формѣ «Всемірную академію», подготовленную и лелѣянную въ мысляхъ Лейбни-

комъ, предчувствія котораго частью уже осуществились, частью же сбываются передъ нами, окажетъ цивилизаціи услуги, значеніе которыхъ по истинѣ трудно преувеличить.

Благодаря ей, ученый, предающійся самымъ труднымъ и абстрактнымъ изысканіямъ, перестанетъ чувствовать себя одинокимъ, сохраняя въ тоже время полную независимость—первое благо и необходимѣйшую потребность изслѣдователя.

Сближая занимающихся одною отраслью знанія въ разныхъ академіяхъ, доставляя имъ возможность, если пожелаютъ, работы сообща, предлагая на усмотрѣніе правительствамъ проекты предпріятій необходимыхъ или желательныхъ, съ указаніемъ осуществленія ихъ наилучшимъ способомъ и съ наибольшей экономіей, и содѣйствуя, чрезъ приготовительное соглашеніе ученыхъ въ теоритическомъ отношеніи, соглашенію народовъ въ практическихъ вопросахъ, Ассоціація наша быстро превратится въ могучее орудіе мира и прогресса.

Твердо убѣжденный въ этомъ, я объявляю первое Общее Собраніе Международной Ассоціаціи академій открытымъ.

По выслушаніи рѣчи Дарбу, приступлено было къ выбору должностныхъ лицъ. Оказались выбранными: почетными предсѣдателями: Моммзенъ (Берлинъ), Фостеръ (Лондонъ), Гуйе (Амстердамъ), Бертело и Гастонъ Буассіе (Парижъ); вице-президентомъ Дильсъ (Берлинъ); секретарями общаго Собранія: Гомперцъ (Вѣна) и Муассанъ (Парижъ).

Обсужденію Общаго Собранія Ассоціаціи подлежали двѣ совершенно различныя задачи: 1) окончательный пересмотръ и утвержденіе статутовъ ассоціаціи и 2) починъ дѣятельности по разработкѣ научныхъ вопросовъ.

Цѣннымъ матеріаломъ при обсужденіи статутовъ послужилъ выработанный на двухъ предварительныхъ конференціяхъ проектъ этихъ статутовъ. Проектъ этотъ былъ принятъ почти цѣликомъ и потребовалось лишь дополнить его нѣсколькими вновь выработанными положеніями, между прочимъ съ цѣлью согласовать его съ замѣчаніями, представленными академіями касательно нѣкоторыхъ параграфовъ проекта.

Иллюстраціей дѣятельности Ассоціаціи по отношенію къ научнымъ задачамъ можетъ послужить нижеслѣдующій, въ краткихъ словахъ обрисованный характеръ задачъ, предложенныхъ Ассоціаціи для разработки и рѣшеніе ея по этимъ вопросамъ.

Изъ всѣхъ предложенныхъ темъ только одна была внесена на разсмотрѣніе Общаго Собранія: это проектъ Академіи моральныхъ и политическихъ наукъ въ Парижѣ, именно: полное изданіе сочиненій Лейбница.

Мотивы и высокое научное значеніе предложеннаго изданія трудовъ Лейбница превосходно были иллюстрированы академикомъ Брошаромъ, рѣчь котораго я привожу дословно:

«Академія моральныхъ и политическихъ наукъ предложила Международной Ассоціаціи приготовить полное изданіе сочиненій Лейбница. Она полагаетъ, что въ моментъ, когда первый разъ собирается Международная Ассоціація академій, нельзя сдѣлать ничего лучшаго, какъ почтить память великаго мыслителя, который принадлежитъ не только Германіи, но всему человѣчеству, что наши чѣмецкіе товарищи вѣ-

роятно не будутъ оспаривать. Научная дѣятельность Лейбница столь обширна, что интересуетъ болѣе или менѣе ученыхъ всего міра, независимо отъ предмета изслѣдованія, и, не преувеличивая можно сказать, что Лейбницъ, какъ бы, воплощаетъ идею, которую мы стараемся осуществить теперь. Онъ—сама всемірность. Съ 22-хъ лѣтъ онъ мечталъ объ устройствѣ Библіографическаго Обозрѣнія, инвентаря всѣхъ человѣческихъ знаній, энциклопедіи, совмѣщающей въ дедуктивной формѣ всѣ науки. Всю жизнь онъ былъ озабоченъ мыслью о созданіи всемірнаго языка или письма. Наконецъ, какъ удачно указалъ въ своей рѣчи президентъ Дарбу, у него первая явилась мысль организовать федерацію ученыхъ обществъ. Онъ былъ предтеча нашей Ассоціаціи и справедливость требуетъ, чтобы ему былъ посвященъ нашъ первый трудъ.

«Новое изданіе трудовъ Лейбница особенно желательно потому, что удовлетворительнаго изданія его работъ не имѣется. Члены Ассоціаціи имѣютъ передъ собою очень ясно составленную замѣтку одного изъ нашихъ извѣстныхъ молодыхъ философовъ, г. Лудовика Кутюра (M. Louis Couturat), котораго нѣсколько лѣтъ тому назадъ французское правительство командировало въ Германію для изслѣдованія въ Ганноверской библіотекѣ неизданныхъ манускриптовъ Лейбница; въ близкомъ будущемъ имъ будетъ выпущенъ въ свѣтъ томъ еще неизданныхъ сочиненій этого философа. Изъ упомянутой замѣтки уже видно, что въ настоящую минуту почти невозможно одному ученому достать всѣ опубликованныя произведенія Лейбница, разсѣянныя въ большомъ числѣ различныхъ изданій. Изъ имѣющихся изданій Лейбница наиболѣе полное принадлежитъ Дутенсу (de Dutens) 1768 г. Изданіе Фуше де Кариль (Fouché de Careil) 1851—1857, Онно Клоппъ (d'Onno Klopp) 1864—1884, Ердмана (d'Erdmann), Гергарда (de Gerhardt) содержатъ лишь часть произведеній Лейбница. Нѣкоторыя изъ нихъ даже оставляютъ еще многаго желать въ отношеніи точности. Отдѣльные трактаты, важныя письма разсѣяны во множествѣ Обозрѣній и Сборниковъ и никогда не были соединены. Наконецъ, въ библіотекѣ въ Ганноверѣ существуетъ большое число неизданныхъ манускриптовъ, каталогъ которыхъ библіотекарь Бодмонъ издалъ въ 1889 и 1895 годахъ. Собраніе это—настоящее сокровище, остававшееся неизвѣстнымъ; теперь настала пора ознакомить съ нимъ общество. Г. Кутюра, имѣвшій подъ руками часть манускриптовъ, любезно сообщилъ мнѣ нѣкоторые изъ нихъ. Хотя большая часть мыслей, изложенныхъ въ нихъ, находится уже въ другихъ произведеніяхъ Лейбница, я могъ констатировать, что изученіе ихъ представляетъ высокій интересъ, потому что онѣ освѣщаютъ нѣкоторые важные пункты философіи Лейбница, выясняютъ ея послѣдовательность и значеніе и позволяютъ даже истолковать болѣе точно, чѣмъ это было сдѣлано до сихъ поръ, нѣкоторые главные пункты его доктрины. Было бы даже излишнимъ настаивать на интересѣ, кото-

рый представляетъ для всѣхъ работниковъ по разнымъ отраслямъ науки опубликованіе писемъ, замѣтокъ, размышленій и корректуръ, сдѣланныхъ рукою Лейбница.

«Не слѣдуетъ, впрочемъ, скрывать отъ себя, что изданіе, о которомъ идетъ рѣчь, представитъ массу затрудненій. Богатство одной Ганноверской библіотеки таково, что, не считая писемъ и неизданныхъ работъ, сохраняющихся въ другихъ библіотекахъ, по расчету г. Кутюра потребуется приблизительно отъ 130 до 140 томовъ для ихъ изданія. Насчитываютъ болѣе 15 тысячъ писемъ. Иногда встрѣчаются нѣсколько копій одной работы, написанныхъ секретарями и помѣченныхъ рукою Лейбница, съ поправками иногда противорѣчивыми и безъ обозначенія времени появленія. Надо будетъ или печатать все, или дѣлать выборъ, что представляется необычайно опаснымъ. Наконецъ, одинъ издатель не будетъ въ состояніи выполнить предстоящаго дѣла. Необходима кооперація нѣсколькихъ работниковъ: математика, философа, теолога, юрисконсульта, историка, и всѣ они, вслѣдствіе большого числа и важности писемъ, должны быть свѣдущи по исторіи литературы XVII-го столѣтія.

«Каковы бы ни были затрудненія, они все-таки не должны служить препятствіемъ предпріятію Международной Ассоціаціи. Всѣ великіе философы двухъ послѣднихъ вѣковъ имѣли своихъ издателей. Викторъ Кузенъ (Victor Cousin) напечаталъ труды Декарта, а гг. Адамъ и Таннери (ММ. Adam et Tannery) приготовляютъ еще болѣе совершенное его изданіе, нѣсколько томовъ котораго уже появилось. Прекрасное изданіе Спинозы появилось по случаю чествованія его столѣтія. Германія воздвигаетъ памятникъ Канту, достойный его. Одинъ Лейбницъ оказался забытымъ. Въ этомъ несправедливость судьбы, которую надо скорѣе исправить, и никто не способенъ лучше довести до конца такое дѣло, какъ Международная Ассоціація академій».

Согласно предложенію избранной для обсужденія этого вопроса комиссіи положено: къ слѣдующему Общему Собранію Ассоціаціи представить планъ изданія Лейбница и поручить Академіи моральныхъ и политическихъ наукъ Академіи наукъ въ Парижѣ и Академіи наукъ въ Берлинѣ избрать по одному делегату—директоровъ, для веденія этого предпріятія. На этихъ трехъ лицъ возложены слѣдующія порученія: 1) обратиться ко всѣмъ библіотекамъ и публичнымъ книгохранилищамъ съ просьбою указать всѣ статьи, полезныя для этого изданія; 2) составить описательный или систематическій каталогъ этихъ статей; 3) приготовить подробно разработанный проектъ изданія.

Директорамъ предоставляется выбирать себѣ помощниковъ, вошедшія же въ составъ Международной Ассоціаціи академіи будутъ приглашены избрать делегатовъ изъ ученыхъ, какъ для веденія корреспонденціи съ директорами, такъ и для оказанія послѣднимъ всевозможной поддержки, гдѣ это потребуется.

Вышеозначенныя предложенія были единогласно приняты Общимъ Собраніемъ.

Остальныя темы работъ имѣли болѣе спеціальный характеръ и обсуждались по секціямъ; въ физико-математическую секцію поступило три предложенія, въ историко-филологическую шесть.

Они почти всѣ были одобрены и приняты Общимъ Собраніемъ Ассоціаціи, но одни цѣликомъ безъ измѣненія, другія условно съ болѣе или менѣе значительной оговоркой.

Изъ предложеній, внесенныхъ въ физико-математическую секцію, наиболѣе крупнымъ предпріятіемъ является измѣреніе дуги 30-го меридіана, въ Африкѣ, съ цѣлью опредѣлить съ возможно большею точностью размѣры и форму земли.

Предложеніе это сдѣлано по почину Лондонскаго Королевскаго Общества Давидомъ Гиллемъ (Gill); предполагаемая къ измѣренію дуга этого меридіана достигаетъ длины 7000 километровъ; она будетъ примыкать къ дугѣ меридіана, измѣренной Струве въ Россіи, и вмѣстѣ съ послѣдней достигнетъ длины 11.600 километровъ, что составитъ болѣе четверти всего меридіана.

Спеціально выбранная для разсмотрѣнія предложенія г. Давида Гилля геодезическая коммиссія отнеслась съ чрезвычайнымъ сочувствіемъ къ проекту измѣренія 30-го меридіана; она нашла, что положеніе дуги меридіана въ Африкѣ, которую предположено измѣрить, особенно благопріятно въ томъ отношеніи, что она простирается по обѣ стороны экватора. Коммиссія, между прочимъ, выразила желаніе, чтобы на каждой геодезической станціи опредѣлена была широта мѣстности, и указала на высокій интересъ присоединенія къ геодезическимъ измѣреніямъ—наблюденія надъ тяжестью, земнымъ магнетизмомъ и производство геологическихъ изслѣдованій.

Секція, а затѣмъ и Общее Собраніе Ассоціаціи приняли отчетъ коммиссіи единогласно.

Второе предложеніе состояло въ принятіи Ассоціаціей подъ свое покровительство учрежденной на международномъ съѣздѣ физіологовъ въ Кэмбриджѣ, въ августѣ 1898 года, коммиссіи, съ цѣлью изысканія способовъ контроля регистрирующихъ аппаратовъ, употреляемыхъ при физіологическихъ розысканіяхъ. Предложеніе это внесено было на обсужденіе Ассоціаціи Парижской Академіей наукъ съ сочувственнымъ отзывомъ съ ея стороны.

Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ директору физіологической станціи въ Парижѣ г. Марею (Marey), который внесъ въ Ассоціацію докладъ по этому предмету. Спеціальная коммиссія, разсмотрѣвъ проектъ г. Марея, вполнѣ согласилась съ его заключеніями, которыя затѣмъ единогласно были одобрены секціей и Общимъ Собраніемъ.

Третье предложеніе, касающееся назначенія особой коммиссіи для разработки исторіи развитія человѣка и животныхъ, а также и ана-

томіи мозга, сдѣлано было Королевскимъ Саксонскимъ Обществомъ наукъ. Положено: 1) предложить обсужденіе организаціи международной разработки по вопросамъ эмбріологіи животныхъ и человѣка—спеціальнымъ обществамъ (анатомическимъ); 2) образовать при Ассоціаціи коммиссію для разработки сообща анатомію мозга и поручить ей выработать планъ учрежденія системы международныхъ институтовъ, съ цѣлью совершенствованія методовъ разслѣдованія, собиранія по однообразному пріему матеріала, который былъ бы доступенъ всякому ученому для пользованія.

Наконецъ физико-математическому отдѣленію предложено было на обсужденіе сообщеніе Лондонскаго Королевскаго Общества касательно *международной библіографіи по точнымъ наукамъ*, изданіе которой оно взяло на себя. Президентъ секціи Ларбу въ краткихъ словахъ изложилъ исторію возникновенія этого предпріятія и воздалъ должные похвалы неутомимой энергіи иниціаторовъ его—членовъ Лондонскаго Королевскаго Общества. Изъ сообщеній присутствующихъ делегатовъ академій выяснилось, что дѣло это въ большей части странъ уже въ ходу; въ заключеніе Предсѣдатель предложилъ секціи выразить Лондонскому Королевскому Обществу глубокую признательность за починъ и веденіе этого важнаго дѣла; предложеніе президента было принято секціей.

Въ историко-филологическую секцію поступили слѣдующіе проекты:

1. Отъ имени Баварской Академіи Наукъ—изданіе полнаго собранія *греческихъ актовъ* (Corpus der Griechischen Urkunden des Mittelalters und der neueren Zeit) среднихъ вѣковъ и болѣе новаго времени. Спеціальная коммиссія, 6 голосами противъ одного, предложила секціи формулировать рѣшеніе свое слѣдующимъ образомъ:

1) Общее собраніе Ассоціаціи академій (т.-е. историко-филологическая секція) одобряетъ въ принципѣ проектъ изданія греческихъ документовъ, предложенное Мюнхенской академіей.

2) Академіи, сочувствующія этому проекту, выберутъ, посредствомъ переписки, коммиссію для выработки окончательнаго плана и для изученія деталей, касающихся изданія.

3) Коммиссія представитъ окончательный планъ изданія для санкціи ближайшему Общему Собранію Ассоціаціи. При голосованіи эти предложенія были приняты большинствомъ академій; одна только Берлинская академія высказалась противъ этого проекта; академіи Буда-Пешта и Христіаніи воздержались отъ голосованія.

2. *Изданіе энциклопедіи Ислама* предложено было совмѣстно академіями Лейпцига, Вѣны и Мюнхена. Единогласно была признана польза такого изданія и, за исключеніемъ академій Мюнхена и Берлина, положено передать проектъ на обсужденіе особой коммиссіи; г. Хоутсма (Houtsma), издавшій въ Лейденѣ въ 1889 г. образчикъ предложенной энциклопедіи, назначенъ главнымъ редакторомъ этой коммиссіи.

3) *Новое критическое изданіе Махабхараты.* Положено просить англійское правительство оказать возможно большее содѣйствіе и употребить свое вліяніе и всѣ возможныя средства для составленія полнаго и систематическаго списка имѣющихся въ различныхъ частяхъ Индіи манускриптовъ Махабхараты, представляющихъ какую-либо цѣнность для этого изданія. Само же критическое изданіе текста признано преждевременнымъ.

4) Проекты, касательно изданія полнаго собранія мозаикъ (Corpus des Mosaiques) языческихъ и христіанскихъ до IX-го вѣка включительно, а равно и проектъ *учрежденія спеціальнаго органа* для печатанія, по мѣрѣ надобности, открываемыхъ надписей, за исключеніемъ греческихъ, латинскихъ и семитическихъ, положено подвергнуть предварительному обсужденію посредствомъ корреспонденціи и отложить ихъ обсужденіе до слѣдующаго собранія въ Лондонѣ.

5) Такое же рѣшеніе принято и касательно проекта о *гражданскихъ правахъ иностранцевъ* въ различныхъ государствахъ и предложеніе организаціи изданія по *древней нумизматикѣ*.

Изъ перечня подвергнутыхъ разсмотрѣнію Общаго Собранія Ассоціаціи проектовъ предполагаемыхъ разслѣдованій и послѣдовавшихъ рѣшеній съ достаточною рельефностью обрисовывается ея характеристика.

Представляя изъ себя союзъ 19-ти первоклассныхъ ученыхъ обществъ (академій), Ассоціація поставила своею задачею разработку вопросовъ, непосильныхъ для отдѣльной академіи. Мысль эта успѣла пріобрѣсти всеобщія симпатіи и уже послѣдовали въ ассоціацію запросы отъ частныхъ лицъ относительно способовъ передачи пожертвованій въ ея пользу.

Настоящая дѣятельность Международной Ассоціаціи академій представляетъ еще, однако, лишь первые, нетвердые шаги по намѣченному ею пути. Хотя о будущемъ приходится говорить лишь съ большою осторожностью, я позволю себѣ, въ немногихъ словахъ, набросать представляющуюся мнѣ картину дальнѣйшаго развитія дѣятельности Ассоціаціи и ея высокаго значенія въ будущемъ въ развитіи человѣческой мысли и знаній.

Мы видѣли, что дѣятельность и цѣль Ассоціаціи въ настоящее время сводится къ тому, чтобы содѣйствовать всѣми мѣрами выполненію ученыхъ предпріятій, непосильныхъ не только одному лицу, но и отдѣльной націи. Главной задачей своей Ассоціація считаетъ поэтому осуществленіе возможно широкаго и легкаго общенія, какъ между отдѣльными учеными, такъ и учеными обществами всѣхъ странъ земного шара, съ цѣлью работы сообща по заранѣе строго обдуманному и разработанному плану. Для возможной гарантіи, какъ научной цѣнности, такъ и сужденія о возможности выполненія предлагаемыхъ задачъ, Ассоціація постановила принимать къ разсмотрѣнію лишь

предложенія, предварительно одобренныя одной изъ вошедшихъ въ составъ академій, и при томъ съ непремѣннымъ еще условіемъ, чтобы проекты, предлагаемые академіями ассоціаціи, были доставлены въ комитетъ не позже, какъ за три мѣсяца до общаго собранія; послѣднее условіе поставлено для того, чтобы и остальныя академіи могли быть ознакомлены съ проектами до общаго собранія и могли бы предстать на него уже съ совершенно опредѣленнымъ мнѣніемъ касательно каждаго изъ нихъ.

Кромѣ того, для возможно бо́льшей гарантіи успѣха въ исполненіи намѣченныхъ ученыхъ предпріятій, учреждаются, по заявленію нѣсколькихъ или даже одной академіи, спеціальныя комиссіи для детальнаго изученія мѣропріятій предложенныхъдля осуществленія проектовъ. Члены комиссій избираются академіями изъ спеціалистовъ по трактуемому вопросу независимо отъ того, состоятъ ли они членами академій. Но и этимъ спеціальнымъ комиссіямъ не предоставляется окончательное рѣшеніе по разсматриваемому вопросу. Комиссіи обязаны передать свои рѣшенія предсѣдателю комитета Ассоціаціи; послѣднему предоставляется право, если онъ найдетъ нужнымъ, передать рѣшеніе комиссіи до сообщенія донесенія комиссіи академіямъ на разсмотрѣніе комитета; а комитетъ уполномоченъ, если окажется желательнымъ получить болѣе обстоятельныя указанія отъ комиссіи, переслать донесеніе обратно въ комиссію.

Изъ вышеприведеннаго видно, какими строгими требованіями обставленъ выборъ ученыхъ предпріятій ассоціаціи.

Воздерживаясь отъ непосредственнаго принятія проектовъ отъ частныхъ лицъ, ассоціація не лишаетъ въ то же время никого изъ ученыхъ возможности участія въ ея научной дѣятельности. Всякій имѣетъ возможность предстать передъ ассоціаціей съ планами разработки научныхъ вопросовъ, но долженъ сдѣлать это при посредствѣ одной изъ академій, входящихъ въ составъ ассоціаціи. Каждой академіи предоставлено посылать на общее собраніе ассоціаціи неограниченное число делегатовъ и при томъ не только изъ среды своихъ сочленовъ, но и изъ постороннихъ ученыхъ, если содѣйствіе послѣднихъ представится желательнымъ при обсужденіи представленныхъ проектовъ. Этимъ послѣднимъ ученымъ постановлено предоставлять во время съѣзда ассоціаціи пользованіе всѣми правами и льготами, наравнѣ съ постоянными ея членами. Ученый же, представившій проектъ, одобренный одною изъ академій получаетъ кромѣ того возможность лично участвовать при обсужденіи его и защищать и проводить свое предложеніе во всѣхъ инстанціяхъ ассоціаціи.

Наконецъ, посторонніе ассоціаціи ученые принимаются въ члены международныхъ комиссій, выбираемыхъ для обсужденія и разработки способовъ осуществленія намѣченныхъ задачъ. Комиссіи эти назначаются еще во время съѣзда Общимъ Собраніемъ или отдѣльной секціей

съѣзда, или же въ промежуткѣ времени между съѣздами, комитетомъ Ассоціаціи или одною изъ его секцій.

Международная Ассоціація академій не только не представляетъ по-этому характера замкнутаго въ себѣ кастоваго учрежденія, но, напротивъ того, стремится привлечь къ участію въ своей дѣятельности всякаго, интересующагося прогрессомъ человѣческихъ знаній. Въ этомъ заключается, по моему мнѣнію, и гарантія ея дальнѣйшаго расцвѣта.

Ассоціаціи, поставивъ себѣ одною изъ главнѣйшихъ задачъ содѣйствіе преимущественно научнымъ предпріятіямъ, представляющимъ общій интересъ, предстоитъ въ болѣе или менѣе далекомъ будущемъ расширить районъ своей дѣятельности; ей придется обратить не меньшее вниманіе на вопросы, требующіе для своего рѣшенія многочисленныхъ работниковъ, но въ періодъ времени, далеко превосходящій краткосрочную жизнь человѣка. Разговоры и предложенія на эту тему уже раздавались на съѣздѣ Ассоціаціи, но были въ настоящее время отклонены въ виду несравненно большей ихъ сложности и трудности при выполненіи, въ особенности для нарождающейся Ассоціаціи.

Случаи преемственности наблюденій впродолженіи вѣковъ, конечно, не новость въ наукѣ. Таковы напр., поддающіяся точному вычисленію небесныя явленія, напр., затмѣнія солнечныя и лунныя; прохожденія планетъ по диску солнца, періодическія появленія кометъ. Не новость и то, что при изученіи исторіи любой изъ наукъ по естествознанію, развитіе ея представляется идущимъ совершенно такимъ же раціональнымъ путемъ, какъ будто имѣющіяся разслѣдованія произведены однимъ лицомъ, работавшимъ впродолженіи истекшихъ вѣковъ. Это впечатлѣніе невольно навязывается всякому при изученіи въ хронологическомъ порядкѣ твореній великихъ ученыхъ, которые яркими факелами освѣщаютъ путь, по которому слѣдовалъ въ своемъ могучемъ, побѣдоносномъ шествіи человѣческій геній въ каждой изъ отраслей нашего знанія.

Сознаніе неразрывной связи настоящаго міровоззрѣнія, а вмѣстѣ съ нимъ и остальныхъ сторонъ нашей жизни со всѣмъ предшествующимъ съ одной стороны и съ грядущими вѣками съ другой, и есть тотъ сильный, жизненный нервъ, который даетъ возможность мириться съ кратковременною и скоропреходящею ролью индивидуальнаго существованія.

Закрѣпленіе этой преемственности и духовной связи съ прошедшимъ и съ будущимъ представляетъ, по моему мнѣнію, одну изъ наиболѣе заманчивыхъ и плодотворныхъ задачъ Международной Ассоціаціи академій.

Пояснить свою мысль я позволю себѣ на частномъ примѣрѣ, который заимствую изъ наиболѣе близкой мнѣ науки—біологіи.

Нѣтъ въ настоящее время біолога, который бы началъ возражать противъ общепринятаго ученія о происхожденіи наиболѣе сложныхъ формъ животныхъ и растеній изъ простѣйшихъ путемъ постепеннаго

осложненія ихъ организаціи; однимъ словомъ: считается общепринятымъ ученіе объ *эволюціи* организмовъ, частнымъ случаемъ котораго является теорія Дарвина. Въ то же время, однако, мы не имѣемъ ни въ животномъ, ни въ растительномъ царствѣ ни одного непосредственнаго наблюденія надъ превращеніемъ простой формы въ болѣе сложную. Объясняется это обыкновенно тѣмъ, что процессъ осложненія, совершаясь крайне медленно и постепенно, требуетъ для замѣтнаго проявленія своего сотни вѣковъ или даже тысячелѣтій; и большинство ученыхъ считаетъ его поэтому навсегда недоступнымъ для рѣшенія опытнымъ путемъ.

Я же беру на себя смѣлость утверждать, что заявленіе это ни на чемъ серьезномъ не основано, и я склоненъ объяснять отсутствіе фактическихъ данныхъ касательно эволюціи несовершенствомъ примѣняемыхъ для этой цѣли въ настоящее время опытовъ и наблюденій и трудностью разрѣшенія этого вопроса путемъ непосредственнаго наблюденія. Самый же вопросъ объ эволюціи представляется мнѣ разрѣшимымъ, и я позволю себѣ прибавить, что льщу себя надеждою, что разъясненіе его путемъ опытовъ можетъ наступить не въ очень далекомъ будущемъ при помощи слѣдующаго пріема.

Наиболѣе подходящимъ исходнымъ объектомъ могутъ служить простѣйшія инфузоріи, водоросли, бактеріи и грибы. Въ настоящее время уже имѣется возможность полученія абсолютно чистой культуры довольно большого числа простѣйшихъ организмовъ; съ каждымъ днемъ пріемы эти совершенствуются и не подлежитъ сомнѣнію, что преодолѣніе встрѣчающихся еще препятствій есть лишь вопросъ времени. Достигнувъ возможности производить опыты и наблюденія съ условіемъ полной асептики, предстоитъ вести культуру простѣйшихъ организмовъ при возможно большей комбинаціи и варіаціи внѣшнихъ условій: преимущественно свѣта, температуры и состава пищи и при томъ или одного какого-либо организма, или двухъ, или даже большаго числа, въ надеждѣ уловить возможные случаи ихъ симбіоза, который, какъ показали опыты надъ лишайниками, можетъ оказаться однимъ изъ могущественныхъ факторовъ въ эволюціи, какъ растеній, такъ и животныхъ.

Среди необъятной массы видоизмѣненій въ развитіи простѣйшихъ, обнаружатся, по моему мнѣнію, какъ частный случай, и условія всѣми въ теоріи признаваемой эволюціи организмовъ.

Задача эта непосильная для одного ученаго, отчасти вслѣдствіе короткаго періода человѣческой жизни, представляется, однако, разрѣшимою при участіи ученыхъ нѣсколькихъ поколѣній. Изъ этого ясно, какое благотворное и могучее вліяніе на успѣхъ предпріятія можетъ оказать производство наблюденій и опытовъ по заранѣе строго обдуманному и намѣченному плану. Изложеніе его въ видѣ обширнаго трактата, охватывающаго въ деталяхъ и систематическомъ описаніи всего сырого, имѣющагося уже матеріала, а равно и употребляс-

мыхъ уже для культуръ простѣйшихъ пріемовъ и, наконецъ, предложенія касательно возможнаго совершенствованія ихъ является крайне желательнымъ.

Превосходнѣйшимъ средствомъ для возможно большаго совершенства подобныхъ проектовъ представляется мнѣ предварительная оцѣнка и обсужденіе ихъ Международной Ассоціаціей академій въ спеціальныхъ коммиссіяхъ и Общимъ Собраніемъ. Санкція проекта, этимъ учрежденіемъ, при благополучномъ испытаніи проектомъ строгой критики со стороны спеціалистовъ по затрогиваемымъ имъ отраслямъ знанія, несомнѣнно будетъ содѣйствовать поднятію значенія проекта, а въ данномъ случаѣ и скорѣйшему разрѣшенію одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ біологіи.

Появленіе ученыхъ трактовъ съ цѣлью содѣйствовать разработкѣ сообща намѣченнаго вопроса представляетъ еще другую выгоду: выясняя въ общедоступномъ изложеніи, какъ самую задачу имѣющую захватывающій интересъ не только для біологовъ, но и для образованныхъ людей вообще, такъ и желанную помощь при организаціи опытовъ со стороны физиковъ и химиковъ, подобные трактаты вызовутъ по всему вѣроятію среди послѣднихъ посильное участіе въ этомъ дѣлѣ и послужатъ однимъ изъ вѣрнѣйшихъ средствъ къ вербовкѣ, среди научныхъ тружениковъ, участниковъ въ опытной разработкѣ эволюціи организмовъ.

Подобныхъ животрепещущихъ, и въ то же время на очереди стоящихъ, вопросовъ имѣется достаточное количество и въ другихъ отрасляхъ знанія, и понятно, какое важное значеніе пріобрѣтетъ въ ученомъ мірѣ Международная Ассоціація академій, если ей удастся своимъ вліяніемъ содѣйствовать возможно раціональному развитію человѣческихъ знаній и разрѣшенію самыхъ крупныхъ и настоятельныхъ запросовъ человѣческой мысли. На основаніи вышеизложенныхъ соображеній мнѣ представляется наиболѣе подходящимъ закончить свой докладъ горячимъ пожеланіемъ дальнѣйшаго успѣха и широкаго развитія народившейся въ настоящемъ году Международной Ассоціаціи академій.

А. Фаминцынъ.

БУКЕРЪ ВАШИНГТОНЪ.

(Автобіографія негра—общественнаго дѣятеля).

Не прошло еще и сорока лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ освободительная прокламація Авраама Линкольна сняла ярмо рабства съ четырехъ милліоновъ американскихъ негровъ. Борьба за ихъ свободу, длившаяся столько лѣтъ и потребовавшая отъ сѣверныхъ штатовъ такихъ огромныхъ жертвъ, составляетъ одну изъ самыхъ замѣчательныхъ страницъ міровой исторіи. Рабовладѣльчество пустило уже глубокія корни на американской почвѣ, наполнило собою весь строй соціальной жизни южныхъ штатовъ, и негры не находили въ себѣ силъ для борьбы за свободу. Несмотря на всевозможныя униженія и страданія, которыя имъ приходилось испытывать отъ большинства ихъ владѣльцевъ, они несли бремя рабства съ удивительною кротостью и покорностью судьбѣ. Могло казаться, что сама природа провела рѣзкую грань между судьбою «бѣлаго» и чернокожаго человѣчества. Среди бѣлыхъ укоренился предразсудокъ, не позволявшій считать негра за человѣка, созданнаго по образу и подобію Божію. Не только рабовладѣльцы, заинтересованные въ поддержаніи такого взгляда чисто-эгоистическимъ образомъ, но и множество людей, чуждыхъ въ этомъ вопросѣ какого-либо личнаго интереса, оказывались жестокими противниками освобожденія негровъ. Извѣстно, что во время президентскихъ выборовъ 1860 г. изъ двадцати трехъ избирателей-пасторовъ только трое подали свой голосъ за Линкольна, съ его освободительною программою.

Однако, духъ лучшихъ людей не мирился съ такимъ положеніемъ вещей. Эти люди упорно требовали свободы для чернокожихъ и готовы были бороться за свою идею не на жизнь, а на смерть. Среди практическихъ янки находились герои, подобные Джону Брауну, который, возбудивъ мятежъ противъ рабовладѣльцевъ, кончилъ жизнь на висѣлицѣ и передъ смертью съ величавымъ спокойствіемъ и радостью оборачивается на пройденный имъ путь и на все сдѣланное имъ «во имя свободы человѣка».

Дѣятельность Авраама Линкольна и его сподвижниковъ также представляетъ рядъ истинно-героическихъ подвиговъ. Какая пламен-

ная и упорная энергія потребовалась для того, чтобы побудить мирныхъ и дѣловитыхъ гражданъ сѣверныхъ штатовъ оторваться отъ всякихъ личныхъ интересовъ и обычныхъ занятій ради войны за освобожденіе совершенно чуждаго имъ племени, другой, ничѣмъ не заявившій себя въ исторіи, расы! Правда, война велась какъ бы за единство великой сѣверо-американской федераціи противъ отпавшихъ отъ нея южныхъ штатовъ. Но самое это отпаденіе совершилось изъ-за несогласій по чисто-принципіальному вопросу о рабствѣ, и зачинщики компаніи вдохновлялись только идеею о человѣческой свободѣ.

1-го января 1863 г.,—когда, послѣ двадцати мѣсяцевъ кровопролитной борьбы, успѣхъ сталъ уже рѣшительно склоняться на сторону сѣверныхъ штатовъ, освободительная прокламація была подписана. Рабы получили право оставить господъ своихъ, а черезъ два года по окончаніи войнъ они были уравнены съ бѣлыми и въ политическихъ правахъ.

Черная раса впервые выступила, наконецъ, на поприщѣ исторіи. Ей предстояло теперь на дѣлѣ оправдать вѣру своихъ защитниковъ, укоренившійся среди бѣлыхъ предразсудокъ и, пріобщившись къ культурной работѣ человѣчества, дѣйствительно, начать новую жизнь. Какія же стремленія и какія способности проявитъ эта масса только что освобожденныхъ и предоставленныхъ себѣ негровъ? Сумѣетъ ли она опредѣлить свои истинныя нужды и интересы? Выдвинетъ ли изъ своей среды дѣятелей, способныхъ расчистить ей пути къ просвѣщенію, къ развитію еще необнаруженныхъ ею дарованій? Вотъ вопросъ, которымъ должны были одинаково волноваться и защитники, и противники освобожденія,—и тѣ, которые носятъ въ душѣ высокую, идеальную вѣру въ человѣка, безъ различія его племенныхъ особенностей, и тѣ, которые, во имя узкихъ себялюбивыхъ интересовъ, хотѣли бы задушить эту вѣру въ другихъ и затоптать всѣ зачатки ея въ собственномъ сердцѣ.

I.

Передъ нами замѣчательная книга. Она называется «Up from slavery» («Вонъ изъ рабства») и представляетъ собою автобіографію Букера Вашингтона, одного изъ первыхъ и самыхъ славныхъ дѣятелей негрскаго просвѣщенія. Съ необыкновенною простотою и искренностью разсказываетъ здѣсь авторъ всю свою жизнь, начиная съ дѣтскихъ лѣтъ, проведенныхъ въ неволѣ, и кончая настоящимъ временемъ, самыми послѣдними годами, когда послѣ цѣлаго ряда лишеній и нравственныхъ напряженій онъ былъ увѣнчанъ безпримѣрною для негра славою, какъ основатель безподобнаго просвѣтительнаго учрежденія и какъ блестящій идейный ораторъ. Этотъ человѣкъ, родившійся въ рабствѣ и выбившійся изъ невѣжества собственными силами, достигъ

рѣдкихъ почестей: не только чернокожее, но и бѣлое населеніе разныхъ американскихъ городовъ устраивало ему самыя бурныя публичныя овація, а при путешествіи въ Европу онъ былъ приглашенъ «на чашку чаю» къ англійской королевѣ, и обо всемъ этомъ онъ сумѣлъ разсказать скромно, съ какимъ-то недоумѣніемъ передъ такимъ оборотомъ своей судьбы, съ чувствомъ теплой сердечной благодарности къ тѣмъ, которые были такъ добры къ нему. Не честолюбіе руководило имъ въ его дѣятельности, а любовь къ людямъ, и не пустое тщеславіе заставило его описать свою жизнь. Онъ не могъ не чувствовать, что жизнь его представляетъ собою нѣчто крайне поучительное,—и къ тому же онъ вынесъ изъ нея такіе отрадные, утѣшительные взгляды на свойство человѣческой природы, такую вѣру въ будущее развитіе человѣчества безъ различія расъ и племенъ! Коротенькое предисловіе Букера Вашингтона сообщаетъ намъ, что книга его создалась изъ отдѣльныхъ очерковъ, печатавшихся въ одномъ изъ американскихъ журналовъ и писавшихся постепенно, въ часы своеобразнаго досуга: въ вагонѣ, при переѣздѣ изъ одного города въ другой, въ гостинницахъ,—когда приходилось ожидать поѣзда. Авторъ извиняется за литературное несовершенство своихъ очерковъ, но они совершенно не нуждаются въ этомъ извиненіи: они внушаютъ высшій человѣческій интересъ и при живости и простотѣ языка читаются, какъ захватывающій романъ.

Первая глава книги посвящена, какъ мы уже сказали, дѣтскимъ годамъ автора, проведеннымъ въ рабствѣ, и описываетъ день освобожденія. Въ описаніяхъ рабства чувствуется настоящая, неприкрашенная правда, безъ малѣйшей тенденціи къ осужденію рабовладѣльцевъ. Тѣмъ большее впечатлѣніе производитъ то, что говорится о стремленіи къ свободѣ, которое всегда жило въ душѣ чернокожихъ, и о волненіи, пережитомъ ими въ день освобожденія.

«Я родился рабомъ на плантаціи франклинскаго округа въ Виргиніи, — говоритъ Букеръ Вашингтонъ въ первыхъ строкахъ своей книги и не безъ юмора продолжаетъ: — точныхъ свѣдѣній о мѣстѣ и времени моего рожденія я не имѣю, но полагаю, во всякомъ случаѣ, что гдѣ-нибудь и когда-нибудь я все-же родился. Поскольку мнѣ удалось узнать, это произошло недалеко отъ почтовой станціи, называемой Hole's Ford, а по времени—въ 1858 или 1859 году. Дня и мѣсяца я не знаю. Первыя впечатлѣнія, которыя я могу возстановить въ своей памяти, относятся къ плантаціи и къ невольничьему поселку, т.-е. той части плантаціи, гдѣ находились хижины рабовъ.

«О предкахъ моихъ я почти ничего не знаю. Въ невольничьемъ поселкѣ, а затѣмъ и позднѣе, мнѣ приходилось слышать между чернокожими разговоръ о тѣхъ мученіяхъ, которыя испытывали рабы, въ томъ числѣ и мои предки со стороны матери, при перевозкѣ на кораблѣ изъ Африки въ Америку... О моемъ отцѣ я знаю еще меньше, чѣмъ о

матери. Я не знаю даже его имени. Я слышалъ, однако, что онъ былъ изъ бѣлыхъ и жилъ гдѣ-то на сосѣдней плантаціи. Во всякомъ случаѣ, кто бы онъ ни былъ,—я никогда не слышалъ, чтобъ онъ проявилъ малѣйшій интересъ ко мнѣ и малѣйшую заботу о моемъ воспитаніи. Но я не особенно осуждаю его. Онъ былъ просто другою несчастною жертвою учрежденія, которое, къ сожалѣнію, на время укоренилось въ нашей странѣ».

Семья Букера состояла изъ матери и трехъ дѣтей: у него былъ братъ и сестра. Мать его была кухаркой на плантаціи, и хижина, которую они занимали служила кухней. Это была крошечная бревенчатая изба, съ отверстіями въ стѣнѣ вмѣсто оконъ, съ земляннымъ поломъ, безъ всякой мебели, даже безъ печки: кушанье готовилось на огнѣ, разводимомъ среди избы, подъ отверстіемъ въ крышѣ, — и если въ зимніе дни отверстія въ стѣнѣ и въ крышѣ оставляли свободный доступъ стужѣ, то лѣтомъ приходилось задыхаться отъ добавочнаго жара горѣвшаго костра. Спали просто на полу, т.-е. на землѣ, съ разбросаннымъ на ней тряпьемъ. Ѣли стоя или на ходу. Собираться для совмѣстнаго обѣда не полагалось. «Одно изъ самыхъ раннихъ моихъ воспоминаній,—говоритъ Букеръ—состоитъ въ томъ, что однажды, поздно ночью, мать моя изжарила цыпленка и разбудила дѣтей, чтобъ угостить ихъ этимъ жаркимъ. Откуда она его достала, я не знаю. Полагаю, однако, что онъ былъ добытъ съ господскаго двора. Можетъ быть, найдутся люди, которые назовутъ это воровствомъ. Если бы подобная вещь произошла въ настоящее время, я самъ осудилъ бы это, какъ воровство. Но въ то время и при тѣхъ мотивахъ, которыми руководилась моя мать, я никакъ не могу допустить, что она была виновна въ воровствѣ».

Дѣти рабовъ сами сейчасъ же становились рабами: съ той минуты, какъ ихъ можно было принудить къ какому бы то ни было виду труда, имъ не оставляли ни одной свободной минуты. Они не знали никакихъ игръ и дѣтскихъ развлеченій. «Съ тѣхъ поръ какъ я помню себя,—говоритъ Букеръ, — каждый день моей жизни былъ полонъ такого или другого труда». Онъ пололъ гряды, таскалъ воду, ѣздилъ на мельницу, причемъ тяжелые мѣшки съ зерномъ перекидывались черезъ спину лошади, и въ случаѣ если они сваливались, мальчику приходилось ожидать, чтобы какой-нибудь проѣзжій помогъ ему поднять и опять нагрузить ихъ. Мельница была не близко, дорога шла черезъ лѣса, возвращаться приходилось иногда поздно ночью. Онъ томился мучительнымъ страхомъ, и когда случалось несчастье съ мѣшками, въ ожиданіи помощи «проводилъ время въ слезахъ». За каждымъ деревомъ чудился ему страшный солдатъ: въ лѣсахъ, дѣйствительно скрывались дезертиры воюющихъ армій, и дѣти слышали, что если такой дезертиръ поймаетъ негрскаго мальчика, то непремѣнно отрѣжетъ ему уши.

Свобода пришла въ 1863 г., а родился Букеръ, какъ онъ самъ го-

воритъ, въ 1858 или 1859 г. Значитъ, какимъ же крошкою онъ былъ, когда ему приходилось нести эту тяжкую для него службу! Впрочемъ, самъ онъ не подчеркиваетъ этого обстоятельства.

Сознаніе своего рабскаго положенія пробудилось у мальчика одновременно съ представленіемъ о великихъ событіяхъ времени—о гражданской войнѣ и дѣятельности великодушнаго защитника негровъ, Авраама Линкольна. Однажды рано утромъ, мать его разбудила дѣтей, чтобъ вознести вмѣстѣ съ ними горячую молитву объ успѣхѣ федеративной арміи и дарованіи рабамъ свободы. Какимъ образомъ удавалось этимъ темнымъ массамъ рабовъ получать свѣдѣнія обо всемъ, что дѣлалось въ ихъ пользу, начиная съ агитаціи за выборъ Линкольна и кончая военными событіями, Букеръ, по его словамъ, не могъ вполнѣ отдать себѣ отчета, не только во время своего дѣтства, но и позднѣе. Несомнѣнно, однако, говоритъ онъ, что негры были освѣдомлены на этотъ счетъ вполнѣ точно и подробно. Часто они узнавали объ исходѣ сраженій даже раньше, чѣмъ такого рода извѣстія доходили черезъ газеты до ихъ хозяевъ. Который-нибудь изъ нихъ, поочередно, отправлялся на почту, отстоявшую отъ плантаціи за три мили и съ жаднымъ вниманіемъ прислушивался къ тому, что говорили бѣлые. Слухъ быстро облетѣлъ всю окрестность. Часто, позднею ночью, рабы собирались въ группы, обсуждали все происходящее, радуясь всякой новой побѣдѣ Линкольна нетерпѣливо ожидая исхода долгой изнурительной войны.

Тягости военнаго времени повсюду давали чувствовать себя. Въ господскомъ «большомъ домѣ» начиналъ ощущаться недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ, привозимыхъ обыкновенно изъ сосѣдняго города. Трое молодыхъ господъ находились въ арміи. Одинъ изъ нихъ былъ убитъ, двое другихъ тяжело ранены. Какъ граждане южныхъ штатовъ, они сражались конечно, за дѣло, противное свободѣ. Но, по свидѣтельству Букера ни тѣни злорадства по отношенію къ нимъ не чувствовалось въ массѣ рабовъ. Господа не были особенно жестокими, они требовали отъ своихъ рабовъ только того, чего требовали всѣ,—и рабы питали къ нимъ чувство глубокой преданности. «Я помню, какъ огорчены были рабы, услышавъ о смерти м-ра Билли,—говоритъ Букеръ,—и это было не показное, а вполнѣ искреннее огорченіе. Многіе изъ нихъ няньчили м-ра Билли, другіе играли съ нимъ, когда онъ былъ ребенкомъ...» Когда двое другихъ молодыхъ господъ были привезены ранеными симпатія рабовъ высказывалась самыми разнообразными способами. Они горячо стремились ухаживать за ранеными и готовы были даже просить, какъ объ особой милости, чтобы имъ позволили проводить подлѣ нихъ цѣлыя ночи. Эта нѣжная симпатія рабовъ къ господамъ истекала изъ ихъ доброй, великодушной натуры. Оберегая оставленныхъ на ихъ попеченіи женщинъ и дѣтей господской семьи, они готовы были, въ случаѣ опасности положить за нихъ свою жизнь. «Въ общемъ можно сказать,—

говоритъ Букеръ,—что не только соплеменники мои не испытывали озлобленія противъ бѣлыхъ ни до войны, ни во время ея, но что было не мало случаевъ, когда негры нѣжнѣйшимъ образомъ заботились о своихъ прежнихъ господахъ, если они впадали въ бѣдность». Бывшіе рабы помогали имъ деньгами, иногда участвовали въ воспитаніи ихъ дѣтей. Одного молодого человѣка, совершенно разорившагося и опустившагося изъ-за пьянства, бывшіе рабы его отца до конца жизни поддерживали разными скромными приношеніями, вродѣ кофе, мяса и другихъ съѣстныхъ припасовъ.

«Но, быть можетъ, изъ того, что я сказалъ,—замѣчаетъ Букеръ Вашингтонъ,—кто-нибудь сдѣлаетъ заключеніе, что рабы не желали свободы. Это совершенно невѣрно. Я никогда не видѣлъ никого, кто не стремился бы къ свободѣ или хотѣлъ бы вернуться къ рабскому состоянію».

Великій, долго жданный день освобожденія приближался. Война приходила къ концу. Солдаты конфедеративной арміи постоянно проходили мимо, возвращаясь по домамъ и принося извѣстія о своихъ пораженіяхъ и побѣдѣ федеративной арміи. Въ ожиданіи торжествующаго непріятеля, изъ «большого дома» выносили разныя цѣнныя вещи и прятали ихъ въ лѣсу, поручая надзору тѣхъ же преданныхъ рабовъ. И никогда, по словамъ Букера, не выдали бы чернокожіе этихъ довѣренныхъ имъ драгоцѣнностей даже тѣмъ, которыхъ они ожидали, какъ своихъ истинныхъ друзей и защитниковъ. Послѣдніе дни рабства проходили въ небываломъ духовномъ возбужденіи. Повсюду среди рабовъ раздавался говоръ, шумъ, чаще обыкновеннаго звучали пѣсни. Многія изъ этихъ пѣсенъ имѣли отношеніе къ вопросу о свободѣ. Правда, въ нихъ говорилось о свободѣ, которая ждала раба за гробомъ, въ иной, лучшей жизни. Никто не ждалъ ея для себя здѣсь, на землѣ. Но теперь прежнія туманныя мечты объ освобожденіи получили новый, живой, болѣе близкій смыслъ.

Однажды вечеромъ господа прислали сказать рабамъ, чтобы утромъ они собрались къ «большому дому». Немногіе спали въ эту ночь. Волненіе достигало повсюду самой крайней степени. Настало, наконецъ, утро. «Вмѣстѣ съ моей матерью, братомъ, сестрою и множествомъ другихъ рабовъ я отправился къ господскому дому,—разсказываетъ Букеръ.—Всѣ члены господской семьи стояли или сидѣли на верандѣ, откуда можно было видѣть и слышать все происходящее. На лицахъ ихъ выражалась глубокая сосредоточенность, смѣшанная, быть можетъ, съ грустью, но ни тѣни горечи. Насколько я могу теперь отдать себѣ отчетъ въ тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя я вынесъ тогда, они были огорчены не столько потерею собственности, сколько предстоящей разлукою съ людьми, изъ которыхъ многіе выросли вмѣстѣ съ ними и которые были преданы имъ. Особенно отчетливо помню я изъ этой сцены, что какой-то человѣкъ, повидимому чужестранецъ (какое-нибудь

должностное лицо Соединенныхъ Штатовъ, какъ я полагаю), произнесъ небольшую рѣчь и затѣмъ прочелъ большую бумагу—освободительную прокламацію, какъ нужно думать. Затѣмъ намъ сказали, что мы теперь свободны и можемъ идти, когда и куда намъ угодно. Мать моя, стоявшая рядомъ со мною, приподняла одного за другимъ своихъ дѣтей, цѣлуя ихъ; по щекамъ ея бѣжали радостныя слезы. Она объяснила намъ все происходящее и сказала, что наступилъ день, о которомъ она такъ долго молилась, но до котораго боялась не дожить... Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ продолжалось великое ликованіе и сцены необузданнаго восторга. Но и теперь ни тѣни злорадства по отношенію къ господамъ не чувствовалось среди этихъ освобожденныхъ рабовъ. Напротивъ, они жалѣли ихъ. Дикая радость, овладѣвшая чернокожими, продолжалась недолго: я замѣтилъ, что когда они возвращались къ своимъ хижинамъ, настроеніе ихъ уже измѣнилось. Сознаніе отвѣтственности, связанной съ свободою, необходимость самимъ заботиться о дальнѣйшемъ будущемъ для себя и дѣтей своихъ овладѣло ими. Они находились въ положеніи десяти или двѣнадцатилѣтнихъ дѣтей, внезапно предоставленныхъ самимъ себѣ. Въ какіе-нибудь нѣсколько часовъ они стали лицомъ къ лицу съ великими вопросами, съ которыми англо-саксонской расѣ приходилось осваиваться въ теченіе многихъ и многихъ вѣковъ: съ вопросами объ устройствѣ жизни, о воспитаніи дѣтей, о гражданскихъ обязанностяхъ, о содержаніи церквей. Удивительно ли, что въ теченіе нѣсколькихъ часовъ радость стихла и смѣнилась глубокой и грустной задумчивостью. Многіе впервые поняли также, что эта долго жданная и наступившая, наконецъ, свобода представляетъ изъ себя нѣчто болѣе серьезное, чѣмъ это казалось раньше. Нѣкоторые изъ рабовъ были семидесяти, восьмидесятилѣтніе старики; лучшее время жизни безвозвратно прошло для нихъ. У нихъ не было уже силъ, чтобы зарабатывать средства для жизни въ новыхъ, чужихъ мѣстахъ, посреди чуждыхъ имъ людей, если бы даже они и могли имѣть увѣренность, что найдутъ себѣ мѣсто у чужихъ людей. Для этихъ старыхъ рабовъ предстоящая задача являлась особенно тяжелою. И къ тому же, въ глубинѣ сердецъ своихъ они чувствовали неискоренимую привязанность къ «старому господину» и «старой госпожѣ» и къ дѣтямъ ихъ. Они провели съ ними около полувѣка и не такъ-то легко было думать теперь о разлукѣ съ ними. Постепенно, одинъ за другимъ, сначала не безъ нѣкоторой робости, старые рабы начали направляться изъ негрскаго поселка къ «большому дому», чтобы переговорить о дальнѣйшей жизни со своими бывшими господами.

Такъ кончается первая глава автобіографіи Букера Вашингтона и описаніе незабвеннаго дня освобожденія. Задача, которую предстояло разрѣшить неграмъ, была гораздо сложнѣе, отвѣтственнѣе и шире, чѣмъ задача освобожденныхъ около того же времени русскихъ крестьянъ.

*

III.

Послѣ освобожденія мать Букера переселилась вмѣстѣ съ дѣтьми къ своему мужу, отчиму двухъ мальчиковъ, который принадлежалъ во время рабства другому господину и жилъ въ городкѣ Мальденъ, въ Западной Виргиніи. Путешествіе въ Мальденъ совершалось, конечно, самымъ первобытнымъ образомъ, пѣшкомъ, и продолжалось нѣсколько недѣль. Жизнь въ новомъ мѣстѣ не представляла на первыхъ порахъ ничего отраднаго. Хижина была не лучше прежней и находилась къ тому же среди сплоченной массы другихъ хижинъ, бѣдныхъ, грязныхъ и зловонныхъ. Почти все населеніе городка зарабатывало пропитаніе работою въ солеварняхъ. Здѣсь было много негровъ, но много и «бѣлыхъ»—изъ подонковъ сѣверо-американскаго населенія, невѣжественныхъ, грубыхъ и развратныхъ. Пьяные крики, ругань, драки—таковы были первыя, наиболѣе яркія впечатлѣнія мальчика въ новомъ мѣстѣ жительства. Дѣтей немедленно послали на заработокъ, и маленькому Букеру приходилось отправляться въ солеварни съ четырехъ часовъ утра.

Казалось бы, что при такихъ условіяхъ въ бывшихъ рабахъ должны были замереть всѣ высшія человѣческія стремленія и потребности. Жизнь сводилась къ каторжному труду ради куска хлѣба. Борьба за существованіе, конкуренція съ наиболѣе низменными представителями бѣлой расы должны были бы способствовать только развитію грубыхъ инстинктовъ. Но на дѣлѣ мы видимъ другое. Бывшіе рабы горѣли желаніемъ учиться.

То, что Букеръ разсказываетъ въ этомъ отношеніи о самомъ себѣ, является, повидимому, типичнымъ для всего только что освобожденнаго чернокожаго люда. Научиться «читать книги и газеты» — это была общая мечта большинства изъ нихъ. Еще въ самые ранніе годы, въ дни рабства, маленькому Букеру приходилось провожать въ школу дѣтей своихъ господъ, носить туда ихъ книги и тетради. Онъ подходилъ къ дверямъ школы, какъ къ «дверямъ рая», и возвращался домой, не переставая думать о возможности учиться, какъ объ истинномъ блаженствѣ. Послѣ переселенія въ Мальденъ, онъ упросилъ свою мать достать ему какую-нибудь книгу. Ей удалось исполнить его желаніе, и довольно счастливымъ образомъ: книга оказалась азбукой. Какимъ образомъ Букеръ одолѣлъ первыя затрудненія въ знакомствѣ съ азбукой, онъ самъ не могъ потомъ отдать себѣ отчета. Среди негровъ въ Мальденѣ не было ни одного грамотнаго, а къ бѣлымъ онъ не рѣшался подходить. Но онъ слышалъ отъ кого-то, что прежде всего нужно выучить алфавитъ, съ котораго начиналась принесенная матерью книга, и не пропускалъ случая, чтобы добыть необходимыя свѣдѣнія. Быть можетъ, посредницей его съ грамотными «бѣлыми» была мать его. Эта совершенно невѣжественная женщина горячо сочувствовала стремленіямъ своего сына и вообще не переставала мечтать объ

образованіи для своихъ дѣтей. Она отличалась яснымъ и трезвымъ умомъ, «и если я сдѣлаю въ своей жизни что-либо, достойное вниманія,—говоритъ Букеръ, — то я увѣренъ, что данныя къ этому были унаслѣдованы мною отъ нея».

Въ то время, какъ Букеръ боролся, въ своихъ стремленіяхъ къ знанію, съ почти непреодолимыми препятствіями, среди чернокожихъ работниковъ Мальдена появился одинъ грамотный мальчикъ изъ Огіо. Каждый вечеръ, по окончаніи работъ въ солеварняхъ, густая толпа соплеменниковъ окружала этого счастливца съ просьбою почитать вслухъ газету. И съ какимъ жаднымъ вниманіемъ всѣ слѣдили за его искуснымъ чтеніемъ!

Такимъ образомъ самъ собою возникъ вопросъ объ основаніи школы. Въ этой части Виргиніи не было до сихъ поръ еще ни одной школы для чернокожихъ и достать учителя было дѣломъ нелегкимъ. Подумывали уже о томъ, чтобы поручить преподаваніе грамотному мальчику изъ Огіо, но возрастъ его представлялъ слишкомъ серьезныя препятствія для исполненія такой отвѣтственной роли. По счастью, какъ разъ въ это время въ Мальденѣ появился другой грамотный негръ—бывшій солдатъ. Рѣшено было, что каждая семья будетъ ежемѣсячно удѣлять кое-что на содержаніе школы, а пропитывать учителя будутъ поочередно.

Трудно представить себѣ, говоритъ Букеръ, въ какой степени общимъ и горячимъ было стремленіе чернокожихъ попасть въ эту школу. Мужчины, женщины, дѣти—всѣ рвались туда. Даже старики и старухи мечтали о томъ, чтобы научиться читать и прочесть Библію передъ смертью. Тѣ, которые не имѣли возможности учиться днемъ, устраивали для себя «ночные классы». Учителю приходилось работать и днемъ, и ночью, и въ праздники.

Самому Букеру пришлось сначала учиться лишь поздно вечеромъ, послѣ трудового дня. Отчимъ его былъ доволенъ имъ, какъ работникомъ, вносившимъ въ семью свою лепту, и не позволилъ ему оставить солеварню. Тогда онъ сталъ пользоваться ночными уроками, и несмотря на утомленіе послѣ долгихъ часовъ физическаго труда, дѣло это шло у него такъ успѣшно, что навсегда укрѣпило въ немъ вѣру въ полезность «ночныхъ школъ». Конечно, нужно при этомъ принять во вниманіе такъ сказать органическую свѣжесть и мощь расы, не прошедшей всѣхъ испытаній культурной жизни. Автобіографія Букера Вашингтона вся проникнута этою почти непостижимою для насъ дѣвственною мощью молодого племени. Читаешь и удивляешься этой не человѣческой выносливости тѣла и духа, этимъ невѣроятнымъ проявленіямъ силы и выдержки, о которыхъ авторъ разсказываетъ, какъ о чемъ-то вполнѣ обыкновенномъ.

Ночные уроки значительно подвинули мальчика въ его стремленіяхъ. Однако, онъ не переставалъ мечтать о занятіяхъ въ дневной школѣ.

Наконецъ, онъ добился отъ вотчима разрѣшенія на это, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы онъ работалъ въ солеварнѣ съ четырехъ до девяти утра, а затѣмъ и по окончаніи школьныхъ занятій. Это была уже цѣлая побѣда. Затрудненіе заключалось только въ томъ, что утренняя работа въ солеварнѣ кончалась въ тотъ самый часъ, когда начинались занятія въ школѣ, а путь до школы былъ не близкій. Приходилось постоянно опаздывать на уроки. Тогда онъ сталъ прибѣгать къ маленькой «предосудительной» хитрости: въ конторѣ солеварни висѣли большіе стѣнные часы, которыми руководились для рабочихъ сигналовъ надсмотрщики. Мальчикъ попробовалъ передвинуть часовую стрѣлку на полчаса впередъ, вслѣдствіе чего работа окончилась раньше обыкновеннаго. Ободренный результатомъ своей продѣлки, онъ сталъ повторять ее изо дня въ день.

Хожденіе въ школу, или, вѣрнѣе, общеніе съ школьными товарищами впервые выдвинуло предъ мальчикомъ нѣкоторые житейскіе вопросы, шевельнуло нѣкоторые пункты его человѣческаго тщеславія. На первыхъ же порахъ онъ замѣтилъ, что всѣ учащіеся приходили въ школу въ шапкахъ, хотя раньше негры не имѣли обыкновенія покрывать голову. Отстать въ этомъ отношеніи отъ другихъ показалось мальчику неловкимъ, и онъ попросилъ мать, чтобы она достала ему такую же шапку, какъ у другихъ. Мать отвѣтила, что у нея нѣтъ денегъ на «покупную шапку», но что она придумаетъ, какъ помочь этому дѣлу. И дѣйствительно, черезъ нѣкоторое время она преподнесла ему шапку, собственноручно сшитую изъ кусочковъ бумазеи. «Съ тѣхъ поръ мнѣ приходилось имѣть не мало *покупныхъ* шапокъ и шляпъ, но ни одну изъ нихъ я не надѣвалъ съ чувствомъ такой гордости, какъ эту первую шапку, сшитую моей матерью изъ двухъ кусочковъ бумазеи», замѣчаетъ Букеръ. Эта маленькая исторія съ шапкою была для него и первымъ нравственнымъ урокомъ, весьма пригодившимся ему въ жизни: мать сумѣла внушить ему, что глупо тянуться за другими изъ одного только тщеславія и что многія надобности могутъ быть удовлетворены посредствомъ собственнаго труда. Мы увидимъ, какую серьезную роль сыграла эта мысль во всей послѣдующей дѣятельности Букера.

Другое затрудненіе, представившееся мальчику при посѣщеніи школы, заключалось въ томъ, что у него не было никакой фамиліи. Рабы вообще не носили никакого фамиліи. Они знали только свои личныя имена. Иногда, для отличія, къ имени раба присоединялась фамилія его бывшаго собственника: какой-нибудь Джонъ, купленный у Гаррисона, въ отличіе отъ другого Джона назывался «Гаррисоновъ Джонъ». Тотчасъ же по освобожденіи бывшіе рабы почувствовали потребность присоединить къ своимъ именамъ и подобіе фамилій. Для такого присоединенія не требовалось никакихъ формальностей: всякій придумывалъ себѣ фамилію, какую хотѣлъ. Школьные товарищи

Букера уже усвоили себѣ опредѣленныя фамиліи, и онъ чувствовалъ, что и ему пора сочинить себѣ что-нибудь подобное. Въ это именно время и такимъ именно образомъ создалась его фамилія—Вашингтонъ, которою украшена его книга и которую онъ передалъ впослѣдствіи своимъ дѣтямъ.

Время правильныхъ школьныхъ занятій оказалось, однако, для Букера очень недолгимъ. Семейныя обстоятельства скоро заставили его опять отказаться отъ посѣщенія «дневной школы». Отчимъ послалъ его теперь вмѣсто солеварни работать въ угольныя копи. Повидимому, мальчикъ не протестовалъ. Но воспоминанія его объ этой работѣ передаютъ въ немногихъ сжатыхъ и отрывочныхъ словахъ весь ужасъ дѣтской души передъ этими черными подземельями, гдѣ иногда внезапно гасъ маленькій фонарикъ и приходилось нащупывать дорогу руками и ногами, гдѣ раздавались отъ времени до времени взрывы пороха и шумъ обваловъ, засыпающихъ многихъ взрослыхъ и дѣтей. По наблюденіямъ Букера работа въ угольныхъ копяхъ, вдали отъ свѣта и чистаго воздуха, въ вѣчной, трудно отмывающейся угольной пыли, оказываетъ самое пагубное вліяніе на дѣтскую душу. Маленькіе работники постепенно привыкаютъ и къ грязи на своемъ тѣлѣ, и къ отсутствію какихъ-либо живыхъ впечатлѣній, тупѣютъ, перестаютъ о чемъ бы то ни было мечтать, къ чему бы то ни было стремиться.

Этотъ новый видъ работы легъ тяжелымъ гнетомъ и на душу Букера. Онъ жилъ въ какомъ-то вѣчномъ, непрерывномъ страхѣ. Но потребность учиться уже не могла заглохнуть въ немъ. Проводя дни подъ землею, онъ по прежнему бралъ уроки по ночамъ. Ему приходилось ходить для этого то къ одному, то къ другому учителю—иногда на очень далекое разстояніе отъ дома. Случалось, что, занимаясь съ какимъ-нибудь, только что обучившимся грамотѣ негромъ, онъ замѣчалъ, что учитель знаетъ меньше его самого. Тогда онъ старался подыскать себѣ другого учителя... Но такъ или иначе, при всѣхъ трудностяхъ и препятствіяхъ, казавшихся порою непреодолимыми, ученіе его подвигалось.

«Однажды,—разсказываетъ Букеръ Вашингтонъ,—работая въ угольныхъ копяхъ, я услышалъ разговоръ двухъ рабочихъ о большой школѣ, устроенной для чернокожихъ и находящейся гдѣ-то въ Виргиніи. Никогда мнѣ не приходилось раньше слышать что-нибудь о школѣ или колледжѣ болѣе значительнаго характера, чѣмъ маленькая негрская школа въ нашемъ городѣ. Пользуясь темнотою мины я тихонько подползъ какъ можно ближе къ разговаривающимъ. Я услышалъ, что школа была основана спеціально для представителей моей расы и что устроители ея давали возможность наиболѣе бѣднымъ и достойнымъ изъ учащихся оплачивать стоимость пансіона своею работою, причемъ ихъ обучали также ремеслу или какой-нибудь отрасли промышленности. Слушая это описаніе школы, я представлялъ ее себѣ, какъ самое чу-

десное мѣсто на всей землѣ; само небо не могло въ то время рисоваться мнѣ въ болѣе привлекательныхъ краскахъ, чѣмъ эта нормальная и промышленная школа въ Гамптонѣ, о которой они говорили. Я сейчасъ же рѣшилъ отправиться въ эту школу, хотя еще не зналъ въ точности, гдѣ именно и какъ далеко она находилась и сколько времени нужно было идти, чтобы достигнуть ея; я помню только, что горѣлъ однимъ желаніемъ—идти въ Гамптонъ. Мысль эта не покидала меня ни днемъ, ни ночью.

Однако, мальчикъ понималъ, что для достиженія этой цѣли нужно скопить кое-какія деньги. Проработавъ еще нѣкоторое время въ угольныхъ копяхъ, онъ рѣшилъ поступить на мѣсто къ одной помѣщицѣ, которая отличалась такою строгостью, что никто изъ служащихъ не могъ ужиться у нея болѣе двухъ-трехъ недѣль. Предстать передъ дамою, прославившеюся своей суровостью, было страшно. Но черезъ нѣкоторое время Букеръ сталъ разбираться въ ея требованіяхъ. Она добивалась отъ прислуги безусловной чистоты, порядка, проворства и, главное, полной честности и откровенности. Для того, кто хотѣлъ во что бы то ни стало удовлетворить этимъ требованіямъ, служеніе у нея могло быть прекрасной школой на всю жизнь. Букеръ проходилъ эту школу въ теченіе полутора лѣтъ и пріобрѣлъ сердечное расположеніе своей госпожи. Она позволила ему ходить на короткое время въ школу, не мѣшала ему заниматься по ночамъ и вообще выражала ему полное сочувствіе въ его стремленіяхъ къ образованію.

Наконецъ, насталъ день, когда мальчикъ рѣшилъ тронуться въ путь. Денегъ у него было очень мало: большую часть своего заработка онъ отдавалъ своей семьѣ. Но все-таки онъ скопилъ себѣ кое-какія гроши, кромѣ того, маленькую сумму далъ ему братъ изъ своего заработка въ угольныхъ копяхъ, а житейская неопытность позволяла ему видѣть все въ минуту отъѣзда въ розовомъ свѣтѣ. Слабая здоровьемъ мать мужественно простилась со своимъ сыномъ и благословила его въ его стремленіяхъ.

Отъ Мальдена до Гамптона было около пятисотъ миль, часть которыхъ можно было проѣхать по желѣзной дорогѣ, часть въ старомодномъ дилижансѣ. На желѣзнодорожный билетъ денегъ хватило, но когда пришлось пересѣсть въ дилижансъ, стало ясно, что добраться до Гамптона будетъ очень трудно. Поздно вечеромъ дилижансъ остановился у какого-то постоялаго двора или маленькой гостинницы, гдѣ приходилось переночевать. Мальчикъ разсчитывалъ на добросердечіе хозяина и, когда всѣ его спутники вошли въ домъ, онъ приготовился попросить, чтобы ему дали пріютъ даромъ. Но онъ еще не успѣлъ изложить своей просьбы, какъ ему объявили, что чернокожихъ вообще не впускаютъ въ эту гостинницу, какъ и во многія другія гостинницы штатовъ. «Это было моимъ первымъ жизненнымъ опытомъ по вопросу

о томъ, что можетъ значить для людей цвѣтъ кожи»,—замѣчаетъ Букеръ.

Всю ночь мальчикъ пробродилъ подлѣ гостинницы, до такой степени упоенный своими мечтами о Гамптонѣ, что въ душѣ его не оставалось даже мѣста для горечи или досады противъ оскорбившаго его хозяина гостинницы. Утромъ онъ пустился дальше. Отчасти идя пѣшкомъ, отчасти [illegible] позволенія проѣхать немного въ дилижансѣ или какомъ-нибудь частномъ экипажѣ, онъ добрался до города Ричмонда, отстоящаго отъ Гамптона всего за восемьдесятъ двѣ мили. «Когда я достиг[illegible]онда,—разсказываетъ онъ,—у меня не было буквально ни гро[illegible]ило такъ незнакомо мнѣ, я такъ не привыкъ ходить по городскимъ улицамъ,—я совершенно не зналъ, куда мнѣ направиться. Я обращался въ нѣсколько домовъ, прося пріютить меня, но повсюду требовали за это денегъ, а ихъ-то и не было у меня. Не умѣя придумать ничего лучшаго, я сталъ просто ходить по улицамъ... Я чувствовалъ утомленіе, голодъ,—все, что угодно, только не отчаяніе. Какъ разъ въ то время, когда я дошелъ до самаго крайняго утомленія, я вышелъ въ такую часть улицы, гдѣ тротуаръ былъ очень значительно приподнятъ надъ землею. Я выждалъ нѣсколько минутъ, чтобы увѣриться, что никто меня не видитъ, потомъ подползъ подъ доски тротуара и улегся на ночь на землѣ, подложивъ подъ голову мой дорожный мѣшочекъ».

На слѣдующее утро, проснувшись страшно голоднымъ, но все-таки освѣженнымъ, Букеръ умудрился заработать кое-что себѣ на завтракъ, предложивъ свои услуги одному капитану, нагружавшему судно желѣзнымъ товаромъ. Усердіе мальчика такъ понравилось капитану, что онъ предложилъ ему продолжать работу. Само собою разумѣется, что онъ съ радостью ухватился за это предложеніе и такимъ образомъ, работая изо дня въ день, проводя ночи по прежнему на землѣ, подъ досками тротуара, скопилъ себѣ маленькую сумму, на которую уже можно было добраться до Гамптона. «Это было долгое, полное разныхъ приключеній путешествіе, но при первомъ взглядѣ на большое трехъэтажное кирпичное зданіе школы, я почувствовалъ себя вполнѣ вознагражденнымъ за все испытанное... Это зданіе показалось мнѣ самымъ прекраснымъ сооруженіемъ изъ всѣхъ, какія я когда-либо видѣлъ. Одинъ видъ его какъ бы вливалъ въ меня новую жизнь. Я чувствовалъ, что для меня начинается совершенно новое существованіе—что жизнь получитъ отнынѣ для меня иной, новый смыслъ. Я чувствовалъ, что достигъ обѣтованной страны и говорилъ себѣ, что теперь уже никакія препятствія не помѣшаютъ мнѣ въ моихъ стремленіяхъ совершить самое прекрасное, что только можетъ быть въ этомъ мірѣ».

Въ эту блаженную минуту своей жизни Букеръ имѣлъ въ карманѣ всего пять центовъ и, при невозможности переодѣться и умыться послѣ утомительнаго путешествія чувствовалъ себя до крайности не-

представительнымъ. Однако онъ немедленно направился къ распорядительницѣ школы и, разсказавъ ей о своемъ положеніи, настоятельно просилъ ее о допущеніи въ школу.

Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ распорядительница не рѣшалась дать никакого опредѣленнаго отвѣта этому маленькому настойчивому негру. Наконецъ, она приказала ему убрать одинъ изъ классовъ. Мальчикъ почувствовалъ себя спасеннымъ; послѣ той суровой школы домашней службы, какую онъ прошелъ у своей хозяйки въ Мальденѣ, онъ не сомнѣвался, что выполнитъ возложенное на него порученіе съ полнымъ успѣхомъ. И дѣйствительно, осмотрѣвъ его работу, распорядительница обѣщала ему, что онъ будетъ принятъ въ школу. Уборка комнатъ оказалась его вступительнымъ экзаменомъ, и онъ блестяще выдержалъ этотъ экзаменъ, показавъ на дѣлѣ свою добросовѣстность, толковость и трудолюбіе.

IV.

Вступленіе Букера въ школу устроилось на такихъ основаніяхъ: онъ былъ сдѣланъ класснымъ сторожемъ — съ обязанностью убирать комнаты утромъ и вечеромъ, а въ вознагражденіе за свой трудъ получалъ содержаніе; что касается платы за право обученія, то ему было позволено внести ее современемъ, когда обстоятельства его улучшатся.

Дни и даже ночи мальчика проходили, такимъ образомъ, въ непрерывномъ трудѣ, но ни слова жалобъ на излишки утомленія не срывается съ пера его при воспоминаніяхъ объ этомъ періодѣ его жизни. Напротивъ онъ говоритъ объ этомъ времени и объ окружавшихъ его тогда людяхъ съ чувствомъ величайшей благодарности судьбѣ. Распорядительница школы оказалась для него впослѣдствіи самымъ добрымъ другомъ. Но съ особеннымъ благоговѣніемъ вспоминаетъ онъ о начальникѣ школы—генералѣ Армстронгѣ, проявившемъ, въ своей дѣятельности на пользу негрскаго просвѣщенія поистинѣ высокій умъ и характеръ. «Если бы удалить изъ Гамптона всѣ школьныя зданія, классы всѣхъ учителей, всѣ занятія ремеслами и оставить обучающимся тамъ мужчинамъ и женщинамъ одну только возможность быть въ ежедневномъ общеніи съ генераломъ Армстронгомъ, то и этого было бы достаточно, чтобы дать имъ воспитаніе, — говоритъ Букеръ. Чѣмъ старше я становился тѣмъ болѣе проникался убѣжденіемъ, что никакое воспитаніе посредствомъ книгъ и цѣнныхъ пособій не можетъ сравниться по своему значенію съ тѣмъ что можно вынести изъ общенія съ великими душами—мужчинами и женщинами. Какъ хотѣлъ бы я, чтобы вмѣсто постояннаго изученія книгъ наши школы и колледжи направляли насъ на изученіе людей и предметовъ дѣйствительности». Судя по разсказу Букера, генералъ Армстронгъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ

очень выдающимся и глубоко гуманнымъ человѣкомъ. Онъ былъ родомъ изъ сѣверныхъ штатовъ и участвовалъ въ кампаніи за освобожденіе негровъ, храбро сражался противъ конфедеративной арміи, но по окончаніи войны для него не существовало различія между гражданами сѣверныхъ или южныхъ штатовъ, какъ и между бѣлыми и чернокожими. «Нормальная и Промышленная школа» Гамптона, предназначенная для воспитанія негровъ, была его замысломъ и его созданіемъ, и онъ дѣлалъ все возможное, чтобы расширить свое учебное заведеніе, открыть доступъ въ него всѣмъ, нуждающимся въ обученіи. Самъ Букеръ Вашингтонъ въ своей послѣдующей просвѣтительной дѣятельности, несомнѣнно, вдохновлялся безподобнымъ примѣромъ основателя Гамптонской школы, на что онъ постоянно указываетъ и въ своей автобіографіи.

Въ то время, когда Букеръ поступилъ въ Гамптонскую школу, наплывъ учащихся былъ такъ великъ что размѣстить ихъ въ существующемъ зданіи не было никакой возможности. Въ виду этого генералъ Армстронгъ предложилъ наиболѣе молодымъ и выносливымъ изъ мужчинъ поселиться въ разбитыхъ для этой цѣли палаткахъ. Зима была чрезвычайно суровая, однако право учиться цѣнилось такъ высоко, что никому и въ голову не приходило отказаться отъ такого предложенія. По ночамъ ледяной вѣтеръ проникалъ въ палатки, приходилось мерзнуть въ буквальномъ смыслѣ этого слова, но утромъ, при видѣ любимаго начальника, совершавшаго свой обходъ, всѣ казались довольными.

Каждый день вносилъ новый лучъ свѣта въ головы обучавшихся. Но, кромѣ того, они проходили здѣсь черезъ иного рода дисциплину: пріучаясь къ правиламъ культурной жизни. «Жизнь въ Гамптонѣ была для меня непрерывнымъ откровеніемъ, постепеннымъ переходомъ въ совершенно новый для меня міръ,—говоритъ Букеръ.—Ѣда въ опредѣленные часы, за столомъ, накрытымъ скатерью, употребленіе салфетокъ, ванны, зубной щетки, простынь на кровати—все это было совершенно ново для меня. Несомнѣнно, что всѣ эти культурныя привычки были также новы и для всѣхъ другихъ воспитанниковъ Гамптонской школы, хотя Букеръ былъ самымъ молодымъ изъ нихъ, а многіе достигали даже сорокалѣтняго возраста. Во время рабства всѣ чернокожіе жили не лучше, чѣмъ семья Букера. Между тѣмъ, неопрятность негровъ, особенно въ виду ихъ физіологической особенности—непріятнаго запаха ихъ кожи, должна была служить серьезнымъ препятствіемъ для сближенія ихъ съ бѣлыми и уничтоженія существующаго на ихъ счетъ предразсудка. Правила Гамптонской школы въ отношеніи чистоты и опрятности проводились съ величайшею послѣдовательностью и строгостью. Генералъ Армстронгъ самъ осматривалъ платье и обувь учащихся, не допуская никакой неаккуратности. Нигдѣ не должно было быть ни одного пятна, ни одной непришитой пуговицы.

Имѣя одно только платье—то, которое онъ принесъ на себѣ, Букеръ былъ вначалѣ въ большомъ затрудненіи. Но вскорѣ его выручили распорядители школы, давъ ему перемѣну платья и бѣлья изъ пожертвованій, приходившихъ въ школу отъ благотворителей сѣверныхъ штатовъ. Употребленіе зубной щетки и ежедневное пользованіе ванною вскорѣ не только вошло у него въ привычку, но и сдѣлалось потребностью для него. «Я научился здѣсь понимать все значеніе ванны,—говоритъ онъ,—не только для поддержанія тѣлеснаго здоровья, но и для развитія самоуваженія и связанныхъ съ этимъ нравственныхъ качествъ». Что касается постельныхъ простынь, то Букеръ не сразу понялъ ихъ употребленіе: сначала онъ ложился прямо на матрацъ, прикрываясь обѣими простынями, потомъ ложился на обѣ простыни и, наконецъ, только, глядя на другихъ, ранѣе его поступившихъ воспитанниковъ, понялъ, въ чемъ дѣло.

Но время шло. Внимательный надзоръ воспитателей, указанія генерала Армстронга, духъ порядка въ соединеніи съ гуманностью, все это клало свой благотворный отпечатокъ на бывшихъ рабовъ, подготавливая ихъ къ иной, лучшей жизни. Учителя и надзиратели школъ не были простыми наемниками въ этомъ дѣлѣ. Они были, такъ сказать, добровольцами на поприщѣ негрскаго просвѣщенія, людьми выдающимися въ нравственномъ отношеніи, лучшими представителями своей страны. Они собрались сюда для сознательнаго выполненія тяжелой, отвѣтственной задачи и вносили въ свое дѣло исключительную любовь къ труду и исключительное самоотверженіе. Глядя на нихъ говоритъ Букеръ, нельзя было не убѣдиться, что трудъ на пользу другихъ, живая помощь ближнимъ есть источникъ настоящаго счастья. Освобожденнымъ рабамъ естественно было понимать счастье совсѣмъ иначе: многіе изъ нихъ стремились къ тому, чтобы отдѣлаться отъ всякаго физическаго труда, добиться всѣми возможными способами праздной и спокойной жизни маленькихъ буржуа. Гамптонская школа содѣйствовала развитію совершенно противоположныхъ принциповъ и стремленій. Букеръ съ восторженнымъ удивленіемъ вспоминаетъ объ одной воспитательницѣ, родомъ изъ старинной и интеллигентной семьи, которая, передъ возобновленіемъ школьныхъ занятій послѣ лѣтнихъ вакацій, въ теченіе двухъ недѣль мыла окна, мела комнаты, убирала постели и т. п. «Въ то время мнѣ трудно было понять,—говоритъ онъ,—какое удовольствіе могла находить женщина съ такимъ воспитаніемъ и общественнымъ положеніемъ въ этомъ трудѣ, въ работѣ надъ воспитаніемъ нашей несчастной расы». Но высокій примѣръ дѣлалъ свое дѣло: Букеръ научился любить и уважать трудъ, въ которомъ онъ раньше видѣлъ только тяжкую горькую необходимость.

V.

Какъ уже было сказано выше, Букеръ оплачивалъ пансіонъ работою въ качествѣ класснаго сторожа. Но при этомъ у него не было ни гроша денегъ, на какія-бы то ни было личные расходы, и когда прошелъ первый учебный годъ, наступило лѣто, и всѣ воспитанники разбрелись по своимъ домамъ, онъ оказался въ крайне затруднительномъ положеніи. О томъ, чтобы повидать семью, нельзя было и думать. Приходилось искать заработка для какого ни на есть существованія въ Гамптонѣ и для отдачи долга школѣ за право обученія. Послѣ долгихъ поисковъ ему удалось найти временное мѣсто слуги въ одномъ ресторанѣ. Плата была крошечная и, несмотря ни на какія усилія, съэкономить за лѣто ничего не удалось. Но за то у него оставалось кое-какое свободное время, и онъ воспользовался имъ, чтобы поработать надъ книгами. Когда настало время учебныхъ занятій, Букеръ не зналъ съ какими глазами показаться казначею школы, которому онъ не могъ внести платы даже за обученіе прошлаго года. Но долгъ былъ великодушно отсроченъ на неопредѣленное время, а въ уплату за содержаніе опять взяли трудомъ, въ той же должности класснаго сторожа.

Второй годъ пребыванія въ Гамптонской школѣ былъ новою ступенью въ его умственномъ развитіи. Во-первыхъ одна изъ учительницъ внушала ему особенный интересъ къ Библіи «не только съ точки зрѣнія духовной поддержки, какую онъ даетъ, но и съ чисто-литературной точки зрѣнія». Во-вторыхъ, та же учительница помогла ему въ развитіи его ораторскихъ способностей, которыя, очевидно, сказывались въ немъ уже въ то время и которыя должны были впослѣдствіи создать ему настоящую славу. «Съ ранняго дѣтства—говоритъ Букеръ,—я чувствовалъ потребность содѣйствовать такъ или иначе усовершенствованію міра и быть въ состояніи говорить міру о необходимости усовершенствованія». Упомянутая учительница стала давать ему приватные уроки выразительной рѣчи, а «субботнія собранія» Гамптоновской школы, предназначенныя спеціально для развитія дара слова у учащихся, дали ему первую возможность приложить ея указанія практически. Не довольствуясь этимъ, Букеръ организовалъ товарищескій кружокъ, цѣль котораго состояла въ такомъ же упражненіи ораторскихъ способностей и который пользовался для своихъ собраній двадцатью свободными минутами, оставшимися между ужиномъ и вечерними занятіями.

По окончаніи второго учебнаго года Букеру удалось, благодаря маленькой денежной помощи со стороны матери и брата, провести лѣтнія вакаціи въ своей родной семьѣ. Возвращеніе его въ Мальденъ было встрѣчено его соплеменниками съ истиннымъ восторгомъ. Каждый день ему приходилось посѣщать то или другое изъ знакомыхъ семействъ, гдѣ его угощали съ самымъ теплымъ радушіемъ и застав-

ляли вновь и вновь разсказывать фантастически-прекрасную исторію о его обученіи въ Гамптонѣ и обо всемъ, что дѣлалось тамъ на пользу негрскаго просвѣщенія. Кромѣ того, онъ долженъ былъ публично говорить на ту же тему въ собраніяхъ передъ церковью и въ воскресной школѣ.

Но праздникъ былъ недологъ. Денежная нужда попрежнему давала чувствовать себя. Нужно было во что бы то ни стало найти временный заработокъ, а это было не такъ-то просто. Приходилось предлагать свои услуги разнымъ лицамъ въ окрестностяхъ города. Въ одну изъ такихъ отлучекъ Букеръ получилъ ужасное для него извѣстіе: умерла его мать. «Это была одна изъ самыхъ горькихъ и черныхъ минутъ моей жизни,—говоритъ онъ по этому поводу.—Уже нѣсколько лѣтъ здоровье моей матери было плохо, но уходя отъ нея наканунѣ, я не допускалъ и мысли что мнѣ не придется больше увидѣть ее. Кромѣ того, я всегда горячо желалъ быть при ней въ ея послѣдній часъ. Одинъ изъ главныхъ мотивовъ, побуждавшихъ меня въ свое время стремиться въ Гамптонъ, состоялъ въ желаніи достигнуть такого положенія, при которомъ я могъ какъ можно лучше и удобнѣе устроить мою мать. И она такъ часто выражала желаніе дожить до того дня, когда она могла бы видѣть своихъ дѣтей, окончившими образованіе и устроенными».

Послѣ смерти матери семья и родной домъ Букера быстро пришли въ упадокъ. Сестра его была слишкомъ молода, чтобы исполнять обязанности хозяйки, отчимъ его былъ, конечно, неспособенъ къ этому. Во всемъ чувствовался безпорядокъ, запущенность. При такихъ условіяхъ оставаться въ Мальденѣ было тяжело, и Букеръ очень обрадовался, получивъ изъ Гамптона приглашеніе явиться въ школу до начала занятій, чтобы помочь въ уборкѣ дома.

Послѣдній годъ ученія прошелъ въ непрерывномъ упорномъ трудѣ. Букеру хотѣлось окончить школу съ отличіемъ. Старанія его увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Въ іюнѣ 1875 г. онъ окончилъ курсъ Гамптонской школы и былъ награжденъ «почетной ролью актоваго оратора».

VI.

Послѣ окончанія школы Букеръ долженъ былъ опять взяться за первую предлагаемую работу изъ-за куска хлѣба и прослужилъ лѣто въ ресторанѣ. Но теперь онъ имѣлъ уже другое вѣрное средство заработка, болѣе соотвѣтствующее его истинному призванію.

Скопивъ немного денегъ и вернувшись въ Мальденъ, онъ сейчасъ же взялся за обученіе своихъ соплеменниковъ. Нужда въ школахъ и хорошихъ учителяхъ давала чувствовать себя на каждомъ шагу. Горячее стремленіе негровъ, безъ различія пола и возраста, къ образованію не прекращалось. Лицъ, предлагавшихъ свои услуги въ каче-

ствѣ учителей, тоже было не мало. Но лишь очень немногіе были дѣйствительно подготовлены для этого дѣла. Ни тѣ, которые стремились учиться, ни тѣ, которые охотно выступили въ роли учителей, не умѣли отдать себѣ яснаго отчета въ томъ, чему и какъ надо учить и учиться. Образцомъ высшаго существа, свободнаго и просвѣщеннаго человѣка, являлся для бывшихъ рабовъ ихъ прежній господинъ, гнушающійся физическаго труда и изучающій въ школѣ древнихъ классиковъ. Намъ странно слышать это,—но, по словамъ Букера Вашингтона, многіе негры стремились начать свое образованіе съ изученія греческаго и латинскаго языка.

Вообще картина того умственнаго и нравственнаго состоянія, въ которомъ находились негры въ это время, является крайне характерною и поучительною. Освободивъ ихъ отъ рабства и даровавъ имъ вскорѣ и равенство въ гражданскихъ и политическихъ правахъ, правительство Соединенныхъ Штатовъ не приняло со своей стороны достаточныхъ мѣръ для того, чтобы уравнять ихъ съ бѣлыми въ культурномъ отношеніи. Такія превосходныя образовательныя учрежденія, какъ школа въ Гамптонѣ, были исключительнымъ явленіемъ и организовались по частной иниціативѣ. Молодое племя находилось въ опасности пойти въ своей дальнѣйшей жизни по совершенно ложному пути, увлечься, такъ сказать, мишурною, показною стороною цивилизаціи. Противъ этой то опасности боролся такъ энергично генералъ Армстронгъ со своими помощниками. Эта же опасность ясно сознавалась, по окончаніи школы, и Букеромъ Вашингтономъ. Благоговѣя передъ тѣмъ подвигомъ, который совершенъ былъ освободителями негровъ, онъ, однако, съ полнымъ безпристрастіемъ разсуждаетъ о дальнѣйшей внутренней политикѣ правительства, а также и объ ошибкахъ своихъ соплеменниковъ. И во всемъ, что онъ говоритъ по этому поводу, чувствуется его свѣтлый, трезвый умъ и настоящая, неподкупная справедливость.

Среди невѣжественныхъ массъ негрскаго племени все сильнѣе сказывалось тяготѣніе къ высокимъ должностямъ и обязанностямъ политическаго дѣятеля, учителя и проповѣдника. Букеръ описываетъ нѣсколько случаевъ, какъ нельзя характернѣе рисующихъ ту простодушную наивность, съ какою сказывались эти стремленія. Среди учителей были люди, едва умѣющіе подписать свое имя и, однако, нисколько не сомнѣвающіеся въ своей способности обучить другихъ. Когда одного изъ такихъ учителей въ окрестностяхъ Мальдена спросили, приглашая его въ школу, что онъ знаетъ о формѣ земли и что преподастъ на этотъ счетъ своимъ ученикамъ, онъ спокойно отвѣтилъ, что можетъ трактовать этотъ вопросъ на любой ладъ: можно говорить, что земля кругла или плоска,—какъ будетъ угодно большинству его патроновъ.

Должность пастора, проповѣдника тоже представлялась новоосвобожденнымъ неграмъ верхомъ земнаго благополучія, и число претендентовъ на эту должность было буквально неисчислимо. Какой-нибудь

несчастный чернокожій труженникъ, проводившій свои дни въ угольныхъ копяхъ или на плантаціи по найму, вдругъ чувствовалъ въ одинъ прекрасный день, что его осѣняетъ «вдохновеніе свѣта», что въ немъ открывается способность проповѣдывать. Обыкновенно это вдохновеніе, этотъ особенный призывъ къ дѣятельности высшаго порядка нисходилъ на бѣдняковъ во время церковной службы, подъ впечатлѣніемъ проповѣди уже посвященнаго пастора. Тогда онъ бросался со скамьи на полъ и лежалъ такъ нѣсколько часовъ, обращая на себя общее вниманіе и такимъ способомъ внушая окружающимъ увѣренность, что онъ принадлежитъ къ числу избранниковъ Божіихъ. Послѣ этого было уже не трудно дѣйствительно сдѣлаться служителемъ церкви, такъ какъ при особенностяхъ мѣстнаго вѣроисповѣданія число такихъ служителей можетъ быть очень значительно. Букеръ зналъ одну церковную общину, въ которой было не болѣе двухсотъ членовъ и которая имѣла при этомъ восемьдесятъ пасторовъ и проповѣдниковъ. О томъ, какъ несложенъ былъ психологическій процессъ, приводившій къ рѣшимости сдѣлаться проповѣдникомъ, свидѣтельствуетъ слѣдующій разсказанный Букеромъ случай. Одинъ старый негръ, изъ Алабамы, проработалъ нѣсколько часовъ на хлопчато бумажной плантаціи подъ палящимъ зноемъ іюльскаго солнца, вдругъ остановился и воскликнулъ: «О Господи! Хлопокъ такъ густъ, работа такъ тяжела, а солнце жжетъ такъ горячо, что мнѣ кажется... этотъ чернокожій призванъ проповѣдывать!»

Что касается участія въ политикѣ, выборахъ, стремленія къ выборнымъ должностямъ разнаго порядка, то это сдѣлалось настоящей горячкой среди негровъ. Отсутствіе какого-либо образовательнаго ценза не мѣшало политическому полноправію, и политическое честолюбіе, если можно такъ выразиться въ данномъ случаѣ, волновало самыхъ невѣжественныхъ представителей чернокожей расы. Бывали случаи, когда чернорабочіе занимали на время очень высокую общественную должность, чтобы потомъ опять вернуться къ своей профессіи. Однажды, проходя мимо строющагося дома, Букеръ былъ пораженъ возгласами: раздававшимися съ подмостокъ верхняго этажа: «Ну, тащи, тащи, губернаторъ! Тащи, тащи!» Слова эти относились къ одному изъ рабочихъ, таскавшихъ наверхъ кирпичи, который нѣкоторое время занималъ должность вице-губернатора въ томъ самомъ штатѣ, гдѣ онъ теперь попрежнему таскалъ кирпичи. И это былъ еще одинъ изъ лучшихъ случаевъ, потому что обыкновенно занятіе какой-либо общественной должности кружило голову невѣжественнымъ людямъ и отбивало у нихъ всякую охоту вернуться къ тяжелой трудовой жизни.

Центромъ политическихъ стремленій являлся, конечно, г. Вашингтонъ, гдѣ находилась палата представителей, сенатъ и «Бѣлый домъ» президента. Нѣкоторымъ неграмъ уже удалось попасть въ палату представителей, одинъ былъ членомъ сената. Многія сотни чернокожихъ проживали въ Вашингтонѣ, ожидая выборовъ и надѣясь попасть

въ число избранниковъ, которые къ тому же получали во время исполненія своихъ обязанностей и порядочное жалованье. Но часто случалось, что этого жалованья не хватало счастливцамъ, удостоившимся чести получать его: у нихъ развивалась склонность жить на широкую ногу, пускать пыль въ глаза,—они запутывались въ долги и, по отбытіи своихъ обязанностей, впадали въ совершенную нищету. Даже самые скромные и ничтожные молодые люди, попавъ въ столицу и добившись какой нибудь маленькой частной должности, готовы были истратить послѣдніе гроши, чтобы проѣхаться по главной улицѣ города въ шикарномъ экипажѣ. «Сколько разъ приходилось мнѣ думать въ то время, и какъ часто и теперь еще думаю я объ этомъ,—говоритъ Букеръ,—что хорошо было бы разселить большинство этихъ людей по разнымъ округамъ страны, посадить ихъ на землю, устроить ихъ жизнь на твердыхъ и надежныхъ основаніяхъ матери-природы; вѣдь всѣ націи и расы, которымъ суждено было достигнуть чего-нибудь, съ этого именно начали свое наступательное движеніе,—движеніе медленное и затрудненное, но зато вѣрное». То же самое говоритъ Букеръ и относительно молодыхъ негритянокъ, получившихъ извѣстное образованіе и стремящихся прежде всего къ удовлетворенію своего тщеславія. Окончивъ курсъ своего ученія, дочери простыхъ трудолюбивыхъ работницъ желали прежде всего имѣть дорогія платья, шляпы, башмаки. «Словомъ, потребности ихъ значительно развились, тогда какъ умѣніе удовлетворять эти потребности не развилось въ надлежащей степени». Исключительно книжное обученіе ослабило въ нихъ способность къ физическому труду. «И много разъ думалось мнѣ,—говоритъ Букеръ,—что было бы гораздо разумнѣе, если бы, давая имъ такое же умственное воспитаніе—я одобряю всѣ пути умственнаго развитія, будь то изученіе языковъ или математики, ибо это усиливаетъ и углубляетъ духъ человѣческій,—но въ то же время обучали бы этихъ дѣвушекъ новѣйшимъ и наиболѣе совершеннымъ способамъ стирки или какимъ-нибудь другимъ видамъ физическаго труда».

Картина, нарисованная Букеромъ, не представляетъ изъ себя ничего исключительнаго, мѣстнаго, связаннаго съ тою или другою расою или эпохою. Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ невѣжественные и полуобразованные люди, выбившись изъ болѣе низкаго общественнаго положенія въ высшее, выказываютъ презрѣніе къ труду и хотятъ воспользоваться прежде всего мишурною стороною культуры. Во всѣ времена просвѣщенная часть общества стремилась сбросить съ себя бремя физической работы и взвалить ее на плечи бѣдныхъ и темныхъ Соотвѣтственно съ этимъ ведется и воспитаніе младшихъ поколѣній. Протестъ противъ такого положенія вещей тоже не является вполнѣ новымъ для нашего времени. Но въ устахъ Букера Вашингтона протестъ этотъ пріобрѣтаетъ особенный смыслъ и особенную силу, потому что вся жизнь этого человѣка была протестомъ *на дѣлѣ*, непрерыв-

ною практическою борьбою противъ низкихъ и грубыхъ инстинктовъ, замѣченныхъ имъ прежде всего у своихъ соплеменниковъ и для нихъ, именно, какъ для молодой расы, особенно опасныхъ. Его педагогическая дѣятельность съ самаго начала, съ момента выхода изъ школы, проникнута совершенно опредѣленною идеею, родившеюся въ немъ подъ вліяніемъ его гамптонскихъ воспитателей, но пустившей глубокіе корни въ его собственномъ умѣ и развитой имъ съ удивительной послѣдовательностью.

Вотъ что разсказываетъ Букеръ о началѣ своей педагогической дѣятельности: «Когда я вернулся въ Мальденъ, меня избрали преподавателемъ въ мѣстной школѣ для чернокожихъ. Это было началомъ одного изъ самыхъ счастливыхъ періодовъ моей жизни. Съ первыхъ же дней я почувствовалъ, что одного книжнаго обученія было недостаточно для молодого населенія города. Я начиналъ свой трудъ въ восемь часовъ утра и обыкновенно не оканчивалъ его ранѣе десяти часовъ ночи. Въ дополненіе къ обычному преподаванію, я пріучалъ моихъ учениковъ причесывать волосы, держать въ чистотѣ руки и лицо, чистить платье. Особенное вниманіе обращалъ я на то, чтобы они научились употребленію зубной щетки и ванны... Въ городѣ было не мало взрослыхъ юношей и дѣвушекъ, а также зрѣлыхъ мужчинъ и женщинъ, занятыхъ въ теченіе дня тою или другою работою, но вмѣстѣ съ тѣмъ всячески искавшихъ случая получить образованіе,—такъ что вскорѣ я открылъ вечернюю школу. Съ самаго своего возникновенія эта вечерняя школа привлекала почти столько же народу, сколько дневная. Прилежаніе этихъ мужчинъ и женщинъ, достигшихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ пятидесятилѣтняго возраста и даже еще болѣе старыхъ, было поистинѣ трогательно. Дневная и ночная школа не были моимъ единственнымъ дѣломъ. Я основалъ также маленькую читальню и общество дебатовъ. По воскресеньямъ я преподавалъ въ двухъ воскресныхъ школахъ—въ одной, находившейся въ самомъ Мальденѣ, въ послѣполуденное время, въ другой, отстоявшей за три мили отъ Мальдена, по утрамъ. Въ дополненіе къ этому я давалъ частные уроки нѣкоторымъ молодымъ людямъ, которыхъ я подготавливалъ къ поступленію въ Гамптонскую школу.

Однимъ изъ такихъ учениковъ Букера, подготавливаемыхъ имъ въ гамптонскую школу, сдѣлался и старшій братъ его Джонъ, который во время обученія Букера самоотверженно поддерживалъ своимъ трудомъ всю семью. Подготовка эта шла какъ нельзя болѣе успѣшно. Джонъ скоро отправился въ Гамптонъ, а по окончаніи имъ школы, черезъ три года, оба брата соединили свои усилія, чтобы подготовить для поступленія туда же своего младшаго, пріемнаго брата.

Однако, Букеръ чувствовалъ потребность нѣсколько расширить собственное образованіе. Въ виду этого, проработавъ два года въ мальденскихъ школахъ, онъ поступилъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ одинъ

изъ колледжей Вашингтона. Здѣсь образованіе носило исключительно теоретическій, научный характеръ, техника и практическое воспитаніе были въ пренебреженіи. Учащіеся здѣсь замѣтно отличались отъ воспитанниковъ гамптонской школы. Они были значительно богаче, лучше одѣты, нѣкоторые изъ нихъ выдавались блестящими умственными способностями. Но наблюденія надъ ними только укрѣпили въ Букерѣ его убѣжденія въ преимуществахъ гамптонской системы. «Воспитанникъ Гамптона, обучаясь техникѣ, долженъ былъ постоянно направлять свои усилія на то, чтобы самостоятельно справляться со своими житейскими нуждами, и это имѣло огромное значеніе для образованія характера. Учащіеся этой, Вашингтонской школы не могли быть столь независимыми. Они склонны были также обращать особенное вниманіе на совершенно внѣшнія вещи... По окончаніи школы они были лучше знакомы съ греческимъ и латинскимъ языкомъ, но зато меньше знали жизнь, хуже понимали тѣ стороны ея, съ которыми они должны были столкнуться по возвращеніи домой». Многіе изъ нихъ въ погонѣ за легкимъ житейскимъ успѣхомъ и наживою подпали впослѣдствіи искушенію стать хозяевами отелей или избрать «въ качествѣ дѣла всей своей жизни» службу на желѣзной дорогѣ.

Въ этихъ строкахъ книги Букера Вашингтона звучитъ замѣтное пренебреженіе къ людямъ буржуазнаго типа, къ жизни, лишенной какого-либо высшаго смысла и безкорыстнаго стремленія «сдѣлать міръ хоть немного лучше, чѣмъ онъ есть».

VI.

Ко времени окончанія курса въ Вашингтонской школѣ Букеръ Вашингтонъ пользовался уже въ своемъ штатѣ такою извѣстностью, что на долю его выпало исполненіе отвѣтственной и довольно почетной обязанности. Въ это время правительство Западной Виргиніи рѣшило перенести административный центръ штата изъ не подходящаго болѣе для этой цѣли Уплинга въ одинъ изъ трехъ другихъ значительныхъ городовъ. Среди этихъ назначенныхъ трехъ городовъ былъ и Чарлстонъ находившійся поблизости отъ Мальдена. Репутація Букера, какъ выдающагося оратора, побудила гражданъ Чарльстона призвать его въ качествѣ агитатора за ихъ интересы. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ онъ разъѣзжалъ изъ одного мѣстечка въ другое, и цѣль его стараній была достигнута: первенство осталось за Чарлстономъ.

Было бы естественно, если бы этотъ успѣхъ на поприщѣ оратора и агитатора пробудилъ въ Букерѣ стремленіе къ политической дѣятельности, которая представлялась столь соблазнительною всѣмъ его соплеменникамъ. И дѣйствительно, многіе старались склонить его къ этому. Но, вѣрный своей честной и безкорыстной натурѣ, онъ не склонился на этотъ соблазнъ: карьера политическаго дѣятеля казалась ему

черезчуръ эгоистическою, не соотвѣтствующею насущнымъ нуждамъ его народа, которому прежде всего недоставало просвѣщенія и необходимой степени цивилизаціи. Онъ предпочелъ остаться педагогомъ и вернулся къ своимъ учительскимъ обязанностямъ въ Мальденъ.

Однако ему не суждено было остаться на этомъ скромномъ посту. Не успѣлъ онъ взяться за свое учительство, какъ его вызвали въ Гамптонъ, гдѣ генералъ Армстронгъ поручилъ ему сказать публичную рѣчь при открытіи въ школѣ новаго семестра, а затѣмъ тотъ же генералъ Армстронгъ упросилъ его взять въ школѣ постоянное и очень отвѣтственное мѣсто—въ качествѣ воспитателя краснокожихъ, впервые допущенныхъ въ школу. Задача Букера была не изъ легкихъ. Самый опытъ допущенія въ негрскую школу индѣйцевъ представлялъ нѣкоторый рискъ: при полномъ невѣжествѣ представители этой вымирающей расы отличались крайнимъ высокомѣріемъ. Даже къ покорителямъ своимъ, бѣлымъ, они относились не только съ предубѣжденіемъ, но и съ нѣкоторымъ презрѣніемъ. Тѣмъ болѣе презирали они негровъ, которые такъ долго и терпѣливо несли крестъ рабства, никогда не извѣданнаго индѣйцами и совершенно ненавистнаго ихъ вольнолюбивой и дикой природѣ. По отношенію къ бѣлымъ краснокожіе находились также въ привиллегированномъ положеніи передъ неграми: они свободно допускались, наравнѣ съ бѣлыми, въ разныя общественныя мѣста, куда негровъ не допускаютъ. На желѣзныхъ дорогахъ, напр., негры должны ѣздить въ особыхъ вагонахъ; многіе отели до сихъ поръ совершенно недоступны для нихъ. Взявъ на себя обязанности воспитателя при отдѣленіи для краснокожихъ, Букеръ не разъ оказывался въ самомъ затруднительномъ положеніи. Однажды ему пришлось отвозить одного изъ своихъ воспитанниковъ въ вашингтонскую лѣчебницу. Когда пароходная публика собралась въ общую столовую къ обѣду, Букеръ предусмотрительно выждалъ въ своей каютѣ окончанія обѣда, но и тутъ доступъ въ общую столовую былъ ему воспрещенъ, тогда какъ воспитанникъ его могъ идти туда на общихъ основаніяхъ. Въ одной изъ гостинницъ, гдѣ они хотѣли остановиться, ему также отказали въ пріемѣ, хотя ничего не имѣли противъ допущенія краснокожаго.

Но Букеръ не обращалъ особеннаго вниманія на всѣ эти непріятности и мужественно продолжалъ свое дѣло. Обученіе индѣйцевъ англійскому языку шло у него вначалѣ успѣшно. Наибольшая трудность, по его словамъ, заключалась для него въ томъ, чтобы заставить ихъ отказаться отъ такихъ невинныхъ, но упорныхъ привычекъ ихъ племени, какъ привычка постоянно курить, носить длинные волосы и особое покрывало. По своему образу мыслей Букеръ былъ даже вовсе не склоненъ бороться съ такими чисто внѣшними племенными особенностями, «но,—говоритъ онъ,—нѣдь ни одинъ бѣлый американецъ не признаетъ представителя другой расы вполнѣ цивилизованнымъ, пока тотъ не станетъ носить его одежды, ѣсть его пищи, говорить его языкомъ и

исповѣдывать его религіи». И воспитателямъ Гамптонской школы приходилось признать эти требованія массы, какъ force majeure, и сообразоваться съ ними въ интересахъ самихъ воспитанниковъ.

Вѣроятно молодые индѣйцы, порученные презрѣнному для нихъ негру, скоро почувствовали и его умственное превосходство, и его гуманность, потому что предубѣжденіе ихъ стало быстро разсѣиваться, и они начали выражать ему уваженіе и даже теплую, искреннюю любовь.

По прошествіи года генералъ Армстронгъ поручилъ Букеру и другую должность при Гамптонской школѣ,—должность, къ которой онъ былъ хорошо подготовленъ испытаніями собственной юности. Изъ числа молодыхъ людей—мужчинъ и женщинъ, стремившихся поступить въ Гамптонскую школу, было нѣсколько такихъ, которые, подобно самому Букеру въ былое время, пришли туда съ пустыми руками, не имѣя ни гроша, чтобы заплатить за право ученія и за пансіонъ. При отсутствіи какихъ-либо доходовъ, превышавшихъ необходимые расходы, и какихъ-либо дополнительныхъ средствъ, школа не имѣла ни малѣйшей возможности допускать безплатныхъ пансіонеровъ. Поэтому рѣшено было обходить затрудненіе тѣмъ же способомъ, какъ это было сдѣлано нѣкогда по отношенію къ Букеру: бѣдные, но способные молодые люди оставлялись при школѣ въ качествѣ работниковъ, съ обязанностью трудиться въ теченіе десяти часовъ въ день на открытой при школѣ лѣсопильнѣ, а женщины—въ прачешной, за что имъ давалось полное содержаніе, два часа занятій въ «ночной школѣ» и право перейти затѣмъ безъ дополнительной платы въ дневные классы.

Букеръ сдѣланъ былъ преподавателемъ этой ночной школы и воспитателемъ всѣхъ въ ней учащихся. Вначалѣ онъ имѣлъ всего двѣнадцать учениковъ. Но дѣло пошло какъ нельзя болѣе успѣшно, и воспитанники его класса, благодаря вліянію учителя, скоро стали особенно популярными среди пансіонеровъ школы и даже среди окрестнаго населенія. Не прошло и нѣсколькихъ недѣль, какъ число ихъ возросло до двадцати пяти. Всѣ они прошли полный курсъ школы и добились впослѣдствіи хорошаго жизненнаго положенія. Удачно задуманная и превосходно выполненная мысль стала приносить богатые плоды: въ настоящее время число учениковъ въ ночной школѣ Гамптона достигаетъ уже нѣсколькихъ сотъ человѣкъ.

Л. Гуревичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

АНГЛІЙСКАЯ ГОДОВЩИНА.

1827—1902.

(Къ семидесятипятилѣтію со дня смерти Джорджа Каннинга).

I.

Не нова уже фраза, что Европа переживаетъ въ настоящее время «историческіе будни». Съ точки зрѣнія обществовѣда, эта фраза не имѣетъ ровно никакого значенія, ибо понятіе о «будняхъ» и «праздникахъ» въ исторіи всегда должно имѣть чрезвычайно условный и, главное, субъективный смыслъ. Да и кромѣ того, огромныя массы въ каждомъ народѣ остаются — за вычетомъ весьма рѣдкихъ мгновеній—слишкомъ безучастными къ быстрой смѣнѣ впечатлѣній, среди которыхъ живетъ болѣе культурная и больше о себѣ говорящая часть націи. Кажутся ли тому или иному слою этой болѣе культурной части народа впечатлѣнія исторической дѣйствительности праздничными или будничными, или погребальными,—до всего этого народнымъ массамъ нѣтъ и не можетъ быть никакого дѣла: у нихъ своя жизнь, свои воззрѣнія, свои болѣе инертныя и медленнѣе раскачиваемыя мысли и чувства. Но фраза о «будняхъ» понятна и, быть можетъ, законна въ другомъ отношеніи: въ однѣ эпохи умственно-передовые слои общества живѣе, болѣе захватывающе переживаютъ современную имъ исторію, она предстаетъ предъ ними въ рѣзкихъ очертаніяхъ, яркихъ картинахъ, покоряющихъ фантазію образахъ; въ другія эпохи этимъ общественнымъ слоямъ историческая дѣйствительность представляется, на самомъ дѣлѣ, въ видѣ долгаго сѣренькаго осенняго дня, безъ солнца, безъ грозы и безъ особенно развлекающихъ умъ дурныхъ ли, хорошихъ ли происшествій. Только въ этомъ узкомъ, условномъ и, пожалуй, *сословномъ* смыслѣ и возможно толковать о любой исторической эпохѣ, какъ о будняхъ или не—будняхъ. Несомнѣнно одно: давно уже пульсъ исторической жизни европейскихъ народовъ не выбивалъ такихъ, сравнительно равномѣрныхъ ударовъ, какъ въ концѣ XIX-го и началѣ XX-го вв., и никакое самочувствіе, всегда по существу своему субъективное, не можетъ нагляднѣе установить эту истину, нежели общій взглядъ на событія минувшаго столѣтія,—сравненіе быстроты темпа

исторической жизни въ первыя три четверти столѣтія съ быстротою темпа за послѣднее двадцатипятилѣтіе. Цѣлый міръ политической, научной и философской мысли, художественнаго творчества, ожесточеннѣйшая борьба между расами, между классами, между континентами—все это осталось за Европою въ ближайшемъ ея прошломъ. Много было передумано и сдѣлано, много выдвинулось яркихъ и сильныхъ представителей мысли и дѣла, чувства и разсчета, обороны и нападенія. XIX-ый вѣкъ былъ вѣкомъ замѣчательныхъ индивидуальностей, появившихся въ количествѣ, удивительномъ даже по сравненію съ предыдущимъ столѣтіемъ,—и въ этомъ смыслѣ, дѣйствительно, почти весь онъ былъ сплошнымъ «праздникомъ», а не буднями. «Какъ ярилась, какъ кипѣла, какъ пылала, какъ гремѣла здѣсь народная война въ страшный день Бородина», говорилъ Жуковскій, вспоминая среди засѣяннаго поля, какъ тамъ «бомбы падали дождемъ, и земля тряслась кругомъ». То, что переживалъ поэтъ своимъ творческимъ воображеніемъ, встаетъ предъ всякимъ знакомящимся съ историческими фактами недавняго европейскаго прошлаго—безъ участія фантазіи, изъ книгъ, изъ мемуаровъ, изъ всѣхъ «человѣческихъ документовъ», оставленныхъ этимъ прошлымъ. Забытые и памятные дѣятели снова оживаютъ, опять борятся, дѣлаютъ преступленія и подвиги, жертвуютъ своею и чужою жизнью, устраиваютъ бойни, интригуютъ, мечтаютъ, раскаиваются, убиваютъ и крадутъ, молятся и богохульствуютъ, пытаютъ и сентиментальничаютъ. Крупные характеры, быстрые умы, обширные замыслы, дерзкія начинанія, яркіе поступки—много всего этого видѣла Европа въ близкомъ своемъ прошломъ. Но человѣкъ, сошедшій съ міровой арены семьдесятъ пять лѣтъ тому назадъ, среди этихъ крупныхъ характеровъ и быстрыхъ умовъ занимаетъ весьма опредѣленное мѣсто, которое съ нимъ раздѣляютъ въ исторіи XIX-го вѣка очень немногіе: онъ правилъ одною изъ могущественнѣйшихъ странъ міра въ самую сумеречную эпоху всеевропейской реакціи и пользовался своею властью и силою не на пользу угнетателей, а на пользу угнетенныхъ; въ годы, когда Меттернихъ и его друзья съ пренебрежительною насмѣшкою говорили о безусыхъ удиверситетскихъ мальчишкахъ, являющихся единственными противниками ихъ мудрой и здравой политики,—этотъ человѣкъ сталъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ на сторону безусыхъ университетскихъ мальчишекъ; пушечныя жерла перваго въ мірѣ флота по одному мановенію его руки готовы были заговорить въ унисонъ съ прятавшимися и гонимыми на континентѣ «преступными фантазерами», по крайней мѣрѣ по цѣлому ряду весьма важныхъ вопросовъ; въ краткій моментъ своего могущества онъ сдѣлалъ свою политику во многомъ матеріализаціей протеста противъ меттерниховщины, протеста, безсильнаго и робкаго въ другихъ мѣстахъ.

За долгіе годы, за всю эпоху, окончившуюся іюльской революціей, политика Джорджа Каннинга была отвѣтною пощечиною многимъ и на

многое. Онъ сошелъ въ могилу въ расцвѣтѣ душевныхъ силъ, находясь въ апогеѣ власти и вліянія, успѣвъ осуществить далеко не все, что можно было бы ожидать впослѣдствіи. Но моральное значеніе этой фигуры ужъ потому не должно быть забыто, что исторія вовсе не избаловала Европу подобными явленіями. Его помянутъ, вѣрно, теплымъ словомъ въ Португаліи, въ Испаніи, а также въ Южной Америкѣ, въ Греціи, освобожденію которыхъ онъ такъ сильно содѣйствовалъ; къ Россіи онъ такого прямого и непосредственнаго отношенія не имѣлъ, но пусть уже эти нѣсколько словъ, которыя мы хотимъ посвятить его памяти, будутъ оправданы хоть тѣмъ соображеніемъ, что въ годы дѣятельности и смерти Каннинга, и Грецiя, и романскія событія оказывались не совсѣмъ чуждыми въ наиболѣе отдаленныхъ отъ нихъ широтахъ: самый національный и великій русскій поэтъ не разъ обращался мыслью къ мѣстамъ, гдѣ «воскресла древнихъ грековъ слава» и повѣствовалъ о томъ, какъ «сказали разъ царю, что, наконецъ, мятежный вождь Ріего былъ удавленъ...» Испанскіе, южно-американскіе, греческіе интересы являлись тогда, во многихъ отношеніяхъ, космополитическими ужъ потому, что объединяли передовые слои европейскаго общества сочувствіемъ къ борющимся за освобожденіе. Быть можетъ, хоть вслѣдствіе этого, не слѣдуетъ совершенно обойти молчаніемъ годовщину смерти одного изъ замѣчательнѣйшихъ пушкинскихъ современниковъ...

II.

Джорджъ Каннингъ родился въ апрѣлѣ 1770 года, въ семьѣ, весьма бѣдной (хотя и довольно извѣстной и старой). По смерти отца, мать его добывала семьѣ (Джорджъ былъ еще маленькимъ) средства къ жизни службою въ театрѣ въ качествѣ актрисы. Впрочемъ, судьба скоро ей улыбнулась, и Джорджъ попалъ на счетъ своего богатаго дяди въ итонскую школу, традиціонное учебное заведеніе для наслѣдниковъ богатыхъ и аристократическихъ домовъ Великобританіи. Въ этомъ училищѣ процвѣтала, конечно, розга въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, но были и свои хорошія стороны: не особенно обременяли головы старымъ латино-греческимъ грамматическимъ хламомъ, входившимъ въ программы, поощряли развивавшійся между школьниками духъ товарищества, учителя и туторы были лишены всякаго карьеризма и сопутствующихъ этой чертѣ качествъ. Въ общемъ, заботились чрезвычайно много о физическомъ здоровьѣ, о выработкѣ того, что англичанѣ называютъ virility—мужественнаго характера, думали и о манерахъ будущихъ свѣтскихъ людей и членовъ парламента.

Каннингъ по окончаніи курса въ Итонѣ перешелъ въ оксфордскій университетъ, гдѣ сблизился съ блестящею молодежью, готовившейся выступить на политическое поприще. Въ кружкахъ этой молодежи часто происходили пирушки и товарищескія собранія, на которыхъ

говорились рѣчи, устраивалось нѣчто вродѣ словесныхъ турниров, пародировались парламентскія засѣданія. Все это имѣло видъ и смыслъ не совсѣмъ шутки, не совсѣмъ игры: старые лорды и министры охотно преклоняли свой слухъ, когда имъ разсказывали о подростающемъ поколѣніи и выдающихся среди него ораторскихъ талантахъ. И виги и торіи были заинтересованы въ томъ, чтобы ихъ кадры пополнялись новыми, свѣжими силами; главари обѣихъ партій, имѣвшіе въ своемъ распоряженіи довольно много мѣстъ въ нижней палатѣ (въ виду находившейся еще въ полной силѣ системы «гнилыхъ мѣстечекъ»), были, естественно, поглощены желаніемъ видѣть на этихъ мѣстахъ дѣйствительныхъ себѣ помощниковъ, ораторовъ и дѣятелей, а не тяжеловѣсныхъ сельскихъ дворянъ, которые правда, безропотно подавали свой голосъ, куда приказано патрономъ, но отъ которыхъ до смѣшного невозможно было ожидать мало-мальски активной поддержки. Лидеръ оппозиціи, также какъ первый министръ,—всегда могъ заставить выбрать въ палату общинъ въ томъ или иномъ округѣ нужнаго кандидата,—и гнетущій вопросъ былъ, собственно, въ людяхъ, въ новыхъ ораторскихъ талантахъ и политическихъ умахъ. Оттого-то каждый новый выпускъ оксфордскаго или кэмбриджскаго университетовъ чрезвычайно интересовалъ обѣ «великія партіи». Едва Джорджъ Каннингъ окончилъ университетскій курсъ и сталъ готовить себя къ юридической карьерѣ,—какъ Вильямъ Питтъ, первый министръ, черезъ общихъ знакомыхъ пригласилъ къ себѣ юношу и предложилъ ему баллотироваться въ палату общинъ, обѣщая свое полное содѣйствіе при выборахъ. Каннингъ согласился и въ 1793 году, двадцати трехъ лѣтъ отъ роду,—сталъ членомъ парламента.

Политическая жизнь Каннинга началась, и началась въ весьма тревожное время. Терроръ, бушевавшій во Франціи, налагалъ свою печать на политику всѣхъ европейскихъ странъ, и внутреннюю, и внѣшнюю. Консервативный кабинетъ Вильяма Питта былъ всемогущъ внутри страны, но страшный врагъ стоялъ предъ нимъ за Ламаншемъ. Революція вдвойнѣ была ненавистна тогдашнимъ правящимъ кругамъ Англіи: во-первыхъ, они почти въ той же мѣрѣ, какъ и континентальныя правительства, боялись ея заразительности,—того, что мятежъ перекинется черезъ проливъ; во-вторыхъ, конвентъ и революціонеры грозили имъ постоянною войною, нападеніями на морѣ, высадкою въ Ирландіи, убійствомъ проживающихъ во Франціи англійскихъ купцовъ и т. д. Угрюмые и важные старики, промолчавшіе всю свою жизнь въ палатѣ лордовъ, волновались каждымъ извѣстіемъ, приходившимъ изъ Парижа, такъ же сильно, какъ сельскіе джентльмены палаты общинъ. Происходило нѣчто, смутно напоминающее то моральное состояніе, которое было названо у насъ «дворянскою хандрою» и при которомъ иные помѣщики, разстроенные слухами объ эмансипаціи, а потомъ и ея послѣдствіями, готовы были въ каждомъ нагрубившемъ

лакеѣ видѣть «пугачевскаго эмиссара». Въ концѣ концовъ, «французская язва» оказалась несравненно менѣе прилипчивой, нежели это сразу могло показаться, но въ годину террора число сторонниковъ непримиримаго врага Франціи — Вильяма Питта росло чуть не съ каждымъ днемъ. Но такихъ людей, какъ Джорджъ Каннингъ, повидимому, отталкивали отъ очень немногихъ друзей Франціи не столько демократическій характеръ революціи, не «заразительность» ея принциповъ, сколько страшные размѣры кровопролитія, свирѣпость конвента, обиліе и немотивированность казней. Въ первые годы своего пребыванія въ парламентѣ Каннингъ мало выступалъ въ качествѣ оратора: его дебютъ на ораторскомъ поприщѣ оказался неудаченъ, и это, вѣроятно, имѣло довольно обезкураживающее вліяніе на молодого человѣка. Но Вильямъ Питтъ не терялъ изъ виду своего протеже; онъ рѣдко ошибался въ людяхъ, и не ошибся также на этотъ разъ. Съ 1797 года Каннингъ принялъ чрезвычайно живое участіе въ политическомъ журналѣ «Антиякобинецъ», имѣвшемъ цѣлью, какъ показываетъ самое его названіе, бороться путемъ стихотворной и прозаической сатиры съ идеями, одушевлявшими крайнюю фракцію французскихъ революціонеровъ. По мѣрѣ того, какъ росли военные успѣхи сначала конвента, потомъ директоріи, вражда къ Франціи принимала въ правящихъ англійскихъ кругахъ особенно острый характеръ, и журналъ, въ которомъ сотрудничалъ Каннингъ, быстро создалъ молодому писателю репутацію талантливаго и остроумнаго памфлетиста. Почти одновременно съ сотрудничествомъ въ «Антиякобинцѣ» Каннингъ, довольно неожиданно для всѣхъ, былъ назначенъ Вильямомъ Питтомъ на постъ товарища министра иностранныхъ дѣлъ («помощника статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ»). Блестящая свѣтская жизнь со всѣми ея удовольствіями открылась предъ двадцатисемилѣтнимъ товарищемъ министра. Каннингъ былъ салоннымъ львомъ, признаннымъ и почитаемымъ: онъ былъ строенъ, хорошъ собою, съ прекрасными живыми глазами, въ обществѣ отличался остроуміемъ и тою быстротою такта, которая является характерною чертою этого человѣка отъ начала до конца его карьеры. Ему подражали, его bons mots повторялись съ упоеніемъ, и когда угловатые, неказистые снаружи и роскошные внутри дворцы лондонской знати горѣли сотнями свѣчныхъ люстръ, карета Каннинга неизмѣнно красовалась у подъѣзда, потому что ни одинъ истинно фешенебельный балъ безъ него не обходился. А нужно сказать, что въ эти годы, до парламентской реформы, вся власть надъ страною, все вліяніе въ парламентѣ—принадлежали олигархіи,—маленькой кучкѣ знатныхъ семействъ, сажавшихъ кого угодно въ нижнюю палату и заполнявшихъ самолично палату лордовъ; имѣть успѣхъ въ свѣтѣ значило—даже не косвенно, а въ самомъ прямомъ смыслѣ—приближаться быстрыми шагами къ первымъ государственнымъ постамъ; «важные старики, обсыпанные пудрою и нюхательнымъ табакомъ», на берегахъ

Темзы еще больше, чѣмъ въ иныхъ мѣстахъ, приглядывались къ молодежи, блиставшей въ танцовальныхъ залахъ и за ломберными столами, и намѣчали изъ ея среды себѣ помощниковъ и преемниковъ. Здѣсь, въ Англіи, это дѣлалось болѣе непосредственно: олигархія тутъ была властительницею, а не только обладательницею вліянія, нужнаго для «протекціи». Молодой товарищъ министра уже былъ героемъ нѣсколькихъ сезоновъ, когда начался болѣзненный катаклизмъ, временно прервавшій дальнѣйшее развитіе его карьеры. Этотъ катаклизмъ, отозвавшійся на всемъ государственномъ организмѣ, исходилъ, какъ и слѣдовало ожидать, изъ Ирландіи.

Ирландцы не переставали волноваться съ самаго начала 90-хъ годовъ. Георгъ III-й, все замѣтнѣе и замѣтнѣе приближавшійся къ помѣшательству, съ обычнымъ своимъ раздражительнымъ упорствомъ усиливалъ англиканскую реакцію на несчастномъ островѣ, вопреки намѣреніямъ и желаніямъ Вильяма Питта. Не потому Питтъ стремился успокоить Ирландію, что она хоть въ малой степени возбуждала въ немъ состраданіе, но онъ ясно видѣлъ то, что отказывался видѣть полусумасшедшій король: французы уже вошли въ прямые переговоры съ ирландскими патріотами и ихъ высадка въ Ирландіи грозила серьезною бѣдою англійскому королевству. Съ 1797 года въ Ирландіи начались кровавыя волненія, только потому достаточно не поддержанныя французской директоріей, что не было свободныхъ войскъ: отборная армія отплыла съ Бонапартомъ въ Египетъ, и въ Ирландію возможно было послать лишь маленькій отрядъ. Возстаніе было усмирено самымъ варварскимъ образомъ: англичане казнили безъ разбора всѣхъ, казавшихся имъ опасными людьми. Но Питтъ былъ слишкомъ ужъ раздраженъ противъ Георга III по поводу этого бунта, столь некстати вызваннаго королемъ и его единомышленниками. Къ тому же, Питтъ уже около пяти разъ заставлялъ парламентъ давать королю деньги, на которыя тотъ не имѣлъ правъ, якобы для уплаты долговъ, а на самомъ дѣлѣ для безграничнаго и безпрерывнаго кутежа и разврата королевскихъ принцевъ. Теперь, въ 1801 году, предвидѣлась необходимость въ шестой разъ просить для короля этихъ денегъ, да и король упорно не соглашался дать католикамъ хоть ту маленькую, ограниченную эмансипацію, безъ которой Питтъ считалъ совершенно немыслимымъ утихомирить надолго Ирландію. Были и еще причины, коренившіяся уже въ дѣлахъ внѣшней политики, почему Вильямъ Питтъ счелъ благоразумнымъ на время уйти отъ власти. Вмѣстѣ съ Питтомъ ушелъ и Каннингъ; за нѣсколько мѣсяцевъ до отставки онъ увѣнчалъ свѣтскую карьеру свою женитьбою на одной изъ самыхъ блестящихъ красавицъ лондонской аристократіи—леди Дженъ Скоттъ, принесшей ему, кромѣ родства съ знатнѣйшими домами Англіи, приданое въ 100.000 фунтовъ стерлинговъ.

Воплощенное политическое ничтожество, сэръ Аддингтонъ, смѣнилъ

Питта; Каннингъ сталъ по отношенію къ новому кабинету въ рѣзко-враждебныя отношенія. Болѣе, нежели когда-либо, Каннингу казалось необходимымъ поддерживать войну противъ Франціи, противъ Наполеона, а новый кабинетъ склонялся къ миру—и миръ, дѣйствительно, въ 1802 году былъ заключенъ. Каннингъ громилъ кабинетъ за его трусость, нерѣшительность, отсутствіе опредѣленныхъ плановъ. Съ полнымъ безпристрастіемъ этотъ ненавистникъ Наполеона ставилъ въ примѣръ перваго консула своимъ противникамъ, аддингтоновскимъ министрамъ. «Взгляните на Францію,—вскричалъ онъ однажды въ парламентѣ:—что сдѣлало ее тѣмъ, чѣмъ вы ее видите? Одинъ человѣкъ! Вы скажете мнѣ, что она была велика, могущественна, крѣпка еще до бонапартовскаго управленія, что онъ нашелъ въ ней великія физическія и моральныя средства, и что ему нужно было только ими распорядиться. Правильно,—но онъ и распорядился ими. Сравните положеніе, въ которомъ онъ засталъ Францію, съ положеніемъ, изъ котораго онъ ее возвысилъ. Я не панегиристъ Бонапарта, но я не могу закрыть глаза на все превосходство его талантовъ»... Общимъ выводомъ изъ всѣхъ заявленій Каннинга въ это время было то, что необходимо вернуть Питта къ власти, что Аддингтонъ, въ качествѣ противника перваго французскаго консула, до курьеза не на своемъ мѣстѣ.

Вскорѣ (въ 1803 году) амьенскій миръ былъ расторгнутъ,—и Наполеонъ началъ дѣятельно готовиться къ высадкѣ на англійскіе берега. Когда въ булонскомъ лагерѣ стали сосредоточиваться огромныя военныя силы и боевые припасы, паника въ Англіи была такъ сильна, что безъ особыхъ усилій оппозиціи министерство Аддингтона пало, и Питтъ снова сталъ во главѣ кабинета, а Каннингъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ его помощниковъ; изъ всѣхъ членовъ министерства 1804 года, послѣдняго министерства Вильяма Питта, никто не могъ бы съ такимъ основаніемъ назваться правою рукою премьера, какъ Каннингъ. Именно въ это-то свое послѣднее пребываніе у власти, Питтъ и оказалъ неоцѣнимую услугу своей родинѣ, сбросивъ путемъ ловкихъ дипломатическихъ маневровъ и денежныхъ подачекъ все бремя войны на руки континентальныхъ державъ: пока Наполеонъ билъ австрійцевъ и русскихъ, разорялъ Австрію и расчленялъ Германію, — Англія наслаждалась полною безопасностью. Но какъ ни былъ энергиченъ, дальнозорокъ и уменъ Вильямъ Питтъ, — онъ не могъ предвидѣть такого страшнаго, такого полнаго разгрома коалиціи, какъ тотъ, что произошелъ при Ульмѣ и на поляхъ Аустерлица, и неожиданность несчастья была смертельнымъ ударомъ для бодраго духомъ, но больного физически премьера. 2 декабря 1805 года Наполеонъ выигралъ аустерлицкое сраженіе, а черезъ семь недѣль, 23 января 1806 года, Вильямъ Питтъ скончался. Въ кабинетѣ Фокса и Гренвиля Каннингъ участвовать не могъ, вслѣдствіе непріязни къ вигамъ, въ значительномъ количествѣ вошедшимъ въ министерство, и весь этотъ страшный для континен-

тальной Европы 1806 годъ провелъ въ рядахъ оппозиціи. Наполеонъ уничтожилъ всѣ прусскія арміи, занялъ Варшаву, произошли уже кровавыя его битвы съ русскими при Пултускѣ и Эйлау,—а министерство Гренвиля (Фоксъ умеръ спустя нѣсколько мѣсяцевъ по вступленіи въ должность) ровно ничего не предпринимало, чтобы хоть немного компенсировать всю тяжесть этихъ блестящихъ наполеоновскихъ успѣховъ. Кабинетъ палъ съ внѣшней стороны какъ будто вслѣдствіе несогласія съ парламентомъ и королемъ по вопросу объ эмансипаціи католиковъ, а на самомъ дѣлѣ изъ-за того же, изъ-за чего и Аддингтонъ принужденъ былъ въ свое время уступить мѣсто Вильяму Питту: грозныя проблемы внѣшней политики, борьбы съ Наполеономъ требовали снова болѣе энергичнаго руководителя дѣлами, нежели Гренвиль. Весною 1807 года герцогъ Портлэндъ образовалъ торійскій кабинетъ, въ которомъ Каннингъ сталъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Кэстльри военнымъ министромъ, а первымъ лордомъ адмиралтейства Мэльгревъ. Особенно крупной роли Каннингъ здѣсь не игралъ, ибо Мэльгревъ Кэстльри и Портлэндъ фактически заправляли всею иностранною политикою. Послѣ тильзитскаго мира, отдавшаго почти всю Европу либо во власть, либо подъ прямое вліяніе Наполеона, кабинетъ Портлэнда рѣшился на то отчаянное предпріятіе, которое даже въ англійской исторической литературѣ особой хвалы себѣ не снискало: подъ вліяніемъ угрозъ всесильнаго на континентѣ Наполеона, Данія не рѣшалась примкнуть къ Англіи, какъ требовалъ этого англійскій кабинетъ. И вотъ, въ глубокой тайнѣ была снаряжена морская экспедиція противъ Даніи, и Копенгагенъ подвергся страшной бомбардировкѣ, снесшей прочь нѣсколько улицъ и перебившей около двухъ тысячъ мирныхъ гражданъ. Справедливость требуетъ замѣтить, что варварство и разбойничій характеръ этого происшествія зависѣли въ значительной степени отъ общей нервной напряженности историческаго момента: континентальная система грозила въ конецъ разорить Англію, Наполеонъ неимовѣрно усилился, все предъ нимъ трепетало, Россія, единственная независимая великая держава вошла въ тѣсный оборонительный и наступательный союзъ съ французскимъ императоромъ, словомъ все складывалось такъ, что англичане могли со дня на день ожидать новаго булонскаго лагеря, начала новыхъ сборовъ Наполеона къ завоеванію непокорнаго острова. «Кто не съ нами, тотъ съ Наполеономъ», — вотъ какого принципа (недалекаго отъ истины) придерживался кабинетъ Портлэнда и Кэстльри.

Все это, разумѣется, нисколько не избавляетъ памяти Каннинга отъ нѣкотораго пятна: изъ всего кабинета только онъ одинъ способенъ былъ посмотрѣть на исторію съ бомбардировкою Копенгагена (безъ объявленія войны Даніи) не съ одной только узко-политической точки зрѣнія, и однако ни малѣйшаго протеста съ его стороны въ данномъ случаѣ не было. Но Каннингу его товарищи были несимпатичны, глав-

нымъ образомъ, вслѣдствіе ихъ бездарности; онъ жаловался, въ особенности, на Кэстльри, военнаго министра, и отношенія между ними до того обострились, что Кэстльри воспылалъ къ нему самой яростною враждою.

Кэстльри былъ капризнымъ самодуромъ, глубоко эгоистичнымъ и въ классовомъ, и въ узко-личномъ смыслѣ; онъ являлъ собою сочетаніе всѣхъ наиболѣе антипатичныхъ чертъ англійской олигархіи въ эту реакціонную эпоху, ибо во всѣхъ внутреннихъ отношеніяхъ Англіи въ тѣ годы царила полная реакція, начавшаяся еще съ французской революціи. Онъ не терпѣлъ Каннинга ненавистью мелкаго, злобнаго завистника; хотя они, казалось, были единомышленниками, и даже засѣдали въ одномъ кабинетѣ, но между этими двумя людьми повторялась уже давно, съ перваго момента знакомства, mutatis mutandis, старая и вѣчно юная исторія «Моцарта и Сальери»; злобненькое и безсильное чувство зависти бездарнаго педанта къ сильному и самобытному политическому дѣятелю оказалось, въ концѣ концовъ, столь же кровожаднымъ, какъ и у посредственнаго музыканта къ геніальному виртуозу: Кэстльри вызвалъ Каннинга на дуэль, придравшись къ пустѣйшему случаю. Впрочемъ, Каннинга ему убить не удалось, а удалось только ранить. Почти одновременно съ этимъ скандаломъ, кабинетъ Портлэнда вышелъ въ отставку: внутреннія неурядицы и ссоры между министрами переполнили чашу терпѣнія и въ парламентѣ, и въ общественномъ мнѣніи, ибо и безъ того коренная задача исполнена кабинетомъ не была,—Наполеонъ положилъ къ своимъ ногамъ почти весь континентъ, дѣятельно продолжалъ борьбу въ Испаніи, и ни въ Испаніи, ни въ остальной Европѣ ни англійскія войска, ни англійская дипломатія ничего подѣлать съ нимъ не могли. Изъ всѣхъ ушедшихъ съ Портлэндомъ министровъ, клеймо репутаціи бездарности не было наложено общественнымъ мнѣніемъ развѣ только на одного Каннинга. Его въ парламентѣ уважали за блестящій ораторскій даръ, быстрое соображеніе, умъ, за его желѣзный характеръ. Было въ немъ что-то гордое, широкое, безкорыстное, была какая-то черта, сразу позволявшая почти всѣмъ, имѣвшимъ съ нимъ сношенія, разглядѣть, что онъ всегда говоритъ и дѣлаетъ, не высчитывая, какая произойдетъ отъ этихъ словъ и дѣйствій польза для его кармана или для его самолюбія.

III.

Въ концѣ 1810 года (уже когда Каннингъ вышелъ въ отставку вмѣстѣ со всѣмъ кабинетомъ Портлэнда) случилось то, чего съ одинаковою увѣренностью и съ давнихъ поръ, уже двадцать одинъ годъ, ожидали и психіатры, и политическіе дѣятели, и въ Англіи, и въ Европѣ: король Георгъ III окончательно и безповоротно сошелъ съ ума. Смѣстить его оказалось дѣломъ ужъ потому несвоевременнымъ, что оно было

сопряжено съ чрезвычайными трудностями, оно оказывалось слишкомъ громоздкимъ для всей конституціонной машины; да и въ правахъ парламента сдѣлать это въ данномъ случаѣ далеко не всѣ были увѣрены. Георгъ III остался при своемъ титулѣ, а регентомъ былъ назначенъ сынъ его (впослѣдствіи Георгъ IV). Ни регентъ, развратный, буйный, почти постоянно пьяный кутила, ни новый премьеръ (смѣнившій Портлэнда) Персиваль не были на высотѣ своего положенія въ эти, дѣйствительно, слишкомъ ужъ трудные для Англіи годы борьбы одинъ-на-одинъ съ Наполеономъ; въ этомъ отношеніи послѣ смерти Вильяма Питта всѣ англійскіе премьеры походили другъ на друга. Кабинеты перемѣнялись, уходилъ враждебный Каннингу Персиваль, приходилъ дружественный ему лордъ Ливерпуль, но Каннингъ уже болѣе апатично сталъ относиться и къ дѣлу оппозиціи, и къ комбинаціямъ, сулившимъ ему власть: все вниманіе его было устремлено на Европу, гдѣ рѣшалась въ эти годы міровая драма. Началась и прошла русская кампанія, стали фактами пожаръ Москвы, отступленіе Наполеона, общая война съ нимъ угнетенной Европы, паденіе французской имперіи... Еще когда гибель Наполеона не была рѣшена,—и это чрезвычайно характерно,—Каннингъ уже началъ зорко и подозрительно слѣдить за тѣми «освобождающимися», которые пока еще (въ 1813 г.) невзначай, урывками—стали проявлять чрезвычайно своеобразное пониманіе «свободы», не сходившей у нихъ съ языка; «стыдомъ, сожалѣніемъ и негодованіемъ»,—воскликнулъ Каннингъ:—«наполнилъ мою душу трактатъ, присоединяющій Норвегію къ Швеціи» (вопреки желаніямъ норвежцевъ). Кратковременное пребываніе его въ качествѣ посланника въ Лиссабонѣ позволило ему ближе ознакомиться со всѣми подробностями континентальныхъ дѣлъ и отношеній. Именно тогда и начало зарождаться у Каннинга столь характерное въ немъ отвращеніе къ лицемѣрно-ханжескому обличію, которое европейскіе люди власти считали нужнымъ придавать самымъ недвусмысленнымъ, жестокимъ и эгоистическимъ своимъ дѣйствіямъ.

1815 годъ, бѣлый терроръ во Франціи, священный союзъ, выступленіе на историческую сцену Меттерниха,—все это подтвердило и усилило начавшуюся и быстро нараставшую въ Каннингѣ антипатію къ людямъ, раздѣлившимъ наполеоновское наслѣдство. Лордъ Кэстльри стоялъ вмѣстѣ съ лордомъ Ливерпулемъ въ эти первые годы послѣнаполеоновской эры во главѣ управленія Англіей,—и Каннингъ въ дѣлахъ участія активнаго и непосредственнаго, за вычетомъ одного краткаго момента, не принималъ. Кэстльри иногда высказывалъ европейскимъ кабинетамъ свое сдержанное и деликатное порицаніе по поводу слишкомъ ужъ яркихъ и безцеремонныхъ подвиговъ общеевропейской реакціонной круговой поруки, но Меттернихъ былъ вполнѣ правъ считая, напримѣръ, императора Александра I опаснымъ для себя человѣкомъ, а министра конституціонной державы—лицомъ вполнѣ безвред-

нымъ: Александръ (до веронскаго конгресса) все же иногда останавливалъ австрійскаго временщика, а Кэстльри всегда, въ конечномъ счетѣ, оказывался въ полномъ согласіи съ «усмирителями», а не съ «усмиряемыми», хотя бы вполнѣ ясно видѣлъ, что интересы англійской политики (не говоря уже объ интересахъ справедливости) повелѣваютъ внимательнѣе и безпристрастнѣе отнестись къ дѣлу. Принцъ-регентъ слѣдовалъ во всемъ желаніямъ и совѣтамъ Кэстльри, парламентъ былъ занятъ уже начавшеюся борьбою изъ-за избирательной реформы, и всѣ правящіе круги Англіи казались поглощенными давно уже небывалымъ въ королевствѣ явленіемъ: уличными демонстраціями въ пользу реформы и враждебными выходками народа по адресу правительственныхъ лицъ. Внѣшняя политика оставалась всецѣло въ рукахъ Кэстльри, и именно поэтому Меттернихъ во всѣхъ своихъ планахъ могъ смѣло снимать Англію со счетовъ, будучи твердо увѣренъ, что англійскій министръ всегда окажется на его сторонѣ. А между тѣмъ Кэстльри не могъ не видѣть, что Меттернихъ, пропагандируя идею вмѣшательства великихъ державъ во внутреннія дѣла «бунтующихъ народовъ»,—стремится къ полной гегемоніи Австріи въ европейскихъ дѣлахъ, и что въ слишкомъ многомъ интересы Англіи требуютъ протеста. Но Кэстльри только метался со своими нотами, обращаясь по очереди ко всѣмъ дворамъ и нигдѣ ничего не достигая. Онъ и подавленію революціи сочувствовалъ, и усиленія Австріи и Франціи боялся, но первое чувство всегда перевѣшивало. Джорджъ Каннингъ во внутренней политикѣ былъ противникомъ парламентской реформы и, вообще, пока не уклонялся, въ общемъ, отъ принциповъ торизма, но что касается политики внѣшней,—то онъ лучше и яснѣе другихъ видѣлъ ошибки и безтактности Кэстльри.

Въ 1820 году умеръ помѣшанный король, принцъ-регентъ взошелъ на престолъ, и на Кэстльри посыпались всевозможныя злоключенія. Ему и такъ трудно приходилось, ибо волненія по поводу парламентской реформы росли, Меттернихъ на конгрессѣ въ Троппау и Лайбахѣ совсѣмъ устранилъ Англію отъ участія въ европейскихъ дѣлахъ, Испанія, Пьемонтъ, Неаполь ускользали отъ могущественнаго въ былые годы англійскаго вліянія,—и, главное, Кэстльри совершенно терялся въ соображеніяхъ, какой линіи ему теперь держаться? Идти окончательно на буксирѣ у Меттерниха—позорно и слишкомъ невыгодно, оказаться хоть въ чемъ-нибудь на сторонѣ «революціонеровъ» (какихъ, гдѣ—все равно)—это было ужъ такимъ ужасомъ, съ которымъ никакъ министръ не рѣшался примириться. Мучительное состояніе духа его осложнилось еще скандаломъ, который новому королю заблагоразсудилось устроить, начавши нелѣпый бракоразводный процессъ противъ жены. Королеву Каролину, о которой довольно справедливо говорили, что она въ своей жизни сдѣлала лишь одинъ ложный шагъ—именно, выйдя замужъ за своего супруга,—Георгъ IV обвинилъ въ измѣнѣ.

Курьезная сторона происшествія заключалась въ томъ, что короля всѣ знали, какъ человѣка, преданнаго распутству и грогу, а королеву считали чистой и безупречной женщиной, и общественное мнѣніе сразу же стало называть всѣ обвиненія—облыжными. Такъ оно и оказалось, и лордъ Брумъ (тогда еще не получившій перства), который защищалъ Каролину, доказалъ съ блестящимъ успѣхомъ, что свидѣтели, выставленные Георгомъ противъ королевы, суть проходимцы и лжецы. Не только король, но и весь кабинетъ Кэстльри и Ливерпуля понесъ при этомъ скандалѣ чувствительное моральное пораженіе. Почти тотчасъ послѣ скандала съ королевскимъ процессомъ, Кэстльри убѣдился, что существуетъ темная интрига, имѣющая цѣлью, путемъ шантажа, выманить у него значительную сумму денегъ и грозящая, въ противномъ случаѣ, какими-то весьма непріятными разоблаченіями. Терзаемый всѣми этими бѣдами, рѣшительно не знающій, какъ выйти изъ тупого переулка, куда его завела судьба, Кэстльри, къ полной своей ярости, получилъ извѣстіе о предположеніяхъ и предначертаніяхъ Меттерниха и его товарищей по веронскому конгрессу; готовился усмирительный походъ французовъ въ Испанію, что прямо шло въ разрѣзъ съ интересами Англіи на Пиренейскомъ полуостровѣ. Онъ хотѣлъ лично отправиться на веронскій конгрессъ и воспрепятствовать меттерниховскимъ планамъ,—но тутъ вдругъ его домашніе стали замѣчать за нимъ странное безпокойство, боязнь тайныхъ враговъ, болѣзненную мнительность... 12-го августа 1822 года лордъ Кэстльри зарѣзался перочиннымъ ножомъ.

IV.

Одно лицо, весьма близкое къ Георгу IV, разсказывало Бульверу Литтону нѣкоторыя подробности о томъ, что послѣдовало за самоубійствомъ Кэстльри. Нужно предварительно сказать, что лордъ Ливерпуль, который долженъ былъ замѣнить кѣмъ-нибудь Кэстльри, почелъ необходимымъ пригласить Каннинга на постъ министра иностранныхъ дѣлъ. Но королю и заикаться нельзя было о Каннингѣ, котораго онъ не терпѣлъ за поведеніе его при процессѣ королевы Каролины, когда Каннингъ, несмотря на свой торизмъ, ни единаго слова не произнесъ въ пользу короля. Георгъ IV очень хорошо зналъ, какого мнѣнія держится Каннингъ о моральныхъ качествахъ его величества; герой нашего очерка былъ человѣкомъ чрезвычайно остроумнымъ и сужденія своего обыкновенно, ни предъ кѣмъ не скрывалъ, изъяснялся же въ иныхъ обстоятельствахъ довольно ядовито. Король Георгъ, который, вѣроятно, по случаю самоубійства Кэстльри, страшно его поразившаго, находился въ совершенно трезвомъ видѣ,—къ полному неудовольствію своему, долженъ былъ принять герцога Веллингтона, котораго отрядилъ къ королю лордъ Ливерпуль, и выслушать отъ него просьбу о Каннингѣ. «Боже мой! воскли-

нулъ король *): «Артуръ, не предлагайте же вы мнѣ этого господина на постъ секретаря по иностраннымъ дѣламъ (министра иностранныхъ дѣлъ). Я сказалъ, и увѣряю васъ честью джентльмена, что онъ никогда уже не будетъ моимъ министромъ. Слышите, Артуръ: моею честью джентльмена! Я увѣренъ, вы согласитесь со мною: не могу же я сдѣлать то, чего обѣщалъ не дѣлать моею честью джентльмена.»—«Извините, государь, я съ вами не соглашаюсь: вы не джентльменъ». Король остолбенѣлъ. «Ваше величество, говорю я, не джентльменъ, но государь Англіи и вы несете обязанности по отношенію къ вашему народу, которыя гораздо выше обязанностей по отношенію къ себѣ самому. Обязанности же эти повелѣваютъ, чтобы теперь, въ это время, вы воспользовались талантами Каннинга..» Хорошо,—сказалъ король, испуская долгій вздохъ,—если я долженъ, —такъ долженъ...

Еще до самоубійства лорда Кэстльри Каннингу былъ предложенъ постъ генералъ-губернатора Индіи, но теперь онъ отъ этого назначенія отказался. Предъ нимъ открывалось широкое поле дѣятельности, дневные и ночные труды его не пугали, мутное море дипломатическихъ всеевропейскихъ интригъ не внушало ему такого ужаса, какъ его предшественику. Глава кабинета лордъ Ливерпуль предоставилъ ему полную свободу дѣйствій,—и вотъ, Каннингъ очутился лицомъ къ лицу съ враждебнымъ ему и одушевленнымъ меттерниховскими тенденціями европейскимъ оффиціальнымъ міромъ. Король Георгъ IV, какъ сказано, чувствовалъ къ Каннингу болѣзненную антипатію,—и это также на первыхъ порахъ могло затруднить дѣйствія новаго министра иностранныхъ дѣлъ: монархическая идея была болѣе, чѣмъ когда-либо, сильна въ Европѣ. Каннингъ вступилъ въ управленіе дѣлами въ моментъ, когда уже нельзя было остановить прямого и непосредственнаго результата дипломатическихъ ошибокъ покойнаго Кэстльри: французская армія, по уполномочію великихъ державъ, вторглась въ Испанію, уничтожила послѣднія надежды на торжество испанскихъ конституціоналистовъ и возстановила абсолютизмъ королевской власти. Каннингъ не могъ уже установить начатаго, но онъ, не обинуясь, высказалъ французскому посланнику въ Лондонѣ, что «крестовый походъ» предпринимаемый французскимъ правительствомъ, «ненавистенъ» ему, Каннингу, и что, если Фердинандъ испанскій будетъ вести себя подобно англійскому королю Іакову II (изгнанному въ 1688 году), то онъ вполнѣ заслужитъ той же участи. Эти заявленія и подобныя имъ произвели неописуемый фуроръ на континентѣ: Меттерних со свойственною ему безпокойною, инстиктивною чуткостью, мгновенно, повидимому, понялъ, что, кажется, его коса нашла на камень. Ближайшее будущее подтвердило блистательно справедливость этого опасенія. Наклевывалась тогда

*) «Canning, the brillant man», стр. 246—247.

въ 1823 году, во французскихъ, испанскихъ и австрійскихъ правящихъ кругахъ одна идея, казавшаяся нѣкоторое время весьма осуществимой: Южная Америка была охвачена возстаніемъ противъ своей метрополіи, и Испанія, которая совершенно не-въ силахъ была справиться съ возставшими, почти готова была уступить всѣ права на колоніи французамъ,—а Франція уже проводила открыто мысль, что за свои заслуги по усмиренію испанскихъ безпорядковъ она вполнѣ достойна нѣкоторой награды; предпріятіе снискало себѣ также и полное одобреніе Меттерниха, жаждавшаго увидѣть южно-американскихъ бунтовщиковъ поскорѣе въ крѣпкихъ рукахъ французскаго колоніальнаго управленія. И вотъ все рухнуло изъ за Каннинга. Онъ рѣшительно заявилъ, что въ дѣлѣ южноамериканскихъ колоній признаетъ только лишь «совершившійся фактъ»: освободилась извѣстная колонія, значитъ, она есть самостоятельная республика; вмѣшательства же европейскихъ державъ и передачи этихъ территорій Франціи онъ не допуститъ. Veto было серьезное и тѣмъ болѣе внушительное, что огромный флотъ Англіи бороздилъ Атлантическій океанъ и никакой дессантъ изъ Европы въ Америку не былъ мыслимъ безъ отчаянной схватки съ англійскими судами. Мало того: при прямомъ содѣйствіи Каннинга пришли въ возбужденіе Сѣверо-Американскіе Соединенные штаты, и президентъ ихъ Монрое отвѣтилъ на приготовленія и махинаціи европейскихъ дворовъ заявленіемъ, что вмѣшательства Европы въ дѣла свободныхъ народовъ американскаго материка онъ не допуститъ. Европейскіе кабинеты были раздражены и какъ то сбиты со своей благополучной доселѣ позиціи: рисковать войною съ Англіей и сѣверо-американскою республикою являлось дѣломъ невозможнымъ. Тогда Меттернихъ пустился на хитрость: онъ затѣялъ созвать конгрессъ въ Парижѣ для рѣшенія вопроса о южноамериканскихъ колоніяхъ. Подъ его вліяніемъ французскій король Людовикъ XVIII обратился съ мыслью о конгрессѣ къ выручennому имъ только что Фердинанду испанскому, а Фердинандъ уже якобы отъ себя поднялъ дѣло о конгрессѣ оффиціально. Однако и это не помогло: Каннингъ тотчасъ же поспѣшилъ заявить, что ни на конгрессѣ никакого представителя Англіи не будетъ, ни рѣшеній конгресса онъ, Каннингъ, не признаетъ. Смыслъ дальнѣйшихъ его заявленій по этому поводу сводился попрежнему къ тому, что онъ признаетъ въ южноамериканскомъ вопросѣ только лишь «совершившійся фактъ»; угодно европейскимъ державамъ усмирить силою южную Америку, пусть попробуютъ. Но пробовать опять-таки никто не рискнулъ: Каннингъ явно грозилъ войною первой же державѣ, какая только вздумаетъ отправить дессантъ въ американскія воды. Меттернихъ пришелъ въ самое серьезное безпокойство, но не нашелъ ничего остроумнѣе, какъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ снова дѣйствовать новому поднятію вопроса объ общеевропейской конференціи. На этотъ разъ всѣ меттерниховскіе спутники и товарищи заговорили уже болѣе тревожнымъ и отчасти

грознымъ тономъ, много говорилось объ опасности покровительствовать разрушительнымъ принципамъ, о заразительности революціонной гангрены и т. д. Но Каннингъ оставался вполнѣ безчувственъ ко всѣмъ внутреннимъ и внѣшнимъ достоинствамъ оффиціальной и оффиціозной прозы, ко всѣмъ протестаціямъ, «ремонстраціямъ», и другимъ видамъ дипломатическаго творчества. Онъ опять и уже съ нетерпѣніемъ подтвердилъ, что конференціи не желаетъ.

Въ первый разъ Меттернихъ увидѣлъ себя въ безвыходномъ положеніи: когда протестовалъ противъ его желаній русскій императоръ,—онъ прибѣгалъ ко лжи, къ подтасовкамъ вродѣ раздуванія безпорядковъ семеновскаго полка въ цѣлую «революцію»; когда протестовали студенты, профессора и журналисты Тугендбунда—онъ съ совершенною легкостью подыскивалъ для нихъ подходящее и приличное случаю помѣщеніе; когда протестовали итальянцы—онъ посылалъ туда лишнюю дивизію. Но что было дѣлать съ Каннингомъ? Упорный, насмѣшливый, ничему не вѣрящій, совершенно безцеремонный англичанинъ грудью загородилъ дорогу изящному счастливому и модному австрійскому канцлеру, столь легко скользившему до сихъ поръ по европейской политической аренѣ. Меттернихъ возненавидѣлъ Каннинга отъ всей души; кажется, впрочемъ, что онъ пользовался при этомъ самою полною взаимностью. Европейскихъ реакціонеровъ особенно сбивала съ толку принадлежность Каннинга къ торійскому лагерю и довольно долго, больше года, они льстили себя надеждою, что Ливерпуль и торіи парламента изгонятъ Каннинга. Но эти надежды были напрасны: съ каждымъ мѣсяцемъ положеніе Каннинга становилось все крѣпче и устойчивѣе, ибо виги понемногу начали сближаться съ нимъ, что было крайне существенно для долговѣчности всего кабинета. Нѣмецкій дѣятель почти той же эпохи говорилъ: «Либералъ можетъ стать министромъ, но это не значитъ, что онъ будетъ либеральнымъ министромъ». Тутъ происходило нѣчто аналогичное (причемъ полный моральный выигрышъ всей этой параллели—въ пользу Каннинга); консерваторъ сталъ министромъ, но, къ совершенному негодованію Меттерниха,—не консервативнымъ министромъ. Впрочемъ, и консерватизма а[illegible]ійскаго Меттернихъ никогда въ точности не понималъ. Дѣло съ южно-американскими колоніями окончилось тѣмъ, что Каннингъ поспѣшилъ послать въ новообразовавшіяся республики консуловъ и представителей торговыхъ интересовъ Англіи: онъ ихъ призналъ вполнѣ самостоятельными странами и сообразно съ этимъ дѣйствовалъ. Этотъ рѣшительный ударъ, нанесенный престижу «священнаго союза» и меттерниховской политики, привелъ въ восторгъ не только либеральные круги континентальнаго общества, но и парламентскихъ виговъ: они при всякомъ случаѣ старались выразить полное свое сочувствіе и почтеніе къ энергичной и опредѣленной политикѣ министра. Съ своей стороны торіи были довольны, что сразу Англія въ европейскомъ концертѣ пріобрѣла прежнее значеніе, почти совсѣмъ

утраченное въ эпоху конгрессовъ и въ правленіе Кэстльри. Въ 1824 году Каннингъ имѣлъ случай замѣтить, какъ блестяще поставленъ онъ въ англійскомъ обществѣ; на нѣсколькихъ грандіозныхъ празднествахъ, гдѣ онъ появлялся,—онъ становился настоящимъ центромъ и, конечно, у него разомъ объявилось подавляющее количество друзей, обнаруживавшихъ такую необычайную сердечность, что невольно могъ явиться вопросъ объ ихъ мѣстопребываніи въ тѣ годы, когда Кэстльри, казалось, совсѣмъ отодвинулъ своего соперника на задній планъ, когда король говорилъ о Каннингѣ не иначе, какъ съ пѣною у рта и когда виги обвиняли его публично въ самыхъ несдержанныхъ выраженіяхъ. Но вообще врядъ ли этотъ человѣкъ могъ особено заблуждаться относительно подобныхъ новоявленныхъ друзей; привычка ли къ аристократическому обществу, многолѣтній ли и активный интересъ къ дипломатическимъ дѣламъ, своеобразная ли черта ума, все ли это вмѣстѣ было причиною,—но онъ огромному большинству своихъ свѣтскихъ и политическихъ контрагентовъ и корреспондентовъ не вѣрилъ ни на одну іоту, что, впрочемъ, слишкомъ явно и обнаруживалъ въ своихъ рѣчахъ и поступкахъ. Его тоже искреннимъ многіе не считали *), но онъ не особенно за этимъ и гнался, больше надѣясь на доказательность и убѣдительность своихъ словъ и на цѣлесообразность своихъ поступковъ.

Поддержка виговъ была тѣмъ болѣе важна для Каннинга, что его товарищи торіи относились къ нему довольно сдержанно, расположеніе же къ нему оппозиціи дѣлало его участіе чрезвычайно выгоднымъ для всего кабинета и вполнѣ развязывало ему руки въ его борьбѣ съ меттерниховскимъ вліяніемъ. Каннингъ не раздѣлялъ воззрѣній приверженцевъ парламентской реформы, но виги ему это прощали больше, чѣмъ кому-либо. Характерное для странъ съ низкимъ уровнемъ политическаго развитія поѣданіе единомышленниковъ единомышленниками—въ Англіи встрѣчается вообще несравненно рѣже, нежели противоположное явленіе: сближеніе между политическими противниками въ тѣхъ случаяхъ, если это представляется раціональнымъ для совершенія желательнаго обѣимъ сторонамъ дѣла. Тутъ Каннингъ и виги сблизились на общей почвѣ борьбы съ меттерниховщиною, и 1825 годъ, когда Каннингъ сообщилъ оффиціально всѣмъ представителямъ европейскихъ державъ, что онъ признаетъ новыя республики южной Америки, сблизилъ еще болѣе оппозицію съ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Промышленные классы были чрезвычайно довольны, помимо всего, торговыми договорами, которые Каннингъ заключалъ съ этими новыми республиками: густо заселенный потребительный рынокъ откры-

*) «man who listened to Canning thought him only a consumate actor etc (Dictionary of Nat. Biogr. VIII, 43). Дѣйствительно, есть доказательства, что слушавшіе Каннинга считали его искуснымъ актеромъ—не болѣе.

вался для англійской промышленности и торговли. Въ 1825 году Меттерних увидѣлъ уже вполнѣ ясно, что съ Южной Америкой дѣло покончено, и облегчалъ лишь свою душу особенно частыми подчеркиваніями, что ужъ никто не будетъ столь безуменъ, чтобы давать «якобинскимъ принцамъ» торжество въ самой Европѣ. Но и здѣсь его ждали обиды и разочарованія; прологомъ къ нимъ послужили разнесшіеся по всему міру слова Каннинга на одномъ частномъ, но многолюдномъ собраніи, что вся Европа должна пользоваться свободою, какою наслаждается Англія. Подобныя заявленія въ устахъ человѣка, уже показавшаго, что онъ умѣетъ не только говорить, но и дѣйствовать, привели въ страшнѣйшее безпокойство Меттерниха и не понравились даже торіямъ типа герцога Веллингтона. А дѣйствія Каннинга продолжались. Сынъ короля португальскаго донъ-Педро, регентъ португальской колоніи Бразиліи, былъ провозглашенъ бразильскимъ императоромъ по волѣ возставшаго бразильскаго населенія. Онъ отъ этого титула не отказался съ согласія отца своего. Когда же въ 1826 году король португальскій умеръ, его престолъ перешелъ къ новому бразильскому императору, который, не имѣя возможности удержать обѣ короны, отказался отъ португальской въ пользу своей дочери донны Маріи и при этомъ октроировалъ Португаліи конституцію (сочтя себя въ законномъ правѣ предъ отказомъ отъ короны сдѣлать это). Еще до смерти португальскаго короля Каннингъ поспѣшилъ признать самостоятельность бразильской имперіи тотчасъ послѣ выраженій негодованія со стороны Меттерниха, французскаго правительства, испанскаго короля и т. д. Признавъ новую имперію, Каннингъ сейчасъ же заключилъ съ нею торговый трактатъ. Но тутъ уже дипломаты Франціи и Священнаго союза попытались отвѣтить на энергію энергіей: подъ ихъ вліяніемъ испанское правительство вступило въ прямыя отношенія съ португальскими реакціонерами, низачто не желавшими примиряться ни съ отдѣленіемъ Бразиліи, ни съ либеральной конституціей. Къ концу 1826 года цѣлая армія португальскихъ реакціонныхъ эмигрантовъ, вооруженная и экипированная на испанской территоріи и, повидимому, за испанскій счетъ, двинулась къ Лиссабону. Португальское правительство и либеральная партія были въ чрезвычайно критическомъ положеніи: все зависѣло отъ Каннинга и его рѣшимости, потому что, кромѣ Англіи, никто помочь не былъ въ состояніи. И Каннингъ не колебался. Просьба португальскаго правительства о помощи противъ нашествія реакціонеровъ съ испанской границы пришла 3-го декабря (1826 г.), а 12-го декабря англійскія войска уже отплывали къ Лиссабону. При первыхъ же извѣстіяхъ объ англійской вооруженной помощи, всякая опасность для португальскаго правительства разсѣялась, реакціонная армія растаяла сама собою, испанскій дворъ утихъ, а Меттернихъ уже не обинуясь сталъ называть Каннинга карбонаріемъ и якобинцемъ. За какихъ-нибудь четыре года (1822—1826) Меттер-

нихъ увидѣлъ престижъ Священнаго союза совсѣмъ расшатаннымъ. При опекунскихъ и семейственныхъ параллеляхъ, которыя были тогда въ большой модѣ у меттерниховскихъ рептилій, поведеніе Каннинга являлось, дѣйствительно, вопіющимъ скандаломъ и безпорядкомъ: «дѣти» (особенно непокорныя) съ полнымъ вниманіемъ и любопытствомъ слѣдили за ссорою «родителей», Меттерниху и его системѣ на глазахъ народовъ всей Европы наносились удары не со стороны бунтовщиковъ, атеистовъ, заговорщиковъ, «вредныхъ и длинноволосыхъ мечтателей» и т. д., а со стороны законнѣйшей и, мало того, консервативной власти. Это уже было обидою нестерпимою, особенно жгучею потому, что упомянутые удары оставались неотмщенными. Шатался и престижъ непререкаемости, и престижъ силы; но самая горькая чаша ждала Меттерниха впереди.

V.

Еще за годъ до самоубійства лорда Кэстльри, въ 1821 году, началось вооруженное возстаніе грековъ противъ турецкаго владычества. Меттернихъ въ первое время не придавалъ этому событію особой важности, не потому, чтобы считалъ восточныя дѣла не стоющими вниманія, но вслѣдствіе характерной въ немъ узости кругозора: онъ видѣлъ, что на его сторонѣ Кэстльри, что греки, повидимому, слабѣе турокъ, и не тревожился. Собственно, его безпокоилъ только русскій императоръ. Нужно сказать, что Александръ I-й превосходно понималъ Меттерниха, что въ его глазахъ австрійскій канцлеръ былъ уличеннымъ предателемъ еще съ эпохи Вѣнскаго конгресса, когда всѣ его закулисныя интриги противъ Александра выступили наружу вслѣдствіе одного «неудобнаго случая», какъ выражаются о такихъ дѣлахъ благообразные дипломаты-мемуаристы. Со времени «неудобнаго случая» и ссоры между этими двумя лицами, они не любили другъ друга и пользовались взаимнымъ недовѣріемъ. Александръ былъ шире и умнѣе, Меттернихъ — пронырливѣе и неутомимѣе, оба, повидимому, знали слабыя стороны другъ друга, но Александръ, вслѣдствіе бо̀льшей впечатлительности, больше поддавался стороннимъ воздѣйствіямъ. Огромнымъ плюсомъ въ рукахъ Меттерниха еще была опредѣленность и простота его маленькаго и узенькаго моральнаго и политическаго катехизиса: князь твердо помнилъ отъ тѣхъ дней, далекой юности, когда только еще начиналъ учиться дешифрированію чужихъ писемъ, вплоть до того страшнаго мартовскаго вечера 1848 года, когда онъ бѣжалъ переодѣтый изъ Вѣны, что кресты, гульдены и и власть онъ получитъ и удержитъ, только лишь служа реакціи, усиливая ее, давя слабыхъ ея враговъ, и что если онъ не особенно расторопно будетъ это дѣлать, такъ тотчасъ же перестанетъ считаться незамѣнимымъ, и кресты, гульдены и власть уйдутъ отъ него. Но Але-

ксандра онъ никогда ясно не понималъ, хотя, повторяемъ, прекрасно умѣлъ пользоваться его слабыми сторонами; ему все царствованіе этого государя казалось не «настоящею» исторіею, а чѣмъ-то вродѣ романа (онъ въ такомъ духѣ и выразился, получивъ извѣстіе о смерти Александра въ Таганрогѣ). Что звѣрства турокъ Александру не понравятся—это онъ могъ знать и раньше фактовъ, обнаружившихъ отношеніе императора къ греческому вопросу. Александръ казался Меттерниху опаснымъ потому, что могъ, во-первыхъ, помочь грекамъ по сочувствію къ ихъ страданіямъ, религіи и т. д., а, во-вторыхъ, могъ этою своею помощью грекамъ разрушить турецкую имперію или, по крайней мѣрѣ, захватить часть Балканскаго полуострова. На счастье Меттерниха, Троппау-Лайбахскій конгрессъ далъ ему возможность лично говорить съ императоромъ и вліять на него; Александръ высказался противъ грековъ на томъ основаніи, что султанъ есть законный правитель, а греки—бунтовщики и заговорщики. Но ближайшее будущее показало, что Меттерниху успокоиваться на этомъ было рано. Дѣло въ томъ, что вовсе не такъ ужъ прочно, какъ казалось, убѣдилъ онъ Александра въ легитимности султана и революціонизмѣ грековъ; конечно, это было наиболѣе благовидной почвой для разговоровъ о возстаніи, но центръ тяжести въ данномъ случаѣ лежалъ въ вопросѣ о цѣлости турецкой имперіи и объ усиленіи или неусиленіи (на ея счетъ) Россіи. Лордъ Кэстльри (доживавшій тогда послѣдніе мѣсяцы своей жизни) всецѣло сталъ на сторону Меттерниха, потому что Англія опасалась захвата Константинополя русскими войсками. Все это вмѣстѣ слишкомъ связывало руки Александру I, и греки оставались совершенно одиноки.

Греческія боевыя пѣсенки съ искреннимъ увлеченіемъ, хотя и въ жестоко перевранномъ видѣ, распѣвались всею молодою Европою, филэллинизмъ все шире и шире распространялся во Франціи, въ Германіи, въ Англіи, а въ Россіи охватывалъ не только передовые круги военной и аристократической молодежи, но и вліятельнѣйшихъ сановниковъ, помнившихъ дни Екатерины и явно желавшихъ возвратить Россію на путь традиціонной ея восточной политики; борьбу съ турками за православныхъ грековъ они считали и государственно-полезнымъ, и благочестивымъ дѣломъ. Послѣ возвращенія Александра въ Петербургъ, русскія дипломатическія дѣйствія стали принимать довольно непріязненный характеръ по отношенію къ Турціи; во Франціи филэллинисты громко требовали также вмѣшательства въ турецкія дѣла; университетская молодежь Германіи пользовалась всякимъ удобнымъ и неудобнымъ случаемъ, чтобы выразить свое сочувствіе грекамъ, и вотъ въ этотъ-то чрезвычайно хлопотливый моментъ Меттернихъ и получилъ извѣстіе, что лордъ Кэстльри зарѣзался.

Мы уже говорили о томъ, какое тяжелое безпокойство внушили Меттерниху первые же шаги Каннинга въ испанскихъ и южно-аме-

риканскихъ дѣлахъ, какъ это безпокойство росло и оправдывалось съ каждымъ мѣсяцемъ все болѣе и болѣе, какое безсиліе обнаружили защитники Священнаго союза при оборонѣ его принциповъ отъ новаго и страшнаго врага. Греко-турецкая борьба продолжалась, но въ глазахъ оффиціальной Европы она нѣсколько заслонилась перипетіями столкновенія воли Каннинга съ волей Меттерниха и дипломатическими побѣдами англійскаго министра. Когда въ 1823 году Каннингъ распорядился, чтобы греческимъ инсургентамъ англійскія власти не мѣшали укрываться и снаряжаться на принадлежавшихъ Англіи островахъ близъ Балканскаго полуострова,—это, повидимому, даже не произвело на Меттерниха слишкомъ сильнаго впечатлѣнія и не вызвало съ его стороны оффиціальныхъ протестовъ; быть можетъ, онъ слишкомъ убѣжденъ былъ въ томъ, что все равно Каннингъ изъ боязни за англійскіе интересы не допуститъ нарушенія цѣлости Турціи, и что его благосклонность къ инсургентамъ объясняется желаніемъ нанести лишній уколъ австрійской дипломатіи. Но наступилъ 1824 годъ, и дѣло пошло все злокачественнѣе: Каннингъ получилъ (какъ и прочіе европейскіе министры иностранныхъ дѣлъ) протестаціонную ноту греческаго революціоннаго правительства комитета, въ которой говорилось, что инсургенты ни за что не согласятся на предположеніе Александра I устроить изъ территоріи, объятой мятежомъ, три области, которыя бы управлялись князьями, стоящими къ султану въ вассальныхъ отношеніяхъ. Это предположеніе явилось въ Петербургѣ въ качествѣ, такъ сказать, равнодѣйствующей между филэллинистическими вліяніями, съ одной стороны, и меттерниховскими вліяніями съ другой. Ни предположеніе это, ни протестъ инсургентовъ—особаго впечатлѣнія не произвели, потому что ни тому, ни другому акту практической важности не придавали, но каково же было негодованіе Меттерниха, когда онъ узналъ, что Каннингъ тотчасъ же очень вѣжливо и обстоятельно отвѣтилъ бунтовщикамъ оффиціальной нотою со всѣми формальностями, точь-въ-точь, какъ если бы писалъ ему, поддержкѣ порядка, столпу общественныхъ основъ, «ангелу-хранителю Европы» и обладателю всѣхъ существовавшихъ тогда орденовъ, князю Клементію Меттерниху! Самая нота Каннинга, впрочемъ, ничего опредѣленнаго грекамъ не обѣщала, но фактъ ея посылки инсурреціонному комитету показывалъ, что Англія признаетъ и впредь будетъ признавать полную законность греческаго правительства. Греки и друзья ихъ предавались самымъ беззавѣтнымъ ликованіямъ, несмотря на то, что до окончательнаго торжества было еще не близко. Трудные дневные и ночные переходы, трупы женщинъ и дѣтей на дорогахъ и въ канавахъ, ожесточенныя и внезапныя стычки со свирѣпыми башибузуками, маленькіе раціоны хлѣба, скудость боевыхъ припасовъ, физическая работа до изнеможенія, ежедневныя потери родныхъ и близкихъ, страданія отъ ранъ, полное отсутствіе медицинской помощи, угрозы Меттерниха, насмѣшки и клевета его рептилій,—вотъ

что приходилось слишкомъ перечувствовать и вождямъ, и рядовымъ греческой инсуррекціи съ начала возстанія. Могущественною моральною поддержкою для нихъ былъ уже филэллинизмъ въ европейскомъ обществѣ, но желаніе Каннинга вступить съ ними въ прямыя сношенія влило бодрость и вѣру въ душу наиболѣе скептическихъ сыновъ и друзей Греціи. Въ первый разъ великая держава, да еще самая сильная въ восточныхъ водахъ, явно становилась на ихъ сторону. Что касается до Россіи, то Александръ I передъ самою смертью пожелалъ не отдавать греческаго дѣла въ однѣ англійскія руки, а Каннингъ, съ своей стороны, обнадежилъ Россію, что стоитъ всецѣло за вооруженное вмѣшательство обѣихъ державъ въ пользу грековъ. Но на конференціи, созванной по этому поводу въ Петербургѣ, Австрія противъ вмѣшательства протестовала, Александръ I не особенно сильно настаивалъ, и когда онъ скончался,—вопросъ о вмѣшательствѣ все еще висѣлъ въ воздухѣ.

Восшествіе императора Николая на престолъ, подавленіе декабрьскаго бунта, первые шаги новаго правительства, все это сначала обнадежило было австрійскаго канцлера касательно греческаго возстанія. На первыхъ радостяхъ по случаю исчезновенія прежняго хотя и нерѣшительнаго и уступчиваго, но видѣвшаго его насквозь противника, Меттерних склоненъ былъ привѣтствовать снова свою звѣзду, начавшую какъ будто нѣсколько меркнуть. Но самый опасный врагъ оставался; Каннингъ попрежнему всею своею политикою ставилъ предъ Россіею дилемму: либо вмѣшаться въ греко-турецкую войну вмѣстѣ съ Англіею, либо пассивно смотрѣть, какъ англійскій десантъ захватитъ Морею и острова. Императоръ Николай въ первые же дни своего правленія извѣстилъ иностранные дворы, что онъ считаетъ дѣйствія грековъ незаконными, а ихъ самихъ бунтовщиками и людьми предосудительными (упоминалось объ варварствѣ инсургентовъ). И все-таки желѣзная воля Каннинга не снимала съ очереди упомянутую трудную дилемму. Нужно было рѣшиться. Въ началѣ апрѣля 1826 года, т.-е. черезъ четыре мѣсяца послѣ своего воцаренія, императоръ Николай I подписалъ съ Англіею тайное соглашеніе о вмѣшательствѣ обѣихъ державъ въ восточныя дѣла,—въ пользу греческихъ инсургентовъ...

VI.

Мы подошли къ тому моменту жизни Каннинга, который является кульминаціей и концомъ его политической жизни, къ 1827 г. Чтобы событія этого года были вполнѣ понятны, необходимо бросить взглядъ на общее положеніе кабинета, въ которомъ Каннингъ занималъ постъ министра иностранныхъ дѣлъ. Въ этомъ кабинетѣ существовали двѣ тенденціи, два оттѣнка: болѣе консервативные элементы группировались вокругъ герцога Веллингтона, болѣе либеральные—вокругъ Кан-

нинга, глава же кабинета—лордъ Ливерпуль былъ постояннымъ посредникомъ и примирителемъ между своими товарищами. Боевымъ вопросомъ, раздѣлявшимъ обѣ фракціи кабинета, являлся вопросъ объ эмансипаціи католиковъ; Каннингъ и его единомышленники стояли за эмансипацію, остальные члены кабинета—противъ. Король Георгъ IV раздѣлялъ воззрѣнія послѣднихъ, хотя, въ общемъ, съ Каннингомъ онъ уже примирился: блестящіе результаты внѣшней политики министра иностранныхъ дѣлъ сильно расположили короля къ нему. Что касается парламента, то хотя по вопросу объ эмансипаціи Каннингъ большинства въ палатѣ лордовъ не имѣлъ, но палата общинъ въ 1825—1826 гг. склонялась въ пользу эмансипаціи. Повторимъ еще, что послѣдовательно-либеральная политика Каннинга во внѣшнихъ дѣлахъ также не совсѣмъ нравилась Веллингтону и другимъ старымъ торіямъ. Когда министръ иностранныхъ дѣлъ слишкомъ открыто заявлялъ, что всѣ народы должны поставить себѣ идеаломъ «разумную свободу» и т. д., старые торіи хмурились и находили подобныя заявленія нѣсколько излишними. Но всѣ шероховатости въ отношеніяхъ смягчалъ лордъ Ливерпуль, человѣкъ удивительно тактичнаго ума и свѣтскихъ привычекъ, изучившій и Каннинга, и Веллингтона въ совершенствѣ, знавшій ихъ наизусть, такъ поставившій себя между двумя фракціями своего кабинета, что обѣ онѣ умѣряли взаимное раздраженіе изъ уваженія и любви къ премьеру. Тактъ и умъ лорда Ливерпуля ясно сказались по слѣдующему поводу. Въ 1826 году, какъ было уже сказано, состоялось тайное соглашеніе между Каннингомъ и русскимъ правительствомъ по вопросу о вмѣшательствѣ въ пользу грековъ; но такъ какъ въ дипломатіи, больше чѣмъ гдѣ-либо, нѣтъ ничего тайнаго, что не стало бы, въ концѣ концовъ, явнымъ, то князь Меттернихъ вскорѣ получилъ весьма обстоятельныя свѣдѣнія о петербургской конвенціи. Тутъ съ австрійскимъ канцлеромъ, не взирая на всю его благовоспитанность, приключилось нѣчто вродѣ длящагося припадка бѣшенства. Ненавистный Каннингъ, уже такъ страшно повредившій завѣтамъ Священнаго союза въ дѣлѣ американскихъ колоній,—и на европейскомъ Востокѣ поворачиваетъ событія, куда ему желательно! Меттернихъ былъ узокъ и шаблоненъ,—и его гнѣвъ поэтому вылился сначала въ привычныя формы доносительныхъ инсинуацій: онъ громко сталъ обвинять Каннинга въ завѣдомомъ революціонизмѣ, а императора Николая чуть-ли въ сообщничествѣ и пособничествѣ, онъ говорилъ, что русскій императоръ попалъ въ сѣти англійскаго якобинца, онъ не хотѣлъ ни за что успокоиться. Но что же можно было тутъ подѣлать при помощи этихъ обвиненій и указаній? Цѣлесообразность и успѣшность доноса прежде всего зависятъ отъ наличности власти, которой доносчикъ нашептываетъ свои откровенія; а гдѣ же была власть, которая могла бы покарать Каннинга и Николая? Меттерниховская пресса писала, положимъ, что земные порядки, на

стражѣ коихъ бодрствуетъ австрійскій канцлеръ, охраняются, сверхъ сего, и самими небесами, но несмотря на все свое благочестіе Меттерниха, въ концѣ концовъ, прибѣгнулъ въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ не къ помощи Провидѣнія, а къ интригѣ противъ Каннинга. Онъ задумалъ смѣлый планъ: нанести ударъ Каннингу съ той единственной стороны, съ какой тотъ былъ, повидимому, открытъ для нападеній. Что старые кабинетскіе и парламентскіе торіи недовольны министромъ иностранныхъ дѣлъ,—это онъ зналъ давно и преувеличивалъ размѣры факта, и вотъ австрійское лондонское посольство начало рѣять вокругъ Георга IV, лорда Ливерпуля, герцога Веллингтона и зондировать почву. Но Меттерниха и исполнители его велѣній слишкомъ торопились, черезчуръ обнаженно выставляли свои нехитрыя и ближайшія цѣли, а главное, очень ужъ усердно принялись за дѣло. «Генія терпѣливости» имъ не хватало, и они нарушали слишкомъ часто глубокій, несмотря на видимую простоту, завѣтъ Талейрана: «Pas trop de zèle, monsieurs, pas trop de zèle!» Бисмаркъ, Кавуръ, Горчаковъ умѣли держать себя въ рукахъ, не спѣшить и казаться въ глазахъ дипломатическаго міра небрежными и незаинтересованными даже тогда, когда самыя грандіозныя ихъ предпріятія висѣли на волоскѣ, и когда они съ сердцебіеніемъ распечатывали каждую телеграмму, а Меттернихъ очень ужъ избалованъ былъ своими безмятежными успѣхами, и теперь, когда началась тяжелая и безуспѣшная борьба съ Каннингомъ, онъ и его помощники повели себя слишкомъ нервно, порывисто и раздраженно. Предпріятіе ихъ провалилось, впрочемъ, еще и потому, что слишкомъ сильна была позиція Каннинга: торіи (даже не любившіе его) гордились своимъ министромъ, а виги открыто выразили ему свое сочувствіе; да если бы и готовился лордъ Ливерпуль удалить Каннинга изъ кабинета, то иностранное вмѣшательство могло только заставить его удержаться отъ этого шага. Лордъ Ливерпуль сдѣлалъ тщетными всѣ подходы австрійской дипломатіи, начавшіеся незадолго до его смерти: въ мартѣ 1827 г. англійскаго премьера не стало.

Кончина лорда Ливерпуля поставила на первый планъ вопросъ о новомъ премьерѣ. Естественно, выдвинулись двѣ кандидатуры: герцога Веллингтона и Джорджа Каннинга,—и Каннингъ поставилъ на карту свое положеніе, чтобы только не допустить своего антагониста къ премьерству. Онъ ясно видѣлъ, что при Веллингтонѣ ему уже не пользоваться тою свободою дѣйствій, какою онъ пользовался при лордѣ Ливерпулѣ, а ему, при условіяхъ, въ которыя онъ поставилъ восточный вопросъ, потребовалась именно вся возможная полнота власти. Георгъ IV обратился сначала къ Веллингтону, но Каннингъ положительно заявилъ, что служить въ такомъ случаѣ онъ не будетъ. Уходъ Каннинга безпокоилъ короля; эта перспектива сулила ему хлопоты и путаницу въ дипломатическихъ дѣлахъ, да и оппозиція въ парламентѣ

устами Брума заявляла откровенно, что если изъ торійскаго кабинета уйдетъ Каннингъ, то она сочтетъ долгомъ своимъ уже по новому бороться съ министерствомъ. Но отдавать власть перваго министра въ руки Каннинга король тоже не хотѣлъ. Съ 28-го марта (1827 г.) до 10-го апрѣля Георгъ IV предпринялъ нѣсколько попытокъ уломать Каннинга, упросить его остаться на своемъ посту даже при герцогѣ Веллингтонѣ. Но изъ этихъ попытокъ ничего не вышло. Нѣсколько разъ Каннингъ и Веллингтонъ за эти дни должны были, по волѣ короля, встрѣтиться, но Каннингъ, сохраняя полную любезность и словоохотливость, не далъ вытянуть изъ себя ни одного слова, ни одного намека, позволяющаго надѣяться, что онъ уступитъ. Тогда король послалъ Пиля къ Каннингу. Пиль, послѣ нѣсколькихъ боковыхъ подходовъ, оставшихся безрезультатными, вдругъ заявилъ уже напрямикъ, что только назначеніе Веллингтона уладитъ «всѣ затрудненія», и что такова воля его величества. На это Каннингъ, съ столь же прямымъ и непринужденнымъ видомъ, отвѣтилъ, что онъ преклоняется предъ волей монарха и уйдетъ, какъ только назначеніе Веллингтона состоится. Эта бесѣда происходила 9-го апрѣля, а 10-го Георгъ IV назначилъ первымъ министромъ—Каннинга.

Тотчасъ же Веллингтонъ, лордъ Мельвиль и другіе крайніе торіи вышли въ отставку; и сами они, и Меттерних думали сначала, что этотъ демонстративный уходъ провалитъ новое министерство. Но Каннингъ не растерялся, а тотчасъ же отдалъ нѣсколько министерскихъ постовъ—вигамъ, такъ что его кабинетъ оказался состоящимъ изъ нѣсколькихъ умѣренныхъ торіевъ и нѣсколькихъ виговъ. Этотъ составъ обезпечилъ новому правительству прочное положеніе въ парламентѣ,—а оппозиція крайнихъ торіевъ опасности никакой не представляла.

Свободомыслящіе круги Европы ликовали; въ ихъ бѣдной, тусклой жизни большою отрадою было видѣть усиленіе и торжество человѣка, слѣды рукъ котораго ярко горѣли на физіономіи ихъ общаго угнетателя. Престижъ Англіи, выгодные торговые договоры съ Южной Америкою, денежные займы греческаго правительства у англійскихъ банкировъ—все это, конечно, играло свою очень большую роль въ дѣйствіяхъ Каннинга, но англійскій министръ являлся въ глазахъ сочувствующихъ ему современниковъ чуть не посланникомъ богини свободы Тогда еще любили миѳологическія метафоры и умѣли увлекаться.

Нужно сказать, что враги Каннинга весьма ожесточенно нападали на него по каждому поводу въ парламентѣ и внѣ парламента; чѣмъ больше сближался онъ съ вигами, тѣмъ больше крайніе консервативные круги торіевъ отшатывались отъ него и тѣмъ язвительнѣе критиковали всѣ его дѣйствія. Но первый министръ, какъ будто что-то предчувствуя, торопился изо всѣхъ силъ закончить свое историческое дѣло. При огромномъ его самолюбіи, нападки на его личность и политику мучили и раздражали давно уже больного премьера; напряжен-

ные труды и треволненія послѣднихъ лѣтъ потрясли его организмъ; въ 1826—27 гг. бывали случаи, когда больной, желтый, изможденный Каннингъ являлся въ парламентъ прямо съ постели, не взирая на запрещенія врачей. Все это еще больше отражалось на его здоровьѣ. Интриги Меттерниха, затѣянныя было въ Лондонѣ, прекратились почти совсѣмъ къ лѣту 1827 года и съ усиленнымъ жаромъ возобновились на материкѣ: нужно было создать изъ всѣхъ державъ Европы внушительную оппозицію противъ англо-русскаго вмѣшательства въ восточный вопросъ. Дѣло сначала пошло на ладъ (еще въ 1826 году это опредѣлилось): Пруссія всецѣло примкнула къ Меттерниху. Но на Франціи—все оборвалось: Каннингъ искусно воспользовался тѣмъ, что греческое дѣло было необыкновенно популярно во Франціи, что даже консервативные круги по религіознымъ побужденіямъ сострадали грекамъ, и заставилъ французское правительство примкнуть къ Англіи и Россіи. Совершилось то, чего никакъ не ожидали даже приготовленные къ самому худшему друзья Меттерниха: 6-го іюля (1827 г.) Франція, Россія и Англія подписали общую конвенцію о вмѣшательствѣ въ греко-турецкія дѣла. Священный союзъ былъ разбитъ, и принципы его подкопаны въ самомъ основаніи. Передовые круги всей Европы рукоплескали новой блестящей побѣдѣ Каннинга, въ звѣзду котораго они теперь твердо вѣрили; слова министра о «разумной свободѣ», въ виду поражающихъ практическихъ результатовъ его дѣятельности, получали на континентѣ самое распространительное толкованіе. Меттерниховъ съ аффектаціею ужаса и съ искренностью ненависти спрашивалъ, устами своихъ наперсниковъ и рептилій, чѣмъ же все это потрясеніе основъ окончится? Когда же правое дѣло отмститъ за себя? «Правое дѣло» воспрянуло скорѣе, нежели онъ могъ ожидать.

6 іюля былъ подписанъ трактатъ Англіи, Россіи и Франціи о вмѣшательствѣ въ турецкія дѣла, а уже черезъ недѣлю Каннингъ заболѣлъ. Съ каждымъ днемъ появлялись самые злокачественные симптомы общей слабости организма. Къ концу іюля онъ переѣхалъ на дачу, въ имѣніе герцога Девонширскаго; обстановка для лѣченія была превосходная, и явилась надежда на спасеніе. Но вскорѣ больной слегъ въ постель окончательно и уже не покидалъ ее. Родные, друзья, знакомые стекались къ одру болѣзни; вся Англія съ тревогой ловила всякій слухъ о перипетіяхъ болѣзни, Ирландія со страхомъ ожидала, выживетъ или не выживетъ защитникъ эмансипаціи католиковъ, Южная Америка, Пиринейскій полуостровъ, Греція съ самымъ жгучимъ нетерпѣніемъ ожидали вѣстей съ дачи герцога Девонширскаго. О болѣзни Каннинга писалось во всѣхъ дипломатическихъ канцеляріяхъ, за ней слѣдили всѣ дворы, о ней, вѣроятно, также шептались и передавались извѣстія при свиданіяхъ политическихъ арестантовъ съ ихъ родственниками и въ Неаполѣ, и въ Вѣнѣ, и въ Берлинѣ, и въ Мадридѣ,

о ней же ежедневно освѣдомлялся съ полнымъ участіемъ князь Меттерних... Съ первыхъ чиселъ августа теченіе болѣзни обострилось и вскорѣ паціентъ впалъ въ безсознательное состояніе; 8-го августа Каннинга не стало.

«У счастливаго недруги мрутъ, у несчастнаго другъ умираетъ»; эти слова еще не были тогда написаны, но ихъ смыслъ слишкомъ живо (и тотчасъ же) сознали и почувствовали и счастливые, и несчастные. Черезчуръ быстро промелькнули и окончились эти пять лѣтъ, которыя для однихъ навсегда остались отмѣчены свѣтлымъ воспоминаніемъ на фонѣ придавленности и приниженности, для другихъ—обиднымъ кошмаромъ среди безпечальной жизни и безпрерывнаго торжества; слишкомъ внезапно былъ вырванъ этотъ человѣкъ изъ центра европейской политической жизни и спрятанъ въ угрюмую гробницу Вестминстерскаго аббатства. Его современники остались ему благодарны за то, что онъ сдѣлалъ, и грустили о томъ, чего ему не суждено было докончить...

Евг. Тарле.

СМЕРТЬ.

ПОВѢСТЬ АРТУРА ШНИЦЛЕРА.

Переводъ съ нѣмецкаго Т. Б.

Наступали сумерки. Марія встала со скамейки, на которой она сидѣла уже съ полчаса. Сначала она читала книгу, но подъ конецъ не отрывала глазъ отъ аллеи, по которой долженъ былъ придти Феликсъ. Въ прежнее время онъ не заставлялъ такъ подолгу ждать себя. Стало нѣсколько свѣжѣе, но воздухъ сохранялъ еще всю мягкость угасающаго майскаго дня.

Въ саду оставалось уже немного гуляющихъ, и они всѣ направлялись къ выходу, который скоро должны запирать. Марія приближалась уже къ воротамъ, когда она замѣтила Феликса. Онъ шелъ медленно, несмотря на то, что такъ опоздалъ. Только встрѣтивъ ея взглядъ, онъ нѣсколько ускорилъ шаги. Она остановилась, поджидая его, и когда онъ съ улыбкой пожималъ руку, которую она медленно протянула ему, спросила съ мягкимъ упрекомъ:

— Неужели тебѣ такъ долго пришлось работать?

Онъ предложилъ ей руку и ничего не отвѣтилъ.

— Ну что же?—повторила она.

— Да, дитя мое,—сказалъ онъ и добавилъ,—и потомъ я совсѣмъ позабылъ взглянуть на часы.

Она сбоку всматривалась въ него. Онъ показался ей блѣднѣе обыкновеннаго.

— Развѣ тебѣ не кажется, — сказала она нѣжно,—что тебѣ слѣдовало бы теперь немножко побольше думать о твоей Маріи? Оставь же на время свою работу. Мы будемъ больше гулять. Хорошо? Будемъ лучше вмѣстѣ выходить изъ дому.

— Хорошо.

— Да, Феликсъ. Я не буду больше оставлять тебя одного...

Онъ бросилъ на нее быстрый, словно испуганный взглядъ.

— Что съ тобой?—спросила она.

— Ничего.

Они вышли изъ сада, вокругъ нихъ весело шумѣла вечерняя жизнь

города. Казалось, надъ городомъ вѣяло безсознательнымъ счастьемъ, которое несетъ съ собою весна.

— Знаешь, что мы могли бы сдѣлать,—сказалъ онъ.

— Ну?

— Пойти въ Пратеръ.

— Ахъ, нѣтъ, прошлый разъ внизу было такъ холодно.

— Да нѣтъ же. Посмотри, здѣсь на улицѣ почти душно. Мы можемъ сейчасъ же и вернуться. Право, пойдемъ.

Онъ говорилъ отрывисто, разсѣянно.

— Какъ странно ты говоришь, Феликсъ.

— Почему?

— О чемъ ты думаешь? Вѣдь ты со мной, со своей милой!

Онъ взглянулъ на нее неподвижнымъ, отсутствующимъ взглядомъ.

— Феликсъ!—воскликнула она, испуганно прижимаясь къ его рукѣ.

— Да, да,—сказалъ онъ, пытаясь овладѣть собой. — Вѣдь правда же душно. Я совсѣмъ не разсѣянъ. А если бы и такъ, ты не должна на меня сердиться.

Они шли по дорогѣ къ Пратеру. Феликсъ сталъ еще молчаливѣе. Фонари уже были зажжены.

— Ты заходилъ сегодня къ Альфреду?—спросила она вдругъ.

— Зачѣмъ?

— Да вѣдь ты собирался.

— Развѣ?

— Вчера вечеромъ ты чувствовалъ себя такимъ утомленнымъ.

— Да, да.

— И все-таки не зашелъ къ Альфреду?

— Нѣтъ.

— Вотъ видишь, вчера еще ты былъ нездоровъ, а сегодня хочешь идти въ этотъ сырой Пратеръ. Это неблагоразумно.

— Ахъ, право, это не имѣетъ значенія.

— Не говори такъ. Ты хочешь окончательно испортить свое здоровье.

— Ну прошу тебя, пойдемъ туда, — сказалъ онъ чуть не со слезами въ голосѣ.—Мнѣ такъ хочется въ Пратеръ. Мы пройдемъ туда, гдѣ было такъ хорошо прошлый разъ. Знаешь, туда въ залу, тамъ и не холодно, правда?

— Да, да.

— Право же не холодно. Да и вообще сегодня такъ тепло. Не идти же намъ домой. Еще слишкомъ рано. И потомъ, мнѣ не хочется ужинать въ городѣ. Ужасно непріятно идти въ ресторанъ, да къ тому же мнѣ вредно быть, гдѣ накурено, и потомъ тамъ вездѣ масса народу, а мнѣ такъ тяжело отъ этого шума!

Вначалѣ онъ говорилъ быстро и громче, чѣмъ раньше. Но при послѣднихъ словахъ голосъ его совсѣмъ упалъ. Марія тѣснѣе прижалась

къ его рукѣ. Ей стало жутко и она замолчала, она чувствовала слезы въ горлѣ. Ей тоже передалось его желаніе очутиться въ маленькомъ садовомъ ресторанѣ въ Пратерѣ; его стремленіе къ тишинѣ и уединенію заразило ее. Они долго молчали. На его губахъ играла усталая, забытая улыбка; когда онъ повернулся къ ней, онъ попытался вложить въ нее выраженіе счастья. Но она слишкомъ хорошо его знала и сейчасъ же почувствовала тутъ принужденность.

Они вошли въ Пратеръ. Первая аллея отъ выхода, почти тонувшая во мракѣ, вела прямо къ ихъ цѣли,—къ простенькой садовой гостинницѣ. Большой садъ былъ еле освѣщенъ, столы стояли не накрытые, и стулья были прислонены къ нимъ. Вокругъ, въ круглыхъ фонарикахъ на стройныхъ зеленыхъ колонкахъ мерцали унылые красные огоньки. Тамъ и сямъ сидѣло нѣсколько посѣтителей, хозяинъ тоже былъ среди нихъ. Марія и Феликсъ прошли мимо нихъ, хозяинъ всталъ и приподнялъ шапочку. Они открыли дверь и вошли въ садовую залу, гдѣ тускло горѣло нѣсколько полузавернутыхъ газовыхъ рожковъ. Въ залѣ никого не было, только въ уголкѣ дремалъ мальчикъ-кельнеръ. Онъ быстро вскочилъ, поспѣшно отвернулъ газъ и помогъ посѣтителямъ снять пальто. Они выбрали себѣ уютный полутемный уголокъ и близко сдвинули свои стулья. Не долго выбирая, они заказали себѣ ужинъ и, наконецъ, остались одни. Только въ окна заглядывали унылые красные фонарики. А углы залы тонули въ полумракѣ.

Оба все еще молчали, наконецъ, Марія, измученная, спросила дрожащимъ голосомъ:

— Ну, скажи же мнѣ, Феликсъ, что съ тобой? Прошу тебя, скажи.

Прежняя улыбка мелькнула на его губахъ.

— Ничего, дитя мое, не спрашивай! Ты вѣдь знаешь мои настроенія, или ты до сихъ поръ еще не привыкла къ нимъ?

— Твои настроенія? О да, я ихъ знаю. Но ты не просто въ дурномъ настроеніи. Ты чѣмъ-то разстроенъ. Тутъ есть какая-то причина. Прошу тебя, Феликсъ, скажи, въ чемъ дѣло. Ну, скажи же, умоляю тебя.

Онъ сдѣлалъ нетерпѣливую гримасу, къ нимъ подходилъ кельнеръ, неся заказанный ужинъ. Она снова повторила:

— Скажи же, скажи!—Но онъ только досадливо поморщился, указывая на него глазами. Мальчикъ ушелъ.

— Ну, теперь мы одни,—сказала Марія. Она ближе придвинулась къ нему и взяла его обѣ руки въ свои.

— Что съ тобой? Что съ тобой? Я должна это знать. Развѣ ты меня больше не любишь?

Онъ молчалъ. Она поцѣловала его руку, но онъ медленно отнялъ ее.

— Ну, что же, что же?

Онъ безпомощно оглянулся кругомъ.

— Прошу тебя, оставь меня, не спрашивай, не мучь!

Она оставила его руку и посмотрѣла ему прямо въ лицо.

— Я хочу знать!

Онъ всталъ, прерывисто вздохнулъ, потомъ схватился за голову и сказалъ:

— Ты съ ума меня сведешь! Не спрашивай, говорю тебѣ.

Еще нѣсколько времени онъ простоялъ такъ съ остановившимся взоромъ, и она со страхомъ слѣдила за его взглядомъ, устремленнымъ въ пространство. Потомъ онъ опустился на стулъ, вздохнулъ спокойнѣе и по чертамъ его разлилось смягченное выраженіе усталости. Черезъ нѣсколько секундъ припадокъ страха, повидимому, прошелъ и онъ сказалъ Маріи тихо и ласково:

— Ну пей же, ѣшь!

Она послушно взяла вилку и ножикъ и робко спросила:

— А ты?

— Да, да, — отвѣтилъ онъ, но не пошевелился и ни до чего не дотронулся.

— Такъ и я тоже не буду,—сказала она.

Тогда и онъ принялся ѣсть и пить. Но вскорѣ онъ положилъ на столъ вилку и ножикъ, облокотился на руку и сталъ опять смотрѣть въ даль, мимо Маріи. Нѣсколько минутъ она смотрѣла на него, крѣпко сжавъ губы, потомъ отвела его руку, закрывавшую отъ нея его лицо. И она увидѣла глаза, полные слезъ, и не успѣла она воскликнуть: «Феликсъ, Феликсъ!» какъ онъ заплакалъ горячо и неудержимо. Она прижала его голову къ груди, стала гладить его волосы, цѣловала его лобъ, глаза, точно хотѣла поцѣлуями стереть его слезы.

— Феликсъ, Феликсъ!

Онъ плакалъ все тише и тише.

— Что съ тобой, мое сокровище, возлюбленный мой, мое единственное сокровище, скажи же мнѣ.

И онъ сказалъ ей, прижавшись лицомъ къ ея груди, такъ что слова неясно и глухо достигали до нея.

— Марія, Марія, я не хотѣлъ говорить тебѣ этого. Еще годъ и все кончится.

И онъ заплакалъ еще громче и безутѣшнѣе. Она вся дрожащая, мертвенно-блѣдная ничего не понимала, не хотѣла понимать. Что-то ужасное, холодное сдавило ей горло. Безсознательно она вскричала: «Феликсъ, Феликсъ!» и соскользнула на полъ, заглядывая въ его заплаканное, склонившееся на грудь лицо. Онъ увидѣлъ, что она стоитъ на колѣняхъ передъ нимъ и прошепталъ:

— Встань, встань!

Она встала, машинально повинуясь его словамъ, и сѣла на стулъ противъ него. Она не могла говорить, не могла спрашивать. Послѣ нѣсколькихъ секундъ молчанія онъ поднялъ глаза вверхъ и проговорилъ, точно невыразимая тяжесть давила его грудь.

*

— Ужасно! Ужасно!

Наконецъ къ ней вернулся голосъ.

— Идемъ, идемъ, — сказала она, но больше ничего не могла произнести.

— Да, пойдемъ,—сказалъ онъ съ такимъ жестомъ, точно хотѣлъ отогнать что-то отъ себя. Онъ позвонилъ кѣльнера, расплатился съ нимъ, и оба поспѣшно ушли изъ залы.

Въ саду ихъ ласково обняла молчаливая майская ночь. Въ темной аллеѣ Марія остановилась и схватила руку своего мужа.

— Ну, теперь объясни мнѣ, наконецъ, все.

Онъ совершенно успокоился, и то, что онъ сказалъ ей, звучало такъ просто и обыденно, точно въ немъ дѣйствительно не было ничего чрезвычайнаго. Онъ освободилъ свою руку и погладилъ ее по щекѣ. Стало такъ темно, что они съ трудомъ видѣли другъ друга.

— Ты не должна пугаться, Марія, годъ—вѣдь это долго, очень, очень долго. Мнѣ осталось жить еще годъ...

— Да ты съ ума сошелъ,—закричала она,—съ ума сошелъ...

— Досадно, что я тебѣ это сказалъ и даже глупо. Но знать это одному, вѣчно быть наединѣ съ этой мыслью, этого бы я не могъ долго вынести. Можетъ быть, и хорошо, чтобы ты привыкла къ этому. Но пойдемъ же, что же мы стоимъ? А я, Марія, уже привыкъ къ этой мысли. Альфреду я давно не вѣрилъ.

— Значитъ, ты въ самомъ дѣлѣ не былъ у Альфреда? Но вѣдь другіе ничего не понимаютъ.

— Видишь ли, дитя, я такъ страдалъ послѣднія недѣли отъ неизвѣстности. Это все-таки лучше. Теперь, по крайней мѣрѣ, я знаю. Я былъ у профессора Бернарда и онъ сказалъ мнѣ правду.

— Да нѣтъ же, онъ сказалъ неправду. Онъ просто хотѣлъ напугать тебя, чтобы ты былъ осторожнѣе.

— Нѣтъ, моя дорогая, я говорилъ съ нимъ совершенно серьезно. Я долженъ былъ знать правду. Отчасти даже ради тебя, понимаешь?

— Феликсъ, Феликсъ,—вскричала она, хватаясь за него обѣими руками.—Что ты говоришь? Безъ тебя я не могу жить ни одного дня, ни одного часа.

— Ну, пойдемъ,—сказалъ онъ тихо,—успокойся.

Они вышли изъ Пратера. Вокругъ стало свѣтло, шумно, оживленно. Стукъ колесъ, свистки и звонки омнибусовъ, тяжелый грохотъ поѣзда по мосту надъ ихъ головами. Марія невольно вздрогнула. Въ этой шумной жизни она почувствовала вдругъ что-то враждебное и злорадное. Она потянула его за собой съ широкихъ людныхъ улицъ въ тихіе переулки.

На одну минуту ей мелькнула мысль взять экипажъ, но она не рѣшилась сказать ему объ этомъ. Можно было идти потише.

— Ты не умрешь, нѣтъ, нѣтъ,—повторяла она тихо, прижимая голову къ его плечу.—Но безъ тебя и я не буду жить.

— Милое дитя, потомъ ты будешь думать иначе. Я уже обдумалъ все это. Это вѣрно. Знаешь, когда такъ вдругъ передъ глазами встанетъ послѣдняя грань, тогда начинаешь видѣть все такъ ясно, такъ отчетливо.

— Никакой грани нѣтъ.

— Конечно, мое сокровище, можно этому и не вѣрить. Въ эту минуту я и самъ не вѣрю. Въ этомъ есть что-то непостижимое, не правда ли? Подумай только, тотъ самый человѣкъ, который идетъ теперь рядомъ съ тобой и говоритъ, громко говоритъ слова, которыя ты слышишь, черезъ годъ будетъ лежать холодный, быть можетъ уже истлѣвшій...

— Замолчи, замолчи!

— А ты, ты будешь все такая же, какъ и теперь... Совершенно такая же, быть можетъ, только немного побѣдиѣвшая и заплаканная, но потомъ настанетъ другой вечеръ и еще, и еще, и придетъ лѣто, потомъ осень, потомъ зима и опять весна, а я ужъ цѣлый годъ какъ буду лежать мертвый и холодный. Да... Ну, что съ тобой?

Она горько плакала. Слезы текли по ея щекамъ и внизъ по шеѣ.

Мрачная усмѣшка промелькнула на его губахъ и онъ пробормоталъ сквозь зубы хрипло и жестко:

— Извини, пожалуйста.

Она все рыдала, пока они шли дальше, а онъ молчалъ. Дорога вела ихъ мимо городского парка по темнымъ, широкимъ и тихимъ улицамъ, изъ-за ограды до нихъ доносился слабый запахъ сирени. Медленно шли они впередъ. На другой сторонѣ улицы однообразно тянулась стѣна сѣрыхъ и желтыхъ домовъ. Издали, приближаясь къ нимъ, на синемъ ночномъ небѣ высился величественный куполъ св. Карла. Они обогнули уголъ поперечной улицы и подошли къ дому, гдѣ они жили. Медленно поднимались они по слабо освѣщенной лѣстницѣ, а изъ-за притворенныхъ дверей и оконъ до нихъ доносилась веселая болтовня и смѣхъ прислуги. Черезъ минуту они вошли къ себѣ и заперли двери. Окно было открыто, и темныя розы въ стаканѣ на ночномъ столикѣ наполняли комнату благоуханіемъ. Съ улицы доносился неясный гулъ. Оба подошли къ окну. Въ домѣ напротивъ было тихо и темно. Потомъ онъ сѣлъ на диванъ, а она закрыла окно, спустила шторы и зажгла свѣчу. Онъ ничего не замѣчалъ, погруженный въ свои мысли. Она подошла къ нему.

— Феликсъ!

Онъ поднялъ глаза и улыбнулся.

— Ну что, дитя?—спросилъ онъ.

И какъ только онъ произнесъ эти слова тихимъ и мягкимъ голосомъ, опять чувство безграничнаго страха охватило ее. Нѣтъ, она не

хотѣла потерять его, никогда, никогда! Все это неправда. Это невозможно. Она попыталась заговорить, хотѣла сказать ему все это. Она бросилась передъ нимъ на колѣни, но не нашла въ себѣ силы для словъ. Положивъ голову ему на колѣни, она плакала. Его руки тихо лежали на ея волосахъ.

— Не плакать,—прошепталъ онъ нѣжно.—Не надо больше плакать, Марія.

Она подняла голову, неожиданно ее озарила надежда.

— Такъ это все неправда? Скажи, неправда?

Онъ поцѣловалъ ее въ губы долгимъ, жаркимъ поцѣлуемъ и коротко сказалъ:

— Это правда.

Онъ всталъ, подошелъ къ окну и остановился тамъ въ тѣни. Только на ноги его падалъ слабый свѣтъ свѣчи. Черезъ нѣсколько времени онъ заговорилъ:

— Ты должна привыкнуть къ этой мысли. Думай просто, что мы съ тобой разстанемся. Ты можешь вѣдь и не знать, что меня не будетъ на свѣтѣ.

Она, казалось, не слушала его, спрятавъ лицо въ подушки дивана. Онъ говорилъ дальше:

— Если посмотрѣть на это философски, то вѣдь это, въ сущности, вовсе не такъ страшно. У насъ еще такъ много времени, когда мы можемъ быть счастливыми. Правда, Марія?

Она взглянула на него большими, полными слезъ глазами. Потомъ она бросилась къ нему, крѣпко прижалась къ его груди и прошептала:

— Я умру вмѣстѣ съ тобой.

Онъ улыбнулся.

— Это ребячество. Я не такъ ничтоженъ, какъ ты думаешь. Я не имѣю никакого права тянуть тебя за собой.

— Я не могу быть безъ тебя.

— Ты же такъ долго была безъ меня. Я уже былъ приговоренъ, когда встрѣтился съ тобой, годъ назадъ. Я не зналъ этого, но я и тогда уже подозрѣвалъ.

— Ты и теперь ничего не знаешь.

— Нѣтъ, теперь я знаю, и поэтому я теперь же возвращаю тебѣ свободу.—Она тѣснѣе прижалась къ нему.—Возьми ее, возьми.

Она ничего не отвѣтила, но взглянула на него, точно не могла понять, что онъ говоритъ.

— Ты такъ прекрасна и такъ здорова. Ты имѣешь великое право на жизнь. Оставь меня одного.

— Съ тобой я жила,—вскричала она,—съ тобой я и умру.

Онъ поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Ты не сдѣлаешь этого. Я запрещаю тебѣ, ты должна выгнать изъ головы эту мысль.

— Клянусь тебѣ...

— Не клянись. Придетъ день, когда ты будешь просить меня снять съ тебя эту клятву.

— Такъ-то ты въ меня вѣришь!

— О, ты любишь меня, я это знаю. Ты не покинешь меня до тѣхъ поръ...

— Никогда, никогда я тебя не покину.

Онъ покачалъ головой. Она прижалась къ нему, взяла обѣ его руки и поцѣловала ихъ.

— Ты такъ добра,—сказалъ онъ,—мнѣ это очень грустно.

— Не грусти. Что бы ни было, наша судьба будетъ одна и та же.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ серьезно и рѣшительно,—оставь это. Я не такой, какъ другіе. И я не хочу быть такимъ. Я былъ бы жалкимъ человѣкомъ, если бы придавалъ значеніе тому, что ты говоришь въ первомъ порывѣ горя. Я долженъ уйти, а ты должна остаться.

Она снова начала плакать. Онъ ласкалъ и цѣловалъ ее, успокаивая, и они молча стояли у темнаго окна. Проходили минуты, свѣча становилась ниже.

Наконецъ, онъ отошелъ отъ нея и сѣлъ на диванъ. Тяжелая усталость овладѣла его членами. Марія подошла къ нему и сѣла рядомъ Она тихонько взяла его голову и положила на свое плечо, онъ ласково взглянулъ на нее и закрылъ глаза. Такъ онъ и заснулъ.

Блѣдное, холодное утро заглянуло въ окно. Феликсъ проснулся. Голова его все еще лежала на ея груди, но сама она глубоко спала. Онъ тихонько отошелъ отъ нея, подошелъ къ окну и заглянулъ на улицу. Тамъ было безлюдно и сѣро. Его знобило. Не раздѣваясь, онъ легъ на постель и натянулъ на себя одѣяло.

Когда онъ проснулся, былъ яркій день, Марія сидѣла у кровати. Она разбудила его поцѣлуями. Они улыбнулись другъ другу. Не было ли все это дурнымъ сномъ? Онъ показался себѣ самъ такимъ здоровымъ и свѣжимъ. А за окномъ сіяло солнце. Съ улицы доносился шумъ; все жило кругомъ. Въ домѣ напротивъ почти всѣ окна были открыты. А на столѣ, какъ всегда, приготовленъ былъ завтракъ. И такъ свѣтло было въ комнатѣ, день проникъ во всѣ уголки. Въ лучахъ солнца кружились пылинки и во всемъ была надежда, надежда, надежда!

Докторъ докуривалъ еще свою послѣобѣденную сигару, когда ему доложили, что пришла дама. Пріемный часъ еще не наступилъ и Альфредъ, естественно, былъ недоволенъ.

— Марія!—воскликнулъ онъ съ удивленіемъ, когда она вошла.

— Не сердитесь, что я такъ рано мѣшаю вамъ. Пожалуйста, курите.

— Если позволите. Но что такое случилось. Что съ вами?

Она стояла передъ нимъ, опираясь одной рукой на столъ, а другой держа зонтикъ.

— Правда ли, что Феликсъ такъ сильно боленъ?—проговорила она быстро.—А! Вы поблѣднѣли. Почему же вы мнѣ этого не сказали, почему?

— Что это вамъ пришло въ голову?—онъ всталъ и прошелся по комнатѣ.—Это все глупости. Да сядьте же, пожалуйста.

— Отвѣтьте мнѣ.

— Ну, конечно, онъ боленъ. Вѣдь вы же это знаете.

— Онъ безнадеженъ,—вскричала она.

— Откуда вы взяли?

— Я знаю, и онъ знаетъ. Вчера онъ былъ у профессора Бернарда, и тотъ сказалъ ему это.

— Профессора тоже ошибаются.

— Вы же его часто изслѣдовали. Скажите мнѣ правду.

— Въ этихъ вещахъ нѣтъ абсолютной правды.

— Да, потому что онъ вашъ другъ. Вы не хотите сказать правды? Но я вижу по вашимъ глазамъ. Такъ это правда, правда! О, Боже! О, Боже!

— Милое дитя, успокойтесь.

Она быстро взглянула на него.

— Правда это?

— Ну да, онъ боленъ, вѣдь вы же знаете.

— Ахъ...

— Но зачѣмъ же ему сказали? И къ тому же..,

— Ну, ну! Только, прошу васъ, не будите во мнѣ надежду, если надежды нѣтъ.

— Этого никогда нельзя сказать опредѣленно. И это можетъ такъ долго длиться.

— Да, я знаю, годъ.

Альфредъ закусилъ губу.

— Да, скажите мнѣ, почему онъ пошелъ къ другому доктору?

— Да очень просто, онъ зналъ, что вы никогда не скажете ему правды.

— Это просто безсмысленно,—вспылилъ докторъ,—просто безсмысленно. Я этого совершенно не понимаю! Какъ будто такъ настоятельно необходимо человѣка...

Въ эту минуту открылась дверь и вошелъ Феликсъ.

— Я такъ и зналъ,—сказалъ онъ, увидѣвъ Марію.

— Ты дѣлаешь удивительныя глупости,—закричалъ докторъ,—удивительныя глупости, право.

— Все это фразы, мой милый Альфредъ,—возразилъ Феликсъ,—сердечно благодарю тебя за доброе желаніе, ты поступилъ, какъ истинный другъ, ты велъ себя великолѣпно.

— Онъ говоритъ,— вмѣшалась Марія,—что профессоръ, конечно...

— Оставь это,—перебилъ ее Феликсъ,—пока все шло по старому, вы могли держать меня въ заблужденіи, но теперь это была бы пошлая комедія.

— Ты ребенокъ,—сказалъ Альфредъ,—мало ли въ Вѣнѣ людей, которыхъ двадцать лѣтъ назадъ приговаривали къ смерти!

— Однако, большинство изъ нихъ все же давно лежитъ въ землѣ.

Альфредъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Во всякомъ случаѣ, со вчерашняго дня ничего не измѣнилось. Ты будешь беречься, вотъ и все, ты будешь больше слушаться меня— это хорошая сторона. Недѣлю тому назадъ у меня былъ пятидесятилѣтній господинъ, который...

— Наперед знаю,— перебилъ его Феликсъ, — пресловутый пятидесятилѣтній господинъ, который въ двадцать лѣтъ былъ обреченъ на смерть, а теперь имѣетъ цвѣтущій видъ и восемъ штукъ здоровыхъ дѣтей.

— Подобныя вещи нерѣдко случаются, въ этомъ нельзя сомнѣваться,—проговорилъ Альфредъ.

— Знаешь,—возразилъ Феликсъ,—я не принадлежу къ людямъ, съ которыми случаются чудеса.

— Чудеса?—воскликнулъ Альфредъ.— Да это самыя естественныя вещи.

— Да вы посмотрите на него,— сказала Марія, — онъ выглядитъ теперь лучше, чѣмъ зимой.

— Онъ долженъ беречь себя,—проговорилъ Альфредъ, останавливаясь противъ своего друга.—Вы отправитесь теперь въ горы и тамъ будете бездѣльничать.

— Когда намъ ѣхать?—спросила Марія.

— Все это ерунда,—сказалъ Феликсъ.

— А осенью вы поѣдете на югъ.

— А слѣдующей весной?—насмѣшливо спросилъ Феликсъ.

— Ты будешь, надѣюсь, здоровъ,—воскликнула Марія.

— Да, здоровъ,—разсмѣялся Феликсъ,—здоровъ! Во всякомъ случаѣ, не буду страдать.

— Я всегда говорю,— воскликнулъ докторъ,— что эти знаменитые клиницисты очень плохіе психологи.

— Потому что они не понимаютъ, что мы не можетъ выносить правды.

— Правды въ этомъ дѣлѣ нѣтъ,—повторяю я.—Человѣкъ вообразилъ себѣ, что онъ долженъ хорошенько попугать тебя, чтобы ты былъ благоразумнѣе. Навѣрно у него былъ приблизительно такой ходъ мыслей. Если ты, вопреки его предсказаніямъ, выздоровѣешь, это, во всякомъ случаѣ, не принесетъ ему вреда. Онъ только предупредилъ тебя.

— Оставимъ эти дѣтскіе разговоры,—сказалъ Феликсъ,—я говорилъ съ нимъ совершенно серьезно, я заставилъ его понять, что мнѣ необходимо знать правду. Семейное положеніе! Это всегда импонируетъ людямъ. И я долженъ тебѣ откровенно признаться, что неизвѣстность была слишкомъ томительна.

— Какъ будто теперь ты обладаешь истиной!—раздраженно вскричалъ Альфредъ.

— Да, теперь я знаю истину. И ты, право, напрасно стараешься. Теперь дѣло идетъ только о томъ, чтобы послѣдній годъ провести возможно разумнѣе. Ты увидишь, милый Альфредъ, что я принадлежу къ тѣмъ людямъ, которые съ улыбкой разстаются съ жизнью. Да не плачь же, Марія. Ты и не воображаешь, какимъ прекраснымъ будетъ тебѣ казаться этотъ міръ и безъ меня. Какъ ты думаешь, Альфредъ?

— Оставь! Ты просто безжалостно мучишь бѣдняжку.

— Это правда, умнѣе было бы покончить сразу. Разстанемся, Марія, оставь меня одного умирать!

— Дайте мнѣ яду!—воскликнула вдругъ Марія.

— Вы оба сошли съ ума,—закричалъ докторъ.

— Да, яду. Я не хочу жить ни одной секунды безъ него, и онъ долженъ повѣрить этому. А онъ не хочетъ вѣрить. Почему же, почему?

— Слушай, Марія, что я тебѣ сейчасъ скажу. Если ты еще хоть разъ, хоть одинъ разъ заговоришь объ этой нелѣпости, я разстанусь съ тобой навсегда, ты меня больше никогда не увидишь. Я не имѣю никакого права связывать твое существованіе съ моимъ, и я совсѣмъ не желаю такой отвѣтственности.

— Знаешь, милѣйшій мой Феликсъ,— заговорилъ докторъ, — чѣмъ скорѣе ты уѣдешь, тѣмъ лучше. Такъ это не можетъ продолжаться. Сегодня же вечеромъ я васъ отвезу на желѣзную дорогу. Покой и живительный воздухъ, можетъ быть, вернутъ вамъ разсудокъ.

— Я вполнѣ согласенъ, — сказалъ Феликсъ,— мнѣ совершенно все равно, гдѣ...

— Ну и прекрасно,—прервалъ его Альфредъ.—Нѣтъ ни малѣйшаго основанія отчаяваться и ты можешь оставить при себѣ свои мрачныя побочныя замѣчанія.

Марія вытерла слезы и взглянула на доктора благодарными глазами.

— О, великій психологъ!—усмѣхнулся Феликсъ.—Если врачъ грубъ съ больнымъ, тому должно представиться, что онъ не такъ ужъ плохъ.

— Я прежде всего твой другъ. Поэтому ты знаешь...

— Итакъ, завтра въ горы!

— Да, это рѣшено.

— Во всякомъ случаѣ, я тебѣ очень благодаренъ, — сказалъ Феликсъ, протягивая руку Альфреду.— А теперь, идемъ. Тамъ кто-то ужъ покашливаетъ. Идемъ, Марія!

— Благодарю васъ, докторъ,—сказала Марія, прощаясь.

— Не за что благодарить. Будьте только благоразумны и присматривайте за нимъ. Итакъ, до свиданія.

На лѣстницѣ Феликсъ сказалъ вдругъ:

— А вѣдь прекрасный человѣкъ этотъ докторъ, какъ ты находишь?

— О, да.

— И молодой, и здоровый, и имѣетъ впереди еще лѣтъ сорокъ жизни, а можетъ быть и сто.

Они вышли на улицу. Вокругъ нихъ сновали люди, говорили, смѣялись, жили и не думали о смерти.

Они поселились въ маленькомъ домикѣ на самомъ берегу озера. Онъ стоялъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ деревни, оторвавшись отъ ряда домовъ, тянувшихся вдоль берега. За домомъ вверхъ по холму зеленѣли луга, а дальше, наверху, раскинулось поле. На самомъ горизонтѣ едва виднѣлась цѣпь далекихъ горъ. Когда они выходили на свою террасу, возвышавшуюся на четырехъ влажныхъ коричневыхъ колоннахъ надъ прозрачной глубиной, передъ ними на другомъ берегу тянулась длинная цѣпь голыхъ утесовъ, надъ которыми покоилось въ холодномъ блескѣ молчаливое небо.

Въ первые дни по пріѣздѣ на нихъ снизошло чувство невыразимаго мира и спокойствія, причину котораго они и сами не могли объяснить себѣ. Какъ будто судьба могла имѣть власть надъ ними только въ привычныхъ условіяхъ жизни. Здѣсь, среди новой обстановки все, что произошло съ ними въ другомъ мірѣ, не могло имѣть никакого значенія. Съ тѣхъ поръ какъ они знали другъ друга, они еще никогда не испытывали такого освѣжающаго уединенія. Казалось, что въ прошломъ съ ними произошла какая-то маленькая непріятность, ссора или недоразумѣніе, о которомъ не стоило упоминать. Въ прекрасные лѣтніе дни Феликсъ чувствовалъ себя такъ хорошо, что вскорѣ послѣ пріѣзда онъ хотѣлъ было снова приняться за свою работу. Но Марія не соглашалась на это.

— Ты все-таки не совсѣмъ еще здоровъ,—говорила она съ улыбкой.

И на маленькомъ столикѣ, гдѣ Феликсъ расположилъ свои книги и бумаги, весело играли солнечные лучи, а въ окно проникалъ съ озера мягкій ласкающій воздухъ, который не имѣлъ ничего общаго съ несчастьями всякаго рода.

Однажды вечеромъ они по обыкновенію поѣхали прокатиться по озеру въ лодкѣ. Лодка была хорошая, просторная, съ мягкой, обитой скамейкой, на которой сидѣла Марія, а Феликсъ, закутавшись въ теплый плэдъ лежалъ у ея ногъ, положивъ голову ей на колѣни.

Надъ широкой спокойной поверхностью воды колебался легкій туманъ, и, казалось, сумерки медленно выплывали изъ глубины озера

и плыли къ берегамъ. Феликсъ рѣшился даже курить сигару и глядѣлъ впередъ на волны и на скалы, еще залитыя мягкимъ золотомъ солнечныхъ лучей.

— Скажи, Марія,—заговорилъ онъ, — любишь ты смотрѣть туда, вверхъ?

— Куда?

Онъ указалъ рукой на небо.

— Туда, прямо вверхъ, въ эту глубокую синеву. Я не могу. Мнѣ это непріятно.

Она взглянула вверхъ и нѣсколько секундъ не отрывала оттуда взгляда.

— Мнѣ нравится смотрѣть туда,—сказала она.

— Да? Когда небо такое ясное, какъ сегодня, я совершенно не выношу его. Эта безконечность, эта страшная безконечность! Когда есть облака, мнѣ не такъ непріятно, облака принадлежатъ еще намъ; въ нихъ я вижу что-то родственное.

— Завтра будетъ дождь,—вмѣшался гребецъ,—оттого сегодня горы такъ близко...

Онъ поднялъ весла и лодка, беззвучно и медленно скользила по волнамъ.

Феликсъ закашлялся.

— Удивительно, сигары я все еще не переношу.

— Такъ брось же ее.

Феликсъ нѣсколько разъ повернулъ въ пальцахъ тлѣющую сигару, потомъ бросилъ ее въ воду и сказалъ, не поворачиваясь къ Маріи:

— Такъ что же, значитъ, я еще не совсѣмъ здоровъ?

— Перестань,—сказала она, проводя рукой по его волосамъ.

— Что мы будемъ дѣлать, если пойдутъ дожди!—заговорилъ Феликсъ.—Ты должна тогда позволить мнѣ работать.

— Нѣтъ, ты не долженъ работать.

Она наклонилась надъ нимъ и заглянула ему въ глаза. Ей показалось, что его щеки горѣли.

— Я скоро прогоню твои мрачныя мысли. А теперь не пора ли намъ домой? Становится свѣжо.

— Свѣжо? Мнѣ не свѣжо.

— Да, тебѣ въ твоемъ толстомъ плэдѣ.

— Ахъ,—воскликнулъ онъ,—какой я эгоистъ, я и забылъ о твоемъ легкомъ платьѣ.

Онъ повернулся къ гребцу:

— Домой,—сказалъ онъ.

Въ нѣсколько ударовъ веселъ гребецъ подвезъ ихъ къ дому. Тутъ только Марія замѣтила, какъ плотно кутался Феликсъ въ свой плэдъ.

— Что съ тобой?

— Я, дѣйствительно, не вполнѣ еще здоровъ, Марія.

— Что же такое?

— Меня лихорадитъ. Довольно-таки глупо, не правда ли?

— Ты, вѣрно, ошибаешься,—робко сказала Марія,—я сейчасъ пошлю за докторомъ.

— Конечно, это мнѣ очень поможетъ.

Они остановились и вышли на берегъ. Въ комнатахъ было почти темно. Но въ нихъ еще сохранилась вся теплота лѣтняго дня. Пока Марія приготовляла ужинъ, Феликсъ спокойно сидѣлъ въ креслѣ.

— Такъ-то,—сказалъ онъ,—первая недѣля уже прошла.

Она оставила посуду, которую разставляла на столѣ, быстро подошла къ нему и обняла его обѣими руками.

— Ну, что же съ тобой опять?

Онъ высвободился изъ ея объятій.

— Оставь,— сказалъ онъ.

Онъ всталъ и пересѣлъ къ столу. Она пошла за нимъ. Онъ барабанилъ пальцами по скатерти.

— Я кажусь себѣ такимъ безпомощнымъ...

— Да перестань же, Феликсъ.

Она придвинула свой стулъ ближе къ нему.

Онъ смотрѣлъ кругомъ широко открытыми глазами. Потомъ онъ нетерпѣливо покачалъ головой, какъ будто не могъ понять чего-то, и пробормоталъ сквозь зубы:

— Безпомощный! безпомощный! Ни одинъ человѣкъ не можетъ мнѣ помочь. Само по себѣ это еще не такъ страшно,—но эта безпомощность!

— Феликсъ, прошу тебя, не волнуйся. Навѣрно, у тебя ничего нѣтъ. Ну, хочешь, я для твоего успокоенія схожу за докторомъ.

— Прошу тебя, оставь эти глупости. Извини, пожалуйста, что я опять надоѣдаю тебѣ своими болѣзнями.

— Ахъ, Феликсъ...

— Этого больше не случится. Ну-ка налей мнѣ вина. Да, да, налей, пожалуйста. Благодарю. Ну, теперь поговоримъ о чемъ-нибудь.

— О чемъ же?

— Да о чемъ хочешь. Почитай мнѣ, если тебѣ ничего не приходитъ въ голову. Ахъ, извини, конечно, послѣ ужина. Пожалуйста, ѣшь, я тоже буду ѣсть.

И онъ придвинулъ къ себѣ тарелку.

— У меня даже аппетитъ есть, все это мнѣ кажется очень вкуснымъ.

— Тѣмъ лучше,—сказала Марія съ принужденной улыбкой.

И оба принялись ѣсть и пить.

Въ ближайшіе дни шелъ теплый дождь. Они сидѣли до вечера то въ комнатѣ, то на своей террасѣ. Иногда они читали что-нибудь, вмѣстѣ, иногда смотрѣли въ окно, или она шила, а онъ любовался ею. Случа-

лось, что они играли въ карты или онъ преподавалъ ей теорію шахматной игры. Но чаще онъ ложился на диванъ, а она сидѣла около него и читала. Это были мирные дни и вечера, и Феликсъ чувствовалъ себя въ сущности вполнѣ хорошо. Онъ радовался, что дурная погода не отзывалась на немъ. Лихорадка болѣе не возвращалась.

Однажды, когда въ первый разъ небо стало проясняться, и они снова сидѣли на своемъ балконѣ, Феликсъ неожиданно, безъ всякой связи съ предыдущимъ разговоромъ сказалъ:

— Въ сущности вокругъ насъ ходятъ все приговоренные къ смерти.

Марія подняла глаза отъ работы.

— Да,—продолжалъ онъ, — вообрази, что кто-нибудь сказалъ бы тебѣ: «Милостивая государыня, вы умрете 1-го мая 1970 года». Вѣдь ты бы всю остальную жизнь мучилась невыразимымъ страхомъ передъ этимъ 1-мъ мая 1970 года, хотя, говоря серьезно, ты, конечно, не разсчитываешь прожить до ста лѣтъ.

Она ничего не отвѣтила.

Онъ говорилъ дальше, глядя на озеро, сверкавшее въ лучахъ солнца, прорвавшихся сквозь тучи.

— А другіе ходятъ себѣ здоровые и гордые, а можетъ быть, черезъ какую-нибудь недѣлю ихъ постигнетъ безсмысленный случай и унесетъ ихъ съ собой. А они совсѣмъ и не думаютъ о смерти, не правда ли?

— Знаешь,—сказала Марія,—оставь лучше эти глупыя мысли. Ты вѣдь и самъ долженъ былъ убѣдиться, что ты выздоравливаешь.

Онъ улыбнулся.

— Ну, да, ты и принадлежишь именно къ тѣмъ, кому суждено здоровье.

Онъ громко засмѣялся.

— Милое дитя, ты думаешь, что я и въ самомъ дѣлѣ собираюсь переспорить судьбу. Ты думаешь, что меня можетъ обмануть это кажущееся улучшеніе, которое подарила мнѣ судьба? Я случайно знаю, что́ мнѣ предстоитъ, и мысль о близкой смерти превращаетъ меня, какъ и каждаго сильнаго человѣка, въ философа.

— Да перестань же, наконецъ.

— Возлюбленная моя, *я* долженъ умереть, а *вы* не желаете даже испытать маленькую непріятность, слушая объ этомъ.

Она отбросила работу и подошла къ нему.

— Я чувствую,—сказала она тономъ добросовѣстнаго убѣжденія,— что ты останешься со мной. Ты не можешь самъ судить, насколько ты поправляешься. Ты не долженъ только думать объ этомъ, тогда изъ нашей жизни исчезнетъ послѣдняя тѣнь.

Онъ долго смотрѣлъ на нее.

— Повидимому, ты, дѣйствительно, абсолютно неспособна понять это. Нужно сдѣлать это для тебя осязательнымъ.

Онъ взялъ въ руку газету.

— Что здѣсь напечатано?

— 12 іюня 1890 года.

— Да, 1890. А теперь, вообрази себѣ, что, вмѣсто нуля, тутъ стоитъ единица. Тогда уже все будетъ давнымъ давно кончено. Теперь ты понимаешь?

Она взяла у него газету и съ досадой бросила ее на полъ.

— Она тутъ не при чемъ,—сказалъ онъ спокойно. Вслѣдъ затѣмъ онъ быстро всталъ, точно хотѣлъ стряхнуть съ себя всѣ эти мысли, и воскликнулъ:

— Смотри, какая красота! Какъ сверкаетъ солнце на волнахъ! А тамъ,—онъ подошелъ къ краю террассы и заглянулъ въ противоположную сторону,—какіе переливы свѣта въ поляхъ! Мнѣ хочется туда.

— Не будетъ ли слишкомъ сыро?

— Идемъ, я хочу на просторъ.

Она не посмѣла противорѣчить ему.

Они взяли шляпы, накинули пальто и отправились по дорогѣ въ поле. Небо было почти безоблачно. Только надъ дальней цѣпью горъ проносились изрѣдка легкія полосы тумана. Казалось, что даже зелень луговъ тонула въ бѣломъ золотѣ, залившемъ всю природу. Скоро они вышли на узкую дорожку среди хлѣбовъ, по которой приходилось идти другъ за другомъ; а за полы ихъ пальто задѣвали колосья. Потомъ они свернули въ сторону въ небольшую лиственную рощу, гдѣ были хорошія расчищеныя дороги и чуть не на каждомъ шагу стояли скамейки. Здѣсь они пошли рука объ руку.

— Какая красота,—воскликнулъ Феликсъ,—и что за воздухъ!

— Не думаешь ли ты, что послѣ дождя...—заговорила Марія, но Феликсъ не далъ ей докончить. Онъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Оставь, пожалуйста, какое это можетъ имѣть значеніе? Ужасно непріятно слышать постоянно эти напоминанія.

По мѣрѣ того, какъ они подвигались впередъ, лѣсъ все рѣдѣлъ и свѣтлѣлъ. Уже между деревьями просвѣчивало озеро. До него оставалось не больше сотни шаговъ. Небольшой мысъ, покрытый рѣдкимъ кустарникомъ вдавался въ воду, на немъ были расположены деревянные столики со скамейками, а у самаго берега стояла легкая деревянная рѣшетка. Поднялся легкій вечерній вѣтерокъ и погналъ волны къ берегу. Съ влажныхъ листьевъ брызнули капельки дождя. Мягкій свѣтъ отлетающаго дня освѣщалъ всю картину.

— Я никогда не подозрѣвалъ,—сказалъ Феликсъ,—что все это такъ прекрасно.

— Да, дивно хорошо.

— Ты вѣдь этого не понимаешь,—воскликнулъ Феликсъ,—и не можешь понять, тебѣ не нужно прощаться со всѣмъ этимъ.

Онъ медленно сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и оперся обѣими руками

на легкую рѣшетку, выходившую прямо изъ воды. Онъ смотрѣлъ на разстилавшуюся передъ ними гладь воды. Потомъ онъ повернулся назадъ. Марія стояла за нимъ, глядя на него полными сдерживаемыхъ слезъ глазами.

— Ну, смотри,—сказалъ Феликсъ шутливымъ тономъ,—все это я оставляю тебѣ. Да, да, вѣдь теперь оно принадлежитъ мнѣ. Въ этомъ могучемъ чувствѣ обладанія заключается великая тайна ощущенія жизни, которую я только теперь постигъ. Со всѣми эти вещами я могу сдѣлать все, что хочу. Тѣ голые утесы я могъ бы усыпать цвѣтами и бѣлые облака могъ бы прогнать съ небесъ. Я этого не дѣлаю, потому что оно прекрасно именно такъ, какъ есть. Ты поймешь это, милое дитя, только когда меня не станетъ. У тебя будетъ такое чувство, точно все это перешло въ твое владѣніе.

Онъ взялъ ее за руку и притянулъ къ себѣ. Другой рукой онъ указывалъ ей на прекрасный окружающій міръ.

— Все это, все это,—повторялъ онъ.

Но она молчала и смотрѣла на него сухими печальными глазами.

— Однако пора домой,—сказалъ онъ вдругъ, рѣзко мѣняя тонъ.

Наступали сумерки, и они пошли ближайшей дорогой по берегу.

— Это была прекрасная прогулка,—замѣтилъ Феликсъ.

Она молча кивнула головой.

— Мы будемъ часто повторять ее, Марія.

— Хорошо,—сказала она.

— И мучить тебя я больше не буду,—прибавилъ онъ тономъ презрительнаго сожалѣнія.

Въ одинъ изъ ближайшихъ дней Феликсъ рѣшилъ приняться снова за свою работу. Взявъ въ руку карандашъ, онъ съ нѣкоторымъ злорадствомъ любопытствомъ оглянулся на Марію, ожидая, что она будетъ удерживать его. Но она ничего не сказала. Онъ недолго проработалъ: скоро онъ оттолкнулъ и карандашъ, и бумагу и взялъ первую попавшуюся подъ руку книгу. Чтеніе все-таки больше отвлекало его отъ мыслей. Къ работѣ онъ былъ еще неспособенъ. Онъ долженъ былъ сначала проникнуться полнымъ презрѣніемъ къ жизни, чтобы потомъ, спокойно глядя въ глаза безмолвной вѣчности, начертать, подобно мудрецу, свою послѣднюю волю. Къ этому онъ стремился. Не такую послѣднюю волю, какую оставляютъ послѣ себя обыкновенные люди, давая замѣтить въ ней владѣющій ими страхъ смерти. Это завѣщаніе не должно касаться вещей, доступныхъ зрѣнію и осязанію,—вещей, которыя раньше или позже погибнутъ вслѣдъ за нимъ. Его послѣдняя воля будетъ поэма, тихое, съ улыбкой на устахъ, прощаніе съ міромъ, который онъ побѣдилъ. Съ Маріей онъ не говорилъ объ этой идеѣ. Она не поняла бы его. Онъ казался себѣ созданнымъ совершенно иначе, чѣмъ она. Съ нѣкоторой гордостью поглядывалъ онъ на нее,

когда она послѣ обѣда задремывала надъ своей книгой, и растрепавшіеся локоны вились по ея лбу. Его гордость росла по мѣрѣ того, какъ онъ сознавалъ, сколько есть вещей, о которыхъ онъ долженъ умалчивать передъ ней. Онъ казался себѣ одинокимъ и великимъ.

Однажды, когда она такимъ образомъ задремала въ креслѣ, онъ тихонько выскользнулъ изъ комнаты и направился въ лѣсъ. Вокругъ него царила дремотная тишина душнаго лѣтняго дня. И вдругъ ему стало ясно, что *это* должно совершиться сегодня. Онъ вздохнулъ глубоко и свободно. Онъ шелъ дальше подъ густою тѣнью деревьевъ. Смягченный дневной свѣтъ успокоительно дѣйствовалъ на него. Все это, и тѣнь, и тишину и мягкій воздухъ, онъ ощущалъ, какъ особое счастье. Онъ наслаждался всѣмъ. И не было никакой горечи въ той мысли, что онъ долженъ разстаться со всею прелестью жизни.

— Разстаться, разстаться,—повторилъ онъ вслухъ.

Онъ глубоко вздохнулъ, и мягкій воздухъ такъ легко и свободно наполнилъ его грудь, что онъ сразу почувствовалъ невозможность согласиться съ тѣмъ, что онъ боленъ. Но вѣдь онъ же боленъ, онъ даже обреченъ на смерть. И вдругъ на него нашло точно какое-то просвѣтленіе. Онъ больше не вѣрилъ въ это. Да, да, именно не вѣрилъ, оттого-то онъ и чувствовалъ себя такъ свободно и хорошо, оттого-то ему и казалось, что пришелъ настоящій часъ. Не въ томъ дѣло, что онъ побѣдилъ стремленіе къ жизни, нѣтъ, его только оставилъ страхъ смерти, потому что онъ больше не вѣрилъ въ эту смерть. Онъ зналъ, что онъ принадлежалъ къ тѣмъ, которые будутъ жить. Точно проснулось вновь что-то спавшее въ дальнемъ уголкѣ его души. Онъ почувствовалъ потребность шире открыть глаза, идти болѣе крупными шагами, дышать болѣе глубокими вздохами. День сразу сталъ свѣтлѣе и природа оживленнѣе. Итакъ, вотъ что это было, вотъ что это было! И какъ это случилось? Почему его вдругъ такъ опьянила надежда? Ахъ, эта надежда! Нѣтъ, это было больше, чѣмъ надежда. Это была увѣренность. А еще сегодня утромъ его мучилъ страхъ, сжималъ ему горло, а теперь, теперь онъ здоровъ, онъ совсѣмъ здоровъ. Онъ громко воскликнулъ:

— Здоровъ!

Онъ стоялъ на опушкѣ лѣса, передъ нимъ разстилалось темно-голубое озеро. Онъ сѣлъ на скамью и сидѣлъ тамъ, погруженный въ чувство глубокаго успокоенія, устремивъ взглядъ на воду. Онъ думалъ о томъ, какъ странно это случилось: вмѣсто удовольствія гордаго прощанія съ жизнью, онъ испытывалъ радость выздоровленія. Сзади него раздался легкій шорохъ. Онъ едва успѣлъ повернуться. Это была Марія. Глаза ея блестѣли, щеки слегка порозовѣли.

— Что съ тобой?—спросилъ онъ.

— Зачѣмъ ты ушелъ? Зачѣмъ ты оставилъ меня одну? Я очень испугалась.

— Полно,—сказалъ онъ, привлекая ее къ себѣ. Онъ улыбнулся и поцѣловалъ ее. У нея были такія влажныя теплыя губы.

— Поди сюда,—сказалъ онъ тихонько, привлекая ее къ себѣ на колѣни. Она тѣсно прижалась къ нему, обхвативъ его шею обѣими руками. Она была такъ прекрасна! Отъ ея бѣлокурыхъ волосъ шелъ легкій теплый ароматъ. И безконечная нѣжность къ этому гибкому, нѣжному существу вдругъ поднялась въ его груди. Глаза его наполнились слезами, онъ схватилъ ея руки и началъ цѣловать ихъ. Какъ онъ любилъ ее!

Съ озера раздавался отдаленный шумъ. Они одновременно подняли головы и рука объ руку подошли къ берегу. Вдали виднѣлся пароходъ. Они подождали, пока онъ подошелъ настолько, что можно было разглядѣть силуэты людей на палубѣ, потомъ повернулись и пошли лѣсомъ домой Шли они медленно, рука объ руку, улыбаясь другъ другу. Они снова находили старыя слова, слова первыхъ дней ихъ любви. Въ этихъ словахъ звучала неувѣренная нѣжность, глубокая ласка. Они были радостны, какъ дѣти, они вновь нашли свое счастье.

Настало томительное, знойное лѣто, съ жгучими днями и коварными, раздражающими ночами. Каждый день повторялъ предшествующій и каждая ночь напоминала предыдующую. Время не двигалось. И они все были одни. Они думали только другъ о другѣ; лѣсъ, озеро, ихъ маленькій домъ—это была ихъ вселенная. Удушливая, но пріятная атмосфера окутывала ихъ, мѣшая имъ думать. Беззаботныя, счастливыя ночи, усталые, исполненные нѣжности дни пролетали надъ ними.

Разъ ночью, когда свѣча еще горѣла, Марія встала и подошла къ Феликсу. Онъ тихо спалъ, на лицѣ его лежало выраженіе глубокаго спокойствія. Она прислушалась къ его дыханію. Да, теперь это было уже несомнѣнно, каждый часъ приближалъ его къ полному выздоровленію. Глубокая нѣжность охватила ее, она ближе наклонилась къ нему, чтобы почувствовать на своей щекѣ его дыханіе. О, какъ прекрасно жить! И вся ея жизнь была въ немъ, въ немъ одномъ. И теперь онъ возвращенъ ей, навсегда возвращенъ!

Въ эту минуту одинъ вздохъ спящаго смутилъ ее, это былъ какъ бы легкій, заглушенный стонъ. Вокругъ его полуоткрытыхъ губъ появилась черточка страданія, а на лбу она со страхомъ замѣтила капельки пота. Голова слегка повернулась на бокъ. Потомъ губы снова закрылись, черты приняли спокойное выраженіе, еще два, три прерывистыхъ вздоха, и дыханіе по прежнему стало ровнымъ, почти безвучнымъ. Но Марія уже не могла побѣдить мучительной тревоги. Больше всего ей хотѣлось разбудить его, прижаться къ нему, ощутить его теплоту, его жизнь. Странное чувство, какой-то вины вдругъ проснулось въ ней, радостная увѣренность въ его выздоровленіи показалась ей дерзостью. Она пробовала убѣдить себя, что это была вовсе не твер-

дая увѣренность, а только робкая и благодарная надежда, за которую нельзя же было такъ горько наказывать ее. Она давала себѣ обѣщаніе никогда не отдаваться такому беззаботному счастью. И вдругъ все это время ликующаго упоенья представилось ей временемъ легкомысленнымъ и грѣховнымъ, которое они должны были теперь искупать. Но вѣдь все это еще можно исправить. Безъ сомнѣнія! И къ тому же развѣ въ этомъ дѣйствительно было что-нибудь грѣховное? Вѣдь это была та любовь, которая, быть можетъ, имѣетъ власть творить чудеса. И, быть можетъ, именно эти блаженные часы вернули ему здоровье.

Ужа́сный стонъ вырвался изъ устъ Феликса. Въ полуснѣ онъ приподнялся на кровати съ широко раскрытыми глазами, со страхомъ устремленными въ пространство. Марія не могла удержать восклицанія ужаса. Это его окончательно разбудило.

— Что случилось?—вскричалъ онъ.

Марія не находила отвѣта.

— Это ты кричала, Марія? Я слышалъ крикъ.

Онъ ускоренно дышалъ.

— Что-то душило меня. Я видѣлъ сонъ, не помню какой.

— Я очень испугалась,—пробормотала она.

— Знаешь, Марія, мнѣ очень холодно.

— Не мудрено, если ты видѣлъ страшный сонъ.

— Ахъ, это все пустяки,—сказалъ онъ, сердито глядя вверхъ,— у меня просто опять лихорадка, вотъ что.

У него стучали зубы, онъ легъ на подушку и плотнѣе закутался въ одѣяло.

Она съ отчаяньемъ смотрѣла на него.

— Не хочешь ли ты... Не сходить ли мнѣ...

— Ничего мнѣ не надо... Спи, пожалуйста. Я усталъ и тоже буду спать. А свѣчку не туши.

Онъ закрылъ глаза и подтянулъ одѣяло къ самому подбородку. Марія не рѣшалась ни о чемъ его спрашивать. Она знала, какъ его раздражало состраданіе, когда онъ не совсѣмъ хорошо себя чувствовалъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже спалъ, но она не могла больше заснуть. Скоро сѣрыя сумерки стали прокрадываться въ комнату. Эти первые блѣдные признаки близкаго утра принесли Маріи большее облегченіе. Точно что-то ласковое, дружеское проникло къ ней. Она чувствовала странную потребность встрѣтить утро. Она тихонько встала съ постели, накинула на себя блузу и проскользнула на террассу. Небо, горы, озеро, все плавало еще въ смутной сѣрой мглѣ. Ей пріятно было напрягать зрѣніе, чтобы яснѣе различать очертанія предметовъ. Она сѣла въ кресло и взглядъ ея потонулъ въ предразсвѣтныхъ сумеркахъ. Невыразимая отрада наполнила ея душу, пока она сидѣла здѣсь среди глубокой тишины просыпающагося лѣтняго утра. Вокругъ все было такъ спокойно, такъ ласково, такъ вѣчно. Какъ прекрасно было по-

быть хоть минутку одной, среди этой великой природы, вырвавшись изъ той душной, тѣсной комнаты. И вдругъ ее точно прожгло сознаніе —ей пріятно было уйти отъ него, быть тутъ, быть одной!

Весь слѣдующій день къ ней возвращались мысли минувшей ночи. Онѣ не были уже такъ тяжелы и мучительны, какъ во мракѣ ночи, но зато онѣ стали еще опредѣленнѣе и побуждали ее принять твердое рѣшеніе. Прежде всего она должна была по возможности умѣрять пламенность его любви. Она не понимала, какъ могла она до сихъ поръ не подумать объ этомъ. Ахъ, она постарается быть такой мягкой, такой умной, что онъ не приметъ это за охлажденіе, а только за новый лучшій видъ любви.

Но ей и не пришлось быть ни особенно мягкой, ни особенно умной. Послѣ той ночи весь пылъ его страсти угасъ самъ собой, и онъ относился къ ней съ усталой нѣжностью, которая сначала принесла ей успокоеніе, а потомъ повела къ отчужденію. Днемъ онъ больше читалъ или дѣлалъ видъ, что читаетъ, часто она замѣчала, что его взглядъ блуждаетъ поверхъ книги. Ихъ разговоры вертѣлись вокругъ тысячи обыденныхъ мелочей и не затрогивали ничего значительнаго, но Марія не испытывала такого ощущенія, что онъ не посвящаетъ ее больше въ тайну своихъ мыслей. Все это складывалось само собой, какъ будто эта недосказанность, это равнодушіе въ немъ были слѣдствіемъ естественной слабости выздоравливающаго. Утромъ онъ по долгу лежалъ въ постели, а она привыкла выходить одна изъ дому на разсвѣтѣ. Иногда она сидѣла на террасѣ, иногда спускалась къ озеру, садилась въ лодку и, не отплывая далеко отъ берега, тихонько качалась на волнахъ. Или же она шла гулять въ лѣсъ, и приходила его будить только послѣ небольшой утренней прогулки. Она радовалась его здоровому сну, считая его хорошимъ признакомъ. Но она не знала, какъ часто онъ просыпался по ночамъ, она не видѣла, какимъ взглядомъ полнымъ безконечной грусти смотрѣлъ онъ иногда, какъ она спала спокойнымъ сномъ здоровой юности.

Разъ утромъ, она по обыкновенію сѣла въ лодку, когда первые лучи солнца только что разсыпались золотыми искрами по волнамъ. Сверкающая прозрачная вода такъ и манила вдаль. Она попробовала выплыть подальше и отъ непривычки грести сильно разгорячилась и устала, что, впрочемъ, только увеличивало прелесть прогулки. Несмотря на такой ранній часъ на озерѣ не было пустынно. То тутъ, то тамъ навстрѣчу Маріи выплывали лодочки, и ей казалось, что нѣкоторыя изъ нихъ не безъ намѣренія подъѣзжали къ ней поближе. Маленькій элегантный ботикъ, въ которомъ сидѣло двое молодыхъ людей, быстро поравнялся съ ней. Молодые люди подняли весла и весело и любезно поклонились ей..

Марія удивленно взглянула на нихъ и необдуманно отвѣтила:

— Здравствуйте.

Потомъ она такъ же безсознательно оглянулась на нихъ, когда они проѣхали. Молодые люди тоже обернулись и еще разъ поклонились ей. Только тутъ ей пришло въ голову, что она поступила не такъ, какъ слѣдовало, и она такъ скоро, какъ только позволяли ея силы, стала грести къ дому. На обратный путь пошло почти полчаса и вернулась она разгоряченная, съ распустившимися волосами. Еще изъ лодки она увидѣла, что Феликсъ сидитъ на террасѣ, и она торопливо вошла въ домъ. Возбужденная, хотя нѣсколько смущенная, точно въ чемъ-то провинившаяся, вбѣжала она на балконъ, сзади обняла Феликса руками и шутя спросила его:

— Кто это?

Онъ медленно высвободился изъ ея рукъ и спокойно взглянулъ на нее съ боку.

— Что съ тобой? Отчего это тебѣ такъ весело?

— Оттого, что я опять съ тобой.

— Отчего-жъ ты такъ разгорячилась? Ты вся пылаешь!

— Ахъ, Боже мой, я такъ рада, такъ рада!

Своенравнымъ жестомъ она сбросила плэдъ съ его ногъ и присѣла къ нему на колѣни. Ей было досадно и на свое невольное смущеніе, и на его обиженный видъ, и нагнувшись, она поцѣловала его въ губы.

— Чему же это ты такъ рада?

— Развѣ у меня нѣтъ причинъ радоваться? Я такъ счастлива, что... она запнулась, но потомъ продолжала дальше,—что это ушло отъ тебя.

— Что—это?—спросилъ онъ съ недовѣріемъ въ голосѣ.

Надо было докончить, онъ, очевидно, не хотѣлъ ей помочь.

— Ну, тотъ твой страхъ.

— Страхъ смерти, ты думаешь?

— Зачѣмъ говорить такія слова!

— Почему ты говоришь, что онъ ушелъ отъ *меня?* Значитъ и отъ тебя также, не правда ли?

И взглядъ его при этомъ принялъ пытливое, недоброе выраженіе. И когда она, не отвѣчая, играла его волосами и прижимала губы къ его лбу, онъ нѣсколько откинулъ назадъ голову, и продолжалъ безпощадно и холодно:

— По крайней мѣрѣ, раньше это было твое намѣреніе—раздѣлить мою судьбу.

— Оно такъ и будетъ,—отвѣтила она живо и весело.

— Нѣтъ, такъ не будетъ, — строго остановилъ онъ ее. — Что мы другъ друга обманываемъ? «Это» отъ меня вовсе не ушло. Оно приближается все ближе, я чувствую это.

— Но, Феликсъ...

Она незамѣтно отошла отъ него и стояла прислонившись къ рѣшеткѣ балкона. Онъ тоже всталъ и ходилъ взадъ и впередъ.

— Да, я чувствую это. И моя обязанность предупредить тебя. Если это произойдетъ совершенно неожиданно для тебя, ты можешь слишкомъ сильно испугаться. Поэтому я напоминаю тебѣ, что почти четверть моего срока уже прошла. А можетъ быть, я самъ себѣ внушилъ, что обязанъ сообщить объ этомъ тебѣ, можетъ быть, это просто мое малодушіе.

— Можетъ быть, ты сердишься, что я оставила тебя одного?— сказала она робко.

— Пустяки!—быстро отвѣчалъ онъ.—Мнѣ даже пріятно твое радостное настроеніе,—я самъ, насколько я себя теперь знаю, съ радостью буду ожидать извѣстнаго дня. Но твою веселость, искренне говоря, мнѣ нѣсколько трудно выносить. Впрочемъ, повторяю, я даю тебѣ полную свободу отдѣлить твою судьбу отъ моей.

— Феликсъ!

Она обѣими руками постаралась удержать его, но онъ освободился отъ нея и продолжалъ ходить.

— Начинается самое тяжелое время. До сихъ поръ я былъ еще интересный больной. Немного блѣдный, немного кашляющій, немного меланхоличный. Это всегда нравится женщинамъ. Но отъ того, что теперь предстоитъ, лучше избавь себя, дитя мое. Оно можетъ только отравить твои воспоминанія обо мнѣ.

Она тщетно искала отвѣта, безпомощно глядя на него.

— На это трудно рѣшиться, думаешь ты. Это отзывается безсердечностью, пожалуй даже пошлостью. Увѣряю тебя, что объ этомъ не можетъ быть и рѣчи, наоборотъ, ты окажешь большую услугу мнѣ и моему тщеславію, если ты примешь мое предложеніе. Я хочу, чтобы ты, по крайней мѣрѣ, съ грустью вспоминала обо мнѣ и оплакивала меня искренними слезами. Но я ни въ какомъ случаѣ не желаю одного, чтобы ты дни и ночи сидѣла надъ моей постелью съ мыслью, «пусть бы ужъ это скорѣе кончалось, если оно все равно должно кончиться», и чтобы ты вздохнула съ облегченіемъ, когда я покину тебя.

Она все еще искала словъ. Наконецъ, она воскликнула:

— Я останусь съ тобой вѣчно!

Онъ не обратилъ на это ни малѣйшаго вниманія.

— Не будемъ больше говорить объ этомъ,—сказалъ онъ. Черезъ недѣлю я намѣреваюсь поѣхать въ Вѣну. Мнѣ еще надо привести въ порядокъ кой-какія дѣла. Прежде чѣмъ мы выѣдемъ изъ этого дома, я снова повторю свой вопросъ, нѣтъ, свою просьбу.

— Феликсъ! Я!...

Онъ рѣзко оборвалъ ее.

— Запрещаю тебѣ говорить объ этомъ еще хоть слово до назначеннаго мною срока.

Онъ вошелъ въ комнату. Она хотѣла идти за нимъ.

— Оставь меня,—сказалъ онъ мягко,—я хочу немного побыть одинъ.

Она осталась на балконѣ и сухими глазами смотрѣла вдаль на озеро. Феликсъ прошелъ въ спальню и бросился тамъ на кровать. Онъ долго не отрываясь смотрѣлъ на одѣяло, закусивъ губы и крѣпко сжавъ кулаки. Потомъ съ злобной усмѣшкой онъ пробормоталъ сквозь зубы:

— Самопожертвованіе! самопожертвованіе!

Съ этой минуты между ними стало что-то чуждое, но въ то же время они чувствовали какое-то болѣзненное стремленіе говорить между собой. Цѣлые часы говорили они о самыхъ неважныхъ предметахъ. Имъ становилось какъ-то страшно, когда они переставали говорить. То они разсуждали о томъ, откуда приходятъ облака, заволакивающія горы, то какую погоду можно ждать завтра, то, почему озеро въ разное время дня принимаетъ разные оттѣнки. Гуляя они по большей части избѣгали ближайшихъ окрестностей своего дома, а отправлялись въ болѣе людныя мѣста на берегъ озера. Тамъ постоянно представлялись случаи дѣлать замѣчанія по поводу встрѣчныхъ. Когда навстрѣчу имъ попадались молодые люди, Марія вела себя особенно сдержанно, и если Феликсъ замѣчалъ что-нибудь по поводу костюма какого нибудь любителя-гребца или альпиниста, она съ полубезсознательной неискренностью увѣряла, будто совсѣмъ не замѣтила этихъ людей. Феликсу стоило большого труда при слѣдующей встрѣчѣ заставить ее обратить на нихъ вниманіе. Ей становилось тяжело и неловко отъ того взгляда, какимъ онъ слѣдилъ за ней во время подобныхъ встрѣчъ. Иногда они по получасу шли молча. Иногда они молчали, сидя рядомъ на балконѣ, пока Марія не предлагала ему въ видѣ послѣдняго средства, не умѣя скрыть его преднамѣренность, почитать ему газету. Даже замѣчая, что онъ не слушаетъ, она продолжала читать, радуясь звуку своего голоса, радуясь, что царившее между ними молчаніе чѣмъ-нибудь нарушается. И несмотря на всѣ эти мучительныя старанія, каждый изъ нихъ былъ занятъ исключительно собственными мыслями.

Самъ передъ собой Феликсъ признавался, что онъ только что разыгралъ передъ Маріей недостойную комедію. Если у него было серьезное желаніе избавить ее отъ предстоящихъ мученій, то лучше всего ему было бы незамѣтно исчезнуть съ ея глазъ. Можно было бы, конечно, найти такой безвѣстный уголокъ, гдѣ бы онъ могъ спокойно умереть. Онъ самъ удивлялся, съ какимъ спокойствіемъ онъ обсуждалъ эти вопросы. Но когда онъ начиналъ обдумывать исполненіе этого плана, когда въ мучительныя безсонныя ночи онъ воображалъ себѣ всѣ подробности этого исполненія,—какъ онъ на зарѣ, не прощаясь съ нею, уйдетъ отсюда навстрѣчу смерти, оставивъ ее здѣсь посреди

ликующей, залитой солнцемъ жизни, жизни навсегда для него потерянной, тогда онъ чувствовалъ все свое безсиліе, глубоко чувствовалъ, что онъ никогда не сможетъ рѣшиться на это. Итакъ, что же, что? Съ каждымъ часомъ все ближе и ближе подходитъ неумолимый день, когда онъ долженъ будетъ уйти и оставить ее здѣсь. Все его существованіе превратилось въ ожиданіе этого дня, въ мучительный страхъ, болѣе ужасный, чѣмъ сама смерть. Если бы еще онъ не былъ пріученъ съ дѣтства наблюдать за собою. Тогда можно было бы не замѣтить признаковъ его болѣзни или не придавать имъ значенія. Память вызывала передъ нимъ образы людей, которыхъ онъ зналъ и которые за нѣсколько недѣль до смерти съ радостной надеждой смотрѣли навстрѣчу будущему. Какъ проклиналъ онъ тотъ часъ, когда по неопытности обратился къ тому врачу, который такъ долго держалъ его въ подчиненіи своей лживостью и фальшивой авторитетностью, пока ему не открылась полная и безпощадная истина. И вотъ онъ лежалъ тутъ несчастный, обреченный, хуже, чѣмъ осужденный на казнь, къ которому каждое утро могъ войти палачъ, чтобы вести его на лобное мѣсто,—и онъ понялъ, что въ сущности онъ до сихъ поръ не былъ въ состояніи уяснить себѣ весь ужасъ своего положенія. Въ темномъ уголкѣ его сердца притаилась коварная и лживая надежда, и изгнать ее окончательно онъ никогда не имѣлъ силъ. Но разумъ его былъ сильнѣе,—онъ снова и снова давалъ ему все тотъ же холодный и ясный совѣтъ и онъ выслушивалъ его сотни и тысячи разъ въ безконечныя безсонныя ночи, въ быстро летѣвшіе однообразные дни,—для него былъ одинъ выходъ, одно спасеніе—не ждать больше ни дня, ни минуты, самому положить всему конецъ. Это была бы все-таки менѣе жалкая участь. Нѣкоторое утѣшеніе было тутъ хотя въ томъ, что кончалась неизбѣжная необходимость ждать. Въ каждую данную минуту онъ могъ бы призвать конецъ.

Но она, она! Днемъ, особенно, когда она прибирала что-нибудь въ комнатѣ или читала ему вслухъ, ему представлялось, что разстаться съ этимъ существомъ совсѣмъ не трудно для него. Она была просто нѣкоторой частью его здѣшняго существованія—не болѣе. Она принадлежала всей окружающей жизни, которую онъ долженъ былъ покинуть, а не ему. Въ другія минуты, особенно ночью, когда глубокій сонъ сковывалъ ея члены, и она лежала передъ нимъ во всей прелести только что распустившейся юности, въ эти минуты онъ любилъ ее безгранично, и чѣмъ спокойнѣе она спала, чѣмъ неуловимѣе были ея сны, чѣмъ дальше отъ его безсонныхъ страданій была ея объятая грезами душа, тѣмъ безумнѣе обожалъ онъ ее. И одинъ разъ, незадолго до отъѣзда его охватило почти непреодолимое желаніе вырвать ее изъ власти этого дивнаго сна, въ которомъ ему чудилась коварная измѣна, и крикнуть ей въ самое ухо:

— Если ты любишь меня, умри вмѣстѣ со мною, умри сейчасъ!

Но онъ не разбудилъ ее, завтра онъ скажетъ ей это, завтра... быть можетъ.

Чаще, чѣмъ онъ подозрѣвалъ, въ эти ночи она чувствовала на себѣ его взглядъ. Чаще, чѣмъ онъ подозрѣвалъ, она изображала спящую, потому что безсильный страхъ парализовалъ ея члены и мѣшалъ ей широко открыть глаза, она только украдкой приподнимала вѣки и видѣла въ полутьмѣ комнаты его бѣлую фигуру, прямо сидящую на кровати. Воспоминаніе о ихъ послѣднемъ серьезномъ разговорѣ ни на минуту не оставляло ее и она дрожала, ожидая того дня, когда онъ снова обратится къ ней съ тѣмъ вопросомъ. И почему она дрожала? Вѣдь отвѣтъ былъ такъ ясенъ для нея. Оставаться съ нимъ до послѣдней секунды, ни на мигъ не отходить отъ него, поцѣлуями осушать всякую слезу съ его рѣсницъ, выпивать всякій вздохъ съ его губъ. Неужели онъ сомнѣвался въ ней? Развѣ возможенъ былъ какой-нибудь другой отвѣтъ? И какой? Неужели такой: «Ты правъ, я хочу разстаться съ тобой. Я хочу сохранить только воспоминаніе объ интересномъ больномъ. Я оставляю тебя одного, чтобъ безпрепятственно любить твою память?» А потомъ? Какая-то непреодолимая сила заставляла ее додумать до конца все, что произойдетъ послѣ этого отвѣта. Она видитъ его передъ собой холоднаго, улыбающагося. Онъ протягиваетъ ей руку и говоритъ: «Благодарю тебя». Потомъ онъ отворачивается отъ нея, а она спѣшитъ прочь. Стоитъ яркое лѣтнее утро, сулящее тысячи радостей. И она идетъ впередъ, въ золотую даль, думая только о томъ, чтобы скорѣе уйти отъ него. И вотъ она свободна отъ всякаго долга. Она опять одна, и состраданіе не имѣетъ надъ ней власти. Она не чувствуетъ на себѣ печальнаго, вопросительнаго, умирающаго взгляда, который такъ страшно мучилъ ее послѣдніе мѣсяцы. Она принадлежитъ жизни, радостямъ, она опять имѣетъ право быть молодой. Она спѣшитъ все дальше, и утренній вѣтерокъ весело ластится къ ней.

И когда эта картина стала снова и снова рисоваться ея воображенію, она почувствовала себя вдвойнѣ презрѣнной. Откуда она такъ возникла?..

Состраданіе къ нему съ новой силой стало грызть ея сердце, она содрагалась, думая, что онъ все знаетъ и что для него нѣтъ надежды. И какъ она любила его, все сильнѣе, все глубже, по мѣрѣ того, какъ приближался день, когда она должна была потерять его. Ахъ, можетъ ли быть сомнѣніе, какой она дастъ отвѣтъ! Быть съ нимъ, страдать съ нимъ, о, какъ мало этого. Видѣть, какъ онъ ждетъ смерти, долгіе мѣсяцы переживать съ нимъ этотъ ужасъ, всего этого еще мало. Она сдѣлаетъ для него больше, она сдѣлаетъ самое большее, самое лучшее. Если она поклянется ему, что покончитъ съ собой на его могилѣ, онъ уйдетъ отсюда съ сомнѣніемъ, сдѣлаетъ ли она это дѣйствительно. Она умретъ вмѣстѣ съ нимъ, нѣтъ, прежде него. Если онъ снова обра-

тится къ ней съ тѣмъ вопросомъ, она найдетъ въ себѣ силы отвѣтить.

— Покончимъ съ этими муками! Умремъ вмѣстѣ и умремъ сейчасъ!

И пока она упивалась этой идеей, образъ той женщины, который только что носился передъ ней, обвѣянный ласковымъ вѣтромъ, стремящійся навстрѣчу жизни и радостямъ, представился ей такимъ жалкимъ, такимъ пошлымъ.

Наступилъ день, когда они рѣшили ѣхать. Утро было удивительно мягкое, точно вновь возвратилась весна. Марія уже сидѣла на террасѣ и завтракъ былъ поданъ, когда Феликсъ вышелъ изъ комнаты. Онъ глубоко вздохнулъ.

— Какой прекрасный день!

— Не правда ли?

— Я хочу сказать тебѣ что-то, Марія!

— Что такое?

И не давая ему времени отвѣтить, она продолжала, точно хотѣла подсказать ему отвѣтъ:

— Мы останемся здѣсь еще?

— Не совсѣмъ. Мы поѣдемъ, только не прямо въ Вѣну. Сегодня я чувствую себя недурно, совсѣмъ недурно. Мы остановимся гдѣ-нибудь по дорогѣ.

— Какъ ты хочешь, мой возлюбленный.

Она сразу почувствовала себя такъ хорошо, какъ давно не чувствовала. Такъ непринужденно онъ не говорилъ съ нею ужъ много дней.

— Я думаю, дитя, остановиться въ Зальцбургѣ.

— Гдѣ тебѣ больше нравится!

— Въ Вѣну мы всегда поспѣемъ, не правда ли? Къ тому же и переѣздъ по желѣзной дорогѣ нѣсколько утомителенъ для меня.

— Конечно,—сказала Марія,—спѣшить намъ некуда.

— Все вѣдь ужъ уложено, дорогая?

— Давно. Мы можемъ хоть сейчасъ въ путь.

— Я думаю, намъ лучше будетъ взять экипажъ. Проѣхать четыре, пять часовъ на лошадяхъ гораздо пріятнѣе, чѣмъ въ вагонѣ, гдѣ вѣчно такая духота.

— Прекрасно, мой милый.

Она передала ему стаканъ молока и потомъ обратила его вниманіе на серебристый блескъ на гребняхъ волнъ. Она говорила много и весело, онъ отвѣчалъ спокойно и дружелюбно. Наконецъ, она предложила сходить заказать экипажъ въ Зальцбургъ. Онъ согласился, и она поспѣшно надѣла соломенную шляпу, поцѣловала Феликса и пошла.

Онъ ничего не спрашивалъ и не будетъ спрашивать, это было ясно написано на его спокойномъ лицѣ. И въ его дружелюбныхъ словахъ не таилось никакой задней мысли, какъ иногда, когда онъ вдругъ пре-

рывалъ веселый разговоръ какимъ-нибудь желчнымъ замѣчаніемъ. Она всегда знала заранѣе, когда это должно было случиться, а теперь у нея было такое ощущеніе, точно онъ оказалъ ей великую милость. Въ его мягкости было что-то прощающее, примирительное.

Когда она вернулась на террасу, онъ читалъ газету, пришедшую въ ея отсутствіе.

— Марія!—воскликнулъ онъ, подзывая ее ближе.—Послушай, поразительная вещь, поразительная!

— Что такое?

— Читай! Этотъ человѣкъ... ну, профессоръ Бернардъ вчера умеръ.

— Кто?

— Да тотъ, который... у котораго я... ахъ, который наговорилъ мнѣ такихъ грустныхъ вещей.

Она взяла у него газету.

— Какъ? профессоръ Бернардъ?

И на губахъ ея стояли слова: «По дѣломъ ему!» но она не сказала ихъ. Обоимъ казалось, точно это событіе имѣло для нихъ большое значеніе. Да, онъ, отнявшій послѣднюю надежду у просившаго помощи онъ, при всей своей прославленной учености, при всемъ своемъ безупречномъ здоровьѣ будетъ завтра положенъ въ землю. Только въ эту минуту почувствовалъ Феликсъ, какъ сильно онъ ненавидѣлъ этого человѣка, и то, что его постигла кара судьбы, представилось больному благопріятнымъ предсказаніемъ. Точно какой-то мрачный призракъ оставилъ его. Марія бросила газету и сказала:

— Да, что можемъ знать мы, люди, о будущемъ?

Онъ съ жадностью ухватился за эти слова.

— Что мы знаемъ о завтрашнемъ днѣ? Ничего! Ничего!

Послѣ минутной паузы онъ заговорилъ о другомъ.

— Ты заказала экипажъ?

— Да,—сказала она,—къ одиннадцати часамъ.

— Такъ мы могли бы до тѣхъ поръ немного прокатиться по озеру.

Она взяла его руку и они пошли къ пристани. У обоихъ было такое чувство, какъ будто они получили должное удовлетвореніе.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

РУДОКОПЫ.

Glük auf!
Привѣтствіе нѣмецкихъ рудокоповъ.

Болитъ на усталыхъ плечахъ голова,
Ударъ за ударомъ стучитъ,
А тусклая лампочка свѣтитъ едва
И стѣны лучомъ золотитъ.
Стучи рудокопъ—покорися судьбѣ!
Но помни, не выстучать счастья тебѣ.
Мы роемся ночью и роемся днемъ,
Мы къ сердцу стремимся земли
И много сокровищъ упорнымъ трудомъ
Мы въ каменныхъ нѣдрахъ нашли.
Стучи рудокопъ—не противься судьбѣ:
Быть можетъ, и выстучишь счастье себѣ...
Чу! что тамъ за шумъ? Чьи-то крики и стонъ...
Да, трудъ нашъ опасенъ подчасъ,—
И здѣсь не одинъ ужъ, на смерть пораженъ,
Подъ камнями корчась, угасъ...
Стучи рудокопъ—покорися судьбѣ!
Но помни, не выстучать счастья тебѣ.
Да, тяжекъ нашъ трудъ, а потомъ, какъ на свѣтъ
Мы выйдемъ усталой толпой,
Нашъ взоръ такъ суровъ, хоть и сладокъ привѣтъ
Дѣтей и жены молодой.
Стучи рудокопъ—не противься судьбѣ:
Быть можетъ, и выстучишь счастье себѣ...
И тянутся годы. А стукъ подъ землей
По прежнему мѣрно идетъ,
Слабѣетъ рука за желѣзной киркой,
И на сердцѣ больше заботъ.
Стучи рудокопъ—покорися судьбѣ!
Но помни, не выстучать счастье тебѣ.
И слышно, какъ въ темномъ, далекомъ углу
Хохочетъ насмѣшливый духъ,
И шепчетъ въ сырую подземную мглу,
И дразнитъ обманчивый слухъ:
„Стучи рудокопъ—не противься судьбѣ:
Быть можетъ, и выстучишь счастье себѣ“...

Вл. Волькенштейнъ.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Выдающіяся произведенія истекшаго года.—Враждебное отношеніе врачей къ «Запискамъ врача» г. Вересаева.—Неосновательность такого отношенія. — Окончаніе романа М. Горькаго «Трое».—Характеристика главнаго героя романа. — Театральныя новинки.—«Лишенный правъ» г. Потапенки.

Слѣдуя доброму обычаю оглядываться на прошлое въ концѣ истекающаго года, не можемъ не вспомнить тѣхъ выдающихся явленій въ литературѣ минувшаго года, которыя волновали общественную мысль. И на первомъ мѣстѣ, намъ кажется, по праву должно быть поставлено, безспорно, наиболѣе замѣчательное произведеніе—«Записки врача» г. Вересаева, привлекавшія наибольшее вниманіе печати и читателей еще въ то время, когда онѣ печатались въ нашемъ журналѣ, и вышедшія вторымъ изданіемъ въ продолженіи всего трехъ мѣсяцевъ *). Помимо подкупающей искренности автора и несомнѣнныхъ художественныхъ достоинствъ, признаваемыхъ единодушно даже противниками автора, есть, очевидно, въ этихъ «Запискахъ» что-то еще болѣе глубокое, волнующее общество и заставляющее противниковъ и сторонниковъ относиться къ нимъ съ такою страстностью.

По отношенію къ г. Вересаеву публика разбилась на два рѣзко опредѣленныхъ лагеря,—читатель-простецъ сталъ всецѣло на его сторону, читатели-врачи также единодушно—противъ. Что же такъ подкупило первыхъ и оттолкнуло вторыхъ? Мы думаемъ, отвѣтъ можетъ быть только одинъ: горькая правда, бьющая по нервамъ, правда, впервые въ общей литературѣ высказанная громко, но спокойно. Для большинства читателей, неспеціалистовъ, эта правда заключается не въ томъ, что, — какъ невѣрно утверждаютъ иные, — только изъ «Записокъ врача» это большинство узнало о несовершенствахъ медицины вообще и врачебной подготовки въ частности. Всѣ эти стороны врачебнаго дѣла были извѣстны массѣ читателей, хотя, быть можетъ, послѣдніе и не представляли ихъ себѣ съ такой наглядностью, какъ послѣ прочтенія «Записокъ». Но главная правда «Записокъ» лежитъ гораздо глубже, и она-то больше всего поразила читательское воображеніе. Эта правда лежитъ въ основныхъ противорѣчіяхъ между медициной и жизнью, которыхъ нельзя устранить, потому что они зависятъ не отъ людей, а отъ сущности

*) Закончились печатаніемъ въ «Мірѣ Божіемъ» въ маѣ, первое изданіе вышло въ августѣ, второе—въ ноябрѣ.

самого предмета. Объектомъ медицины служитъ человѣкъ, и вотъ каково его положеніе, какъ объекта,—говорятъ «Записки». Оказывается, положеніе это во многихъ и многихъ отношеніяхъ безотрадное. Всѣми своими успѣхами медицина обязана страданіямъ этого объекта и не можетъ иначе, по крайней мѣрѣ теперь, когда она и ея пріемы еще такъ несовершенны. Дѣло вовсе не въ томъ, что тотъ или иной врачъ можетъ оказаться недостаточно подготовленнымъ или прямо недобросовѣстнымъ. Неподготовленность и недобросовѣстность, конечно, усугубляютъ отрицательныя стороны медицины, но сущность не въ нихъ. Даже допустивъ, что всѣ врачи будутъ, по нравственнымъ качествамъ, само совершенство, возможное для даннаго времени, все же не устранятся такія явленія, какъ, напр., оскорбленіе стыдливости паціента, или вивисекція, безъ которой нельзя шагу сдѣлать впередъ. Кромѣ того, подготовка и вмѣстѣ съ нею добросовѣстность врача покупаются путемъ опыта надъ больными. Геніальные врачи, въ родѣ Пирогова или Бильрота, откровенно признаются, черезъ какія ошибки они сами прошли, прежде чѣмъ стали такими, какими ихъ знаетъ міръ. А вѣдь во врачебномъ дѣлѣ каждая ошибка — это или смерть объекта, или лишнее тяжкое страданіе для него.

Такова одна сторона противорѣчія, скрытаго въ медицинѣ, какъ наукѣ опытной, для которой человѣкъ, въ концѣ-концовъ, есть и будетъ предметомъ для ея опытовъ. Но есть и другая, вскрытая въ «Запискахъ», именно—противорѣчіе между требованіями медицины и всѣмъ общественнымъ строемъ. Припомнимъ то превосходное мѣсто «Записокъ», гдѣ авторъ описываетъ судъ надъ врачомъ, отказавшимъ бѣдному паціенту въ своевременной помощи, и негодованіе общества по этому поводу. Осудивъ справедливо врача, что же сдѣлало общество съ своей стороны для устраненія такихъ печальныхъ явленій? Ничего, или почти ничего, такъ какъ для громаднаго числа недостаточныхъ больныхъ своевременная врачебная помощь до сихъ поръ не обезпечена. И происходитъ это не отъ недостатка во врачахъ, а отъ общихъ условій, въ которыхъ живутъ теперь и врачи, и паціенты. Напомнимъ прекрасную заключительную главу «Записокъ», гдѣ съ жестокой болью авторъ подчеркиваетъ безвыходность врача предъ желѣзными условіями современности, сковывающими усилія врача.

Вотъ эти двѣ стороны медицины—внутреннія противорѣчія и общественныя,—впервые съ такой художественной наглядностью вскрытыя г. Вересаевымъ, и подкупили большую публику. Въ тоже время онѣ же возмутили врачей, и возмущеніе ихъ составляетъ для насъ фактъ глубокаго недоумѣнія. Намъ кажется, что именно врачи должны быть особенно довольны «Записками», въ которыхъ *трагизмъ* ихъ положенія, какъ людей, спеціалистовъ и общественныхъ дѣятелей, изображенъ съ такой художественностью, что лучшей защиты противъ обычныхъ нападокъ на нихъ—имъ и не придумать. Исторія личныхъ страданій автора, начиная со школьной скамьи, когда еще студентомъ онъ переживаетъ муки сомнѣнія и колебаній, и до его выхода на путь самостоятельной практики,—исторія его неудачъ и побѣдъ, его столкновеній съ невѣжествомъ, грубостью и неблагодарностью больныхъ,—вѣдь, это типичная исто-

рія молодого врача! И при томъ исторія, въ которой всѣ симпатіи читателя на его сторонѣ, потому что кто можетъ такъ искренно говорить о своихъ ошибкахъ, хватая васъ за сердце, такъ мучиться самъ и такъ радоваться чужой радости, какъ авторъ,—тотъ дѣлаетъ не только честь своей профессіи, но и показываетъ, какія силы способна вызвать эта профессія. А между тѣмъ господа врачи обидѣлись, да, именно обидѣлись, какъ дѣти. До того наивно было все то, что до сихъ поръ они высказывали печатно и устно въ своихъ докладахъ. Гдѣ же корень этой обиды? Въ томъ, — и мы это говоримъ безъ всякаго стѣсненія,—что г. Вересаевъ заговорилъ объ этомъ въ *общей* печати. Въ спеціально-медицинской литературѣ всѣ вопросы, поднятые г. Вересаевымъ, трактовались не разъ, и гораздо жесточе, съ полнымъ наименованіемъ всѣхъ фактовъ и обстоятельствъ дѣла. Въ «Запискахъ врача» мы постоянно имѣемъ эти указанія, и ихъ могло бы быть неизмѣримо больше, если бы авторъ не считался все-таки съ условіями общей печати. Слѣдовательно, врачи лишены возможности утверждать, что всѣ его заявленія—выдумки или результатъ его практической неопытности. Всѣ врачи поэтому отлично понимаютъ, что отрицать правду его «Записокъ» значило бы говорить слишкомъ недвусмысленную ложь.

Вотъ почему, кромѣ лирики, у нихъ нѣтъ оружія для нападенія. Правда, согласно газетнымъ отчетамъ, были возраженія въ докладѣ проф. Вельяминова противъ указаній г. Вересаева относительно нарушенія стыдливости и неподготовленности молодыхъ врачей. Въ своемъ отвѣтѣ г. Вересаевъ вполнѣ справедливо отклоняетъ отъ себя эти возраженія. «По газетнымъ отчетамъ,—говоритъ г. Вересаевъ,—конечно, трудно судить о степени убѣдительности возраженій проф. Вельяминова, но на одинъ недостатокъ этихъ возраженій я считаю нужнымъ обратить вниманіе теперь же, въ надеждѣ, что онъ будетъ устраненъ проф. Вельяминовымъ при напечатаніи его доклада. Недостаткомъ этимъ страдаетъ большинство возраженій, которыя мнѣ приходилось встрѣчать со стороны моихъ критиковъ-врачей. Критикъ беретъ то, что я говорю въ своихъ «Запискахъ» отъ своего лица, доказываетъ, что все это совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, либо представлено мною въ совершенно невѣрномъ освѣщеніи, что на высказываемые мною взгляды и чувства способенъ лишь человѣкъ крайне легкомысленный, невдумчивый, сентиментальный, развратный, вырождающійся, обуянный самомнѣніемъ, погрязшій въ «эготизмѣ» и т. п. Но при этомъ критикъ проходитъ молчаніемъ тѣхъ,—можетъ быть, невольныхъ,—моихъ союзниковъ, свидѣтельства которыхъ я привожу въ своей книгѣ. Слѣдствіемъ этого является то, что на добрую половину возраженій мнѣ приходится отвѣтить моимъ критикамъ: «Прочтите мою книгу, и вы увидите, что отмѣчаемое мною отмѣчается и людьми, которыхъ никто изъ васъ не рѣшится признать легкомысленными, невдумчивыми и т. д.». Проф. Вельяминовъ, напр., утверждаетъ, что въ клиникахъ не происходитъ попиранія женской стыдливости паціентокъ; въ такомъ случаѣ онъ долженъ доказать, что проф. Гофмейеръ не правъ, увѣряя, что именно это попираніе стыдливости заставляетъ многихъ паціентокъ совсѣмъ отказываться отъ врачебной помощи. Проф. Вельяминовъ утверж-

даетъ, что молодой врачъ-хирургъ вступаетъ въ практику вполнѣ подготовленнымъ, и что можно смѣло довѣриться ему; въ такомъ случаѣ профессоръ долженъ объяснить, почему не довѣряетъ своимъ молодымъ ассистентамъ великій Листеръ,—долженъ опровергнуть указаніе проф. Таубера «на громадную разницу въ теченіи ранъ» послѣ операцій начинающихъ врачей и операцій опытныхъ профессоровъ, т.-е. долженъ доказать ненужность совѣтовъ Мажанди приступать къ операціямъ на живомъ человѣкѣ не раньше, какъ пріобрѣтя навыкъ въ операціяхъ на живыхъ животныхъ. Итакъ во всемъ, въ чемъ профессоръ меня опровергаетъ» *).

Итакъ, кромѣ лирики—ничего, и врачи лучше насъ, читателей-простецовъ, понимаютъ, что возражать тутъ нечего и не стоитъ: правда отъ такихъ возраженій становится еще ярче и сильнѣе. Но обиду они, несомнѣнно, чувствуютъ,—зачѣмъ «profanum vulgus» проникаетъ туда, куда входъ разрѣшенъ только для посвященныхъ. Въ своей наивной досадѣ они забываютъ, что чѣмъ болѣе освѣдомлена публика, чѣмъ яснѣе и виднѣе ей вся трудность положенія врачей, тѣмъ лучше прежде всего для самихъ врачей. Тутъ нѣсомненная обоюдная польза отъ большаго взаимнаго знакомства, которое ведетъ къ большему пониманію, а слѣдовательно—и большей снисходительности къ врачамъ и большей требовательности къ себѣ. Мы глубоко увѣрены, что всякій, кто прочелъ «Записки врача», прежде чѣмъ обвинить врача, какъ это дѣлается походя, задумается надъ вопросомъ, кто въ данномъ случаѣ виноватъ,—наука ли, которая еще такъ несовершенна, врачъ ли, который такой же человѣкъ, какъ и всѣ мы, грѣшные, или само общество, въ условіяхъ жизни котораго такая тьма невѣжества, экономическихъ и всякихъ другихъ неурядицъ. И въ этомъ-то мы видимъ огромное общественное значеніе такихъ произведеній, какъ «Записки врача» г. Вересаева.

Замѣтный слѣдъ въ литературѣ оставилъ вопросъ о средней школѣ, почти въ теченіе всего года обсуждавшійся съ необыкновеннымъ оживленіемъ. Жизнь средней школы была освѣщена такъ, какъ давно уже не бывало, пожалуй, со временъ классической реформы. Въ беллетристикѣ очерки гг. Никонова и Яблоновскаго,—въ особенности послѣдняго, привлекшіе общее вниманіе своей яркостью и художественностью,—безчисленныя статьи въ текущей печати, книги и брошюры, посвященныя тому же вопросу—дали богатый матеріалъ для оцѣнки старой школы и, до нѣкоторой степени, намѣтили желательныя измѣненія въ ней. Нельзя не отмѣтить, однако, что рѣшеніе вопроса о будущей школѣ далеко не получило такого освѣщенія, какъ это требуется важностью вопроса. Наступившее затѣмъ затишье въ обсужденіи его знаменуетъ какъ бы нѣкоторую усталость общественнаго вниманія, хотя матеріала накопилось, повидимому, достаточно...

Въ беллетристикѣ истекшаго года самыми яркими явленіями были—новая драма г. Чехова «Три сестры», рядъ сибирскихъ очерковъ г. Короленко,—напомнимъ его чудный по художественности и глубокому значенію разсказъ

*) «Россія» 7-го декабря 1901 г. «Моимъ критикамъ».

«Морозъ»,—большое произведеніе г. Горькаго «Трое», окончаніе котораго появилось въ пятомъ томѣ полнаго собранія его сочиненій,—и выходъ томика разсказовъ г. Леонида Андреева, сразу выдвинувшихъ этого молодого писателя въ первые ряды нашихъ молодыхъ талантовъ.

Самымъ значительнымъ, по нашему мнѣнію, является повѣсть г. Горькаго «Трое», не только по обычной для этого писателя яркости таланта, но и по широкому захвату жизни, и по тѣмъ важнымъ вопросамъ, которые возбуждаетъ это произведеніе. Мы не будемъ передавать его содержанія, предполагая что читатели уже успѣли познакомиться съ нимъ, когда оно еще печаталось въ «Жизни», и остановимся на нѣкоторой любопытной аналогіи, которая какъ-то сама собой напрашивается.

Изъ троихъ героевъ повѣсти главное мѣсто занимаетъ, конечно, Илья Луневъ, наиболѣе типичный и сильный, въ которомъ кипитъ все время жгучая тоска по настоящей, какъ онъ выражается, «чистой» жизни. Два другихъ его товарища, Павелъ, рабочій, и сынъ трактирщика Яковъ—только дополняютъ Илью. То, что въ нихъ бродитъ смутно, скорѣе какъ инстинктивное стремленіе хорошихъ, неиспорченныхъ натуръ къ свѣту и добру, въ Луневѣ переходитъ въ энергичное желаніе дѣйствовать, завоевать себѣ во что бы то ни стало «чистое» мѣсто въ жизни, стать среди другихъ людей не только равнымъ всѣмъ, но выше ихъ, «чтобы люди уважали его, и никто не показывалъ ему на каждомъ шагу:—Я выше тебя, Луневъ, я тебя лучше...» И Павелъ, и Яковъ, его забитые жизнью товарищи дѣтства,—оба мягкіе, добрые и неспособные для энергичнаго протеста люди. Одинъ, Яковъ, подчиняется грубой силѣ своего отца, заколачивающаго его въ гробъ, и смиренно чахнетъ, въ концѣ концовъ, за стойкой въ трактирѣ. Павелъ—типъ обычнаго рабочаго, котораго на время лишь выбиваетъ изъ колеи трудовой подневольной жизни его любовная исторія съ Вѣрой. Его дальнѣйшая жизнь не представляетъ уже никакого интереса: онъ будетъ кряхтѣть подъ своей ямкой, добродушно восхищаться «хорошими людьми», въ родѣ тѣхъ, что послала ему судьба въ видѣ интеллигентнаго кружка, помогающаго ему спасать Вѣру, хотя и неудачно, но выше онъ не въ силахъ подняться. Это, въ сущности, натура мягкая, поэтическая, склонная къ лиризму, но не къ борьбѣ. Онъ—человѣкъ порыва, а это самый ненадежный элементъ въ жизни, ибо порывъ можетъ увлечь его въ любую сторону—и писать стихи, и водку пить, смотря по тому, въ какую сторону его бросятъ случайности жизни.

Не то Луневъ. Съ первой минуты знакомства съ нимъ чувствуется натура борца, которую жизнь можетъ сломить, но не согнуть и подчинить враждебнымъ ему силамъ. Прежде всего онъ отъ крѣпкаго корня,—его отецъ и дѣдъ крестьяне-кержаки, раскольники, не подчинявшіеся «Никоньянской прелести» изъ рода въ родъ, по наслѣдству передавшіе и ему свою негибкую совѣсть, не поддающуюся чуждымъ убѣжденіямъ. Эти характерныя черты проявляются съ первыхъ же шаговъ въ его самостоятельной жизни, когда онъ говоритъ свою первую «правду» и впервые натыкается на неудобства, сопряженныя съ

нею. Хозяинъ выгоняетъ его вонъ, находя, что онъ «дерзкій» и потому опасный для дѣла парень, который честенъ «по своему», а не по-хозяйски, т.-е. стоитъ не за правду хозяйскихъ интересовъ, а за то, что самъ считаетъ правдой. «Ты — дерзокъ, — поучаетъ его хозяинъ, — а служащій мальчикъ долженъ быть смиренъ... смиренномудръ, какъ сказано въ Писаніи... Онъ живетъ на всемъ хозяйскомъ... У него умъ хозяйскій, — честность тоже... А у тебя свое. Ну, это не порядокъ... И оттого ты дерзокъ... Ты, напримѣръ, въ глаза человѣку мѣтишь—воръ!.. Это не хорошо, это дерзко. Ты, ежели честный, мнѣ скажи объ этомъ человѣкѣ, но тихонько скажи... Я уже самъ опредѣлю все, я — хозяинъ!.. А ты вслухъ — воръ... Нѣтъ, ты погоди. Коли изъ троихъ одинъ честенъ — это для меня ничего не значитъ... Тутъ особый счетъ надобенъ... Ежели же одинъ честенъ, а девять подлецы, никто не выигрываетъ... Но человѣкъ пропадетъ. А ежели семеро честныхъ на трехъ подлецовъ—твоя взяла... Понялъ? Которыхъ больше, тѣ и правы... А ежели одинъ—что въ немъ? Вотъ какъ о честности разсуждать надо... И ты съ ней впередъ не суйся къ людямъ, а подумай сначала, нужна ли она имъ?»

Но эта житейская мудрость скользитъ по душѣ Лунева, не оставляя въ ней никакого слѣда, потому что душа эта—крѣпка особой крѣпостью, которая или разбиваетъ все, что сопротивляется, или разбивается сама. И Луневъ, выслушавъ хозяйскіе совѣты, выноситъ изъ перваго столкновенія сознаніе, что онъ, стало быть, можетъ постоять за себя, если съ нимъ считаются, признаютъ въ немъ что-то, чего можно опасаться. Онъ становится мелкимъ разносчикомъ, и эта свободная жизнь на первое время очень ему по сердцу, удовлетворяя его юную мечтательность о свободной работѣ, о самостоятельности безъ хозяйскаго приказа. «Жизнь казалась ему простой, легкой и пріятной. Его мечты принимали тоже простыя и ясныя формы: онъ представлялъ себя черезъ нѣсколько лѣтъ хозяиномъ маленькой, чистенькой лавочки, гдѣ-нибудь на хорошей, не очень шумной улицѣ города, а въ лавкѣ у него—легкій и чистый галантерейный товаръ, который не пачкаетъ и не портитъ одежды. И самъ онъ тоже чистый, здоровый, красивый. Всѣ въ улицѣ уважаютъ его, а дѣвушки смотрятъ ласковыми глазами. Вечеромъ, закрывъ лавку, онъ сидитъ въ чистой и свѣтлой комнатѣ рядомъ съ ней, пьетъ чай и читаетъ книжку. Чистота во всемъ казалась ему необходимымъ, почти главнымъ условіемъ порядочной жизни». Но въ эти дѣтски-наивныя мечты жизнь вносила свою разлагающую струю, когда онъ видѣлъ жадность, взаимный обманъ, обиду и смѣхъ, попираніе чужихъ и своихъ правъ, повидимому, безъ всякой надобности, такъ, здорово живешь, лишь бы показать свою силу, унизить другого. И тогда въ немъ начинается мучительный процессъ душевной раздвоенности, когда его мечты исчезали, уступая мѣсто мучительной думѣ, въ чемъ же суть этой жизни и развѣ нѣтъ выхода изъ этой гнусной, окружающей его жизни, гдѣ сильный давитъ слабаго. Поднимался свойственный молодости вѣковѣчный вопросъ, зачѣмъ жить и какъ жить? Въ разговорахъ со своими товарищами онъ то страстно хватается за эти мысли, то также страстно гонитъ ихъ.

Такое настроеніе было уже не разъ достояніемъ литературы, и особый

интересъ, какой возбуждаетъ въ насъ Луневъ, заключается не столько въ мастерствѣ психологическаго анализа, сколько въ самой личности героя. Онъ—не обычный для насъ интеллигентный раздвоенный человѣкъ, съ которымъ мы чуть не съ дѣтства знакомы. Предъ нами представитель новаго общественнаго слоя, вступающаго въ жизнь и ищущаго своего мѣста въ ней. Наши интеллигентныя мысли и чувства получаютъ въ его душѣ иной ходъ, иное освѣщеніе и смыслъ. Луневъ долженъ разбираться въ этихъ мысляхъ и чувствахъ не прежнимъ путемъ, а посредствомъ суровой школы жизни. На его дѣвственную душу такая школа должна оказывать сильное дѣйствіе, вызывать яркіе эффекты, не смягчаемые вдумчивостью и привычкой къ анализу, вырабатывающимися въ интеллигентномъ человѣкѣ долгой школой, которую онъ проходитъ. Луневъ реагируетъ на удары жизни тоже ударами, какъ крѣпкій и сильный организмъ, инстинктивно, рефлекторно отражающій нападеніе. Его, мечтающаго о чистотѣ и правдѣ человѣческихъ отношеній, жизнь сталкиваетъ съ такимъ случаемъ, гдѣ все это попрано, раздавлено, запачкано, нагло и открыто поругано. Его любовь къ погибшей женщинѣ, привлекшей его сначала чисто физическимъ очарованіемъ своего красиваго тѣла, а потомъ ставшей ему дорогой, какъ человѣкъ,—сталкиваетъ его съ отвратительнымъ «покровителемъ» любимой имъ дѣвушки, и это столкновеніе производитъ въ немъ цѣлую бурю чувствъ и мыслей. Сразу становится яснымъ, что катастрофа здѣсь неизбѣжна. Такія сильныя, цѣльныя натуры не способны мириться съ подобнымъ положеніемъ, тутъ выходъ можетъ быть только одинъ, и Луневъ убиваетъ покровителя своей любовницы, не подготовляясь къ этому, при первомъ подвернувшемся случаѣ, даже не отдавая себѣ отчета, что творитъ.

Убійство мѣнялы Полуэктова—центральное мѣсто романа. По силѣ и глубинѣ душевнаго анализа это лучшія страницы, въ которыхъ талантъ Горькаго поднимается до потрясающей мучительности Достоевскаго, оставаясь въ то же время вполнѣ самостоятельнымъ. Сцена убійства по силѣ впечатлѣнія можетъ выдержать сравненіе съ безсмертными страницами «Преступленія и наказанія». Еще за минуту до того Луневъ не думаетъ даже, что нѣчто подобное можетъ совершиться. Онъ только «чувствовалъ непобѣдимое желаніе посмотрѣть на старика вблизи». Подъ вліяніемъ этого непобѣдимаго желанія онъ идетъ смѣло, словно руководимый чуждой ему силой, и все остальное совершаетъ почти въ безсознательномъ состояніи. Его давитъ тяжесть въ «оледенѣвшемъ» сердцѣ, которую онъ испытываетъ съ той минуты, когда наканунѣ этотъ старикъ выгналъ его изъ дома своей любовницы. Онъ протягиваетъ руку и душитъ безпомощнаго жалкаго старика, «и по мѣрѣ того, какъ тѣло старика становилось все тяжелѣе, тяжесть въ сердцѣ Ильи точно таяла». Также безсознательно онъ совершаетъ грабежъ, захвативъ изъ денежнаго ящика мѣнялы нѣсколько попавшихся на глаза пачекъ денегъ. Все его поведеніе послѣ убійства отмѣчено тою же безсознательностью, пока, наконецъ, не настаетъ моментъ пробужденія—не совѣсти, а именно сознанія, и онъ начинаетъ осмысливать то, что совершилъ. И первое, что тяжело ложится ему на душу, это мысль, что онъ, стремившійся все время къ «чистой» жизни—«запачкался» еще и еще,

и ничѣмъ уже не отмоешь этого сознанія въ убійствѣ гадкаго старика. Когда женщина, изъ-за которой совершилось убійство, пробуетъ его успокоить, онъ «угрюмо, со злымъ недоумѣніемъ въ душѣ» говоритъ ей:

«— Всю жизнь я въ мерзость носомъ тычусь... что не люблю, что ненавижу—къ тому меня и толкаетъ. Никогда не видалъ я такого человѣка, чтобы, съ радостью на него поглядѣть можно было... Неужто никакой чистоты въ жизни нѣтъ! Вотъ задавилъ я этого... твоего... зачѣмъ мнѣ? Только испачкался, душу себѣ надорвалъ... Деньги взялъ, брать бы не надо.

«— Не горюй!—утѣшала его Олимпіада.—Жалѣть его—сердца нѣтъ.

«— Я—не жалѣю... Я... оправдаться хочу. Всякъ себя оправдываетъ, потому—жить надо...—Я еще поспорю», говоритъ Луневъ, не признавая въ своемъ поступкѣ такой вины, которая лишала бы его права смотрѣть прямо въ глаза людямъ.

Его дальнѣйшая жизнь подтверждаетъ это угрюмое и грозное «поспорю». Онъ не испытываетъ въ сущности ни малѣйшихъ угрызеній совѣсти, ему не только не жаль убитаго, но онъ его же обвиняетъ, что тотъ запачкалъ ему душу. На ограбленныя деньги онъ заводитъ свое дѣло, осуществляя юношескую мечту о чистой лавочкѣ, на не очень шумной улицѣ. Мало-по-малу въ немъ успокаивается даже это чувство раздраженія противъ гадкаго старика, и онъ самъ удивляется той легкости, съ которой относится къ совершившемуся. Имъ снова съ удвоенной силой овладѣваютъ мысли о возможности чистой, спокойной жизни, «по хорошему», любя. На эти мысли его наводитъ жизнь его квартирныхъ хозяевъ, молодыхъ людей, мужа и жены, простыхъ, но добрыхъ и чистыхъ, какъ онъ думаетъ вначалѣ. Вглядываясь, однако, въ эту жизнь, такую мирную и благообразную по внѣшности, онъ начинаетъ замѣчать, что ничего въ ней нѣтъ, кромѣ пошлыхъ интересовъ, заботъ о сытости да разврата, какъ вскорѣ убѣждается неопровержимымъ образомъ, когда его симпатичная хозяйка заводитъ съ нимъ любовную связь. Эта женщина, «изъ благородныхъ», какъ онъ считаетъ ее, возмущаетъ его вскорѣ до глубины души своей ничѣмъ не скрываемой внутренней пошлостью и наглымъ цинизмомъ. Ему вспоминается его прежняя любовница, которая была гораздо чище душой и ближе ему по душевному складу. И тогда старая боль и тоска по «настоящей» жизни, осмысленной глубокимъ внутреннимъ содержаніемъ и цѣлью впереди, оживаетъ въ немъ.

Ни разу въ эти минуты тяжелаго раздумья надъ жизнью онъ не испытываетъ раскаянія. Изрѣдка вспоминается ему убитый старикъ, но не онъ безпокоитъ его. «Что купецъ? Онъ — несчастіе мое, а не грѣхъ... Все равно, — думалось ему, — и безъ купца покоя въ сердцѣ не было бы. Сколько обидъ видѣлъ я и себѣ, и другимъ. Коли оцарапано сердце, то ужъ всегда будетъ болѣть...»

Главная обида — невозможность добиться столь страстно желаемой мечты о настоящей, хорошей жизни, мечты, разлетающейся, какъ дымъ, при первомъ столкновеніи съ жизнью. Его мысль остро схватываетъ всѣ окружающія несовершенства, подмѣчаетъ всѣ несправедливости, видитъ злость и глупость

человѣческую. Имъ снова овладѣваетъ старая угрюмая злоба не противъ того или иного человѣка, а противъ жизни вообще, въ которой такъ мало правды, любви и справедливости. Настоящее—его чистенькая лавочка, сытая спокойная жизнь—все меньше и меньше могло удовлетворить его страстную натуру. «И вновь въ душу Ильи стало вторгаться давно уже не владѣвшее ею настроеніе,—вновь онъ злился на людей, крѣпко и подолгу думалъ о справедливости, о своемъ грѣхѣ и о томъ, что ждетъ его впереди. Послѣдній вопросъ особенно настойчиво тревожилъ его... Будетъ ему возмездіе за убійство или нѣтъ? Иногда ему думалось, что если возмездіе за грѣхъ будетъ ему, оно будетъ несправедливо. Онъ не хотѣлъ давить купца, это вышло само собой,— говорилъ онъ себѣ въ сотый разъ. Въ городѣ живетъ много человѣкоубійцъ, развратниковъ, грабителей; всѣ знаютъ, что они по своей волѣ убійцы, развратники, мошенники, а вотъ живутъ они, пользуются благами жизни, и наказанія нѣтъ имъ до сей поры. А по справедливости—всякая обида, человѣку нанесенная, должна быть возмѣщена обидчику».

Эти мысли не давали ему покоя, и жизнь теряла цѣну въ его глазахъ. Все сложилось совершенно обратно тому, что ему грезилось въ юности. «Что-то всѣмъ намъ мѣшаетъ,—угрюмо заключаетъ онъ.—Глупость наша или что — не знаю... но только жить по-человѣчески нѣтъ никакой возможности». Столько «безобразія» вокругъ, столько несчастія и «грѣха», что душа «больше не принимаетъ». «Жить нельзя... Тѣсно, глухо и непонятно... Найдетъ себѣ человѣкъ чистый уголъ, и тутъ ему нѣтъ покою! Все какое-то не настоящее... поддѣльное, непріятное. Ничего не понимаешь. Обидно все... Слышишь, пѣсни люди поютъ, значитъ весело имъ. Но и пѣсни обидно слушать, когда душа болитъ... Я теперь такъ чувствую, что все ни къ чорту не годится! Я не понимаю ничего, можетъ быть... Ну, хорошо, не понимаю! Но я понялъ, чего мнѣ надо: мнѣ жить надо по-человѣчески, — чисто, честно, весело»... И въ заключеніе этихъ безотрадныхъ мыслей о невозможности такой жизни встаетъ въ душѣ глубоко скрытое воспоминаніе объ убитомъ старикѣ. Мысль о немъ возбуждаетъ въ Луневѣ въ концѣ концовъ необузданный гнѣвъ противъ убитаго, который «изломалъ» ему жизнь.

Въ характерѣ Лунева нѣтъ мѣста никакому покаянному настроенію. Онъ не считаетъ себя виновнымъ ни въ чемъ, и смерть Полуэктова отъ его руки разсматриваетъ, какъ простую несчастную случайность, отъ которой если кто и пострадалъ, такъ именно онъ, Луневъ, а ужъ никакъ не Полуэктовъ и еще менѣе люди. Натолкнувшись во время прогулки по кладбищу на могилу убитаго, Луневъ и не чувствовалъ ни страха, ни раскаянія, — онъ смотрѣлъ на гробницу съ ненавистью, съ обидой въ душѣ, съ болью. И безмолвно, съ жаромъ негодованія въ сердцѣ, съ глубокой увѣренностью въ правду своихъ словъ, онъ говорилъ купцу: «Изъ-за тебя, проклятый, всю свою жизнь изломалъ я, изъ-за тебя!.. Старый демонъ ты! Какъ буду жить... изъ-за тебя? Навсегда я объ тебя испачкался...» Въ немъ, какъ молотомъ, стучало это «изъ-за тебя»!

Для Лунева образъ мѣнялы и покупщика краденаго является олицетвореніемъ всего подлаго и нечистаго, что мѣшаетъ людямъ жить «честно, чисто

и весело». Вся гадость жизни, которую онъ видѣлъ съ дѣтства, которая давила всѣхъ его друзей и его самого, представлялась въ видѣ гаденькаго старика, что подвернулся ему подъ руку и «запачкалъ» ему душу. Уходя, онъ, «вздрогнувъ отъ ненависти, плюнулъ на могилу... Уходя прочь отъ нея, онъ такъ крѣпко ударилъ въ землю ногою, точно хотѣлъ ей сдѣлать больно».

Дальнѣйшая катастрофа намѣчается ясно: Луневъ—не Раскольниковъ Достоевскаго и каяться предъ людьми не станетъ. Но и жить ему съ «испачканной душой» немыслимо. Его взрывъ на именинахъ своей любовницы, признаніе въ убійствѣ и самоубійство—логически вытекаютъ изъ его настроенія. Онъ не можетъ каяться, потому что считаетъ себя правымъ, а всѣхъ другихъ либо жертвами, какъ и онъ, несчастья и грѣха, либо преступниками, какъ Полуэктовъ, заѣдающими чужія жизни. Его нравственныя муки проистекаютъ не отъ сознанія, что онъ преступилъ законъ, нарушилъ какую-то высшую правду и не смогъ стать выше ея, и это сознаніе губитъ его, какъ Раскольникова. Нисколько,—Луневъ возмущается неправдой жизни вообще, и свое несчастье не оправдываетъ, а считаетъ лишь горькой обидой жизни. Вотъ эта-то обида и доводитъ его до катастрофы, ее онъ не можетъ переварить и предпочитаетъ покончить разомъ, чѣмъ жить съ сознаніемъ безысходности этой обиды въ душѣ. Онъ не возродится и не чувствуетъ въ этомъ потребности, потому что не видитъ, чтобы былъ хуже другихъ или нуждался въ жалости къ себѣ. Пока жизнь такова, какъ она есть—ему нѣтъ въ ней мѣста, онъ—лишній, такъ какъ никогда не примирится съ условіями, которыя доводятъ людей, такъ страстно мечтающихъ и стремящихся къ красотѣ и добру жизни,—до грязи, несчастія и грѣха.

Въ этомъ отношеніи онъ—полная противоположность Раскольникову, который страстно любитъ жизнь и самое преступленіе совершаетъ съ цѣлью упорядоченія и усовершенствованія жизни. Онъ убиваетъ старуху—ростовщицу, какъ злое и вредное животное, заѣдающее чужія жизни. Свою ошибку онъ понимаетъ потомъ и искупаетъ ее великой мукой. Луневъ никакими цѣлями не задается и ничего исправлять не намѣренъ. Онъ самъ, для себя хочетъ жить, и жизнь возмущаетъ его потому, что всѣ его попытки приводятъ его не къ тому, чего онъ жаждетъ, а къ совершенно обратному результату. «Грабежъ, разбой, воровство, пьянство... всякая грязища и безпорядокъ... вотъ и вся жизнь! Иной ничего этого не желаетъ, но все равно!—по одной со всѣми рѣкѣ плывешь, и тебя та же вода мочитъ. Живи, какъ установлено для всѣхъ. Скрыться некуда. Въ лѣсъ, что ли, бѣжать? Въ монастырь?..» Прежде такъ и дѣлали предки Лунева, въ родѣ его дѣда, который ушелъ въ лѣсъ и тамъ простоялъ въ избушкѣ восемь лѣтъ на молитвѣ. Но Луневъ не можетъ отдаться молитвенному настроенію, и отречься отъ жизни совсѣмъ ему легче, чѣмъ пойти по стопамъ дѣда. И въ лѣсу его не оставятъ разъ проснувшіяся мысли, погонятъ его и оттуда, какъ гонятъ изъ его чистенькой лавочки, на «не очень шумной улицѣ...»

Не можетъ быть, однако, чтобы такія по существу хорошія натуры, цѣльныя и крѣпкія, были лишними. Если онѣ не укладываются въ рамки выпав-

ней имъ на долю жизни, онѣ сумѣютъ передѣлать эти рамки по своимъ размѣрамъ, когда подымутся на высшую степень развитія. Теперь Луневъ скорѣе чувствующій, чѣмъ мыслящій человѣкъ. Его проснувшаяся душа ищетъ пищи и, не находя ея, отказывается отъ жизни. Но есть такая пища, и они ее найдутъ, когда поймутъ, что нельзя жить только для себя, только своими муками, чувствами, интересами...

Эту старую, вѣковѣчную истину напомнилъ намъ со сцены г. Потапенко своей драмой «Лишенный правъ». Поставленная на Александринской сценѣ и, кстати отмѣтимъ, превосходно разыгранная, эта драма, видимо, «ударила по сердцамъ» съ давно уже не испытанной зрителями силой, вызвавъ разомъ и бурю восторга, и бурю осужденія, что уже доказываетъ, насколько эта пьеса не заурядное явленіе. Критика встрѣтила ее враждебно, указавъ на нереальность драмы, на выдумку, которой нѣтъ мѣста въ жизни. Не бываетъ, чтобы каторга возрождала людей,—напротивъ, говоритъ критика, ссылаясь на тысячи всѣмъ извѣстныхъ примѣровъ, каторга добиваетъ, озлобляетъ и въ концѣ губитъ въ человѣкѣ все человѣческое. А разъ это такъ, значитъ, герой пьесы—лишенный правъ Кириллъ Домбровичъ не можетъ быть тѣмъ проповѣдникомъ добра и любви, какимъ онъ является на родину, отбывъ свое ужасное наказаніе. Это правда, тутъ нечего возразить, отвѣчаетъ зритель, и, тѣмъ не менѣе, проливаетъ искреннія слезы и уходитъ изъ театра съ такимъ свѣтлымъ чувствомъ, какъ если бы ему довелось повидать самую обаятельную реальную правду. Пьеса мелодраматична, въ ней нѣтъ живой дѣйствительности, продолжаетъ сурово критика и, разобравъ драму по всѣмъ правиламъ искусства, ставитъ отрицательный приговоръ. Между тѣмъ, зрители наполняютъ театръ и устраиваютъ автору настоящую овацію. И что страннѣе всего, обѣ стороны вполнѣ правы.

Да, пьеса нереальна и мелодраматична, но она напоминаетъ намъ тѣ слова, значеніе которыхъ «темно или ничтожно, но имъ безъ волненія внимать невозможно». Да, Кириллъ Домбровичъ—не реальное лицо, но когда онъ говоритъ о своихъ страданіяхъ и своемъ возрожденіи, мы видѣли такое волненіе въ театрѣ, такое необычное для петербургской публики увлеченіе, что поняли въ эту минуту, какъ необходимо даже для сухого, дѣловитаго петербургскаго обывателя воззваніе къ сердцу, призывъ къ правдѣ и добру, заставляющій на минутку подняться надъ жизнью и забыть ея наиреальнѣйшія стороны.

Содержаніе пьесы очень несложно. Кириллъ Домбровичъ самъ лучше всего излагаетъ въ своемъ монологѣ второго дѣйствія сущность пьесы. Молодой, блестящій инженеръ, съ сильнымъ характеромъ и пылкимъ темпераментомъ, онъ жилъ до катастрофы, какъ и многіе, велъ бурную жизнь, кутилъ, увлекался женщинами, потомъ женился по страстной любви. «Мы съ твоей матерью были,—разсказываетъ онъ дочери,—удивительно счастливы, Валерія, намъ завидовали. Но знаешь ли ты, что такое это счастье? Каждый старается взять отъ другого какъ можно больше наслажденія, а оба вмѣстѣ стараются ограбить жизнь въ свою пользу. Такъ живутъ всѣ, и всѣ называютъ это счастьемъ». Далѣе, случилось то, что сплошь и рядомъ бываетъ при такомъ счастьи: «Черезъ шесть

лѣтъ нашей счастливой жизни я измѣнилъ моей женѣ... Я не хотѣлъ терять семью и не хотѣлъ ничего уступить. И я метался между семьей и другой женщиной», и лгалъ на каждомъ шагу. Тутъ примѣшалась ревность, когда эту другую женщину сталъ у него отбивать товарищъ его по службѣ, Станищевъ, и какъ обладающій бо̀льшими средствами, успѣлъ въ этомъ. Тогда имъ овладѣла безумная злоба, подъ вліяніемъ которой онъ покушался на убійство соперника, опасно ранилъ его, былъ судимъ и осужденъ въ каторжныя работы.

Гордость, злость и чувство обиды, сознаніе своей неправоты не позволили ему воспользоваться помощью родныхъ и друзей, и Домбровичъ ушелъ на каторгу, взбѣшенный отъ неудачи жизни, полный жажды мести и ненависти. Оскорбленная имъ жена его выходитъ замужъ за его друга, и его дочери, въ то время еще маленькому ребенку, внушаютъ, что отецъ умеръ. Такимъ образомъ всѣ счеты его съ прежней жизнью кончены, всякое воспоминаніе о немъ затерто. Мирная и тихая жизнь складывается для его бывшей жены, дочь его наканунѣ выхода замужъ за простого, но добраго человѣка, мѣстнаго доктора,—и вдругъ въ эту мирно текущую жизнь вновь является онъ, «лишенный правъ», бывшій каторжникъ. Первая мысль у всѣхъ, что онъ явился мстить за свою разбитую жизнь. Всѣ вспоминаютъ его страстный, несдержанный темпераментъ, и только отецъ старикъ да дочь Валерія, пораженная и возмущенная, что отъ нея скрывали правду, встрѣчаютъ его съ радостью.

Но Кириллъ съ перваго шага оказывается не тѣмъ, какимъ ушелъ. Онъ успокаиваетъ стараго друга, новаго мужа своей жены, что хотя дружбы старой онъ не чувствуетъ, но и вражды не питаетъ. Все старое далеко стоитъ отъ него, онъ теперь скорѣе «любопытный прохожій». На замѣчаніе, почему же онъ не прошелъ мимо, чтобы не мучить людей старыми воспоминаніями, Кириллъ отвѣчаетъ, что «если будетъ мука, то ее надо перенести. Надо, чтобы каждый отвѣчалъ за то, что онъ сдѣлалъ», но, успокаиваетъ онъ встревоженнаго пріятеля, ни осуждать, ни требовать отвѣта онъ не желаетъ и не думаетъ. «Какъ странно! — заключаетъ онъ.—Вѣдь вонъ у васъ какъ будто и перемѣны есть и большія... А мнѣ, когда гляжу на васъ, почему-то кажется, будто я, уходя отсюда, заперъ васъ — цѣлый городъ — заперъ въ огромномъ ящикѣ и унесъ съ собой ключъ, и вотъ теперь пришелъ и отперъ ящикъ».

Что же произошло съ Кирилломъ, почему онъ можетъ такъ спокойно смотрѣть на всѣ эти перемѣны и испытываетъ не злобу къ настоящему и сожалѣніе о прошломъ, а скорѣе тихую скорбь и столь же тихую свѣтлую радость? Это онъ объясняетъ дочери въ сильномъ монологѣ второго дѣйствія.

«Каторжникъ! Валерія, знаешь ли ты, что это такое? Это существо, для котораго нѣтъ законовъ, ни божескихъ, ни человѣческихъ. Законы природы, по которымъ живутъ всѣ разумныя и неразумныя существа, для него отмѣнены. Солнце, воздухъ, небо, свобода движеній, все это у него отнято... Насъ везли моремъ... Три мѣсяца длился этотъ ужасный переходъ... Надъ нами и вокругъ насъ—красота! Чудное южное небо, кругомъ свѣжій морской воздухъ... Все залито яркими солнечными лучами... А мы тѣснились въ глубинѣ корабельнаго трюма, скудно освящаемые грязносѣрымъ свѣтомъ изъ люковъ, погру-

женныхъ въ воду, скученные въ тѣсномъ пространствѣ, дышащіе испареніями нашихъ грязныхъ тѣлъ... Никакія жалобы, никакія мольбы, обращенія къ человѣческому сердцу—не помогали намъ. Мы были ниже человѣческой жалости, мы были на той глубинѣ паденія, куда состраданіе не достигаетъ. Оно такое короткое у человѣческаго сердца... Да, каторжникъ!.. Существо, у котораго отнято все, все человѣческое. Человѣкъ, лишенный человѣчества... Созданіе божіе, отъ котораго отказался Богъ!.. Что было съ мной, какія чувства волновали меня! Какая ненависть ко всему и ко всѣмъ, злоба, глухая, безсильная злоба бушевала во мнѣ».

На Сахалинѣ жизнь оказалась еще хуже. Кириллъ не подчинялся и попалъ въ разрядъ самыхъ тяжкихъ преступниковъ. И такъ прошло около трехъ лѣтъ. Не въ силахъ выдержать дольше этихъ мукъ, и физическихъ, и нравственныхъ, онъ рѣшаетъ покончить съ собой.

«Однажды, когда большая партія арестантовъ прокладывала дорогу по высокому берегу моря, во время отдыха я сидѣлъ прикованный къ тачкѣ надъ страшной крутизной. Былъ чудный весенній день, первый ясный день послѣ суровой зимы... Ласковые лучи солнца освѣщали нашу печальную группу, и отъ ихъ ласки и тепла намъ всѣмъ было еще больнѣе. Я смотрѣлъ внизъ и мысленно измѣрялъ разстояніе, стараясь рѣшить, достаточно ли оно для того, чтобы я, вмѣстѣ съ своей тачкой, могъ превратиться въ пыль? И въ тотъ самый моментъ, когда я уже отвѣтилъ себѣ *да* и мнѣ оставалось только сдѣлать движеніе, чтобы все было кончено, вдругъ со мной произошло что-то странное. Въ послѣднее мгновеніе жизни, передъ самымъ концомъ, человѣкъ оглядывается назадъ и торопливо просматриваетъ пройденный путь. То же сдѣлалъ и я, и вдругъ какая-то новая правда предстала предо мною, точно освѣщенная заревомъ пожара. Я увидѣлъ себя въ прошломъ. Вотъ человѣкъ, у котораго есть все: образованіе, положеніе, служба, почетъ, деньги, родные, друзья, милая семья, наконецъ, то, что важнѣе всего—свобода... И что же, онъ считаетъ себя счастливымъ и хвалитъ Бога? Нѣтъ, онъ недоволенъ, онъ злобствуетъ, ненавистничаетъ, завидуетъ, клевещетъ, измѣняетъ и убиваетъ. А вотъ другой. Онъ лишенъ всего: друзей, родныхъ, человѣческаго общества, сносной пищи, питья и жилища, униженъ, избитъ, прикованъ къ своей тачкѣ... Что нужно было тому, имѣвшему все, чтобы быть счастливымъ? О, много, слишкомъ много. Человѣку, обладающему всѣмъ, нужна вселенная, чтобы утолить его ненавистную жадность. Но какъ мало нужно этому! Тотъ, кто подошелъ бы къ нему и съ дружеской лаской положилъ бы руку на его плечо, заставилъ бы его плакать отъ счастья. Тотъ, кто расковалъ бы его цѣпи и сказалъ бы ему: ты можешь свободно ходить по землѣ!—подарилъ бы ему цѣлый міръ. И вся наша тюрьма, десятки, сотни тюремъ Сибири и всего міра были наполнены людьми, которымъ одной дружеской улыбкой ты можешь подарить вселенную. Повѣришь ли, Валерія, въ этотъ мигъ я дѣйствительно точно въ первый разъ въ жизни открылъ глаза... До сихъ поръ я видѣлъ только себя, свою душу, свою жизнь. Раньше я постоянно думалъ о своемъ наслажденіи, здѣсь я весь былъ поглощенъ своими страданіями, но тутъ я увидѣлъ, что вокругъ меня страдаютъ тысячи

людей, а тамъ, на необозримомъ пространствѣ земли—милліоны. И какъ страдаютъ! Людское счастье несложно: богатство, слава, любовь — вотъ къ чему сводятся стремленія всѣхъ. Но горе — какъ оно богато формами, какъ извороТливо! Нѣтъ такого горя, которое было бы самымъ большимъ,—всегда найдется еще большее; нѣтъ униженія, которое было бы самымъ послѣднимъ, — всегда можно еще и еще унизить человѣка, безъ конца. Какой глубокій новый міръ открылся передо мною—міръ человѣческихъ страданій! И я сказалъ себѣ: какъ смѣешь ты убивать себя, когда у тебя есть еще сердце, чтобы любить, голова, чтобы мыслить, и руки, чтобы протягивать ихъ для помощи?.. Да, въ тотъ мигъ я проникъ въ самую глубину жизни и узналъ, въ чемъ ея смыслъ и въ чемъ настоящее счастье человѣка, и ужъ я не только не думалъ больше о смерти, но чувствовалъ себя такъ, какъ будто я родился вновь и для новой жизни. Я измѣнился, меня не узнавали; я сталъ хорошимъ каторжникомъ. Я началъ усердно работать, мои знанія пригодились при нашихъ сооруженіяхъ, я заслужилъ похвалу, прощеніе и, наконецъ, освобожденіе. Тогда я пошелъ по землѣ, чтобы новыми глазами посмотрѣть на жизнь и на людей и, вѣрь мнѣ, Валерія, я былъ тогда самый счастливый человѣкъ на землѣ. Вѣдь, подумай, я, который былъ лишенъ всего, получилъ въ подарокъ цѣлый земной шаръ. Я былъ въ Азіи, Америкѣ, Европѣ, обошелъ не мало уголковъ Россіи, и вотъ теперь я съ вами, но сталъ не прежній инженеръ, строющій желѣзную дорогу и зарабатывающій десятки тысячъ, а простой странникъ, простой мѣщанинъ города Вилюйска».

И этотъ преображенный человѣкъ, проникшій въ глубину жизни, раскрываетъ всѣ условности и всю ложь, опутавшую жизнь его прежнихъ близкихъ людей. Своимъ бодрымъ и правдивымъ словомъ онъ увлекаетъ другихъ если не вполнѣ измѣнить себялюбивымъ стремленіямъ, то встряхнуться, посмотрѣть на окружающее другими глазами и на минуту забыть о томъ «грабежѣ», которымъ каждый изъ нихъ добываетъ то, что зовется счастьемъ. Во время наводненія, постигшаго городъ и затопившаго низменную часть его, онъ своимъ примѣромъ заставляетъ и другихъ работать, спасти десятки и сотни погибающихъ и разоренныхъ семействъ, заставляетъ своего бывшаго соперника Станищева отпустить несчастную жену, а самъ уходитъ туда, гдѣ онъ можетъ оказаться нужнѣе, полезнѣе. Онъ уходитъ «осушать болото» въ одной деревнѣ, гдѣ ему пришлось побывать, ибо, какъ онъ поясняетъ, «надобно кому-нибудь и болота осушать», пока другіе занимаются радостями жизни. Послѣ его ухода старикъ отецъ спрашиваетъ уныло: «Что онъ былъ съ нами?» А Валерія отвѣчаетъ ему въ тонъ: «Да, онъ былъ съ нами! И такой... такой не похожій на всѣхъ насъ... Такой чистый, свѣтлый». «Какъ въ сновидѣніи», замѣчаетъ старикъ.—«Правда, дѣдушка... Такіе люди являются только въ грезахъ»...

Авторъ и показалъ такую грёзу. Въ жизни мы не встрѣчаемъ ни такихъ перерожденій, ни такихъ свѣтлыхъ и чистыхъ личностей. Но почему бы имъ и не быть? Унося изъ театра подобную грезу, зритель невольно задается такимъ вопросомъ. Неужели въ жизни только и должны быть одни самолюбивыя стрем-

ленія, взаимное поѣданіе, злоба, борьба изъ-за жирнаго куска и нѣтъ мѣста любви къ человѣку? И публика, оцѣнившая пьесу по-своему, не признавшая критики, намъ кажется правой. За одну такую «грезу», будящую въ душѣ лучшіе инстинкты, можно охотно простить всю кажущуюся нереальность драмы. Говоримъ «кажущуюся», ибо какъ въ рѣчахъ и поступкахъ Кирилла Домбровича ничего нѣтъ нереальнаго. И самый характеръ его вполнѣ допускаетъ его преображеніе подъ вліяніемъ тѣхъ испытаній, какія выпали на его долю. Если каторга, какъ общее правило, дѣйствительно, озлобляетъ, то мы знаемъ и такія исключенія, какъ, напр., Достоевскій, или возрожденіе его Раскольникова намъ не представляется страннымъ. Но это—между прочимъ, такъ какъ, повторяемъ, не эта сторона пьесы имѣетъ рѣшающее значеніе.

Мы такъ давно не слыхали со сцены «хорошихъ словъ», тѣхъ «забытыхъ» словъ, которыя глубоко таятся гдѣ-то въ каждомъ изъ насъ,—что голосъ Кирилла Домбровича какъ будто и въ самомъ дѣлѣ кажется «грёзой», чѣмъ-то неслыханнымъ, новымъ и чуждымъ. Но забытыя слова надо напоминать и дѣлать это почаще. Тогда они становятся тѣмъ, чѣмъ и должны быть—дорогими и близкими и получаютъ силу побуждать отъ словъ перейти и къ дѣлу, приближая время, когда тяжкая современность покажется намъ «тяжелымъ сномъ», а грёза, навѣянная драмой г. Потапенко,—дѣйствительностью...

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Дѣтскіе мечты и запросы. Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» г. Вахтеровъ сообщаетъ результаты весьма интереснаго опыта изученія дѣтской психологіи, произведеннаго имъ въ одной большой фабричной школѣ, съ 24-мя учащими и болѣе чѣмъ 1.400 учащимися обоего пола. Главный контингентъ учащихся—дѣти фабричныхъ такъ какъ 55% изъ общаго числа родились на фабрикѣ, 53% все время жили и выросли на фабрикѣ и 28% никогда не бывали въ деревняхъ. Эти дѣти знаютъ о деревнѣ только по слухамъ; деревенскіе интересы имъ чужды; фабрика наложила свою печать на ихъ міровоззрѣніе; они живутъ интересами фабричныхъ. Но здѣсь же мы находимъ и деревенскихъ дѣтей, такъ какъ 33% общаго числа учащихся дѣтей родились въ деревнѣ; 39% жили въ деревнѣ не менѣе года, причемъ 21% общаго числа дѣтей выросли въ деревнѣ, гдѣ жили въ теченіе всего дошкольнаго періода своей жизни, прибыли на фабрику только для того, чтобы получить здѣсь образованіе и по окончаніи школьнаго курса, можетъ-быть, навсегда вернуться въ деревню. 28% учащихся дѣтей ежегодно на всѣ большіе праздники и на все лѣто отправляются въ деревню. Естественно, что эти дѣти думаютъ о деревнѣ и полны деревенскими

интересами. Такимъ образомъ мы имѣемъ два типа дѣтей, изъ коихъ одинъ приближается къ чистому фабричному типу, а другой—къ деревенскому. Ниже помѣщенныя данныя касаются только дѣтей 4-го отдѣленія, соотвѣтствующаго старшему отдѣленію начальной школы съ четырехгодичнымъ курсомъ. Но эту школу нельзя приравнивать къ школамъ обычнаго типа. Она находится не въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, а въ вѣдомствѣ министерства финансовъ. Она регулируется экзаменаціонными требованіями 1886 г. Если бы она попрежнему представляла своихъ учениковъ въ экзаменаціонную коммиссію министерства народнаго просвѣщенія, то, по установившимся среди мѣстнаго учебнаго начальства традиціямъ, отъ учениковъ требовалось бы столько грамматики, этимологическаго и синтаксическаго разбора и диктовокъ, что нечего было бы и мечтать о какихъ-либо иныхъ требованіяхъ. Къ счастью для дѣтей, школа эта имѣетъ возможность сама, въ предѣлахъ закона и съ утвержденія министра, устанавливать программу преподаванія и экзаменаціонныя требованія. Это дало возможность сообразоваться не только съ формальными экзаменаціонными требованіями, но, между прочимъ, и съ запросами самихъ дѣтей, поскольку они не противорѣчили основнымъ педагогическимъ принципамъ.

Опытъ состоялъ въ томъ, что дѣтямъ былъ предложенъ вопросъ: «Для чего вы учитесь, что вы хотите знать и какъ думаете воспользоваться своимъ образованіемъ». Отвѣты, которыхъ по отдѣльнымъ вопросамъ получено 2.979, разбиты были по группамъ, причемъ въ первую изъ нихъ отнесены тѣ, которые свидѣтельствуютъ объ альтруистическомъ направленіи дѣтской мысли. Вотъ болѣе типичные изъ нихъ: «Хочу изучить Законъ Божій, чтобы пойти и проповѣдывать язычникамъ»; «Учусь, чтобы читать и говорить въ деревнѣ, какъ нехорошо сѣчь другъ друга розгами»; «Хочу читать и разсказывать въ своей деревнѣ, чтобы не били дѣтей»; «Чтобы читать книги по сельскому хозяйству, помогать сосѣдямъ совѣтами по земледѣлію, и они будутъ хорошо обращаться съ землею»; «Чтобы научить нашихъ крестьянъ, какъ надо болото осушить, какъ лучше землю удобрить, какія орудія и откуда выписать»; «Я учусь для того, чтобы поѣхать къ самоѣдамъ и вогуламъ и говорить имъ, что такъ жить нехорошо, и научить ихъ грамотѣ»; «Чтобы потомъ хорошо воспитывать дѣтей»; «Выучусь, и буду говорить, чтобы мои домашніе лучше обходились другъ съ другомъ и домашняя обстановка была лучше»; «Чтобы читать и разсказывать другимъ о бѣдствіяхъ войны»; «Выучусь, и буду читать и говорить, чтобы хорошо поступали съ животными»; «Читать и говорить, чтобы закрыли кабаки»; «Чтобы заводили богадѣльни и сиротскіе дома»; «Чтобы заводили больницы и аптеки»; «Образованный человѣкъ пойдетъ по улицѣ; попадется ему дерево; онъ знаетъ, что оно очищаетъ воздухъ, и онъ не тронетъ его, а пойдетъ необразованный, надрѣжетъ кору, и тогда растеніе испортится и не будетъ расти».

Далѣе идутъ отвѣты такого же характера, но только сформулированные въ довольно общихъ выраженіяхъ. Таковы, напримѣръ: «Образованный скорѣе что-нибудь новое, полезное для людей открытіе какое-либо сдѣлаетъ»; «Выучусь, и буду стараться, чтобы наша родина ни въ чемъ не отставала отъ другихъ и чтобы въ ней жилось хорошо». Есть цѣлая группа отвѣтовъ, выражающихъ

стремленіе распространять просвѣщеніе среди народа. Таковы, напримѣръ, слѣдующіе отвѣты: «Чтобы научить чему-нибудь хорошему другихъ»; «Чтобы помогать другимъ своими знаніями и давать имъ хорошіе совѣты»; «Чтобы разсказывать темнымъ людямъ, что знаю; это для нихъ самое важное: если бы темнымъ людямъ ничего не разсказывать, то они такъ и умерли бы, ничего не узнавши»; «Чтобы завести библіотеку, раздавать книги и читать другимъ»; «Выучусь, и буду читать неграмотнымъ газеты и книги для того, чтобы они поумнѣли»; «Чтобы разсказывать роднымъ и знакомымъ, что узналъ въ школѣ»; «Чтобы читать и говорить о томъ, какъ нужны въ деревнѣ школы, библіотеки»; «Чтобы учить взрослыхъ неграмотныхъ».

Есть отвѣты, намѣчающіе опредѣленную, повидимому, обдуманную программу будущей дѣятельности. Таковъ, напримѣръ, слѣдующій отвѣтъ: «Когда я кончу въ здѣшней школѣ курсъ, то я даю себѣ слово, что я всѣ знанія свои, которыя я получилъ изъ книгъ и отъ учителей, положу на то, чтобы подѣлиться ими съ неграмотными людьми. Я буду устраивать чтенія и въ своей деревнѣ, и въ другихъ деревняхъ. Буду имъ толковать, какую пользу пріобрѣтутъ они, если будутъ учиться, приведу имъ примѣры, какой вредъ получаютъ они отъ суевѣрій и какую пользу получаютъ отъ ученья; буду читать имъ, какой вредъ получаютъ они отъ пьянства».

Такихъ отвѣтовъ, отнесенныхъ къ первой группѣ, оказалось 19% общаго ихъ числа, причемъ maximum ихъ падаетъ на тотъ классъ, гдѣ дѣти въ теченіе $3^1/_2$ лѣтъ находились подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ одной очень развитой и опытной учительницы.

Ко второй группѣ отнесены отвѣты, въ которыхъ высказываются соображенія практическаго характера и личной выгоды. Таковы, напримѣръ, слѣдующіе отвѣты: «Учусь, чтобы легче заработокъ найти»; «На всякомъ мѣстѣ образованному болѣе довѣряютъ, чѣмъ необразованному»; «Ученому всякое дѣло легче»; «При помощи книгъ узнаешь, какъ какую работу работать, какъ сельское хозяйство вести, какія полезныя для твоего дѣла изобрѣтенія придуманы»; «Ученый человѣкъ можетъ сработать вещь чище и заработать больше»; «Если я буду хорошо учиться, я займу должность болѣе выгодную и эту должность я буду исправлять лучше»; «Образованный лучше работаетъ и денегъ больше получаетъ»; «Образованный человѣкъ въ своей работѣ пользуется машинами, а необразованный все своимъ горбомъ работаетъ».

Подобныхъ отвѣтовъ дано 8% и число ихъ распредѣляется между различными классами равномѣрно.

Весьма многочисленна группа отвѣтовъ, характеризующихъ дѣтскую любознательность, безотносительно къ какой-либо практической цѣли. Напримѣръ: «Я учусь, чтобы знать Законъ Божій, какія мученія переносилъ Іисусъ Христосъ за народъ и какъ надо жить по его ученію». Другіе хотятъ знать, «какъ страдали люди за правду», «какъ ученые работали на пользу народа». Есть страстные поклонники русской художественной литературы. Не довольствуясь произведеніями нашихъ писателей, они хотятъ еще знать, какъ жили наши писатели: Толстой, Лермонтовъ, Пушкинъ. Есть большіе любители исторіи: они

хотятъ знать, «что было за тысячу лѣтъ назадъ, какъ жили люди встарину, гдѣ они жили, чѣмъ занимались, чѣмъ питались, какъ добывали огонь и какъ развивалась Россія въ послѣднее время». Иные очень интересуются географіею Россіи: они хотятъ знать «объ устройствѣ нашего государства», «сколько въ Россіи добывается богатства», «много ли добра лежитъ подъ землею», «насколько у насъ развиты просвѣщеніе и торговля». Есть дѣти, которыхъ болѣе всего интересуютъ иностранцы: они «желаютъ знать, какъ живутъ иностранные крестьяне и насколько они образованы», «много ли знаній имѣютъ заграничные учителя, въ какихъ земляхъ какая вѣра». Есть дѣти-политики: они хотятъ знать, «какъ относятся другія державы къ Россіи, знать всѣ государства Европы, тамошніе законы и порядки».

Такихъ отвѣтовъ дано 56%, причемъ распредѣленіе ихъ по классамъ, очевидно, въ зависимости отъ личности учителя, колебалось очень сильно.

Отвѣтовъ, приближающихся къ этой группѣ, но выраженныхъ въ неопредѣленной формѣ, вродѣ: «Я учусь для того, чтобы умъ развернуть», дано 16%.

Обозрѣвая весь матеріалъ, г. Вахтеровъ отмѣчаетъ, что 92% всѣхъ ученическихъ отвѣтовъ на вопросъ «для чего вы учитесь», ставятъ начальной школѣ общеобразовательныя требованія. Сюда мы относимъ и отвѣты, свидѣтельствующіе о разносторонней наблюдательности дѣтей (56,7% общаго числа), отвѣты, выражающіе стремленія дѣтей къ саморазвитію (16,1%), и отвѣты выражающіе альтруистическія стремленія дѣтей (19,2%); остальные 8% представляютъ отвѣты, выражающіе практическіе запросы. Но и тѣ отвѣты, котрые выражаютъ практическія стремленія дѣтей, не ставятъ начальной школѣ задачъ профессіональнаго образованія, а представляютъ собой простой выводъ изъ житейскихъ наблюденій, что «образованный найдетъ болѣе выгодную должность и будетъ исправлять ее лучше»; но хорошо извѣстно, что если хозяева въ разныхъ отрасляхъ труда предпочитаютъ рабочихъ, получившихъ начальное образованіе, то они предпочитаютъ ихъ не за профессіональныя знанія, которыхъ начальная школа не даетъ, а за сообразительность, понятливость, честность и прочія качества, развитіе которыхъ составляетъ задачу общеобразовательной школы.

Взаимодѣйствіе деревни и города. «Саратовскій Дневникъ» передаетъ содержаніе интереснаго доклада, прочитаннаго П. П. Масловымъ въ Саратовскомъ обществѣ естествоиспытателей: «Цифры и факты изъ переписи С.-Петербурга въ 1900 г.». Данныя доклада извлечены изъ матеріала, собраннаго авторомъ при переписи рабочаго населенія 3-го уч. Нарвской части и касаются 2.600 рабочихъ, относительно которыхъ получены болѣе или менѣе полныя свѣдѣнія въ отвѣтъ на слѣдующіе вопросы: 1) культурный уровень населенія, насколько можно это было учесть по грамотности его, 2) связь съ землей и деревней—опредѣляемая отвѣтами на вопросъ: ѣздитъ ли на лѣтнія работы, имѣетъ ли надѣлъ и посылаетъ ли деньги въ деревню; 3) семейное положеніе и 4) связь съ городомъ.

Что касается культурнаго уровня населенія, то общее впечатлѣніе боль-

шинства счетчиковъ говоритъ не въ пользу доброкачественности той духовной пищи, которой приходится довольствоваться массѣ населенія. Взрослымъ мужчинамъ, напр., приходится довольствоваться тѣми газетами, которыя предлагаются для чтенія въ трактирѣ—это, по большей частью, бульварные листки. Въ общемъ среди мужчинъ оказывается гораздо большій процентъ грамотныхъ и читающихъ, чѣмъ среди женщинъ, а подростки даютъ большій процентъ грамотныхъ, чѣмъ взрослые рабочіе. При этомъ наблюдается обычный законъ: на заводахъ, гдѣ преобладаетъ трудъ квалифицированный, а также у ремесленниковъ,—процентъ грамотныхъ и читающихъ гораздо выше, чѣмъ въ мануфактурахъ, гдѣ трудъ болѣе простой, ниже оплачиваемый, исполняемый женщинами и неспеціализированными рабочими, пріѣзжающими изъ деревни. Докладчикъ подчеркиваетъ рядомъ цифръ эту связь высоты заработной платы и труда съ культурнымъ уровнемъ рабочаго населенія.

Другимъ факторомъ, вліяющимъ на культурный уровень рабочей массы, является, по словамъ докладчика, связь рабочихъ съ деревней. Замѣчается при этомъ болѣе сильная связь съ деревней неграмотныхъ, чѣмъ грамотныхъ; пониженіе % грамотности среди рабочихъ обусловливается, главнымъ образомъ, приливомъ изъ деревни взрослыхъ рабочихъ на наиболѣе простые промыслы, не требующіе выучки и спеціальныхъ знаній. Такимъ образомъ, чѣмъ проще работа въ извѣстномъ предпріятіи, тѣмъ ниже культурный уровень рабочихъ этого предпріятія, тѣмъ сильнѣе связь съ деревней, съ землей. Связь эта опредѣляется отвѣтами на вопросъ: ѣздитъ ли рабочій на лѣтнее время въ деревню, имѣетъ ли надѣлъ и посылаетъ ли деньги въ деревню?

Изъ данныхъ, приведенныхъ докладчикомъ, видно, что подавляющее большинство рабочихъ порвало фактически связь съ деревней: изъ рабочихъ резиновой мануфактуры ѣздятъ, напримѣръ, въ деревню на работы всего 17%, съ Калинкинскаго и Путиловскаго заводовъ—15%, въ общемъ же болѣе $^4/_5$ всего рабочаго населенія на фабрикахъ порвало связь съ земледѣльческимъ хозяйствомъ (многіе имѣютъ надѣлъ, но не обрабатываютъ его), и хотя не утратили совсѣмъ связь съ деревней, но эта связь чисто формальная, юридическая.

Она выражается, главнымъ образомъ, въ отсылкѣ въ деревню денегъ рабочими, имѣющими свой надѣлъ, и здѣсь,—говоритъ докладчикъ,—мы встрѣчаемся съ «загадочнымъ явленіемъ»: почему «рабочіе-собственники», имѣющіе свой надѣлъ, посылаютъ деньги въ деревню, а не обратно, не получаютъ денегъ отъ своей «собственности»?

Такихъ рабочихъ—значительная группа, и при этомъ далеко не всѣ имѣютъ въ деревнѣ семьи, которыя надо было бы поддерживать высылкой денегъ (напримѣръ, на резиновой мануфактурѣ, изъ 150 человѣкъ, не имѣютъ семьи въ Петербургѣ 35 человѣкъ, а посылаютъ въ деревню 77 человѣкъ), слѣдовательно, часть рабочихъ, отдающая деньги своего заработка въ деревню, связана съ ней юридически и обладаніе недвижимой собственностью (надѣломъ) ведетъ не къ полученію съ нея ренты, а къ уплатѣ за нее ренты, въ видѣ налоговъ, лежащихъ на землѣ. Нѣкоторые экономисты склонны видѣть въ такой неестественной связи съ деревней и землей, такъ сказать, страхованіе на случай

безработицы, на время которой рабочій-собственникъ можетъ снова заняться земледѣліемъ, но докладчикъ находитъ, что слишкомъ дорого обходится для людей, порвавшихъ съ земледѣліемъ, такая страховка, отнимающая у рабочаго не мало денегъ, сильно понижающая культурный уровень значительной группы лицъ.

Примѣромъ можетъ служить слѣдующее: рабочій въ теченіе 35 лѣтъ высылаетъ въ деревню ежегодно по 23 р., чтобы сохранить право на надѣлъ, отказывая себѣ ради этого въ удовлетвореніи многихъ потребностей, прежде всего потребностей культурныхъ, между тѣмъ какъ этотъ клочокъ земли не стоитъ и десятой доли того, что за него уплочено. Примѣромъ того, какъ недостаточна доходность земледѣльческаго хозяйства, можетъ служить слѣдующее:

Двѣ сестры-дѣвушки, зарабатывая каждая по 18 р. въ мѣсяцъ, посылаютъ въ деревню 200 р. въ годъ, по 100 р. каждая. Высылая половину заработка въ деревню, онѣ принуждены спать на одной постели, питаться чернымъ хлѣбомъ съ селедкой, уплачивая рыботорговцу за право макать хлѣбъ въ селедочный разсолъ, чтобы дать какой нибудь привкусъ сухому хлѣбу.

Въ общемъ получается, говоритъ докладчикъ, ненормальное положеніе: свыше $^2/_3$ рабочихъ живутъ въ Петербургѣ болѣе трехъ лѣтъ и не заглядываютъ въ деревню, имѣютъ надѣлъ и числятся землевладѣльцами, обезпеченными землей, и за это удовольствіе большая часть посылаетъ въ деревню деньги.

И часть рабочихъ посылаетъ деньги только въ уплату налоговъ, хотя земля у нихъ запущена. Мальчики, зарабатывающіе въ день по 40—50 к., посылаютъ въ годъ 10—15 рублей, «чтобы отецъ не вытребовалъ въ деревню».

Такимъ образомъ, насильственная связь съ деревней далеко не такъ благодѣтельна для многихъ рабочихъ, какъ это выставляютъ защитники общины. Современная деревня, вытягивая изъ рабочаго населенія значительную часть заработка, для большинства вовсе не служитъ мѣстомъ отдохновенія на лонѣ природы отъ шумнаго города. Понижая уровень потребностей рабочихъ, не имѣющихъ въ деревнѣ хозяйства и посылающихъ туда деньги, она взамѣнъ не даетъ ничего, кромѣ паспорта.

Въ заключеніе въ докладѣ обращается вниманіе на мало изслѣдованную статистикой бытовую черту изъ жизни рабочаго населенія—на развитіе гражданскаго брака. Что касается матеріальныхъ условій домашней жизни, то она въ общемъ крайне тяжела и антигіенична. Вотъ примѣръ, приведенный одной изъ счетчицъ:

У работницы четверо дѣтей, зарабатываетъ она 60 к. въ день и всѣ пятеро живутъ («въ углахъ») на одной койкѣ. Старшая дѣвочка смотритъ за остальными: ей 8 лѣтъ; при такомъ возрастѣ имѣетъ на рукахъ троихъ дѣтей. Выучилась читать и писать въ воскресной школѣ. Эта «наглядная картинка» даетъ понятіе о положеніи работницы-матери и лишній разъ вызываетъ мысль о необходимости улучшить положеніе фабричнаго населенія и внести въ эту среду «прежде всего свѣта, какъ можно больше свѣта!»

Нѣмецкія колоніи въ Новороссіи. Особое гостепріимство, которое еще такъ недавно встрѣчали въ Россіи нѣмецкіе колонисты, въ послѣдніе годы смѣнилось

настолько непріязненнымъ къ нимъ отношеніемъ, что окружающее ихъ русское населеніе не прочь бороться съ ними даже при помощи исключительныхъ мѣръ. Года четыре тому назадъ екатеринославское уѣздное земское собраніе признало возможнымъ, напримѣръ, ходатайствовать о воспрещеніи нѣмцамъ покупать земли у лицъ не нѣмецкаго происхожденія, и надо думать, что это постановленіе вполнѣ отвѣчало настроенію массы русскаго населенія. Это враждебное къ нѣмцамъ отношеніе создалось на югѣ ихъ быстро растущимъ вліяніемъ въ сельско хозяйственной жизни. Нѣмцы постепенно вытѣсняютъ русскій и малорусскій элементы въ Новороссіи, и можно утверждать положительно, что въ настоящее время нѣмцамъ принадлежитъ до четверти всей земельной площади на югѣ, тогда какъ лѣтъ 40 тому назадъ площадь ихъ землевладѣнія составляла какихъ-нибудь 5 процентовъ, да и то лишь въ нѣсколькихъ уѣздахъ. Въ чемъ же причины такого поразительнаго разростанія у насъ нѣмецкихъ колоній? Въ обширной статьѣ, напечатанной въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», г. М. Камаринецъ объясняетъ это явленіе исключительнымъ правовымъ положеніемъ, въ которое нѣмцы были поставлены при самомъ населеніи въ Россіи. Это обстоятельство, главнымъ образомъ, обусловило большую имущественную состоятельность ихъ, по сравненію съ представителями другихъ народностей, и повело къ распространенію нѣмецкаго элемента далеко за предѣлы первоначальныхъ нѣмецкихъ колоній.

Наиболѣе важной особенностью положенія колонистовъ въ правовомъ отношеніи является внутренняя автономія колоній. Рѣшеніе вопросовъ поземельнаго устройства, волостное и сельское самоуправленіе, внутренняя юрисдикція,— все это было предоставлено колонистамъ при самомъ основаніи колоній; мѣстныя русскія власти совершенно не должны были касаться отношеній внутри послѣднихъ.

И нѣмцы широко воспользовались своими исключительными правами во всѣхъ отношеніяхъ и прежде всего въ отношеніи земельнаго устройства.

У колонистовъ распространено мнѣніе, что съ успѣхомъ вести хозяйство можно только на площади не меньшей 45—50 дес.; поэтому нѣмцы избѣгаютъ дробленія хозяйствъ такого размѣра между сонаслѣдниками. Сначала это достигалось путемъ миноратнаго права наслѣдованія, но затѣмъ, когда, съ теченіемъ времени, младшій сынъ потерялъ всякое преимущество передъ другими сонаслѣдниками, хозяйство стало переходить къ одному изъ наслѣдниковъ, остальные же вознаграждались денежными выдачами. Такая система наслѣдственнаго права обусловила появленіе, наряду съ зажиточными полными хозяевами, значительнаго по численности разряда безземельныхъ хозяевъ, такъ называемыхъ Anwohner'овъ. Несомнѣнно—Anwohner'ы представляютъ самое больное мѣсто нѣмецкихъ колоній, хотя не слѣдуетъ думать, что положеніе ихъ безвыходно-печально, и что они не имѣютъ никакого доступа къ землѣ. Еще при первоначальномъ устройствѣ быта переселенцевъ, сверхъ нормальнаго надѣла, колоніямъ были отведены особые запасные участки, эксплуатируемые путемъ сдачи въ аренду. Арендаторами этихъ участковъ являются, прежде всего, Anwohner'ы. Арендная плата, поступающая отъ сдачи запасныхъ участ-

ковъ, идетъ на образованіе особаго общественнаго капитала, на который нѣмецкіе колонисты покупаютъ на сторонѣ земли для устройства новыхъ колоній. Выселяются во вновь образуемыя колоніи почти исключительно безземельные, для чего между ними устанавливаются извѣстныя очереди; неимущіе Anwohner'ы снабжаются при этомъ необходимымъ живымъ и мертвымъ инвентаремъ. Покупная сумма за землю вносится изъ общественнаго капитала и погашается новыми колонистами въ теченіе опредѣленнаго срока, большею частью—30 лѣтъ.

Въ каждой колоніи, хотя бы въ ней было только 10 дворовъ, обязательно имѣется начальная школа съ шестилѣтнимъ курсомъ какъ для мальчиковъ, такъ и для дѣвочекъ; всеобщее обученіе, которое для коренного русскаго населенія еще долгое время будетъ pium desiderium, нѣмцами достигнуто уже давно: неграмотность почти неизвѣстна среди колонистовъ. Въ центрѣ нѣмецкихъ колоній Екатеринославской губерніи, Хортицѣ, находится «высшая школа» съ курсомъ, приблизительно отвѣчающимъ нашимъ реальнымъ училищамъ. Тамъ же издается газета на нѣмецкомъ языкѣ.

Только культурному развитію массы нѣмцы обязаны возможностью осуществлять, безъ всякаго участія со стороны земства и администраціи очень крупныя экономическія предпріятія. Нѣмцы не участвуютъ, напримѣръ, во взаимномъ земскомъ страхованіи; вмѣсто него, у нихъ дѣйствуетъ свое собственное страхованіе, въ которомъ принимаютъ участіе менониты, живущіе во всѣхъ губерніяхъ Новороссіи. Ежегодно опредѣляется особо выработанными оцѣнщиками размѣръ убытковъ, причиненныхъ пожарами, причемъ оцѣнкѣ подлежатъ не только постройки, но и скотъ, и мертвый инвентарь, и даже хлѣбъ, которые сдѣлались жертвой огня; общая сумма пожарныхъ убытковъ во всѣхъ участвующихъ въ страхованіи колоніяхъ распредѣляется между всѣми колонистами пропорціонально количеству земли и уплачивается, какъ дополненіе къ волостнымъ сборамъ.

Культурно болѣе развитые, чѣмъ окружающее населеніе и, благодаря этой культурности, пользующіеся органами сельскаго и волостного самоуправленія въ своихъ дѣйствительныхъ интересахъ, сплоченные въ тѣсные и обширные экономическіе союзы, нѣмцы-колонисты должны были завоевать и завоевали себѣ выдающееся положеніе въ Новороссіи. Отъ нихъ идутъ всякія улучшенія и усовершенствованія въ полеводствѣ, на нѣмецкихъ же заводахъ изготовляются сельско-хозяйственныя машины и орудія, которыя получили широкое распространеніе не только во владѣльческомъ, но и въ крестьянскомъ хозяйствѣ; выписка сельско-хозяйственныхъ орудій изъ-за границы на югъ Россіи почти прекратилась совершенно. Помѣстное дворянство,—хотя и стоящее по культурному развитію выше колонистовъ, въ веденіи хозяйства въ громадномъ большинствѣ случаевъ слѣдуетъ по проторенному уже и испытанному колонистами пути. Неудивительно поэтому, что площадь землевладѣнія нѣмцевъ-колонистовъ растетъ съ каждымъ годомъ, что имъ въ настоящее время принадлежитъ отъ 20—25 проц. всѣхъ земель въ Новороссіи, что земли многихъ мелкихъ крестьянскихъ обществъ малороссовъ цѣликомъ перешли въ руки

нѣмцевъ, что къ нѣмцамъ переходитъ и большая часть поступающихъ на рынокъ частновладѣльческихъ земель.

Вотъ этотъ-то успѣхъ нѣмецкихъ колонистовъ и вооружилъ противъ нихъ и населеніе, и администрацію, которая принимаетъ противъ нихъ цѣлый рядъ репрессивныхъ мѣръ. Вмѣсто того, чтобы поднять собственный культурный и экономическій уровень, мы всѣми силами стараемся понизить этотъ уровень у колонистовъ. И колонистъ начинаетъ покидать Россію, но легче ли отъ этого коренному населенію?

Изъ прошлаго. Въ «Восточномъ Обозрѣніи», со словъ сибирскаго старожила К. Н. Н — ева, лично знавшаго нѣсколькихъ декабристовъ, воспроизведена слѣдующая любопытная страничка изъ прошлаго.

Въ концѣ 40-хъ годовъ К. Н. жилъ въ Тобольскѣ, по Архангельской улицѣ, въ домѣ своего отца, рядомъ съ домомъ декабриста Свистунова. Далѣе жили декабристы Фонвизинъ и Лопухинъ. Въ то время К. Н. было 10—12 лѣтъ. Лѣтомъ онъ почти ежедневно гулялъ въ саду Свистунова съ его дѣтьми и другими ребятами, которыхъ Свистуновъ очень любилъ. Бывало, соберетъ вокругъ себя группу дѣтей и разсказываетъ имъ про то, какъ онъ бунтовалъ и какъ потомъ мучился. Затѣмъ ведетъ всѣхъ въ свой кабинетъ, лакомствами угощаетъ, висящіе на стѣнѣ кандалы показываетъ. Иногда поднимаетъ концы своихъ штановъ, и глядятъ дѣти на зарубцованныя на ногахъ жестокія раны, глядятъ и плачутъ.

«Это,—говоритъ Свистуновъ,—отъ кандаловъ, дѣти! До костей натирали ноги».

Однажды къ Свистунову, стоявшему съ дѣтьми у крыльца Фонвизина, подошелъ какой-то крестьянинъ.

— Дозвольте спросить,—ваше почтеніе,—спросилъ мужикъ,—гдѣ тутотка живетъ варнакъ Хвонвизя?.. Надо бы мнѣ-ка повидать его...

— Варнакъ Хвонвизя? — улыбнулся Свистуновъ, — какъ же знаю! Вотъ тутъ и живетъ, вотъ въ этомъ домѣ! А на что тебѣ онъ?..

Какъ разъ въ это время выходитъ на крыльцо самъ Фонвизинъ, и крестьянинъ низко раскланивается ему со словами!

— Ваше почтеніе! дозвольте сказать!.. Вонъ баринъ-отъ сказываетъ, што у вашей милости варнакъ Хвонвизя живетъ. Нельзя ли мнѣ-ка повидать его?.. дѣльце есть...

Фонвизинъ добродушно улыбнулся:

— Какъ же, какъ же! Здѣсь братецъ, живетъ, здѣсь! На что тебѣ онъ? Ты кто будешь?..

— Я-то? Да я староста кучаевскаго сельскаго общества. Ну, и вотъ, какъ этотъ самый, значитъ, варнакъ къ нашему обществу приписанъ, дакъ мнѣ-ка надо бы попытать его, пошто онъ къ намъ не заявляется? Вотъ ужо который годъ не видать его, а по записямъ числится у насъ?..

— Ну, и варнакъ!—взялъ старосту подъ руку Фонвизинъ.—Вотъ идемъ, староста, ко мнѣ, я тебѣ покажу этого варнака!.. Фонвизинъ со старостой, а за

ними и Свистуновъ съ дѣтьми, вошли въ домъ. Усадивъ старосту въ кресло и приказавъ подать ему чаю, водки, закуски, Фонвизинъ сталъ разспрашивать про кучаевское житье-бытье. Староста разошелся. Когда же, послѣ выпивки и закуски, добродушный Фонвизинъ объявилъ старостѣ, что варнакъ, котораго онъ ищетъ, и есть то самое лицо, съ которымъ онъ бесѣдуетъ, то староста страшно смутился и, оглядывая всѣхъ испуганными глазами, началъ было тряститься, какъ въ лихорадкѣ. Фонвизинъ поспѣшилъ успокоить старосту, объяснилъ ему, почему онъ не является на мѣсто приписки, и, давъ ему нѣсколько рублей, проводилъ его до крыльца, прося передать поклонъ кучаевцамъ.

Описанная сцена такъ изумила старосту, что онъ пустился наутекъ, крестясь по дорогѣ.

Земскій адресъ Б. Н. Чичерину. Рѣдѣютъ ряды земскихъ дѣятелей, глубоко цѣнившихъ и понимавшихъ значеніе мѣстнаго самоуправленія въ общественной жизни Россіи. Только-что смерть похитила такихъ выдающихся земскихъ дѣятелей, какъ Д. Д. Дашковъ и Д. Ѳ. Самаринъ; теперь тяжелый недугъ оторвалъ отъ земской работы—надѣемся временно—заслуженнаго земскаго ветерана Б. Н. Чичерина. Къ чести современныхъ намъ земскихъ дѣятелей, надо сказать, однако, что поучительные образцы той страстной преданности, какую только-что названные нами земцы проявляли въ отношеніи къ дорогому для нихъ дѣлу, встрѣтили на земскихъ собраніяхъ надлежащую оцѣнку и, можно думать, что уходящіе съ земской арены борцы не останутся безъ продолжателей. Тамбовское губернское земское собраніе, открывшееся 29-го ноября, единогласно постановило поднести Б. Н. Чичерину адресъ, въ которомъ въ прочувствованныхъ выраженіяхъ отмѣчаетъ его выдающуюся роль въ земскомъ дѣлѣ и въ развитіи широкихъ взглядовъ на задачи и значеніе мѣстнаго самоуправленія. Адресъ было рѣшено поднести черезъ губернскаго предводителя дворянства, князя Н. Н. Челокаева.

Отголоски монополіи. Какихъ-какихъ только «произведеній» не выбрасываютъ на рынокъ разные темные гешефтмахеры издательскаго цеха! И все это дѣлается на томъ простомъ основаніи, что «бумага все стерпитъ», а полуграмотный читатель пойдетъ на всякую приманку. По словамъ «Нижегородскаго Листка», у букинистовъ въ концѣ прошлаго года появилось въ продажѣ новое удивительное «произведеніе», называющееся «Пѣсни монополіи» и предусмотрительно помѣченное 1902-мъ годомъ. Въ книжкѣ есть рѣшительно все: и очерки, и драматическія сцены, и пѣсни, и куплеты, навѣянные винной монополіей. Вирши самыя убійственныя. Напримѣръ, что за прелесть «пѣснь» Ивана Всегдапьющенскаго: «Теперь мерзавчика я пью!»

Все бренно, все межъ насъ не вѣчно!
Чѣмъ насладился, то разбилъ!
Что я любилъ вчера сердечно,
То нынче кинулъ, разлюбилъ!
Нашелъ не я одинъ обновку!
Вдругъ измѣнилъ я жизнь свою·

Во время оно пилъ «поповку»,
Теперь «мерзавчика» я пью!

Далѣе оплакиваются «творенія Смирнова», Протопопова, Шустова и другихъ бывшихъ водочныхъ заводчиковъ. Но

Всякій новое находитъ—
И гдѣ-нибудь и въ чемъ-нибудь!
Не надо мнѣ теперь «Смирнова»,
Когда «казенка» подъ рукой.
Отнынѣ я «казенной лавкѣ»
Весь преданъ—тѣломъ и душой!

Тотъ же «поэтъ» приходитъ въ умиленіе отъ удобствъ культурной жизни:

И даже есть—о, верхъ всѣхъ благъ!
Участокъ... Счастье, такъ ужъ счастье!
Приди хоть пьянъ, хоть босъ, хоть нагъ,—
Тамъ ты всегда найдешь участье!

По всей книжонкѣ разлито столько благодушія и жизнерадостности, что всякіе толки о пессимизмѣ новаго вѣка должны совершенно умолкнуть. Изъ «монополіи», какъ изъ рога изобилія, истекаетъ на человѣчество невѣроятное количество всевозможныхъ благъ. На вопросъ:

Отъ пьянства удержать
Кто можетъ?.. *Монополія*...

рѣшительно заявляетъ куплетистъ Р. Мечъ и печатаетъ это магическое слово курсивомъ. Никто, какъ монополія, не обуздываетъ непомѣрной жадности содержателей ресторановъ и гостинницъ. Имъ грозитъ даже полное уничтоженіе.

Трактирщиковъ въ архивъ
Кто спрячетъ?.. Монополія!

Передавать содержаніе очерковъ, драматическихъ сценъ и разсказовъ, помѣщенныхъ въ «Пѣсняхъ монополіи», совершенно не стоитъ: до того они глупы и безнадежно плоски. Стоитъ, пожалуй, отмѣтить лишь очеркъ «Новая профессія»,—конечно, не за его литературныя достоинства, а потому, что въ немъ есть указаніе на довольно своеобразное явленіе, порожденное монополіей: это—новая профессія «стояльца». Авторъ встрѣчается со своимъ пріятелемъ-неудачникомъ, который раньше, какъ ни бился, нигдѣ не могъ пристроиться, несмотря на свое безукоризненно трезвое поведеніе. Теперь не то. «Пальто на немъ съ иголочки, бумажный воротничокъ сверкаетъ бѣлизною, лицо широко улыбается.

— Что съ вами. Ужъ не наслѣдство-ли вы получили?

— Нашелъ мѣсто!..

— Ну, радуюсь за васъ. Гдѣ же?

— По винополіи?..

— Неужели сидѣльцемъ?

— Нѣтъ, стояльцемъ!.. Вы недоумѣваете? Чего же тутъ страннаго? Сидѣлецъ сидитъ при винной лавкѣ, а стоялецъ стоитъ.

— Ничего не понимаю!

— Сейчасъ все поймете. Знаете-ли вы, что изъ казенныхъ лавокъ не отпускаютъ вина пьянымъ и дѣтямъ.

— Ну, знаю... Такъ неужели вы являетесь передаточной инстанціей между пьяными и винной лавкой?

— Вотъ именно!.. Пьяницы, уже нализавшіеся вдрызгъ, но все же пьющіе съ воздержаніемъ, т.-е. съ воздержаніемъ на ногахъ... Знаютъ, гдѣ стою я, находятъ меня и за извѣстную плату посылаютъ меня въ лавку. Я покупаю имъ вино. Мнѣ отпускаютъ, потому что я—трезвый... Ко мнѣ обращаются и дѣтишки, когда мастеровые-отцы посылаютъ ихъ за водкой. Съ нихъ я беру подешевле. Я вамъ раньше жаловался, что никакъ не могу утилизировать свою трезвость... Ну, вотъ и утилизировалъ... Я, такъ сказать, торгую своей трезвостью... Да-съ, батенька мой, монополія—великая вещь. Она—поддержка трезвости. Это я на себѣ испыталъ. Теперь я вотъ и процвѣтаю. Думаю еще штоперъ купить... Да, ужъ видно кому что дано! Вонъ кабацкіе «человѣки» плачутся, что имъ больше жить нечѣмъ—кабаки закрыли... Да попробовали бы они, какъ я сдѣлалъ! Нѣтъ, не хватаетъ иниціативы!.. Вотъ и дождутся, что бельгійская акціонерная компанія «трезвыхъ стояльцевъ» появится.

Такова «новая профессія», создавшаяся на почвѣ казенной монополіи.

За мѣсяцъ. Едва ли не самымъ крупнымъ наслѣдіемъ, завѣщаннымъ русской общественной жизни отъ прошлаго года, надо признать широкое территоріальное распространеніе дѣйствія Положенія объ усиленной охранѣ.

Положеніе это составляетъ часть Высочайше утвержденнаго 14 августа 1881 г. Положенія комитета министровъ «о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія». (Прилож. I къ ст. 1, примѣч. 2-е Уст. о предупр. и пресѣч. преступл., Св. зак., т. XIV, изд. 1890 г.). Согласно этому положенію, усиленная охрана можетъ быть введена, «когда общественное спокойствіе въ какой либо мѣстности будетъ нарушено преступными посягательствами противъ существующаго государственнаго строя или безопасности частныхъ лицъ и ихъ имуществъ, или подготовленіемъ таковыхъ, такъ что для охраненія порядка примѣненіе дѣйствующихъ постоянныхъ законовъ окажется недостаточнымъ» (ст. 6-я, п. 1).

До прошлаго 1901 г. Положеніе объ усиленной охранѣ дѣйствовало въ семи губерніяхъ: Петербургской, Московской, Харьковской, Екатеринославской, Кіевской, Подольской и Волынской, въ градоначальствахъ: петербургскомъ, одесскомъ и николаевскомъ, въ мѣстностяхъ, подвѣдомственныхъ кронштадтскому военному губернатору, въ городахъ Ростовѣ-на-Дону, Таганрогѣ и Нахичевани, въ селѣ Касперовкѣ и Таганрогскомъ округѣ области Войска Донского, въ посадахъ Богоявленскѣ, Калиновкѣ и мѣстечкѣ Варваровкѣ Херсонской губерніи. Высочайше утвержденнымъ 29-го іюня прошлаго года постановленіемъ комитета министровъ срокъ дѣйствія введеннаго въ названныхъ мѣстностяхъ Положенія объ усиленной охранѣ продолженъ съ 4-го сентября 1901 г. еще на одинъ годъ и кромѣ того на тотъ же срокъ объявлены въ Положеніи объ усиленной охранѣ города Тифлисъ и Баку съ его уѣздомъ, Покровскій и Шуйскій уѣзды съ городомъ Иваново-Вознесенскомъ Владимірской губерніи, городъ Елисаветградъ, посадъ Воскресенскъ и мѣстечко Кривой

Рогъ Херсонской губерніи. Наконецъ, распоряженіемъ министра внутреннихъ дѣлъ 1 декабря прошлаго года дѣйствіе Положенія объ усиленной охранѣ распространено на слѣдующія новыя мѣстности: города Ригу, Юрьевъ, Минскъ, Могилевъ, Гомель, Двинскъ, Витебскъ, Бѣлостокъ, Нижній-Новгородъ, Казань, Томскъ, Ярославль, Саратовъ, Полтаву, Самару, Кишиневъ и на Виленскую губернію.

Въ виду такого распространенія дѣйствія Положенія объ усиленной охранѣ, считаемъ полезнымъ напомнить читателямъ сущность этого закона.

Право первоначальнаго объявленія какой-либо мѣстности въ положеніи усиленной охраны принадлежитъ министру внутреннихъ дѣлъ, а въ мѣстностяхъ, подвѣдомственныхъ генералъ-губернаторамъ, и симъ послѣднимъ, съ утвержденія министра (ст. 7-я). При объявленіи положенія усиленной охраны министръ немедленно доноситъ правительствующему сенату для распубликованія и вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ о принятой мѣрѣ и о поводахъ къ ней на Высочайшее благоусмотрѣніе черезъ комитетъ министровъ (ст. 8-я). Въ мѣстностяхъ, объявленныхъ въ Положеніи усиленной охраны, права и обязанности по охраненію государственнаго порядка и общественной безопасности возлагаются на генералъ-губернаторовъ, а въ губерніяхъ, имъ не подвѣдомственныхъ, — на губернаторовъ и градоначальниковъ (ст. 14-я). Упомянутымъ лицамъ предоставляется: 1) издавать обязательныя постановленія по предметамъ, относящимся къ предупрежденію нарушеній общественнаго порядка и государственной безопасности, какъ, напр., относительно обязанности владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ и ихъ управляющихъ по внутреннему наблюденію въ границахъ ихъ владѣнія, относительно способовъ сего наблюденія, порядка опредѣленія и смѣщенія лицъ, на которыхъ будутъ возложены владѣльцами упомянутыя обязанности, и т. п. и 2) устанавливать за нарушеніе таковыхъ обязательныхъ постановленій взысканія, не превышающія трехмѣсячнаго ареста или денежнаго штрафа въ 500 руб. (ст. 15-я). Тѣ же лица могутъ: разрѣшать въ административномъ порядкѣ дѣла о нарушеніяхъ изданныхъ ими обязательныхъ постановленій; воспрещать всякія народныя, и общественныя и даже частныя собранія; дѣлать распоряженія о закрытіи всякихъ вообще торговыхъ и промышленныхъ заведеній какъ срочно, такъ и на все время объявленнаго Положенія усиленной охраны, и воспрещать отдѣльнымъ личностямъ пребываніе въ мѣстностяхъ, объявленныхъ въ Положеніи усиленной охраны (ст. 16-я). Отдѣльныя дѣла о преступленіяхъ, общими уголовными законами предусмотрѣнныхъ, когда это будетъ признано необходимымъ въ видахъ огражденія общественнаго порядка и спокойствія, могутъ быть передаваемы по распоряженію генералъ-губернаторовъ, а въ губерніяхъ, имъ не подвѣдомственныхъ, министра внутреннихъ дѣлъ, на разсмотрѣніе военнаго суда для осужденія ихъ по законамъ военнаго времени; тѣ же лица могутъ требовать разсмотрѣнія нѣкоторыхъ судебныхъ дѣлъ при закрытыхъ дверяхъ, и т. д. (ст. 17-я и сл.). Губернаторамъ и градоначальникамъ предоставляется требовать немедленнаго удаленія отъ должностей служащихъ не по выбору въ земскихъ и городскихъ учрежденіяхъ, которые будутъ признаны неблагонадежными (ст.

20-я). Мѣстнымъ начальникамъ полиціи, а также начальникамъ жандармскихъ управленій и ихъ помощникамъ предоставляется дѣлать распоряженіе: 1) о предварительномъ задержаніи, не долѣе однако двухъ недѣль, всѣхъ лицъ, внушающихъ основательное подозрѣніе въ совершеніи государственныхъ преступленій или въ прикосновенности къ нимъ, а равно въ принадлежности къ противозаконнымъ сообществамъ, и 2) о производствѣ во всякое время обысковъ во всѣхъ безъ исключенія помѣщеніяхъ, фабрикахъ, заводахъ и т. п. и о наложеніи ареста, впредь до распоряженія подлежащаго начальства, на преступность дѣйствій или намѣреній заподозрѣннаго лица. О всякомъ заарестованіи и освобожденіи отъ онаго чины полиціи и жандармскаго корпуса составляютъ немедленно надлежащее постановленіе, копію съ котораго сообщаютъ лицу прокурорскаго надзора, безотлагательно донося о заарестованіи мѣстному губернатору или градоначальнику, по письменному предложенію которыхъ срокъ предварительнаго ареста можетъ быть продолженъ до одного мѣсяца со дня задержанія (ст. 21-я и прим.). По истеченіи года со времени введенія Положенія усиленной охраны о продолженіи сихъ мѣръ, буде въ томъ окажется надобность, министръ внутреннихъ дѣлъ входитъ съ представленіемъ въ комитетъ министровъ (ст. 12-я), совершенное же прекращеніе исключительнаго положенія въ данной мѣстности влечетъ за собою немедленное возстановленіе полной силы дѣйствующихъ въ обыкновенное время законовъ и отмѣну всѣхъ временныхъ постановленій, принятыхъ въ виду сего Положенія (ст. 13-я).

Какъ примѣръ практическаго примѣненія правилъ объ усиленной охранѣ, отмѣтимъ опубликованное въ прошломъ мѣсяцѣ въ «Вѣдомостяхъ Петербургск. Градоначальства» извлеченіе изъ обязательныхъ постановленій, изданныхъ петербургскимъ градоначальникомъ на основаніи ст. 16-й Полож. о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и спокойствія и инструкціи для дежурныхъ дворниковъ. «Дежурные дворники не могутъ выставлять къ воротамъ ни табуретокъ, ни скамеекъ; они должны наблюдать за тѣмъ, чтобы ворота въ ночное время съ 11 часовъ были заперты; обязаны слѣдить, чтобы не было наклеено никакихъ объявленій, афишъ и вообще ничего безъ представленія надлежащаго на то разрѣшенія, а въ ночное время и вовсе не должны разрѣшать подобную расклейку; они обязаны наблюдать, чтобы не было подбрасываемо какихъ-либо предметовъ, задерживать и представлять въ полицію лицъ, замѣченныхъ въ совершеніи указанныхъ поступковъ или заподозрѣнныхъ въ намѣреніи совершить таковые; должны бдительно оберегать дома отъ пожаровъ, слѣдить за всѣми лицами, входящими и выходящими, и въ случаѣ появленія незнакомыхъ лицъ освѣдомляться, куда и зачѣмъ они идутъ, и сообщать полиціи о тѣхъ, которыя возбудятъ подозрѣнія; наблюдать, чтобы въ домахъ не было сборищъ подозрительныхъ людей и о всѣхъ таковыхъ сборищахъ немедленно предупреждать полицію; дежурные дворники обязаны оказывать законное содѣйствіе всѣмъ частнымъ лицамъ, обращающимся къ нимъ за помощью, и должны безпрекословно исполнять всѣ требованія полиціи».

— Настойчиво осуществляемое въ Пруссіи онѣмечиваніе польскаго населенія не одинъ разъ вызывало вспышки, которыя отражались затѣмъ во всѣхъ

польскихъ земляхъ. Недавно на этой почвѣ въ Познани имѣлъ мѣсто новый инцидентъ, который вызвалъ цѣлый рядъ польскихъ манифестацій какъ въ самой Пруссіи, такъ и въ Австріи, давъ отголосокъ и въ центрѣ русской Польши, въ Варшавѣ. Въ краткихъ словахъ сущность событія, вызвавшаго новую вспышку національнаго негодованія противъ нѣмцевъ, заключается въ слѣдующемъ. Однимъ изъ средствъ, употребляемыхъ въ Пруссіи для онѣмеченія польскаго населенія, является обязательное преподаваніе въ школахъ на нѣмецкомъ языкѣ всѣхъ предметовъ, не исключая и закона Божія. Случилось, что въ городкѣ Врешинѣ польскія дѣти стали отказываться отвѣчать на урокахъ закона Божія иначе, какъ на польскомъ языкѣ. Маленькіе демонстранты подвергнуты были школьнымъ начальствомъ тѣлесному наказанію, что вызвало въ родителяхъ учащихся страшное раздраженіе, выразившееся въ формѣ рѣзкой манифестаціи. Въ результатѣ—судъ, которымъ нѣсколько отцовъ и матерей приговорено къ тяжелому тюремному заключенію.

Теперь въ «Правительств. Вѣстникѣ» мы читаемъ такое сообщеніе: «21-го ноября въ Варшавѣ, въ 12 час. дня, на Іерусалимской аллеѣ, наполненной гуляющими, появились небольшія группы, отъ 6-ти до 10-ти человѣкъ молодыхъ людей, преимущественно учащейся молодежи, шедшихъ изъ Новаго Свѣта по направленію къ Маршальской улицѣ. Противъ дома, занимаемаго германскимъ генеральнымъ консульствомъ, группы эти весьма быстро соединились и образовали толпу отъ 60-ти до 80-ти человѣкъ, изъ среды которой полетѣли камни, палки и другіе предметы въ окна нижняго этажа дома, гдѣ помѣщалась канцелярія консульства, а также въ два верхнихъ окна квартиры консула. Одновременно съ этимъ висѣвшій на стѣнѣ дома консульскій щитъ и вывѣска съ гербомъ были сорваны, изломаны въ куски и брошены на середину улицы. Все описанное буйство, сопровождавшееся криками и свистомъ, продолжалось весьма короткое время, а принятыми безотлагательно мѣрами порядокъ былъ возстановленъ и часть демонстрантовъ арестована. По распоряженію генералъ-губернатора, къ виновнымъ въ числѣ 21-го человѣка примѣнено обязательное постановленіе варшавскаго генералъ-губернатора отъ 12-го января 1901 года относительно воспрещенія сходокъ и собраній народа на улицахъ, площадяхъ и общественныхъ мѣстахъ для совѣщанія и дѣйствій, противныхъ общественному порядку и спокойствію, причемъ подвергнуты наказанію арестомъ на сроки отъ 2-хъ недѣль до 3-хъ мѣсяцевъ: 9 студентовъ варшавскаго университета, 3 студента политехническаги института, 4 воспитанника частныхъ учебныхъ заведеній и 5 лицъ разнаго званія. Въ день демонстраціи генералъ-губернаторъ выразилъ пріѣхавшему къ нему германскому консулу сожалѣніе о случившемся и на другой день сдѣлалъ консулу оффиціальный визитъ. 27-го ноября на помѣщеніи германскаго консульства возстановлена вывѣска съ германскимъ гербомъ».

Н. И. Наумовъ (некрологъ). 9-го декабря въ Томскѣ скончался пользовавшійся въ свое время большой популярностью беллетристъ-народникъ Николай Ивановичъ Наумовъ.

Николай Ивановичъ родился 16-го мая 1838 г. въ Тобольскѣ, въ семьѣ мѣстнаго губернскаго чиновника. Рано оставшись сиротой послѣ смерти матери, онъ провелъ одинокое дѣтство, безъ ласки и безъ присмотра. Отданный въ Томскую гимназію, онъ долженъ былъ вскорѣ же оставить ее вслѣдствіе разстройства дѣлъ отца и поступить въ военную службу юнкеромъ. Въ 1860 году онъ попалъ въ полосу новыхъ вѣяній, охватившихъ тогда русское общество, бросилъ военную службу и, кое-какъ добравшись до Потербурга, поступилъ вольнымъ слушателемъ въ университетъ, готовясь въ то же время къ сдачѣ гимназическаго экзамена. Но это не удалось ему: въ 1861 г. онъ былъ арестованъ за участіе въ студенческихъ безпорядкахъ, и этимъ закончились его ученическіе годы. Затѣмъ Н. И. служилъ въ военномъ министерствѣ, комиссаромъ по крестьянскимъ дѣламъ въ Сибири и, наконецъ, завѣдующимъ поземельною частью и устройствомъ крестьянъ по министерству Императорскаго Двора. Таковы внѣшніе этапы его исполненной лишеній жизни, которую онъ закончилъ въ тяжелой нуждѣ, разбитый параличемъ.

На литературное поприще Н. И. выступилъ въ 1858 г. разсказомъ изъ солдатской жизни, къ изображенію которой онъ не разъ возвращался и впослѣдствіи. Литературную извѣстность онъ пріобрѣлъ значительно позже, въ 70-ые годы, когда цѣлый рядъ его разсказовъ изъ народной жизни сталъ появляться въ лучшихъ журналахъ того времени: въ «Отеч. Запискахъ», въ «Дѣлѣ» и др. Знакомый непосредственно съ народнымъ бытомъ, Наумовъ явился бытописателемъ преимущественно сибирскаго крестьянства, которое онъ идеализировалъ, не жалѣя красокъ и противопоставляя ему враговъ народа—міроѣдовъ, которые, въ свою очередь, подъ перомъ Наумова представляются олицетвореніемъ всякаго грѣха и порока. Несмотря на тенденціозность, часто усиленно подчеркиваемую, многія произведенія Наумова тѣмъ не менѣе представляютъ и сейчасъ крупную литературную цѣнность, обнаруживая тонкую наблюдательность автора и богатое знаніе народной жизни.

Изъ отдѣльныхъ изданій разсказовъ Н. И. Наумова отмѣтимъ: «Сила солому ломитъ» (Спб. 1874 г.), «Въ тихомъ омутѣ» (1881 г.), «Въ забытомъ краю» (1882 г.), «Паутина» (1888 г.) и др. *).

Общество вспоможенія окончившимъ высшіе женскіе курсы.

Среди массы разнообразныхъ обществъ въ Петербургѣ существуетъ, между прочимъ, одно общество, о которомъ мало кто знаетъ, не знаютъ даже тѣ, кому ближе всѣхъ было бы знать. Въ печати о немъ почти не упоминалось, а если и упоминалось, то въ такомъ видѣ, что объ этомъ можно только пожалѣть. Къ этому, впрочемъ, намъ придется еще вернуться. Мы говоримъ объ обществѣ вспоможенія окончившимъ высшіе женскіе курсы, основанномъ въ 1893 году.

*) По поводу выхода полнаго собранія сочиненій Наумова, см. «Критическія Замѣтки», 1897 г., февр.

Цѣль этого общества чисто товарищеская, поэтому оно не имѣетъ въ сущности особыхъ правъ на постороннее вниманіе. Средства его складываются почти исключительно изъ членскихъ взносовъ и отчасти изъ доходовъ съ организуемыхъ имъ лекцій. Къ другимъ источникамъ доходовъ, которыми обыкновенно пополняютъ свои кассы разныя благотворительныя общества, оно до сихъ поръ еще не прибѣгало: оно не устраивало ни вечеровъ, ни концертовъ, ни спектаклей и т. п., предпочитая существовать собственными силами и помощью лицъ, такъ или иначе ближе съ нимъ связанныхъ.

Къ сожалѣнію, этихъ источниковъ дохода часто оказывается недостаточно. Далеко не всѣ оканчивающія высшіе женскіе курсы—его естественные члены—вступаютъ въ него, и средства его болѣе чѣмъ ограничены. Общее число окончившихъ высшіе женскіе курсы составляетъ въ настоящее время 1.867 чел., число же членовъ общества равняется всего 418, т.-е. членами общества состоитъ около 22% изъ числа всѣхъ окончившихъ. Естественно, что при такомъ небольшомъ количествѣ членовъ средства общества должны быть ограничены, тѣмъ болѣе, что, повторяемъ, членскіе взносы составляютъ основную статью его дохода. Если мы заглянемъ въ его отчетъ хотя бы за предыдущій 1900 г., то увидимъ, что весь приходъ за этотъ годъ равняется 2.657 р. 60 к. Изъ этой суммы, 1.148 р. дали членскіе взносы, 572 р. 15 к. сборъ съ лекцій, остальная сумма распредѣлилась между болѣе мелкими статьями дохода. Съ 1895 года общая сумма капиталовъ общества возросла почти вдвое: на второй годъ своего существованія оно имѣло 3.391 р. 81 к., теперь—6.056 р. 14 к., но ежегодный приходъ его попрежнему невеликъ и почти весь идетъ на пособія нуждающимся членамъ. Такъ изъ 1.859 р., составлявшихъ въ 1900 г. весь расходъ общества, 1.602 р. пошло на выдачу пособій.

А между тѣмъ, потребности, которымъ оно должно удовлетворять, все растутъ. Число оканчивающихъ курсы увеличивается, увеличиваются, конечно, и случаи, когда имъ необходима товарищеская помощь. Надо сказать, что оканчивающія высшіе женскіе курсы въ отношеніи обезпеченія находятся до нѣкоторой степени въ исключительномъ положеніи. Курсы не даютъ имъ пока никакихъ оффиціальныхъ правъ. Ни на какія казенныя мѣста, дающія все же нѣкоторую увѣренность въ завтрашнемъ днѣ, онѣ не имѣютъ преимущественныхъ шансовъ, сравнительно рѣдко онѣ и получаютъ ихъ. Громадному большинству изъ нихъ приходится существовать разными случайными заработками, переводами, частными уроками, въ лучшемъ случаѣ уроками въ частныхъ гимназіяхъ. Всѣ эти заработки, довольно непрочные и въ настоящемъ, въ будущемъ не даютъ никакого обезпеченія. Проработавъ тяжелымъ трудомъ всю жизнь, въ случаѣ болѣзни или подъ старость онѣ оказываются абсолютно безъ всякихъ средствъ къ существованію, ни пенсій, ни временныхъ пособій имъ ждать неоткуда. Единственная корпорація, съ которою онѣ связаны и которая можетъ и должна оказывать имъ помощь, это—общество ихъ сотоварищей по университетскимъ годамъ. И до сихъ поръ это общество имѣло возможность никому не отказывать ни въ случаяхъ временныхъ затрудненій, ни въ случаяхъ полной невозможности работать. Не надо забывать, что высшіе женскіе курсы,

извѣстные сперва подъ именемъ Бестужевскихъ курсовъ, существуютъ еще съ 1878 г., такъ что, въ силу естественнаго хода вещей, они дали уже не мало инвалидовъ труда, которые имѣютъ и настоятельную нужду, и неотъемлемое право на поддержку своихъ бывшихъ товарищей. На помощь такимъ уже неспособнымъ къ труду товарищамъ общество тратитъ большую часть своихъ небольшихъ средствъ. Бываютъ, однако, случаи, гдѣ его помощь, если не болѣе нужна, то, во всякомъ случаѣ, болѣе продуктивна. Это тѣ случаи, когда оно можетъ протянуть руку человѣку, только временно находящемуся въ затрудненіи, который можетъ снова стать на ноги, или даже человѣку, добивающемуся встать въ болѣе прочное положеніе, получить какое-нибудь спеціальное образованіе и т. п. Пока у общества была малѣйшая возможность, оно старалось не дѣлать выбора и оказывать помощь вездѣ, гдѣ она нужна. Но въ настоящее время, когда потребность въ помощи все увеличивается, а средства общества не возрастаютъ, оно бываетъ иногда поставлено въ необходимость выбирать и отказывать тамъ, гдѣ бы ему больше всего хотѣлось помочь, чтобы не дать погибнуть тѣмъ изъ своихъ товарищей, которымъ безъ его помощи пришлось бы въ самомъ буквальномъ смыслѣ слова голодать. Мы не говоримъ уже о томъ, что, вслѣдствіе своихъ скудныхъ средствъ, оно лишено возможности предпринять что нибудь-болѣе, прочное и дѣйствительное, чѣмъ оказаніе денежной помощи—устройство общежитія для своихъ нуждающихся членовъ, организацію на болѣе широкихъ началахъ существующаго при немъ Бюро для пріисканія занятій и т. п. Для своей правильной постановки это бюро требуетъ во что бы то ни стало нѣкоторыхъ затратъ, а между тѣмъ, общество не рѣшается ассигновать ему ихъ, боясь урѣзывать свой и безъ того не крупный фондъ для выдачи пособій. Такое бюро, какъ само собою понятно, не менѣе необходимо, чѣмъ выдача пособій. Во многихъ случаяхъ оно можетъ замѣнить въ болѣе дѣйствитесьной и болѣе пріятной для обѣихъ сторонъ формѣ денежную помощь.

Грустно видѣть, что такое общество хотя, и не крупное по своимъ задачамъ, но совершенно необходимое для района своихъ дѣйствій, не можетъ изъза недостатка средствъ ни развить нѣсколько шире свою дѣятельность, ни даже встать на совершенно прочную почву.

Впрочемъ, относительно необходимости подобнаго общества товарищеской взаимопомощи могутъ, повидимому, существовать разныя мнѣнія. Года два тому назадъ г-жа Безобразова, напримѣръ, заявляла въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», что она не можетъ понять смысла существованія общества взаимопомощи окончившимъ высшіе женскіе курсы. Для чего же и учиться,—таковъ былъ смыслъ ея разсужденій,—если, въ концѣ концовъ, приходится обращаться за помощью. Окончившія высшіе женскіе курсы должны умѣть сами зарабатывать себѣ существованіе, а не надѣяться на благотворительность. Не говоря уже о томъ, что въ упомянутомъ обществѣ дѣло идетъ не о благотвореніи, а о взаимопомощи, на что своевременно справедливо указывала въ своемъ возраженіи г жа Балобанова и о чемъ никакъ нельзя забывать,—мы не можемъ не отмѣтить, что подобныя разсужденія напоминаютъ намъ нѣсколько разглагольствованія нашей ретроградной прессы по поводу помощи нуждающемуся населенію. «Мужикъ долженъ

самъ работать,—заявляютъ обыкновенно эти поборники труда,—помощь только развращаетъ его, отучая отъ производительной работы». Можно подумать, что помощь эта течетъ въ такомъ изобиліи, что отъ нея дѣваться некуда, и что обращаться за ней удивительно какъ легко и пріятно. Разсуждать подобнымъ образомъ можетъ, конечно, только человѣкъ, никогда не работавшій и никогда не нуждавшійся. Всякій же, кто испыталъ и то, и другое, знаетъ, что просить помощи не только благотворительной, но даже и товарищеской, бываетъ далеко не легко, и знаетъ въ то же время, что никакое образованіе не можетъ предохранить человѣка отъ болѣзней и старости, когда ему больше всего необходима чьянибудь поддержка. Если волею судьбы у него нѣтъ близкихъ, могущихъ помочь ему, и если ни за какую «выслугу лѣтъ» ему не предстоитъ подъ старость никакой пенсіи, отъ кого же ему ожидать помощи, какъ не отъ своихъ товарищей?

Нельзя не пожелать поэтому, чтобы скромное общество вспоможенія окончившимъ высшія женскіе курсы вышло изъ своего затруднительнаго положенія и получило возможность не только продолжать, но и расширять свою дѣятельность.

Т. Богдановичъ.

Изъ русскихъ журналовъ.

У казаковъ. Вл. Г. Короленко продолжаетъ свои интересные очерки («Русское Богатство», ноябрь), вплетая, какъ и раньше, въ путевыя впечатлѣнія, широкую характеристику уральскаго казацкаго края. Набросавъ въ предыдущей части картину внѣшняго строя казацкой жизни, на этотъ разъ г. Короленко приступаетъ къ изображенію внутренняго содержанія этой жизни и вводитъ читателя въ своеобразный міръ духовныхъ, главнымъ образомъ религіозныхъ, интересовъ казачества. Какъ извѣстно, Уралъ тяготѣетъ къ старообрядчеству, и въ немъ гнѣздятся всевозможные раскольничьи толки, особенно многочисленной является характерная группа *никудышниковъ*, людей прямолинейныхъ, не мирящихся ни съ какими компромиссами и потому не ходящихъ *никуда*, гдѣ молитвы совершаютъ австрійскіе ли, единовѣрческіе или бѣглые священники. Несмотря на непримиримую вражду и распри, всѣ толки въ сущности стоятъ на одной общей всѣмъ основѣ—на признаніи непреложной формулы, которая обнимаетъ собою извѣстный рядъ догматовъ и обрядовъ, и внѣ которой нѣтъ спасенія. Въ то время, какъ нѣкоторые старообрядческіе толки всѣми правдами и неправдами установили у себя священство, никудышники отрицаютъ святость всѣхъ церквей и только тоскуютъ и мечтаютъ о благодати. На этой почвѣ возникла странная, суевѣрная фантазія, дающая тѣмъ не менѣе удовлетвореніе душамъ, алчущимъ и жаждущимъ благодати,—фантазія о томъ, что далеко за морями есть блаженное царство, въ которомъ процвѣтаетъ истинная, нетронутая вѣра, соединенная съ истиннымъ благочестіемъ; среди другихъ церквей, тамъ есть болѣе 40 русскихъ церквей. Страна эта называется Камбайскимъ царствомъ или Бѣловодіей. Проникнуть въ нее очень трудно, однако, смѣлые

люди—все-таки проникали и составили нѣсколько описаній. Изъ этихъ описаній или «маршрутовъ» особеннымъ распространеніемъ пользовался на Уралѣ маршрутъ инока Марка, яко-бы ходившаго въ Бѣловодію въ XVIII в. Маршрутъ этотъ ходилъ по рукамъ въ рукописныхъ спискахъ и разжигалъ въ уральцахъ желаніе проникнуть въ эту чудную страну. Въ 60-хъ годахъ однимъ казакомъ Шапошниковымъ была ассигнована значительная сумма денегъ на путешествіе и отправлены были три казака. Но проѣхавъ черезъ Малую Азію и добравшись до Остъ-Индіи, экспедиція эта не доѣхала до таинственной Бѣловодіи и вернулась ни съ чѣмъ назадъ. Черезъ нѣсколько времени по Уралу разнесся слухъ, что въ Пермской губерніи появился архіепископъ Аркадій, посвященный въ Бѣловодіи. Многіе раскольники приняли Аркадія съ умиленіемъ и вѣрою; казаки же послали депутата испытать его, и въ результатѣ допроса депутатъ получилъ убѣжденіе, что Аркадій—самозванецъ. Однако, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на Уралѣ Аркадій пользовался довѣріемъ и даже поставилъ двухъ поповъ и архимандрита. Наряду съ этимъ шли дальнѣйшія разоблаченія обмановъ Аркадія. Тѣмъ не менѣе этотъ дискредитированный архіерей оживилъ вновь интересъ къ загадочной Бѣловодіи, и казаки рѣшили послать новую депутацію въ Камбайское царство. Съ этой цѣлью были избраны три казака, на путевые расходы имъ было собрано 2.600 рублей, и 30-го мая 1898 года они сѣли на пароходъ, отплывавшій изъ Одессы въ Константинополь. Г. Короленко удалось познакомиться съ однимъ изъ этихъ путешественниковъ—Хохловымъ и получить отъ него рукописное описаніе этого удивительнаго путешествія. Г. Короленко и знакомитъ читателей съ выдержками изъ этого любопытнаго документа. Прибывъ въ Константинополь, казаки были больше всего заняты тѣмъ, чтобы выяснить нѣкоторые сомнительные пункты относительно епископа Амвросія. Извѣстно, что босносараевскій митрополитъ Амвросій былъ въ 40-хъ годахъ, по какимъ-то политическимъ причинамъ, отозванъ изъ своей епархіи (безъ лишенія сана) и проживалъ въ Константинополѣ. Старообрядцы воспользовались свободнымъ епископомъ, вступили съ нимъ въ переговоры,—и въ результатѣ Амвросій сталъ главою старообрядческой бѣлокриницкой іерархіи. Казаковъ особенно интересовалъ вопросъ, былъ ли Амвросій подъ запрещеніемъ, когда жилъ въ Константинополѣ безъ мѣста,—и они обратились къ патріарху съ бумагой, въ которой просили его разрѣшить ихъ недоумѣнія относительно Амвросія, изложивши ихъ въ шести вопросахъ: само собою разумѣется, что отвѣта казаки не дождались. При посѣщеніи одной церкви, казаки заинтересовались преданіемъ о томъ, какъ въ этомъ мѣстѣ при завоеваніи Константинополя турками «обжаренныя рыбы соскочили со сковороды въ воду». Въ этой церкви есть бассейнъ, къ которому подошли казаки. «Я наклонился,—записываетъ Хохловъ,—и сталъ смотрѣть въ родникъ.—Увидалъ одну рыбу, величиной вершка 3—4». Тѣ ли это самыя рыбки—онъ сказать не берется. О тѣхъ передаютъ, «что одна сторона у нихъ бѣлая, а другая обжаренная, темнокрасная». Въ Іерусалимѣ путники «съ безотчетнымъ благоговѣніемъ осматривали всѣ дѣйствительныя и мнимыя достопримѣчательности и святыни, не подозрѣвая, какая сѣть лжи и обмана раскинута теперь надъ Святой Землей. Они видѣли, между прочимъ,

«подлинный домъ» милосердаго самарянина и «ту самую смоковницу», на которой сидѣлъ Закхей (по счастливой случайности смоковница эта украшаетъ садъ современной гостинницы). Не видали только жены Лотовой, которой «въ настоящее время уже нѣтъ на томъ мѣстѣ, гдѣ она окаменѣла: «Ее уже давнымъ давно увезли англичане». Въ Суэзскомъ каналѣ вниманіе казаковъ было занято совершенно особеннымъ обстоятельствомъ. Едва-ли кто-нибудь изъ пассажировъ (французскаго) корабля, освѣщеннаго электричествомъ и далеко впереди себя кидавшаго снопы электрическаго свѣта, думалъ въ эти минуты о томъ, что нѣкогда въ этихъ мѣстахъ «Моисей-Боговидецъ перешелъ яко по суху съ израильскимъ народомъ». Думали объ этомъ одни наши путники. Имъ говорили раньше: «когда поѣдете Краснымъ моремъ, увидите фараоновъ. Выглазятъ изъ моря и кричатъ людямъ: «Скоро ли будетъ свѣту преставленіе?» Но они проѣхали Черное море изъ края въ край и нигдѣ водяныхъ фараоновъ не видѣли... Въ морѣ всплывали косяками лишь «адельфины, бѣжавшіе по обѣимъ сторонамъ за пароходомъ».. Можно подумать, что эти выдержки извлечены изъ какого-нибудь стариннаго «Хожденія по святымъ мѣстамъ». Дѣйствительно странное зрѣлище производили эти раскольники-начетчики, плывшіе на иностранномъ пароходѣ, не зная языка, въ поискахъ таинственной Бѣловодіи, «съ географическими свѣдѣніями, почерпнутыми изъ «маршрутовъ» миѳическаго инока Марка и загадочнаго архіепископа Аркадія, съ взглядами Четій-Миней и цвѣтниковъ, съ міросозерцаніемъ, допускающимъ существованіе живыхъ ожаренныхъ рыбъ, путешествій въ адъ и появленія фараоновъ... съ чувствами, напоминающими если не Одиссея, то во всякомъ случаѣ людей XV и XVI столѣтія...» Слѣдуя смутнымъ указаніямъ Аркадія, путники пріѣхали въ г. Коломбо на Цейлонѣ. Тамъ въ русскомъ консульствѣ они очень удивили всѣхъ своими разспросами о православномъ русскомъ царствѣ, съ церквами, патріархомъ и епископами. Получивъ разочаровывающій отвѣтъ, они, тѣмъ не менѣе, рѣшили продолжать поиски. Чѣмъ далѣе, тѣмъ все болѣе они съ грустью замѣчали, что указанія Аркадія и «маршрутовъ» не сходятся съ дѣйствительностью, но тѣмъ не менѣе достаточно было малѣйшаго признака святыхъ мѣстъ, чтобы зажечь въ путникахъ вновь и надежду, и вѣру. Такъ, поднимаясь къ городу Сайгону, здѣсь у самаго входа въ «Камбайское царство», они услыхали церковный звонъ, пришли въ радостное волненіе и заставили везти себя въ направленіи звона: оказалось, что звонъ исходилъ отъ французской церкви, осѣненной четырехконечнымъ латинскимъ крыжемъ»... «Въ дальнѣйшемъ пути одинъ еще разъ улыбнулась нашимъ искателямъ надежда. По выходѣ изъ Гонъ-Конга, они замѣтили, что цвѣтъ воды измѣнился: въ моряхъ вода синяя, но прозрачная. Тутъ же кругомъ на далекое разстояніе ихъ окружали бѣлыя, непрозрачныя волны. «Не эта ли самая мѣстность называется Бѣловодіей?—говорили казаки между собою. Такъ какъ вода здѣсь отъ прочихъ водъ совсѣмъ отличная?» И они опять принялись разспрашивать о древне-православныхъ народахъ и русскихъ церквахъ. Но отвѣтъ былъ все тотъ же. А вода бѣлая оттого, что сюда докатываетъ свои мутныя волны «великая рѣка Кіанга». Путники посѣтили еще Китай и Японію, но надежда найти Бѣловодію у нихъ давно

*

уже исчезла. «Положа руку на сердце,—заключаетъ авторъ,—каждый искренній человѣкъ признаетъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ искренней вѣрой, только покрытой слоемъ невѣжества... И нужны тутъ не враждебныя обличенія и преслѣдованія, а широкое просвѣщеніе и, главное, терпимость... Слушая, а впослѣдствіи и читая разсказы Г. Т. Хохлова, я не могъ отдѣлаться отъ назойливаго вопроса: почему эти искатели съ такимъ довѣріемъ и благодарностью относились къ словамъ партикулярныхъ русскихъ людей»—на сторонѣ. «И тотъ же Хохловъ, мужественный землепроходецъ, не боящійся даже близкой гибели въ морской пучинѣ,—съ такой подозрительной осторожностью и робостью подходилъ у себя дома къ человѣку, желавшему съ нимъ побесѣдовать хотя бы даже о вѣрѣ» (какъ это случилось съ самимъ г. Короленко)? Вступивъ въ предѣлы отечества, казаки «постепенно изъ смѣлыхъ искателей сказочнаго царства превращались въ обыкновенныхъ русскихъ людей «нижняго чина», со всѣми невыгодами своего непривилегированнаго положенія. Вскорѣ авторъ встрѣтился съ двумя казаками, участниками другой экспедиціи—къ бѣловодскому архіепископу Аркадію въ гор. Оханскъ, гдѣ онъ проживаетъ послѣ многихъ «судимостей», среди самой бѣдственной обстановки, безъ средствъ и безъ паствы. Казаки обратились къ нему за доказательствами подлинности его священнаго сана,—онъ отослалъ ихъ въ пермскій окружный судъ, гдѣ хранилась отобранная у него грамота. Они побывали въ Перми, въ Москвѣ и у сестры «епископа», разыскали подлинную грамоту «на сирійскомъ языкѣ», которую кто-то снялъ имъ на кальку, и отправились въ Петербургъ, въ поискахъ ученыхъ людей, которые могли бы разъяснить недоумѣнія и перевести сирійскую грамоту. Здѣсь ихъ направили къ епеціалисту академику С. Ѳ. Ольденбургу, который разсмотрѣлъ ихъ матеріалы и указалъ на несообразности въ географическихъ терминахъ бѣловодскихъ сказаній, затѣмъ разобравъ копію грамоты, онъ нашелъ, что это собраніе индусскихъ и арабскихъ начертаній, поставленныхъ рядомъ безъ всякаго смысла. Разсказывая объ интересующихъ казаковъ восточныхъ царствахъ, С. Ѳ. Ольденбургъ показалъ имъ, между прочимъ, статуэтку Майтреи, подаренную государю императору въ Японіи. Вначалѣ этотъ буддійскій святой, повидимому, не обратилъ на себя особеннаго вниманія депутатовъ. Но впослѣдствіи онъ все чаще сталъ возникать въ ихъ памяти.

— Видите,—говорили автору эти депутаты,—въ одной рукѣ держитъ вродѣ кулганчика (сосудъ), а другая изображаетъ какъ двуперстное сложеніе. И потомъ—для чего японцы поднесли ее православному царю?

Когда депутаты разсказали объ этомъ своимъ единовѣрцамъ, старики стали упрекать ихъ, что они не собрали точныхъ свѣдѣній о мѣстопребываніи этого Майтреи и о народахъ, имѣющихъ такое перстосложеніе въ японскомъ царствѣ. Воспользовавшись знакомствомъ съ г. Короленко, депутаты просили его добыть эти свѣдѣнія отъ С. Ѳ. Ольденбурга.

— Въ случаѣ чего... можно бы туда отправить людей,—говорили они.

Къ сожалѣнію, не имѣемъ возможности пересказать всѣхъ интересныхъ свѣдѣній и характерныхъ эпизодовъ, которыми полны очерки г. Короленко.

Воспоминанія Д. Ахшарумова. Въ «Вѣстникѣ Европы» (декабрь) напечатано окончаніе «Записокъ» петрашевца Ахшарумова. Какъ мы уже замѣтили раньше,—благодаря импульсивной натурѣ автора, благодаря глубокому и искреннему чувству, которымъ проникнуто его описаніе тюремной жизни, читатель живо входитъ въ то состояніе душевнаго смятенія, въ которомъ томится заключенный, и съ неостывающимъ интересомъ слѣдитъ за всѣми перипетіями его внутреннихъ волненій.

«Во время пребыванія моего въ этомъ же помѣщеніи (въ одномъ изъ равелиновъ Петропавловской крѣпости),—продолжаетъ свой разсказъ авторъ,—случилось одно происшествіе, сохранившееся у меня въ памяти. Присутствія сосѣдей моихъ, заключенныхъ, я не замѣчалъ вовсе, ни голоса, ни шаговъ по комнатѣ не слышно было, но вдругъ въ одинъ день, утромъ, я услыхалъ страшный, пронзительный крикъ во все горло. Такой раздирающій вопль могъ быть только отъ ужаснаго тѣлеснаго страданія или же отъ жестокой душевной боли,—это былъ крикъ отчаянія или крикъ галлюцинирующаго что-либо ужасное сумасшедшаго. Впродолженіе четверти часа или болѣе кричалъ мой сосѣдъ слѣва изо всѣхъ силъ... Пронзительный крикъ этотъ, возобновлявшійся съ перерывами нѣсколькихъ секундъ, и теперь, при воспоминаніи объ этомъ, звучитъ въ моихъ ушахъ!.. Вскорѣ услышалъ я хожденіе въ коридорѣ, суматоху, отворились двери этой кельи, и тамъ разговоры, плачъ, какая-то возня... и затѣмъ все затихло. Я бросился къ форткѣ съ величайшимъ любопытствомъ увѣрть этого страдальца, взятаго на руки служителями и вынесеннаго изъ его одиночнаго заключенія. И я увидѣлъ молодого человѣка небольшого роста, въ арестантскомъ халатѣ, съ длинными волосами, ведомаго подъ руки двумя служителями, при офицерѣ. Мгновенно увидѣлъ я его лицо; оно было маленькое, худое, блѣдное, съ выраженіемъ, казалось мнѣ, страшнаго утомленія... По плечамъ висѣли въ безпорядкѣ длинные волосы, и ноги его переступали медленно». Это былъ, по всей вѣроятности, Катеневъ, который былъ привлеченъ также по дѣлу Петрашевскаго и «по случаю умопомѣшательства не могъ быть судомъ спрошенъ»; власти постановили, впрочемъ, «чтобы вновь предать его военному суду, въ случаѣ выздоровленія». Съ наступленіемъ холодовъ, въ сентябрѣ (1849 г.), Ахшарумовъ былъ переведенъ въ другое помѣщеніе; это была просторная и свѣтлая, съ двумя окнами, комната, изъ оконъ открывался видъ на соборную площадь (передъ Петропавловскимъ соборомъ). «Въ этомъ просторномъ жилищѣ я былъ болѣе подвиженъ... я часто бѣгалъ, прыгая до усталости, скакалъ черезъ табуретку... То бѣгалъ я, то стоялъ у фортки, то, двигаясь медленно, говорилъ я громко, никѣмъ неслышимый, самъ съ собою, и такъ доживалъ до вечера... Вечера проводилъ я въ чтеніи книгъ, съ моимъ карандашомъ въ рукахъ (это былъ гвоздь, который авторъ отвертѣлъ отъ кровати и бережно хранилъ)». «Но для чего эти труды, для чего эта польза,—говорилъ я самъ себѣ,—человѣку, которому нѣтъ выхода никуда... Смертная казнь казалась мнѣ, утомленному, замученному тюремной жизнью, уже не столь ужасною, но я страшно боялся быть вновь присужденнымъ къ одиночному заключенію. Ссылка куда-либо въ каторгу была единственнымъ

желаннымъ мною исходомъ изъ этой нависшей надъ головою моею со всѣхъ сторонъ неизбѣжной грозы. Думая обо всемъ этомъ, я страдалъ и мучился жестоко и всею душою моею желалъ быть сосланнымъ въ каторгу. «Въ Сибирь, на каторгу!—говорилъ я.—Одно спасенье для меня, одна отрада! Когда-бъ скорѣй она пришла!» Все остальное казалось мнѣ ужаснымъ. По временамъ, думая такимъ образомъ, впадалъ я въ глубокое отчаяніе и, упадая на колѣна, восклицалъ: «Господи, вразуми меня!» Потомъ, опустившись на полъ, съ закинутой назадъ головой, хохоталъ неудержимымъ истерическимъ смѣхомъ и затѣмъ зѣвалъ до изнеможенія».

Однимъ изъ развлеченій заключеннаго было — стоять на окнѣ у форточки и всматриваться въ прохожихъ, стараясь между ними увидать кого-нибудь изъ родныхъ или знакомыхъ. Однажды наблюдая такимъ образомъ прохожихъ, онъ замѣтилъ въ углубленіи соборной стѣны двухъ дамъ, которыя, скрываясь отъ постороннихъ взоровъ, смотрѣли на окна казематовъ и дѣлали руками какіе-то знаки. Вскорѣ одна изъ нихъ отдѣлилась и прошла мимо камеры Ахшарумова, пристально вглядываясь въ его окно. «Варенька!—воскликнулъ я довольно громко, оживленный неожиданнымъ явленіемъ. — Это вы!..» Она смотрѣла на меня со взоромъ участія и удивленія и, покачавъ головой, въ знакъ предупрежденія быть осторожнымъ, исчезла...» Это была невѣста одного изъ товарищей Ахшарумова по заключенію. На слѣдующій день въ тотъ же часъ она опять прошла мимо оконъ крѣпости. Эти мимолетныя свиданія приводятъ въ большое возбужденіе Ахшарумова, и онъ дѣлаетъ попытку передать ей письмо: вырвавъ заглавный листъ одной изъ книгъ онъ нацарапалъ гвоздемъ письмо, свернулъ его въ маленькій пакетикъ и перевязалъ пучкомъ своихъ волосъ; затѣмъ помощью разныхъ знаковъ передалъ Варенькѣ, чтобы она подошла къ его окну въ сумерки. Все удалось какъ нельзя лучше: письмо было выброшено изъ форточки и подобрано Варенькой. Однако, сторожа замѣтили, что она что-то подняла, и послѣ ея ухода подошли къ окну съ фонаремъ и долго обшаривали сомнительное мѣсто. Это навело автора на тревожныя опасенія, не попало ли письмо въ руки тюремнаго начальства. Стоило запасть въ душу подозрѣнію, какъ на готовой нервной почвѣ немедленно стала работать фантазія—то автору представлялись всевозможныя грозныя послѣдствія его рискованнаго поступка; то ему чудилось письмо его въ комкахъ снѣга, разметанныхъ по сторонамъ дороги. Нужно было, чтобы въ это самое время напряженнаго ожиданія возмездія, въ камеру къ Ахшарумову вошелъ комендантъ съ двумя офицерами. «Ну что? здоровы?» спросилъ онъ оцѣпенѣвшаго отъ близкой расправы узника; затѣмъ освѣдомился, передали ли ему корзину съ фруктами отъ родныхъ. Это нарастаніе страха, поработившаго все существо заключеннаго и создававшаго грозные признаки изъ ничего,—очень ярко изображено Ахшарумовымъ. «Декабрь (послѣдній мѣсяцъ заключенія) былъ совершенно безцвѣтенъ и не былъ прерываемъ никакимъ освѣжающимъ впечатлѣніемъ... Я пропадалъ съ тоски и терялъ, казалось мнѣ, мои послѣднія жизненныя силы. И теперь, когда я вспоминаю это ужасное мое положеніе, и теперь кажется мнѣ, что безъ тяжкаго поврежденія или увѣчья на всю жизнь

въ моемъ мозговомъ органѣ я не могъ бы долѣе выносить одиночнаго заключенія. Томленіе, упадокъ духа были чрезвычайные; занятіе не развлекало меня. Я не могъ оживлять себя ничѣмъ, пересталъ говорить самъ съ собою, какъ-то машинально двигался по комнатѣ или лежалъ на кровати въ совершенной апатіи».

22-го декабря съ утра въ крѣпости поднялось какое-то движеніе, слышались разговоры, торопливые шаги служителей, видны были озабоченныя лица начальства. Черезъ нѣсколько времени показались кареты, одна за другой — цѣлый длинный рядъ; вслѣдъ за ними выступали эскадроны жандармовъ. Скоро въ камеру къ Ахшарумову вошелъ офицеръ со служителемъ, принесшимъ платье и теплые толстые чулки. Когда Ахшарумовъ одѣлся, его вывели изъ камеры и усадили въ карету; рядомъ сѣлъ солдатъ. «Мы двинулись, колеса заскрипѣли, катясь по глубокому, морозомъ стянутому снѣгу... На улицѣ шли прохожіе и, увидѣвъ нашъ странный поѣздъ, окруженный со всѣхъ сторонъ жандармами съ саблями наголо, останавливались... Ѣзда эта продолжалась минутъ тридцать... насъ привезли на Семеновскую площадь; она была покрыта свѣже выпавшимъ снѣгомъ и окружена войсками, стоявшими въ каре; на валу, вдали, стояли толпы народа и смотрѣли на насъ... Я подвинулся впередъ, и вмѣстѣ со мною солдатъ, сидѣвшій со мною въ каретѣ. При этомъ я увидѣлъ, что мы стоимъ въ глубокомъ снѣгу, и почувствовалъ, что мнѣ холодно. Мы были взяты 22-го апрѣля въ весеннихъ платьяхъ и такъ въ нихъ и вывезены 22-го декабря на площадь. Направившись впередъ по снѣгу, я увидѣлъ, налѣво отъ себя, среди площади, воздвигнутую постройку-подмостки квадратной формы, величиною въ нѣсколько саженей, со входною лѣстницею, и все обтянуто было чернымъ трауромъ; это — эшафотъ. Тутъ же замѣтилъ я группу товарищей, столпившихся вмѣстѣ, протягивающихъ другъ другу руки и привѣтствующихъ другъ друга послѣ злополучной разлуки. Когда я взглянулъ на лица ихъ, то былъ пораженъ страшною перемѣною; тамъ стояли Петрашевскій, Львовъ, Филипповъ, Спѣшневъ и нѣкоторые другіе, — лица ихъ были худыя, блѣдныя, вытянутыя, у нѣкоторыхъ—обросшія бородой и волосами... Вдругъ всѣ наши привѣтствія и разговоры прерваны были громкой командой генерала, какъ видно, распоряжавшагося всѣмъ:

«— Становите ихъ!—закричалъ онъ.

«Тогда явился какой-то чиновникъ со спискомъ въ рукѣ и, читая, сталъ вызывать насъ каждаго по фамиліи; всѣхъ было насъ двадцать три человѣка Послѣ того явился передъ нами священникъ и, ставъ впереди насъ, сказалъ:

«— Сегодня вы услышите справедливое рѣшеніе вашего дѣла,—послѣдуйте за мною!

«Насъ повели на эшафотъ, но не прямо на него, а обходомъ вдоль рядовъ воткнутыхъ въ каре... Вскорѣ вниманіе наше обращено было на сѣрые столбы, врытые съ одной стороны эшафота; ихъ было, сколько мнѣ помнится, очень много». Когда осужденные вошли на эшафотъ, ихъ разставили въ два ряда, и чиновникъ въ мундирѣ, подходя по очереди къ каждому, читалъ изложеніе его вины. Къ обвиненію Ахшарумова главнымъ пунктомъ выставлялись его слова, произнесенныя на обѣдѣ въ память Фурье «о разрушеніи столицъ и городовъ».

По окончаніи чтенія былъ объявленъ приговоръ въ слѣдующихъ словахъ: «Полевой уголовный судъ приговорилъ всѣхъ къ смертной казни разстрѣляніемъ, и 19-го сего декабря Государь Императоръ собственноручно написалъ: «Быть по сему!» «Мы всѣ стояли пораженные; чиновникъ сошелъ съ эшафота. Затѣмъ намъ поданы были бѣлые балахоны и колпаки—саваны, и солдаты, стоявшіе сзади, одѣли насъ въ предсмертное одѣяніе». Вслѣдъ затѣмъ вошелъ на эшафотъ священникъ съ крестомъ и евангеліемъ и увѣщевалъ покаяться передъ смертью; на его призывъ къ исповѣди отозвался одинъ Тимковскій, всѣ остальные только приложились къ кресту. Когда священникъ ушелъ, «сейчасъ же вошли нѣсколько человѣкъ солдатъ и, подойдя къ Петрашевскому, Спѣшневу и Момбели, взяли ихъ и свели съ эшафота; они подвели ихъ къ сѣрымъ столбамъ и стали привязывать, каждаго къ отдѣльному столбу веревками. Разговоровъ при этомъ не было слышно, осужденные не оказывали ни какого сопротивленія. Имъ затянули руки позади столбовъ и затѣмъ поясомъ завязали веревки. Потомъ слышно было приказаніе: «Колпаки надвинуть на глаза!» послѣ чего колпаки опущены были на лица привязанныхъ товарищей нашихъ. Раздалась команда, и всѣдъ затѣмъ группа солдатъ направила ружья къ прицѣлу на Петрашевскаго, Спѣшнева и Момбели.

«Моментъ этотъ былъ поистинѣ ужасенъ! Видѣть приготовленія къ казни, видѣть уже наставленные въ упоръ на нихъ ружейные стволы и ожидать выстрѣла—было ужасно: сердце замерло въ ожиданіи, и страшный моментъ этотъ продолжался съ полминуты...» Вдругъ послышался барабанный бой, прицѣленныя ружья были моментально подняты къ верху, подъѣхалъ чиновникъ съ бумагой, въ которой отмѣнялась смертная казнь и назначались другія наказанія. Привязанныхъ къ столбамъ отвязали, со всѣхъ сняли саваны, и палачи, одѣтые въ цвѣтные кафтаны, совершили обрядъ преломленія шпагъ надъ головами тѣхъ которые были приговорены къ ссылкѣ въ Сибирь. Петрашевскаго, приговореннаго къ вѣчной каторгѣ, тутъ же на эшафотѣ заковали въ кандалы и прямо съ площади отправили въ Сибирь, остальныхъ вернули на время въ крѣпость и обѣщали разрѣшить свиданіе съ родными передъ отправленіемъ въ мѣста ссылки.

Новыя теченія въ современной литературѣ. Подъ этимъ заманчивымъ заглавіемъ напечатана въ «Русской Мысли» (ноябрь) статья г. Скабичевскаго. Характеристикѣ новыхъ вѣяній, однако, авторъ отводитъ очень немного мѣста, посвящая свою статью, главнымъ образомъ, общей схемѣ послѣдовательно смѣнявшихъ другъ друга литературныхъ направленій въ теченіе XVIII и XIX вѣковъ.

Въ исторіи каждой литературной школы, по мнѣнію г. Скабичевскаго неизмѣнно повторяется одно и то же явленіе. Обыкновенно новое литературное направленіе завоевываетъ себѣ положеніе путемъ борьбы со старымъ, оно возникаетъ, какъ реакція стѣснительнымъ омертвѣвшимъ правиламъ прежней литературной школы и провозглашаетъ прежде всего эмансипацію искусства отъ всѣхъ старыхъ путъ и цѣпей, выставляя на своемъ знамени «свободу творчества». Но, конечно, свобода творчества должна пониматься условно: это есть свобода лишь отъ стѣсненій, наложенныхъ прежней литературной теоріей. Въ

свою очередь новая школа тоже создаетъ свой кодексъ правилъ и пріемовъ и чѣмъ далѣе, тѣмъ становится нетерпимѣе, ограничивая и связывая всякое свободное дарованіе; параллельно съ этимъ литературныя правила въ рукахъ мелкихъ представителей направленія все болѣе грубѣютъ, опошляются и, въ концѣ концовъ, вырождаются въ безжизненную литературную манеру. Очевидно, наступаетъ время, когда чувствуется потребность въ новомъ, освѣжающемъ теченіи, въ замѣнѣ истрепанныхъ, обветшалыхъ формъ — другими, возникаетъ новая школа и повторяетъ весь путь предыдущей. Такъ, ложный классицизмъ съ его чуждой современной жизни эстетической теоріей, съ прославленіемъ лишь геройскихъ доблестей и воспѣваніемъ только королей и принцевъ, лежалъ тяжкимъ гнетомъ на художественномъ творчествѣ. Освободительную роль, во имя приближенія къ дѣйствительной жизни, взяли на себя двѣ литературныя школы — сентиментализмъ и романтизмъ. При этомъ нужно замѣтить еще, что при насильственномъ стѣсненіи и подавленіи естественныхъ потребностей и стремленій, освобожденіе часто является стихійнымъ и необузданнымъ движеніемъ въ противоположную сторону; при увлеченіи борьбой подвергается гоненію въ старомъ направленіи многое такое, что можно считать или безразличнымъ, или даже положительнымъ. Такъ, въ противоположность строгой дисциплинѣ творчества, установленной ложно-классической теоріей, романтизмъ провозгласилъ полную анархію его, свободу отъ всѣхъ предписаній; въ результатѣ появились безформенныя произведенія, которыя нельзя было подвести ни подъ какой родъ и видъ поэзіи. Вмѣсто риторической декламаціи, служившей для выраженія чувствъ въ ложно-классической трагедіи,—сентиментализмъ наводнилъ литературу слезами и чувствительностью. Далѣе, въ противовѣсъ классической древности, выставлены были средніе вѣка, народная поэзія и рыцарство; но наряду съ этимъ проникли въ литературу и темныя стороны средневѣковья—мистицизмъ, аскетизмъ и страсть къ чудесному. Само собой разумѣется, что всѣ эти черты дѣлали искусство натянутымъ, фальшивымъ, и, значитъ, школы эти заключали въ себѣ элементъ вырожденія и смерти. Оппозиціоннымъ направленіемъ, укрѣпившимся на развалинахъ романтизма, былъ натурализмъ. Эта школа дала много великихъ именъ и безсмертныхъ произведеній, но, тѣмъ не менѣе, и она не избѣгла своихъ увлеченій и односторонностей, стѣсняющихъ творчество и угрожающихъ ей смертью.

Нельзя сказать, чтобы характеристика этихъ «увлеченій и односторонностей» отличалась ясностью и правильностью въ этой вообще неясной статьѣ г. Скабичевскаго. Эстетическая доктрина натурализма, по утвержденію г. Скабичевскаго, въ своихъ взглядахъ на пріемы и цѣли искусства слишкомъ близко подошла къ наукѣ. Художественное творчество изучаетъ человѣческую жизнь, восходя отъ частнаго къ общему, поэтому предметомъ литературнаго изображенія должно быть только общее, ординарное, типичное,—все частное, случайное, индивидуальное, по мнѣнію г. Скабичевскаго, отметается натурализмомъ, какъ нехарактерное. Устремляя поэтическое творчество на путь широкихъ обобщеній, натуралистическая школа въ то же время занимается описаніемъ мельчайшихъ подробностей обстановки. Далѣе, такъ какъ цѣли искусства и науки тожественны, и беллетристъ, подобно анатому, изслѣ-

дуетъ внутреннія пружины человѣческой жизни, то поэтому творчество должно быть строго объективно, художникъ является холоднымъ и безпристрастнымъ протоколистомъ. Такъ, мало-по-малу живое направленіе, по мнѣнію г. Скабичевскаго, окостенѣло въ неподвижныхъ формальныхъ правилахъ и гнетомъ узкаго деспотизма тяготѣетъ надъ творчествомъ.

Далѣе авторъ указываетъ на появленіе реакціи противъ натурализма и на цѣлый рядъ новыхъ ростковъ, которые расшатываютъ господствующую школу и предвѣщаютъ зарожденіе новаго литературнаго направленія. Что же въ натурализмѣ особенно вызываетъ неудовлетворенность? «Повидимому,—говоритъ г. Скабичевскій,—самой публикѣ успѣла пріѣсться протокольная сухость натуралистической прозы и она съ жадностью набрасывается на изображенія всего поэтическаго и вмѣстѣ съ тѣмъ экстраординарнаго, лишь бы только изображенія эти были въ мѣру художественны и не впадали въ уродство тѣхъ преувеличеній, какими грѣшатъ декаденты». Во имя всего своеобразнаго, рѣдкаго, индивидуальнаго, что не поддается учету съ точки зрѣнія натуралистической теоріи, и поднялась оппозиція господствующей школѣ. Одними изъ первыхъ протестантовъ противъ натурализма были декаденты; но такъ какъ ихъ теорія состоитъ изъ однихъ отрицательныхъ положеній и не даетъ ничего положительнаго, то, конечно, они безсильны стать на мѣсто натурализма. Здоровое зерно новаго теченія у насъ заключается въ дѣятельности молодыхъ беллетристовъ—Гаршина, Надсона, Короленко, Чехова и Горькаго. Такимъ образомъ, эти писатели наравнѣ съ декадентами стоятъ въ рядахъ оппозиціи натурализма и подготовляютъ его гибель. «Первое, что поражаетъ въ произведеніяхъ Гаршина, — это полное отсутствіе бытовой детальности... Главное вниманіе всюду обращено у него на психологію героевъ, на ихъ внутренній міръ, въ особенности на тѣ гамлетовскія рефлексіи, которыми преисполнены наиболѣе симпатичные изъ нихъ». Сюжеты его произведеній поражаютъ эксцентрическою трагичностью; наконецъ, есть у него вещи, которыя всецѣло принадлежатъ къ символистической поэзіи. Надсона, какъ и Гаршина, можно назвать *поэтомъ настроеній*. Лучшія изъ произведеній Короленко («Сонъ Макара», «Въ дурномъ обществѣ», «Лѣсъ шумитъ», «Слѣпой музыкантъ») очаровываютъ поэтическою экстраординарностью своихъ образовъ, далекою отъ всего обыденнаго и повседневнаго. Чеховъ отступаетъ отъ кодекса натурализма крайнею конкретностью изображенія. Онъ воспроизводитъ не какія-нибудь обобщенія, а поразившіе его *факты*. У Горькаго мы встрѣчаемъ еще болѣе рѣзкія отступленія отъ теоріи натурализма. Онъ представляетъ изъ себя явленіе совершенно своеобразное, имѣющее очень мало точекъ соприкосновенія съ привычными намъ литературными традиціями. «Что такое представляетъ собою это новое,—заканчиваетъ критикъ,—мы не въ состояніи еще отвѣтить категорически, такъ какъ оно не успѣло еще ни опредѣлиться, ни получить своей клички. Мы можемъ лишь формулировать его отрицательно: это не будетъ ни натурализмъ, ни декадентство. А что оно стучится въ наши двери, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія».

За границей.

Присужденіе премій Нобеля. Въ Христіаніи, 10-го декабря н. ст., состоялось выдающееся торжество—раздача премій, учрежденныхъ покойнымъ изобрѣтателемъ динамита Нобелемъ. Какъ уже извѣстно нашимъ читателямъ, Альфредъ Нобель оставилъ послѣ себя состояніе въ 55 милліоновъ и завѣщалъ выдавать ежегодно изъ процентовъ этой суммы пять премій. Первая, согласно завѣщанію Нобеля, должна быть выдана тому, кто сдѣлалъ важнѣйшія открытія въ области физическихъ наукъ, вторая—за такія же открытія или изслѣдованія въ области химіи, третья—за открытіе въ области медицины или физіологіи, четвертая премія должна быть передана въ область литературы и присуждена тому, чьи произведенія лучше всего отвѣчаютъ духу идеализма, пятая относится уже къ области политики и должна была достаться тому, кто больше всего потрудился въ пользу укрѣпленія идеи братства народовъ и всеобщаго мира, уменьшенія вооруженій и сокращенія войска. Всѣ преміи, по волѣ завѣщателя, должны носить международный характеръ и никакія соображенія относительно національности не должны при этомъ приниматься въ разсчетъ. Несмотря однако, на свое желаніе придать своимъ преміямъ такой международный характеръ, Нобель нѣсколько отступилъ отъ своего принципа, присвоивъ право представленія кандидатовъ лишь тремъ академіямъ наукъ, шведской, французской и испанской (самъ никто не имѣетъ права предлагать себя), назначеніе же премій предоставляется: шведской академіи наукъ (премія по физикѣ и физіологіи) и литературную премію должна назначить опять-таки шведская академія наукъ, что касается преміи мира, то для присужденія ея должно быть назначено жюри изъ пяти человѣкъ, избранныхъ норвежскими старшинами (парламентомъ).

Первое присужденіе премій, которое должно было состояться въ этомъ году, въ декабрѣ, естественно возбуждало много толковъ въ европейской печати. Строились всевозможныя догадки и предположенія, но имена кандидатовъ никому не были извѣстны, такъ какъ на этотъ счетъ сохранялась самая безусловная тайна. Наконецъ, прекратилось напряженное ожиданіе и имена пяти счастливцевъ были объявлены. Это были: Анри Дюнанъ, Берингъ, Рентгенъ, Вантгоффъ и Сюлли Прюдомъ, но премія мира, которая присуждена Дюнану, будетъ раздѣлена между нимъ и Фредерикомъ Пасси, организаторомъ конгрессовъ мира и неутомимымъ проповѣдникомъ идеи всеобщаго разоруженія и мира.

Выдача премій происходила въ торжественномъ засѣданіи въ залѣ музыкальной академіи, въ Стокгольмѣ, роскошно декорированномъ по этому случаю. Рентгенъ, Вантгоффъ и Берингъ сидѣли въ первомъ ряду, Сюлли Прюдомъ не могъ пріѣхать по случаю болѣзни; Анри Дюнанъ также не былъ; но выдача преміи мира должна будетъ происходить потомъ въ Христіаніи. Имена Рентгена, Беринга, изобрѣтателя антидифтеритной сыворотки, и Вантгоффа, прозваннаго голландскимъ Бертело за свои замѣчательныя изслѣдованія въ области химіи, творца «стереохиміи» и «химіи пространствъ», достаточно

извѣстны въ наукѣ и поэтому выборъ этихъ кандидатовъ вызвалъ единодушное одобреніе во всей иностранной печати. Относительно Анри Дюнана и Фредерика Пасси также не было сдѣлано никакихъ возраженій; дѣятельность ихъ достаточно хорошо извѣстна, особенно Анри Дюнана, творца женевской конвенціи. Но присужденіе литературной преміи Сюлли Прюдому вызвало недоумѣніе въ общеевропейской печати. Тонкая и изящная поэзія Сюлли Прюдома, проникнутая идеализмомъ (наиболѣе отвѣчающимъ духу завѣщателя, по мнѣнію жюри, присудившаго премію), все таки слишкомъ мало извѣстна большой публикѣ, и слава Сюлли Придома никогда почти не переходила за предѣлы его отечества. Поэтому-то въ нѣмецкой печати по преимуществу высказывается мнѣніе, что премію слѣдовало присудить человѣку, болѣе извѣстному, такому, который имѣлъ вліяніе своими произведеніями на современное направленіе мысли, и содѣйствовалъ поднятію уровня общественной нравственности. Почти всѣ называютъ Льва Толстого и выражаютъ удивленіе по поводу того, что не онъ оказался избранникомъ. Сорокъ два шведскихъ писателя, художника и критика, въ числѣ которыхъ находятся Августъ Стриндбергъ, Эллена Кей, Андерсъ Цорнъ, Густавъ Гейерстамъ и др., напечатали по этому случаю въ шведскихъ газетахъ адресъ, обращенный къ великому писателю русской земли и выражающій протестъ противъ рѣшенія жюри шведской академіи наукъ.

Присужденіе нобелевскихъ премій снова напомнило міру объ Анри Дюнанѣ, который совершенно сошелъ со сцены, послѣ того какъ совершилъ свое великое дѣло. Въ теченіе многихъ лѣтъ объ немъ ровно ничего не было слышно и лишь совершенно случайно, года четыре тому назадъ сдѣлалось извѣстно, что онъ боленъ и находится въ богадѣльнѣ на Боденскомъ озерѣ, гдѣ онъ живетъ уже болѣе 20 лѣтъ, въ большой бѣдности. Конечно, тотчасъ же какъ только это сдѣлалось извѣстно, міру стало стыдно своей неблагодарности. Объ Анри Дюнанѣ стали говорить и писать и напомнили его имя новому поколѣнію, познакомивъ его съ великою гуманитарною дѣятельностью Нашлись разумѣется, и неизвѣстные благодѣтели, пожелавшіе окружить старика заботами и попеченіями. Но долгіе годы полнаго забвенія и одиночества наложили свою печать на бѣднаго больного, котораго теперь называютъ «благодѣтелемъ человѣчества». Онъ отказался покинуть убѣжище, гдѣ ему далъ былъ пріютъ въ худшіе дни его жизни и остался тамъ, гдѣ жилъ раньше. Проживъ такъ долго въ одиночествѣ, онъ отвыкъ отъ людей и теперь, когда имя его, благодаря назначенію преміи, снова прогремѣло по всему міру и къ нему со всѣхъ сторонъ нагрянули посѣтители, онъ не захотѣлъ никого видѣть. Кромѣ сидѣлки, которая приноситъ ему обѣдъ и приводитъ въ порядокъ его убогую комнатку, онъ никого не допускаетъ къ себѣ. Однако, сдѣлавшись до такой степени нелюдимымъ, старикъ Дюнанъ поддерживаетъ все-таки сношенія съ остальнымъ міромъ посредствомъ писемъ, которыя онъ получаетъ со всѣхъ концовъ міра и на которыя онъ отвѣчаетъ.

По буквѣ завѣщанія Нобеля, каждый, получившій премію, долженъ въ теченіе шестимѣсячнаго срока со дня присужденія преміи пріѣхать въ Христіанію или Стокгольмъ и тамъ прочесть публичную лекцію о томъ, за что

онъ получилъ премію. Какъ выполнитъ это условіе, Дюнанъ, которому прежде всего состояніе его здоровье не позволяетъ пуститься въ путь — это вопросъ, который занимаетъ теперь европейскую печать и нѣкоторыя, изъ нѣмецкихъ газетъ даже высказываютъ опасеніе, что это можетъ служить препятствіемъ къ выдачѣ ему преміи и она будетъ передана другому.

Общественные вопросы въ Германіи. Пока въ германскомъ рейхстагѣ происходили ожесточенныя словесныя битвы по поводу новаго тарифнаго закона и повышенія пошлинъ на хлѣбъ, названнаго нѣкоторыми газетами «хлѣбнымъ ростовщичествомъ», новый пикантный эпизодъ отвлекъ на время вниманіе германскаго общества отъ этого жгучаго хлѣбнаго вопроса. Этотъ эпизодъ — споръ изъ-за двухъ буквъ, «К» или «С», который былъ рѣшенъ по обыкновенію «безапелляціонно» императоромъ Вильгельмомъ.

Кёльнскій бургомистръ давно уже былъ озабоченъ орѳографіей названія города, который считается «перломъ рѣки Рейна». Надо ли писать Кёльнъ черезъ «К» или черезъ «С»? Въ Германіи пишутъ различно: «Cöln» и «Köln», но бургомистръ находилъ въ этомъ разнообразіи орѳографіи большія неудобства и поэтому муниципалитетъ рѣшилъ положить конецъ такому безпорядку въ правописаніи и оффиціально признать букву «К», какъ наиболѣе соотвѣтствующую духу языка и исторіи. Но даже такое рѣшеніе требуетъ высшей санкціи. Резолюція муниципалитета прошла всѣ слѣдуемыя инстанціи и, наконецъ, дошла до министра внутреннихъ дѣлъ. Этотъ послѣдній нисколько не удивился, что даже въ такихъ пустякахъ требуется государственная санкція. Это въ традиціяхъ Германіи, и не только Вильгельмъ II, но даже Бисмаркъ интересовался вопросами орѳографіи и занимался искорененіемъ французскихъ словъ изъ нѣмецкаго языка. Благодаря вмѣшательству основателя германской имперіи, нѣмецкій языкъ до сихъ поръ еще не избавился отъ готическаго шрифта, несмотря на всѣ попытки огромной массы нѣмецкихъ писателей, читателей и ксилографщиковъ.

Такіе прецеденты не могли не превратить вопросы правописанія въ Германіа въ государственные вопросы. Такой характеръ имѣлъ и вопросъ о буквѣ «К» или «С». Министръ внутреннихъ дѣлъ торжественно утвердилъ рѣшеніе кельнскаго муниципальнаго совѣта, и буква «К» получила право гражданства. Казалось, бургомистръ почтеннаго рейнскаго города могъ успокоиться, и никому въ голову не приходило, что радость преждевременна. Для окончательнаго утвержденія буквы «К» нужна была еще подпись императора, но никто не сомнѣвался, что онъ также утвердитъ постановленіе кельнскаго муниципальнаго совѣта.

Однако, вышло: «l'homme propose et le roi dispose». Императоръ Вильгельмъ категорически объявилъ, вопреки желаніямъ всѣхъ, что кельнъ должно писать черезъ букву «С»—«Cöln», и отнынѣ во всѣхъ оффиціальныхъ документахъ пріобрѣтаетъ права гражданства ненавистная кельнскому муниципалитету буква «С». Изъ газетной полимики, которую вызвалъ этотъ алфавитный споръ, можно было видѣть, какое значеніе было придано этому ничтожному вопросу. Кельн-

скій муниципалитетъ не захотѣлъ уступать и апеллировалъ противъ рѣшенія императора Вильгельма въ высшій административный трибуналъ, требуя отмѣны постановленія относительно буквы «С» и представляя въ подкрѣпленіе своихъ требованій докладъ ученыхъ профессоровъ Франке изъ Бонна и Гансена изъ Кельна. Въ этомъ докладѣ ученые философы выставляли научныя основанія въ пользу буквы «К» и доказывали, что употребленіе «С» вызвано орѳографическимъ невѣжествомъ. Кромѣ того, муниципальный совѣтъ настаивалъ на своемъ правѣ называть городъ такъ, какъ онъ это находитъ нужнымъ, ибо онъ является хозяиномъ города. Но высшій административный судъ не уважилъ этихъ доводовъ и не принялъ ихъ во вниманіе. Онъ отклонилъ жалобу кельнскаго муниципалитета, объявивъ, что перемѣны въ названіяхъ городовъ должны быть предоставлены императору. Споръ перешелъ теперь на страницы газетъ, полемика продолжается, но, во всякомъ случаѣ, германское общество еще разъ убѣдилось, что императоръ Вильгельмъ желаетъ примѣнить свое знаменитое изреченіе regis voluntas suprema lex къ самымъ минимальнымъ фактамъ и явленіямъ германской общественной жизни.

Другой вопросъ, который порядочно-таки взволновалъ общественное мнѣніе Германіи, касается учрежденія католической каѳедры исторіи въ Страсбургскомъ университетѣ и назначенія на нее, противъ желанія факультета, Мартина Шпана, католика, сына вождя центра и вицепрезидента рейхстага. Имя этого молодого человѣка (ему 26 лѣтъ), доселѣ мало извѣстнаго, сразу прогремѣло въ печати. Общество заговорило и заволновалось. Шпанъ былъ назначенъ во время вакацій и отсутствія декана и профессоровъ. Послѣдніе были крайне озадачены, когда кураторъ Гаммъ сообщилъ имъ о состоявшемся назначеніи. Такое вмѣшательство въ дѣла университета вызвало рѣзкій отпоръ со стороны факультета, настаивавшаго на своемъ исконномъ правѣ и отвергавшаго конфессіональную точку зрѣнія. Факультетъ обратился къ общественному мнѣнію со своимъ энергичнымъ протестомъ противъ раздачи каѳедръ въ качествѣ политическихъ подарковъ. Въ этомъ протестѣ заявлялось, что философскій факультетъ Эльзасскаго университета до сихъ поръ никогда не справлялся о вѣроисповѣданіи лицъ, призываемыхъ на каѳедру, причемъ перечислялись имена ученыхъ, занимавшихъ каѳедры въ этомъ университетѣ и принадлежавшихъ къ самымъ различнымъ вѣроисповѣданіямъ. Несмотря однако на такой протестъ факультета, была опубликована телеграмма Вильгельма, выражающаго свое удовольствіе по поводу назначенія Мартина Шпана. Однако она подлила масла въ огонь. Университетскій міръ зашевелился и Несторъ академиковъ, самъ великій Моммзенъ, слава и гордость Германіи, возсталъ противъ такого посягательства на свободу научной работы и прерогативы факультетовъ. Онъ напечаталъ воззваніе, въ которомъ доказывалъ, что спеціальное упоминаніе о вѣроисповѣданіи профессора, назначаемаго на каѳедру, уничтожаетъ его независимость и является тяжелымъ ударомъ, наносимымъ принципу свободнаго изслѣдованія, который составляетъ основу университетской жизни. «Религія, воспрещающая своимъ послѣдователямъ слушать профессоровъ, принадлежащихъ къ другой вѣрѣ, сама сознается въ своемъ безсиліи!»

восклицалъ Моммзенъ, и его энергичное воззваніе вызвало сильнѣйшее волненіе въ германскихъ академическихъ кружкахъ. Профессора, ученые со всѣхъ концовъ Германіи спѣшили, путемъ открытыхъ писемъ и заявленій, печатающихся въ газетахъ, выразить Моммзену сочувствіе и присоединиться къ его взглядамъ. Лишь очень немногіе высказывали противоположное мнѣніе.

Къ числу этихъ послѣднихъ, между прочимъ, принадлежитъ профессоръ Гершлингъ изъ Мюнхенскаго университета. Споръ, вспыхнувшій изъ-за Шпана, обнаружилъ однако, что многіе германскіе университеты не свободны отъ конфессіональныхъ предубѣжденій и что въ статутахъ нѣкоторыхъ университетовъ даже предусмотрѣно, что такая-то каѳедра должна быть занята католикомъ или протестантомъ (Боннъ, Галле, Мюнхенъ, Кёнисбергъ и др.). Полемика, вызванная этими неожиданными разоблаченіями, разрослась и вглубь и въ ширь и, вѣроятно, поведетъ къ пересмотру уставовъ нѣкоторыхъ университетовъ.

Но всего курьезнѣе, что назначеніе Шпана, на котораго всѣ смотрѣли, какъ на ультрамонтанскаго ставленника, вызвало горячій протестъ съ совершенно неожиданной стороны, со стороны Рима. Оказалось, что Шпанъ успѣлъ раньше провиниться противъ католической церкви своею книгой «Johann Kochläus», которая возбудила негодованіе ультрамонтановъ, и своею дружбой съ эксъ-іезуитомъ графомъ Гёнсброхъ, продолжающимъ свою борьбу съ Римомъ въ безчисленныхъ памфлетахъ и статьяхъ. Католическая печать даже объявила Шпана чуть ли не противникомъ церкви, и Шпанъ очутился въ довольно странномъ положеніи: свои отъ него отрекались, чужіе не хотѣли признавать. Многіе думали, что онъ уйдетъ съ поля битвы. Но онъ не пожелалъ. Молодой двадцатишестилѣтній профессоръ, очевидно, не хотѣлъ уступать безъ боя и смѣло началъ чтеніе лекцій. Его вступительная лекція понравилась, и онъ возбудилъ къ себѣ интересъ. Окончательно же онъ побѣдилъ сердца своихъ слушателей на комершѣ католическаго студенческаго союза «Francopia» и пріобрѣлъ въ лицѣ ихъ ярыхъ сторонниковъ, благодаря чему католическая ультрамонтанская печать раздѣлилась теперь на два лагеря — одна признаетъ его, а другая, заодно съ Ватиканомъ, продолжаетъ отъ него отвертываться.

Народный домъ въ Гамбургѣ. — Странствующія библіотеки и проекты жилищъ для рабочихъ. Около полугода тому назадъ въ Гамбургѣ былъ основанъ народный домъ. Организаторы этого учрежденія встрѣтили въ самомъ началѣ массу препятствій и затрудненій всякаго рода, финансовыхъ и другихъ, съ которыми имъ приходилось бороться, но успѣхъ превзошелъ ожиданія. Они имѣли въ виду создать такое нейтральное мѣсто, гдѣ бы члены зажиточныхъ и интеллигентныхъ классовъ общества могли вступать въ непосредственныя сношенія съ рабочими и ремесленниками и взаимно научилось бы понимать другъ друга и уважать. Такимъ образомъ прежде всего надо было побѣдить то недовѣріе, которое присуще человѣку изъ бѣднѣйшихъ классовъ общества и заставить его чувствовать себя безъ стѣсненій въ обществѣ людей, принадлежащихъ къ совершенно иному кругу. Народный домъ представлялъ много при-

влекательныхъ сторонъ для рабочихъ классовъ и давалъ имъ возможность удовлетворить свою любознательность, такъ какъ къ услугамъ ихъ была и прекрасная библіотека и различныя публичныя лекціи. Тѣмъ не менѣе сначала число посѣтителей было очень ограничено и лишь мало-по-малу отчужденность исчезла и, наконецъ, образовался кружокъ постоянныхъ членовъ, проводящихъ вечера въ читальнѣ народнаго дома или за шахматами, шашками и т. д., и посѣщающихъ устраиваемыя въ немъ публичныя лекціи. Особенною притягательною силой являются музыкальные вечера, которые устраиваются каждое воскресенье, послѣ обѣда. За 10 пфенинговъ слушатели могутъ наслаждаться хорошею музыкой, пѣніемъ и декламаціей и въ этихъ концертахъ никогда не бываетъ недостатка въ публикѣ; они посѣщаются не только рабочими, но и семьями мелкихъ чиновниковъ, ограниченныя средства которыхъ не позволяютъ имъ пользоваться дорогими удовольствіями.

При народномъ домѣ устроено справочное и юридическое бюро, гдѣ всѣ желающіе могутъ получить справки и совѣты. Это бюро работаетъ очень хорошо, такъ какъ среди рабочихъ очень часто возникаютъ разныя тяжебныя дѣла и имъ приходится прибѣгать къ помощи адвокатовъ. Но этого мало. Устроители народнаго дома больше всего имѣли въ виду оказать помощь простымъ, неученымъ ремесленникамъ, такимъ, которыхъ въ Англіи называютъ «unskilled». Рабочая аристократія имѣетъ свои союзы, свои секретаріаты и можетъ обходиться безъ такой поддержки, но «неученый чернорабочій» часто не знаетъ даже, куда ему обратиться, чтобы написать письмо или составить бумагу. Вотъ для этихъ-то послѣднихъ народный домъ въ Гамбургѣ особенно широко раскрываетъ свои двери.

Общество для распространенія просвѣщенія въ Пруссіи постановило на своемъ послѣднемъ общемъ собраніи резолюцію объ устройствѣ странствующихъ народныхъ библіотекъ, чтобы дать возможность самымъ маленькимъ и захолустнымъ общинамъ обновлять свой запасъ книгъ. Общество располагаетъ 30.000 томовъ новыхъ книгъ и разсылаетъ свой каталогъ общинамъ, предоставляя имъ право выбрать изъ этого каталога 50 изданій, которыя и будутъ доставлены изъ центральнаго склада. Обмѣнъ происходитъ постоянно, благодаря такимъ «путешествующимъ» книгамъ, литература проникаетъ даже въ самыя захолустныя мѣста.

Въ художественно-ремесленномъ музеѣ въ Дюссельдорфѣ устроена въ настоящее время выставка проектовъ жилищъ для рабочихъ. Починъ устройства этой выставки принадлежитъ рейнскому союзу, поставившему своею цѣлью улучшеніе быта рабочихъ классовъ. Къ союзу присоединились въ данномъ случаѣ не только общества, преслѣдующія одинаковыя съ нимъ цѣли, но и частныя лица и, между прочимъ, извѣстная фирма Крупна, которая участвуетъ въ назначеніи преміи за лучшіе проекты. Представлено было 122 проекта, изъ которыхъ 5 удостоены были преміи, такъ какъ они наиболѣе удовлетворяли условіямъ конкурса, требующаго, чтобы представленъ былъ не только планъ жилища, но и вся необходимая для хозяйства рабочаго домашняя обстановка, мебель, утварь и т. п. Разумѣется, конкурренты должны были имѣть въ виду

при этомъ не только потребности домашняго хозяйства рабочаго, но и возможную экономію, т.-е. совмѣстить въ своемъ проектѣ наименьшую затрату съ наибольшимъ удовлетвореніемъ нуждъ рабочаго класса.

Жилищный вопросъ вообще составляетъ теперь злобу дня въ Германіи, особенно въ большихъ городахъ и имъ занимается также недавно организованное общество соціальной реформы. Въ большихъ городахъ цѣны на квартиры возрастаютъ гораздо быстрѣе цѣнъ на трудъ, такъ что рабочіе и даже мелкіе чиновники и люди, занимающіеся интеллигентными профессіями, совершенно не въ состояніи удовлетворять своимъ потребностямъ въ другихъ отношеніяхъ, даже при увеличеніи заработка, и не могутъ улучшить своего быта. Многіе въ Германіи видятъ въ этомъ даже одинъ изъ источниковъ промышленнаго кризиса, такъ какъ, несмотря на увеличеніе производства, потребленіе остается на прежнемъ уровнѣ, вслѣдствіе того, что главные доходы рабочаго населенія къ которому, какъ мы уже сказали, примыкаютъ и люди интеллигентныхъ профессій и мелкое чиновничество, почти всѣ уходятъ на покрытіе расходовъ на помѣщеніе. Разумѣется, всего больше возрастаетъ населеніе большихъ городовъ и, слѣдовательно, тамъ отсутствіе хорошихъ и дешевыхъ помѣщеній для рабочихъ ощущается всего сильнѣе. Однако, какъ оказывается по статистическимъ свѣдѣніямъ, многія деревни въ Германіи, въ промышленныхъ центрахъ, могутъ поспорить въ данномъ случаѣ съ городами. Шенебергъ, напримѣръ составляющій какъ бы предмѣстье Берлина, имѣетъ 62.695 жителей и Рандорфъ—съ 59.943 жителей, возведены теперь въ достоинство городовъ и поэтому первое мѣсто между деревнями принадлежитъ въ настоящее время Борбеку, въ угольномъ бассейнѣ. Въ Борбекѣ 42.217 жителей, зато Германія насчитываетъ не менѣе 13-ти городовъ, число жителей которыхъ не превышаетъ 500. Самымъ маленькимъ городкомъ считается Гауенштейнъ, въ Баденѣ, могущій похвастаться лишь всего 192 горожанами.

Первый итальянскій крестьянскій конгрессъ. Въ началѣ декабря прошлаго 1901 года состоялся въ Болоньи первый конгрессъ верхнеитальянскихъ союзовъ, такъ называемыхъ «Leghe». Такого рода «конгрессъ пролетаріевъ»—какъ его назвали въ Италіи, представляетъ, несомнѣнно, знаменательное явленіе, такъ какъ никогда еще ни въ одной странѣ не бывало до сихъ поръ ничего подобнаго. Въ Италіи, какъ и въ другихъ странахъ, крестьяне считались до сихъ поръ самыми инертными элементами страны, неподвижными и коснѣющими въ невѣжествѣ и туго поддающимися прогрессу. Между тѣмъ, болѣе внимательные наблюдатели могли замѣтить, что среди итальянскаго крестьянства уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ началось движеніе, результатомъ котораго явился теперешній конгрессъ. Въ сѣверной Италіи давно уже начали образовываться союзы—«Leghe», покрывшіе своею сѣтью всю страну. Въ настоящее время число этихъ союзовъ достигаетъ 800 съ 150.000 членовъ. Конгрессъ былъ организованъ именно съ цѣлью объединенія этихъ союзовъ и учрежденія одного общекрестьянскаго союза Италіи.

Заинтересованная этимъ новымъ явленіемъ итальянская печать отнеслась

въ большинствѣ случаевъ довольно сочувственно къ этому конгрессу, тѣмъ болѣе, что первый опытъ оказался вполнѣ удачнымъ. На конгрессъ явилось около 1.000 делегатовъ и въ томъ числѣ 100 женщинъ, что тоже составляетъ весьма знаменательный фактъ въ соціальной жизни Италіи и до сихъ поръ небывалое явленіе.

Практическіе вопросы, которые были подвергнуты обсужденію конгресса, касались разныхъ сторонъ крестьянской жизни и работы. Между прочимъ, рѣшено было устроить статистическое бюро и организовать при немъ справочный отдѣлъ, съ цѣлью урегулировать отношеніе между спросомъ и предложеніемъ и болѣе успѣшно бороться съ сельскою безработицей, чѣмъ это было до сихъ поръ. Затѣмъ постановлено было требовать законнаго признанія союзовъ правительствомъ Италіи и урегулированія договоровъ съ сельскими рабочими. Очень оживленныя пренія вызвалъ вопросъ о сельскихъ третейскихъ судахъ, рѣшенный также въ положительномъ смыслѣ, и гигіеническихъ мѣропріятіяхъ въ борьбѣ съ маляріей и пеллагрой. Вообще, этотъ первый крестьянскій конгрессъ въ Италіи завоевалъ себѣ симпатіи общества тѣмъ, что онъ преимущественно занимался практическими вопросами и рѣдко переступалъ рамки поставленной программы. Такое серьезное отношеніе къ дѣлу указываетъ на пробужденіе самосознанія у итальянскихъ крестьянъ, не желающихъ болѣе оставаться безсловесными илотами и овцами, которыхъ стригутъ безчисленные эксплуататоры. Крестьянскіе союзы уже доказали свою пользу и теперь развитіе ихъ пойдетъ, вѣроятно, еще быстрѣе.

Въ скандинавскихъ странахъ. Въ трехъ университетскихъ городахъ Швеціи, Лундѣ, Упсалѣ и Стокгольмѣ, также какъ и въ Германіи по поводу назначенія Шпана, былъ выдвинутъ на сцену вопросъ о свободѣ науки, вызвавшій ожесточенную полемику въ печати и споры и волненія въ обществѣ. Сыръборъ загорѣлся изъ-за слѣдующаго случая: единственнымъ кандидатомъ на освободившуюся каѳедру національной экономіи въ Лундскомъ университетѣ явился доцентъ Кнутъ Викилль, ученая репутація котораго была давно уже установлена. Несмотря, однако, на лучшія рекомендаціи и отзывы о его научной дѣятельности, данные факультетомъ и академическимъ совѣтомъ, избраніе Викелля не было утверждено проканцлеромъ университета, епископомъ Биллингомъ, на основаніи политическихъ воззрѣній кандидата.

Такое рѣшеніе вызвало цѣлую бурю въ мірѣ ученыхъ и въ академическихъ кружкахъ, не только въ Лундѣ, но и въ Упсалѣ и Стокгольмѣ, и люди разныхъ партій, какъ либералы и радикалы, такъ и консерваторы, соединились въ общемъ протестѣ. Въ Упсалѣ состоялся по этому поводу митингъ протеста академиковъ, на которомъ присутствовало 600 человѣкъ; въ Стокгольмѣ также. Повсюду вотированы были резолюціи, протестующія противъ такого вмѣшательства въ академическіе вопросы и посягательства на свободу науки, «которую заставляютъ служить политикѣ». Въ Упсалѣ, Лундѣ и Стокгольмѣ подавляющее большинство академиковъ высказалось, по поводу этого конкретнаго случая, въ пользу абсолютной свободы научныхъ изслѣдованій, которыя не должны быть

поставлены въ зависимость ни отъ какихъ господствующихъ взглядовъ и направленія въ политикѣ. «Научное процвѣтаніе университетовъ возможно лишь при условіи полной свободы ученыхъ, не обязанныхъ подчиняться непремѣнно извѣстнымъ «привиллегированнымъ воззрѣніямъ», — говорилось въ резолюціи упсальскаго университетскаго митинга, объединившаго ученыхъ самыхъ разнообразныхъ политическихъ взглядовъ.

Въ печати и въ шведскомъ обществѣ въ теченіе нѣкотораго времени только и было разговоровъ, что объ этомъ спорѣ, который совпалъ съ аналогичнымъ же споромъ въ Германіи. Но въ Швеціи протестующая партія взяла верхъ, и Виккель былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ на каѳедру финансовыхъ наукъ, несмотря на сопротивленіе другой стороны. Онъ получилъ множество адресовъ и поздравленій изъ разныхъ мѣстъ Швеціи и, благодаря этому инциденту, еще болѣе, нежели ученымъ трудамъ, имя его сдѣлалось извѣстно во всѣхъ закоулкахъ Швеціи.

Въ одной изъ шведскихъ газетъ описываются «юношескіе союзы», получившіе довольно большое распространеніе въ Швеціи и Норвегіи въ послѣднее время и проникшіе уже въ Данію. Союзы эти организуются среди юныхъ рабочихъ, только вступающихъ на поприще труда, и имѣютъ цѣлью создать между ними болѣе тѣсное общеніе и солидарность и выработать соціальное сознаніе. Въ Швеціи и Норвегіи юношескіе союзы быстро развиваются: «центральный союзъ» въ Швеціи насчитываетъ уже 1.500 членовъ, изъ нихъ 600 находятся въ Стокгольмѣ. Союзъ этотъ имѣетъ даже свой собственный органъ, который печатается въ количествѣ 2.000 экземпляровъ. Между прочимъ, этотъ «юношескій союзъ» ведетъ усиленную агитацію противъ милитаризма и даже съ нѣкоторымъ успѣхомъ. Въ Норвегіи такой юношескій союзъ образовался всего годъ тому назадъ, но уже насчитываетъ болѣе 1.000 членовъ. «Центральный союзъ», резиденція котораго находится въ Христіаніи, имѣетъ четыре филіальныхъ отдѣленія въ предмѣстьяхъ, не считая отдѣленій въ окрестныхъ городахъ и деревняхъ, но и этотъ союзъ, несмотря на свое кратковременное существованіе, издаетъ уже свой органъ, названный «20-е столѣтіе». Союзъ этотъ, главнымъ образомъ, преслѣдуетъ просвѣтительныя цѣли и стремится пробудить среди юныхъ рабочихъ интересъ къ соціальнымъ вопросамъ и любознательность.

Датскія газеты очень много говорятъ о новомъ министрѣ сельскаго хозяйства Оле Гансенѣ. Этотъ министръ, членъ фолькстинга (датскаго парламента), простой крестьянинъ, хотя и получившій образованіе, продолжаетъ вести прежній, крестьянскій образъ жизни, несмотря на перемѣну своей судьбы. Также какъ и прежде, онъ работаетъ въ полѣ вмѣстѣ со своими рабочими и продолжаетъ жить на своей фермѣ, представляющей самый простой крестьянскій дворъ. Его помѣстье очень невелико, но содержится въ образцовомъ порядкѣ, благодаря тому, что онъ самъ за всѣмъ смотритъ и работаетъ. Его сынъ также работаетъ, какъ простой крестьянинъ въ полѣ и получаетъ за это поденную плату наравнѣ съ другими. Зимою, конечно, министръ переѣзжаетъ въ городъ и на время перестаетъ быть крестьяниномъ.

*

— Если я перемѣню образъ жизни, то, пожалуй, перестану понимать нужды крестьянъ, — сказалъ онъ одному журналисту, который посѣтилъ его вскорѣ послѣ его избранія на постъ министра и нашелъ его въ полѣ, въ костюмѣ простого рабочаго и съ заступомъ въ рукѣ.

Въ свѣтскомъ обществѣ датской столицы нѣсколько подсмѣиваются надъ этимъ «чудачествомъ» министра, но въ общемъ всѣ относятся къ нему съ большимъ уваженіемъ.

Современная Аркадія. Къ числу достопримѣчательностей Англіи, безъ сомнѣнія, надо причислить знаменитую фабрику шоколада Кэдбюри. «Cadbury's Cocao and Chocolate» славится во всей Англіи, но еще большею извѣстностью пользуются владѣльцы этой фабрики, эксцентричные квакеры, которые объявили «войну войнѣ». Если будетъ введена конскрипція въ Англіи, то они покинутъ ее навсегда и уже два раза главный владѣлецъ фабрики отказывался отъ королевскаго заказа въ 60.000 фунтовъ шоколада для южно-африканской арміи,— чтобы показать, что Кэдбюри ничего не хотятъ имѣть общаго съ войной. Они всегда вступались за всѣ угнетенныя народности, за арманъ и др., и безъ страха выступили теперь въ пользу буровъ, отправивъ къ нимъ миссъ Гобгоузъ и устроивъ для нея митингъ, несмотря на злостные окрики чемберленцевъ.

Но Кэдбюри увѣковѣчили свое имя еще и другимъ образомъ и благодарная Англія, особенно тѣ, кто осуждены «въ потѣ лица добывать свой хлѣбъ», никогда о нихъ не позабудутъ.

Джорджъ Кэдбюри, основатель колоссальной фирмы, носящей его имя, квакеръ, имѣетъ десять человѣкъ дѣтей. Его сыновья, вмѣсто того, чтобы вести жизнь, какую ведутъ большинство дѣтей богатыхъ родителей, стали помогать отцу въ его дѣлѣ, которое дѣйствительно разрослось до чудовищныхъ размѣровъ. Фабрика Кэдбюри занимаетъ 3.000 рабочихъ рукъ. Но, несмотря на возрастающее богатство, родоначальникъ ничуть не измѣнилъ ни своихъ привычекъ, ни взглядовъ. Ежедневно утромъ, передъ открытіемъ мастерскихъ, онъ отправляется съ членами своей семьи въ большую залу фабрики, въ которой устроено 3.000 сидѣній. Всѣ рабочіе приходятъ туда же, хотя это имъ и не вмѣняется въ обязанность и Кэдбюри не обращаетъ никакого вниманія на религіозные взгляды рабочихъ, одинаково обращаясь со всѣми. Но изъ уваженія къ нему всѣ отправляются въ залу и почтительно слушаютъ, какъ этотъ патріархъ, основатель фмбрики, читаетъ Библію и затѣмъ молится со своимъ народомъ. Рабочій день всегда начинается такимъ образомъ.

Старикъ Кэдбюри строго придерживается того принципа, что никто не вправѣ заставлять другихъ работать за себя и жить въ праздности; поэтому и онъ и его сыновья постоянно находятся за работой. Единственная роскошь, которую позволяетъ себѣ Кэдбюри-отецъ — это велосипедъ, на которомъ онъ каждое воскресенье ѣздитъ въ Бирмингамъ, гдѣ онъ устроилъ школу подмастерьевъ.

Въ Англіи многіе смотрятъ на Кэдбюри, какъ на большого чудака. Въ одномъ большомъ собраніи онъ доказывалъ, что всякій заводчикъ или фабри-

кантъ, эксплуатируя трудъ, т.-е. истощая силы и здоровье другихъ людей и даже сокращая ихъ существованіе ради собственной выгоды, расходуетъ то, что онъ не можетъ уплатить никакими деньгами, т.-е. человѣческую жизнь. Кэдбюри объявилъ, что онъ считаетъ себя отвѣтственнымъ передъ Богомъ за гибель человѣческихъ жизней и поэтому онъ принялъ мѣры, чтобы его фабрика не разстраивала здоровья рабочихъ и не отупляла ихъ. Никто никогда не работалъ у него больше восьми часовъ. Онъ не допускаетъ на фабрику замужнихъ женщинъ, чтобы не отнимать ихъ отъ домашняго очага, но считаетъ, что фабрика всегда обязана обезпечить существованіе семьи своего рабочаго.

Мало-по-малу около этого квакера сгруппировался цѣлый маленькій народъ и несмотря на самое разнообразное происхожденіе, религіозные взгляды и политическое направленіе, всѣхъ этихъ рабочихъ объединяетъ одно общее чувство довѣрія и уваженія къ своему патрону и полное равенство всѣхъ.

Однажды Кэдбюри собралъ всѣхъ своихъ сыновей и сказалъ имъ слѣдующую рѣчь:

«Вы знаете, дѣти мои, что мы старались быть справедливыми къ «братьямъ», которые работаютъ съ нами. Мы пробовали примѣнить къ лучшему систему современной промышленности, которая присуждаетъ ихъ, потому что они бѣдны, продавать намъ свой трудъ, т.-е. свою жизнь. Эта система уже сто лѣтъ тому назадъ лишила ихъ орудій производства и поставила ихъ въ зависимость отъ капитала, вызвавъ сосредоточеніе промышленности, являющееся печальною, но неизбѣжною необходимостью. Намъ не удалось исправить эту систему и мы ничего не добьемся, если не поставимъ въ другія условія нашихъ «братьевъ», которые работаютъ и должны жить въ густо населенныхъ кварталахъ городовъ, въ ужасныхъ трущобахъ и подвергаться всѣмъ случайностямъ, болѣзнямъ, нравственной заразѣ и др. послѣдствіямъ скученности. Нѣкоторые изъ нихъ вѣдь не видали даже никогда голубого неба и земли! Таково великое зло, причиненное современною промышленностью. Но, дѣти, подадимъ примѣръ! Вотъ мои владѣнія—ваши владѣнія. Они обширны и мы разукрасимъ ихъ съ любовью. Подѣлимся же ими съ нашими «братьями». Пусть и они тутъ живутъ вмѣстѣ съ нами и грѣются въ солнечныхъ лучахъ! Пусть и они наслаждаются красотою природы и пусть въ ихъ жилищахъ будетъ хорошо! Потомъ придутъ люди и посмотрятъ на это и, быть можетъ, великое благодѣяніе будетъ результатомъ той жертвы, которую вы принесете».

Такимъ образомъ возникъ Бурнвилль—образцовая деревня рабочихъ. Въ одинъ годъ было выстроено 370 домовъ или коттэджей и 370 семействъ рабочихъ переселились въ нихъ изъ Бирмингама. Стоимость земли, отведенной подъ постройки, равнялась пяти милліонамъ и давала раньше дохода 150.000. Но, разумѣется, послѣ этого она уже не приносила никакого дохода Кэдбюри и никогда не будетъ приносить.

Но Кэдбюри пошелъ еще дальше. Онъ доказалъ, какъ несправедливы упреки въ узости и религіозной нетерпимости, которые часто дѣлаютъ квакерамъ. И онъ и его сыновья отказались отъ администраціи устроеннаго ими поселенія, передавъ его независимому совѣту, вмѣстѣ съ актомъ, подписаннымъ 14-го де-

кабря 1900 г., отдающимъ въ общественное владѣніе весь огромный участокъ земли. Но Кэдбюри поставилъ условіемъ, чтобы его деревня была открыта равно для всѣхъ рабочихъ, а не только для тѣхъ, которые работаютъ на его фабрикѣ. Каждый можетъ поселиться въ этой деревнѣ, если будетъ свободное мѣсто, и администрація деревни должна быть свободна отъ всякихъ сектантскихъ, религіозныхъ и политическихъ вліяній; исключеніе же кого нибудь изъ общины, на основаніи его религіозныхъ и политическихъ взглядовъ и сношеній будетъ прямымъ нарушеніемъ воли жертвователя.

Бурнвилль только еще началъ застраиваться и утилизировано пока не больше трети дарованной земли. Одно изъ условій, поставленныхъ Кэдбюри— чтобы наемная плата была доступна самымъ тощимъ кошелькамъ, но отнюдь не было бы милостыни. Установлено 8—11 шиллинговъ въ недѣлю. Самые маленькіе коттэджи имѣютъ двѣ комнаты и всѣ хозяйственныя постройки. Въ кухнѣ устроены очаги, окруженные по старинной модѣ скамьями, и тутъ же около печки находится ванна, устроенная подъ поломъ и прикрытая люкомъ. Каждый коттэджъ окруженъ садикомъ, въ которомъ посажены фруктовыя деревья; зелень вездѣ и глазъ человѣка, попавшаго сюда изъ закопченнаго и пропитаннаго сажей Бирмингама, отдыхаетъ на этой зелени и на хорошенькихъ маленькихъ домикахъ. Въ настоящее время въ Бурнвиллѣ живутъ уже 2.000 рабочихъ, и это, потонувшее въ зелени мирное селеніе, кажется какимъ-то свѣтлымъ чуднымъ оазисомъ среди «Черной Англіи», какъ называютъ обыкновенно угольные округи и фабричные центры въ Великобританіи.

Сыновья Кэдбюри являются достойными сподвижниками своего отца и вполнѣ раздѣляютъ его взгляды. Миръ и благодать господствуютъ въ Бурнвиллѣ. Одинъ изъ французскихъ журналистовъ, посѣтившій этотъ фабричный центръ, былъ пораженъ этимъ спокойствіемъ Бурнвилля среди волнующейся кругомъ толпы. Но Кэдбюри говоритъ: «Пусть только каждый исполняетъ свой долгъ и никакой классовой борьбы не будетъ. Никакія доктрины и никакое общее законодательство ничего не помогутъ, если отдѣльныя группы людей не будутъ сами работать для собственнаго спасенія и для спасенія человѣчества».

Изъ иностранныхъ журналовъ.

Женское движеніе за послѣднее время въ Европѣ и на Востокѣ.—Альфредъ Нобель и его взгляды.—Республика будущаго.—Никола Тесла.

«La Revue» печатаетъ очеркъ женскаго движенія въ разныхъ странахъ за послѣдніе мѣсяцы. Въ Германіи это движеніе очень быстро развивается въ послѣднее время, на что указываютъ безчисленныя женскія собранія, которыя устраиваются чуть не каждый мѣсяцъ разными женскими союзами. Для одного изъ такихъ собраній даже германскій рейхстагъ гостепріимно открылъ свои двери, чего раньше никогда не бывало, и только вмѣшательство полиціи вынудило собраніе женскихъ союзовъ перейти въ другое мѣсто. Германскіе университеты мало-по-малу открываютъ свои двери женщинамъ, и во многихъ мѣстахъ

учреждаются женскія гимназіи съ курсомъ мужскихъ гимназій. Вообще женское движеніе въ Германіи, съ трудомъ прокладывающее себѣ дорогу, можетъ все-таки похвалиться значительными успѣхами.

Во Франціи основано новое феминистское общество «Societé du Suffrage des Femmes», добивающееся допущенія женщинъ къ выборамъ въ муниципальный совѣтъ. Такое же общество существуетъ и въ Бельгіи, добиваясь политическаго равноправія женщинъ. Вообще во всѣхъ странахъ замѣчается именно это направленіе женскаго движенія: женщины добиваются политическихъ правъ, права участій въ парламентскихъ выборахъ и т. д. Въ Норвегіи они уже добились многаго въ этомъ отношеніи и въ прошломъ 1901 году впервые участвовали непосредственно въ общинныхъ и муниципальныхъ выборахъ.

Въ Австріи женское движеніе, начавшееся недавно сравнительно съ другими странами, все-таки уже достигло большаго развитія. Буда-Пештъ былъ первымъ городомъ, гдѣ начала практиковать женщина-врачъ. Австрійскія и венгерскія женщины постепенно завоевываютъ себѣ права и заставляютъ университеты открывать имъ свои двери. Швейцарія сдѣлала очень большой шагъ впередъ, пригласивъ двухъ делегатокъ женскаго союза участвовать въ работахъ федеральной комиссіи по составленію новаго гражданскаго уложенія. Какъ извѣстно, въ Германіи, новый кодексъ гражданскихъ законовъ былъ составленъ безъ всякаго участія женщинъ и вызвалъ много нареканій и неудовольствія, а также обвиненій въ пристрастіи и односторонности. Швейцарія желаетъ избѣжать такихъ обвиненій. Въ Италіи женское движеніе остановилось на точкѣ замерзанія и за послѣднее время не сдѣлало никакихъ успѣховъ. Въ Англіи женщины достигли очень многаго, и теперь феминизмъ, какъ соціальное движеніе, на время пріостановилъ свое развитіе. То же самое и въ Америкѣ, гдѣ женщины пользуются полнымъ равноправіемъ въ общественной жизни, а въ нѣкоторыхъ штатахъ добились даже политическаго равноправія.

Большимъ сюрпризомъ, даже для тѣхъ, кто слѣдитъ за женскимъ движеніемъ, было извѣстіе о женскомъ конгрессѣ въ Болгаріи. Никто не ожидалъ, что болгарскія женщины достигли такого прогресса, а между тѣмъ онѣ проектируютъ организацію союза женскихъ обществъ (число которыхъ достигаетъ 27) и обсуждали на конгрессѣ вопросъ о допущеніи женщинъ въ университеты.

Наиболѣе любопытны, конечно, тѣ успѣхи, которые дѣлаетъ женское движеніе на Востокѣ. Совѣтникъ апелляціоннаго суда въ Каирѣ Касимъ Асимъ напечаталъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ (1889 г.) книгу, въ которой требовалъ для магометанскихъ женщинъ такихъ же правъ, какими пользуются европейскія женщины, съ точки зрѣнія воспитанія и гражданскаго права. Конечно его книга вызвала бурные протесты и возбудила священный гнѣвъ мусульманскаго духовенства. Касимъ-бей, однако, продолжалъ свою феминистскую пропаганду и издалъ имъ въ отвѣтъ еще книгу, названную имъ «Новая женщина», въ которой онъ даетъ историческій очеркъ прошлаго магометанской женщины и требуетъ ея эмансипаціи въ настоящемъ, обсуждая при этомъ вопросъ о воспитаніи женщинъ и чисто восточный вопросъ о «покрывалѣ».

Разумѣется, въ мусульманскихъ странахъ женскій вопросъ трактуется преимущественно мужчинами. Въ арабской печати книга Касима-Асима и его прогрессистскія идеи возбуждаютъ много толковъ, но врядъ ли ихъ читаютъ въ гаремахъ, куда, вѣроятно, еще не проникло женское движеніе.

Изъ восточныхъ странъ, Японія какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, такъ и въ отношеніи женскаго движенія занимаетъ первое мѣсто. Въ Токіо открывается женскій университетъ. Въ Нагасаки образовалось женское общество «соціальной чистоты», преслѣдующее чистоту нравовъ. Молодыя дѣвушки, члены этого общества, обязуются выходить замужъ только за тѣхъ, чья нравственная репутація сохранилась въ полной неприкосновенности.

«Review of Reviews» печатаетъ по случаю состоявшейся недавно раздачи премій Нобеля, біографическій очеркъ учредителя этихъ премій, Альфреда Нобеля, завѣщавшаго почти два милліона фунтовъ стерлинговъ для выдачи премій тѣмъ, кто оказалъ наибольшія услуги человѣчеству своими научными трудами или своею дѣятельностью въ пользу мира и на литературномъ поприщѣ.

Альфредъ Нобель въ 1867 г. изобрѣлъ динамитъ, вытѣснившій въ промышленности всѣ употреблявшіяся раньше взрывчатыя вещества. Чтобы составить себѣ понятіе объ огромномъ производствѣ динамита, достаточно указать на тотъ фактъ, что въ послѣднія десять лѣтъ на фабрикѣ Нобеля работало 12.000 человѣкъ и въ годъ изготовлялось нѣсколько милліоновъ пудовъ этого вещества. Но кромѣ динамита, Альфредъ Нобель сдѣлалъ еще много другихъ изобрѣтеній, второстепеннаго значенія; между прочимъ, онъ изобрѣлъ искусственный каучукъ. Незадолго до своей смерти онъ подписалъ половину суммы, необходимой для снаряженія злополучной воздухоплавательной экспедиціи Андре.

Альфредъ Нобель не былъ женатъ и всю силу своей привязанности сосредоточилъ на своей матери, которую, впрочемъ, обожали всѣ ея сыновья. Она умерла въ 1889 г. 86 лѣтъ, Альфредъ послѣдовалъ за нею черезъ семь лѣтъ, на 63-мъ году жизни.

Онъ былъ противникомъ правъ наслѣдства и находилъ несправедливой эту систему. «Съ какой стати я долженъ получить богатство, добываніе котораго не стоило мнѣ никакого труда», говорилъ онъ и находилъ подобно многимъ американскимъ отцамъ, что это только потворствуетъ лѣни и праздности. Онъ часто говорилъ своимъ родственникамъ: «Не надѣйтесь на мое имущество: оно не перейдетъ въ ваши карманы».

За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти онъ сказалъ одному изъ своихъ пріятелей: «Я не хочу оставлять свое богатство человѣку дѣятельному, такъ какъ это можетъ соблазнить его на ничегонедѣланіе. Но я бы охотно помогъ какому-нибудь мечтателю справиться съ затрудненіями».

Исходя изъ этой точки зрѣнія Альфредъ Нобель и завѣщалъ все свое состояніе на учрежденіе фонда, годовой процентъ котораго дѣлится на пять равныхъ частей, составляющихъ преміи, раздача которыхъ произошла въ этомъ году.

Авторъ «Борьбы міровъ» Уэллсъ напечаталъ въ «Fortnightly Review» рядъ статей, въ которыхъ онъ изображаетъ республику будущаго. Эта новая республика возникнетъ путемъ постепенной эволюціи; наиспособнѣйшіе люди, съ дисциплинированнымъ умомъ, возьмутъ въ свои руки управленіе дѣлами міра, однако эти способные люди, въ представленіи Уэллса, должны составлять нѣчто вродѣ ученой браминской секты, между тѣмъ, какъ все остальное человѣчество будетъ представлять изъ себя паріевъ, «людей бездны» (people of the abyss).

Уэллсъ говоритъ о религіозныхъ и этическихъ принципахъ, которые будутъ поставлены въ основу будущей республики. Въ данномъ случаѣ онъ является приверженцемъ идей Мальтуса, и его закона народонаселенія. Въ новой республикѣ будетъ всецѣло господствовать принципъ покровительства красотѣ и способностямъ; стоящіе во главѣ люди будутъ заботиться объ усовершенствованіи человѣческаго типа и объ уничтоженіи раболѣпнаго, неспособнаго ни къ чему и трусливаго типа людей. Дѣти съ дурною наслѣдственностью будутъ безжалостно уничтожаться людьми будущаго государства, ради принципа совершенствованія человѣчества въ нравственномъ и физическомъ отношеніи и уменьшенія его страданій въ будущемъ.

Всѣ идеи, которыя излагаетъ Уэллсъ въ своей схемѣ новой республики, отличаются жестокостью. Онъ очень храбро разрѣшаетъ проблемы, передъ которыми останавливаются многіе современные соціологи, сознавая свое безсиліе. Но главная его руководящая мысль заключается въ томъ, что нынѣшній современный строй никуда не годится, что его надо замѣнить другимъ и что истинно способные люди всегда составляютъ меньшинство въ общей массѣ человѣчества, но это меньшинство должно потерять въ концѣ концовъ терпѣніе, взирая на плохое управленіе міромъ, и захватитъ въ свои руки власть, создавъ новое государство, принципомъ котораго явится усовершенствованіе человѣческаго типа.

«Monthly Magazine» сообщаетъ не лишенныя интереса подробности объ извѣстномъ электротехникѣ Тесла. Никола Тесла, сербъ по происхожденію, родился въ Южной Австріи, близъ Фіумэ. Его дѣдъ сражался при Наполеонѣ, а отецъ былъ популярный поэтъ и замѣчательно ученый человѣкъ. Никола Тесла предназначался родителями къ духовной профессіи, но мальчикъ рано обнаружилъ призваніе къ наукѣ и только боялся сказать объ этомъ отцу. Когда онъ сильно заболѣлъ во время холерной эпидеміи и докторъ не подавалъ уже никакой надежды на его выздоровленіе, Тесла вдругъ пришелъ въ себя и тутъ же прерывающимся отъ слабости голосомъ, сказалъ своему отцу, что онъ желалъ бы поступить въ политехническую школу въ Грацѣ, вмѣсто семинаріи. Отецъ обѣщалъ ему послать его туда, и мальчикъ послѣ этого быстро началъ поправляться.

Поступивъ въ политехническую школу, Тесла началъ усиленно работать и въ два года прошелъ то, что другіе проходятъ въ пять лѣтъ. По окончаніи

курса онъ поступилъ, вслѣдствіе необходимости, чертежникомъ на желѣзную дорогу въ Буда-Пештѣ, но благодаря своимъ необыкновеннымъ способностямъ, быстро выдѣлился и шагнулъ впередъ.

Тесла и теперь работаетъ очень много, хотя онъ постоянно говоритъ, что продолжительныя усилія ума, выражающіяся въ плодотворной работѣ и накопленіи умственной энергіи, должны все-таки чередоваться съ періодомъ полнаго покоя для возстановленія силъ. Но Тесла сокращаетъ эти періоды до минимума.

Любопытны, между прочимъ, его взгляды на питаніе человѣка. Съ его точки зрѣнія убійство животныхъ, ради употребленія въ пищу, не только жестоко, но даже приноситъ вредъ. Тесла горячій защитникъ вегетаріанства и даже заходитъ такъ далеко, что приписываетъ животные инстинкты и аппетиты, которые такъ часто даютъ себя чувствовать среди людей и препятствуютъ нравственному и умственному прогрессу человѣчества, именно такому преобладанію животной пищи, безъ которой не обходится ни одинъ человѣкъ. Поэтому онъ думаетъ что радикальная реформа пищи составляетъ одно изъ самыхъ главныхъ и непремѣнныхъ условій быстраго прогресса человѣчества.

Являясь такимъ убѣжденнымъ приверженцемъ растительной пищи, Тесла конечно долженъ былъ заняться вопросомъ объ усиленіи плодородія почвы искусственнымъ образомъ. Онъ очень много работаетъ надъ этимъ теперь. Вопросъ объ уничтоженіи войны также занимаетъ его. Онъ думаетъ, что обезпечить миръ можно лишь сдѣлавъ войну совершенно невозможною. Онъ хочетъ придумать такое оружіе для нападенія, которое будетъ равно дѣйствовать какъ подъ водой, такъ и въ воздухѣ, тогда война должна будетъ прекратиться сама собою, такъ какъ она превратится въ простое состязаніе машинъ. По его мнѣнію, вѣчный миръ можетъ быть достигнутъ лишь путемъ такой эволюціи военнаго искусства.

Въ настоящее время Тесла всецѣло поглощенъ идеей безпроволочнаго телеграфа и производства свѣта посредствомъ электрическихъ волнъ, которыя сдѣлаютъ лишнимъ возобновленіе электрическихъ лампъ и всѣ тѣ приборы электрическаго освѣщенія, съ которыми мы теперь имѣемъ дѣло.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Марселэнъ Бертело.

(По поводу пятидесятилѣтія его научной и общественной дѣятельности).

Истина вѣчно юная, блещущая красотой своихъ формъ, отражаетъ зеркаломъ солнечные лучи, направляя ихъ на сидящаго въ задумчивой, созерцательной позѣ Бертело. Другая женская фигура, изображающая Францію, вѣнчаетъ Бертело лавровымъ вѣнкомъ.

Такими художественными символами скульпторъ Шаплэнъ изобразилъ на золотой медали тѣ двѣ идеи, которыя руководили геніальнымъ французскимъ химикомъ въ теченіе его пятидесятилѣтней научной и общественной дѣятельности. «*Во имя истины, на пользу родины*!»—таковъ девизъ Бертело.

Назиромъ (nazir)—человѣкомъ, обрекшимъ себя на исканіе истины—былъ, по словамъ Ренана, этотъ внукъ деревенскаго кузнеца, сынъ парижскаго врача, еще 18-ти лѣтъ въ послѣднемъ классѣ коллежа Henri VI, когда съ нимъ познакомился Ренанъ, только что вышедшій изъ семинаріи св. Сульпиція. Стройный красавецъ юноша, съ проницательными, орлиными глазами, съ пламенной рѣчью, впитавшій въ себя міросозерцаніе великихъ энциклопедистовъ, ярый демократъ, подобно Робеспьеру вѣровавшій (и вѣрующій до сихъ поръ) въ возможность золотого вѣка для человѣчества въ будущемъ, если только человѣчество подчинится велѣніямъ истины и разума, юноша Бертело обаятельно подѣйствовалъ на неуклюжаго, застѣнчиваго семинариста—Ренана, въ которомъ только что пробудились религіозныя сомнѣнія. Бертело завоевалъ Ренана для науки. Самъ онъ быстро прошелъ самостоятельно курсъ университета, являясь въ Сорбонну только для полученія ученыхъ степеней до docteur ès sciences включительно, которую онъ получилъ 27 лѣтъ въ 1854 году. Въ 1851 году мы видимъ его въ роли претендента на званіе преподавателя горячо любимой науки въ Collège de France.

Профессоръ химіи *Балларъ* предлагаетъ совѣту принять его въ качествѣ препаратора, осторожно выражая надежду, что извѣстныя ему, Баллару, превосходныя качества Бертело позволятъ молодому ученому *способствовать* на просимомъ для него мѣстѣ *дальнѣйшему развитію науки*. Никогда еще столь робко выраженная надежда не оправдывалась столь блестящимъ образомъ. Рѣдко кому, кромѣ Бертело, удавалось такъ полно оправдать надежды

учителя и такъ много «способствовать развитію науки». Въ скромномъ званіи препаратора онъ остается въ теченіе девяти лѣтъ, до декабря 1859 г.

Первая печатная работа Бертело помѣщенная въ «Annales de Chimie et de physique», въ 1851 г. (пятьдесятъ лѣтъ, истекшихъ со времени ея появленія и праздновались 12 ноября въ залѣ Сорбонны самымъ торжественнымъ образомъ), была посвящена, очевидно, подъ вліяніемъ работъ Фарадея, вопросу о сгущеніи газовъ (именно, углекислоты) въ жидкости. Уже въ этой первой работѣ молодой ученый, держась строго фактической почвы, избѣгая всякихъ гипотезъ, выясняетъ существованіе такой температуры, при которой никакимъ давленіемъ нельзя превратить газа въ жидкость; такимъ образомъ Бертело даетъ опору для ученія о критическомъ состояніи, столь плодотворно развитое работами Эндрьюса, Амага, Сарро и Вандеръ-Вальса въ современное ученіе о непрерывности газоваго и жидкаго состоянія матеріи.

Но физическія темы не долго занимали Бертело, и онъ скоро перешелъ къ работамъ по органической химіи, составляющимъ его истинную славу и заслугу передъ наукой. Такому направленію его работъ, безъ сомнѣнія, способствовало состоявшееся въ 1859 году назначеніе его на каѳедру химіи въ Ecole Supérieure de pharmacie, послѣ представленія диссертаціи: «О сахарахъ, подобныхъ тростниковому сахару». Небольшія работы по изслѣдованію скипидара, полученіе искусственной камфары, продукта взаимодѣйствія хлористаго водорода и скипидара, работы съ сахарами направляютъ мысль Бертело на вопросъ объ искуственномъ приготовленіи, синтезѣ веществъ, находимыхъ въ органическомъ мірѣ. Изученіе веществъ, образующихся въ животныхъ организмахъ, именно, жировъ, предпринятое Шевреленъ, было продолжено Бертело. Онъ окончательно и безповоротно доказалъ сложную природу жировъ, т.-е. то, что жиры представляютъ собою сложные эфиры органическихъ кислотъ—олеиновой, стеариновой и другихъ и особаго спирта — глицерина, доказалъ, синтезируя жиры изъ этихъ составныхъ частей.

Но эти завоеванія не удовлетворили Бертело. Онъ поставилъ себѣ цѣлью найти общіе пріемы синтеза органическихъ соединеній какъ изъ элементовъ, такъ и изъ простѣйшихъ неорганическихъ веществъ — воды, углекислоты, амміака и т. д. Чтобы понять все величіе этой проблеммы, надо разсмотрѣть взгляды выдающихся химиковъ того времени на задачи такъ называемой органической химіи.

Органическая химія имѣетъ своимъ предметомъ изученіе веществъ, находимыхъ въ живыхъ организмахъ. Она можетъ преслѣдовать эту задачу съ двухъ точекъ зрѣнія: съ точки зрѣнія *анализа* и съ точки зрѣнія *синтеза*. Эти слова, анализъ и синтезъ, имѣютъ въ химіи гораздо болѣе реальное значеніе, чѣмъ во всякой другой наукѣ. Первоначально эти слова выражали только нѣкоторые логическіе процессы, совершаемые человѣческимъ разумомъ, который то разлагаетъ сложное понятіе на рядъ простѣйшихъ, то, обратно, изъ цѣлаго ряда простѣйшихъ понятій строитъ болѣе общее. Говоря о химическомъ анализѣ и синтезѣ, надо на мѣсто слова «понятіе» поставить слово «вещество» и тогда будетъ ясно все значеніе этихъ химическихъ

операцій. Химикъ мыслитъ лабораторными фактами, онъ оперируетъ надъ веществомъ, разлагая его на простѣйшія и доходя постепенно до такихъ веществъ, которыя болѣе уже не поддаются разложенію—до элементовъ. Съ этого началась органическая химія, она доказалала, что живыя существа, будь то растенія или животныя, образованы соединеніемъ громаднаго числа опредѣленныхъ началъ, химическихъ соединеній, очень неустойчивыхъ, весьма легко измѣняющихся подъ дѣйствіемъ теплоты, электричества и химическихъ дѣятелей неорганическаго, минеральнаго происхожденія (кислотъ, щелочей).

Всѣ эти органическія соединенія, служащія матеріаломъ, изъ котораго строится организованный живой міръ, въ свою очередь являются болѣе или менѣе сложными соединеніями четырехъ элементовъ: углерода, водорода, кислорода и азота. Установленіе такого взгляда на органическій міръ, отожествленіе его, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ исходнаго матеріала, изъ котораго этотъ органическій міръ образованъ, съ міромъ мертвымъ минеральнымъ, и было основнымъ пріобрѣтеніемъ органической химіи до 1829 года.

Чѣмъ же замѣчательна эта послѣдняя дата? Тѣмъ, что *Вёлеръ* въ этомъ году воспроизвелъ искусственно мочевину, вещество, встрѣчающееся въ животномъ организмѣ. До этого времени образованіе органическихъ соединеній, ихъ синтезъ изъ воды, углекислоты и амміака приписывали исключительно дѣйствію таинственной «жизненной силы», а не дѣйствію тѣхъ физическихъ и химическихъ силъ, взаимодѣйствіе которыхъ обусловливаетъ собою различные процессы, совершающіеся въ «мертвой» природѣ. Но синтезъ мочевины не произвелъ должнаго переворота въ умахъ химиковъ. Этотъ синтезъ одного изъ очень несложныхъ органическихъ соединеній, являющагося кромѣ того отбросомъ жизнедѣятельности организма, стоялъ въ наукѣ почти особнякомъ, какъ какой-то странный, мало объяснимый фактъ, несмотря на послѣдовавшія вскорѣ за нимъ—превращеніе ціанистоводородной кислоты въ муравьиную (*Пелузъ*) и полученіе уксусной кислоты при помощи хлористаго и сѣрнистаго углерода (*Кольбе*). Еще спустя 20 лѣтъ послѣ работы Вёлера *Берцеліусъ* въ 1849 году писалъ слѣдующее:

«Въ живой природѣ элементы, кажется, подчинены другимъ законамъ, нежели въ мірѣ неорганическомъ... Если бы можно было найти причину такого различія, то былъ бы найденъ ключъ къ теоріи органической химіи, но эта теорія настолько скрыта отъ насъ, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, что мы не имѣемъ надежды ее раскрыть». И затѣмъ Берцеліусъ прибавляетъ, очевидно, имѣя въ виду работу Вёлера и другихъ: «Да и хотя бы современемъ мы достигли того, что приготовили бы изъ неорганическихъ веществъ нѣсколько веществъ, имѣющихъ составъ подобный инымъ истинно органическимъ веществамъ, все-таки такая имитація была-бы очень неполной и слишкомъ ограниченной для того, чтобы мы могли надѣяться также свободно синтезировать органическія соединенія, какъ мы подтверждаемъ теперь анализъ минеральныхъ веществъ ихъ синтезомъ».

Нѣсколько лѣтъ спустя, незадолго до того, какъ Бертело вступилъ на научное поприще, Жераръ писалъ, «что образованіе органическихъ веществъ

зависитъ отъ дѣйствія таинственной жизненной силы, дѣйствія противоположнаго и направленнаго противъ дѣйствія тѣхъ силъ, которыя мы привыкли считать причиной обыкновенныхъ химическихъ явленій...

«Я доказываю,—говоритъ Жераръ далѣе о своей классификаціи органическихъ соединеній, названной имъ «echelle de Combustion» *), что дѣятельность химика направлена въ сторону прямо противоположную силамъ живой природы; что химикъ сожигаетъ, уничтожаетъ, дѣйствуетъ анализомъ; что жизненная сила одна, и только одна, дѣйствуетъ синтетически, творитъ, возстановляетъ зданія, которыя разрушаются дѣйствіемъ химическихъ силъ».

Въ такомъ состояніи находилась органическая химія, когда Бертело, которому не было еще и тридцати лѣтъ, приступилъ къ работамъ въ этой области. Приложеніе электричества къ химическимъ изслѣдованіямъ дало въ рукахъ Бертело блестящіе результаты. При помощи такъ называемаго «философскаго яйца», т.-е. яйцеобразнаго сосуда, въ который проникаютъ угольные стержни, служащіе для образованія Вольтовой дуги, разрядной искры отъ сильной электрической батареи, пропуская въ этотъ сосудъ токъ водорода, Бертело получилъ простѣйшее изъ соединеній водорода съ углеродомъ—*ацетиленъ*. Отнимая накаленной мѣдью сѣру отъ сѣрнистаго углерода и сѣроводорода, Бертело вызвалъ соединеніе углерода съ водородомъ въ пропорціяхъ, отвѣчающихъ составу *метана—болотнаго газа*, простѣйшаго предѣльнаго углеводорода. Пропуская сквозь накаленную трубку ацетиленъ, онъ заставилъ его уплотниться въ *бензолъ*, *нафталинъ*, *антраценъ* и другіе ароматическіе углеводороды. Для того, чтобы оцѣнить по достоинству эти работы Бертело, надо принять во вниманіе, что углеводороды являются по своей природѣ первичными, исходными веществами для полученія въ лабораторіи безконечныхъ рядовъ всевозможныхъ органическихъ углеродистыхъ соединеній, какъ находимыхъ въ живыхъ организмахъ, такъ и искусственныхъ, появляющихся впервые въ колбахъ и ретортахъ химиковъ, каковы, напримѣръ, анилиновыя краски, искусственныя сахаристыя вещества, безконечный рядъ новѣйшихъ противолихорадочныхъ и иныхъ лѣкарственныхъ средствъ. Бертело началъ, а за нимъ и другіе химики всѣхъ странъ не перестаютъ работать надъ синтезомъ все новыхъ и новыхъ органическихъ веществъ. Конечной, завѣтной цѣлью, достиженіе которой является столь желаннымъ для всѣхъ этихъ неутомимыхъ работниковъ, служитъ синтезъ крахмалистыхъ и бѣлковыхъ веществъ—основныхъ матеріаловъ человѣческой пищи, и надежды на достиженіе завѣтной цѣли растутъ. И самъ великій иниціаторъ синтетическихъ химическихъ работъ имѣетъ утѣшеніе на склонѣ своихъ дней слышать то о блестяще выполненномъ синтезѣ сахаровъ, то объ искусственныхъ возбудителяхъ—алколоидахъ. Онъ счастливъ, по его словамъ, предвозвѣщать людямъ эти побѣды науки, вѣрой въ которую полна его жизнь. Бертело обращается, напр., въ 1895 г. на конгрессѣ дѣятелей прикладной химіи съ рѣчью объ этомъ «хлѣбѣ

*) Шкала, по которой располагаются химическія соединенія на основаніи результатовъ ихъ сожиганія.

насущномъ», который наука будетъ современемъ, «въ 2000 году» (его слова) готовить въ своихъ лабораторіяхъ. Но кромѣ этой, такъ сказать, прикладной, матеріальной цѣли химіи, у нея, какъ у всякой другой истинной науки существуетъ другая—идеальная, общефилософская цѣль. Такою объединяющей идеей для всѣхъ научныхъ работъ Бертело является тотъ своеобразный практическій, дѣйственный позитивизмъ, который заставляетъ Бертело, этого послѣдняго изъ энциклопедистовъ, какъ его мѣтко назвалъ *Лейгъ*, бороться съ идеей о таинственной, жизненной силѣ. Вся научная дѣятельность Бертело, занимается ли онъ изслѣдованіемъ и синтезомъ органическихъ соединеній, опредѣляетъ ли онъ скорости химическихъ реакцій превращенія химической энергіи въ электрическую и тепловую, изучаетъ ли онъ путемъ точныхъ анализовъ измѣненіе въ составѣ растеній по мѣрѣ ихъ роста, все направлено къ одной задачѣ — разгадать тайну жизни, овладѣть природой настолько, чтобы въ колбѣ, въ тиши химической лабораторіи творить по своему произволу и желанію тѣ вещества, которыя такъ легко и свободно, подъ дѣйствіемъ солнечной энергіи, порождаются изъ элементовъ и простѣйшихъ химическихъ соединеній въ растительныхъ и животныхъ организмахъ. Съ вызоты этой гигантской задачи такія многочисленныя работы Бертело, какъ работы по термохиміи, по изученію связи между химическими и тепловыми явленіями, являются лишь отдѣльными главами въ той великой книгѣ, которую представляетъ собою вся его научная жизнь.

Работъ Бертело по термохиміи, гдѣ онъ является изобрѣтателемъ новыхъ, изящныхъ, геніальныхъ по своей простотѣ, способовъ опредѣленія теплоты, выдѣляющейся или поглощаемой при химическихъ реакціяхъ, такихъ работъ хватило бы на цѣлые десятки обыкновенныхъ рядовыхъ ученыхъ, для него же это только глава, страница, отдѣльная стадія всей его жизненной задачи. Работы, посвященныя этимъ вопросамъ термохиміи и химической динамики, объединены въ двухъ обширныхъ томахъ, называющихся «Esais de mécanique chimique» и «Thermochimie, lois et donnés numériqes».

Жажда знать, чего достигли изслѣдователи природы въ отдаленнѣйшія времена человѣческой культуры, стремленіе подойти къ началамъ, источникамъ химическихъ знаній, прослѣдить во всей полнотѣ исторію химическихъ воззрѣній заставляетъ Бертело обратиться къ изученію ассирійскихъ, египетскихъ и арабскихъ древностей. Бертело—полиглотъ, свободно владѣющій цѣлымъ рядомъ мертвыхъ и живыхъ языковъ, принимается за дешифрированіе и возстановленіе различныхъ древнихъ папирусовъ и надписей и шагъ за шагомъ слѣдитъ, какъ мало-по-малу, накопляя наблюденные или добытые случайными опытами факты, древніе медленно двигались по той же дорогѣ къ той же завѣтной цѣли. Результатомъ этихъ археологическихъ изысканій Бертело являются книги: «Les origines de l'Alchimie», «Collections des alchimistes grecs», «La chimie au moyen âge: essai sur la transmission de la science antique, l'alchimie syriaque, l'alchimie arabe». Вѣнцомъ этихъ историческихъ работъ, этого изученія развитія науки является книга объ основателѣ современной химіи Лавуазье, названная Бертело «La révolution chimique: Lavoisier». Въ этой книгѣ равный судитъ равнаго.

Съ Бертело началось новая, вторая глава химіи, какъ съ Лавуазье ведетъ свое начало современная химія.

Въ 1870 году прервалась мирная работа въ тиши лабораторій и аудиторій Бертело, ставшаго профессоромъ въ Collège de France, гдѣ заботами его учителя Балара была создана спеціально для геніальнаго ученика особая каѳедра, съ которой Бертело могъ знакомить французскую и иностраннную молодежь со своими работами. Грозный врагъ ворвался во Францію, изъѣденную и развращенную режимомъ третьей имперіи. Пруссаки обложили Парижъ. Бертело принесъ весь свой научный опытъ и всѣ свои знанія и геніальныя способности въ научную коммиссію національной обороны (Commission de la défense nationale), гдѣ онъ былъ избранъ предсѣдателемъ. Какъ новый Архимедъ, онъ льетъ пушки, фабрикуетъ динамитъ, организуетъ новые пороховые заводы внутри осажденной столицы. Вмѣстѣ съ другими учеными изыскиваетъ средства установить тѣмъ или другимъ способомъ сообщеніе между Парижемъ и провинціей. На Авронскомъ плато онъ слѣдитъ за дѣйствіемъ артиллеріи, спускается въ Кламарскъ и въ минные ходы для того, чтобы взорвать непріятельскія батареи въ Шатильонѣ. Онъ рискуетъ ежедневно своей жизнью, какъ самый неизвѣстный изъ рядовыхъ солдатъ. А душу его терзаютъ мысли о полной невозможности побѣды, о тщетѣ всѣхъ попытокъ положить преграду побѣдоносному шествію врага, потому что голодъ, болѣе свирѣпый, чѣмъ оружіе, помогаетъ пруссакамъ. Какой скорбью патріота, какой болью за униженную родину дышатъ воспоминанія Бертело объ этомъ времени, изложенныя во введеніи къ книгѣ «Sur la force des matières explosives d'après la thermochimie», гдѣ онъ резюмируетъ свои многочисленные опыты по изученію взрывчатыхъ веществъ. И здѣсь, какъ и вездѣ, Бертело является творцомъ новыхъ пріемовъ изслѣдованія, открывателемъ новыхъ явленій: взрывная волна, изученіе взрывчатаго горѣнія различныхъ веществъ и ихъ смѣсей, поведшее къ полученію ученикомъ Бертело—Вьелемъ новаго бездымнаго, прогрессивно горящаго пороха изъ нитроклѣтчатки. Съ этихъ поръ Бертело состоитъ предсѣдателемъ коммиссіи по изслѣдованію взрывчатыхъ веществъ (Comité des poudres et salpêtres), наблюдая за постоянною боевою готовностью французской арміи.

Еще два раза онъ выходилъ изъ стѣнъ лабораторіи, чтобы стать въ первые ряды правителей обновленной республиканской Франціи. Первый разъ онъ былъ избранъ депутатомъ въ февралѣ 1871 года, Бертело былъ всегда республиканцемъ, не даромъ сторонникомъ республики былъ и его отецъ настолько, насколько это было возможно при Луи Филиппѣ. Марселенъ Бертело находился среди подозрительныхъ, неблагонадежныхъ лицъ въ спискахъ наполеоновской полиціи. Вплоть до 1881 года большинство въ Сенатѣ состояло изъ клерикаловъ и реакціонеровъ, и тамъ не было мѣста для республиканца и позитивиста Бертело, но выборы 1881 года измѣнили составъ сената, и съ тѣхъ поръ Бертело, избранный пожизненнымъ сенаторомъ, засѣдаетъ на крайней республиканской и демократической лѣвой. Здѣсь, въ сенатѣ, Бертело постоянно проявлялъ заботу о судьбахъ низшаго, средняго и высшаго образованія во Франціи, способствуя увеличенію бюджета школъ, постройкѣ новыхъ зданій, лабораторій и институтовъ. Онъ предсѣда-

тельствовалъ въ коммиссіи, которая приготовила и провела проектъ закона объ реорганизаціи низшихъ школъ и объ исключеніи преподованія Закона Божія (écoles laïques) въ октябрѣ 1888 года. Въ томъ же году онъ оказалъ громадную услугу Франціи, оспаривая проектъ генерала Калейенона о рекрутированіи арміи, проектъ, не допускавшій льготъ по высшему образованію и вырывавшій молодыхъ людей въ самое дорогое время для ихъ развитія умственнаго и художественнаго изъ высшихъ научныхъ и художественныхъ училищъ. Со всей силой своего гибкаго и блестящаго краснорѣчія Бертело возсталъ и добился ограниченія этого закона и льготъ для будущихъ носителей высшей культуры Франціи. Въ качествѣ инспектора высшаго образованія (должность занятая имъ въ 1875 году по смерти его учителя Балара), онъ представилъ планъ преобразованія Facultés des sciences и ихъ лабораторій и вмѣстѣ съ Тэномъ и Ренаномъ вырабатывалъ въ коммиссіи 1888 года новый университетскій уставъ, благодаря которому возникли новыя лабораторіи, увеличено число профессоровъ, учреждены вновь должности maîtres de Conférences—профессоровъ общедоступныхъ университетскихъ курсовъ. Любовь къ наукѣ связывается у Бертело съ постоянной заботой о ея широкомъ распространеніи и популяризаціи. Съ 1886 года по 1887 Бертело былъ министромъ народнаго просвѣщенія въ министерствѣ Гобле. Въ качествѣ министра, ему часто ему приходилось произносить рѣчи, выдающіяся какъ по содержанію, такъ и по формѣ. Въ нихъ всегда проявляется философское отношеніе къ разбираемому вопросу, прерываемое и оживляемое иногда блестками остроумія и благороднаго юмора, въ нихъ всегда ясно и отчетливо звучатъ республиканскія идеи яраго поклонника принциповъ великой революціи. Образцомъ ораторскаго искусства Бертело являются рѣчи, посвященныя памяти Поля Бера, Клода Бернара, Пастера.

Во второй разъ Бертело былъ призванъ занять министерскій постъ, но на этотъ разъ по иностраннымъ дѣламъ, въ 1895 году. Въ теченіе его кратковременнаго министерства онъ энергично стоялъ за вмѣшательство въ дѣла Турціи съ цѣлью обуздать и прекратить турецкія звѣрства въ Арменіи и установить правильное отношеніе къ христіанамъ въ Малой Азіи.

Таковы заслуги Бертело передъ человѣчествомъ и Франціей. Понятно, почему на призывъ благодарныхъ учениковъ и сотоварищей по академіи наукъ, гдѣ Бертело съ 1887 года состоитъ непремѣннымъ секретаремъ, почтить пятидесятилѣтіе со дня появленія первой его работы, откликнулись не только ученые Франціи, но и всего міра.

День 12-го ноября 1901 года былъ истиннымъ праздникомъ всемірной, все объединяющей науки. Въ стѣнахъ старой Сорбонны собрались привѣтствовать великаго учителя представители науки и высшія власти страны.

Послѣ рѣчей министра народнаго просвѣщенія Лейга, академика Муассана, Дарбу и многихъ другихъ, послѣ чтенія поздравительныхъ адресовъ отъ всѣхъ академій (*за исключеніемъ Петербургской*, гдѣ, однако, Бертело состоитъ почетнымъ членомъ), отъ различныхъ ученыхъ обществъ и высшихъ учебныхъ заведеній Франціи, Бертело отвѣчалъ слѣдующей рѣчью:

«Господинъ президентъ, господинъ министръ, мои дорогіе собратья, сотова-

рищи и друзья, и вы, молодые люди, мои друзья и ученики! Я глубоко тронутъ и поистинѣ приведенъ въ смущеніе тѣми почестями, которыми вы меня только что осыпали. Это чествованіе, однако, я знаю, слѣдуетъ приписать не только вашей привязанности ко мнѣ лично, но и почтенію къ моему возрасту, уваженію къ моимъ долголѣтнимъ работамъ, а также и къ тѣмъ немногимъ услугамъ, которыя я могъ оказать родинѣ и своимъ ближнимъ.

«Прежде всего моему возрасту: проявленіе вашей симпатіи заставило вспыхнуть послѣднимъ яркимъ блескомъ лампаду моей жизни, готовую вотъ-вотъ потухнуть во мракѣ вѣчной ночи! Почтеніе, которое оказываютъ люди старцамъ, есть выраженіе солидарности, которая объединяетъ настоящія живущія поколѣнія съ тѣми, которыя намъ предшествовали, и тѣми, которыя послѣдуютъ за нами.

«Въ самомъ дѣлѣ, то, что мы представляемъ собою, всѣ наши качества лишь въ весьма малой степени можно приписать нашему труду, нашей личной индивидуальности, такъ какъ прежде всего мы обязаны этими свойствами нашимъ предкамъ, предкамъ по крови и предкамъ по духу. Если каждый изъ насъ прибавляетъ, вкладываетъ нѣчто въ общую сокровищницу, въ области ли науки, или искусства, или морали, то это случается лишь въ силу того, что долгій рядъ поколѣній жилъ, работалъ мыслилъ и страдалъ до насъ. Развѣ не долгіе и упорные труды нашихъ предшественниковъ сотворили, вызвали къ жизни ту науку, которую вы сегодня собрались здѣсь почтить.

«Каждый изъ насъ, какова бы ни была его личная иниціатива, долженъ приписывать значительную часть своихъ успѣховъ современнымъ ему ученымъ, наряду съ нимъ участвующимъ въ общей работѣ. Въ самомъ дѣлѣ, мы должны громогласно и открыто признать, что изъ всѣхъ блестящихъ открытій прошлаго вѣка ни одно не можетъ быть поставлено кому бы то ни было въ исключительную заслугу. Наука по самому существу своему есть коллективный трудъ, совершаемый въ теченіе времени усиліями множества работниковъ всѣхъ возрастовъ и всѣхъ народовъ, слѣдующихъ одни за другими и сплотившихся въ силу молчаливаго соглашенія для розысканія чистой истины и для приложенія этой истины къ непрестанному преобразованію и совершенствованію условій существованія всѣхъ людей, всего человѣчества.

«Нѣкогда на ученыхъ смотрѣли, какъ на небольшую группу досужихъ любителей, живущихъ на счетъ рабочихъ классовъ и выполняющихъ ни къ чему ненужную работу изъ праздняго и даже излишняго любопытства, для забавы и развлеченія баловней фортуны. Эта узкая и несправедливая точка зрѣнія, которая такъ мало соотвѣтствовала нашей любви къ истинѣ и нашимъ заслугамъ, этотъ предразсудокъ, наконецъ, мало-по-малу исчезъ, когда развитіе науки показало, что законы природы, открываемые ею, приложимы къ жизни, къ промышленности и что старые эмпирическіе рецепты, передаваемые преданіемъ, съ успѣхомъ можно замѣнить правилами, извлекаемыми изъ теорій, основанныхъ на наблюденіи и опытѣ.

«Кто нынѣ посмѣлъ бы смотрѣть на науку, какъ на пустую забаву, при видѣ несомнѣннаго общаго увеличенія благосостоянія, какъ общенароднаго, такъ

и частнаго, благосостоянія, всецѣло вытекающаго изъ даровъ науки? Для того, чтобы ограничиться наиболѣе разительнымъ примѣромъ услугъ, оказанныхъ человѣчеству наукой, достаточно сравнить жалкое, рабское положеніе народныхъ массъ въ прошедшемъ, какъ мы его узнаемъ изъ подлинныхъ историческихъ документовъ, съ настоящимъ ихъ положеніемъ, уже и нынѣ столь поднявшимся на извѣстный уровень достоинства и благополучія, мы не говоримъ уже о тѣхъ надеждахъ на еще болѣе лучшее будущее, которое провидятъ и котораго добиваются трудящіяся народныя массы. Можно ли найти такого государственнаго человѣка, который сомнѣвался бы въ еще большихъ благахъ отъ дальнѣйшихъ успѣховъ науки? *Наука—благодѣтельница человѣчества*!

«Вотъ какимъ образомъ осязаемая, стоящая воочію полезность научныхъ результатовъ заставила понять носителей общественной власти, что работу научныхъ лабораторій слѣдуетъ поощрять и поддерживать, потому что она выгодна для всѣхъ, для всего общества, какъ въ экономическомъ отношеніи, такъ и въ смыслѣ улучшенія общественнаго здоровья. Но это только часть и при томъ небольшая нашего царства.

«Наука простираетъ еще выше свои совершенно законныя притязанія. Она требуетъ нынѣ права управлять и матеріальной, и интелектуальной, и моральной жизнью обществъ. Подъ ея импульсомъ современная цивилизація идетъ впередъ все болѣе и болѣе быстрыми шагами.

«Съ первой половины только что истекшаго столѣтія, не восходя дальше, міръ измѣнился самымъ страннымъ, самымъ необычайнымъ образомъ: люди моего поколѣнія видѣли, какъ выступила на всемірную сцену на ряду съ природой, извѣстной еще съ древнихъ временъ, если не antiphysis, нѣкоторое противоположеніе природѣ, матеріальному міру, какъ это говорили въ старину, своего рода высшій матеріальный, какъ бы сверхнатуральный міръ, нѣчто какъ бы трансцендентное, гдѣ сила человѣческаго индивидума какъ бы увеличивается во сто разъ, благодаря преобразованіямъ силъ, до тѣхъ поръ пренебрегаемыхъ или остававшихся непонятными, силъ, которыя мы заимствуемъ отъ свѣта, магнетизма, электричества.

«И это не все: подымемся въ область идей, еще болѣе возвышенныхъ и плодотворныхъ. Изъ болѣе глубокаго познанія вселенной и физической и нравственной природы человѣка вытекаетъ новая концепція, новый взглядъ на судьбу человѣка, выражающійся главнымъ и основнымъ образомъ въ идеѣ о всемірной, всеобщей солидарности, между всѣми общественными классами, между всѣми народами: По мѣрѣ того, какъ узы, соединяющія народы, умножаются и становятся тѣснѣе по мѣрѣ прогресса науки, въ силу единства тѣхъ ученій, которыя она выводитъ изъ твердо установленныхъ фактовъ и которыя она внѣдряетъ въ человѣческіе умы безъ насилія, но и безповоротно, неизбѣжно, каковы бы ни были первоначальныя убѣжденія, эта идея о всеобщемъ братствѣ становится все болѣе и болѣе сильною и общераспространенною: она стремится неудержимо стать основаніемъ, строго-человѣчнымъ, и нравственности, и политики будущаго. А тѣмъ самымъ, и роль ученыхъ, какъ въ отдѣльности, такъ и разсматриваемыхъ какъ цѣлый соціальный классъ, пріобрѣла посте-

ненно все большее и большее значеніе въ современныхъ государствахъ. Но не надо никогда добавлять при этомъ, что тѣмъ самымъ увеличилась и наши обязаности по отношенію къ другимъ людямъ, этого не надо забывать никогда!

«Объявимъ объ этомъ всенародно, здѣсь, въ этомъ дворцѣ французской науки! Не для эгоистическаго удовлетворенія нашего личнаго тщеславія собрались здѣсь сегодня люди воздавать почести ученымъ. Нѣтъ! Но потому, что этимъ людямъ извѣстно, что ученый, истинно достойный этого имени, посвящаетъ безкорыстно свою жизнь великому дѣлу нашего времени, я хочу сказать, дѣлу улучшенія, увы! къ нашему сожалѣнію, слишкомъ медленному, судьбы всѣхъ, начиная съ богатыхъ, кончая самыми смиренными, бѣдными и страждущими! Вотъ что заявляли общественныя власти девять лѣтъ тому назадъ въ этой самой залѣ, чествуя Пастера, вотъ что стремился выразить мой другъ Шапланъ, въ той прекрасной медали, которую президентъ республики явился сюда мнѣ вручить. Я не знаю, достаточно ли полно я выполнилъ тотъ благородный идеалъ, который начерталъ артистъ, но я знаю, что всегда старался служить этому, сдѣлать изъ служенія родинѣ и истинѣ единственную цѣль моей жизни!» В. Яковлевъ.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА *).

Періодичность солнечныхъ пятенъ и связь съ нею атмосферныхъ явленій.—Что говоритъ опытъ о появленіи разновидностей.—Механическая теорія зрѣнія.—Сѣрнистый газъ, какъ дезинфицирующее и противопожарное средство.

35-ти-лѣтняя періодичность солнечныхъ пятенъ и связь съ нею атмосферныхъ явленій. Въ іюньской научной хроникѣ за истекшій годъ мы уже познакомили читателей нашего журнала съ работами англійскихъ астрономовъ *Локьеровъ* о солнечныхъ пятнахъ. Эти ученые указывали на ту связь, которая, хотя и съ сильными уклоненіями, но все же вырисовывается между установленной Вольфомъ одиннадцатилѣтней періодичностью этихъ пятенъ и нѣкоторыми атмосферными явленіями.

Недавно *Вильямъ Локьеръ* сдѣлалъ лондонскому королевскому обществу новое, весьма важное сообщеніе по вопросу о солнечныхъ пятнахъ.

Изъ наблюденій съ 1833 по 1900 годъ онъ открылъ, что существуетъ, кромѣ одиннадцатилѣтней, еще другая, бо́льшая періодичность въ явленіи солнечныхъ пятенъ, приблизительно въ 35 лѣтъ.

Локьеръ предполагаетъ, что измѣненія солнечныхъ пятенъ, соотвѣтствующія тридцатипятилѣтней періодичности, являются слѣдствіемъ подобныхъ же измѣненій солнечной атмосферы, а это не можетъ остаться безъ вліянія и на земную атмосферу.

---

*) Въ «Научной хроникѣ», помѣщенной въ декабрьской книжкѣ истекшаго года. на стран. 90-й, 21-ая строка снизу, нужно исправить слѣдующую опечатку: идущія послѣ слова «царицу» слова «или же» замѣнить: «т.-е».

Дѣйствительно, изучая колебанія уровня водъ, количества атмосферныхъ осадковъ, барометрическаго давленія и температуры и т. п., *Э. Брюкнеръ* пришелъ къ выводу, что существуетъ періодичность въ измѣненіи климатовъ на всей земной поверхности и что средній періодъ равняется приблизительно 34,8±0,7 годамъ. Брюкнеръ былъ такъ увѣренъ въ зависимости этой періодичности отъ какой нибудь космической причины, что даже, когда не могъ найти въ данныхъ Вольфа и намека на 35-ти-лѣтніе періоды, все же утверждалъ, что послѣдніе должны существовать и будутъ открыты, если не въ солнечныхъ пятнахъ, то въ какомъ нибудь другомъ явленіи солнечной жизни. И его предсказанія оправдались: выводы Брюкнера находятся въ полномъ соотвѣтствіи не только съ продолжительностью періода, установленнаго нынѣ Локьеромъ, но и съ максимумомъ и минимумомъ этого періода.

Проф. *Рихтеръ*, также *до* послѣдней работы Локьера, изъ подробнѣйшаго изученія движеній ледниковъ вывелъ заключеніе, что эти движенія въ общемъ находятся въ связи съ измѣненіями климата, указанными Брюкнеромъ. Подобную же періодичность въ 33—34 года вывелъ *Ш. Эгезонъ* для выпаденія дождей, бурь и нѣкоторыхъ другихъ метеорологическихъ явленій въ г. Сиднеѣ, *Мельдренъ* для максимовъ циклоновъ и *Киппенъ* для колебаній средней температуры.

Въ настоящее время мы приближаемся къ періоду максимума солнечныхъ пятенъ, который по своей интенсивности долженъ соотвѣтствовать максимуму 1870—78 г. Поэтому, если, этотъ максимумъ дѣйствительно оправдается и будетъ связанъ съ такими же метеорологическими и магнитными явленіями, какъ и минимумъ 1870—78 г., то выводы Локьера и Брюкнера получатъ блестящее подтвержденіе.

Что говоритъ опытъ о появленіи разновидностей *). Является ли причиной разновидности *возрастъ*? Многими опытами *Cossart Ewart* убѣдился что первыя половыя клѣточки, хотя и достигшія зрѣлости, бываютъ часто безплодными. Такъ, напр., если изолировать двухъ голубей одного и того же гнѣзда и спаривать ихъ тотчасъ же по наступленіи зрѣлости, то очень рѣдко бываетъ, чтобы первая или вторая пара яицъ дали бы хоть одного птенца. То же самое случается, если спариваются два очень молодыхъ голубя, хотя не состоящихъ въ родствѣ. Если же молодая самка спаривается съ сильнымъ, достигшимъ полной зрѣлости самцомъ или молодой самецъ спаривается съ сильной, достигшей полной зрѣлости самкой, то и первыя ихъ яйца всегда даютъ птенцовъ.

Слѣдующіе опыты показываютъ, что различіе въ возрастѣ родителей можетъ быть причиной появленія разновидности. Полевой аспидно-сизый голубь-самецъ, хотя и выросшій въ неволи, но вполнѣ чистой расы, спарился, не достигнувъ зрѣлости, съ молодой бѣлой самкой; другой такой же голубь спарился съ черной самкой, достигшей полной зрѣлости. Отъ первой пары родился одинъ бѣлый

*) Этому вопросу посвящена президентская рѣчь, произнесенная Cossart Ewart на недавнемъ конгрессѣ британской ассоціаціи наукъ. Рѣчь эта содержитъ чрезвычайно много новыхъ фактовъ и обобщеній и потому мы считаемъ необходимымъ познакомить нашего читателя съ ея содержаніемъ.

отъ второй два черныхъ птенца; бѣлый птенецъ умеръ, какъ только покинулъ гнѣздо, и причиной этому, вѣроятно, была молодость его родителей, у которыхъ не вышли птенцы также и изъ второй и изъ третьей пары яицъ и только четвертая пара яицъ дала двухъ голубей, достигшихъ впослѣдствіи зрѣлости. Оба эти послѣдніе голубя были темнѣе, здоровѣе и больше отца; хвостъ у нихъ синій, какъ у индійской разновидности, и какъ у нѣкоторыхъ голубей запада, крылья слегка волнистыя, но отъ отца они существенно отличаются только четырьмя лишними перьями въ хвостѣ. Въ цѣломъ рядѣ птенцовъ, происшедшихъ отъ другого самца и черной самки, можно было также наблюдать различіе въ клювѣ, крыльяхъ и т. д., но интереснѣе всего то, что постепенно черный цвѣтъ птенцовъ переходилъ въ аспидно-сизый. *Cossart Ewart* объясняетъ это тѣмъ, что съ каждой новой парой сила самца увеличивалась.

Играетъ ли роль въ появленіи разновидности *зрѣлость половыхъ клѣтокъ?* Если, какъ мы видимъ, разницей въ возрастѣ можно объяснить, почему члены первыхъ выводковъ или пометовъ похожи на одного изъ родителей, то этого недостаточно, чтобы объяснить очень ярко выраженное различіе, нерѣдко существующее между птенцами одного и того же выводка или между членами человѣческой семьи. Нужно поэтому признать, что различіе между членами одной семьи зависитъ отъ разницы между половыми клѣточками. *Cossart Ewart* констатировалъ, что если самка-заяцъ, достигшая полной зрѣлости, оплодотворяется немного ранѣе овуляціи болѣе сильнымъ самцомъ, то зайчата походятъ на отца; если же оплодотвореніе происходитъ въ періодъ овуляціи, то нѣкоторые зайчата походятъ на отца, другіе на мать, и только нѣкоторые обладаютъ совершенно новыми признаками, или же, наконецъ, походятъ на одного или на нѣсколькихъ своихъ предковъ. Если же оплодотвореніе происходитъ приблизительно 30 часовъ послѣ овуляціи, всѣ зайчата безъ исключенія походятъ на мать.

Условія, въ которыхъ находится организмъ, могутъ ли быть причиной появленія разновидности? Многое говоритъ за то, что измѣненія какой-нибудь части тѣла, способныя повліять на общее состояніе организма, вліяютъ также и на половыя клѣточки, такъ какъ вѣдь тѣло высшихъ организмовъ то же, что окружающая среда для простѣйшихъ. Если болѣзнь ослабляетъ организмъ или вредитъ питанію половыхъ клѣточекъ, то не можетъ ли она быть причиной разновидности? Вотъ, что дали опыты Cossart Ewart'a. Яйца пары индійскихъ голубей, въ крови которыхъ находилось очень много паразитовъ, схожихъ очень съ паразитами маляріи, оказались всѣ безплодны. Яйца самки съ многочисленными паразитами и самца съ малымъ ихъ количествомъ дали птенцовъ, но эти послѣдніе умерли раньше, чѣмъ они были въ состояніи покинуть гнѣздо. Старый самецъ съ небольшимъ количествомъ паразитовъ въ крови и здоровый англійскій голубь произвели только одного птенца; у здоровой англійской самки-голубя и того же больного маляріей стараго индійскаго самца единственный птенецъ походилъ на мать. Ко времени же второй носки яицъ индійскій голубь выздоровѣлъ отъ маляріи и птенцы, вышедшіе изъ этихъ яицъ имѣли всѣ характерные признаки дикаго полевого голубя. Причину поражающей разницы между птенцами перваго и втораго выводка слѣдуетъ отнести не къ самимъ паразитамъ маляріи, но къ ослабленію организма.

Другіе аналогичные опыты показываютъ, что на половыя клѣточки вліяютъ и другія болѣзни, причемъ иногда болѣзни эти затрогиваютъ до такой степени непосредственно окружающую среду половыхъ клѣточекъ, т.-е. половыя железы, что эти послѣднія могутъ оказаться вполнѣ безплодными. Въ 1900 г. у двухъ кобылъ отъ одного и того же гнѣдого арабскаго коня, страдавшаго болѣзнью половыхъ железъ, родились жеребята совершенно не похожіе на отца. Въ 1901 г. отъ того же арабскаго коня, но уже вполнѣ выздоровѣвшаго родилось три жеребенка, изъ которыхъ одинъ вполнѣ походитъ на отца, а остальные два—вообще на арабскихъ лошадей. Но всѣ эти факты не доказываютъ, что половыя клѣточки страдающихъ, напр., подагрой обязательно дадутъ подагриковъ, хотя въ силу того, что жизнедѣятельность половыхъ клѣточекъ страдаетъ у подагриковъ, потомки ихъ будутъ менѣе сильны и, слѣдовательно, болѣе подвержены заболѣванію подагрой или другой болѣзнью, чѣмъ ихъ ближайшіе предки.

Можетъ ли *перемѣна* среды порождать разновидность? Уже давно замѣчено, что перемѣна среды или увеличиваетъ или ослабляетъ плодовитость. Экзотическія растенія, перенесенныя въ нашъ климатъ, часто бываютъ сначала совершенно безплодными, послѣ же акклиматизаціи чрезвычайно плодовитыми и дающими много разновидностей. Пони, привезенный изъ Индіи, цѣлыхъ три мѣсяца оставался совершенно безплоднымъ. Кромѣ того имѣются факты, показывающіе, что на половыя клѣточки вліяютъ нормальныя измѣненія, напр., линяніе у птицъ и у млекопитающихъ. Такъ голуби, при остальныхъ равныхъ условіяхъ, вышедшіе вначалѣ лѣта больше и сильнѣе вышедшихъ въ концѣ лѣта. Прямое вліяніе среды: пища, температура, влажность и т. д., можетъ уменьшить, увеличить или вообще измѣнить тѣмъ или инымъ образомъ все тѣло или часть его, но эти измѣненія вліяютъ на половыя клѣточки только въ смыслѣ замедленія или усложенія наступленія зрѣлости зародыша и не способны вызвать у зародыша появленія опредѣленныхъ новыхъ анатомическихъ или функціональныхъ признаковъ.

Является ли *скрещиваніе* непосредственной причиной образованія разновидности или же оно вызываетъ возвратъ къ первоначальному типу?

Cossart Ewart, на основаніи своихъ опытовъ, приходитъ къ заключенію, что скрещиванье двухъ различныхъ разновидностей ведетъ къ потерѣ наиболѣе рѣзкихъ отличій родителей и къ болѣе или менѣе полному возврату къ первоначальному типу.

Путемъ скрещиванія невозможно получить новые признаки или соединить всѣ признаки двухъ различныхъ видовъ въ одномъ индивидуумѣ, но если взять сильныхъ и здоровыхъ птицъ, то все же нѣкоторые признаки одной разновидности могутъ быть перенесены на другую. Напр., черныя уши, лапы и пр. гималайскаго кролика могутъ быть, благодаря скрещиванію, скомбинированы съ характерной формой, длинной шерстью и привычками ангорскаго кролика.

Скрещиваніе же родственныхъ индивидуумовъ въ удобно выбранный моментъ можетъ явиться причиной прогрессивнаго измѣненія, въ другое время, наоборотъ, подобное скрещиваніе приводитъ въ вырожденію. Если, напр., скрещиваются очень молодые индивидуумы одного помета, или выводка или больные

и родственные другъ другу индивидуумы, то потомство часто уже отличается отъ своихъ родителей; тотъ же эффектъ получается при скрещиваніи вполнѣ взрослыхъ и по виду сильныхъ индивидуумовъ, но родственныхъ уже въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ. Такое потомство отличается обыкновенно слабостью сложенія и необыкновенной чувствительностью, обыкновенно подобные экземпляры не выживаютъ, но если и достигаютъ зрѣлости, при усиленномъ питаніи, то, несмотря на обиліе половыхъ клѣточекъ, производятъ крайне незначительное число дѣтей и, что особенно характерно, часто бѣлыхъ, или совершенно лишенныхъ пигмента.

Весной 1900 г. Ewart скрестилъ самку сѣраго кролика съ самцомъ того же помета, но цвѣта бѣлаго съ чернымъ. Дѣти представляли большое различіе въ окраскѣ; съ однимъ изъ нихъ, окрашеннымъ, какъ отецъ, та же сѣрая самка дала новый пометъ, гдѣ всѣ дѣти, за исключеніемъ одного, были менѣе рѣзкой окраски, чѣмъ отецъ. Два изъ нихъ съ наиболѣе рѣзкой окраской были скрещены другъ съ другомъ и дали дѣтенышей, почти сплошь бѣлыхъ; съ однимъ изъ самцовъ этого помета была снова скрещена первая сѣрая самка, она принесла двухъ совершенно бѣлыхъ кроликовъ, двухъ только съ темной полоской на спинѣ, двухъ слабо окрашенныхъ и одного чернаго. Скрещиваніе между родственниками у голубей даетъ тѣ же результаты, и Ewart думаетъ, что бѣлые фазаны, куропатки и птицы маленькихъ острововъ Великаго океана, съ характерными бѣлыми пятнами, появились, благодаря скрещиванію между родственниками.

Какимъ же образомъ новыя разновидности не уничтожаются скрещиваньемъ? Что произойдетъ, если нѣсколько различныхъ расъ рогатаго скота оставить на свободѣ на большомъ, но ограниченномъ пространствѣ, въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени? Многіе зоологи отвѣтятъ на это, что скрещиваніе приведетъ, въ концѣ концовъ, къ одной расѣ; нѣкоторые полагаютъ, что разновидности могутъ сохраниться и на ограниченномъ пространствѣ, если только они не способны давать при скрещиваньи потомство. *Cossar Ewart* утверждаетъ, что опыты говорятъ противъ такого спасительнаго вліянія физіологической изоляціи на новыя разрушающее дѣйствіе скрещиванія. Съ другой стороны факты указываютъ, что разновидности часто не только не поглощаются первоначальными, но, наоборотъ, сами поглощаютъ послѣднихъ и даютъ начало еще другимъ новѣйшимъ. Ясно, по мнѣнію Ewart'a, что здѣсь дѣло, такъ сказать, въ перевѣсѣ однихъ разновидностей надъ другими и что двѣ или нѣсколько разновидностей, хотя бы даже и способныхъ давать другъ съ другомъ потомство, могутъ сохраниться со всѣми своими особенностями и на ограниченномъ пространствѣ. Ewart приводитъ въ примѣръ свои опыты съ однимъ исландскимъ пони, который при скрещиваньи съ арабской лошадью или съ шотландскимъ пони давалъ потомство, которое и по масти, и по темпераменту, и по ходу было совершенно копіей этого исландскаго пони, оказавшагося, такимъ образомъ, сильнѣе, чѣмъ старыя расы. Нѣсколько такихъ пони, помѣщенныхъ на свободѣ, въ какой угодно мѣстности, безспорно могутъ положить начало новой расѣ пони. Это вѣрно и для другихъ видовъ. Черные, безрогіе гелловейскіе волы часто оказываются столь сильными, что при скрещиваніи съ длиннорогими коровами свѣтлой окраски даютъ все же потомство, идущее на рынкѣ

за гелловейскую чистую породу. Совершенно также волкъ оказывается сильнѣе собаки, дикій кроликъ—домашняго и т. д. Ewart приводитъ слѣдующій весьма демонстративный опытъ. Сѣрая самка, внучка дикаго кролика, была скрещена съ самцомъ, шкура котораго была украшена блестящими свѣтлыми пятнами. Изъ 6 дѣтенышей перваго помета трое совершенно походили на отца; съ однимъ изъ нихъ снова была скрещена та же сѣрая самка и принесла восьмерыхъ, всѣхъ съ блестящими пятнами; съ однимъ изъ этихъ внуковъ она принесла двухъ дѣтенышей съ такими же пятнами, двухъ бѣлыхъ и двухъ сѣрыхъ. Такимъ образомъ, новыя разновидности не только могутъ избѣгнуть поглощенія старыми, но и передавать свой перевѣсъ, почти безъ измѣненія, какъ мы то видѣли на примѣрѣ пятнистаго кролика, своимъ потомкамъ — прогрессивное развитіе становится возможнымъ въ опредѣленномъ направленіи.

Еще болѣе важное значеніе для сохраненія появившихся разновидностей имѣетъ факторъ, названный Ewart'омъ *избирательной наслѣдственностью*. Прекрасный примѣръ такой наслѣдственности наблюдается въ семействѣ ворона. Воронъ совершенно черенъ, у вороны же грудь и спина сѣрая. Эти двѣ разновидности способны къ скрещиванію, но никогда не даютъ помѣсей, птенцы или черны, или сѣры и часто въ одномъ гнѣздѣ встрѣчаются обѣ разновидности. То же наблюдается и среди различныхъ породъ кошекъ; когда онѣ скрещиваются, то котята одного и того же помета—одни являются представителями одной породы, другія—другой.

Среди кроликовъ такая избирательная наслѣдственность тоже встрѣчается, но у кошекъ она выражена гораздо рѣзче, и Ewart предполагаетъ, что, вѣроятно, отчасти благодаря этому, въ природѣ встрѣчается такъ много различныхъ видовъ и разновидностей кошекъ и такъ мало—кроликовъ.

Итакъ, по мнѣнію англійскаго зоолога, если новая разновидность владѣетъ достаточнымъ перевѣсомъ, то она можетъ даже поглотить болѣе старыя разновидности, и если двѣ или нѣсколько такихъ разновидностей проявляютъ избирательную наслѣдственность, то онѣ могутъ развиваться бокъ-о-бокъ и даже образовать, въ концѣ концовъ одинъ или нѣсколько различныхъ видовъ.

Способность къ совершенному перевѣсу надъ другими разновидностями вырабатывается, конечно, подъ вліяніемъ окружающей среды, которая удаляетъ индивидуумовъ, къ ней не приспособленныхъ,—но сила выжившихъ зависитъ уже не столько отъ самой среды, какъ отъ степени ихъ перевѣса надъ другими и отъ избирательной наслѣдственности, которыя защищаютъ ихъ отъ опасности изчезнуть подъ вліяніемъ скрещиванія.

Что касается до другихъ факторовъ, выставлявшихся многими, какъ причины появленія разновидностей, то нѣкоторые изъ нихъ Ewart отрицаетъ на основаніи своихъ опытовъ, какъ, напр., вліяніе впечатлѣній самки во время беременности и телегонію, относительно другихъ высказывается отрицательно, въ силу общихъ соображеній. Такъ, онъ допускаетъ, что непосредственное вліяніе окружающей среды на соматическія *) клѣтки можетъ быть не прямой причиной варіаціи, но утверждаетъ, что все говоритъ противъ того, что соматическія измѣненія могутъ быть унаслѣдованы.

*) Соматическія клѣтки, т. е. клѣтки тѣла противопоставляются клѣткамъ половымъ.

Особенно подробно останавливается Ewart на опытахъ своихъ и барона *Парана*, касающихся вопроса о телегоніи. Какъ извѣстно Дарвинъ признавалъ *телегонію*, т.-е. то, что первый самецъ, съ которымъ скрещивается самка, имѣетъ вліяніе на потомство этой самки отъ другихъ, послѣдующихъ самцовъ. Убѣдилъ Дарвина въ этомъ такъ называемый «опытъ лорда Мортона», въ которомъ отъ гнѣдой кобылы, слученой съ чернымъ арабскимъ жеребцомъ, родилось трое обыкновенныхъ жеребятъ и одинъ жеребенокъ полосатый, какъ квагга. Мортонъ и Дарвинъ объяснили это тѣмъ, что раньше эта же самая гнѣдая кобыла была случена съ квагой и имѣла отъ послѣдней полосатыхъ ублюдковъ.

Какъ мы уже упоминали, спеціальные опыты Ewart'a и Парана (въ Бразиліи), производившіеся въ теченіе многихъ лѣтъ на сотняхъ индивидуумовъ, не дали ни одного случая, подобнаго мортоновскому, и Ewart объясняетъ послѣдній не телегоніей, а возвратомъ къ первоначальному типу, такъ какъ знаменитая нынѣ гнѣдая кобыла была помѣсью арабской лошади и мѣстной индійской, и индійскіе пони сѣраго цвѣта и съ большимъ количествомъ полосъ. Легче допустить въ кобылѣ примѣсь крови этихъ пони, чѣмъ, на основаніи одного факта, отрицать сотни другихъ и вводить такое странное объясненіе, какимъ является телегонія.

Итакъ, *Cossart Ewart*, на основаніи многочисленныхъ опытовъ, приходитъ къ тому выводу, что разновидности образуются не только благодаря легкимъ различіямъ въ питаніи отдѣльныхъ половыхъ клѣтокъ и различія въ зрѣлости ихъ, но также благодаря различію въ возрастѣ, силѣ и здоровьи родителей; скрещиваніе же, будучи непосредственной причиною появленія регрессивныхъ разновидностей, является лишь *непрямой* причиной появленія прогрессивныхъ разновидностей, но скрещиваніе между родственными индивидуумами въ удобный для сего моментъ, можетъ послужить причиной появленія прогрессивной варіаціи. Прогрессъ же въ опредѣленномъ направленіи, вѣроятно, часто обязанъ тому, что новыя разновидности вытѣсняютъ старыя и что многія разновидности могутъ владѣть избирательной наслѣдственностью въ достаточной степени для того, чтобы существовать бокъ-о-бокъ въ одной и той же мѣстности и даже образовать новые виды.

Механическая теорія зрѣнія. Пизонъ въ своемъ сообщеніи парижской академіи о «Движеніи пигментныхъ зеренъ у оболочниковъ» предлагаетъ замѣнить химическую теорію зрѣнія—механической. У всѣхъ животныхъ, какъ позвоночныхъ, такъ и безпозвоночныхъ, въ зрительныхъ органахъ, въ какой бы стадіи развитія послѣдніе ни находились, хотя бы были редуцированы до нѣсколькихъ клѣточекъ, всегда находятся пигментныя зернышки, обладающія очень быстрыми движеніями. Это-то присутствіе пигментныхъ зеренъ въ непосредственномъ соприкосновеніи съ зрительными клѣточками и постоянное движеніе этихъ зеренъ, наводитъ Пизона на мысль, не являются ли они посредниками въ раздраженіи зрительныхъ клѣточекъ, воспринимая энергію свѣтового колебательнаго движенія и передавая ее, въ свою очередь, палочкамъ и конусамъ ретины. Молекулярное сотрясеніе, такимъ образомъ полученное зрительными клѣтками, передается по длинѣ зрительнаго нерва до мозговыхъ центровъ.

Сѣрнистый газъ, какъ дезинфицирующее и противопожарное средство. Способы, употребляемые нынѣ для уничтоженія крысъ, убиваютъ этихъ распространителей чумы, но не ихъ паразитовъ, которые, какъ было уже выяснено въ нашемъ декабрьскомъ научномъ обзорѣ играютъ наиболѣе важную роль въ распространеніи чумы. Средствомъ, убивающимъ какъ крысъ, такъ и ихъ паразитовъ, является сѣрнистый газъ (сѣрнистый ангидридъ—SO_2). Еще Пастеръ и Ру обратили вниманіе на этотъ газъ, какъ на дезинфицирующее средство. Штернбергъ и Валэнъ показали, что газъ этотъ уничтожаетъ микробы рожистаго воспаленія, послѣродовой горячки и туберкулеза. Какимъ бы способомъ ни пользовались для полученія этого газа, способность его проникать всюду огромна. Чувствительныя реактивныя бумажки, положенныя въ средину матрацовъ, шкафовъ и другихъ вещей, находящихся въ дезинфицируемыхъ комнатахъ, всегда обнаруживали присутствіе этого газа. Но до недавняго времени употребленіе сѣрнистаго газа въ дезинфекціонной практикѣ было очень незначительно, вслѣдствіе несовершенства аппаратовъ, и только всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ американцемъ Клейтономъ былъ изобрѣтенъ апаратъ, вполнѣ пригодный для употребленія. Въ немъ сѣрнистый ангидридъ получается сжиганіемъ сѣры, которая помѣщается въ цилиндрѣ, постоянно наполняемомъ воздухомъ при помощи вентилятора, приводимаго въ движеніе небольшимъ паровымъ или газовымъ моторомъ. Въ Англіи и Америкѣ апаратъ этотъ все болѣе и болѣе входитъ въ употребленіе для уничтоженія крысъ и дезинфекціи товаровъ при первомъ появленіи чумы на пароходахъ и въ портахъ, куда заходятъ пароходы. Аппаратъ ставится въ трюмъ, крысы, спасаясь отъ удушливаго газа, выходятъ изъ своихъ норъ и обыкновенно околѣваютъ на тюкахъ съ товарами. Какъ трупы крысъ, такъ и ихъ паразиты не могутъ быть уже распространителями заразы, такъ какъ они дезинфицированы вполнѣ. Ни товаръ, ни съѣстные продукты совершенно не портятся отъ дѣйствія сѣрнистаго газа, чай и кофе сохраняютъ свой вкусъ, ячмень не теряетъ способности произрастать.

Уже 8 лѣтъ пароходами, совершающими рейсы между Гаваной и Новымъ Орлеаномъ, съ большимъ успѣхомъ примѣняется дезинфекція при помощи аппаратовъ Клейтона для уничтоженія микроба желтой лихорадки. Каждыя двѣ недѣли въ теченіе 24 часовъ трюмъ наполняется сѣрнистымъ ангидридомъ, но ни экипажъ, ни пассажиры не испытываютъ отъ этого никакихъ неудобствъ.

Аппаратъ Клейтона, кромѣ того, можетъ служить для тушенія пожара; американскія страховыя общества пароходамъ, перевозящимъ хлопокъ и легко воспламеняющійся уголь, дѣлаютъ скидку въ 33%, если пароходы снабжены аппаратомъ Клейтона. Масса опытовъ продѣлывалась съ цѣлью испытать пригодность сѣрнистаго газа при тушеніи пожара. Вотъ одинъ изъ нихъ. Въ комнату складывали до 8 футовъ въ вышину сахаръ и сосновыя дрова, все обливалось керосиномъ и зажигалось; когда огонь горѣлъ уже во всю свою силу въ теченіе $3^1/_2$ минутъ, впускался сѣрнистый газъ, пламя тотчасъ же опускалось а какъ только закрывали до того открытую дверь, и совсѣмъ исчезало.

В. Аг.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“.

Январь 1902 г.

Содержаніе: Беллетристика. — Исторія литературы.— Исторія всеобщая и русская.—Политическая экономія.—Естествознаніе.—Медицина и гигіена.—Народное образованіе.—Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію.—Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Иннокентій Анненскій.—«Меланиппа-философъ». Трагедія.—*Вольтеръ*. «Философскіе романы».—*Иванъ Франко*. «Въ потѣ лица».

Меланиппа-философъ. Трагедія. Иннокентія Анненскаго. Спб. 1901 г. Ц. 75 к. Ин. Ѳ. Анненскій, пользующійся уже почетною извѣстностью въ литературѣ, какъ авторъ капитальнаго труда по переводу, въ стихахъ и размѣромъ подлинника, *всѣхъ* трагедій *) Эврипида, — сдѣлалъ интересную попыту дать образчикъ оригинальной греческой трагедіи. Предоставляя спеціалистамъ высказаться о томъ, насколько трагедія г. Анненскаго проникнута духомъ истинной античности, — мы отмѣчаемъ это самостоятельное произведеніе, какъ оригинальное явленіе въ современной литературѣ. По словамъ г. Анненскаго, Эврипидъ, уже старикомъ, поставилъ на сцену пьесу, которая носила то же названіе, но пьеса эта не дошла до насъ. Сохранился только миѳъ, послужившій основою пьесы, и его авторъ долженъ былъ обработать, пользуясь скудными свѣдѣніями, сохранившимися о Меланиппѣ и Эолидахъ. Античный миѳъ потребовалъ и той формы, въ которой онъ изображался греческими трагиками. «Но,—поясняетъ авторъ,—хоръ новой Меланиппы совсѣмъ не тотъ, что былъ въ античной трагедіи: онъ индивидуализованъ, составляя гармоническое дополненіе къ героинѣ трагедіи». Основу трагедіи составляетъ борьба материнскаго чувства съ условностями жизни. Меланиппа отъ Посейдона родила двухъ сыновей-близнецовъ. Дѣтей находятъ пастухи и приносятъ во дворецъ отца Меланиппы, царя Эола, гдѣ дѣдъ ихъ, старый прорицатель Гелленъ, принимаетъ ихъ за порожденіе демоновъ и приговариваетъ къ сожженію. Тогда Меланиппа пытается ихъ спасти сначала въ страстной рѣчи, проникнутой раціоналистическимъ взглядомъ на жизнь, убѣждая Эола, что дѣти, какъ и все въ природѣ, не могутъ быть враждебнымъ и злымъ явленіемъ, потомъ, когда эта попытка не удается, она открываетъ, что она — ихъ мать. Дѣти спасены, но Меланиппу судъ старцевъ приговариваетъ за нарушеніе цѣломудрія по древнему закону къ ослѣпленію и вѣчному заточенію въ тюрьмѣ. Въ трагедіи прекрасно проведена борьба чувствъ въ душѣ Меланиппы между страхомъ за дѣтей и стыдомъ дѣвушки, борьба, достигающая кульминаціоннаго пункта въ страстной защитѣ уже приговоренныхъ къ смерти малютокъ.

Трагедія написана звучными и изящными стихами; особенно хороши хоры,

*) Одна изъ нихъ «Финикіянки» напечатана въ «М. Б.», 1893 г. апрѣль.

отличающіеся легкостью и музыкальностью. Какъ образчикъ, приведемъ небольшой хоръ изъ второго дѣйствія, послѣ явленія четвертаго:

Славьтесь синія пучины
Сребровласаго Нерея!
Славьтесь гордыя вершины,
Гдѣ снѣга лежатъ, бѣлѣя,
Гдѣ орлы повисли рѣя
По-надъ стадомъ лебединымъ!
Но славнѣе и отраднѣй
Нѣтъ твоихъ, о Пе́лій, скатовъ...
Вѣялъ сумракъ и прохладнѣй
Стали волны ароматовъ...
Дымно факелы мерцали,—
Пе́лій ярко обвивая,
Лента двинулась живая,
Лиры нѣжныя бряцали
У гостей Нерея... Ели,
У Кентавровъ въ мощныхъ дланяхъ,
Смоляныя пламенѣли;
Нимфы ѣхали на ланяхъ;
Серебристой вереницей
Тамъ клубились Нереиды,
Мягко плыли Аониды,
Кто со свиткомъ, кто съ цѣвницей,
И съ сіяющей царицей
Шелъ властитель Эолиды.

Также музыкальны и другіе хоры и всѣ музыкальные антракты. Вообще, форма выдержана и отдѣлана съ большимъ вкусомъ и мѣрой, что дѣлаетъ это оригинальное произведеніе очень красивымъ. *А. Б.*

Библіотека великихъ писателей. Полное собраніе сочиненій Шиллера. Под. ред. С. А. Венгерова. Т. II и III. Спб. 1901 г. Изд. Брокгауза и Ефрона. Мы уже отмѣтили (см. мартъ 1901 г.) выходъ перваго тома этого во всѣхъ отношеніяхъ превосходнаго изданія, совмѣстившаго идеальную внѣшность съ прекраснымъ и тщательнымъ переводомъ текста. Второй и третій томъ заключаютъ драмы Шиллера, его прозаическія произведенія и историческіе труды. Какъ и въ первомъ томѣ, каждое произведеніе сопровождается указаніями г. Горнфельда на литературу и варіанты, сдѣланы комментаріи и необходимыя, въ особенности для русскаго читателя, поясненіе и добавленія. Кромѣ старыхъ, классическихъ переводовъ Жуковскаго, даны новые, впервые появляющіеся въ этомъ изданіи. Настоящее изданіе можетъ служить цѣннымъ подаркомъ для юношества и должно быть необходимымъ пріобрѣтеніемъ для классныхъ и общественныхъ библіотекъ. *А. Б.*

Вольтеръ. Философскіе романы, въ переводѣ Соколовскаго. Томъ I. Задигъ или Судьба.—Дитя природы.—Путешествіе Сакраментадо.—Томъ II. Микромегасъ.—Кандидъ или Оптимизмъ.—Жизнь, какова она есть. «Дешевая библіотека», изд. А. С. Суворина. Спб 1901 г. Къ романамъ Вольтера нельзя приступать съ тѣми запросами, къ которымъ пріучила насъ беллетристика XIX вѣка. Ни психологическихъ проблемъ, ни картинъ среды, ни фабулы, развивающейся согласно обычнымъ вѣроятностямъ реальной жизни, мы здѣсь не найдемъ. Авторъ распоряжается людьми и событіями съ безграничнымъ произволомъ. Но цѣль его не бѣгство отъ дѣйствительности въ міръ фантазіи, а раскрытіе общаго характера человѣческой и міровой жизни. Если онъ пренебрегаетъ правдоподобіемъ единичныхъ чертъ, то въ цѣломъ онъ всегда стремится воспроизвести вполнѣ правдивую картину, и въ этомъ смыслѣ его можно назвать самымъ послѣдовательнымъ реалистомъ. Пріемы, которые кажутся ему наиболѣе пригодными для выясненія истины, онъ не стѣсняется заимствовать у предшественниковъ. Чтобы обнаружить ничтожество человѣ

ческаго бытія, онъ, по примѣру Свифта, заставляетъ гиганта съ Сиріусъ наблюдать жизнь земного муравейника. Чтобы подчеркнуть условность и извращенность современнаго ему быта и господствующихъ понятій, онъ вслѣдъ за Монтескье (въ «Персидскихъ письмахъ») приводитъ какого-нибудь иностранца или первобытнаго человѣка во Францію. Наконецъ, чтобы показать, что на всемъ земномъ шарѣ люди одинаково плохо умѣютъ устроить свою жизнь, онъ заставляетъ своихъ героевъ вольно или невольно путешествовать по всевозможнымъ странамъ, возобновляя въ этомъ отношеніи исконный пріемъ повѣствовательной беллетристики. Всюду и вездѣ находя матеріалъ для насмѣшки надъ человѣческимъ эгоизмомъ, фанатизмомъ, мелочностью и глупостью, Вольтеръ умѣетъ прекрасно обставить вытекающіе отсюда философскіе вопросы: въ какой пропорціи распространены на землѣ добро и зло? Случайно ли зло или имѣетъ высшую цѣль? Какія условія для того, чтобы въ наименьшей степени подвергаться страданіямъ въ сей жизни? Достоинство философской стороны романовъ Вольтера заключается именно въ томъ, что онъ только ставитъ эти вопросы и ѣдко издѣвается надъ тѣми, кому отвѣты на нихъ кажутся вполнѣ ясными, самъ же уклоняется отъ какого-бы то ни было опредѣленнаго рѣшенія. Ибо нельзя же, напр., считать разрѣшеніемъ проблеммы объ устройствѣ человѣческихъ отношеній выводъ «Кандида», что, если хочешь чтобы жизнь казалась сносною, нужно оставить разсужденія и работать надъ своимъ огородомъ. Панглоссъ, конечно, не правъ, находя, что мы живемъ въ лучшемъ изъ міровъ, но кто знаетъ, худшій ли онъ изъ всѣхъ возможныхъ? Во всякомъ случаѣ, въ немъ есть элементы, изъ-за которыхъ было-бы несправедливо обречь его на сожженіе, какъ Содомъ и Гоморру. Благодаря жизненности разсматриваемыхъ вопросовъ романы Вольтера, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, до сихъ поръ сохранили живѣйшій интересъ. Не обладая вообще крупнымъ художественнымъ талантомъ, онъ именно въ романахъ соединилъ лучшія черты своего писательства. Иронія судьбы и безвкусіе современниковъ заставили его играть роль драматурга, тогда какъ онъ совершенно былъ лишенъ пафоса. Только насмѣшкой, каррикатурой, сатирой имѣлъ онъ выразить свое дѣйствительно глубокое и искренее чувство состраданія къ несчастному человѣчеству и негодованія къ его угнетателямъ. Въ трагедіи ему некуда было дѣвать своихъ богатыхъ наблюденій надъ окружающею жизнью, весьма мало возвышенною. Между тѣмъ все это нашло прекрасное примѣненіе въ романѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ сатирахъ, поэтому современный читатель, желающій не съ чужихъ словъ судить о Вольтерѣ, какъ о писателѣ, можетъ не тревожить праха «Оросмана», «Альзиры», «Семирамиды», но долженъ прочесть «Кандида», «Дитя природы» (L'Ingenu) и нѣсколько другихъ прозаическихъ и стихотворныхъ романовъ, сатиръ и памфлетовъ.

Въ разсматриваемомъ изданіи читатель найдетъ нѣкоторые (далеко не всѣ) изъ прозаическихъ романовъ Вольтера. Мы не такъ давно еще имѣли случай указывать желательность такого изданія. Къ сожалѣнію, переводъ нельзя назвать удовлетворительнымъ ни по точности, ни по правильности языка. Иногда переводчикъ позволяетъ себѣ просто перифразировать текстъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, которыя не совсѣмъ соотвѣтствуютъ принятымъ въ настоящее время условностямъ приличія, такія вольности можно, по крайней мѣрѣ, объяснить, если не оправдать. Въ другихъ же случаяхъ измѣненія, внесенныя переводчикомъ, вызываютъ полное недоумѣніе. Приведемъ только одинъ примѣръ. Въ концѣ «Кандида» на безконечныя разглагольствованія оптимиста Панглосса пессимистъ Мартэнъ отвѣчаетъ (въ русскомъ переводѣ): «Будемте же работать: это единственное средство сдѣлать жизнь сносной». Въ подлинникѣ же эта реплика звучитъ: «Будемте работать *безъ разсужденій*» и т. д. Это кореннымъ образомъ измѣняетъ мысль: чтобы чувствовать себя сносно въ этомъ

мірѣ, нужно не только работать, но и отказаться отъ философскаго освѣщенія жизни. Присоединенное къ переводу предисловіе, несмотря на свою краткость, изобилуетъ грубѣйшими ошибками и не заключаетъ ни одного полезнаго указанія. Между прочимъ, Бомарше оказывается, вмѣстѣ съ Монтескье, предшественникомъ Вольтера и энциклопедистовъ. *Е. Дегенъ*

Ив. Франко. Въ потѣ лица. Очерки изъ жизни рабочаго люда. Переводъ О. Рувимовой и Р. Ольгина. Съ предисловіемъ и подъ редакціей М. Славинскаго. Спб. 1901 г. Авторъ этихъ очерковъ принадлежитъ народу, которому каждый шагъ экономическаго, политическаго и культурнаго прогресса стоитъ невѣроятныхъ жертвъ и усилій. Самое сложное сплетеніе неблагопріятныхъ естественно-географическихъ и историческихъ условій окружило этотъ народъ со всѣхъ сторонъ враждебными элементами. Борьба со скудною природою, осложненіе обычнаго экономическаго гнета со стороны землевладѣльческаго и промышленнаго класса племеннымъ антагонизмомъ, нежизнеспособность государственнаго строя, равнодушіе и косность центральной власти—вотъ, что истощаетъ матеріальныя и духовныя силы и безъ того небогато одаренной маленькой этнической группы, населяющей восточную Галицію. Но «судебъ удары», какъ извѣстно, могутъ имѣть и нѣкоторые благіе результаты. Не имѣя возможности ни на кого расчитывать въ дѣлѣ защиты своихъ интересовъ, галицкія крестьянскія и рабочія массы медленно, но упорно пролагаютъ себѣ путь къ лучшему будущему. Въ этомъ поступательномъ процессѣ крупную роль играетъ галицкая интеллигенція, несмотря на свою малочисленность и бѣдность. Надо сказать впрочемъ, что большая часть этой интеллигенціи, еще такъ недавно выдѣлившійся изъ народной массы, въ силу естественныхъ законовъ борьбы за существованіе стремится образовать буржуазно-бюрократическій слой. Чтобы не терять корней въ народѣ, эта молодая буржуазія сохраняетъ нѣсколько старыхъ формулъ демократической программы, которыя ни къ чему не обязываютъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ успѣла выработать въ себѣ въ довольно высокой степени талантъ приспособленія и наивный опортунизмъ. Тѣмъ напряженнѣе и отвѣтственнѣе работа той части интеллигентной демократіи, которая, сохранивъ полную солидарность съ производительными классами народа, поставляетъ передовыхъ борцовъ въ общественной эволюціи своей родины.

Болѣе четверти вѣка Ив. Франко занялъ свой постъ въ ихъ числѣ, и почти съ самаго начала ему выпала руководящая роль въ демократическомъ движеніи русинской Галиціи. Въ такихъ условіяхъ, въ которыхъ до сихъ поръ протекаетъ жизнь русинскаго народа, раздѣленіе труда между борющимися элементами еще невозможно. Живые и талантливые люди не могутъ отдаться какой-нибудь одной спеціальности, ибо каждая находится въ самой тѣсной связи и зависимости отъ общаго теченія народной жизни. И конечно, Франко не сдѣлался бы такимъ выдающимся бытописателемъ, если бы не былъ одновременно публицистомъ, политическимъ дѣятелемъ, издателемъ, ученымъ и поэтомъ. Въ каждой изъ этихъ областей онъ занялъ совершенно выдающееся положеніе, благодаря своей исключительной одаренности и энергіи *). Чтобы достойно оцѣнить то и другое, надо имѣть въ виду, что онъ вышелъ изъ среды народа (сынъ крестьянина) и собственными силами пробился къ свѣту сквозь невѣроятныя препятствія, о которыхъ давно уже не имѣютъ понятія въ болѣе культурныхъ обществахъ Западной Европы. Тяжкая борьба за личное существованіе, ставившая его порой на краю голодной смерти, упорныя, безсмысленныя преслѣдованія за убѣжденія, близкое и неоднократно возобновлявшееся знакомство

*) Болѣе обстоятельная характеристика этого выдающагося писателя заключается въ нашей статьѣ о немъ въ «Новомъ Словѣ» 1897 г. за мартъ.

съ ужасными австрійскими тюрьмами, отсутствіе на родинѣ руководителей умственныхъ запросовъ, мелкость и некультурность окружающей среды, кромѣ небольшой группы ближайшихъ сотрудниковъ,—вотъ тѣ условія, которыя могли бы сломить и разслабить всякаго заурядная дѣятеля, но въ такой желѣзной натурѣ, какою обладаетъ Франко, они только вызываютъ бо́льшую энергію сопротивленія.

Появившаяся въ настоящее время въ русскомъ переводѣ книга представляетъ сборникъ болѣе мелкихъ разсказовъ его, написанныхъ до 1890 года. Художественное творчество Франко стоитъ въ связи съ его общественною дѣятельностью, хотя не подчинено ей и не служитъ ей орудіемъ пропаганды. Его не занимаютъ чисто артистическія проблемы,—онъ реалистъ въ томъ смыслѣ, что его интересуетъ воспроизводимые предметы и явленія сами по себѣ, каковы они въ дѣйствительноети, а не та картина, которая иолучается послѣ преломленія ихъ въ сознаніи художника. Несмотря на крайнюю простоту техническихъ пріемовъ,—а отчасти и благодаря имъ,—авторъ достигаетъ очень часто большой силы впечатлѣнія. Этому способствуетъ именно горячее отношеніе самого художника къ своему сюжету. Слабѣе тѣ изъ повѣстей, гдѣ авторъ беретъ себѣ задачей психологію людей образованныхъ классовъ, зато изображеніе крестьянской жизни и ея психологіи удается ему безподобно. Элементарный трагизмъ нищеты и безправія, жестокость нравовъ темнаго люда, душевная жизнь деревенскихъ ребятъ служатъ обычными темами повѣстей Франка. Никакой слащавости, ни тѣни обычной у новѣйшихъ малорусскихъ писателей сентиментальной идеализаціи крестьянскаго быта. Нельзя также не отмѣтить еще одного отрицательнаго достоинства: галицкая литература, художественная и публицистическая, полна національной вражды ко всѣмъ народностямъ, отъ которыхъ приходится терпѣть русинамъ и вообще малоросамъ. Смотря по направленію, галицкіе литераторы готовы пожрать одни москаля, другіе ляха, а всѣ вмѣстѣ—жида и нѣмца. Франко совершенно чуждъ слѣпой національной ненависти. Онъ всю свою жизнь ведетъ борьбу со всевозможными угнетателями и эксплуататорами, кто бы они ни были,—польскій панъ, ростовщикъ - еврей, иновѣрецъ или единовѣрецъ, но онъ никогда не распространяетъ классовый антагонизмъ на цѣлую націю. Всякая страдающая масса, на какомъ бы языкѣ она ня говорила, вызываетъ его симпатію, и когда ему случается изображать поляковъ или евреевъ, не принадлежащихъ къ классу торжествующихъ, онъ дѣлаетъ это нетолько безъ злобнаго предубѣжденія, а напротивъ съ теплымъ сочувствіемъ. Русскому переводу книги Франка предпослана біографія автора, весьма краткая, но составленная со знаніемъ дѣла и видимымъ увлеченіемъ.

Е. Дегенъ.

ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Сборникъ Кирши Данилова».—*С. А. Венгеровъ.* «Русская поэзія».—*Б. Никольскій.* «Послѣдняя дуэль Пушкина».

Сборникъ Кирши Данилова. Изданіе Императорской публичной библіотеки. Подъ ред. П. Н. Шеффера. Спб. 1901. Стр. XLVI+283. Ц. 1 р. 50 к. Отмѣченный именемъ Кирши Данилова сборникъ произведеній русской народной словесности имѣетъ любопытную исторію. Онъ былъ составленъ или списанъ въ концѣ XVIII-го вѣка по заказу Прокофія Демидова, по смерти котораго очутился въ 1802 году въ рукахъ московскаго почтъ-директора Ключарева. По порученію Ключарева, избранныя произведенія изъ сборника въ 1804 г. были напечатаны въ Москвѣ подъ заглавіемъ: «Древнія русскія стихотворенія»

Сборникомъ заинтересовался извѣстный меценатъ и любитель старины гр. Румянцевъ, и рукопись перешла въ его руки за 1.000 рублей ассигн. Въ 1818 г. сборникъ Кирши Данилова былъ изданъ Калайдовичемъ съ пропускомъ девяти произведеній, въ томъ числѣ восьми пѣсенъ нескромнаго содержанія и стиха о Голубиной книгѣ. Изданіе Калайдовича легло въ основу двухъ послѣдующихъ изданій «Древнихъ россійскихъ стихотвореній», причемъ послѣднее по времени и четвертое по счету изданіе явилось въ «Дешевой библіотекѣ» Суворина. Между тѣмъ, подлинная рукопись сборника пропала и считалась навсегда утраченной. Но въ 1894 г. завѣдывавшій земскими школами Богородицкаго уѣзда Н. В. Чеховъ совершенно неожиданно нашелъ подлинную рукопись сборника Кирши Данилова въ библіотекѣ кн. М. Р. Долгорукова, въ его имѣніи «Огаревкѣ». Рукопись была принесена въ даръ Императорской Публичной библіотекѣ съ условіемъ напечатать сборникъ въ полномъ видѣ и пустить его въ продажу по доступной цѣнѣ. Такимъ образомъ явилось пятое изданіе сборника Кирши Данилова, существенно отличающееся отъ прежнихъ изданій. Въ этомъ изданіи напечатаны не только пропущенныя Калайдовичемъ нескромныя пѣсенки, но даже неприличныя слова, замѣняемыя обыкновенно точками. Только грубоскабрезныя мѣста во вкусѣ Баркова пропущены, и то въ тѣхъ только экземплярахъ, которые пущены въ продажу. Второе существенное отличіе новаго изданія отъ прежнихъ—сохраненіе правописанія подлинника, тогда какъ у Калайдовича правописаніе исправлено и, кромѣ того, пѣсни раздѣлены на стихи.

Кромѣ текста рукописи, въ новомъ изданіи напечатано предисловіе редактора, гдѣ разсматривается значеніе, исторія и происхожденіе сборника, особенности языка и т. д. Къ сборнику приложены, между прочимъ, указатели собственныхъ именъ и предметовъ, словарь мѣстныхъ словъ, фототипическій снимокъ одного листа рукописей, предисловіе Калайдовича и письмо Демидова къ историку Миллеру.

Сборникъ Кирши Данилова играетъ важную роль въ исторіи русской этнографіи. Первое печатное изданіе его впервые ввело въ научный оборотъ былинные сюжеты. Своего значенія сборникъ не утратилъ и до настоящаго времени, такъ какъ содержитъ сюжеты единственные въ своемъ родѣ. И тѣ дополненія, которыя появились въ послѣднемъ изданіи, представляютъ почти совершенно новый матеріалъ, исключая стихъ о Голубиной книгѣ, гдѣ только вступленіе было раньше неизвѣстно.

Въ общемъ, новое изданіе сборника Кирши Данилова—очень цѣнный подарокъ спеціалистамъ; средній же образованный человѣкъ очень мало потеряетъ, если ограничится знакомствомъ съ «Древними россійскими стихотвореніями» по дешевому изданію Суворина. *С. А.*

С. А. Венгеровъ. Русская поэзія. Выпускъ VII. Спб. 1901. Стр. 143 in 4°. Ц. 1 р. Седьмой выпускъ весьма цѣннаго изданія г. Венгерова содержитъ полное собраніе стихотвореній двухъ представителей сентиментализма въ русской поэзіи, Нелединскаго Мелецкаго и Карамзина. Сентиментальныя стихотворенія Карамзина, Дмитріева, Нелединскаго-Мелецкаго и др. уже въ эпоху Бѣлинскаго считались давно устарѣвшими и имѣющими одинъ только историческій интересъ. Но въ нѣкоторыхъ слояхъ общества еще и въ настоящее время можно слышать пѣсенки названныхъ поэтовъ. Достаточно назвать такія пѣсни, какъ «Выду я на рѣченьку» Нелединскаго-Мелецкаго, «Кто могъ любить такъ страстно» Карамзина, «Стонетъ сизый голубочекъ» Дмитріева, чтобы видѣть, насколько живучими и долговѣчными оказались, по крайней мѣрѣ, отдѣльныя произведенія сентиментальной поэзіи. Столѣтіе же тому назадъ подобныя произведенія сыграли видную роль въ исторіи русскаго просвѣщенія. Это были первыя русскія стихотворенія, проникшія въ великосвѣтскіе салоны. Представители, а особенно представительницы, полуофранцуженнаго общества заучивали эти нѣж-

ныя пѣсенки наизусть, декламировали и распѣвали ихъ, сопровождая пѣніе и декламацію вздохами и слезами. «Вздохи,—иронизировалъ Бѣлинскій,—превращали самые тихіе дни въ вѣтреные, слезы потекли ручьями... Будь это въ наше время, сейчасъ бы составились компаніи на акціяхъ для постройки вѣтряныхъ и водяныхъ мельницъ, въ разсчетѣ на движущую силу вздоховъ и слезъ чувствительныхъ душъ». Гуманизирующее вліяніе этихъ вздоховъ и слезъ было не особенно велико, но все-таки они не прошли безслѣдно въ исторіи смягченія русскихъ нравовъ. Въ исторіи же развитія русской поэзіи сентиментальныя стихотворенія Карамзина и Нелединскаго-Мелецкаго занимаютъ видное мѣсто. Достаточно указать, что этими произведеніями въ свое время восторгались и увлекались Жуковскій и Батюшковъ, непосредственные предшественники и учители Пушкина. Особенно сильно было вліяніе Карамзина на Жуковскаго, въ первыхъ стихотвореніяхъ котораго трудно найти тему, не затронутую въ стихахъ автора «Бѣдной Лизы».

Кромѣ текста стихотвореній, въ VII выпускѣ «Русской поэзіи» находятся цѣнные историко-литературные и библіографическіе матеріалы. Относительно всѣхъ стихотвореній указано мѣсто и время ихъ первоначальнаго появленія въ печати. Къ стихотвореніямъ Нелединскаго-Мелецкаго приложены біографическій очеркъ его, списокъ отзывовъ и статей о немъ съ наиболѣе характерными выдержками. Къ стихотвореніямъ Карамзина приложены руководящія статьи гг. Кирпичникова и Милюкова, перепечатанные изъ «Энциклопедическаго Словаря», статья кн. Вяземскаго о стихотвореніяхъ Карамзина, выдержки изъ литографированныхъ лекцій покойнаго Жданова о вліяніи Карамзина на Жуковскаго, библіографическая замѣтка г. Лященко и др. Но указателя статей и отзывовъ не только о Карамзинѣ вообще, но даже о Карамзинѣ-стихотворцѣ, не дано, хотя Карамзинъ заслуживалъ бы такого вниманія въ большей степени, чѣмъ Нелединскій-Мелецкій, о которомъ указана почти вся литература.

С. А.

Послѣдняя дуэль Пушкина. Біографическій очеркъ Б. В. Никольскаго. Спб. 1901. Стр. 97. Ц. 85 к. Много написано о катастрофѣ, преждевременно лишившей Россію ея величайшаго поэта. Много сказано «жалкихъ словъ» и о Дантесѣ, и о томъ обществѣ, которое отравило великому поэту жизнь и будто бы довело его до того, что онъ самъ искалъ смерти, хотя бы отъ руки «шалопая и мерзавца». Не забыто при этомъ и легкомысліе жены Пушкина, и недостатки его собственнаго характера, не позволившіе поэту стать выше мнѣнія и суда «мстительныхъ невѣждъ» и той «черни», которую онъ гналъ отъ себя въ стихахъ съ такимъ презрѣніемъ. Трагическая кончина Пушкина и обстоятельства, ей предшествовавшія, породили цѣлую литературу сплетенъ, иногда самыхъ невѣроятныхъ и пошлыхъ, не пощадившихъ даже самого поэта, не говоря уже о его женѣ. Но до сихъ поръ, несмотря на опубликованіе новыхъ документовъ, въ томъ числѣ подлиннаго военно-судебнаго дѣла о дуэли Пушкина, обстоятельства и причины, погубившія поэта къ дуэли, остаются не вполнѣ выясненными.

Книжка г. Никольскаго представляетъ новѣйшую попытку разобраться въ этомъ хаосѣ сплетенъ, догадокъ, пристрастныхъ къ той или другой сторонѣ сужденій, запутанныхъ и противорѣчащихъ другъ другу показаній современниковъ и оффиціальныхъ документовъ. Авторъ книжки привлекъ къ изслѣдованію всю литературу о послѣдней дуэли Пушкина и въ дополненіе къ старымъ догадкамъ и сплетнямъ пустилъ въ обращеніе новыя догадки собственнаго измышленія и такія сплетни, которыя раньше были извѣстны очень немногимъ.

«Тщательный пересмотръ матеріала» заставилъ г. Никольскаго «признать, что убійца Пушкина и его пріемный отецъ были совсѣмъ не такъ глубоко и совсѣмъ не въ томъ смыслѣ виновны въ смерти поэта, какъ думаютъ» (стр. 9).

Точно такъ же несогласенъ г. Никольскій съ распространеннымъ мнѣніемъ, будто «Гекеренъ и Дантесъ были только партизанами обширной великосвѣтской интриги, направленной на то, чтобы «погубить» Пушкина». Такой интриги, по мнѣнію г. Никольскаго, не было, а было на самомъ дѣлѣ одно только «злорадство», и «Пушкина погубила не интрига, но рядъ случайностей, которыя могли быть, могли и не быть, и которыя только своею роковою совокупностью привели къ трагической развязкѣ. Этой развязкѣ иные порадовались, но никто ея не ждалъ, никто не готовилъ» (стр. 36).

Ходъ событій, приведшихъ къ трагической развязкѣ, г. Никольскому представляется въ такомъ видѣ. Баронъ Гекеренъ былъ «развратный, циничный, наглый и злой интриганъ». «Очень вѣроятно (!), что самъ Пушкинъ вооружилъ противъ себя Гекерена, не умѣя или даже не желая скрывать своего нерасположенія къ этому «Нестору развратной молодежи». Оскорбленный Гекеренъ рѣшился «насолить» Пушкину въ томъ обществѣ, гдѣ они встрѣчались, и «вынудить его (т.-е. Пушкина) очистить поле столкновенія». Орудіемъ этой интриги явился Дантесъ, который не былъ ни побочнымъ сыномъ, ни племянникомъ Гекерена, но былъ усыновленъ имъ за услуги самаго позорнаго свойства (см. стр. 19 и 23). Средствомъ «насолить врагу, отравить ему существованіе» была выбрана жена Пушкина, за которой Дантесъ сталъ ухаживать довольно безцеремоннымъ образомъ, одновременно достигая двухъ цѣлей: и компрометируя жену поэта въ угоду Гекерену, и прикрывая своимъ ухаживаніемъ связь съ одной замужней особой. Пушкинъ «зоркимъ взглядомъ свѣтскаго человѣка сразу дознался режиссера всей комедіи». А тутъ подоспѣли анонимныя письма, въ составленіи и разсылкѣ которыхъ Пушкинъ также заподозрѣлъ Гекерена. Въ другое время поэтъ не обратилъ бы на анонимныя письма никакого вниманія, но теперь онъ рѣшился воспользоваться благопріятнымъ случаемъ, чтобы дать своимъ врагамъ острастку. Дантесъ былъ вызванъ на дуэль, но струсилъ и, во избѣжаніе поединка, женился на свояченицѣ поэта. Трусость Дантеса уронила его въ глазахъ Пушкиной, и онъ рѣшился прежнюю свою мнимую страсть, которой жена поэта могла вѣрить, обратить въ шутку. Съ этою цѣлью и послѣ женитьбы Дантесъ продолжалъ «уже явно на смѣхъ свои прежнія ухаживанія и разыгрыванія влюбленнаго». Пушкинъ и здѣсь заподозрѣлъ Гекерена и написалъ ему извѣстное письмо съ угрозой «опозорить» его въ глазахъ русскаго и голландскаго правительствъ. Цѣлью этого письма было не оскорбленіе Гекерена, а острастка. Пушкинъ былъ въ полной увѣренности, что голландскій посланникъ, котораго онъ незадолго передъ тѣмъ безнаказанно въ глаза и публично назвалъ «негодяемъ», проглотитъ новое оскорбленіе, испугается угрозы и положитъ предѣлъ своимъ кознямъ. Но разсчеты поэта на этотъ разъ не оправдались. Гекеренъ съ письмомъ Пушкина обратился за совѣтомъ къ графу Строганову, а графъ нашелъ необходимымъ, чтобы оскорбленіе было отомщено кровью. Какъ ни боялись Гекеренъ и Дантесъ дуэли, но вызовъ былъ сдѣланъ Дантесомъ, потому что его усыновитель не могъ этого сдѣлать по своему оффиціальному положенію. Такъ какъ вызовъ былъ сдѣланъ только ради соблюденія приличій, то готовилась «не дуэль, а жалкій фарсъ», что отлично понималъ Пушкинъ. Если же этотъ фарсъ окончился трагически, то виновата въ такомъ исходѣ трусость Дантеса. При видѣ направленнаго въ него пистолета, онъ подумалъ, что Пушкинъ «ему готовитъ честный гробъ», и поторопился спустить курокъ своего пистолета. Онъ предполагалъ только ранить своего противника и цѣлилъ въ ноги, но, сверхъ ожиданія, рана оказалась смертельной. «Для Пушкина этотъ роковой выстрѣлъ былъ еще неожиданнѣе, чѣмъ для Дантеса». Возмущенный такимъ «гнуснѣйшимъ предательствомъ» и «омерзительнымъ коварствомъ», поэтъ былъ охваченъ «жаждой мести» и выстрѣлилъ въ Дантеса.

Такова теорія г. Никольскаго относительно послѣдней дуэли Пушкина. Главнымъ виновникомъ смерти поэта оказывается онъ самъ, потому что, не вооружи онъ противъ себя Гекерена, не было бы назойливыхъ ухаживаній Дантеса и анонимныхъ писемъ, повлекшихъ за собою дуэль.

Для обоснованія такой трудно-допустимой «теоріи» г. Никольскому понадобилось сдѣлать цѣлый рядъ до чрезвычайности натянутыхъ допущеній и соображеній и проявить необычайную изворотливость и неразборчивость въ пользованіи источниками, даже такими, сомнительность которыхъ онъ самъ сознаетъ. Такъ, напримѣръ, разсказъ, записанный со словъ 74-хъ-лѣтняго князя Трубецкого, бывшаго товарища Дантеса, г. Никольскому «представляется лишь очевидной и глупѣйшей клеветой на Пушкина.. и встрѣчаетъ во многомъ несомнѣнныя, документальныя «опроверженія». Тѣмъ не менѣе, весь этотъ «лживый» разсказъ перепечатывается по частямъ, и показаніе князя Трубецкого о безнравственныхъ отношеніяхъ Гекерена и Дантеса принимается безъ всякой оговорки, потому что этотъ фактъ даетъ г. Никольскому возможность объяснить усыновленіе убійцы Пушкина голландскимъ посланникомъ. Точно такъ же свободно пользуется г. Никольскій и воспоминаніями графа Соллогуба, хотя самъ же признаетъ, что «воспоминанія эти вообще очень хвастливы и порою подозрительны».

Тамъ же, гдѣ источники, хотя бы даже и крайне непадежные, молчатъ и не даютъ нужныхъ фактовъ, г. Никольскій даетъ волю своимъ собственнымъ домысламъ. Его разсказъ пестритъ словами: повидимому, можетъ быть, по всей вѣроятности, пожалуй, едва-ли и т. д. Въ своемъ усердіи обосновать собственную «теорію» авторъ не останавливается даже передъ чтеніемъ мыслей раненаго Пушкина.

О цѣнности теоріи, потребовавшей такой подтасовки фактовъ и такого фантазированія, нѣтъ надобности особенно распространяться. Но независимо отъ этой теоріи, книжка г. Никольскаго, по обилію собраннаго въ ней матеріала, заслуживаетъ нѣкотораго вниманія. *С. Ашевскій.*

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ И РУССКАЯ.

М. Стасюлевичъ. «Философія исторіи».— *П. Сумароковъ.* «Черты изъ жизни Екатерины Второй».—*Ев. Тарле.* «Исторія Италіи въ новое время».

М. М. Стасюлевичъ. Философія исторіи въ ея главнѣйшихъ системахъ. Историческій очеркъ. Второе изданіе. Спб. 1902 г. Стр. 335. Первое изданіе этой книги появилось въ 1865 году и не прошло тогда незамѣченнымъ въ ученыхъ и литературныхъ кругахъ. Г. Стасюлевичъ разсматриваетъ въ своей точно, ясно и обстоятельно написанной работѣ двѣ теоріи: теорію вѣчнаго историческаго круговращенія и теорію вѣчнаго историческаго прогресса. Первая теорія сохраняетъ въ настоящее время исключительно историческое значеніе, вторая—также является въ наши дни довольно большою рѣдкостью (по крайней мѣрѣ въ своемъ первоначальномъ видѣ); но для всѣхъ, интересующихся прошлымъ исторической философіи, книга г. Стасюлевича представляетъ несомнѣнный интересъ: обѣ теоріи сыграли въ исторіи не только научной, но и общественной мысли настолько важную роль, что ознакомленіе съ ними можетъ считаться не лишнимъ даже и для не спеціалистовъ.

Авторъ совершенно справедливо указываетъ, что на сторонѣ теоріи круговращенія стояли многіе первоклассные умы; дѣйствительно, имена Аристотеля, Макіавелли, Монтескье, Гизо—уже одни подтверждаютъ это безусловно. Сущность этой теоріи состоитъ въ томъ, что предполагается существованіе извѣст-

ныхъ фазисовъ историческаго развитія, чрезъ которые непремѣнно проходятъ и должны пройти всѣ народы, появляющіеся одни за другими на исторической аренѣ. Наиболѣе пространную попытку обоснованія этой теоріи представилъ Вико, и его ученію посвящена въ книгѣ г. Стасюлевича особая глава. Величайшую заслугу Вико авторъ видитъ не столько въ причудливыхъ и иногда весьма натянутыхъ аргументахъ философа въ пользу обоснованія всей теоріи, сколько въ нѣкоторыхъ мысляхъ, которымъ предстояла въ исторіи науки большая будущность, напр.: «исторія, какъ наука, не можетъ оставаться при одномъ случайномъ и постоянно измѣняющемся, какъ безконечная панорама, или калейдоскопъ; она должна имѣть предметомъ своего изученія то, что постоянно и неизмѣняемо, что, слѣдовательно, составляетъ всеобщую принадлежность всѣхъ націй, и только въ этомъ смыслѣ она должна называться всеобщею». Теорія круговращенія, вѣчной повторяемости нѣсколькихъ фазисовъ, чрезъ которые проходитъ всякая нація, возникла, какъ результатъ наблюденія надъ прошлыми судьбами человѣчества.

Что же касается теоріи прогресса, то ея происхожденіе болѣе сложно, болѣе загадочно. Какимъ образомъ, въ самомъ дѣлѣ, спрашиваетъ авторъ, могла явиться въ сознаніи человѣка теорія прогресса, въ которой вся исторія представляется одною великою драмою, и судьба отдѣльныхъ народовъ въ этой драмѣ занимаетъ мѣсто небольшихъ актовъ, которые ведутъ человѣчество къ отдаленной и общей развязкѣ? Г. Стасюлевичъ придерживается того взгляда, что это ученіе должно было явиться единовременно съ идеями монотеизма. Теорія прогресса ассоціируется съ постановленіемъ извѣстнаго идеала, къ которому, какъ предполагаютъ сторонники этого ученія, стремится исторія человѣчества. Въ средніе вѣка св. Августинъ и его послѣдователи ставили такимъ идеаломъ вселенскую христіанскую церковь; впослѣдствіи содержаніе конечнаго идеала безконечно разнообразилось въ полной зависимости отъ руководящихъ общественныхъ и политическихъ тенденцій времени и отъ индивидуальныхъ убѣжденій историка. Чѣмъ ближе къ нашимъ временамъ, тѣмъ болѣе и болѣе теорія прогресса теряетъ свой мистическій характеръ: «усовершенствованіе» человѣческой жизни съ точки зрѣнія «наибольшаго счастья для наибольшаго числа людей»—вотъ что въ глазахъ поборниковъ теоріи прогресса начало играть роль главнаго содержанія исторіи человѣчества. Въ изложеніи всѣхъ разновидностей этой доктрины авторъ сумѣлъ сохранить оттѣнки и характерныя черты, которые иногда сближаютъ, а иногда отдаляютъ другъ отъ друга такихъ разнообразныхъ сторонниковъ теоріи прогресса, какъ Бэконъ Веруламскій и Гердеръ, Декартъ и Тюрго, Декартъ и Ламеннэ, Лейбницъ и Бэйль и т. д. Сильно повышаетъ общую цѣнность книги полное безпристрастіе, которое удалось автору сохранить въ содержаніи и тонѣ изложенія. Нельзя назвать ни въ какомъ случаѣ «пристрастіемъ» все, что говоритъ г. Стасюлевичъ о такихъ, напримѣръ, лицахъ, какъ Боссюэтъ или Бональдъ, весь вѣкъ свой стремившихся умѣрить (если ужъ нельзя совсѣмъ потушить) горѣніе научной и раціоналистической мысли. Неудача и конечная несостоятельность идей Боссюэта объясняются у автора слѣдующими соображеніями: «...даже мысль его *доказать* ничтожество человѣческаго разума въ исторіи была сама по себѣ раціонализмомъ, а между тѣмъ пріемы Боссюэта всего болѣе противны раціонализму, потому что чужды всякой критики». Эти слова вполнѣ примѣнимы и къ Бональду, и къ цѣлой массѣ однородныхъ умовъ; нужно ли говорить, что не только историкъ, но и публицистъ, и общественный дѣятель слишкомъ часто вынужденъ считаться съ такого рода тенденціями и теоріями, которыя силятся упразднить мысль и разумъ—доказательствами отъ мысли и разума? Такой типъ теоретизирующихъ гасителей, обыкновенно, и поражаетъ своею слабостью и несостоятельностью, происходящими отъ глубокаго внутренняго противорѣчія;

впрочемъ, эта слабость и несостоятельность вредятъ подобнымъ теоретикамъ, къ сожалѣнію, только въ области науки, а въ общественной жизни—слишкомъ часто не вредятъ имъ нисколько.

Рекомендуемъ вниманію читателей книгу г. Стасюлевича, какъ интересно и обстоятельно написанную главу общей исторіи общественно-философскихъ теорій; при помощи ея возможно, съ большой экономіей времени, узнать то, съ чѣмъ образованному человѣку познакомиться необходимо. Кромѣ извѣстныхъ изслѣдованій гг. Карѣева и Виппера *), у насъ очень мало оригинальныхъ трудовъ по философіи исторіи въ ея прошломъ; вотъ почему новое изданіе разбираемой книги, возвращающее на книжный рынокъ старую, но хорошую работу, никакъ нельзя счесть излишнимъ. *Евг. Т.*

П. Сумароковъ. Черты изъ жизни Екатерины Второй. Съ портретомъ императрицы Екатерины II въ мундирѣ преображенскаго полка. Спб. 1901. Эта старинная характеристика отличается всѣми типичными чертами литературы позапрошлаго вѣка: стремленіемъ излагать предметъ обстоятельно, важно и дѣловито, желаніемъ говорить о высокомъ сюжетѣ подобающимъ «штилемъ», наконецъ, тою спеціальною восторженностью, отъ которой и современные историки далеко не всѣ успѣваютъ отдѣлаться, когда повѣствуютъ о Екатеринѣ. Въ одной изъ самыхъ драматическихъ сценъ «Войны и мира» старый князь Болконскій чуть не наканунѣ смерти уже—вспоминаетъ «невысокую, полную женщину съ желтизною въ жирномъ лицѣ», и «жгучее чувство зависти» къ ея любимцу, давно уже истлѣвшему (какъ и она сама), волнуетъ его. Эта женщина умѣла, на самомъ дѣлѣ, удивительно властвовать не только надъ умами, но и надъ сердцами многихъ своихъ современниковъ и возбуждать чувства близкія къ обожанію и преклоненію какъ во многихъ современныхъ ей дѣятеляхъ, такъ и въ писавшихъ о ней мемуаристахъ и историкахъ. Были, конечно, и исключенія (и даже довольно многочисленныя), но Сумароковъ отнюдь не принадлежитъ къ ихъ числу. «Небесная улыбка обворожала, привлекала къ ней сердца. Приближенные разставались съ нею преисполненными преданности и удивленія,—говоритъ авторъ разбираемой книжки. Даже такое, казалось бы, нейтральное качество, какъ обиліе «электричества», приводится имъ при общемъ перечисленіи достоинствъ императрицы: «она имѣла въ себѣ столь много электричества, что, когда чистили байкою шелковые платки, которыми она, ложась спать, повязывала голову, и простыни, вылетали искры съ трескомъ. Однажды г-жа Перекусихина, прикалывая ей что-то, почувствовала толчокъ въ палецъ, электричество нѣсколько разъ повторялось»... Музыки она совсѣмъ не знала и не понимала, и «для сокрытія сего, равно для ободренія изящныхъ талантовъ, всегда поручала кому-нибудь изъ знатоковъ подавать ей знакъ къ рукоплесканію»... Съ окружающими, вплоть до прислуги, Екатерина была чрезвычайно обходительна, такъ, какъ не былъ никто, кромѣ нея, за весь «петербургскій» періодъ русской исторіи. «Скажи мнѣ,—говорила она горничной, небрежно исполнявшей свои обязанности,—или ты навсегда обрекла себя жить во дворцѣ? Станется, что выйдешь замужъ, то неужели не отвыкнешь отъ своей безпечности? Вѣдь мужъ—не я, право, подумай о себѣ!»

При докладахъ она всегда разспрашивала о городскихъ слухахъ, ибо «была любопытна, желала знать мнѣнія подданныхъ, дорожила ими, предупреждала неудовольствія, неправые толки разглашеніями отъ себя, или отмѣняла свои предположенія». Она вмѣшивалась во всѣ отрасли управленія и даже суда, вникала въ разнороднѣйшія дѣла. Сумароковъ приводитъ слова принца де-

*) «Общественныя ученія и историческія теоріи XVIII и XIX вв. въ связи съ общественнымъ движеніемъ на Западѣ», проф. Р. Виппера, «Міръ Божій», 1899 г., съ марта по сентябрь включительно. Существуетъ отдѣльное изданіе.

Линя: «Въ Европѣ много молвятъ о Петербургскомъ кабинетѣ, но оный отнюдь не огроменъ, и только имѣетъ нѣсколько вершковъ пространства, отъ одного уха Екатерины до другого». Любопытно такое мнѣніе императрицы: «присоединенныя страны непристойно называть чужестранными, а обходиться съ ними на такомъ основаніи есть больше, нежели ошибка, и можно назвать достовѣрною глупостью. Сіи провинціи надлежитъ *легчайшими способами* привести къ тому, чтобы онѣ обрусѣли и перестали глядѣть, какъ волки къ лѣсу». Замѣчательны (и чрезвычайно на такихъ Монбланахъ рѣдки) примѣры признанія собственной вины, извиненія предъ приближенными и т. д., и авторъ не можетъ достаточно расхвалить за это свою героиню; она требовала отъ окружающихъ правды и больше многихъ иныхъ умѣла эту правду добывать и выслушивать. Что ее кругомъ обкрадываютъ и воры въ лентахъ и бантахъ, и воры безъ лентъ и бантовъ,—этого такая умная женщина не могла не знать, но ужъ махнула рукой на подобныя дѣянія; разъ воры имѣли развязность при ней вынести изъ дворца (подъ какимъ-то предлогомъ) на фарфоровыхъ блюдахъ ананасы, персики, виноградъ: «хотя бы блюда мнѣ оставили», сказала императрица.

Съ чрезвычайною елейностью Сумароковъ описываетъ случаи, когда Екатерина карала «пашквилянтовъ» однимъ только презрѣніемъ, бросала доносы въ огонь и т. д. Полнота характеристики требовала бы пополнить эти страницы разсказомъ о Степанѣ Шешковскомъ и его «кнутобойствѣ» (выраженіе Потемкина), о случаяхъ сѣченія фрейлинъ за каррикатуры, объ отправленіи спеціальнаго слѣдователя по тому поводу, что «на Москвѣ было много вранья», и т. д. и т. д. Нужно, впрочемъ, сказать, что ни предыдущая, ни послѣдующая исторія въ этомъ специфическомъ отношеніи не могла особенно выдвинуть Екатерину изъ ряда; напротивъ, даже о единичныхъ случаяхъ «кары презрѣніемъ» и бросанія доносовъ въ огонь, хроники не только предыдущихъ, но и послѣдующихъ десятилѣтій говорятъ чрезвычайно мало.

Нельзя ни въ какомъ случаѣ принять сумароковскія «Черты» за исторически вѣрный портретъ Екатерины, но, несомнѣнно, кое что онѣ даютъ для пониманія образа одной изъ замѣчательнѣйшихъ личностей, сидѣвшихъ на русскомъ тронѣ. Искреннее увлеченіе и любовь сильно оживляютъ изложеніе, чуть-чуть витіеватое и велерѣчивое; да и трудно обойтись безъ показаній современниковъ, а Сумароковъ пишетъ именно по личнымъ своимъ воспоминаніямъ, по слухамъ и толкамъ, имѣвшимъ тогда, когда они имъ выслушивались,—животрепещущій, злободневный интересъ. *Е. Т.*

Е. В. Тарле. Исторія Италіи въ новое время.—Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время, подъ редакціей К. И. Карѣева и И. В. Лучицкаго Изданіе Акціонерн. Общ. «Брогаузъ-Ефронъ». Съ картами. Цѣна 1 руб. Е. В. Тарле нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ выпустилъ въ настоящей коллекціи книгу по исторіи Италіи въ средніе вѣка. Задача, которую предстояло автору разрѣшить въ ней, гораздо болѣе трудна, чѣмъ задача настоящей работы. Исторія Аппеннинскаго полуострова въ средніе вѣка богата всевозможными внѣшними и внутренними пертурбаціями, культурныя состоянія, которыя смѣнялись въ періодъ времени паденія римской имперіи до такъ называемаго возрожденія, крайне сложны, руководящіе моменты исторіи непостоянны. И все же г. Тарле удалось очень удачно справиться съ этой задачей; на пространствѣ десяти съ небольшимъ печатныхъ листахъ онъ отмѣтилъ все необходимое, и далъ, правда, во многихъ случаяхъ схематичную, но въ общемъ вѣрную и живую картину исторической эволюціи Италіи въ средніе вѣка.

Затрудненія, съ которыми приходится считаться при изложеніи исторіи Италіи въ новое время, тоже очень значительны, но они иного свойства. Тамъ

автора подавляетъ матеріалъ, трудно поддающійся сжатой и популярной обработкѣ; здѣсь матеріалъ болѣе удобенъ, потому что лучше сконцентрированъ; тамъ цѣлый рядъ спорныхъ вопросовъ смущаетъ популяризатора и заставляетъ его на время дѣлаться изслѣдователемъ и говорить отъ своего имени; здѣсь этого почти нѣтъ; тамъ приходится изображать судьбы страны, которая шла впереди Европы въ процессѣ экономическаго развитія и въ умственномъ движеніи, а въ политическихъ отношеніяхъ играла даже въ самые трудные моменты видную роль; здѣсь послѣ возрожденія начинается упадокъ культуры, послѣ географическихъ открытій—упадокъ торговли, послѣ реформаціи—упадокъ папства, въ политическомъ отношеніи уже въ самомъ преддверіи новой исторіи Италію подкашиваетъ территоріальное дробленіе; словомъ, новая исторія Италіи вплоть до объединенія есть исторія упадка, и даже объединеніе не могло повернуть въ другую сторону направленіе вѣкового процесса: оно могло лишь задержать его. Всевозможныя перипетіи этого процесса, перипетіи преимущественно мелкія, часто ничтожныя, такъ же трудно поддаются сжатому изложенію, какъ и крупные процессы ранняго періода. Популяризатору нерѣдко приходится разрубать гордіевы узлы, чтобы спасти для читателя общую картину. Г. Тарле дѣлаетъ это, напр., въ отдѣлѣ о тиранахъ. Затѣмъ, при описаніи средневѣковыхъ событій, состояній и лицъ историкъ можетъ оставаться совершенно спокойнымъ. Оцѣнка ихъ—вопросъ или второстепенный, или рѣшеный. Не то въ новой исторіи. Чѣмъ ближе къ современнымъ условіямъ, тѣмъ больше отъ него требуется руководящихъ точекъ зрѣнія; объективизмъ становится трудно достижимымъ. Популяризатору не приходится быть изслѣдователемъ, но ему поневолѣ приходится быть порою публицистомъ. Въ заслугу г. Тарле можетъ быть поставленъ тотъ фактъ, что онъ всюду старался сохранить безпристрастіе. Онъ придерживается того плана, который въ историческихъ трудахъ все больше и больше пріобрѣтаетъ право гражданства: изложеніе становится тѣмъ подробнѣе, чѣмъ ближе къ современности. Книга г. Тарле дѣлится на двѣ, почти равныя половины; та, которая нѣсколько больше, излагаетъ исторію Италіи отъ XIV вѣка до французской революціи; болѣе краткая доводитъ разсказъ до занятія Рима въ 1870 году и въ немногихъ словахъ резюмируетъ исторію послѣдвихъ трехъ десятилѣтій; кончается книга вступленіемъ на престолъ короля Виктора-Эммануила II. Дѣятели объединенія нашли у Тарле въ общемъ правильную оцѣнку; только при характеристикѣ Кавура хотѣлось бы видѣть немного меньше идилличности.

Какъ и въ своей предыдущей книгѣ г. Тарле понимаетъ свою задачу очень широко: онъ далеко не ограничивается изложеніемъ однихъ только внѣшнихъ событій и включаетъ въ свой обзоръ всѣ важнѣйшіе факты й теченія культурнаго въ строгомъ смыслѣ характера. Гуманизма онъ касается, можно сказать, вскользь и отмѣчаетъ только его основныя черты въ виду того, что этому вопросу будетъ посвящена въ коллекціи Карѣева—Лучицкаго особая книга. Нѣсколько подробнѣе онъ останавливается на эпигонахъ итальянскаго возрожденія: Помпонацци, Ванини, Макіавелли, Джордано Бруно; особую главу онъ посвящаетъ публицистамъ XVIII вѣка: Бандини, Броджіа, Дженовези, Филанджьери, Беккаріа; намъ кажется, что въ этой главѣ могъ бы найти мѣсто еще одинъ мыслитель, значеніе котораго въ наукѣ не меньше, чѣмъ значеніе любого изъ выше перечисленныхъ, не исключая Филанджьери и даже Беккаріа. Мы говоримъ о Вико, авторѣ «Новой науки» и одномъ изъ родоначальниковъ соціологіи. Экономическое развитіе Италіи въ новое время не выдѣляется нигдѣ изъ общаго изложенія, и это понятно: тутъ оно не имѣетъ и десятой доли того значенія, какое оно имѣло въ средніе вѣка. Зато соціальныя и политическія условія описываются у Тарле въ достаточной мѣрѣ подробно. Къ книгѣ

приложены четыре карты, иллюстрирующія положеніе страны въ разные моменты новой исторіи.

Въ общемъ, повторяемъ, объ книги г. Тарле даютъ цѣльный и очень удачно написанный очеркъ полной драматизма исторіи Италіи. *А. Дживелеговъ.*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

Ев. Филипповичъ. «Основанія политической экономіи».—*П. Коваленко.* «Главнѣйшія реформы Н. Х. Бунге».

Евгеній Филипповичъ. Основанія политической экономіи. Перев. съ третьяго нѣмецкаго изданія. Спб. 1901. 324 стр. Цѣна 3 руб. Курсъ политической экономіи вѣнскаго профессора Евг. Филипповича въ западно-европейской экономической литературѣ быстро завоевалъ себѣ широкія симпатіи читающей публики, потребовавшей уже третье изданіе.

Легкость изложенія, точность опредѣленій, научная безпристрастность при очень гуманномъ отношеніи къ соціально-политическимъ вопросамъ вполнѣ объясняютъ причины этой симпатіи. Филипповичъ очень оживилъ свое изложеніе тѣмъ, что на ряду съ проблемами теоретической экономики поставилъ и освѣтилъ волнующіе наше время соціальные вопросы и, отступая отъ обычныхъ плановъ курса политической экономіи, далъ въ концѣ своей книги краткій очеркъ историческаго развитія и современнаго состоянія политическихъ партій въ Германіи и основныхъ направленій экономической политики.

Ни въ области чисто политической теоріи, ни въ области такъ называемой экономической политики Филипповичъ не можетъ быть отнесенъ къ вполнѣ опредѣленной научной или политической партіи. Партійность вообще ему чужда и, за немногими исключеніями, онъ сумѣлъ, подойдя къ жгучимъ вопросамъ современной экономической жизни и науки, сохранить полную объективность по отношенію къ своимъ научнымъ и политическимъ противникамъ. Эта сдержанность, къ сожалѣнію, мѣстами доходитъ у него до такихъ границъ, когда утрачивается возможность уяснить себѣ отношеніе къ даннымъ вопросамъ самого автора.

Въ общемъ, въ теоретической части Филипповичъ сильно приближается къ взглядамъ такъ называемой австрійской или психологической школы, въ области же экономической политики онъ является сторонникомъ широкихъ соціальныхъ реформъ, выказываетъ глубокую симпатію къ рабочему классу, но всецѣло на точку зрѣнія требованій послѣдняго никогда не становится и, признавая законной и плодотворной борьбу рабочаго класса за улучшеніе своего положенія, онъ считаетъ, однако, утопіей борьбу этого класса за устраненіе всякаго классового расчлененія общества.

Приближаясь по своимъ воззрѣніямъ къ ученію австрійской школы, Филипповичъ, къ сожалѣнію, не избѣжалъ общаго, если и преодолимаго, то еще не преодолѣннаго, недостатка всей этой школы—ея надъисторичности. Это особенно ясно сказалось въ его ученіи о капиталѣ. Капиталъ, по его опредѣленію, это «тѣ произведенныя людьми вещественныя блага, которыя можно передвигать или же сдѣлать неподвижными по волѣ человѣка; ихъ мы противопоставляемъ почвѣ и землѣ въ качествѣ капитала» (126 стр.).

Это основное опредѣленіе Филипповича и дальнѣйшее его развитіе совершенно упускаетъ изъ виду, что капиталъ, какъ и всѣ категоріи политической экономіи, есть категорія историческая. Филипповичъ какъ бы совершенно забываетъ объ этой исторической обусловленности всѣхъ категорій политической

экономіи, о томъ, что «капиталъ», «цѣнность» и т. д. выражаютъ собою не свойство вещей, а извѣстное отношеніе людей въ процессѣ общественнаго производства. Никакія «вещественныя блага», на которыя ссылается нашъ авторъ, сами по себѣ не могутъ быть капиталомъ, сами по себѣ они только «вещественныя блага» и больше ничего. Лишь опредѣленныя общественныя отношенія, сложившіяся въ итогѣ долгой экономической эволюціи, превратили эти «вещественныя блага» въ капиталы. Эту историческую почву, на которой выросло такое сложное явленіе, какъ капиталъ, и надлежало выяснить нашему автору, но онъ ее не выяснилъ, какъ не выяснилъ онъ ее и по отношенію къ другимъ основнымъ категоріямъ экономической науки.

Въ ученіи о цѣнности Филипповичъ примыкаетъ, какъ мы уже замѣтили, къ ученію австрійской школы, хотя въ пониманіе этого ученія вноситъ нѣкоторыя черты оригинальности.

Въ противоположность обычному,—въ особенности въ русской экономической литературѣ,—дѣленію цѣнности на потребительную и мѣновую цѣнность, Филипповичъ придерживается установленнаго австрійской школой дѣленія на субъективную и объективную цѣнность. Подъ цѣнностью въ субъективномъ смыслѣ авторъ понимаетъ значеніе блага, дѣйствія, условія — вообще какого-либо внѣшняго факта для интересовъ опредѣленной хозяйственной единицы, при этомъ оно можетъ вытекать или изъ непосредственнаго воздѣйствія этого факта на собственныя хозяйственныя условія, или же изъ косвенныхъ воздѣйствій, тогда какъ хозяйственная единица, лишь затративъ указанныя блага, трудъ и т. д., получаетъ возможность имѣть въ своемъ распоряженіи такія блага, рабочія силы и т. д., отъ которыхъ непосредственно можетъ зависѣть ея хозяйственное благополучіе. Такова цѣнность въ субъективномъ смыслѣ. Подъ цѣнностью же въ объективномъ смыслѣ Филипповичъ понимаетъ способность блага обезпечивать достиженіе опредѣленной внѣшней цѣли. Способность эта можетъ заключаться въ специфическихъ свойствахъ предмета — теплотѣ, развиваемой дровами при горѣніи, въ силѣ, развиваемой паровой машиной и т. д., тогда передъ нами объективная потребительная цѣнность, или же эта способность вытекаетъ изъ выручки, которую приноситъ данное благо при приложеніи его къ производству, тогда передъ нами будетъ объективная производительная цѣнность и, наконецъ, благо можетъ быть полезно тѣмъ, что актомъ обмѣна оно способно доставить другія блага, тогда это будетъ объективная мѣновая цѣнность (195—196 стр.).

Соотвѣтственно этой классификаціи, Филипповичъ ставитъ теоріи цѣнности двоякаго рода задачу: «Выяснить причину возникновенія субъективной цѣнности и тѣ основанія, которыя опредѣляютъ ея величину, и затѣмъ тѣ же самыя явленія объяснить, принимая въ соображеніе объективную цѣнность». Психологическій характеръ перваго рода изслѣдованія, т.-е. изслѣдованія субъективной цѣнности не подлежитъ, по мнѣнію Филипповича, никакому сомнѣнію, такъ какъ здѣсь вся задача сводится къ тѣмъ «волевымъ реакціямъ, которыя вызываются въ человѣкѣ присущимъ ему хозяйственнымъ интересомъ» (198).

Но не лишена-ли этого психологическаго характера объективная, мѣновая цѣнность, вѣдь здѣсь передъ нами, повидимому, механическія, отрѣшенныя отъ вліянія человѣческой воли отношенія, вѣдь здѣсь цѣнность является чѣмъ-то заранѣе уже даннымъ и, повидимому, изслѣдовать здѣсь надо только внѣшнія движенія во взаимныхъ цѣнностныхъ отношеніяхъ различныхъ вещей. Но подобный взглядъ на мѣновую цѣнность Филипповичъ признаетъ несостоятельнымъ, такъ какъ, по его мнѣнію, и объективная мѣновая цѣнность въ конечномъ анализѣ есть ничто иное, какъ результатъ сталкивающихся при обмѣнѣ субъективныхъ интересовъ. Въ силу этого, задача теоріи цѣнности въ отношеніи къ объективной мѣновой цѣнности сводится къ тому, чтобы вывести ея

происхожденіе и величину изъ субъективныхъ, обусловленныхъ внѣшними обстоятельствами и явленіями сужденій о цѣнности.

Переходя затѣмъ къ основаніямъ, опредѣляющимъ цѣнность благъ, Филипповичъ присоединяется къ теоріи предѣльной полезности (австрійская школа), по которой при данномъ запасѣ благъ и при данныхъ потребностяхъ цѣнность опредѣляется предѣльною пользою.

Таково отношеніе Филипповича къ теоріи цѣнности—центральной проблемѣ экономической науки, проблемѣ, вызывающей въ настоящее время такое рѣзкое столкновеніе мнѣній. Изъ этого столкновенія пока родилась еще не сама истина, а лишь ея мать—критика.

Оцѣнивать воззрѣнія Филипповича на цѣнность здѣсь не мѣсто, такъ какъ это завело бы насъ слишкомъ далеко. Замѣтимъ только, что, настаивая на психологическомъ характерѣ проблемы цѣнности, Филипповичъ, вслѣдъ за другими теоретиками предѣльной полезности, напрасно противопоставляетъ свою теорію теоріи трудовой цѣнности. Вѣдь эта именно теорія опровергла фетишизмъ экономистовъ, разсматривавшихъ категоріи экономической науки, какъ выраженія объективныхъ свойствъ вещей, а не общественныхъ отношеній людей. Надо только различать вопросъ о сущности и происхожденіи чувства цѣнности отъ вопроса объ измѣреніи цѣнности продуктовъ экономической дѣятельности. Намъ кажется, что представители субъективной школы, а съ ними и Филипповичъ, не различаютъ этого.

Переводъ книги Филипповича сдѣланъ во всѣхъ отношеніяхъ неудовлетворительно. *П. Берлинъ.*

Петръ Кованько. Главнѣйшія реформы, проведенныя Н. Х. Бунге въ финансовой системѣ Россіи. Кіевъ. 1901 г. 448 стр. (цѣна не обозначена). «Николай Христіановичъ Бунге принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ дѣятелей, которые будучи вполнѣ убѣждены въ раціональности своихъ мѣропріятій, никогда не мѣшаютъ пишущей публикѣ высказывать свои соображенія», такъ начинаетъ свою книгу г. Кованько.

Русская «пишущая публика», увы, не избалована подобною драгоцѣнною чертою оффиціальныхъ дѣятелей, въ силу чего у нея много накопилось невысказаннаго, и мы имѣли полныя основанія предполагать, что г. Кованько, начавъ свою книгу съ выписанной выше фразы, воспользуется драгоцѣнною чертою покойнаго министра финансовъ и критически разсмотритъ всю его дѣятельность. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, къ чему же поминать о терпимости Н. Х. Бунге къ критическимъ замѣчаніямъ «пишущей публики», если самъ авторъ собирается писать панегирикъ Н. Х. Бунге?

Оказалось, что г. Кованько, начавъ съ приведенной фразы, наполнилъ затѣмъ 448 стр. почти сплошнымъ восхваленіемъ всѣхъ мѣропріятій Н. Х. Бунге. У него попадаются, правда, кое-какія критическія замѣчанія о томъ или иномъ финансовомъ мѣропріятіи покойнаго министра, но замѣчанія эти сдержанны, кратки, и, сдѣлавъ ихъ, авторъ тотчасъ же, точно чтобы сгладить ихъ впечатлѣніе, переходитъ къ славословію.

Вотъ передъ нами, напр., фактъ, что при министерствѣ Бунге косвенное обложеніе не только не уменьшилось, но даже еще увеличилось. «Заботы объ облегченіи и уравненіи налоговъ,—говоритъ нашъ авторъ,—какъ бы покидаютъ Бунге при его преобразованіяхъ въ области косвенныхъ налоговъ. Вѣдь ни увеличеніе акциза на спиртъ, ни возвышеніе таможенныхъ сборовъ никоимъ образомъ не могли служить дѣлу облегченія или уравненія податного бремени. Повидимому, интересы потребителей отходили на второе мѣсто, а на первое выдвигались интересы промышленниковъ. И къ сожалѣнію, дѣйствительно не разъ случалось такъ, что помощь, оказанная промышленности, обращалась немедленно въ пользу отдѣльныхъ группъ промышленниковъ и даже во вредъ

самой промышленности» (446). Но упомянувъ объ этомъ въ двухъ строкахъ, г. Кованько тотчасъ же снова переходитъ къ славословію. Дѣло въ томъ, что Н. Х. Бунге всѣ эти результаты «рисовались» совсѣмъ иными, и этой «внутренней» стороны г. Кованько рекомендуетъ не забывать. Столкнувшись съ отрицательными, какъ онъ самъ признается, явленіями финансовой политики Н. Х. Бунге, нашъ авторъ, смущенно упомянувъ о нихъ, спѣшитъ перейти къ анализу «внутренней стороны дѣла», доказательству того, что если результаты и были плохи, то побужденія и стремленія Бунге были безупречны: онъ самъ не разсчиталъ, къ чему приведутъ данныя мѣропріятія. Намъ думается, что для Бунге, какъ человѣка, это, быть можетъ, и похвально, но Бунге, какъ министру финансовъ, едва ли можно поставить въ заслугу, что онъ не зналъ, къ чему приведутъ его мѣропріятія.

Г. Кованько въ своемъ обширномъ изслѣдованіи разработалъ богатый архивный матеріалъ изъ библіотеки покойнаго Бунге, завѣщанной имъ Кіевскому университету. Съ этой стороны его изслѣдованіе весьма цѣнно, тѣмъ болѣе, что о финансовой дѣятельности Бунге у насъ совсѣмъ нѣтъ сколько-нибудь обстоятельной монографіи. Но если изслѣдованіе г. Кованько весьма цѣнно какъ матеріалъ, то какъ освѣщеніе, какъ оцѣнка оно очень односторонне.

П. Берлинъ.

---

*ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ *).*

В. Бельше. «Отъ бациллы до обезьяны».— *Э. С. Томпсонъ.* «Разсказы изъ жизни животныхъ».

Вильгельмъ Бёльше. «Отъ бациллы до обезьяны». Популярные очерки по біологіи. Изд. А. П. Ненашева. Москва. 1901 г. Цѣна 1 р. 80 к. 318 стр. Говорятъ, Бёльше считается теперь первымъ нѣмецкимъ популяризаторомъ. Я этому не вѣрю. Германія слишкомъ серьезная страна, чтобы послѣ Гумбольдта, Окена и Фогта вѣнчать Бёльше. Бёльше даже не популяризаторъ въ точномъ смыслѣ этого слова. Его область не факты, а идеи, вѣрнѣе, одна идея—эволюціи. Эволюція, прогрессивная эволюція—его догматъ, красота жизни—его культъ, торжество человѣческаго разума—его пѣснопѣніе. Недурныя вещи по нашему времени, и работа Бёльше, конечно, положительная, когда онъ борется съ пессимизмомъ и стремится создать бодрое настроеніе, то суля въ будущемъ новую квартиру человѣчеству въ созвѣздіи Центавра, то рисуя, дѣйствительно, красивую картину совмѣстной эволюціи матеріи и духа. Неужели матерія, побывавшая въ мозгу Гёте, выходитъ оттуда безъ всякаго измѣненія?—спрашиваетъ нашъ авторъ.

«Можно представить себѣ,—говоритъ онъ **),—что весь круговоротъ матеріи, вся смѣна человѣческихъ поколѣній и тотъ удивительный фактъ, что одинаковыя идеи проходятъ черезъ столько трилліоновъ матеріальныхъ человѣческихъ мозговъ, представляетъ одну великую машину, предназначенную для того, чтобы вдолбить въ каждый атомъ земной матеріи великій урокъ, который проявится во вновь возникающихъ мірахъ съ самаго начала въ видѣ фатальныхъ зако-

---

*) Въ декабрьской книжкѣ истекшаго года въ рецензіи «Популярно-научная библіотека А. Ю. Маноцковой» вкрались слѣдующія опечатки. На стр. 116, строка 26-я сверху, послѣ слова *явнобрачныя* нужно вставить «*Къ явнобрачнымъ отнесены и хвойныя деревья*»—фразу, которая по недосмотру напечатана на 29 и 30 строкѣ. На этой же страницѣ, строка 6-я снизу, послѣ слова «*этихъ*» нужно вставить: «*веществъ нѣтъ въ жидкости Ролена*».

**) «Гибель міра», стр. 132—133.

новъ и опредѣленныхъ предрасположеній. Благодаря этой міровой наслѣдственности нѣкоторыя вещи были бы воспроизведены въ новомъ мірѣ гораздо легче, и такимъ образомъ цѣпь прогрессивнаго развитія была бы все-таки спасена... Внѣшняя форма человѣчества можетъ при этомъ спокойно исчезнуть въ огненной части солнца, подобно трупу отдѣльнаго великаго человѣка, поглощаемому печью для сжиганія мертвецовъ. И все-таки великая цѣпь эволюціи не будетъ оборвана. Возникнетъ новая линія эволюціи, которая будетъ утверждена на новой основѣ. Въ естественный законъ этой эволюціи привзойдетъ нѣчто новое, нѣчто болѣе высокое... Кто чувствуетъ еще въ себѣ силу для движенія впередъ, для бодрой работы, тотъ ищетъ болѣе свѣтлыхъ перспективъ, въ томъ живетъ еще сознаніе необходимой связи всѣхъ вещей, которая соединяетъ наше прошлое съ судьбами млечнаго пути и Сиріуса, и которая поведетъ насъ дальше, хотя бы даже земля была сокрушена или солнце погрузилось въ мракъ. Здѣсь вспыхиваетъ настоящая міровая сила индивидуальности: пока она не вѣритъ въ гибель міра—гибели этой не можетъ и быть».

Право, въ этой красивой фантазіи есть что-то, вѣроятно жажда вѣры и жизни, что гаситъ уже появившуюся было улыбку. Одно только печально. Людей, серьезно думавшихъ объ этихъ вопросахъ, врядъ ли успокоитъ Бёльше, а безпокойство другихъ не идетъ такъ далеко. Но все же эта, такъ сказать, философски-этическая сторона работы Бёльше и симпатична, и полезна, хотя бы уже тѣмъ, что многихъ заставитъ задуматься о томъ, о чемъ имъ и не снилось. Уже изъ приведеннаго примѣра видно, съ какимъ краснорѣчіемъ и азартомъ отстаиваетъ авторъ свой догматъ. Этотъ азартъ становится нѣсколько опаснымъ, когда дѣло касается фактовъ. Когда Бельше спускается на землю и начинаетъ излагать теорію эволюціи ея организмовъ, — то иногда какъ-то жутко за истину. Нѣтъ бога, кромѣ эволюціи—и Геккель ея пророкъ. Такъ, авторъ утверждаетъ, что геккелевская «теорія гастреи» проникла во всѣ даже маленькіе учебники зоологіи и пользуется общимъ признаніемъ.

Только азартъ начетчика можетъ освободить Бёльше въ данномъ случаѣ отъ обвиненія въ недобросовѣстности и въ искаженіи истины. А между тѣмъ, исключительно на этой теоріи гастреи цѣликомъ построена одна изъ статей сборника («Первобытная исторія желудка») и къ ней авторъ часто обращается и въ другихъ своихъ статьяхъ («Мысли о бациллахъ». «Сохранившееся до нашихъ дней первобытное животное»).

Геккель можетъ отстаивать и нынѣ свою теорію, созданную имъ чуть не 30 лѣтъ тому назадъ (въ 1874 г.), но дѣлать ее исходнымъ пунктомъ для популярныхъ статей, разсчитанныхъ на широкую публику, это все равно, что совращать въ свою секту младенцевъ. И развѣ нуждается нынѣ теорія эволюціи въ подобной защитѣ и пропагандѣ?! Наоборотъ, наступило время очистить ее отъ излишнихъ комментаріевъ и толкованій слишкомъ усердныхъ адептовъ.

Къ чести Бёльше надо сказать, что это единственное столь рѣзкое уклоненіе его отъ истины. Есть еще одно «пристрастіе», но оно касается уже «личности». Я говорю о статьѣ «О толстомъ Фогтѣ». Это талантливо и блестяще написанный памфлетъ. Главный и, по моему, самый непріятный недостатокъ его тотъ, что онъ написанъ послѣ смерти Фогта и, вѣроятно, вскорѣ послѣ смерти. *Такъ* можно писать только при жизни противника, когда послѣдній можетъ защищаться, или же тогда, когда данное лицо отошло уже въ область исторіи. Карлъ Фогтъ умеръ въ 1895 году.

«Физически,—пишетъ Бёльше,—его мучила ломота въ костяхъ, относительно которой онъ имѣлъ предусмотрительность увѣрять, будто нажилъ ее, лазая по глетчерамъ съ Агассисомъ; увѣреніе это было необходимо, дабы черное подозрѣніе не коснулось какъ-нибудь бѣдныхъ жареныхъ куропатокъ и добраго

вина... Уже совсѣмъ старикъ, онъ все еще надѣялся снова вернуть себѣ цвѣтущую юность посредствомъ знаменитаго жизненнаго элексира Броунъ-Секара; и онъ, и Броунъ Секаръ,—оба они умерли-таки въ концѣ концовъ». Относительно знаменитаго полярнаго путешествія Фогта на Нордъ-Капъ, Янъ-Майенъ и Исландію, Бёльше говоритъ: «Однако, основательная естественно-научная работа среди всѣхъ развлеченій путешествія играла лишь второстепенную и побочную роль». Главное, по словамъ суроваго судьи, заключалось въ истребленіи ветчины и шампанскаго. Конгрессы и съѣзды Фогтъ-де любилъ оттого, что «на нихъ съ такой пріятностью переходятъ отъ анатомическаго расчлененія черепахъ къ изученію черепашьяго супа». «Къ эрѣ Бисмарка питалъ онъ (Фогтъ) отвращеніе, *но* *) и въ соціалъ-демократіи видѣлъ онъ не больше, какъ шайку поджигателей, а для вождей ея, Маркса и Либкнехта, не было у него въ запасѣ ничего, кромѣ грязной брани. Нельзя было, съ другой стороны, не замѣтить, что къ наполеонидамъ онъ чувствовалъ симпатію». Здѣсь не мѣсто вдаваться въ разборъ взаимоотношеній Фогта и тогдашнихъ вождей соціалъ-демократіи, но самое элементарное безпристрастіе должно было бы заставить Бёльше упомянуть о томъ, что «вожди» съ своей стороны взводили на Фогта гнуснѣйшее и *ничѣмъ* не обоснованное обвиненіе въ подкупѣ его Наполеономъ. Бельше только двусмысленно киваетъ въ сторону наполеонидовъ.

Въ концѣ этой статьи-памфлета авторъ, видимо, самъ почувствовавъ непріятный пересолъ, говоритъ, что Фогта надо «рисовать въ томъ же освѣщеніи, въ какомъ самъ онъ рисовалъ событія и людей—тогда удастся всего ближе схватить его черты. Рисовать съ чуткой человѣчностью, но и не безъ легкаго оттѣнка каррикатуры».

Не знаю, что послѣ этого называется «человѣчностью» и что «легкимъ оттѣнкомъ каррикатуры»?! У меня вертятся совершенно другія слова.

Къ сожалѣнію, я не могу здѣсь вдаваться въ разборъ характеристики Фогта, данной Бёльше. Скажу только, что автору слѣдовало бы доказать, а не утверждать, что въ философскихъ вопросахъ Фогтъ былъ «слабоголовъ»,—и я сильно боюсь, что такія фразы какъ: «гдѣ мозгъ, тамъ и человѣческій духъ» (стр. 7) или «мозгъ уяснилъ себѣ все окружающее», «мозговыя клѣтки создаютъ науку» (стр. 37) или, напр., еще яснѣе: «Въ самомъ дѣлѣ, о чемъ шла рѣчь, когда мы говорили о духѣ, мышленіи и сознаніи? Конечно, о головѣ, о мозгѣ, о мозговыхъ клѣткахъ» (стр. 36), что такія фразы довольно-таки близки къ фогтовскому матеріализму.

Остальныя статьи сборника («Сказка о Марсѣ». «Изъ книги судебъ животнаго міра въ полярныхъ странахъ». «Тайна Южнаго полюса». «Классическая страна ихтіозавра». «Человѣкоподобная обезьяна съ острова Явы») написаны такъ же, какъ и упомянутыя уже нами, блестяще и литературно, часто даже художественно, также затрогиваютъ массу интересныхъ вопросовъ, также исповѣдуютъ эволюцію или поютъ гимны интелектуальной мощи человѣка.

Въ этихъ гимнахъ слышится иногда нѣкоторый привкусъ національнализма и передъ словомъ геній выскакиваетъ вмѣсто прилагательнаго человѣческій—«германскій». Какъ бы то ни было, книга Бёльше—оригинальное явленіе на нашемъ довольно-таки сѣроватомъ фонѣ популяризацій, и мы надѣемся еще къ ней вернуться въ связи съ другими проявленіями естественно-исторической мысли

В. Агафоновъ.

---

*) По мнѣнію Бельше, либо Бисмаркъ, либо соціалъ-демократія и Фогтъ послѣдніе 45 лѣтъ «брелъ безславнымъ шагомъ», такъ какъ «его не захватили въ своемъ бѣгѣ могущественныя партіи».

Э. Р. Томпсонъ. Разсказы изъ жизни животныхъ. Съ 128 рисунками. Переводъ съ англійскаго Изданіе Ф. Павленкова. 1901 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Удивительно оригинальная и талантливая книга.

Авторъ не описываетъ, какъ зоологи, путешественники или охотники, типовое, среднее, такъ сказать, обезличенное животное; онъ, какъ беллетристъ, выбираетъ себѣ героя и вводитъ васъ въ его жизнь, полную тяжелой борьбы за существованіе, любви и ненависти, самоотверженія и жестокости. Пріемъ, издавна примѣнявшійся въ басняхъ и такихъ литературныхъ произведеніяхъ, какъ «Рейнеке-Лисъ», «Война мышей и лягушекъ», «Кузнечикъ-музыкантъ» и пр., но авторамъ такихъ произведеній животныя служили только ширмой, изъ за которой удобнѣе было посмѣяться надъ человѣкомъ и его слабостями. Задача Э. Томпсона совершенно другая—«это не сказка», какъ сказали бы маленькія дѣти, «а—совсѣмъ взаправду». Авторъ описываетъ жизнь «настоящихъ» животныхъ, ни на шагъ не удаляясь отъ дѣйствительности—и все же читаешь эти маленькія эпопеи изъ жизни низшихъ существъ съ такимъ интересомъ и наслажденіемъ, какъ рѣдкіе романы и повѣсти изъ жизни людей.

«Эти разсказы, говоритъ авторъ въ предисловіи, всѣ взяты изъ дѣйствительности. Хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ я и отступалъ отъ строгой исторической правды, тѣмъ не менѣе животныя, описанныя въ этой книгѣ, всѣ списаны съ натуры. Они прожили ту самую жизнь, которая разсказана мной, а ихъ геройство и индивидуальность проявлялись даже гораздо сильнѣе, чѣмъ мнѣ удалось это выразить перомъ... Я старался очертить живую личность каждаго индивидуума и его воззрѣнія на жизнь, вмѣсто того, чтобы пускаться въ описаніе расы вообще, да притомъ еще съ точки зрѣнія человѣка, т. е. чисто враждебной».

И передъ читателемъ проходятъ дѣйствительно «герои»—свободолюбивые, мужественные и хитроумные, наивно-жестокіе и нѣжные, способные на такую силу любви, которую уже многіе изъ насъ утратили безвозвратно.

Вотъ гордый и могучій «король-Лобо»—вождь небольшой, стаи всего изъ пяти волковъ, держащій въ страхѣ цѣлый округъ; за голову его назначена премія въ 1.000 долларовъ. Онъ настоящій вождь—сильный, ловкій, смѣлый и осторожный; благодаря ему его стая живетъ припѣваючи въ теченіи 4-хъ лѣтъ, истребляя ежегодно до 400 головъ крупнаго скота и ускользая отъ всѣхъ хитростей и мѣстныхъ и выписныхъ охотниковъ, отъ ихъ собакъ, ружей, капкановъ и яду,—но Лобо любитъ Бланку и когда послѣдняя погибла, онъ отъ горя теряетъ голову и тоже попадаетъ въ руки своихъ враговъ. Ему надѣли ошейникъ съ крѣпкою цѣпью, пустили на лугъ и освободили отъ веревокъ. «Я положилъ около него мяса и поставилъ воду, разсказываетъ авторъ, но онъ не дотронулся ни до чего. Онъ спокойно лежалъ на груди и смотрѣлъ своими пронзительными желтыми глазами мимо меня, вдаль, за предѣлы камыша, на открытыя поля,—его поля—и ни одинъ мускулъ у него не дрогнулъ, когда я къ нему прикоснулся. Солнце зашло, а взглядъ его все еще былъ устремленъ на поля. Я ожидалъ, что ночью онъ захочетъ созвать своихъ торащей, и приготовился ихъ встрѣтить. Но онъ уже разъ въ тяжелую минуту взывалъ о помощи, и никто не явился; онъ никогда болѣе не станетъ звать... когда забрежилось утро, онъ все еще лежалъ на своемъ мѣстѣ въ одномъ положеніи, какъ бы спокойно отдыхая, но духъ его испарился—старый король Лобо былъ мертвъ».

Также свободолюбивъ и хитроуменъ былъ вороной мустангъ-иноходецъ, за которымъ въ теченіе 4-хъ лѣтъ гонялись лучшіе коневоды запалныхъ прерій, но въ концѣ концовъ его все же перехитрилъ человѣкъ и гордый конь покончилъ самоубійствомъ. Вообще по мнѣнію автора, жизнь дикаго животнаго всегда кончается трагически. Погибъ отъ пули смѣлый и хитрый Шрамъ (лисица),

дѣтей его придушили охотничьи собаки и только одинъ маленькій Типъ попалъ на цѣпь на ферму. Нѣсколько ночей подрядъ, забывъ о собакахъ и ружьяхъ, безстрашно прибѣгала къ нему его мать—старая Колдовка, стараясь освободить его изъ неволи, но тщетно—цѣпь была слишкомъ крѣпка. Когда Колдовка убѣдилась въ своемъ безсиліи, то на слѣдующую ночь принесла Типу не обычный гостинецъ—только что убитую курицу, а отравленную приманку, ядовитую силу которой она прекрасно знала. «Еслибъ Типъ былъ на свободѣ, она научила бы его различать и обходить ихъ. Но тутъ, когда предстоялъ выборъ между печальной жизнью плѣнника и моментальной смертью, она заглушила въ себѣ голосъ матери и дала ему свободу единственно доступнымъ ей способомъ».

Разсказъ «Мустангъ-иноходецъ», несмотря на свою художественность, пожалуй, наименѣе удачный—слишкомъ мало въ немъ мѣста отведено людямъ.

Наиболѣе выдержанными, съ точки зрѣнія поставленной авторомъ цѣли, являются, кромѣ упомянутаго нами «Король-Лобо»,—«Серебряное пятнышко», «Рваное ушко», «Спригфильдская лисица» и «Красношейка». Здѣсь картины жизни животныхъ (вороны, кролика, лисицы и куропатки) нарисованы поразительно художественно и ярко. Чтобы создать такія картины, мало того громаднаго запаса личныхъ наблюденій, который скопилъ авторъ втеченіе долгихъ лѣтъ охотничьей жизни, мало и художественнаго таланта, имъ обнаруженнаго, нужна, сверхъ всего этого, какая-то необыкновенная проникновенность въ психику нашихъ «меньшихъ братьевъ».

Какъ мастерски описаны, напр., юношескіе «годы» этихъ столь различныхъ животныхъ, періодъ ихъ учобы. Какъ многое, что мы по традиціи приписываемъ таинственному инстинкту, оказывается пріобрѣтеннымъ, благодаря продолжительному ученію, то школьному, «ротному», по выраженію автора, какъ у воронъ, то домашнему, какъ у лисицы, кролика и куропатки.

Какъ великолѣпна сцена, когда лисица Шрамъ одурачиваетъ собаку и затѣмъ наблюдаетъ надъ своимъ врагомъ и смѣется надъ нимъ. Приведемъ конецъ этой сцены. «Шрамъ мѣнялъ отъ времени до времени свою позицію, чтобы лучше видѣть происходившее, и наблюдалъ, можно сказать, съ человѣческимъ интересомъ за всѣми кругами, которые описывала собака... шерсть его подымалась на спинѣ при каждомъ появленіи собаки. Я могъ видѣть, какъ его сердце ударялось о ребра и какъ горѣлъ его желтый глазъ. Когда собака была окончательно сбита съ толку водой, забавно было видѣть Шрама: онъ не могъ усидѣть на мѣстѣ отъ радости, покачивался изъ стороны въ сторону и приподнялся на заднія лапы, чтобы насладиться зрѣлищемъ медленно плетущейся собаки. Съ пастью открытой почти до ушей, хотя и вовсе не усталый, Шрамъ громко дышалъ или скорѣе весело смѣялся, точь въ точь какъ смѣется собака, тяжело дыша и оскаливая зубы».

Еще болѣе занимательна подобная же сцена, когда молодой кроликъ «Рваное ушко» въ юношескомъ задорѣ дразнитъ и дурачитъ охотничью собаку. Подробно и чрезвычайно картинно описаны всѣ уловки и хитрости, которыя употребляетъ при этомъ «Рваное ушко». Порой только беретъ сомнѣніе, не слишкомъ ли высокую психику придаетъ авторъ юному кролику, какъ и многимъ другимъ своимъ пріятелямъ. Но когда прочтешь всю книгу Томпсона, а начавъ ее, прочтешь непремѣнно всю, когда трагическая лѣтопись жизни этихъ «героевъ» встанетъ передъ вами во всей своей полнотѣ, то вы не усумнитесь въ проницательности автора и согласитесь, что нѣтъ ничего зазорнаго въ томъ, что мы «сродни» животнымъ. То, что до сихъ поръ и въ человѣкѣ мы цѣнимъ выше всего—ярко и разносторонне выраженную индивидуальность и въ тоже время потребность и способность сочувствовать и понимать другого—эти мотивы жизни, только въ болѣе простой формѣ, могутъ звучать въ царствѣ

животныхъ, достигая въ лицѣ его «героевъ» такой силы и красоты, которой могли бы позавидовать и многіе изъ насъ.

Переведена книга Томпсона въ общемъ не дурно, но встрѣчаются мѣста, которыя требовали бы болѣе тщательной отдѣлки.

Рисунки также оригинальны, какъ и самые разсказы, и, по всѣмъ вѣроятіямъ, исполнены тоже Томпсономъ. *В. Агафоновъ.*

МЕДИЦИНА И ГИГІЕНА.

В. И. Фомиліантъ. «Приморскія санаторіи». — *Д. Ахшарумовъ.* «Оспопрививаніе какъ санитарная мѣра».—*М. И. Покровская.* «Вопросы воспитанія».—*В. В. Хижняковъ.* «О болѣзни глазъ, называемой трахомой.—*Н. Виндорчикъ.* «Чахотка».—*А. Герценъ.* «Физіологическія бесѣды».

В. И. Фомиліантъ. Приморскія санаторіи, ихъ роль при лѣченіи золотухи, мѣстнаго туберкулеза и рахита. Съ предисловіемъ проф. Н. А. Вельяминова. Спб. 1901 г. Мало книгъ, имѣющихъ большее общественно-санитарное значеніе, можемъ мы указать равныхъ работѣ д-ра Фомиліанта по тѣмъ чрезвычайно важнымъ вопросамъ, которые возбуждаетъ авторъ. Въ прекрасномъ предисловіи, проникнутомъ чувствомъ глубокаго состраданія къ несчастнымъ дѣтямъ, проф. Вельяминовъ говоритъ: «Взгляните на послѣднія страницы этой книги, посмотрите, сколько проходитъ дѣтей съ мѣстными туберкулезными пораженіями черезъ одну только дѣтскую больницу Петербурга, загляните въ другую дѣтскую больницу, въ любую дѣтскую или хирургическую амбулаторію,— сколько тамъ такихъ ребятъ! Но вѣдь это далеко не всѣ петербургскія дѣти, страдающія мѣстнымъ туберкулезомъ, это только небольшая частица, а сколько такихъ маленькихъ страдальцевъ вы найдете по квартирамъ бѣдняковъ, въ углахъ и подвалахъ! Сколько ихъ въ такихъ городахъ, какъ Петербургъ?— мы не знаемъ, но навряд ли ошибемся, если будемъ считать ихъ не сотнями, а тысячами. А Москва, Рига, Вильно, другіе большіе и малые города сѣверной и сѣверо-западной Россіи! Сколько тамъ наберется этихъ мучениковъ, для громаднаго большинства которыхъ, послѣ долгихъ мукъ и скитаній по больницамъ, въ виду только два исхода: либо смерть, либо временное выздоровленіе съ зачисленіемъ въ ряды калѣкъ, этого тяжелаго бремени для семьи и общества. Какое море физическихъ страданій для самихъ больныхъ, нравственныхъ мукъ и матеріальныхъ жертвъ для родителей?..»

Что же сдѣлало и дѣлаетъ общество для утоленія этихъ мукъ? На этотъ вопросъ даетъ прекрасный и обстоятельный отвѣтъ книга д-ра Фомиліанта, въ которой изложены новѣйшія данныя о громадномъ значеніи приморскихъ станцій, о такъ называемой талассотерапіи (лѣченіе морскимъ воздухомъ и купаніями)—въ борьбѣ съ золотухой, мѣстнымъ туберкулезомъ и рахитомъ у дѣтей. Очень ясно, научно и убѣдительно авторъ доказываетъ огромную пользу приморскихъ санаторій, которыя теперь несомнѣнно признаны всѣми, какъ лучшее, если не единственное, средство для борьбы съ этими бичами дѣтской жизни. Въ особой главѣ приведенъ очеркъ всего, что сдѣлано у насъ въ этомъ дѣлѣ, причемъ описаны существующія санаторіи и подробно изложена исторія возникновенія Виндавской санаторіи и ея дѣятельности. Гуманная идея и энергичное начинаніе въ устройствѣ этой санаторіи принадлежатъ Е. С. Озеровой, привлекшей много лицъ и средствъ, и профессорамъ Рауфусу и Вельяминову. Не имѣя возможности въ краткой рецензіи привести всѣ интересные выводы о дѣятельности этой санаторіи, остановимся только на конечномъ результатѣ. Санаторія открылась въ апрѣлѣ 1899 г., пользовалось въ ней 53 человѣка

больныхъ дѣтей, изъ коихъ благопріятные результаты получилъ 41 ребенокъ (20 излѣчились совсѣмъ и 21 значительно поправились), что составляетъ 77,3%; безъ видимаго результата осталось—9, или 17%, и ухудшеніе наступило у 3, или 5,6%. Изъ 53 человѣкъ 52 прибавились въ вѣсѣ, причемъ у 46 прибавка превысила норму. Такіе результаты, собенно если принять во вниманіе, что огромное большинство поступило въ санаторію въ тяжкомъ и запущенномъ состояніи болѣзни,—достаточно говорятъ сами за себя.

Польза приморскихъ санаторій неоспорима, и остается пожелать, чтобы идея санаторій получила возможно широкое распространеніе. Несравненно дешевле и выгоднѣе устраивать подобныя санаторіи, чѣмъ лѣчить въ больницахъ, которыхъ и недостаточно, и само лѣченіе въ нихъ не даетъ такихъ прекрасныхъ результатовъ. Необходимо, чтобы устройство дѣтскихъ санаторій стало дѣломъ общественнымъ, такъ какъ это долгъ общества передъ невинными страдальцами, съ одной стороны, а съ другой—это вполнѣ разумная забота о собственныхъ интересахъ: дѣти-калѣки являются и тяжелой обузой для того же общества.

Въ виду всего изложеннаго обращаемъ самое серьезное вниманіе читателей на интересную и поучительную книгу д-ра Фомиліанта. *А. Б.*

Д. Д. Ахшарумовъ. Оспопрививаніе, какъ санитарная мѣра. Вольскъ. 1901 г. Д-ру Ахшарумову, очевидно, не давали спать лавры проф. П. Ф. Лесгафта, разразившагося осенью прошлаго года неудачной филиппикой противъ оспопрививанія, и онъ рѣшилъ сообщить міру свои соображенія противъ «тупого предразсудка», отъ котораго онъ, къ своему счастью, освободился, но который продолжаетъ затмевать умы такихъ людей, какъ Рудольфъ Вирховъ, Робертъ Кохъ и т. п.

Г. Ахшарумовъ, не сообщая ничего новаго, пользуется той же аргументаціей, къ какой прибѣгаютъ всѣ немногочисленные противники оспопрививанія. На первомъ планѣ стоитъ ничѣмъ не подтверждаемое и поэтому голословное увѣреніе, что статистика сторонниковъ оспопрививанія ложная, дутая, но зато его, г. Ахшарумова, статистика безусловно вѣрна. Противъ такой постановки вопроса спорить нельзя.

Второй аргументъ слѣдующій. Въ XIX вѣкѣ, благодаря общему улучшенію санитарныхъ условій, эпидемическія болѣзни, въ томъ числѣ и оспа, потеряли свой острый характеръ и придавать въ этомъ дѣлѣ какое-нибудь значеніе оспопрививанію нѣтъ никакихъ основаній. Но развѣ это такъ? Несомнѣнно, что съ улучшеніемъ гигіеническихъ условій болѣзненность населенія уменьшается, но мы, съ одной стороны, отлично знаемъ, что и въ странахъ, гдѣ улучшеніе это въ общемъ идетъ очень медленно или даже вовсе не замѣчается, можно поголовнымъ оспопрививаніемъ прекратить эпидемію оспы, а съ другой стороны, намъ, напр., извѣстно, что въ Германіи, гдѣ санитарныя условія гораздо выше, чѣмъ въ другихъ странахъ, возможны вспышки холерныхъ эпидемій (Гамбургѣ, напр.), но въ видѣ рѣдкаго исключенія встрѣчаются въ послѣднія десятилѣтія заболѣванія натуральной оспой.

Д-ръ Ахшарумовъ, интересуясь этимъ вопросомъ, долженъ былъ бы обратить вниманіе на общеизвѣстный фактъ изъ исторіи франко-прусской войны: въ то время, какъ французы теряли массу людей отъ свирѣпствовавшей въ ихъ войскахъ оспы, нѣмецкіе солдаты, спавшіе на тѣхъ же постеляхъ, на которыхъ раньше ихъ лежали больные французы, не заболѣвали, и ничѣмъ другимъ, какъ обязательной ревакцинаціей въ нѣмецкой арміи, нельзя было объяснить этотъ фактъ.

Третій аргументъ противниковъ оспопрививанія это—прошедшій въ Англіи билль объ отмѣнѣ обязательнаго оспопрививанія. Но напрасно г. Ахшарумовъ думаетъ, что билль этотъ вызванъ сознаніемъ вреда оспопрививанія. Въ Англіи населеніе слишкомъ культурно и само понимаетъ пользу прививокъ, а вмѣстѣ

съ тѣмъ въ этой странѣ такъ высоко развито понятіе о личности, что тамъ готовы пожертвовать нѣсколькими личностями, почему-либо не пожелавшими привить себѣ оспу, чѣмъ поддерживать какую-либо мѣру принудительными средствами.

Вслѣдъ за этой «солидной» аргументаціей въ брошюрѣ д-ра Ахшарумова излагается казуистика несчастныхъ случаевъ послѣ оспопрививанія.

Если принять во вниманіе милліарды сдѣланныхъ уже прививокъ, то казуистика эта поражаетъ своей незначительностью, въ особенности, если принять во вниманіе, что собиралъ ее противникъ оспопрививанія, слѣдовательно человѣкъ, желавшій обставить эту казуистику возможно богаче. Но и собранная жалкая казуистика показываетъ не негодность мѣры, а неподготовленность, неумѣлость тѣхъ, кто эту мѣру примѣняетъ. У насъ въ Россіи еще сравнительно недавно такъ называемые оспенники изъ крестьянъ, изъ отставныхъ солдатъ, подъ видомъ оспы прививали, что ихъ душѣ угодно было, и ничего удивительнаго нѣтъ въ томъ, что у такихъ «операторовъ» всякая прививка сопровождалась осложненіями. Если вообще борьба съ оспопрививаніемъ представляетъ неблагодарную задачу, то борьба при помощи того матеріала, какимъ располагалъ г. Ахшарумовъ, прямо представляется покушеніемъ съ негодными средствами, какъ говорятъ юристы. *Врачъ В. И. Б—ъ.*

М. И. Покровская, женщина-врачъ. Вопросы воспитанія. Спб. 1902 г. Цѣна 50 коп. Книжка г-жи Покровской распадается на двѣ части. Въ первой трактуется о развитіи душевной энергіи у дѣтей и популярно излагаются здравыя понятія о воспитаніи. Говоря о ненормальномъ положеніи учащейся молодежи у насъ, г-жа Покровская горячо рекомендуетъ, какъ хорошую мѣру для улучшенія этого положенія, участіе молодежи въ благотворительныхъ учрежденіяхъ, гдѣ свойственная молодости жажда дѣятельности нашла бы себѣ примѣненіе. Намъ кажется, что о положеніи учащейся молодежи лучше было совсѣмъ не говорить, и, конечно, не въ благотворительныхъ учрежденіяхъ найдетъ удовлетвореніе лучшая часть учащейся молодежи.

Вторая часть книжки посвящена вопросу о воспитаніи цѣломудрія у мальчиковъ. Г-жа Покровская вполнѣ справедливо борется съ распространеннымъ въ обществѣ предразсудкомъ о вредѣ воздержанія для молодыхъ людей. Поддержанію этого предразсудка, несомнѣнно, содѣйствовалъ авторитетъ врачей—далеко, впрочемъ, не всѣхъ—тоже рекомендовавшихъ иногда для цѣлей якобы здоровья невоздержаніе. Такое мнѣніе среди врачей должно быть, какъ намъ кажется, теперь отнесено къ области прошедшаго. *В. И. Б—ъ.*

О болѣзни глазъ, называемой трахомой. Совѣты здоровымъ и больнымъ. Составилъ земскій врачъ В. В. Хижняковъ. Москва. 1901 г. Ц. 5 к.

Чахотка, отчего она происходитъ и какъ съ нею бороться. Врача Н. Вигдорчика. Москва. 1901 г. Ц. 20 коп. Обѣ сейчасъ названныя брошюры трактуютъ о болѣзняхъ, чрезвычайно у насъ распространенныхъ и гибельныхъ, о которыхъ, несмотря на ихъ распространенность, у насъ все еще мало знаютъ не только простые классы населенія, но и средній классъ. Если чахотка—пока бичъ всего человѣчества, то трахома осталась до сихъ поръ въ малокультурныхъ странахъ, слѣдовательно и у насъ.

Брошюра д-ра В. В. Хижнякова, одобренная для народныхъ чтеній коммиссіей по распространенію гигіеническихъ свѣдѣній въ народѣ, состоящей при правленіи общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова, написана простымъ и яснымъ языкомъ и будетъ съ пользой прочтена всякимъ, кто захочетъ узнать что-нибудь о такой тяжкой болѣзни, какъ трахома.

Д-ру Вигдорчику надо поставить въ заслугу то, что изъ его брошюры читатель сможетъ вынести убѣжденіе, что боязнь заразиться чахоткой, такъ развитая въ обществѣ, преувеличена, что для зараженія чахоткой нужны

*

особыя благопріятныя обстоятельства, которыя, по счастью, не у всѣхъ и не всегда встрѣчаются.

Мы отмѣтимъ еще въ этой книжкѣ неудачное опредѣленіе слова «дезинфекція», подъ которой авторъ разумѣетъ уничтоженіе заразы при помощи лѣкарствъ, убивающихъ бактеріи. Не одни вѣдь лѣкарства уничтожаютъ бактеріи. И солнечный свѣтъ, и воздухъ тоже являются могучими дезинфецирующими средствами. *В. И. Б—ъ.*

Проф. А. Герценъ. Физіологическія бесѣды. Спб. 1901 г. Ц. 1 руб. Увлекательно написанныя бесѣды проф. А. Герцена могутъ быть рекомендованы большому кругу нашей образованной публики, которая еще долго будетъ нуждаться въ популярныхъ свѣдѣніяхъ по естествознанію, такъ какъ, общая школа совершенно пока игнорируетъ все, что касается человѣка, его здоровья, функцій его органовъ и т. д. Кромѣ главъ, посвященныхъ физіологическимъ вопросамъ въ тѣсномъ смыслѣ, въ книгѣ проф. Герцена читатели найдутъ главу о броженіи и заразѣ и приложеніе къ ней—фагоцитарную теорію Мечникова, а равно и главу о волѣ, свободѣ и нравственности съ точки зрѣнія психофизіологической. Авторъ—сторонникъ того взгляда, что между психической жизнью людей и животныхъ разница только количественная, но не качественная.

В. И. Б—ъ.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

Сидней Веббъ. «Универсальныя учрежденія для рабочихъ въ Лондонѣ».—*А. Романовичъ-Славатинскій.* «Голосъ стараго профессора по поводу университетскихъ вопросовъ».—Пр. *Скворцовъ.* «О народномъ просвѣщеніи».—«Литературная хрестоматія для всѣхъ».—*А. Кизеветтеръ.* «Первый общедоступный театръ въ Россіи».

Сидней Веббъ и С. Вельсъ. Универсальныя учрежденія для рабочихъ въ Лондонѣ. (Лондонскіе политехникумы). Перевелъ снабдилъ примѣчаніями и дополнилъ двумя статьями П. Г. Мижуевъ. Спб. 1901 г. Изданіе редакціи журнала «Техническое Образованіе». Лѣтъ десять тому назадъ въ журналѣ «Вѣстникъ Европы» была напечатана статья проф. И. И. Янжула о «Народномъ Дворцѣ» въ Лондонѣ, которая впервые обратила вниманіе русскаго общества на это замѣчательное учрежденіе и познакомила съ его исторіей. Съ тѣхъ поръ вопросъ о созданіи подобныхъ «народныхъ домовъ» уже не сходитъ со страницъ нашихъ общихъ и педагогическихъ журналовъ, которые справедливо придаютъ этому новому просвѣтительному движенію громадное значеніе. Въ самой Англіи первоначальная идея подобныхъ учрежденій подверглась значительному измѣненію и въ настоящее время выливается въ форму, такъ называемыхъ «политехникумовъ», которые, конечно, не имѣютъ ничего общаго съ нашими или германскими политехническими институтами, хотя при нѣкоторыхъ изъ нихъ и существуютъ особыя отдѣленія для приготовленія инженеровъ различныхъ спеціальностей. «Политехникумъ»—это тотъ же «народный дворецъ» только съ гораздо большей программой дѣятельности, чѣмъ его лондонскій предшественникъ, появленіе котораго на свѣтъ, какъ извѣстно, вызвано романомъ Вальтера Безанта—«All Sorts and Conditions of Men» *).

Брошюра, заглавіе которой мы выписали выше, представляетъ собою переводъ статьи Сиднея Вебба о лондонскихъ политехникумахъ, помѣщенной въ Сборникѣ монографій по вопросамъ народнаго образованія, изданномъ англій-

*) Т.-е. «Люди всякаго рода и состоянія». Въ свое время онъ былъ помѣщенъ и на страницахъ нашего журнала подъ названіемъ «Тайна богатой наслѣдницы», 93 г., отд. III. Есть и отдѣльное изд. ред. «М. Б.».

скимъ департаментомъ народнаго просвѣщенія. Русскій переводчикъ, къ слову сказать одинъ изъ немногихъ у насъ серьезныхъ знатоковъ англійскихъ образовательныхъ учрежденій,—нашелъ полезнымъ снабдить свой переводъ двумя дополнительными статьями, а также цѣлымъ рядомъ весьма цѣнныхъ примѣчаній, которыя, несомнѣнно, помогутъ читателю получить болѣе ясное представленіе объ этомъ новомъ типѣ «народныхъ домовъ» въ Лондонѣ. Каждый лондонскій «политехникумъ» есть, по словамъ Сиднея Вебба,—независимое и самостоятельное учрежденіе, не подчиненное контролю какого бы то ни было правительственнаго учрежденія и вообще какой бы то ни было внѣшней власти; каждый изъ нихъ можетъ развиваться въ какомъ угодно направленіи по усмотрѣнію своего административнаго совѣта и согласно волѣ жертвователя. Типичный лондонскій политихникумъ есть учрежденіе общественнаго характера, которое задается цѣлью—«дать возможность молодымъ людямъ обоего пола проводить вмѣстѣ часть своего досуга, развлекаться и расширять свои познанія». Нѣтъ особой необходимости доказывать всю важность подобнаго учрежденія для рабочей массы, неприглядная обстановка жизни которой достаточно извѣстна. Въ настоящее время, въ Лондонѣ уже устроено одиннадцать политехникумовъ, на организацію и устройство которыхъ было собрано до 10.000.000 рублей! На помощь этимъ учрежденіямъ, кромѣ частныхъ лицъ, цеховъ и обществъ,—пришла также и коммиссія по техническому образованію, состоящая при лондонскомъ совѣтѣ графства,—однако, на томъ лишь условіи, чтобы образовательной дѣятельности политехникумовъ была придана прочная и основательная организація и чтобы вообще эта сторона дѣятельности политехникумовъ была значительно расширена. Благодаря этому, по свидѣтельству Сиднея Вебба, лондонскіе политехникумы, «оставляя въ неприкосновенности свои функціи въ качествѣ учрежденій, содѣйствующихъ общенію и здоровымъ развлеченіямъ среди рабочихъ классовъ, пріобрѣли первостепенное значеніе и въ качествѣ образовательныхъ учрежденій». Въ настоящее время образовательная дѣятельность типичнаго «политехникума» крайне разнообразна. Мы не будемъ здѣсь перечислять всѣ курсы, классы, школы и лекціи, которые организованы при лондонскихъ политехникумахъ, такъ какъ это не входитъ въ нашу задачу,—скажемъ только, что въ этихъ учрежденіяхъ дѣти и взрослые могутъ получать не только низшее общее образованіе, но и спеціально-техническое по самымъ разнообразнымъ отраслямъ техники, а также и художественное, начиная съ элементарнаго рисованія и кончая лѣпкой, гравированіемъ и живописью. Кромѣ того каждый политехникумъ является центромъ для ряда кружковъ, обществъ и клубовъ, начиная съ образовательныхъ и кончая спортивными и взаимопомощи. Эта сторона дѣятельности особенно симпатична.

Въ началѣ брошюры *П. Г. Мижуевъ* знакомитъ съ главными особенностями организаціи народнаго образованія въ Англіи, а въ приложеніи даетъ переводъ статьи С. Вельса о среднемъ учебномъ заведеніи при Беттерсе—политехникумѣ, которое предназначается для совмѣстнаго обученія обоихъ половъ. Статья эта имѣетъ особый интересъ, такъ какъ напечатана въ оффиціальномъ изданіи англійскаго департамента народнаго просвѣщенія и поэтому до нѣкоторой степени можетъ служить извѣстнымъ показателемъ взглядовъ, которыхъ придерживается и самъ департаментъ просвѣщенія въ Англіи относительно вопроса о совмѣстномъ обученіи. *Конст. Диксонъ.*

Голосъ стараго профессора по поводу университетскихъ вопросовъ. Заслуженнаго профессора А. В. Романовичъ-Славатинскаго. Кіевъ. 1901 г. Университетскій вопросъ, точно также какъ и вопросъ о средней школѣ вызвалъ за послѣднее время появленіе цѣлаго ряда статей и замѣтокъ въ нашей періодической печати, большинство которыхъ самымъ рѣшительнымъ образомъ осуждаетъ современную систему средняго и высшаго образованія и требуетъ ради-

кальной реформы. Этотъ «журнальный потокъ», прорвавшій, наконецъ, старую и притомъ никуда негодную плотину школьной системы,—только лишній разъ подтверждаетъ глубокій интересъ, съ какимъ русское общество относится къ этому наболѣвшему вопросу, а также и то громадное значеніе, какое имѣетъ, даже у насъ въ Россіи, печатное слово. Проф. Романовичъ-Славатинскій начинаетъ свою брошюру полнымъ осужденіемъ устава 1884 года, для котораго, по его мнѣнію, нѣтъ никакихъ обстоятельствъ, смягчающихъ его вину, «такъ какъ зло, нанесенное имъ Россіи и русскому университету такъ велико, что едва ли скоро поправимо». Не вдаваясь въ особыя подробности,—авторъ настоящей брошюры подвергаетъ строгому анализу только систему «государственныхъ экзаменовъ» и приходитъ къ убѣжденію, что эта система принизила университетскую науку, парализовала значеніе многихъ весьма существенныхъ факультетскихъ предметовъ и, кромѣ того, ослабила уваженіе къ университетскимъ дипломамъ, которые прежде выдавались факультетами. Въ дальнѣйшемъ изложеніи проф. Романовичъ-Славатинскій категорически высказывается за полную автономію университетской корпораціи, уничтоженіе такъ называемой гонорарной системы, инспекціи и другихъ условій, при которыхъ немыслимо существованіе академической свободы. Онъ указываетъ далѣе на необходимость признавать русское студенчество, «какъ отдѣльную соціальную группу и предоставить ей организоваться въ различнаго рода союзы и товарищества, преслѣдующіе удовлетвореніе чисто академическихъ и университетскимъ студенческихъ цѣлей». «Существенными недостатками» современнаго университетскаго устава, по мнѣнію кіевскаго профессора, «является также возможность за каждое слово, произнесенное съ каѳедры, вкривь и вкось истолкованное, безъ суда и расправы быть изгнаннымъ изъ университета». «Мартирологъ русскихъ профессоровъ,—говоритъ далѣе авторъ,—довольно будетъ обширенъ даже тогда, когда мы не возведемъ его ко времени Галича и Арсеньева. Довольно вспомнить имена Павлова, Костомарова, Щапова, Муромцева, Ковалевскаго, Милюкова, Мищенко, Дитятина, Карѣева и пр. безъ суда и расправы лишенныхъ каѳедры, чтобы судить о томъ, сколькихъ силъ лишились университеты по однимъ подозрѣніямъ, питаемымъ молвой».

Въ заключеніе мы должны указать, что брошюра проф. Романовичъ-Славатинскаго имѣетъ отчасти также и *историческое* значеніе, такъ какъ онъ приводитъ кое-какія воспоминанія, изъ которыхъ нѣкоторыя относятся, впрочемъ, ко времени и не столь отъ насъ отдаленному. Особенно характерные факты профессоръ сообщаетъ о томъ, какъ были созданы программы для государственныхъ экзаменовъ и какъ среди русскихъ профессоровъ «сложился новый типъ профессора, примѣнительно къ требованіямъ новаго устава».

Очень жаль только, что авторъ не удержался въ одномъ мѣстѣ отъ «кивка въ сторону», который скорѣе подобалъ бы ярымъ защитникамъ устава 1884 г, чѣмъ автору этой во всемъ остальномъ правдивой и серьезной брошюры.

Конст. Диксонъ.

Проф. Ир. Скворцовъ. О народномъ просвѣщеніи и объ организаціи его въ Россіи. Харьковъ. 1901 г. Соображенія проф. Ир. Скворцова объ организаціи народнаго образованія въ Россіи не лишены въ нѣкоторомъ отношеніи оригинальности и заслуживаютъ, по нашему мнѣнію, болѣе внимательнаго съ ними ознакомленія. Какъ гигіенистъ, проф. Скворцовъ исходитъ въ своихъ разсужденіяхъ изъ того положенія, что народное здравіе есть основа всякаго благополучія—матеріальнаго и духовнаго. При настоящемъ положеніи дѣла народнаго образованія въ Россіи, обученіе въ народныхъ школахъ «простой грамотѣ и молитвѣ съ кое-какими обрывками дѣйствительнаго знанія», нисколько до сихъ поръ не отразилось, по мнѣнію автора, «ни на народной нравственности, ни на народномъ богатствѣ, ни на народномъ здоровьѣ». Даже наобо-

ротъ—«все это, несмотря на школы, ухудшается по мѣрѣ дальнѣйшаго усложненія жизни, какъ собственно народной, такъ общественной и государственной». Указывая далѣе на грозный призракъ вырожденія русскаго народа, приближеніе котораго подтверждается цѣлымъ рядомъ изслѣдованій и оффиціальныхъ документовъ, проф. Скворцовъ приходитъ къ убѣжденію, что однимъ изъ главныхъ факторовъ подобнаго положенія вещей служитъ отсутствіе у насъ широкаго просвѣщенія. «Матеріальное и нравственное благосостояніе,—пишетъ профессоръ Скворцовъ,—какъ всего государства, такъ и отдѣльныхъ частей его населенія, особенно основной его части—крестьянства, выражающееся въ поддержаніи и дальнѣйшемъ развитіи государственнаго и общественнаго порядка, въ достаточномъ для безбѣдной жизни массъ пріобрѣтеніи и накопленіи народнаго богатства, въ обезпеченіи народнаго здравія относительно какъ повальныхъ, такъ и случайныхъ болѣзней, наряду съ повышеніемъ въ массахъ тѣлесной силы и крѣпости —такова должна быть основа всякой государственной и общественной политики». А это все возможно, по мнѣнію автора, только при разумной и цѣлесообразной организаціи народнаго просвѣщенія, не стѣсняемаго никакими посторонними дѣлу случайными соображеніями и не подчиненными никакой узкой временной доктринѣ. Проф. Скворцовъ предлагаетъ свой планъ организаціи народнаго просвѣщенія въ Россіи. Въ дальнѣйшемъ изложеніи проф. Скворцовъ даетъ и разъясненія своего плана и высказываетъ много весьма дѣльныхъ соображеній. Особенно детально и интересно разработанъ проектъ образованія мелицинскаго. *К. Диксонъ.*

Литературная хрестоматія для всѣхъ. (Пособіе для устройства образовательныхъ литературныхъ чтеній въ учебныхъ заведеніяхъ, аудиторіяхъ и семьѣ). Составлена одесскимъ Обществомъ любителей науки, литературы и искусства при сотрудничествѣ: А. А. Андріевскаго, проф. Г. Е Аѳанасьева, проф. А. И. Кирпичникова, А. А. Левитскаго, прив.-доц. М. И. Мандѳса, Г. М. Пекатороса, прив.-доц. М. Г. Покруженко, М. И. Тимофѣева и Х. П. Ящуржинскаго. Томъ I-й, вып. II-й. Изданіе акціонернаго южно-русскаго Общества печатнаго дѣла. Одесса. 1901 г. Цѣна 1 р. 25 к. Мы уже имѣли случай въ іюльскомъ номерѣ нашего журнала за прошлый годъ отмѣтить первый выпускъ этого въ высшей степени полезнаго изданія. Настоящій выпускъ только еще болѣе убѣждаетъ насъ, что составители хрестоматіи, дѣйствительно, ясно представляютъ себѣ задачи подобныхъ сборниковъ, прекрасно знакомы съ дѣломъ организаціи общедоступныхъ литературныхъ чтеній и не жалѣютъ труда и энергіи, чтобы довести начатое предпріятіе до конца. Только тотъ, кому приходилось самому устраивать подобныя чтенія, — можетъ оцѣнить все то значеніе и важность, какую представляетъ для организаторовъ чтеній настоящее изданіе. Во второмъ выпускѣ помѣщены произведенія В. Г. Короленко, Г. Э. Лессинга, Д. Боккаччіо, Л. Н. Толстого, А. Н. Апухтина, Лонгфелло, Андерсена, Шамиссо, Г. А. Бекера, И. З. Сурикова, Грене-Данкура, Богданова, Артура Моррисона, Беранже, Ѳ. М. Достоевскаго, С. Т. Аксакова, А. С. Хомякова, В. Г. Бенедиктова, В. И. Даля, И. С. Никитина, Ч. Диккенса, Фридриха Риккерта, Гюи-де-Мопасана, М. Гартмана, Катюль Мандеса и др. Каждому автору, какъ и въ первомъ выпускѣ, предпослана краткая характеристика его произведеній. Кромѣ того, въ этомъ выпускѣ помѣщена большая статья о Гоголѣ проф. А. И. Кирпичникова.

Въ концѣ книги приложена крайне полезная таблица распредѣленія матеріала I-го класса по группамъ слушателей: I-я группа для дѣтей школьнаго возраста; II-я группа для чтенія въ народныхъ аудиторіяхъ со взрослыми слушателями, не получившими школьнаго образованія; III-я группа — для тѣхъ же аудиторій, но когда слушатели имѣютъ нѣкоторую школьную подготовку, а также для чтенія въ воскресныхъ школахъ для взрослыхъ; IV группа—для

учащагося юношества и, наконецъ, V-я группа — исключительно для людей интеллигентныхъ.

Эта таблица значительно облегчитъ трудъ организаторовъ при составленіи программы чтеній. Крайне желательно, чтобы настоящее изданіе было не только допущено въ народныя библіотеки и читальни, но также разрѣшено и для народныхъ чтеній, которыя до сихъ поръ пользуются весьма скуднымъ матеріаломъ. *К. Д.*

А. А. Кизеветтеръ. Первый общедоступный театръ въ Россіи. М. 1901. Изданіе Т-ва И. Д. Сытина, in 8-vo. Стр. 32. Ц. 20 коп. Брошюра г. Кизеветтера—первый выпускъ трудовъ коммиссіи по устройству чтеній для учащихся, организованной состоящимъ при московскомъ университетѣ педагогическимъ обществомъ. Устройство чтеній для учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ—одна изъ пріятныхъ особенностей города Москвы, которою послѣдняя обязана *не* педагогическому обществу, а учебному отдѣлу общества распространенія техническихъ знаній, тому же учрежденію, которое выдѣлило изъ себя и коммиссію по организаціи домашняго чтенія. Устройство чтеній для учащихся въ московскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и опытъ организаціи домашняго самообразовательнаго чтенія во всей Россіи составляютъ крупную общественную заслугу учебнаго отдѣла, и очень жаль, что *старая* коммиссія, перекочевавшая нынѣ въ *юное* общество, начала свою печатную дѣятельность безъ всякихъ оговорокъ о своемъ происхожденіи, безъ указанія, что общество пошло по старой, хорошо устроенной дорогѣ.

Г. Кизеветтеръ своимъ трудомъ весьма удачно продолжаетъ дѣятельность старой коммиссіи Тема представляетъ и общій, и широко общественный интересъ, обработана живо, интересно и крайне общедоступно. Въ умѣло отдѣланную историческую раму вставленъ эпизодъ изъ исторіи русскаго театра при Петрѣ Первомъ, какъ первый опытъ публичнаго театра въ Россіи. Разсказъ умно и характерно заканчивается упрекомъ современной дѣйствительности, не доросшей до созданія общедоступнаго народнаго театра. Являясь сторонникомъ «здороваго реализма» въ драмѣ, авторъ съ еще большимъ упрекомъ относится къ современной драматической литературѣ въ той ея части, гдѣ, «вмѣсто реальныхъ образовъ, передъ нами мелькаютъ какія-то безкровныя символическія фигуры». Въ справедливой погонѣ за «здоровымъ реализмомъ» не слѣдуетъ забывать тяжкихъ условій, среди которыхъ живетъ современная драматическая литература. Циклъ живыхъ общественныхъ вопросовъ—запретный плодъ для нея; если ей и доступны вылазки въ современность, то лишь отчасти и скорѣе всего въ такой формѣ, какая не представляется ни желательной, ни полезной. Изъ сцены нельзя дѣлать искусственной дороги въ судъ, какъ то наблюдалось недавно при постановкѣ на сцену «Контрабандистовъ» или «Нефтянаго фонтана». Значеніе петровской попытки устроить общедоступный театръ въ Россіи у нашего автора и преувеличено, и нѣсколько перевернуто. Авторъ говоритъ намъ о мечтѣ Петра создать «національный театръ», причемъ мечта эта изображается въ требованіи, чтобы театръ служилъ его государственнымъ замысламъ, изображенію успѣховъ русскаго оружія и разъясненію истиннаго смысла преобразовательныхъ дѣяній. Петръ приказалъ быть національному театру въ роли правительственнаго слуги, всегда изумленнаго его мудростью, а создать это національное, русское тепличное растеніе должны были нѣмцы... Попытка, конечно, *не* удалась и, съ нашей точки зрѣнія, она вовсе не можетъ служить матеріаломъ для дифирамба по адресу Петра, а превосходнымъ доказательствомъ безсилія власти создать что-либо такое, для чего въ данномъ обществѣ нѣтъ собственныхъ элементовъ. Система театральнаго протекціонизма при Петрѣ была совершенно преждевременною въ Россіи, а нынѣ мы должны признать,

что протекціонизмъ въ наукѣ и искусствѣ—принципъ, не заслуживающій ни довѣрія, ни апологіи.

Развитіе политической драмы въ стѣнахъ московской духовной академіи, о чемъ говоритъ г. Кизеветтеръ, подтверждаетъ нашу формулировку и совершенно противъ формулировки автора. Само собою разумѣется, что мы не хотимъ попрекнуть его пристрастіемъ къ протекціонизму подобнаго рода, а лишь укорить его тѣмъ, что столь выгоднымъ эпизодомъ съ «комедійною храминою» онъ не воспользовался для развитія опредѣленной здоровой идеи. Современный историкъ призванъ къ тому, чтобы смѣло и рѣшительно развивать тонкія нити живого общественнаго сознанія: дифирамбъ и проклятіе не его дѣло. Если прошлое абсолютно закономѣрно, то не будемъ искать въ немъ простого развлеченія, ибо свободно можемъ превратить его въ неизсякаемый источникъ идей живого общественнаго значенія.

У г. Кизеветтера есть замѣчательная способность доступности изложенія: онъ не можетъ быть скучнымъ для публики или тяжкимъ для толпы, наполняющей народную аудиторію; его ученый багажъ разнообразенъ и свѣжъ, и онъ всегда знаетъ, что всего удобнѣе въ данную минуту пустить въ оборотъ. Но, съ нашей точки зрѣнія, у него есть недостатокъ, который сильно отзывается на его очеркахъ, предназначенныхъ для публичнаго произнесенія. Намъ думается, что нельзя черезчуръ принижаться до наличнаго развитія аудиторій. Намъ скажутъ, что первоначально нужно завлечь въ кругъ умственныхъ интересовъ, а потомъ уже вести выше по ступенямъ развитія; что историческая лекція, одухотворенная глубокимъ идейнымъ содержаніемъ и полная по своей темѣ самаго живого общественнаго интереса, въ наши дни не встрѣчаетъ ничего кромѣ сухого оффиціальнаго veto и до аудиторіи не доходитъ; что на чтеніяхъ коммиссіи въ историческомъ музеѣ, чтеніяхъ, прошедшихъ милліонъ инстанцій, сидятъ спеціальные педагоги, призванные ихъ слушать и наблюдать за впечатлѣніями отъ нихъ. Мы все-таки думаемъ, что отъ языка страсти, разгрома традиціонныхъ и рутинныхъ представленій и строго-научной тенденціи отказываться не слѣдуетъ *). Быть можетъ, мы требуемъ отъ брошюры г. Кизеветтера того, чего не позволяетъ авторскій темпераментъ, но популярная литература должна быть признательна и за то, что предложено. Въ опытахъ г. Кизеветтера популяризовать наше прошлое мы не можемъ не признать выдающагося литературнаго явленія, не можемъ не рекомендовать его опытовъ особенно настоятельно. *В. Сторожевъ.*

---

*) Срав. нашъ отзывъ о брошюрѣ г. Кизеветтера «День царя Алексѣя Михайловича», изложенный въ статьѣ «Московскія воскресницы въ Политехническомъ Музеѣ» («Русская Мысль» 1898 г., № 10, стр. 153 и слѣд.).

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(съ 15-го ноября по 15-ое декабря 1901 г.).

Шенрокъ. Письма Гоголя. Изд. Маркса. 4 тома. Ц. 6 руб.

Байронъ. Манфредъ. Перев. Зарина. Изд. А. С. Суворина. Ц. 25 к.

Его же. Каинъ. Земля и небо. Перев. Зарина. Изд. то же. Ц. 25 к.

Н. И. Новиковъ. Живописецъ. Ежедневн. журн. воспроизвед., перв. изд. 1772 г. Изд. то же. Ц. 25 к.

Его же. Трутень. Ежеднед. журн. воспроизвед., 1-го изд. 1790 г. Изд. то же. Ц. 25 к.

М. Юрьева. Юный работникъ. Равск. для дѣтей. Изд. Ефимова. Ц. 25 к.

Э. Жебаръ. Пія и Викторинъ. Пер. Кошевичъ. Изд. то же. Ц. 1 руб.

Любичъ-Кошуровъ. Ничипоръ Бородай. Изд. то же. Ц. 30 к.

Его же. Ворона и ея знакомые. Изд. то же. Ц. 40 к.

Н. А. Соловьевъ - Несмѣловъ. Филимоша. Изд. то же. Ц. 30 к.

Н. И. Перелыгинъ. Неожиданный гость. Изд. то же. Ц. 20 к.

Его же. Черевички. Изд. то же. Ц. 20 к.

А. В. Кругловъ. Красный звонъ. Изд. тоже. Ц. 50 к.

П. Н. Полевой. Какъ мы поселились въ деревнѣ. Изд. Девріена.

В. П. Желиховская. Кавказскія легенды. Изд. то же.

Сост. М. Гранстремъ. Всемірные свѣточи. Гёте и Шиллеръ. Изд. то же.

Е. Н. Кондрашевой. Юность Кати и Вари Солнцевыхъ. Изд. тоже.

Евг. Сно. Генри Стэнли. Его жизнь и путешествія. Харьковъ. 1900 г.

Его же. Ф. Нансенъ. Харьковъ. 1901 г.

Н. И. Соболевъ. Элементы термодинамики. Изд. Тихомирова. М. Ц. 75 к.

А. М. Роговинъ. Возлѣлываніе главнѣйш. кормов. травъ. Изд. Осипова. 1901 г. Ц. 1 р.

Антонъ Чеховъ. Разсказы Т. VI. Изд. Маркса. Ц. 1 р. 50 коп.

Ел. Радаковой и А. Савичъ. Швейцарія. Харьковъ. Изд. комитета об—ва распр. въ народѣ грамотности.

К. Крутеевъ 2-ой. Народныя чтенія въ Благовѣщенскѣ.

Друзья. Разсказы.

А. И. Миллеръ. А. Г. Разумовскій. Изд. то же.

Буры и ихъ страна.

Маленькіе странствующіе итальянцы въ Англіи.

Р. Киплингъ. Котуко. Изд. то же.

Воздухъ и явленія, въ немъ происходящія.

Бесѣды о внутрен. земли.

О лугахъ и луговомъ хозяйствѣ.

Бесѣда врача съ крестьянами о заразныхъ болѣзняхъ.

Бол. Пруса. Маленькій Стась. Изд. то же.

Г. А. Мачтетъ. Жидъ. Изд. то же.

Сочин. Н. В. Гоголя. Изд. Маркса. Съ иллюстраціями:

Ревизоръ. Ком. Ц. 20 к.

Коляска. Повѣсть. Ц. 5 к.

Шинель. Ц. 8 к.

Носъ. Ц. 6 коп.

Старосвѣтскіе помѣщики. Ц. 6 коп.

Тарасъ Бульба. Ц. 18 коп.

Женитьба. Ц. 8 коп.

Страшная месть. Ц. 8 коп.

Заколдованное мѣсто. Ц. 5 коп.

Майская ночь. Ц. 7 коп.

Вечеръ наканунѣ Ив. Купала. Ц. 6 коп.

Пропавшая грамота. Ц. 5 коп.

Вій. Ц. 9 коп.

Ночь передъ Рождествомъ. Ц. 10 коп.

Сорочинская ярмарка. Ц. 6 коп.

Фостеръ и Л. Шоръ. Физіологія для начинающихъ. Изд. Т-ва Сытина. М. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

Грантъ - Алленъ. Въ тайникахъ природы. Изд. О. Н. Поповой. 1902 г. Ц. 2 руб.

В. М. Грибовскій. Въ годы юности. Спб. 1902 г. Ц. 2 руб.

Проф. Натансона. Популярная физика. Изд. А. Ю. Моноцковой. Ц. 85 к.

Извѣстный. Кругомъ отъ Владикавказа до Владивостока. Ц. 55 к.

К. Случевскій. Пѣсни изъ уголка. Спб. Изд. Маркса. Ц. 1 р. 50 к.

М. И. Покровская. Врачебн. полиц. надзоръ за проституціей способствуетъ вырожденію народа. Спб. 1902 г.

А. А. Кауфманъ. Сибирское поселеніе въ исходѣ XIX вѣка. Спб. 1901 г. Ц. 75 к.

Я. К. Гротъ. По поводу школьной реформы. Спб. 1901 г. Ц. 50 к.

М. А. Мензбиръ. Начальный курсъ зоологіи. М. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.

Отчетъ о дѣят. Нижегор. гор. санит. комиссіи 1899—1900 г.

Д. И. Смирнова. Три историческихъ разсказа. Изд. Девріена. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Н. Буличъ. Очерки по исторіи русской литерат. и просвѣщ. съ начала XIX в. Т. I. Спб. 1902 г. Ц. 2 руб.

На трудовомъ пути. Сборникъ къ 30 лѣт. лит.-пед. дѣят. Д. И. Тихомирова. Ц. 2 руб.

Ив. Щегловъ. Юмористическіе очерки. Спб. Изд. Суворина. Ц. 1 р.

Кн. Дм. Голицынъ. Отъ смутныхъ дней. Спб. Изд. то же. Ц. 1 руб.

Бр. Грумъ-Гржимайло. Путешествіе по Западному Китаю. Изд. Девріена. Спб

Д. Зелениныъ. Новыя вѣянія въ народн. поэзіи. М. 1901 г. Ц. 25 к.

Эдм. Кенигъ. В. Вундтъ его философія и психологія. Перев. съ нѣм. Штейнберга. Изд. ред. журн. «Образованіе». Ц. 50 к.

Е. Буланина. Раздумье. Стихотвореніе. М. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.

М Фришмутъ. Критич. очерки и статьи. Спб. 1902 г. Ц. 2 р. 50 к.

Н. Карѣевъ. «Теорія личности» П. Л. Лаврова. Спб. 1901 г.

Перев. С. Н. Булгаковъ. Земледѣліе и сельское хозяйства. Изд. М. И. Водовозовой. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 60 к.

Ф. и М. Пеллутье. Жизнь рабочихъ во Франціи. Перев. съ франц. Манулова. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 20 к.

В. Зимницкій. Обученіе выразительному чтенію. Изд. Тихомирова. 1901 г. Ц. 30 коп.

В. А. Лебедевъ. Историческій разсказъ. Изд. Лаврова и Попова. 1901 г. Ц. 30 к.

А. Кузьминъ. Запорожская сѣчь. М. Изд. Карчагина. Ц. 40 к.

И. Сазоновъ. Лѣсные пожары. Изд. Тихомирова. Ц. 5 к.

И. Селивановскій. Праздникъ древонасажденія. Изд. то же. Ц. 7 коп.

Его же. Сельскохозяйствен. разсказы. Изд. то же. Ц. 25 к.

М. А. Рыловъ. Кожевенное производство. Изд. тоже. Ц. 10 к.

Я. Полферовъ. Правда о переселеніи. Изд. то же. Ц. 15 к.

Д-ръ Н. Н. Писменный. Бесѣды о поданіи первой помощи. Изд. то же. Ц. 5 к.

Н. Мурашинцевъ. Ветеринарія въ примѣн. къ сельск. хозяйству. Изд. то же.

А. Вербицкая. Освободилась. М. 1902 г. Ц. 1 р.

Ея же. Преступленіе Маріи Ивановны. Ц. 1 руб.

Павелъ Скуратовъ. Среди падшихъ. Кіевъ 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.

Его же. Театральная правда. Одесса. 1901 г. Ц. 75 к.

Гёте. Фаустъ въ перев. кн. Цертелева. М. 1902 г. Ц. 1 руб.

Кн. Д. Н. Цертелевъ. Стихотворенія. Спб. 1902 г. Ц. 1 руб.

С. Д. Грибоѣдовъ. Предсказанія Демчинскаго предъ судомъ науки и фактовъ. Спб. 1901 г.

У. Джемсъ. Бесѣды съ учителями о психологіи. Перев. Ал. Громбаха. Спб. Изд. Скирмунта. Ц. 50 к.

А. Оларъ. Политическая исторія французской революціи. Перев. съ фр. Кончевской. Изд. то же. Ц. 3 руб.

Е. Звегинцевъ. Объ изданіи книгъ для школъ и народа. Курскъ. 1901 г.

Кн. Долгоруковъ. О школьныхъ попечительствахъ. Курскъ. 1901 г.

М. Н. Соболевъ. Коммерческая географія Россіи. Изд. 2-ое. Томскъ. 1992 г. Ц. 1 р. 25 к.

А. Казариновъ. О человѣческомъ мышленіи. М. 1901 г. Ц. 1 руб.

П. Пирлингъ. Изъ смутнаго времени. Спб. Изд. Суворина. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.

Т. Громовъ. Первоначальныя понятія о теплотѣ. Саратовъ. 1901 г. Ц. 40 к.

С. Браиловскій. Опіумъ его культура и потребленіе въ Уссурійск. краѣ. Хабаровскъ. 1901 г. Ц. 50 к.

Столяровъ. Новѣйшіе русскіе новеллисты. Кіевъ. 1901 г. Ц. 50 к.

Н. Ломакинъ. Изъ жизни мужчинъ. Москва. 1901 г. Ц. 50 к.

А. А. Радцигъ. Лѣсъ и лѣсное хозяйство въ разныхъ государствахъ. Спб. 1902 г. Ц. 2 р. 50 к.

С. К. О жестокости современной науки. М. 1901 г. Ц. 20 к.

Л. Луговой. Добей его! Изд. Маркса. 1901 г. Ц. 3 руб. Съ рисунк. Маковскаго.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*The Land of the Amazons*» *by the Cote Baron de Santa Anna Nery, translated by G. Humphery* (*Sando and C°*) (*Страна амазонокъ*). Прекрасно иллюстрированная книга, заключающая въ себѣ много любопытныхъ свѣдѣній о государствѣ амазонокъ. Къ описанію приложена карта.

(Daily News).

«*Madame Récamier and her Friends*» *by H. Noel Williams* (*Harpers*). *Госпожа Рекамье и ея друзья*). Авторъ искусно воспользовался различнымъ историческимъ матеріаломъ, который находился у него въ распоряженіи и написалъ весьма занимательную книгу. Наряду съ госпожею Рекамье авторъ рисуетъ намъ Шатобріана, занимающаго одно изъ главныхъ мѣстъ въ его книгѣ. Онъ разсказываетъ, какъ Шатобріанъ голодалъ, будучи эмигрантомъ въ Лондонѣ, и какъ былъ утѣшенъ привязанностью миссъ Ивсъ, окружившей его своими попеченіями. Затѣмъ авторъ описываетъ его отношенія къ m-me Рекамье, для которой онъ сдѣлался впослѣдствіи единственною цѣлью всего ея существованія. Въ книгѣ приводятся письма Шатобріана къ ней и очень трогательно описываются послѣдніе дни жизни обоихъ друзей, когда m-me Рекамье была уже почти слѣпая, но старалась не показывать этого. Она умерла отъ холеры черезъ годъ послѣ смерти Шатобріана.

(Athaeneum).

«*Varia: Studies on Problems of Philosophy and Ethics*» *by William Knight* (*Murray*). (*Изслѣдованіе проблемъ философіи и этики*). Популярное изложеніе нѣкоторыхъ проблемъ философіи и этики, доступное очень широкому кругу читателей и не требующее большой затраты умственныхъ усилій для своего пониманія. Точка зрѣнія автора во всѣхъ отношеніяхъ правильная и заслуживаетъ одобренія. Онъ высказываетъ вполнѣ здравыя сужденія объ отношеніяхъ между философіей, поэзіей и наукой, но читатель хорошо знакомый съ современною философскою мыслью не найдетъ, конечно, ничего новаго въ этой книгѣ, хотя можетъ прочесть ее съ удовольствіемъ, благодаря хорошему легкому слогу, которымъ она написана.

(Athaeneum).

«*Unstoried in History*» *by Gabrielle Festings* (*Nisbet and C°*). (*Неисторическое въ исторіи*). Очень интересно и живо написанные историческіе очерки, представляющіе портреты нѣкоторыхъ знаменитыхъ женщинъ XVI-го, XVII-го и XVIII-го вѣковъ. Образы, которые рисуетъ авторъ, обладаютъ чрезвычайною жизненностью.

(Daily News).

«*Robespierre*» *by Hilaire Belloc* (*Nisbet and C°*) (*Робеспьеръ*). Мастерски написанная біографія героя французской революціи. Авторъ обнаруживаетъ большую эрудицію и полное историческое безпристрастіе. Образъ Робеспьера является точно живой въ его описаніи.

(Daily News).

«*Birds and Man*» *by W. H. Huolson. London.* (*Longmans Green and C°*). (*Птицы и человѣкъ*). Этотъ очеркъ о птицахъ можетъ заинтересовать не только любителя орнитолога, но и обыкновеннаго читателя, любящаго природу въ ея твореніяхъ. Авторъ разсказываетъ свои наблюденія надъ птицами и свое личное отношеніе къ нимъ и умѣетъ сдѣлать занимательнымъ свой разсказъ.

(Daily News).

«*Die Ernährung der Thiere im Lichte des Abstammungslehre*» *von D-r Heinrich Simroth* (*Verlag von Breitenbach*). *Питаніе животныхъ съ точки зрѣнія теоріи происхожденія*). Авторъ изслѣдуетъ вопросъ о вліяніи извѣстной пищи на физическое развитіе животныхъ и на ихъ умственныя качества, какъ, напримѣръ, у плотоядныхъ животныхъ, у которыхъ умственныя способности гораздо выше, нежели у травоядныхъ.

(Francfurt. Zeitung).

«*Die Bildungsfrage als sociales Problem*» *von Prof. D-r Mannheimes* (*Gustav Fisher*). (*Вопросы образованія, какъ соціальная проблема*). Авторъ указываетъ тѣсную связь, существующую между вопросами образованія и соціальными вопросами.

Образованіе не должно быть достояніемъ избранныхъ—это общее дѣло, въ которомъ заинтересованы равно всѣ граждане страны. Политическіе и экономическіе вопросы не могутъ быть отдѣлены отъ вопросовъ образованія, но это послѣднее, по мнѣнію автора, должно составлять не средство для экономической борьбы, а самодовлѣющую цѣль. Только та страна можетъ быть названа истинно прогрессирующей, народъ которой въ состояніи понимать высшія культурныя наслажденія, произведенія искусства, музыку и т. д.—однимъ словомъ, все то, что теперь доступно лишь немногимъ въ общей народной массѣ.

(Frankfurt. Zeitung).

«*Essays on foreign Subjects*» *by John Bute* (*Alexander Gardner*). (*Очерки о разныхъ предметахъ*). Въ книгѣ собрано нѣсколько очерковъ самаго разнообразнаго содержанія и лучшій изъ нихъ написанъ о Джіордано Бруно. Въ этомъ очеркѣ авторъ выказываетъ основательное знакомство съ историческими документами и пониманіе духа той эпохи, въ которой жилъ и погибъ Бруно.

(Manchester Guardian).

«*Schiller's Frauen Gestalten*» *von Julius Burggraf. Stuttgart.* (*Karl Krobbe*). (*Женскіе образы Шиллера*). Авторъ черпаетъ свои свѣдѣнія изъ хорошихъ источниковъ и прекраснымъ слогомъ описываетъ многочисленныхъ женщинъ, родныхъ и знакомыхъ, которыя оказали свое вліяніе на юношескую поэзію Шиллера и затѣмъ на классическій періодъ его творчества. Изъ изслѣдованій автора видно, что многочисленные женскіе образы, нарисованные Шиллеромъ, не были исключительно только продуктами его творческой фантазіи, а заключали въ себѣ тѣ или иныя черты женскихъ характеровъ, съ которыми Шиллеру приходилось сталкиваться въ жизни. Больше всего имѣла вліянія на образы, нарисованные Шиллеромъ, его сестра Христофина и затѣмъ его жена, душа которой была такъ богата внутреннимъ содержаніемъ. Что касается Генріетты Арнимъ, то авторъ высказываетъ мнѣніе, что очень многое въ разсказахъ о ней и ея отношеніяхъ къ Шиллеру основывается лишь на толкахъ, не подкрѣпляемыхъ никакими доказательствами.

(Frankfurt. Zeitung).

«*Mann und Frau*» *von Charlotte Perkins-Stetson. Uebersetzung von Marie Stritt.* (*Heinrich Mindus*). (*Мужчина и женщина*). Эта книга вышла на англійскомъ языкѣ около двухъ лѣтъ тому назадъ и тогда произвела довольно сильное и вполнѣ понятное впечатлѣніе въ англо-американскомъ мірѣ и много всякихъ споровъ и возраженій. Нѣкоторые даже сравнивали эту книгу по глубинѣ мысли съ знаменитымъ сочиненіемъ Джонъ Стюарта Милля «Подчиненіе женщины». Миссъ Стетсонъ, авторъ этой книги, разсматриваетъ женскій вопросъ, представляющій въ сущности общечеловѣческій вопросъ, съ наиболѣе важной его стороны—со стороны экономическихъ отношеній обоихъ половъ, что составляетъ главные факторы соціальнаго развитія. Авторъ указываетъ важное значеніе экономической зависимости женщины въ исторіи прогресса. Безпримѣрная жестокость и несправедливость, жертвою которыхъ была женщина, не могли задержать эволюціоннаго процесса, совершающагося медленно, но неизбѣжно въ природѣ. Авторъ рисуетъ постепенный видъ эволюціи, которая привела къ теперешнему положенію женщины.

(Frankfurt. Zeitung).

«*The Ethic of Freethought*» *by Karl Pearson. Second edition.* (*Black*). (*Этика свободной мысли*). Второе, дополненное и пересмотрѣнное изданіе книги, представляющей очень серьезное изслѣдованіе развитія этическихъ принциповъ свободы мысли. Авторъ принадлежитъ къ числу лучшихъ современныхъ апологетовъ свободомыслія.

(Athaeneum).

«*The Evolution of Consciousness*» *by Leonard Hall* (*Williams Norgate*). (*Эволюція сознанія*). Авторъ изслѣдуетъ крайне интересный вопросъ о развитіи сознанія путемъ процесса органической эволюціи, результатомъ которой являются комбинація и координація дѣйствій и различные соціальные феномены, присущіе общинѣ людей и животныхъ. Но главная проблема, которую ставитъ себѣ авторъ, заключается въ изученіи такого же точно процесса эволюціи въ собраніи одинаково чувствительныхъ одноклѣтчатыхъ организмовъ и рѣшеній вопроса можетъ ли этотъ процессъ эволюціи повести къ координаціи дѣйствій и другимъ феноменамъ, аналогичнымъ тѣмъ, которые наблюдаются у высшихъ организмовъ.

(Athaeneum).

«*Les grands symptômes neurasthéniques*» *par le docteur Maurice de Fleury* (*Felix Alcan*). (*Главные симптомы неврастеніи*). Въ настоящее время всѣ болѣе или менѣе подвержены неврастеническимъ симптомамъ, и поэтому книга Флёри отвѣчаетъ истиннымъ потребностямъ публики, желающей знать, въ чемъ заключаются симптомы этого болѣзненнаго состоянія нервной системы, которое заставляетъ испытывать непріятныя ощущенія. Книга написана преимущественно для врачей, но можетъ быть прочитана не безъ пользы и неспеціалистами, которые почерпнутъ изъ нея полезныя для себя свѣдѣнія.

(Journal des Débats).

«*Le Marquis de Mirabeau*» (*l'Ami des hommes*) *par Henri Ripert* (*Arthur Rous-*

sean). *Маркизъ Мирабо: другъ людей*). Эта книга является результатомъ большого труда и кропотливаго изслѣдованія. Авторъ ея прочелъ всѣ сочиненія Мирабо и изучилъ всѣ документы, относящіеся къ его эпохѣ. Благодаря, этому онъ основательно познакомился съ политическими взглядами своего героя, такъ что книга его представляетъ наиболѣе полное и интересное изслѣдованіе жизни и дѣятельности Мирабо.

(Journal des Débats).

«*Ideale Lebensziele» Kritisches, Geschichtliches und Filosofisches von Adalbert Svoboda. 2 Theile. Leipzig* (*Naumann*). (*Идеальныя цѣли въ жизни*). Если бы эта книга или хотя бы только часть ея была написана 500 лѣтъ тому назадъ, то ея авторъ навѣрное, погибъ на кострѣ. Въ своей книгѣ онъ подвергаетъ безпощадному критическому анализу всѣ главныя основы человѣческаго міросозерцанія, положительныя цѣли, которыя преслѣдуетъ наука, отношеніе ея къ религіи, идеи божества, понятія о душѣ и т. д. Первая часть носитъ по преимуществу естественно-историческій характеръ, вторая же часть посвящена вопросамъ, имѣющимъ общественный интересъ. Авторъ обсуждаетъ въ ней пути къ образованію идеальныхъ общественныхъ учрежденій, въ основу которыхъ заложены этическіе принципы, говоритъ объ образовательной роли искусствъ и т. п.

(Frankfurt. Zeitung).

«*By the Ionian Sea*» *by George Gissing. London* (*Chapman and Hall*). (*Въ іоническомъ морѣ*). Область Италіи, къ югу отъ Неаполя, посѣщается туристами сравнительно рѣдко, и поэтому разсказы автора объ этой части Италіи заключаютъ въ себѣ много новаго и интереснаго. Онъ описываетъ свои странствованія и приключенія въ Калабріи, куда онъ отправился, несмотря на всѣ предостереженія своихъ неаполитанскихъ друзей, рисовавшихъ ему Калабрію довольно дикою страной. Многія изъ ихъ предсказаній сбылись, и автору пришлось вытерпѣть не мало неудобствъ и даже непріятныхъ приключеній во время своихъ скитаній. Но зато онъ изучилъ одинъ изъ самыхъ живописныхъ уголковъ Италіи. Книга его снабжена множествомъ прекрасныхъ иллюстрацій.

(Manchester Guardian).

«*The Mind of a Child*» *by Ennis Richmond* (*Longmans and C°*). (*Душа ребенка*). Авторъ изслѣдуетъ въ своей книгѣ различные методы воспитанія и обученія дѣтей, такъ что его трудъ, главнымъ образомъ предназначается родителямъ и воспитателямъ.

(Manchester Guardian).

«*Behind the Scenes in the Transvaal*» *by David Mackay Wilson* (*Cassell and C°*). (*Позади трансваальской сцены*). Авторъ совершенно не касается политики, но очень интересно описываетъ страну и народъ, который онъ хорошо знаетъ, такъ какъ прослужилъ много лѣтъ въ Трансваалѣ. Онъ, однако, сильно осуждетъ трансваальскую администрацію, приводя различныя доказательства ея подкупности, и говоритъ, о томъ злѣ, которое она принесла трудолюбивой націи фермеровъ. Очень живописны описанія природы и жизни на бурскихъ фермахъ.

(Morning Post).

«*Men and Letters*» *by Herbert Paul.* (*John Lane*). (*Люди и литература*). Книга заключаетъ въ себѣ рядъ литературныхъ очерковъ на разныя темы, интересно составленныхъ и живо написанныхъ. Особенно заслуживаютъ вниманія слѣдующіе очерки: «Искусство писать», «Отецъ бѣлетристики», «Князь журналистовъ», «Маколей и его критики» и нѣкоторые другіе.

(Manchester Guardian).

«*A winter Pilgrimage*» *by Ridder Haggard* (*Longmans and C°*). (*Зимнее паломничество*). Авторъ, стяжавшій себѣ извѣстность, какъ весьма талантливый разсказчикъ и романистъ, описываетъ свое посѣщеніе Италіи, Палестины и Кипра въ 1900 году. Особенно интересно его описаніе Палестины, очень художественное и вполнѣ оправдывающее установившуюся за авторомъ репутацію занимательнаго писателя. Книга иллюстрирована.

(Athaeneum).

«*The Women of Salons and other French Portraits*» *by S. G. Tallentyre* (*Longmans Grenn and C°*). (*Женщины салоновъ и другіе французскіе портреты*). Содержаніе этихъ очерковъ весьма разнообразны. M-me Дюдефанъ, m-elle Лепинассъ, m-me d'Epinay, m-me de Сталь, m-me Рекамье, мать Наполеона, m-me де-Севинье и др. проходятъ передъ глазами читателей, представляя настоящую портретную галлерею. Книга читается съ интересомъ.

(Daily News).

«*Hypolympia or Gods in the Island*». *An ironic Fantasy, by Edmund Gosse.* (*Гиполимпія или боги на островѣ*). Хотя герои этого разсказа—древніе боги Эллады, но черты ихъ характера и дѣятельности, ихъ приключенія и разговоры представляютъ на самомъ дѣлѣ остроумную сатиру на современные нравы и соціальный строй.

(Athaeneum).

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

ДОСТОПОЧТЕННЫЙ

ПИТЕРЪ СТЕРЛИНГЪ.

Романъ П. Л. ФОРДЪ.

Переводъ съ англійскаго Л. Я. Сердечной.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1902.

Глава I.

Романъ и дѣйствительность.

Мистерсъ Пирсъ ораторствовалъ постоянно, онъ убѣдился, что говорить выгодно. и, какъ большинство говоруновъ, м-ръ Пирсъ былъ большой деспотъ. Разговоръ долженъ былъ всегда слѣдовать тому направленію, которое онъ ему давалъ. Если какой-нибудь неосторожный позволялъ себѣ перейти на другой предметъ, м-ръ Пирсъ терпѣливо ждалъ, пока онъ кончитъ, а затѣмъ спокойно, но твердо замѣчалъ: «что касается предмета, о которомъ мы только что разсуждали, то...» Если кто нибудь осмѣливался заговорить даже въ полголоса, пока м-ръ Пирсъ не кончитъ всего, что онъ имѣлъ сказать, онъ тотчасъ прерывалъ потокъ своего краснорѣчія, ждалъ, пока осмѣлившійся прервать его кончитъ, и снова продолжалъ свою рѣчь съ того самаго мѣста, на которомъ остановился.

Въ тотъ моментъ, о которомъ идетъ рѣчь, м-ръ Пирсъ испытывалъ полное удовлетвореніе. Въ каютъ-компаніи небольшой яхты собралось человѣкъ восемь. Подъ свинцовымъ небомъ, на свинцовомъ морѣ, яхта чуть-чуть покачивалась въ легкой зыби.

Мили три впереди можно было различить огонь маяка при входѣ въ гавань. И хотя медленно наползавшія облака пророчили вѣтеръ, было еще совершенно тихо, и яхта едва двигалась, увлекаемая приливомъ. Участники увеселительной поѣздки провели весь день вмѣстѣ и уже успѣли обо всемъ переговорить. Послѣдній часъ они пѣли хоромъ, всѣ, за исключеніемъ м-ра Пирса, который никогда не тратилъ своего драгоцѣннаго голоса на такіе пустяки.

Наконецъ, пѣвцы допѣлись до хрипоты на сыромъ ночномъ воздухѣ; послѣдній «испанскій кавалеръ» благополучно добился любви своей дамы, и звуки голосовъ гитары растаяли надъ водой. Наступилъ часъ торжества м-ра Пирса. Одна особа, будетъ совершенно лишнимъ упоминать, какого она была пола, вздохнула и пожалѣла, что XIX вѣкъ такъ прозаиченъ и неромантиченъ. Прокашлявшись, чтобы нарушить наступившее молчаніе и прочистить горло, м-ръ Пирсъ заговорилъ.

— Что настоящія времена менѣе романтичны и интересны, чѣмъ прошедшія столѣтія—сугубое заблужденіе. Съ незапамятныхъ временъ любовь и борьба добра со зломъ являются двумя источниками, вносящими въ міръ романтизмъ и интересъ. Каждый эпизодъ, почерпнемъ ли мы его изъ миѳовъ востока, изъ легендъ Европы, изъ поэмъ трубадуровъ или изъ хроники утреннихъ газетъ, имѣетъ въ основѣ одинъ изъ этихъ фактовъ или оба вмѣстѣ. Никогда еще любовь не играла такой видной роли въ созданіи судебъ мужчины и женщины—это неоспоримая истина, ибо наше столѣтіе является единственнымъ, гдѣ ей удалось достигнуть освобожденія отъ родительскаго и общественнаго вліянія. Кромѣ того, великая борьба общества для уничтоженія зла и возвеличенія истины никогда еще не велась столь мужественно, въ столь многихъ мѣстахъ, такимъ большимъ числомъ людей, какъ теперь Но такъ какъ наши влюбленные и герои не оповѣщаютъ всему міру о своихъ подвигахъ, не гуляютъ при лунномъ свѣтѣ, не поютъ серенадъ,—свѣтъ провозглашаетъ, что только дни турни-

ровъ и гитаръ были днями искренней любви и благородныхъ дѣлъ. Между тѣмъ, мы окружены романтизмомъ, нужны только глаза, чтобы его видѣть. Вы — молодые люди, и вся ваша жизнь еще передъ вами. Позвольте мнѣ дать вамъ совѣтъ: когда вы пойдете своимъ жизненнымъ путемъ, старайтесь замѣчать только все хорошее, а не низкое. Это не дастъ вамъ богатства, славы, не сдѣлаетъ васъ лучше въ глазахъ свѣта, но дастъ вамъ возможность прожить счастливѣе, и когда вы доживете до моихъ лѣтъ, вы будете любить человѣчество, будете смотрѣть на міръ и говорить, что онъ прекрасенъ. И вы найдете столько романтизма, что удовлетворите всѣмъ своимъ стремленіямъ къ среднимъ вѣкамъ.

— Но, дорогой мой, нельзя себѣ представить, чтобы нѣкоторые люди сумѣли найти въ жизни хотя каплю романтизма,—тихо произнесъ кто-то изъ слушателей и прибавилъ еще тише, послѣ минутнаго колебанія: — напримѣръ Питеръ Сгерлингъ.

— Совершенно вѣрно, — согласился м-ръ Пирсъ,—но этотъ примѣръ служитъ только подтвержденіемъ того, что я сказалъ. Питеръ напоминаетъ мнѣ писателей, о которыхъ я вамъ сейчасъ говорилъ. Я не думаю, чтобъ мы имѣли право упрекать его за это. Да и что можно ожидать отъ сына фабричнаго надсмотрщика, который провелъ первыя шестнадцать лѣтъ своей жизни въ рабочемъ поселкѣ. Если его врожденныя способности и давали ему нѣкоторый шансъ, то подобный опытъ долженъ былъ убить его. Рабочій поселокъ—обширный разсадникъ ничтожества и жизненной прозы. и нужна болѣе сильная натура, чѣмъ натура Питера, чтобы въ этой обстановкѣ научиться понимать прекрасное. Сказать по совѣсти, онъ такъ же ограниченъ, точенъ и лишенъ воображенія, какъ машины его родной фабрики. Въ характерѣ Питера нѣтъ романтизма, слѣдовательно онъ никогда не найдетъ его и не разовьетъ въ жизни. Этотъ примѣръ, повторяю, только подтверждаетъ мои выводы: чтобы найти романтизмъ въ жизни, нужно носить его въ себѣ.

М-ръ Пирсъ возвысилъ голосъ:

— Питеръ, мы споримъ о романахъ. Не прервете ли вы на минуточку вашу одинокую прогулку, чтобы высказать намъ ваше мнѣніе объ этомъ предметѣ.

Послѣдовало минутное молчаніе, затѣмъ необыкновенно ясный голосъ, раздавшійся съ передняго конца яхты, отвѣтилъ:

— Я ихъ никогда не читаю, м-ръ Пирсъ.

М-ръ Пирсъ тихонько засмѣялся.

— Вотъ видите, — сказалъ онъ,— этотъ юноша даже понятія не имѣетъ, что на свѣтѣ могутъ быть какіе-нибудь романы, кромѣ тѣхъ, что въ книгахъ. Онъ такъ прозаиченъ, что не подозрѣваетъ о существованіи чего-нибудь большаго, чѣмъ тотъ маленькій міръ, въ которомъ онъ живетъ. Питеръ можетъ достигнуть исполненія всѣхъ своихъ желаній, потому что для этого, навѣрно, нужны только трудъ и деньги. Но его никогда не вдохновитъ великая идея, и онъ никогда не будетъ героемъ настоящаго романа.

Стиль однажды написалъ, что единственное различіе между католической и англиканской церквами въ томъ, что первая считаетъ себя непогрѣшимой, а вторая — всегда правой. М-ръ Пирсъ врядъ ли претендовалъ на то или другое изъ вышеупомянутыхъ качествъ, но въ данную минуту онъ твердо вѣрилъ въ свои слова, и слушатели его были вполнѣ согласны съ нимъ.

Глава II.

Описательная.

Юноша, явившійся невольнымъ подтвержденіемъ теорій м-ра Пирса, въ это время ходилъ взадъ и впередъ въ томъ узкомъ пространствѣ между рубкой и бортомъ яхты, которое носило пышное названіе палубы. Шесть шаговъ впередъ— и поворотъ, шесть шаговъ назадъ — и поворотъ—такова была длина этой палубы. И если бы Питеръ стоялъ на часахъ, онъ не могъ бы шагать равномѣрнѣе и упорнѣе. Если онъ прохаживался

для пищеваренія послѣ ужина, какъ могли думать сидящіе на кормѣ, то подобное времяпровожденіе едва ли могло быть названо особенно интереснымъ. Ограниченность и быстрота прогулки напоминали пойманнаго звѣря, который мечется по клѣткѣ въ ожиданіи пищи. Но когда стоишь передъ клѣткой льва и смотришь на его неутомимое и непрерывное хожденіе, невольно задаешь себѣ вопросъ: чѣмъ оно можетъ быть вызвано? Голодомъ ли только, или дикимъ сильнымъ сердцемъ, которое бьется подъ мохнатой шкурой? Подобный вопросъ является у насъ потому, что мы всѣ болѣе или менѣе знакомы съ природой и привычками льва. По той же причинѣ пассажиры яхты единодушно рѣшили, что непрерывное хожденіе Питера — просто прогулка для пищеваренія. Возможно, что они, говоря словами м-ра Пирса, мѣрили его на свой аршинъ, а такъ какъ, по ихъ мнѣнію, единственная причина прогулки по палубѣ въ это время могла быть только чисто-гигіеническая, то они предполагали, что и Питеръ долженъ также думать.

Такъ какъ мы не имѣемъ въ виду писать автобіографію или вдохновенный романъ, то принуждены руководствоваться мнѣніями свѣта о Питерѣ Стерлингѣ, не разбирая—правильно оно или нѣтъ. А такъ какъ это мнѣніе являлось суммой его прошлаго и настоящаго, то мы должны обратиться къ нимъ, прежде чѣмъ узнавать, на чемъ основывалось оно.

Его исторія была такъ же несложна и прозаична, какъ его характеръ, по оцѣнкѣ м-ра и мисисъ Пирсъ. Ни богатство, ни бѣдность не приложили къ нему своей творческой руки. Единственный сынъ матери-вдовы, онъ жилъ въ маленькомъ фабричномъ городкѣ Новой Англіи тою жизнью, которая выпадаетъ на долю большинства юношей. Безъ сомнѣнія, онъ былъ лучше защищенъ отъ многихъ покушеній, чѣмъ большинство сверстниковъ, такъ какъ, вслѣдствіе одиночества его матери, онъ былъ для нея не только сыномъ, но и единственнымъ ея товарищемъ. Благодаря этому, онъ, въ одномъ направленіи, сталъ серьезнѣе, чѣмъ большинство его сверстниковъ, но, съ другой стороны, это задержало его развитіе, и эта отсталость оттѣнялась осторожнымъ умомъ, плохо уживавшимся съ порывами физическаго развитія. Въ графѣ успѣховъ его школьнаго свидѣтельства стояло: «усерденъ, но мало развитъ, поведенія примѣрнаго». Онъ никогда не былъ вожакомъ среди товарищей, но его любили. Начиная со священника и кончая наемнымъ репетиторомъ, всѣ отзывались о немъ хорошо, но безъ энтузіазма. Всѣ называли его «добрымъ мальчикомъ», и сказавъ это, уже больше ничего не могли придумать. Слѣдуетъ однако же, упомянуть объ одномъ важномъ исключеніи изъ этого общаго правила: ученицамъ высшей школы онъ положительно не нравился. Если бы ихъ спросили—почему, онѣ не могли бы привести ни одной уважительной причины. Въ ихъ возрастѣ все на свѣтѣ, начиная отъ Ніагарскаго водопада и кончая палочкой ячменнаго сахара, опредѣляется въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ словомъ интересно. Неизвѣстно за какія преступленія, Питеръ былъ ими измѣренъ, взвѣшенъ и осужденъ.

— Онъ неинтересенъ,—былъ единодушный приговоръ ученыхъ дѣвицъ, ежедневно толпившихся въ дверяхъ колледжа.

Еслибъ его нашли «отвратительнымъ», то ему оставался какой-нибудь шансъ, но теперь все было исчерпано этими двумя словами: «онъ неинтересенъ».

Подобное единодушіе женскаго мнѣнія было замѣчательно и заслуживало бы психологическаго изученія, если-бы оно было основано на чемъ-нибудь.

Но женскія мнѣнія въ большинствѣ случаевъ являются слѣдствіемъ инстинкта или чувства, а не разсудка и индукціи, поэтому анализъ умственнаго процесса сотни дѣвушекъ, пришедшихъ къ одному выводу, показалъ бы, что у каждой свой собственный методъ, приведшій ее къ общему заключенію. Для насъ важно только отмѣтить единодушіе ихъ мнѣнія и указать на его вліяніе на развитіе юноши.

Невозможно допустить, чтобы Питеръ не отдавалъ себѣ отчета въ возбуждаемыхъ имъ чувствахъ. Онъ былъ очень

пораженъ, когда въ первый разъ замѣтилъ явное предубѣжденіе противъ себя, и дѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы побѣдить его. Но, къ несчастью, онъ пошелъ ложнымъ путемъ. Если бы онъ постоянно и намѣренно избѣгалъ молодыхъ дѣвушекъ, онъ бы не замедлилъ сильно заинтересовать ихъ. Но Питеръ старался добиться ихъ дружбы смиреніемъ и любезностью и, благодаря этому, сдѣлался въ ихъ глазахъ еще незначительнѣе. «Толстякъ Питеръ» насмѣшливо прозвали его, и въ этихъ двухъ словахъ вылилось все ихъ презрѣніе.

Съ поступленіемъ въ Гарвардъ положеніе дѣла не измѣнилось къ лучшему. Ни старанія матери, ни собственное его стремленіе не помогли ему найти доступъ въ то общество, которое въ Кэмбриджѣ и Бостонѣ охотно открываетъ свои двери избраннымъ студентамъ. Каждую пятницу вечеромъ онъ уѣзжалъ домой и возвращался съ первымъ утреннимъ поѣздомъ въ понедѣльникъ. Въ первый годъ онъ едва ли сказалъ десять словъ съ дамами, знакомыми ему больше по имени, да и то только во время своего пребыванія въ домѣ матери. На второй годъ пріятель его Уатсъ д'Аллуа нѣсколько разъ пробовалъ вывозить его въ свѣтъ. Но результатъ всѣхъ этихъ попытокъ былъ всегда одинаковъ: Питеръ неизмѣнно весь вечеръ просиживалъ съ мамашей или бесѣдовалъ съ отцомъ семейства, въ то время, какъ Уатсъ ухаживалъ за барышнями.

Уатсъ всегда издѣвался надъ нимъ. Особенно хохоталъ онъ, когда вслѣдъ за первымъ визитомъ являлась записочка съ приглашеніемъ м-ру Питеру Стерлингу «доставить имъ удовольствіе пообѣдать у нихъ». Уатсъ диктовалъ ему отвѣтъ, помогалъ облачиться въ вечерній костюмъ и, наконецъ, буксировалъ его до гостинной миссисъ N.

Его описаніе происшествій вечера товарищамъ достойно вниманія.

— Старичина поздоровался съ хозяйкой, обмѣнялись нѣсколькими словами о погодѣ, а потомъ миссисъ N говоритъ: «Я васъ сейчасъ представлю дамѣ, которую вы поведете къ столу, мистеръ Стерлингъ, но я не дамъ вамъ болтать съ нею до обѣда. А теперь осмотритесь хорошенько и скажите, съ кѣмъ васъ познакомить». Пріятель нашъ окинулъ гостинную умирающимъ взоромъ — не было ни одной дамы старше 25 лѣтъ! И какъ вы думаете, что придумала эта старая хитрая лиса? Вотъ и называйте увальнемъ послѣ этого! Ни въ какомъ случаѣ! Ни одинъ свѣтскій франтъ не сумѣлъ бы тоньше польстить. Не догадываетесь? Ну, такъ онъ сказалъ: Мнѣ пріятнѣе всего поговорить съ вами, миссисъ N». Фактъ! Она, конечно, приняла это за комплиментъ и была въ восторгѣ. Ну-съ, я не имѣю понятія, какъ онъ прошелъ черезъ церемонію представленія и какъ добрался до столовой, ибо моя дама была такъ восхитительна, что я ничего не видѣлъ, кромѣ нея, пока мы не сѣли за столъ, а хозяйка не обратилась къ ней съ какимъ-то вопросомъ. Тогда я отыскалъ пріятеля, который оказался какъ разъ противъ меня, чтобы убѣдиться, какъ онъ справляется. Охъ, братцы, вы бы умерли отъ смѣха! Сидитъ бѣдняжка, уставился въ пространство и, видно, такъ старается придумать, что бы ему сказать, что я чуть не лопнулъ. Два раза онъ разѣвалъ ротъ, чтобы заговорить, и опять закрывалъ его. Барышня сначала смотрѣла на него съ удивленіемъ, но потомъ поймала мой взглядъ и сразу поняла, въ чемъ дѣло. Вотъ мы и стали оба ждать, что будетъ дальше. Вдругъ она сказала: «Теперь поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ». Этого я уже не могъ перенести. Я чуть не подавился. Что дальше было — не знаю. Миссъ Джевонсъ обратилась ко мнѣ и задала мнѣ какой-то вопросъ. Когда я опять взглянулъ на коллегу, то увидѣлъ, что потъ выступилъ у него на лбу, а разговоръ шелъ толчками и скачками, какъ телѣга по вспаханному полю. Миссъ Календеръ, съ которой онъ сидѣлъ рядомъ, созналась мнѣ потомъ, что ей въ жизни не случалось проводить такого тяжелаго вечера. Ничего не могла изъ него вытянуть, кромѣ «да» и «нѣтъ».

Три или четыре подобныхъ опыта погубили свѣтскую карьеру Питера: его

признали безнадежнымъ. Изрѣдка онъ получалъ случайныя приглашенія на рауты или балы, считалъ своимъ долгомъ принимать ихъ, а затѣмъ добросовѣстно дѣлалъ визиты. Посѣщеніе общества являлось въ его глазахъ обязанностью, долгомъ, который онъ исполнялъ такъ же аккуратно, съ тою же добросовѣстною настойчивостью, какъ и свои ежедневныя занятія. Ему не приходило въ голову, что можно легкомысленно относиться къ свѣтскимъ обязанностямъ. Питеръ никогда не танцовалъ и не умѣлъ поддерживать легкій разговоръ, поэтому дѣйствительно милыя дѣвушки и умныя молодыя женщины не обращали на него вниманія, и ему приходилось довольствоваться обществомъ «стѣнныхъ украшеній» и старыхъ дѣвъ, которыя, можетъ быть и невольно, давали ему почувствовать, что его бесѣда для нихъ—родъ наказанія, а это врядъ ли могло придать ему храбрости. Если бы его спросили въ концѣ года, что онъ думаетъ объ обществѣ и въ частности о молодыхъ дамахъ, онъ, навѣрное, отвѣтилъ бы тѣмъ же словомъ, какимъ его самого заклеймили: «неинтересно»!

Питеръ не былъ красивъ, его нельзя было назвать даже привлекательнымъ. Несмотря на то, что онъ такъ много работалъ и смотрѣлъ на жизнь очень серьезно, онъ былъ положительно толстъ. У него были прекрасные каріе глаза и густые темные волосы, но ихъ никто не замѣчалъ. Черты лица его были мужественны, но выраженіе ихъ, кромѣ рѣдкихъ минутъ, было скучающее и незначительное. Человѣкъ на три дюйма ниже и на двѣ трети тоньше считался бы высокимъ. «Толстякъ» былъ обыкновенный эпитетъ, прилагаемый Питеру, когда его описывали, и эта кличка такъ за нимъ и осталась. Если бы онъ поступилъ въ колледжъ десятью годами позже, то, навѣрное, снискалъ бы себѣ славу чемпіона. Но въ его время атлетика только что появилась и не пользовалась одобреніемъ начальства и родителей. Шекспиръ говоритъ о приливѣ и отливѣ въ мнѣніяхъ людей. Родись Питеръ десятью годами позже—и его имя, навѣрное, было бы во всѣхъ газетахъ, онъ вѣсилъ бы пятьюдесятью фунтами меньше, тысячи народа привѣтствовали бы его, онъ сталъ бы кумиромъ своего класса, былъ бы героемъ, женился бы на первой дѣвушкѣ, которую полюбилъ бы (герои—и это любопытно замѣтить—или женятся, или умираютъ молодыми, но никогда не остаются старыми холостяками), имѣлъ бы... но такъ какъ мы имѣемъ въ виду только дѣйствительность, мы должны признаться, что Питеръ былъ героемъ только въ глазахъ своей матери.

Вотъ каковъ былъ юноша, который черезъ двѣ недѣли послѣ выпуска изъ Гарварда ходилъ взадъ и впередъ по палубѣ «Разсвѣта», яхты м-ра Пирса, когда приливъ тихонько увлекалъ ее въ заливъ Лонгъ-Эйланда. Но если бы сидѣвшіе на кормѣ могли въ эту минуту видѣть выраженіе лица нашего героя, то это лицо, которое они всѣ привыкли считать скучнымъ и незначительнымъ, привлекло бы ихъ вниманіе и возбудило бы въ нихъ вопросъ: почему въ немъ сегодня что-то героическое и въ то же время романическое?

Глава III.

Странная дружба.

Изъ разговора или вѣрнѣе монолога м-ра Пирса съ окружающими было видно, что значеніе Питера Стерлинга среди веселыхъ пассажировъ «Разсвѣта» равнялось нулю. Но, съ другой стороны, м-ра Пирса ни въ какомъ случаѣ нельзя было назвать человѣкомъ, любящимъ незначительныхъ людей или способнымъ покровительствовать сыну фабричнаго надсмотрищика во имя человѣколюбія. А между тѣмъ Питеръ получилъ самое любезное приглашеніе и встрѣтилъ самый горячій пріемъ на дачѣ м-ра Пирса. Очевидно, была причина, заставившая хозяина «Кустарниковъ» — такъ называлось имѣніе м-ра Пирса—обратить на него свое вниманіе. Этой причиной былъ его пріятель, Уатсъ д'Аллуа.

Питеръ и Уатсъ были полною противоположностью другъ другу, и казалось невѣроятнымъ, что бы они могли симпа-

тизировать другъ другу и имѣть что-либо общее. И все-таки они были друзьями. Пустой случай свелъ ихъ, когда оба еще были новичками въ колледжѣ. Уатсъ, какъ истый школьникъ, задумалъ, съ нѣсколькими новичками, стащить изъ Гарвардской часовни библію, имѣя въ виду съ подобающими церемоніями поднести ее такимъ же шалопаямъ въ Іалѣ и получить отъ нихъ въ обмѣнъ подобную же любезность. Къ несчастью для шалуновъ, начальство колледжа было такъ нелюбезно, что встрѣтило это ежегодно повторяющееся покушеніе сопротивленіемъ. Двое изъ мародеровъ были пойманы, но Уатсъ успѣлъ спастись бѣгствомъ, оставивъ въ рукахъ сторожей свою куртку. Бѣгство не спасло бы его отъ достойной кары, если бы онъ не встрѣтилъ на своемъ пути Питера, одолжившаго ему свое пальто, въ которомъ ему удалось безпрепятственно добраться до своей комнаты. Преслѣдовавшіе Уатса сторожа схватили Питера и отвели къ инспектору, но онъ легко доказалъ, что оставшаяся въ рукахъ преслѣдователей куртка не его, и что онъ только что разстался съ однимъ изъ учителей, который подтвердилъ его показаніе. Былъ поднятъ вопросъ объ исключеніи его за укрывательство виновнаго и за упорный отказъ назвать его, но безукоризненное прошлое и примѣрное прилежаніе спасло его, и дѣло ограничилось выговоромъ директора, внезапно превратившагося въ жаркій споръ о способѣ печатанія ситцевъ, прежде чѣмъ достойный ученый успѣлъ прочитать половину приготовленной имъ нотаціи. Такимъ образомъ разговоръ директора, перейдя съ печатанія ситцевъ къ культурѣ ранняго редиса, окончился крѣпкимъ рукопожатіемъ и приглашеніемъ придти еще разъ, безъ перспективы выговора или обвиненія.

Уатсъ заявилъ Питеру, что тотъ «чертовски счастливый парень», что сумѣлъ во-время помочь ему, такъ какъ при этомъ случаѣ показалъ свою удаль всему классу, подружился съ директоромъ «и,— съ удареніемъ прибавилъ Уатсъ,—если бы ты не очутился на этомъ углу въ 11 часовъ 10 минутъ вечера, то ты не познакомился бы со мной, старина!» Ей-Богу, отъ какихъ пустяковъ зависятъ иногда самыя важныя событія нашей жизни! Весьма возможно, что еслибъ Питеръ обладалъ способностью читать въ будущемъ, онъ постарался бы уйти подальше отъ рокового угла.

Но если бы онъ заглянулъ еще дальше впередъ, то увидѣлъ бы, что отъ этой встрѣчи зависитъ величайшее счастье всей его жизни. Еслибъ мы заранѣе знали, откуда придетъ къ намъ опасность, и сумѣли бы предупредить ее—кто знаетъ, что бы пришло на ея мѣсто? А когда счастье освѣтитъ насъ, кто можетъ сказать, не кажется ли оно намъ еще слаще послѣ того горя, которое было передъ нимъ? Если же мы будемъ стараться обмануть судьбу, не станемъ ли мы похожи на ту старуху, которая торжественно заявляла, что заняла ровно столько денегъ, сколько нужно, чтобы уплатить всѣ прежніе долги.

Уатсъ былъ все-таки очень благодаренъ за своевременную помощь и старался доказать это словомъ и дѣломъ. Онъ объявилъ всѣмъ своимъ пріятелямъ, что «займется этимъ Стерлингомъ и приручитъ его», а Уатсъ имѣлъ замѣчательную способность всегда выполнять то, чего ему хотѣлось.

Питеръ сперва ничего не отвѣчалъ на изъявленія дружбы красиваго, элегантнаго, расточительнаго нью-іоркскаго франта. Онъ слишкомъ хорошо видѣлъ разницу между собою и компаніей Уатса, чтобы желать сближенія съ ними. Но еще никто изъ узнавшихъ Уатса не могъ устоять противъ его веселой улыбки и открытаго обращенія, и Питеръ тоже позволилъ «приручить» себя. Возможно, что встрѣченное вначалѣ сопротивленіе раззадорило настойчивость Уатса, ему помогло также и одиночество Питера. Какъ бы тамъ ни было, но Питеръ скоро сдѣлался членомъ общества, доступъ въ которое былъ закрытъ многимъ, казавшимся болѣе его достойными этой чести. Какъ это ни странно, но общество не имѣло на него замѣтнаго вліянія. Онъ продолжалъ такъ же добросовѣстно работать, несмотря на насмѣшки и на всѣ попытки совратить его съ пути; такъ же не проживалъ тѣхъ денегъ, которыя

ему присылала мать; вообще онъ остался прежнимъ робкимъ, серьезнымъ юношей. «Шайка», какъ они изящно окрестили свой кружокъ, называла его во время своихъ веселыхъ пирушекъ: «кладбищемъ», «мертвой головой», «кикиморой», но Питеръ только добродушно покуривалъ трубку и не обижался, и по правдѣ сказать, никто изъ товарищей не захотѣлъ бы измѣнить въ немъ ни одной черточки.

Его молчаливость и серьезность служила необходимымъ контрастомъ ихъ необузданному веселью. Всѣ его вышучивали. Самый популярный куплетъ написаннаго Уатсомъ школьнаго гимна былъ посвященъ изображенію въ комическомъ видѣ Питера и шайка никогда не уставала распѣвать его во все горло. И хотя они на каждомъ шагу высмѣивали Питера, однако его отсутствіе на пирушкѣ или во время пикника всегда чувствовалось. Въ университетѣ Уатсъ, самъ не зная почему, предложилъ Питеру поселиться вмѣстѣ. Онъ не хотѣлъ и слышать объ отказѣ, и ему удалось поставить на своемъ.

— Я не могу жить такъ, какъ ты,— спокойно высказалъ Питеръ главную причину отказа.

— О, я плачу за обстановку, и тебѣ это не будетъ стоить ни одного лишняго гроша,—отвѣчалъ Уатсъ, и когда Питеръ наконецъ согласился, то Уатсъ предполагалъ, что сдѣлалъ по своему, Но въ концѣ концовъ оказалось, что ихъ смежныя комнаты были обставлены гораздо проще, чѣмъ помѣщеніе остальной «шайки», которая моментально прозвала ихъ квартиру монастыремъ, и Питеръ заплатилъ половину расходовъ. И хотя онъ рѣдко звалъ гостей, половина всѣхъ расходовъ на вино и табакъ аккуратно уплачивалась имъ.

Послѣдовавшіе три года связали обоихъ друзей крѣпкими узами. Казалось естественнымъ, что они должны были бы сильно вліять другъ на друга, но на самомъ дѣлѣ вышло, какъ нерѣдко бываетъ, когда сходятся слишкомъ различные характеры, что особенности каждаго опредѣлились еще рѣзче. Питеръ тѣмъ усерднѣе погружался въ науку, чѣмъ больше Уатсъ пренебрегалъ ею; Уатсъ становился тѣмъ расточительнѣе, чѣмъ осторожнѣе былъ Питеръ. Уатсъ больше говорилъ, потому что Питеръ молчалъ, а Питеръ больше слушалъ, потому что Уатсъ болталъ безъ умолку.

Правда, Уатсъ старался втянуть Питера въ свѣтъ, но правда также, что Питеръ на самомъ дѣлѣ былъ болѣе одинокъ, чѣмъ если бы онъ жилъ не съ такимъ свѣтскимъ человѣкомъ.

Каждый изъ нихъ дополнялъ другъ друга, и они были взаимно необходимы другъ другу, какъ анодъ и катодъ электрической машины. Питеръ, который, кромѣ обычнаго академическаго курса, слушалъ лекціи права и два лѣта занимался въ конторѣ адвоката въ своемъ родномъ городѣ, выдержавъ передъ тѣмъ въ Нью-Іоркѣ необходимый экзаменъ, старался уговорить Уатса заняться тѣмъ же, чтобы современемъ вмѣстѣ посвятить себя адвокатурѣ въ Нью-Іоркѣ.

— Я буду разговаривать съ кліентами и разрабатывать дѣла, Уатсъ, а ты будешь сочинять рѣчи и защищать на судѣ,—говорилъ Питеръ, приводя въ пылу одушевленія самыя убѣдительные доводы.

Уатсъ только смѣялся.

— Не знаю, старина. Я думаю, вѣрнѣе я ничего не буду дѣлать. Чтобы что-нибудь дѣлать, надо рѣшить—что именно, а это чертовски трудно. Я подожду, пока получу степень, и тогда потолкую съ отцомъ. Можетъ быть, онъ рѣшитъ за меня и избавитъ мои мозги отъ излишней умственной траты. Но ты, конечно, долженъ переселиться въ Нью-Іоркъ, чтобы быть ко мнѣ поближе. Да кромѣ того, Нью-Іоркъ единственное порядочное мѣсто въ Америкѣ, гдѣ стоитъ жить.

Таковы были планы пріятелей передъ экзаменами. Уатсъ, который схватывалъ въ десять разъ скорѣе Питера, послѣднія недѣли засѣлъ вплотную за книги и безъ труда получилъ почетный отзывъ. Питеръ усиленно работалъ, чтобы добиться славы, но потерпѣлъ неудачу.

— Ты слишкомъ много знаешь, старина,—говорилъ Уатсъ, который охотно уступилъ бы свой тріумфъ другу.—Если

ты хочешь въ чемъ-нибудь имѣть успѣхъ, ты долженъ пожертвовать всѣмъ остальнымъ и сосредоточиться только на этомъ предметѣ. По моему, почетный отзывъ не стоитъ чернилъ, которыми онъ написанъ, но я зналъ, что онъ порадуетъ стариковъ, поэтому развелъ пары и добился его. Если бы я тащился на телѣгѣ, нагруженной всякой всячиной, ненужной для экзамена, то, конечно, не пріѣхалъ бы во время.

Питеръ довольно грустно тряхнулъ головой.

— Ты превосходишь меня умомъ, Уатсъ, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ.

— Вздоръ!—сказалъ Уатсъ.—У меня нѣтъ и четверти твоихъ мозговъ. Но штука въ томъ, что мои предки впродолженіи трехсотъ лѣтъ обрабатывали свой умъ, въ то время, какъ твои обрабатывали землю; понятно, мои мозги быстрѣе шевелятся, чѣмъ твои. Я усваиваю науку, какъ утка идетъ въ воду, по врожденному инстинкту, а ты, какъ яхта, которую нужно выстроить да оснастить, прежде чѣмъ она поплыветъ. Но если намъ придется состязаться, ты, конечно, перегонишь меня такъ же легко, какъ лодка утку. А почетный отзывъ пустяки.

— Для всѣхъ, кромѣ...—Питеръ запнулся, колеблясь между желаніемъ выразиться точнѣе и отвращеніемъ къ непочтительнымъ выраженіямъ, и, наконецъ, докончилъ: —кромѣ матери.

— Ей-то онъ меньше всего нуженъ,— возразилъ Уатсъ.—Если есть въ мірѣ люди, которые не нуждаются въ мнѣніи свѣта или факультета, чтобы знать, чего мы стоимъ, такъ это наши милыя, славныя, самоотверженныя и обольщающіяся баловницы - маменьки. Ура! черезъ двѣ недѣли я увижу мою, когда вернусь отъ Пирсовъ. Я ужасно радъ, что ты тоже ѣдешь къ нимъ, старина. Это будетъ маленькая отсрочка передъ разлукой на цѣлое лѣто. Не понимаю, зачѣмъ тебѣ сейчасъ ѣхать въ Нью-Іоркъ? Никто не ведетъ никакихъ дѣлъ лѣтомъ. Ну да, даже суды прекращаютъ лѣтомъ свою дѣятельность. Послушай, поѣдемъ лучше со мной въ Грей-Кортъ, право. Моя матушка заколетъ откормленнаго тельца въ честь твоего пріѣзда.

— Вѣдь мы уже рѣшили,—отвѣтилъ Питеръ, говоря, какъ передовая статья, такъ какъ рѣшилъ онъ одинъ.

Уатсъ пробормоталъ сквозь зубы что-то «вродѣ упрямаго осла», знакомаго говорившему.

— Я увѣренъ, ты теперь отвильнешь и отъ Пирсовъ,—прибавилъ Уатсъ сердито.

— Нѣтъ,—сказалъ Питеръ.

— Приглашеніе въ Грей-Кортъ стоитъ двухъ приглашеній къ Пирсамъ. Мать приглашаетъ только вполнѣ порядочныхъ людей, а м-ръ Пирсъ...

— Пригласилъ насъ,—перебилъ его Питеръ безъ малѣйшаго упрека въ голосѣ.

— Ну да,—расхохотался Уатсъ,—онъ пригласилъ насъ. И онъ не дастъ намъ рта открыть. Ты какъ разъ такой собесѣдникъ, какихъ онъ любитъ. Честное слово, не пробудешь ты и двухъ часовъ въ его домѣ, какъ онъ будетъ кричать всѣмъ и каждому, что ты замѣчательно блестящій собесѣдникъ.

— А что онъ про тебя скажетъ?— провозгласилъ Питеръ между двумя клубами дыма, который онъ выпустилъ изъ своей трубки.

— М-ръ Пирсъ, коллега, — началъ Уатсъ, въ глазахъ котораго Питеръ уловилъ взглядъ, появлявшійся въ нихъ всякій разъ, когда онъ собирался выкинуть какую-нибудь штуку,—такъ обожаетъ твоего покорнаго слугу, что одобряетъ все, что я дѣлаю.

— Неужели ты думаешь, что если бы я не чувствовалъ подъ ногами твердой почвы въ «Кустарникахъ», то рѣшился бы достать приглашеніе для...— тутъ Уатсъ позамялся на мгновеніе, видя полуиспуганное, полуудивленное выраженіе, появившееся на лицѣ Питера,— для себя,—докончилъ онъ.

— Полно врать, говори правду,— сказалъ Питеръ.

Уатсъ разсмѣялся.

— Чортъ тебя возьми! Вотъ что значитъ пріучить такого чучелу, какъ ты, читать мои мысли. Въ высшей степени неблагородно пользоваться ими противъ

меня же. Да, это я просилъ пригласить тебя. Нечего фыркать и думать, что я тебя навязалъ, недотрога ты этакій! М-ръ Пирсъ далъ мнѣ carte-blanche, и если-бы не тебя, я пригласилъ бы другого, какого-нибудь стараго осла.

— Ну, а миссисъ Пирсъ?—допытывалъ Питеръ.

— О,—объяснялъ Уатсъ,—конечно, м-съ Пирсъ написала тебѣ письмо, (не могъ же я писать отъ своего имени), потому, что м-ръ Пирсъ сказалъ ей сдѣлать это. Они очень ухаживаютъ за мною, старина, потому что мой батька самый крупный акціонеръ и одинъ изъ директоровъ въ банкѣ Пирса, и они сказали мнѣ, что я могу привезти съ собой нѣсколькихъ пріятелей, чтобы повеселиться вмѣстѣ на будущей недѣлѣ. До другихъ мнѣ дѣла нѣтъ, но тебя я, конечно, не забылъ бы ни за кучу дукатовъ.

Этотъ разговоръ объясняетъ намъ тайну пребыванія Питера въ «Кустарникахъ». Чтобы понять выраженіе его лица, мы должны познакомить нашихъ читателей съ періодомъ времени между его пріѣздомъ и началомъ нашей повѣсти.

Глава IV.

Начало событій.

Какъ близко Уатсъ придерживался истины въ приведенномъ выше разговорѣ не важно; важнѣе для насъ, что Питеръ былъ приглашенъ, независимо отъ того, Уатсъ ли первый попросилъ объ этомъ м-ра Пирса, или м-ръ Пирсъ Уатса. Письмо, написанное этимъ послѣднимъ миссъ Пирсъ, когда было уже рѣшено, что Питеръ пріѣдетъ, имѣетъ для насъ большее значеніе и заслуживаетъ быть приведеннымъ цѣликомъ.

«Дорогая моя Эллень!

«Пришлось дѣйствовать очень дипломатично между вашимъ патеромъ и моимъ Питеромъ, чтобы выполнить тотъ планъ, который мы задумали еще прошлое лѣто; онъ сдѣлалъ бы честь Пальмерстону и способствовалъ бы еще большей славѣ Бисмарка. Но дѣло, великое дѣло, сдѣлано и іюня 29-го дня коллега и я прибудемъ въ «Кустарники», даже если съ неба будутъ палки валиться, т.-е., говоря другими словами, во что бы то ни стало.

«А теперь нѣсколько словъ о коллегѣ, съ которымъ вамъ такъ хочется познакомиться. Я такъ много говорилъ вамъ объ немъ, что вы, конечно, осмѣете меня за желаніе сказать еще что нибудь новое. Я этого и пробовать не думаю, а прошу все, что скажу сегодня, принять, какъ дополненіе къ сказанному раньше.

«Будьте любезны запомнить, что онъ никогда не получитъ преміи ни за красоту, ни даже за свою грацію. Онъ премило обращается съ барышнями: не только не говоритъ съ ними, но лишаетъ и ихъ возможности говорить. Напримѣръ, если меня барышня спроситъ, играю ли я въ крокетъ (что, говоря между прочимъ, уже вышло изъ моды и замѣнено новой игрой—теннисъ), я вѣроятно, отвѣчу «Нѣтъ. А вы?» Такимъ образомъ, крокетъ на десять минутъ будетъ темой для болтовни и, въ концѣ концовъ, приведетъ къ новому предмету. Питеръ поступаетъ какъ разъ наоборотъ. Онъ отрѣжетъ просто «нѣтъ», и поэтому барышня не можетъ развивать тему о крокетѣ и должна искать новаго предмета для разговора.

«Благоразумнѣе всего почерпать предметъ разговора изъ энциклопедіи и предлагать его въ азбучномъ порядкѣ. Переберите ихъ девяносто въ часъ, тогда можете помолчать если не боитесь.

«Если вы достаточно храбры, то можете значительно сократить число предметовъ, коллега не обращаетъ вниманіе на паузы, если только барышня имѣетъ довольный видъ.

«Если она скучаетъ, то и Питеръ скучаетъ.

«Посадите его за столомъ между собой и мамашей и помогайте ему преодолѣвать препятствіе. Вы, я знаю, сумѣете приручить его. Не обращайте на меня вниманія. Я не буду ревновать и, воспользовавшись вашимъ невниманіемъ, пробуду еще недѣльку послѣ его отъѣзда, чтобы вознаградить себя.

«Я хочу показать милому старому отшельнику, какъ мила можетъ быть дѣйствительно хорошая дѣвушка. Итакъ, будьте обворожительны ради вашего

«Уатса Кларксона д'Аллуа».

Когда Уатсъ и Питеръ вышли изъ вагона 29-го іюня, видно было, что письмо произвело желанное дѣйствіе. Уатсъ былъ моментально отправленъ на козлы шарабана, рядомъ съ м-ромъ Пирсомъ, а Питеръ очутился на заднемъ сидѣньи, рядомъ съ барышней.

Конечно, Питеръ былъ представленъ ей, но онъ имѣлъ привычку никогда не смотрѣть въ лицо барышнямъ, поэтому онъ не могъ судить, соотвѣтствуетъ ли миссъ Пирсъ описанію Уатса. Питеръ съ мольбою глядѣлъ на сидѣнье рядомъ съ м-ромъ Пирсомъ и очень ловко, по своему мнѣнію, маневрировалъ, чтобы незамѣтно добраться до него. Но двое молодыхъ людей, далеко превосходившихъ его природной хитростью и опытностью, рѣшили, что онъ долженъ былъ сидѣть рядомъ съ, Эллевъ и онъ не могъ бороться съ ними. Онъ влѣзъ на свое мѣсто, надѣясь въ душѣ, что она не заговоритъ съ нимъ, или, по крайней мѣрѣ, если эта надежда окажется тщетной, Уатсъ повернется къ нимъ и выручитъ его. Но это вовсе не входило въ планы миссъ Пирсъ. Она дала Питеру время удобно устроиться на своемъ мѣстѣ, зная, что если она начнетъ аттаку раньше, онъ будетъ чувствовать себя несчастнымъ всю дорогу. Затѣмъ она начала:

— Не могу высказать вамъ, какъ мы всѣ довольны успѣхами Уатса. Мы конечно знали, чего онъ можетъ достигнуть, если только захочетъ, но казалось, онъ даже не хочетъ пробовать работать.

Питеръ вздохнулъ свободнѣе. Она не предложила ему вопроса и интонація послѣдней ея фразы не требовала, чтобы онъ сказалъ что-нибудь.

— О, взгляните, какая уморительная корова! — замѣтила она, прежде чѣмъ Питеръ успѣлъ начать безпокоиться, что наступило молчаніе.

Питеръ посмотрѣлъ на корову и разсмѣялся. Ему хотѣлось бы смѣяться подольше, чтобы убить время, но въ ту минуту, какъ онъ подумалъ, что смѣхъ можетъ замѣнить разговоръ, смѣхъ окончился. Однако, приглашеніе посмотрѣть на корову не требовало отвѣта, и онъ былъ спокоенъ.

— Мы очень гордимся нашими дорогами, — сказала миссъ Пирсъ. — Когда мы купили имѣніе, онѣ были отвратительны, но папа взялъ это дѣло въ свои руки и заставилъ шоссировать ихъ, какъ въ Европѣ.

Разговоръ коснулся уже трехъ предметовъ, а отъ него не требовали ни отвѣта, ни даже простой реплики. Питеръ не зналъ, что онъ долженъ сказать на слѣдующее замѣчаніе миссъ Пирсъ.

— Я очень люблю дороги Новой Англіи, — продолжала миссъ Пирсъ и ея послѣдовательность привела въ восторгъ Питера, который привыкъ къ безпорядочной женской болтовнѣ и обыкновенно съ трудомъ могъ услѣдить за скачками мысли съ одного предмета на другой.

— Въ ихъ пейзажѣ есть что-то законченное, что приводитъ меня въ восторгъ. Мнѣ представляется, будто всѣ горячіе солнечные лучи собрались, — извините за странное сравненіе, это Уатсъ выдумалъ,—въ охабки свѣта и засыпали имъ изгороди и поля.

Питеръ недоумѣвалъ, не требуетъ ли просьба извинить—какого-нибудь отвѣта, но рѣшилъ, что не требуетъ.

— Папа сказалъ мнѣ на-дняхъ,—продолжала миссъ Пирсъ,—что существуетъ девятнадцать сортовъ золотушника. Я никогда бы не замѣчала между ними ни малѣйшей разницы.

Питеръ начиналъ чувствовать себя легко и непринужденно. Онъ обратилъ вниманіе, что у миссъ Пирсъ очень нѣжный голосъ. Ему прежде не приходилось замѣчать, чтобы у дѣвушки могъ быть пріятный голосъ. Но теперь онъ ясно припомнилъ, что ни у одной изъ тѣхъ, съ которыми онъ говорилъ, или вѣрнѣе, которыя съ нимъ говорили, не было этого достоинства.

— Въ прошломъ году,—сказала миссъ Пирсъ,—когда Уатсъ былъ здѣсь, мы устраивали желтый пикникъ: весь домъ

былъ убранъ золотушникомъ, а на лугу горѣли желтые фонарики

— Уатсъ мнѣ разсказывалъ объ этомъ,—отвѣтилъ Питеръ.

— Онъ былъ просто душою пикника, — продолжала миссъ Пирсъ.—Онъ сплелъ себѣ поясъ и ожерелье изъ цвѣтовъ и не снималъ ихъ весь вечеръ. Это очень ему шло.

Питеръ, даже не отдавая себѣ отчета, что онъ вступилъ въ разговоръ, воскликнулъ:—Онъ былъ признаннымъ красавцемъ въ нашемъ классѣ!

— Въ самомъ дѣлѣ? Какъ мило!— сказала миссъ Пирсъ.

— Да,—подтвердилъ Питеръ.—И это совершенная правда.

Питеръ даже и не подозрѣвалъ, что ему былъ предложенъ вопросъ, и что онъ не него отвѣтилъ. Онъ почувствовалъ желаніе посмотрѣть въ лицо миссъ Пирсъ. А она, между тѣмъ, воспользовавшись минутной паузой, мысленно говорила себѣ: «Элленъ, дорогая моя, ты попала на истинный путь». Затѣмъ высказавъ себѣ мысленно одобреніе, она продолжала:

— У насъ былъ полонъ домъ гостей во время пикника, и это напомнило мнѣ, что я должна вамъ сказать, съ кѣмъ вы встрѣтитесь у насъ сегодня.

И слѣдующіе десять минутъ были посвящены описанію двухъ молодыхъ нью-іоркскихъ барышень и ихъ брата, которые составляли первую серію гостей. Въ это время глаза Питера оторвались отъ спины Уатса и бросили робкій взглядъ на миссъ Пирсъ. Питеръ убѣдился, что, говоря съ нимъ, она смотрѣла ему прямо въ лицо. но, по неизвѣстной причинѣ, это его нисколько не безпокоило. И прежде чѣмъ она успѣла кончить свое описаніе, Питеръ уже смотрѣлъ ей прямо въ глаза и даже не замѣчалъ этого.

Ея лицо не сіяло ослѣпительной красотой, но оно было нѣжно и имѣло привлекательную способность отражать малѣйшее движеніе души. И теперь быстро мѣнялось его выраженіе отъ внѣшнихъ впечатлѣній. Многія дѣвушки, болѣе красивыя, были менѣе привлекательны. Всѣ любили говорить съ миссъ Пирсъ, и многіе подъ вліяніемъ ея откровенной симпатіи высказывались больше, чѣмъ сами хотѣли. Но глаза ея были дѣйствительно прекрасны, и она обладала прелестнѣйшей въ мірѣ фигуркой; «точеная» говорилъ про нее Уатсъ, и большинство мужчинъ думали то же. Наконецъ, у ней была прелестная привычка смотрѣть прямо въ глаза людямъ, съ которыми она разговаривала, и, по многимъ причинамъ, имъ это очень нравилось.

Такое же впечатлѣніе она произвела и на Питера. Когда онъ смотрѣлъ въ ея темно-сѣрые глаза, казавшіеся еще темнѣе отъ длинныхъ рѣсницъ, онъ забылъ все окружающее; пересталъ думать о томъ, что говорилъ; и даже пересталъ сознавать, весело ли ему. Короче сказать, онъ совсѣмъ забылъ о себѣ и, что еще важнѣе, забылъ, что разговариваетъ съ дѣвушкой. Онъ чувствовалъ себя и поступалъ, какъ съ мужчиной.

«Святые угодники!—мысленно воскликнулъ Уатсъ на переднемъ сидѣньи.— Старина становится краснорѣчивымъ! Болтливость заразительна, и онъ заразился ею отъ м-ра Пирса».

Это въ переводѣ на языкъ фактовъ означало, что Питеръ отвѣтилъ восемь разъ и дважды смѣялся впродолженіи получасового переѣзда отъ станціи до воротъ «Кустарниковъ».

Глава V.

Мины и контрмины.

Видъ общества, собравшагося на верандѣ дома, вернулъ Питеру сознаніе дѣйствительности, и онъ, пока шарабанъ подъѣзжалъ, приготовился къ пыткѣ представленія и привѣтствій. Если бы миссъ Пирсъ не была такой доброй, славной дѣвушкой, она вряд ли могла бы подавить улыбку, видя, какъ вытянулось лицо Питера, и какъ окаменѣла вся его фигура при видѣ общества на верандѣ. Но миссъ Пирсъ рѣшила, прежде даже, чѣмъ познакомилась съ Питеромъ, что подружится съ нимъ, и что онъ человѣкъ, которому поддержка необходима. Дайте женщинѣ принять подобное

рѣшеніе относительно мужчины, и, по причинамъ, не доступнымъ ни логикѣ, ни философіи, онъ перестаетъ быть смѣшнымъ въ ея глазахъ. Поэтому миссъ Пирсъ, вмѣсто того, чтобы улыбаться, какъ великій полководецъ во время стратегическаго движенія, искусно, съ чисто женской ловкостью, провела Питера черезъ пытку новаго знакомства. Питеръ былъ представленъ миссисъ Пирсъ, но моментально отозванъ помочь миссъ Пирсъ выйти изъ экипажа, прежде чѣмъ успѣлъ что-нибудь сказать. Затѣмъ какой-то свертокъ исчезъ на днѣ экипажа, и м-ръ Паулингъ, нью-іоркскій франтъ былъ посланъ помочь Питеру найти его, и при этомъ случаѣ были названы ихъ фамиліи. Наконецъ, его представили обѣимъ барышнямъ, но въ ту же минуту его и Уатса пригласили въ ихъ комнаты; и миссъ Пирсъ, уходя къ себѣ, одобрительно кивала головой и говорила сама съ собой:

«Право же, Эллен, я не думаю чтобы съ нимъ было трудно справляться. Онъ довольно ручной».

Когда Питеръ сходилъ внизъ передъ обѣдомъ, онъ раздумывалъ, удастся ли ему поговорить съ миссъ Пирсъ. Вспоминая свои прежніе опыты, онъ очень сомнѣвался въ этомъ, особенно имѣя въ виду, что, кромѣ него, было двое молодыхъ людей, гораздо способнѣе. Но, странное дѣло, оба молодыхъ человѣка сидѣли уже съ нью-іоркскими барышнями, а рядомъ со стуломъ миссъ Пирсъ было свободное мѣсто. И, что еще страннѣе, его тотчасъ пригласили занять это мѣсто, и не прошло и пяти минутъ, какъ онъ уже ничего не видѣлъ, кромѣ темно-сѣрыхъ глазъ, такъ ласково смотрѣвшихъ на него. Онъ повелъ миссъ Пирсъ къ столу и сѣлъ между нею и ея матерью, и снова подпалъ очарованію темно-сѣрыхъ глазъ. Послѣ обѣда, вернувшись на веранду къ дамамъ, Питеръ уже вполнѣ свободно усѣлся около миссъ Пирсъ. Поздно ночью, Питеръ сидѣлъ въ своей комнатѣ, или вѣрнѣе висѣлъ изъ окна, покуривая трубку и обдумывая, какъ благополучно прошелъ день. Онъ не сдѣлалъ ни одного промаха, и жаловаться было не на что.

«Я становлюсь опытнѣе»,—думалъ онъ съ гордостью школьника, не подозрѣвая, что все, что онъ говорилъ и дѣлалъ за послѣдніе нѣсколько часовъ, было сглажено и облегчено тактомъ женщины.

Слѣдующая недѣля была какъ бы продолженіемъ перваго дня. По правдѣ сказать, Питеръ чувствовалъ себя не совсѣмъ ловко въ этомъ элегантномъ обществѣ; м-ръ Пирсъ не разсыпалъ передъ нимъ цвѣтовъ своего краснорѣчія, а миссъ Пирсъ, какъ вѣрная и преданная жена, на все смотрѣла глазами своего мужа. Уаттсъ собирался руководить пріятелемъ, но Уаттсъ прекрасно игралъ на роялѣ и на билліардѣ; онъ отлично гребъ и ѣздилъ верхомъ; онъ пѣлъ, танцовалъ, плавалъ, болталъ, игралъ во всѣ игры, чудесно читалъ вслухъ и, что еще важнѣе, всегда, во всякое время былъ готовъ дѣлать, что угодно. Питеръ, при всякомъ удобномъ случаѣ, инстинктивно прибѣгалъ къ помощи миссъ Пирсъ. Ему слѣдовало бы спросить себя, дѣйствительно ли барышнѣ его общество пріятнѣе, чѣмъ общество остальной молодежи, и будь онъ немного воспитаннѣе, онъ бы самъ понялъ, что нельзя навязывать хозяйкѣ свою особу и такъ открыто завладѣвать обществомъ молодой дѣвушки. Но онъ не отдавалъ себѣ отчета, что поступаетъ не такъ, какъ должно, чувствуя, что очень счастливъ въ ея присутствіи. По причинамъ, извѣстнымъ одной миссъ Пирсъ, она позволила монополизировать себя. Она даже казалась столь же заинтересованной Питеромъ, какъ онъ увлеченъ ею. Вопросъ—было ли ей весело, такъ какъ Питеръ не былъ особенно разговорчивъ, и то немногое, что онъ говорилъ, не отличалось ни блескомъ, ни остроуміемъ. Но въ гостиной и въ экипажѣ, на верандѣ, на лугу или на палубѣ яхты, она всегда готова была оказать ему столько помощи и вниманія, сколько онъ требовалъ, а требовалъ, онъ очень много. Уаттсъ шутя говорилъ что «какъ только Питеръ появляется на горизонтѣ, Эллен выкидываетъ значекъ: «свободна», и это была одна изъ многочисленныхъ шутокъ, которыя сочинялись гостями по поводу ихъ обоюдной преданности.

Этотъ экспериментъ былъ полонъ опасностей для Питера. Въ первый разъ въ жизни ему приходилось видѣть привлекательныя стороны молодой дѣвушки. То, что въ ней привлекало мужчинъ, трижды привлекало Питера, который могъ сравнивать ея милое обращеніе только съ холоднымъ равнодушіемъ дѣвицъ его родного города и немногихъ бостонскихъ дамъ, которымъ случалось выносить его общество. Имѣй онъ больше опытности, онъ считалъ бы миссъ Пирсъ милой дѣвушкой съ прекрасными глазами, манерами и фигурой. Но какъ единственный стаканъ вина опасенъ для трезвенника, такъ ея общество имѣло громадное вліяніе на Питера, большее, чѣмъ должно было имѣть. Не прошло и недѣли, какъ онъ уже былъ безвозвратно влюбленъ, и хотя его природная застѣнчивость и неумѣніе высказывать свои чувства не давали миссъ Пирсъ замѣтить этого, болѣе прозорливые родители сейчасъ догадались, въ чемъ дѣло.

— Серьезно, Чарльзъ,—сказала миссъ Пирсъ, когда они были одни въ своей спальнѣ, — я думаю, это нужно прекратить.

— Совершенно вѣрно, дорогая моя, подтвердилъ ея супругъ и повелитель съ такой готовностью, что она удивилась и даже испугалась. Но онъ продолжалъ: — Конечно, не подлежитъ сомнѣнію, что *это* нужно прекратить, разъ вы находите это нужнымъ. Но такъ какъ «это» предметъ неопредѣленный, то какъ таковый нежелателенъ, поэтому во всякомъ случаѣ, прекратите «это».

— Я думала о мистерѣ Стерлингѣ,— начала миссисъ Пирсъ.

— Да?—прервалъ ее м-ръ Пирсъ ободряющемъ и заинтересованнымъ тономъ.—Питеръ, дѣйствительно, субъектъ неопредѣленный. Я думаю даже, можно сказать безъ преувеличенія, отрицательный. Однако я не сталъ бы останавливать его. Ему доставляетъ достаточно труда высказать какое-нибудь заключеніе, не запнувшись. Но можетъ, быть, я васъ неправильно понялъ, и вы желаете пригласить его пожить у насъ подольше.

— Я хотѣла сказать, мой другъ, — отвѣчала миссъ Пирсъ, и въ голосѣ ея зазвучало что-то вродѣ близкихъ слезъ, такъ какъ она не отличалась особенною остротою ума, и шутки ея супруга всегда пугали ее и заставляли сознавать себя ниже его, — я хотѣла сказать, что онъ слишкомъ много времени проводитъ съ Элленъ. Я боюсь, чтобы онъ не влюбился въ нее.

— Дорогая моя, — сказалъ м-ръ Пирсъ,— вы рождены быть профессіональнымъ чтецомъ мыслей. Ваше предположеніе является для меня ужаснымъ откровеніемъ. Представьте себѣ, нѣтъ, только представьте себѣ, что онъ влюбленъ въ Элленъ!

— Я право думаю, что онъ уже влюбленъ,— отвѣтила миссисъ Пирсъ.—Хотя онъ такъ не похожъ на другихъ мужчинъ, что я не увѣрена въ этомъ.

— Во всякомъ случаѣ этому надо положить конецъ. А кстати, какимъ способомъ можно помѣшать человѣку влюбиться?

— Чарльзъ! — воскликнула миссисъ Пирсъ.

Подобные возгласы миссисъ Пирсъ всегда были связаны съ появленіемъ носового платка, а м-ръ Пирсъ вовсе не имѣлъ желанія вызвать увеличеніе количества атмосферныхъ осадковъ.

Потому онъ рѣшилъ, такъ какъ его шутки были приняты слишкомъ трагически, для контраста поговорить серьезно.

— Я не думаю, чтобы намъ нужно было вмѣшиваться. Что бы ни дѣлалъ м-ръ Питеръ — для насъ безразлично, такъ какъ очевидно, что Элленъ любезничаетъ съ нимъ по обязанности, какъ я догадываюсь, чтобы угодить Уатсу. Такъ что все, что она дѣлаетъ—для него большая милость, а фактъ, что Питеръ увлеченъ ею, только увеличиваетъ ея цѣну въ глазахъ другихъ.

— Такъ вы не думаете?..— спросила миссисъ Пирсъ и остановилась.

— Не оскорбляйте моей проницательности,— разсмѣялся м-ръ Пирсъ.—Я думаю. Я думаю, что дѣла не могутъ обстоять лучше. Я нѣсколько опасался м-ра Паулинга и предпочелъ бы пригласить его и его сестеръ попозже, но такъ какъ вѣжливость требовала пригласить, а они не могли пріѣхать въ другое время,

то сама судьба послала этого чувствительнаго и скучнаго чудака Питера, чтобы занять вниманіе Эллень. Если бы я считалъ его хоть немного опаснымъ, то и тогда не мѣшалъ бы, но постарался бы сдѣлать его смѣшнымъ. Такъ родители всегда должны поступать съ неподходящимъ человѣкомъ. На будущей недѣлѣ, когда всѣ уѣдутъ, кромѣ Уатса, онъ наверстаетъ потерянное время, и контрастъ съ прошедшей недѣлей будетъ для нея тѣмъ пріятнѣе.

— Такъ вы думаете, что Элленъ и Уатсъ нравятся другъ другу?—спросила миссисъ Пирсъ, вспыхнувъ отъ удовольствія, что ея собственное желаніе такой восхитительной возможности нашло откликъ въ ея супругѣ.

— Я думаю,— отвѣчалъ м-ръ Пирсъ, что чѣмъ меньше мы, родители, будемъ вмѣшиваться въ любовь, тѣмъ лучше. Если я далъ возможность Эллень и Уаттсу ближе узнать другъ друга, то сдѣлалъ это, только имѣя въ виду ихъ обоюдные интересы. Любезность, которую я ему оказывалъ, относилась, главнымъ образомъ, къ участію его отца въ моемъ дѣлѣ, безъ всякихъ матримоніальныхъ намѣреній. Конечно, я не противъ того, чтобы они поженились. Уатсъ — сынъ очень богатаго человѣка съ прекраснымъ общественнымъ положеніемъ въ Нью-Іоркѣ, кромѣ того онъ самъ славный юноша. Элленъ будетъ хорошей женой, и тотъ, кто ее получитъ, не обѣднѣетъ. Если они столкуются сами, я скажу nunc dimittis, но до тѣхъ поръ я пальцемъ не пошевельну.

— Я думаю, что они любятъ другъ друга,—сказала миссисъ Пирсъ.

— Ну, возразилъ м-ръ Пирсъ,—я думаю, что если бы родители рѣшали сами, кто лучше подойдетъ къ ихъ дочери, и слѣдили бы за тѣмъ, чтобы молодые люди познакомились настолько, насколько нужно, прежде чѣмъ узнаютъ свѣтъ больше, чѣмъ нужно, то они могли бы съ успѣхомъ выполнить свою задачу, если только будутъ держаться подальше отъ любви. Въ жизни мужчины есть періодъ, когда онъ долженъ любить кого-нибудь, даже если «она» не моложе его бабушки. Точно также и въ жизни дѣвушки есть періодъ, когда она не въ силахъ сказать «нѣтъ» влюбленному въ нее. Онъ на самомъ дѣлѣ любитъ въ ней только женщину, а она любитъ любовь, а не влюбленнаго, но это все равно, такъ какъ иллюзія длится ровно столько же, какъ и болѣе сознательная любовь, которая приходитъ позднѣе.

Миссисъ Пирсъ нахмурилась. Большинство женщинъ хмурятся, когда мужчина высказываетъ отвлеченныя заключенія о любви.

— Я увѣрена, что они любятъ другъ друга,—повторила она.

Глава VI.

Монологъ и діалогъ.

Въ концѣ упомянутой вначалѣ морской прогулки Питеръ одиноко шагалъ по палубѣ. Рано утромъ на слѣдующій день онъ долженъ былъ сѣсть на поѣздъ, чтобы ѣхать въ свой родной городъ, и эта мысль, въ связи съ другими мыслями, вызвала глубокія морщины на его лбу. Его заключенія выразились приблизительно такъ:

«Я до своего пріѣзда сюда подозрѣвалъ, что Уаттсъ и миссъ Пирсъ любятъ другъ друга. Очевидно я былъ неправъ, такъ какъ если бы они любили другъ друга, развѣ они могли бы быть такъ мало вмѣстѣ? Какъ онъ можетъ знать ее и не любить? Но для меня это очень счастливо, потому что я не могъ бы состязаться съ нимъ, предполагая даже, что я попробовалъ бы отбить у него любимую дѣвушку. Она не можетъ любить меня! Какъ говоритъ Уатсъ: я «отъ природы болванъ, а съ дѣвушками вдвое». Но все-таки я не могу уѣхать завтра, не сказавъ ей всего. Я не увижу ее до будущей зимы. Я не могу ждать такъ долго. Можетъ быть, другой и можетъ, а я не могу».

Онъ разъ двѣнадцать прошелся взадъ и впередъ, повторяя послѣднія три слова опять и опять. Его мысли приняли новый оборотъ.

«Это безуміе, и ты не имѣешь права такъ поступать. Ты самъ долженъ пробивать себѣ дорогу. Ты не

имѣешь права требовать отъ матери больше, чѣмъ тѣ полторы тысячи, которыя она обѣщала давать тебѣ, потому что ты знаешь, что она дастъ тебѣ больше, но сама станетъ нуждаться. А что такое полторы тысячи въ годъ для такой дѣвушки? Ея отецъ просто подумаетъ, что я шучу!»

Питеръ посмотрѣлъ на свинцовыя волны и желалъ, чтобы не было трусостью покончить всѣ счеты, давъ имъ сомкнуться надъ его головой. Но темный цвѣтъ воды напомнилъ ему о темно-сѣрыхъ глазахъ, поэтому, вмѣсто того, чтобы броситься въ воду, онъ нѣсколько разъ повторилъ: «я не могу ждать», и съ удвоенной энергіей зашагалъ по палубѣ. Мысль его снова заработала.

«Она была такъ добра ко мнѣ, что... нѣтъ, она не можетъ меня любить! Но она... если бы вдругъ, если... предположить, что любитъ? Что деньги—вздоръ! Мы можемъ подождать».

Питеръ нѣсколько разъ повторилъ послѣднее замѣчаніе, какъ бы желая показать, что между словами: «я не могу ждать» и «мы можемъ ждать»—большая разница. Затѣмъ онъ продолжалъ:

«Конечно, м-ръ Пирсъ будетъ недоволенъ. Онъ свѣтскій человѣкъ. Но все это пустое, если она меня любитъ. Если она меня любитъ?..»

Питеръ опять повторилъ эти слова, и казалось наслаждался представленіемъ, вызваннымъ ими. Онъ видѣлъ, какъ Питеръ Стерлингъ нѣжно прощается съ нѣкоей молодой особой. Онъ видѣлъ его выходящимъ на арену, чтобы сразиться съ дикими звѣрями, и, конечно, онъ побѣдитъ ихъ. Онъ видѣлъ день, когда успѣхъ его позволитъ ему основать свой собственный домашній очагъ, озаренный парой темно-сѣрыхъ глазъ, которые смотрятъ на него за столомъ, провожаютъ его, когда онъ уходитъ на работу, и привѣтствуютъ его при возвращеніи. Сѣрые глаза, чтобы любить ихъ, когда они здѣсь, думать о нихъ въ отсутствіи! Увы! Сколько очаговъ и домовъ было построено изъ такого же матеріала!

Изъ всего этого видно, что Питеръ, несмотря на свою спокойную трезвую натуру, былъ въ любовномъ дѣлѣ не дальновиднѣе, чѣмъ всякій другой юноша, достигнувшій двадцати одного года.

— Бумъ! Воздушный замокъ разсыпался. Семья, очагъ и сѣрые глаза разбились о деревянную пристань. Сонъ кончился.

— Помоги мнѣ нести корзины съ провизіей, коллега!—закричалъ Уаттсъ.—Постарайся быть настолько же полезенъ, насколько ты живописенъ.

Такимъ образомъ, одинокая прогулка Питера была прервана, и онъ сталъ помогать выгружать корзины съ провизіей и дамъ на пристань.

Но прогулка привела къ результатамъ, которые не замедлили обнаружиться. Когда компанія разбилась группами, чтобы идти домой, Уаттсъ и Питеръ оба подошли къ миссъ Пирсъ, что вовсе не входило въ планы этого послѣдняго.

— Иди-ка со всѣми, Уаттсъ,—сказалъ спокойно Питеръ.

Миссъ Пирсъ и Уаттсъ оба въ изумленіи остановились.

— Э?—произнесъ послѣдній.

— Ты пойдешь со всѣми впередъ,—повторилъ Питеръ.

— Не понимаю, — сказалъ Уаттсъ, который едва ли былъ бы болѣе пораженъ, если бы Питеръ предложилъ ему утопиться.

— Мнѣ нужно говорить съ миссъ Пирсъ,—объявилъ Питеръ.

Уаттсъ разинулъ ротъ отъ удивленія. Если бы Питеръ попросилъ его уйти и привелъ свою причину не въ присутствіи миссъ Пирсъ, Уаттсъ моментально вывелъ бы свои заключенія и былъ бы недалеко отъ истины. Но было слишкомъ нелѣпо, чтобы, въ присутствіи дѣвушки, одинъ человѣкъ открыто приглашалъ другого уйти, чтобы онъ могъ сдѣлать ей предложеніе, и Уаттсъ колебался только минуту. Потомъ онъ разсмѣялся и сказалъ:

— Убирайся самъ, если не любишь общества.

— Нѣтъ,—сказалъ Питеръ,—я хочу, чтобы ты ушелъ.

Питеръ говорилъ совершенно спокойно, но въ его странно-звонкомъ голосѣ былъ какой-то неуловимый оттѣнокъ, заставлявшій повиноваться скорѣе, чѣмъ дру-

гой, болѣе повелительный тонъ. Уаттсъ привыкъ слушаться его, и изъ предыдущихъ опытовъ могъ убѣдиться, что ничто не можетъ принудить Питера отказаться отъ разъ принятаго рѣшенія.

Но теперь было совсѣмъ другое дѣло. Ему не хотѣлось уступить, и онъ старался обратить все въ шутку. Поэтому онъ не тронулся съ мѣста и началъ свистать. Оба молодыхъ человѣка, съ присущимъ ихъ полу эгоизмомъ, совсѣмъ не приняли къ свѣдѣнію, что миссъ Пирсъ этотъ инцидентъ врядъ ли могъ показаться забавнымъ.

— Я думаю, — замѣтила миссъ Пирсъ,—что я оставлю васъ ссориться, а сама догоню остальныхъ.

— Нѣтъ,— быстро возразилъ Питеръ,—мнѣ надо вамъ что-то сказать.

Уаттсъ пересталъ свистать.

«Что съ нимъ случилось?» подумалъ онъ.

Миссъ Пирсъ колебалась. Ей хотѣлось уйти, но въ глазахъ Питера было что-то, что ее удерживало...

«У меня и въ мысляхъ не было, что онъ можетъ говорить такъ рѣшительно. Онъ вовсе не такой ручной, какъ я думала. Мнѣ кажется, Уаттсу слѣдуетъ исполнить его желаніе, хотя я все-таки не понимаю, зачѣмъ м-ру Стерлингу такъ хочется отослать его», мысленно разсуждала миссъ Пирсъ.

— Уаттсъ, ты отнимаешь у меня послѣдній случай поблагодарить миссъ Пирсъ,—я уѣзжаю завтра до завтрака.

Это было сказано совершенно просто, но въ тонѣ голоса слышалось приказаніе.

— Ладно, пріятель,— сказалъ Уаттсъ; ему было стыдно, что онъ собирался помѣшать Питеру, какъ слѣдуетъ проститься съ любезной хозяйкой, и онъ бросился догонять ушедшее общество.

— Миссъ Пирсъ,—началъ Питеръ,— я не могъ уѣхать, не поблагодаривъ васъ за вашу доброту ко мнѣ. Я никогда не забуду этихъ дней.

— Я очень рада, что вамъ было весело,—защебетала миссъ Пирсъ съ восторгомъ, что ея самопожертвованіе не пропало даромъ.

— И я не могъ уѣхать,—продолжалъ Питеръ, и его звонкій голосъ вдругъ оборвался, —не сказавъ вамъ, какъ я васъ люблю.

— Любите меня!—воскликнула миссъ Пирсъ и даже остановилась отъ изумленія.

— Да,—просто отвѣтилъ Питеръ, и это односложное словечко, сказанное такъ, какъ онъ его сказалъ, выражало болѣе, чѣмъ самое пламенное увѣреніе.

— О!—воскликнула его спутница.— Какъ мнѣ жаль!

— Не говорите этого; я не хочу, чтобы вы меня жалѣли.

— Но это такъ внезапно!..

— Я думаю, что это такъ,—отвѣчалъ Питеръ,—но я люблю васъ и не могу удержаться, чтобы не сказать вамъ этого. Почему не говорить о своей любви, когда ее чувствуешь? Это самое лучшее, что мужчина можетъ сказать дѣвушкѣ.

— О; пожалуйста, не надо,—просила миссъ Пирсъ, и глаза ея наполнились слезами сочувствія къ нему.—Мнѣ такъ тяжело сказать вамъ, что... что вы не должны...

— Право же я не думалъ, что вы можете любить меня такъ, какъ я васъ люблю,—сказалъ Питеръ, и отвѣтъ его относился больше къ ея тону, чѣмъ къ сказаннымъ словамъ.—Я никогда не нравился барышнямъ.

Миссъ Пирсъ начала всхлипывать.

— Это ошибка, ужасная ошибка!— вскричала она.—И я во всемъ виновата.

— Не говорите этого, — сказалъ Пирсъ,—виноватъ только я.

Они молча шли по дорогѣ; только подойдя къ освѣщенному крыльцу, Питеръ на минутку остановился.

— Думаете ли вы,—спросилъ онъ,— что когда-нибудь все можетъ быть иначе?

— Нѣтъ,—отвѣчала миссъ Пирсъ.

— Потому что, если... если только нѣтъ другого, я буду надѣ.....

— Другой есть,—перебила его миссъ Пирсъ.

Рѣшительный тонъ Питера такъ напугалъ ее, что она выдала свою тайну.

Питеръ подумалъ: «это, конечно, Уаттсъ». Ему хотѣлось вслухъ высказать эту мысль, и другой на его мѣстѣ такъ бы и сдѣлалъ. Но Питеръ вспомнилъ,

что это былъ бы поступокъ, недостойный порядочнаго человѣка, и сказалъ только: «Благодарю васъ». Потомъ, собравшись съ духомъ, прибавилъ:

— Пожалуйста, пусть моя любовь не огорчаетъ васъ. Для меня она была большимъ счастьемъ. Спокойной ночи и прощайте.

Онъ даже не протянулъ ей руки на прощанье. Они вошли вмѣстѣ на крыльцо и, не присоединяясь къ остальному обществу, опустошавшему кладовую для импровизированнаго ужина, вмѣстѣ поднялись наверхъ. Миссъ Пирсъ—вымыть глаза свѣжей водой, а Питеръ—уложить свои вещи.

— А гдѣ же Эллень и Стерлингъ?—осмѣдомился м-ръ Пирсъ, когда пришло время подавать какое то удивительное мѣстное блюдо, приготовленное подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ.

— Они сейчасъ придутъ, — сказалъ Уаттсъ,—Эллень что-то забыла на яхтѣ, и имъ пришлось вернуться.

— Они будутъ наказаны, такъ какъ не получатъ ни кусочка, если не поторопятся. А такъ какъ мы всѣ рѣшили, что въ Стерлингѣ нѣтъ ни капли романтизма, то онъ даже не получитъ духовнаго наслажденія отъ нашей чудной прогулки.

Глава VII.

Вступленіе въ свѣтъ.

Военные врачи различаютъ три рода раненыхъ. У однихъ нервы такъ слабы, что они падаютъ въ ту же минуту, какъ ранены, опасна ли рана, или нѣтъ. Другіе на столько лишены нервовъ, что продолжаютъ драться, не замѣчая, что ранены. Наконецъ, третьи, хотя и чувствуютъ рану, продолжаютъ драться, такъ какъ ихъ поддерживаютъ нервное возбужденіе. Видя этихъ послѣднихъ, врачи качаютъ головой и принимаютъ озабоченный видъ.

Питеръ укладывалъ свои вещи быстро, но спокойно, ни на минуту не прерывая своего дѣла. Потомъ онъ пошелъ внизъ и присоединился къ обществу, которое кончало ужинать. Правда, онъ отказался съѣсть что бы то ни было и былъ очень молчаливъ, но это было такъ обычно, что никто не обратилъ на него вниманія. Когда его спросили, гдѣ миссъ Пирсъ, онъ кратко объяснилъ, что разстался съ нею на крыльцѣ, чтобы идти укладываться, и больше ее не видалъ.

Черезъ нѣсколько минутъ всѣ стали расходиться. Питеръ попрощался съ каждымъ, выражаясь гораздо свободнѣе и лучше, чѣмъ за все свое пребываніе, и удивилъ всѣхъ той легкостью, съ которой онъ справился съ этой обязанностью.

— Вы должны непремѣнно навѣстить насъ въ Нью-Іоркѣ, — сказалъ м-ръ Пирсъ, самъ не зная зачѣмъ, такъ какъ только что передъ тѣмъ было рѣшено прекратить знакомство съ нимъ. — Мы переѣдемъ въ началѣ сентября и будемъ рады видѣть своихъ друзей.

— Благодарю васъ, — отвѣтилъ Питеръ. Онъ повернулся и пошелъ опять наверхъ, въ свою комнату. Можно было предполагать, что онъ всѣ ночь проходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Но онъ легъ въ постель. Спалъ ли онъ, мы не можемъ сказать. Во всякомъ случаѣ, лежалъ онъ очень тихо, пока первые лучи солнца не озарили неба. Тогда онъ всталъ и одѣлся. Онъ пошелъ на конюшню и объяснилъ груму, что пойдетъ на станцію пѣшкомъ, прося доставить вовремя къ поѣзду его чемоданъ. Потомъ, вернувшись домой, сказалъ лакею, что позавтракаетъ въ дорогѣ. Наконецъ, онъ отправился на станцію кружнымъ путемъ, сдѣлавъ такимъ образомъ до отхода поѣзда прогулку миль въ двѣнадцать.

Труднѣе всего было Питеру, когда пришлось отвѣчать на всѣ вопросы матери о его визитѣ. Но онъ ни разу не слукавилъ и не уклонился отъ правдиваго отвѣта, и если бы его мать захотѣла, то узнала бы всю его повѣсть. Но что то въ манерѣ Питера говорить о миссъ Пирсъ заставило миссъ Стерлингъ быть осторожной, и то, что она подмѣтила, она оставила при себѣ, только поцѣловала его на прощанье съ необычной даже для нея нѣжностью. Впродолженіе

остального его пребыванія у матери о Пирсахъ и рѣчи не было, точно они не существовали.

Миссисъ Стерлингъ не была тѣмъ, что мы называемъ «лэди», но немногія изъ принадлежащихъ къ нимъ отнеслись бы осторожнѣе и нѣжнѣе къ горю Питера, если бы имъ удалось угадать его. Любовь, участіе, кротость и отсутствіе эгоизма могутъ съ успѣхомъ замѣнить воспитаніе и приличія и имѣютъ надъ ними то преимущество, что проявляются въ новыхъ и необычныхъ условіяхъ.

Одна надежда явилась у ней: «Можетъ быть, теперь, когда — это «когда» осталось недоконченнымъ даже въ ея мысляхъ, — теперь мой мальчикъ, мой Питеръ не такъ будетъ настаивать на переселеніе въ Нью-Іоркъ».

Но она въ этомъ разочаровалась. На другой же день послѣ своего пріѣзда Питеръ заговорилъ о своемъ желаніи ѣхать въ Нью-Іоркъ черезъ недѣлю.

— Развѣ ты не думаешь, что можешь также хорошо устроиться здѣсь?— спросила миссъ Стерлингъ.

— До извѣстной степени даже лучше. Но Нью-Іоркъ манитъ меня,—отвѣтилъ Питеръ, — я хочу попробовать тамъ свои силы, а если мнѣ не удастся пробить себѣ дорогу, я вернусь сюда.

Мало матерей надѣяться на неудачу сына, но миссъ Стерлингъ позволила себѣ очень обрадоваться этой мысли. Вспомнивъ же, что Питеръ могъ потерпѣть неудачу, она пала духомъ.

— Говорятъ, что Нью-Іоркъ полонъ соблазновъ.—замѣтила она.

— Я думаю, что это такъ, мама,— возразилъ Питеръ,—но только для тѣхъ, которые хотятъ соблазняться.

— Я знаю, что могу вполнѣ довѣрять тебѣ, Питеръ, — сказала съ гордостью мать, — но я хочу, чтобы ты далъ мнѣ одно обѣщаніе.

— Какое?

— Если ты поддашься соблазну, если ты сдѣлаешь то, что не должно дѣлать, ты напишешь мнѣ откровенно?

Питеръ не былъ слѣпъ и зналъ, что такое свѣтъ. Можетъ быть, если бы мать знала его также, она увидѣла бы, какъ несправедливо было ея требованіе. Ему не хотѣлось сказать «да», и онъ не могъ сказать «нѣтъ».

— Я постараюсь всегда идти прямымъ путемъ, — отвѣтилъ онъ, — хотя это еще далеко не обѣщаніе.

— Я больше ничего не прошу у тебя, Питеръ,— продолжала миссъ Стерлингъ.

«Я прожилъ четыре года моей жизни, и въ нихъ не было ничего такого, чего бы я не могъ сказать ей, думалъ Питеръ, я думаю что и слѣдующіе пройдутъ также». Онъ прибавилъ вслухъ:

— Хорошо, мама, разъ ты этого желаешь,—я обѣщаю тебѣ.

Причина стремленія Питера въ Нью-Іоркъ заключалась главнымъ образомъ въ желаніи дѣлать что нибудь опредѣленное.

Въ настоящее время онъ старался развлечься, совершая непомѣрно длинныя прогулки и возясь съ заготовкою дровъ на зиму для матери. Онъ думалъ, что каждый шагъ, каждый взмахъ топора способствуетъ его освобожденію отъ подавляющаго чувства отсутствія цѣли въ жизни, овладѣвшаго имъ. Онъ думалъ, что ему будетъ легче, когда онъ переберется въ Нью-Іоркъ.

«Тамъ, по крайней мѣрѣ, я буду чѣмъ нибудь занятъ»,—думалъ онъ. Всѣ его стремленія и планы, казалось, потеряли всякое значеніе, и все это было вызвано чѣмъ-то, что еще десять дней тому назадъ было чуждо ему. Какъ Моисей, онъ увидѣлъ обѣтованную землю. Но Моисей умеръ, а онъ видѣлъ ее и долженъ былъ жить вдали отъ нея. У него ничего не было впереди, кромѣ стремленія забыть то, что составляло самое дорогое, самое сладкое воспоминаніе всей его жизни. Онъ вспомнилъ изреченіе: «многіе умѣютъ храбро умирать, но немногіе умѣютъ храбро жить». Три недѣли тому назадъ онъ смѣялся надъ этимъ изреченіемъ и считалъ его плодомъ французскаго цинизма. Теперь онъ готовъ былъ согласится съ нимъ, но вдругъ вспомнилъ про темно-сѣрые глаза, и это заставило его забыть о французскомъ остроуміи. Питеръ смотрѣлъ на свое разочарованіе очень серьезно, хотя спокойно. Еслибы онъ зналъ дру-

тихъ дѣвушекъ, то могъ бы быстро поправиться. Пословица говоритъ: женщина можетъ сдѣлать съ мужчиной все, — если нѣтъ другой женщины.

Въ случаѣ съ Питеромъ другой женщины не было. И, что еще хуже, мало надежды было, что она когда-либо явится.

Глава VIII.

На новомъ мѣстѣ.

Середина іюля застала Питера въ Нью-Іоркѣ, и онъ горѣлъ желаніемъ поскорѣе начать свою борьбу съ будущимъ.

Какъ мы уже говорили, Питеръ избралъ «право». Какъ и многіе изъ его сподвижниковъ, онъ плохо отдавалъ себѣ отчетъ въ предстоящей ему борьбѣ. Его школьные товарищи обсуждали различныя профессіи и пришли къ тому заключенію, что юристъ можетъ хорошо устроиться въ Нью-Іоркѣ.

Поэтому Питеръ, всѣ нью-іоркскія знакомства котораго ограничивались Уатсомъ и еще четырьмя товарищами, семьей Пирсовъ и однимъ архитекторомъ изъ его родного города, рѣшилъ, что для того, чтобы идти впередъ, необходимо устроить контору, повѣсить вывѣску и ждать кліентовъ.

На другой день послѣ его пріѣзда, онъ, прежде всего, занялся вопросомъ о квартирѣ. Выбравъ изъ газетъ объявленія нѣсколькихъ меблированныхъ домовъ, онъ отправился на поиски. Уатсъ приблизительно указалъ ему, въ какую сторону направиться, чтобы поселиться «въ приличной части города», но посмотрѣвъ и прицѣнившись къ нѣсколькимъ комнатамъ въ Тринадцатой улицѣ, недалеко отъ авеню, Питеръ увидѣлъ, что Уатсъ руководствовался въ своихъ указаніяхъ своимъ собственнымъ кошелькомъ, а не кошелькомъ своего друга.

— Не можете ли вы сказать мнѣ, гдѣ дешевые меблированные дома?— спросилъ онъ женщину, показавшую ему послѣднюю квартиру.

— Если вы гонитесь за дешевизной, такъ вамъ лучше пойти на Бликеръ-Стритъ,—съ нѣкоторымъ высокомѣріемъ отвѣчала женщина. Питеръ поблагодарилъ ее и, выйдя на улицу, обратился къ ближайшему полисмену.

— Что, это приличная улица?—спросилъ Питеръ.

— Улица—какъ улица,—сказалъ, добродушно ухмыляясь, блюститель порядка.

— Я хотѣлъ сказать, — объяснилъ Питеръ,—живутъ ли тамъ порядочные люди?

— Вѣроятно; тамъ все меблированные дома для молодыхъ людей,—отвѣчалъ полисменъ,—а вы должны лучше меня знать, каковы они.

Успокоенный Питеръ отправился на поиски и нанялъ квартиру на Бликеръ-Стритъ, не понимая, что бросился въ другую крайность. Былъ мертвый сезонъ, и ему было не трудно найти такую комнату, которая удовлетворяла его требованіямъ и была по карману. Къ обѣду онъ успѣлъ водрузить своихъ немудреныхъ пенатовъ и придать уютный видъ убогой комнатѣ третьяго этажа, насколько, при помощи нѣсколькихъ картинъ и бездѣлушекъ студенческаго времени, можно скрасить впечатлѣніе истертаго ковра, дешевой рыночной мебели и безобразныхъ обой. Спустившись внизъ къ обѣду, Питеръ познакомился съ четырьмя молодыми людьми, единственными лѣтними жильцами дома. Двое изъ нихъ были приказчики въ суконной лавкѣ, третій имѣлъ какую-то должность въ складѣ сыровъ и масла, а четвертый былъ кассиромъ въ одномъ изъ второстепенныхъ театровъ. Они оглядѣли платье Питера, прежде чѣмъ взглянули на его лицо, и хотя ихъ поклонъ былъ довольно любезенъ, но видно было, что дорожный костюмъ Питера, купленный въ магазинѣ готоваго платья въ его родномъ городѣ, его огромный галстухъ и полное отсутствіе золотыхъ вещей, не внушили имъ большого уваженія къ его персонѣ. Было очевидно, что кассиръ, не по личнымъ своимъ достоинствамъ, конечно, а скорѣе благодаря завидному знакомству съ нѣкоторыми актрисами и возможности доставать даровые билеты, игралъ за столомъ первую роль. Подъ его руководствомъ разговоръ перешелъ на театръ и другія зрѣлища. Разговоръ

этотъ былъ крайне вульгаренъ и очень скученъ. Каждый изъ нихъ желалъ порисоваться передъ новичкомъ, показать ему свое превосходство и свои знанія свѣта. Чтобы довести Питера до сознанія его ничтожества, они предлагали ему разные вопросы.

— Нравится ли вамъ?—тутъ послѣдовало имя любимой субретки.

— Какъ? вы никогда ее не видѣли. Но гдѣ же вы жили?

— О! Конечно, у нея слишкомъ красивыя ножки, чтобы забираться въ такую дыру.

Имъ очень хотѣлось разспросить Питера о немъ самомъ, но они боялись унизить свое воображаемое достоинство, высказавъ интересъ къ его ничтожной, по ихъ мнѣнію, особѣ. Однако, одинъ изъ нихъ спросилъ его, чѣмъ онъ занимается.

— Пока — ничѣмъ, — отвѣтилъ Питеръ.

— Ищетъ мѣсто,—мысленно рѣшили они и начали покровительственно обращаться съ нимъ и еще больше заважничали. Впослѣдствіи, когда обнаружилось, что онъ юристъ, имѣетъ ученую степень и хорошія средства (по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія мелкихъ приказчиковъ), они вдругъ почувствовали къ нему большое уваженіе. Но Питеръ никогда не могъ преодолѣть въ себѣ возбужденной ими инстиктивной антипатіи. Послѣ своихъ развитыхъ, образованныхъ товарищей-студентовъ, онъ едва только переносилъ ихъ общество, но никогда не заходилъ къ нимъ и не звалъ ихъ къ себѣ. Питеръ не былъ слабымъ, но находилъ, что, пробѣгавъ цѣлый день по городу, гораздо пріятнѣе проводить вечеръ за книгами. Черезъ два дня послѣ переѣзда въ Нью-Іоркъ Питеръ отправился къ своему пріятелю инженеру, посовѣтываться съ нимъ насчетъ найма конторы, такъ какъ совѣты Уатса и его указанія были очень туманны.

Мистеръ Конверсъ покачалъ головой, когда Питеръ изложилъ ему свой планъ.

— Есть ли у васъ въ Нью Іоркѣ знакомые,—спросилъ онъ, которые хотятъ поручить вамъ веденіе своихъ дѣлъ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Питеръ.

— Въ такомъ случаѣ просто безуміе начинать самостоятельное дѣло,—сказалъ м-ръ Конверсъ.—Поступайте лучше въ контору какого-нибудь хорошаго адвоката и завяжите знакомства, прежде чѣмъ начинать самому. Иначе у васъ никогда не будетъ ни одного кліента.

Питеръ покачалъ головой:

— Я уже все обдумалъ,—прибавилъ онъ, какъ будто дѣло было уже сдѣлано.

М-ръ Конверсъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ, но такъ какъ юноша былъ ему симпатиченъ, то онъ собрался обстоятельно разъяснить ему суть дѣла, когда въ эту минуту вошелъ посѣтитель. Поэтому онъ только сказалъ Питеру:

— Если такъ, принимайтесь за работу. Совѣтую вамъ присмотрѣть помѣщеніе гдѣ-нибудь на Брадвей, между Боттеръ-Стритомъ и улицей Канала.

Позднѣе, когда у м-ра Конверса было время и онъ вспоминалъ о Питерѣ, онъ качалъ головой и приговаривалъ:

— Бѣдный мальчикъ кончитъ, какъ и всѣ другіе.

«Гдѣ нибудь между Боттеръ-Стритомъ и улицей Канала»—представляло довольно обширную территорію, но Питеръ приступилъ къ дѣлу прямо и слѣдующіе три дня безъ отдыху лазалъ по лѣстницамъ, осматривая всевозможныя помѣщенія, до теплыхъ подваловъ включительно. Наконецъ, ему удалось нанять скромныхъ размѣровъ контору, недалеко отъ улицы Варта.

На другой день контора была уже меблирована конторкой, двумя стульями (такъ какъ Питеръ «пока» не мечталъ принимать больше одного кліента заразъ) и этажеркой съ нѣсколькими юридическими книгами, привезенными еще изъ Гарварда и добросовѣстно прочитанными за лѣто. Въ слѣдующій понедѣльникъ, когда Питеръ подошелъ къ дверямъ своей конторы, онъ съ радостнымъ чувствомъ прочиталъ надпись весьма черными буквами на дощечкѣ матоваго стекла:

Питеръ Стерлингъ.

Присяжный Повѣренный.

Питеръ пришелъ въ свою контору очень рано, не потому, что въ его пан-

сіонѣ рано завтракали, а потому, что аккуратность есть первый шагъ къ успѣху.

Онъ былъ сильно озадаченъ—что же ему теперь дѣлать? Онъ усѣлся передъ своей конторкой и побарабанилъ по ея крышкѣ. Потомъ всталъ и переставилъ книги на этажеркѣ, стараясь оставлять между ними равные промежутки, чтобы этимъ придать имъ болѣе внушительный видъ. Послѣ этого онъ вытащилъ одну изъ нихъ: «Ученіе объ убыткахъ», и погрузился въ нее. Впродолженіи университетскаго курса онъ два раза въ недѣлю слушалъ лекціи объ этомъ предметѣ, но все таки счелъ своимъ долгомъ посвятить ему теперь три часа. Потомъ онъ досталъ бумаги и красивымъ, четкимъ почеркомъ сдѣлалъ конспектъ прочитаннаго. Затѣмъ сравнилъ конспектъ съ текстомъ. Поставивъ книгу на полку, очень довольный твердостью своей памяти, Питеръ посмотрѣлъ на часы. Было только половина двѣнадцатаго. Онъ опять сѣлъ за конторку.

«Неужели всѣ дни будутъ похожи на сегодняшній?» спросилъ онъ самъ себя. «Первая недѣля въ городѣ прошла въ поискахъ квартиры и конторы, въ устройствѣ на новомъ мѣстѣ. Но теперь?»

Онъ не могъ читать свои юридическія книги больше четырехъ часовъ въ день, если хотѣлъ вынести изъ нихъ что-нибудь. Что же дѣлать съ остальнымъ временемъ? Чѣмъ заняться, чтобъ не думать о... просто чтобы не думать? Питеръ посмотрѣлъ въ окно на скучный рядъ крышъ и внизъ на пустой, грязный дворъ. Онъ крѣпко сжалъ зубы и вернулся къ своей книгѣ. Мысли его блуждали, онъ не могъ сосредоточиться и пришелъ къ убѣжденію, что сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать въ такое жаркое іюльское утро.

Онъ снова посмотрѣлъ на часы, чтобы убѣдиться, что они идутъ вѣрно, открылъ дверь и выглянулъ на площадку; она была пуста, всѣ двери закрыты. Тогда Питеръ спустился по лѣстницѣ. Улица тоже имѣла пустынный, лѣтній видъ. Онъ вернулся въ контору. Сѣвъ опять за конторку и открывъ ту же книгу «объ убыткахъ», онъ взялъ перо и началъ списывыть страницу за страницей. Сначала онъ писалъ усердно, потомъ сталъ дѣлать паузы, наконецъ, рука перестала слѣдить за строчками, почеркъ сталъ неразборчивъ. Тогда Питеръ пересталъ писать. Слова смѣшались въ его глазахъ, бумага куда-то уплыла, и онъ вдругъ увидѣлъ темно-сѣрые глаза. Онъ опустилъ голову на столъ, и вся его мужественная фигура задрожала.

Нѣтъ болѣе ужаснаго испытанія мужества, какъ пассивное ожиданіе. Многіе изъ насъ сумѣютъ быть мужественными, когда у нихъ есть дѣло, но сохранить свое мужество мѣсяцы, года, не имѣя никакого дѣла, ни надежды на будущее! Таково было положеніе Питера. Ждать, ждать—но чего? Если даже явятся кліенты, если придетъ извѣстность, успѣхъ—для кого?

Нѣтъ хуже одиночества, какъ одиночество въ большомъ городѣ. Кругомъ него тѣснились милліоны народа, но ни одна душа изъ этого милліона не знала, что Питеръ просидѣлъ у своей конторки неподвижно, уронивъ голову на руки, отъ полудня до разсвѣта слѣдующаго дня.

Глава IX.

Чужое счастье.

Окно конторы Питера выходило на востокъ, и лучи утренняго солнца, свѣтившіе ему прямо въ лицо, заставили его вернуться къ сознанію дѣйствительности. Онъ всталъ и спустился по лѣстницѣ, какъ разъ въ то время, когда ночной сторожъ открывалъ подъѣздъ. Къ счастью, этотъ человѣкъ уже раньше видалъ его и поэтому не принялъ его за мазурика; сказавъ сторожу вѣжливо: «съ добрымъ утромъ», Питеръ вышелъ на улицу.

Утро было дѣйствительно прекрасное, дышавшее той свѣжестью и прохладой, которыхъ даже большой городъ не можетъ отнять у лѣтняго разсвѣта. Питеръ почему-то чувствовалъ себя гораздо бодрѣе. Можетъ быть, отъ сознанія, что чисто физическая выносливость помогла ему побороть тоскливое чувство одино-

чества, а можетъ быть, просто молодость брала свое. Во всякомъ случаѣ, онъ смутно чувствовалъ, что будущее, какъ бы печально и безнадежно оно ни было, еще не было завоевано, и что онъ начнетъ свою борьбу съ нимъ, будь что будетъ!

Питеръ повернулъ къ рѣкѣ и, купивъ съ проѣзжавшей мимо телѣжки пинту того, что бѣдный городской людъ покупаетъ подъ видомъ молока, направился на сѣверъ и, ускоряя шагъ, шелъ до тѣхъ поръ, пока не оставилъ за собой городъ и не достигъ новой аллеи, которая еще не была закончена. Пройдя по ней до конца, онъ вернулся домой, облился холодной водой и послѣ этого почувствовалъ, что готовъ встрѣтиться съ будущимъ лицомъ къ лицу и вступить съ нимъ въ борьбу.

Результатомъ его прогулки было то, что онъ въ первый разъ опоздалъ къ завтраку. Театральный кассиръ, узнавъ, что Питеръ не ночевалъ дома, собирался подразнить его, но не рѣшился исполнить своего намѣренія. Уже не въ первый разъ онъ со своимъ пріятелемъ собирался «пробрать» Питера—въ отсутствіи послѣдняго,—но ни разу не отважился на это, когда онъ былъ здѣсь. Кассиру также хотѣлось спросить Питера: «какой это франтъ присылаетъ вамъ такія письма?» Это послѣднее намѣреніе относилось къ письму, лежавшему около прибора Питера, и которое они, всѣ четверо, по очереди разглядывали. У письма былъ очень важный видъ. Оно было написано на очень толстой желтоватой бумагѣ. На немъ былъ штемпель одного изъ самыхъ модныхъ дачныхъ мѣстъ. Наконецъ, и запечатано оно было сюргучемъ, что бываетъ очень рѣдко, и на печати былъ гербъ, что встрѣчается еще рѣже. Они всѣ были очень разочарованы, видя, что Питеръ опустилъ письмо въ карманъ, не распечатывая его.

Питеръ прочелъ письмо послѣ завтрака въ своей конторѣ. Вотъ что оно гласило:

«Дорогой старый другъ!

«Въ то утро, когда ты уѣхала, я заспался, какъ сурокъ, и не успѣлъ какъ слѣдуетъ проститься съ тобой. Ты знаешь, я никогда не встаю рано, это выше моихъ силъ, и потому ты самъ виноватъ, что мы не наговорились на прощанье, такъ какъ отказался впустить меня въ свою комнату вечеромъ. Если бы я уже тогда могъ сообщить тебѣ ту новость, которой хочу подѣлиться теперь, то ты не удержалъ бы меня, даже если бы мнѣ пришлось выломать дверь.

«Товарищъ, прелестнѣйшая дѣвушка въ мірѣ сказала мнѣ, что любитъ меня, и мы оба счастливы, насколько это возможно смертнымъ. Я увѣренъ, что ты ни минуты не будешь сомнѣваться—кто она?

«Я теперь прискакалъ домой, подѣлиться своей радостью со своими, но въ самомъ началѣ будущей недѣли опять поѣду въ «Кустарники»—переговорить съ м-ромъ Пирсомъ—понимаешь?

«Мой родитель рѣшилъ, что годика два путешествій могутъ остепенить меня лучше, чѣмъ что бы то ни было, а такъ какъ эта перспектива мнѣ улыбается, то я не считаю нужнымъ мѣнять ее ради моихъ новыхъ плановъ, только вмѣсто того, чтобы путешествовать «solo», у насъ будетъ solitude à deux. Поэтому мы обвѣнчаемся въ сентябрѣ въ «Кустарникахъ» и тотчасъ же отплывемъ въ Европу.

«А теперь я хочу, чтобы ты мнѣ помогъ, какъ всегда и во всемъ помогалъ мнѣ. Короче сказать, я хочу, чтобы ты былъ моимъ шаферомъ, такъ какъ ты мой лучшій другъ. Прими къ свѣдѣнію, что шаферъ — принадлежность англійской брачной церемоніи, но наше элегантное общество рѣшило, что онъ необходимъ при заключеніи законнаго брака. Дѣла шаферу собственно немного. Самая важная обязанность, выпадающая на его долю, это, кажется, держать шляпу жениха и не наступать на шлейфъ невѣсты, что уже значительно труднѣе.

«Мамаша желаетъ, чтобы я ѣхалъ кататься съ нею, поэтому продолжаю въ слѣдующемъ номерѣ.

Твой У».

Питеръ не изучалъ права въ это утро. Но просидѣвъ часа два неподвижно на своемъ стулѣ, глядя на противопо-

ложную стѣну, точно онъ на ней что-нибудь видѣлъ, Питеръ взялъ перо и, не останавливаясь и не мѣняясь въ лицѣ, написалъ слѣдующія два письма:

«Дорогой Уаттсъ!

«Ты почти не удивилъ меня своимъ письмомъ. Изъ твоихъ частыхъ посѣщеній «Кустарниковъ» и изъ твоей манеры говорить о миссъ Пирсъ я понялъ, что ты любишь ее. Познакомившись съ ней, я понялъ, что иначе и быть не могло, и потому я былъ уже подготовленъ къ твоей новости. Ты дѣйствительно счастливъ, такъ какъ сумѣлъ завоевать такую дѣвушку. Не нужно и говорить, что я желаю тебѣ много радостей и полнаго счастья.

«Мнѣ кажется, ты могъ бы найти кого-нибудь изъ товарищей, который сумѣлъ бы лучше меня исполнить роль шафера, но если ты думаешь иначе— я къ твоимъ услугамъ.

«Ты долженъ сообщить мнѣ о подробностяхъ, о костюмѣ и пр. Можетъ быть, ты дашь мнѣ идею подарка? Я помню, миссъ Пирсъ говорила, что любитъ жемчугъ. Подходитъ ли онъ для подарка?

Твой душою, Питеръ».

«Дорогая миссъ Пирсъ!

«Въ сегодняшнемъ своемъ письмѣ Уаттсъ сообщилъ мнѣ о своемъ счастьи. Боясь, что воспоминаніе о моей ошибкѣ огорчаетъ васъ до сихъ поръ, пишу вамъ, чтобы сказать, что ваше счастье для меня дороже жизни, и то, что это составляетъ, не можетъ быть для меня ничѣмъ, какъ только самымъ счастливымъ извѣстіемъ.

«Если я только чѣмъ-нибудь когда-нибудь могу услужить вамъ, вы сдѣлаете мнѣ большую честь, вспомнивъ обо мнѣ.

Всегда преданный вамъ

Питеръ Стерлингъ».

Окончивъ эти письма, Питеръ снова погрузился въ созерцаніе стѣны. Онъ изучалъ ее такъ усердно, что забылъ о времени ленча. На стѣнѣ были три трещины, расположенныя такъ, что составляли приблизительно очертаніе Италіи, но хотя Питеръ созерцалъ эту стѣну впродолженіи долгихъ часовъ и даже недѣль, онъ замѣтилъ эту интересную подробность уже значительно позже.

Рано утромъ и послѣ обѣда, несмотря на лѣтній зной, Питеръ предпринималъ длинныя прогулки. Впродолженіи дня онъ сидѣлъ въ своей конторѣ безъ всякаго дѣла, если не считать писанія изрѣдка писемъ къ матери да письма Уаттсу по поводу мелкихъ подробностей приближающейся свадьбы. Единственнымъ отступленіемъ отъ этой рутины были двукратное посѣщеніе портного да визитъ къ ювелиру, окончившійся пріобрѣтеніемъ жемчужной брошки, совершенно опустошившимъ его кошелекъ.

Питеръ почувствовалъ настоящее облегченіе, когда, послѣ томительнаго бездѣйствія послѣдняго времени, очутился наканунѣ свадьбы въ «Кустарникахъ».

Питеръ былъ крайне удивленъ, какъ легко для него прошли эти двадцать четыре часа. Правда, домъ былъ полонъ народа, и каждый былъ слишкомъ занятъ, чтобы смущать своимъ вниманіемъ молчаливаго шафера, онъ могъ дѣлать, что ему угодно, и никто его не замѣчалъ. Онъ пріѣхалъ поздно, и потому не имѣлъ случая встрѣтиться съ невѣстой, прежде чѣмъ, поспѣшно одѣвшись къ обѣду, сошелъ внизъ и присоединился къ обществу, которое ждало его, чтобы садиться за столъ. Питеръ свободно поздоровался со всѣми, даже съ миссъ Пирсъ, выказавъ при этомъ гораздо меньше смущенія, чѣмъ она.

Что было еще удивительнѣе, онъ спокойно предложилъ руку барышнѣ, которой его представили, и усадивъ ее, болталъ съ ней, не думая о томъ, что онъ говоритъ. Разговаривалъ онъ машинально, только чтобы спастись отъ своихъ мыслей и чувствъ.

— Я вовсе не нашла его такимъ,— говорила барышня, обращаясь къ миссъ Пирсъ послѣ обѣда, съ чисто-женской неопредѣленностью, за которой скрывался намекъ на предыдущій разговоръ.

— Онъ не особенно разговорчивъ, но съ нимъ можно справиться. Я попробовала его на тему о Нью-Іоркѣ, и нашла, что онъ знакомъ съ довольно странными уголками его и можетъ о нихъ разсказать. Онъ даже такъ живописно говорилъ о нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, что мнѣ казалось, будто я ихъ вижу.

— Вы можете поздравить себя съ успѣхомъ, миссъ Леруа,—сказала миссисъ Пирсъ,—мы ничего не могли вытянуть изъ него.

— Да? Но мнѣ, право, нѣтъ до него никакого дѣла, и, между нами, я думаю, онъ совсѣмъ меня не одобряетъ. Еслибъ Элленъ не говорила мнѣ о немъ раньше, я была бы съ нимъ очень холодна,—у него такой неприступный видъ! Онъ говорилъ со мной потому, что это было его обязанностью, но видно было, что разговоръ не доставлялъ ему никакого удовольствія.

— У него просто такая несчастная манера держаться,—возразила Элленъ,—я убѣждена, что въ душѣ онъ боится насъ. По крайней мѣрѣ и Уаттсъ такъ думаетъ. Онъ ведетъ себя какъ... какъ... ты знаешь, что я хочу сказать, Алиса.

— Отлично понимаю,—отвѣтила Алиса.—Можешь не распространяться. Онъ такъ холоденъ, неповоротливъ и молчаливъ, что начинаешь замерзать въ его присутствіи и находишь, что теряешь даръ слова. Пробуешь разговаривать съ нимъ и все время чувствуешь свое ничтожество.

— Какой вздоръ,—сказала Элленъ.—Съ нимъ говоришь какъ... какъ.. со старымъ дѣдушкой, котораго уважаешь, но находишь страшно скучнымъ и старомоднымъ.

— Но хуже всего его манера смотрѣть на васъ, такъ серьезно, даже когда съ нимъ шутишь. Я думаю, что право недурна собой, а между тѣмъ на лицѣ мистера Стерлинга такъ ясно было написано: «я смотрю на васъ по временамъ, такъ какъ этого требуетъ учтивость, разъ вы со мною говорите, но я предпочитаю смотрѣть на картину, которая виситъ надъ вашей головой». Я сомнѣваюсь, чтобы онъ замѣтилъ, какъ я причесана или какого цвѣта мои глаза. Такіе люди просто бѣсятъ меня! Когда мужчины кончатъ курить, я заставлю его обратить на меня вниманіе.

Но миссъ Леруа, какъ ни старалась, потерпѣла неудачу. Питеръ больше не обращалъ вниманія на дѣвушекъ. Когда онъ былъ студентомъ, его часто безпокоила мысль о томъ, что онѣ думаютъ объ немъ и какъ къ нему относятся, теперь уже этотъ вопросъ пересталъ его интересовать.

Питеръ въ этотъ день походилъ на человѣка, который долго стремился къ чему-нибудь и вдругъ убѣдился, что это ему не нужно; такъ и для него теперь мнѣніе женщинъ потеряло свою цѣну.

Можетъ быть, въ этомъ отношеніи повторялась басня о «Лисицѣ и виноградѣ», во всякомъ случаѣ Питеръ съ этихъ поръ пересталъ интересоваться женщинами. Онъ старался быть любезнымъ, считая это своею обязанностью, но и только. Онѣ могли смѣяться надъ нимъ, оскорблять и избѣгать его, ему было все равно. Женщины были изгнаны изъ его жизненныхъ плановъ.

Такое пренебреженіе, какъ мы уже упоминали объ этомъ, неизбѣжно должно было привести къ противоположнымъ результатамъ въ отношеніи женщинъ къ Питеру.

Прежній Питеръ, старавшійся нравиться имъ, былъ невыразимо скученъ. Питеръ, избѣгающій барышень, говорящій съ ними только по обязанности, съ разсѣяннымъ взглядомъ и скучающимъ голосомъ—былъ совсѣмъ другой.

На слѣдующее утро по пріѣздѣ Питеръ былъ свидѣтелемъ у своего друга и убѣдился, что на свадьбѣ всѣ мужчины—пятое колесо телѣги. Его не пригласили еще на день, какъ всѣхъ остальныхъ гостей, и онъ ускользнулъ, какъ только окончились его обязанности, и сѣлъ на поѣздъ, доставившій его въ тотъ же вечеръ въ Нью-Іоркъ.

Черезъ недѣлю Питеръ попрощался съ молодыми на палубѣ парохода.

— Не забывай насъ, Питеръ!—крикнулъ Уатсъ, когда были отданы причалы, и пароходъ медленно двинулся къ выходу изъ гавани.

Питеръ помахалъ въ отвѣтъ шляпой и, повернувшись, пошелъ съ пристани.

«Можетъ ли онъ забыть ихъ?» вотъ вопросъ, который онъ предложилъ самъ себѣ.

Глава X.

Ожиданіе.

«Мой другъ,—говорилъ умудренный опытомъ философъ юношѣ, который стремился скорѣе завоевать міръ, со всѣмъ пыломъ и нетерпѣніемъ своего возраста,—молодежь должна многому научиться, но самое вѣрное для человѣка—никогда не дозволить никому перещеголять себя въ умѣньи ожидать».

Питеръ вернулся къ своей конторѣ и началъ ожидать. Онъ пересталъ смотрѣть на стѣну своей конторы и опять принялся за книги. Одолѣвъ первую, онъ по очереди перечиталъ всѣ свои юридическія книги.

Прочитавъ ихъ, онъ началъ покупать новыя и изучалъ ихъ очень усидчиво и основательно. Во время одной изъ своихъ прогулокъ Питеръ зашелъ въ библіотеку для самообразованія, познакомился съ ея уставомъ и сталъ аккуратно брать въ ней книги. Питеръ всегда любилъ читать, но теперь онъ посвящалъ чтенію три—четыре часа въ день, кромѣ своихъ юридическихъ занятій. Хотя по натурѣ онъ былъ медлителенъ, число не только прочтенныхъ, но изученныхъ имъ томовъ было прямо поразительно. Если книга ему нравилась, онъ тотчасъ покупалъ ее, такъ какъ его скромныя потребности позволяли ему это дѣлать. Отъ времени до времени Питеръ старался читать классиковъ, чтобы не забыть древнихъ языковъ; для той же цѣли онъ читалъ вслухъ французскія и нѣмецкія книги. Не прошло и года, какъ Питеръ сталъ извѣстенъ во многихъ книжныхъ лавкахъ и безпрепятственно могъ рыться въ старыхъ и новыхъ книгахъ, не боясь вмѣшательства и замѣчаній приказчиковъ. «Не стоитъ и пробовать всучить ему какую-нибудь книгу,—замѣтилъ разъ одинъ изъ нихъ.—Онъ всегда знаетъ, чего хочетъ». Программа его чтенія расширилась отъ классиковъ до представителей новѣйшей литературы и дополнилась новымъ развлеченіемъ, къ которому онъ теперь привыкъ. Во время своихъ длинныхъ прогулокъ по городу, чтобы нарушить ихъ однообразіе, онъ иногда останавливался поболтать съ народомъ—съ полисменами, торговцами, матросами и разносчиками. Ему было все равно—съ кѣмъ.

Часто онъ забирался на фабрики и лѣсопильные дворы, спросивъ, можетъ ли онъ «посмотрѣть», приглядывался къ способамъ обработки и разспрашивалъ надсмотрщиковъ и рабочихъ. Если кто-нибудь, случалось, говорилъ ему: «какое вамъ дѣло, вѣдь вы баринъ», онъ отвѣчалъ: «мой отецъ былъ надсмотрщикомъ по фабрикѣ»—и ледъ былъ сломанъ. Однако, Питеру рѣдко приходилось прибѣгать къ этому средству, онъ одѣвался крайне просто и умѣлъ такъ говорить съ рабочими, что они считали его своимъ братомъ.

Послѣ подобныхъ разговоровъ и осмотровъ онъ отправлялся въ библіотеку и бралъ книги о данномъ производствѣ, находя, что только такимъ образомъ возможно изучить техническія сочиненія; и въ самомъ дѣлѣ онъ пріобрѣлъ большой запасъ свѣдѣній о самыхъ разнородныхъ предметахъ. Мы не знаемъ, дѣйствительно ли онъ увлекался такими книгами, какъ «Наши пожарные», которую прочелъ отъ доски до доски, послѣ осмотра ближайшаго депо и болтовни съ командой, или «Система сточныхъ трубъ» Лотама, которую онъ прочелъ во время канализаціи пригородовъ Нью-Іорка. Вѣроятно, одиночество способствовало такому чтенію, но это занятіе было все-таки много полезнѣе разсматриванія стѣнъ своей конторы.

Когда открылись суды, Питеръ сталъ слѣдить за указателемъ, и если какое-нибудь дѣло обѣщало быть интереснымъ или должны были фигурировать въ немъ современныя юридическія свѣтила, онъ отправлялся въ засѣданія и внимательно слушалъ.

Питеръ пробовалъ записывать рѣчи и возстановлять ихъ по своимъ запискамъ, и кончилъ тѣмъ, что впродолженіи всей зимы сталъ посвящать два вечера въ недѣлю изученію стенографіи. Все это служило ему только для нравственной дисциплины, такъ какъ каждое маломальски интересное дѣло печаталось; но Питеръ старался уничтожить въ своей

душѣ воспоминаніе о темно-сѣрыхъ глазахъ и усиленную дѣятельность считалъ лучшимъ средствомъ для достиженія этого.

Когда пришла зима, и большія прогулки сдѣлались не всегда возможны, онъ старался замѣнить ихъ чѣмъ-нибудь другимъ. Больше по необходимости, чѣмъ изъ любви къ искусству, Питеръ сталъ посѣщать выставки, концерты и театры, сообразуясь, конечно, со своимъ карманомъ, почему послѣдніе и посѣщались рѣже всего. Искусство и музыка были мало доступны ему, но онъ много читалъ объ нихъ періодическихъ обозрѣній ежедневной прессы, и спеціальныхъ сочиненій, и чѣмъ меньше онъ понималъ эти послѣднія, тѣмъ усерднѣе и терпѣливѣе изучалъ ихъ.

Одна черта ново-англійскаго воспитанія осталась въ Питерѣ: онъ привезъ съ собой рекомендательное письмо отъ конгрегаціи церкви своего роднаго города къ причту одной изъ большихъ Нью-Іоркскихъ церквей той же секты и, будучи принятъ въ число ея прихожанъ, арендовалъ себѣ мѣсто и сталъ постояннымъ посѣтителемъ какъ утреннихъ, такъ и вечернихъ службъ.

Черезъ нѣсколько времени пасторъ сдѣлалъ ему визитъ. Это было первое знакомство Питера въ Нью-Іоркѣ.

— Онъ производитъ впечатлѣніе спокойнаго, начитаннаго юноши,—говорилъ пасторъ,—я сочту своимъ долгомъ изрѣдка навѣщать его.

Но пасторъ имѣлъ очень большой и богатый приходъ, былъ очень занятой человѣкъ и его намѣреніе никогда не было приведено въ исполненіе.

Питеръ провелъ рождественскіе праздники у матери, которая очень сокрушалась что онъ похудѣлъ

— Ты слишкомъ много работалъ, — съ тревогой говорила мать.

— Что ты, мама, у меня не было ни одного кліента,— смѣялся Питеръ.

— Ну такъ ты значитъ волновался, что ихъ у тебя нѣтъ,—возражала она,— отлично знаю, что дѣло вовсе не въ этомъ. Она надѣялась, что Питеръ удовлетворится шестимѣсячнымъ опытомъ и останется съ ней, но онъ ни разу не упомянулъ о ея желаніи. Мать въ душѣ удивлялась, какъ это въ Нью-Іоркѣ не оцѣнили ея сына.

Когда Питеръ вернулся въ столицу, онъ измѣнилъ прежній порядокъ своей жизни. Меблированныя комнаты, въ которыхъ онъ жилъ, съ приближеніемъ зимы наполнились, и именно тѣми людьми, которыхъ онъ уже слишкомъ хорошо зналъ. Хотя онъ встрѣчался съ ними только за общимъ столомъ, окружающая его атмосфера стала для него просто невыносимой.

Поэтому, когда освободилась комнатка рядомъ съ его конторой, ходившая до смѣшнаго по низкой цѣнѣ, онъ рѣшилъ устроить въ ней свою спальню. И такъ, вернувшись отъ матери, онъ прямо проѣхалъ на новую квартиру.

Питеръ отдѣлалъ свою комнату крайне просто: единственная роскошь, которую онъ себѣ позволилъ, была ванна, предметъ, весьма необычайный въ дѣловой Нью-Іоркской конторѣ, такъ какъ совѣсть никто не моетъ.

Питеръ выучился у своей матери,—варить кофе; сталъ питаться по европейскому образцу, покупая самъ булки и масло и завтракая у себя дома. Обѣдалъ онъ тамъ, гдѣ его заставалъ обѣденный часъ во время прогулки. Онъ замѣтилъ, что не дѣлаетъ при этомъ никакой экономіи, но чувствовалъ себя свободнымъ идти, куда хочетъ, и дѣлать, что хочетъ.

Питеръ ничего не слышалъ о молодыхъ. Уаттсъ обѣщалъ писать и прислать свой адресъ — «какъ только мы рѣшимъ, гдѣ будемъ проводить зиму: въ Италіи или на берегахъ Нила». Однако письмо не приходило. Питеръ зашелъ къ Пирсамъ, но не засталъ ихъ дома, а такъ какъ, повидимому, никто не обратилъ вниманіе на его карточку, онъ вывелъ изъ этого свое заключеніе и не повторилъ визита.

Такъ прошелъ первый годъ пребыванія Питера въ Нью-Іоркѣ. Онъ занимался, читалъ, гулялъ, а главное — ждалъ. Кліенты не являлись и казались не ближе, чѣмъ въ тотъ день, когда Питеръ въ первый разъ прочиталъ свое имя на дверяхъ своей конторы. «Сколько

же времени мнѣ еще ждать? Долго ли выдержитъ мое терпѣніе?» Вотъ какіе вопросы предлагалъ онъ себѣ, когда допускалъ себя на одну минуту терять мужество. И тогда Питеръ снова принимался смотрѣть въ стѣну и мечтать о темно-сѣрыхъ глазахъ.

Глава XI.

Новые друзья.

М-ръ Конверсъ считалъ, что для Питера единственный шансъ на успѣхъ это — пріобрѣсти себѣ друзей. Но въ этотъ первый годъ Питеръ не пріобрѣлъ даже ни одного серьезнаго знакомства. На второе лѣто кругъ его знакомыхъ значительно расширился, однако въ такомъ направленіи, которое обѣщало весьма мало дѣловой практики.

Когда суды и музей снова закрылись по случаю жаркой погоды, когда прекратились концерты и спектакли, Питеръ нашелъ, что теперь ему труднѣе убивать время, такъ какъ онъ уже хорошо изучилъ городъ. Онъ все-таки много гулялъ, что бы хоть дышать свѣжимъ воздухомъ Часто, когда жара спадала къ вечеру, Питеръ бралъ книгу и шелъ читать въ одинъ изъ парковъ.

Не далеко отъ его конторы, на востокъ, гдѣ сходились подъ угломъ двѣ улицы, было не большое открытое пространство, слишкомъ незначительное, чтобы назвать его скверомъ, даже если бы оно не было треугольнымъ. Здѣсь, въ тѣни двухъ весьма тощихъ деревьевъ, со всѣхъ сторонъ окруженныхъ мрачными складами, стояло нѣсколько скамеекъ. Хотя эти нѣсколько квадратныхъ футовъ пространства были единственной площадью на полъ-мили вокругъ мѣсто было пустынное и скучное, но несмотря на это имѣло какую то притягательную силу въ глазахъ Питера, и онъ, неутомимый ходокъ, предпочиталъ проводить свое время здѣсь, вмѣсто того, чтобы пойти въ паркъ, лежавшій не особенно далеко.Этой притягательной силой были дѣти.

Въ нѣсколькихъ стахъ футовъ отъ площадки былъ одинъ изъ самыхъ населенныхъ бѣднякьми кварталовъ Нью-Іорка. Они не имѣли права жить на этомъ мѣстѣ, такъ какъ именно здѣсь каждый клочокъ земли былъ нуженъ подъ склады товаровъ, но впадина, въ которой стояли ихъ домики, была когда то болотомъ, и не надежный грунтъ, а можетъ быть и нездоровый воздухъ, препятствовали постройкѣ тамъ складовъ и магазиновъ, которые окружаютъ впадину со всѣхъ сторонъ. Неудобное подъ складъ мѣсто было предоставлено бѣднякамъ, такъ какъ цѣнные товары требуютъ хорошаго помѣщенія, и въ то же время всякое мѣсто достаточно хорошо для бѣднаго человѣчества. Нельзя сказать, что бы было пріятно проходить черезъ этотъ кварталъ; тамъ было грязно, жарко, пахло скверно, а толпившіеся на улицѣ люди были отмѣчены печатью тяжелаго труда и горя. Вѣроятно жить тамъ было не лучше, это подтверждалось стремленіемъ дѣтворы въ маленькій, жалкій мощеный уголокъ безъ воздуха, про который мы уже говорили. Здѣсь можно было видѣть дѣтей съ пяти часовъ утра и до полуночи. Здѣсь выставивъ сторожей для предупрежденія о приближеніи буки, т.-е. полисмена, они играли въ мячъ; здѣсь «кошка и мышка» помогала бѣднымъ малышамъ забывать свои невзгоды, здѣсь дѣвочки весело прыгали черезъ веревку и играли въ пятнашки, не смотря на удушливый зной. Здѣсь по вечерамъ Питеръ курилъ и наблюдалъ за дѣтворой.

Въ первое время онъ возбуждалъ подозрѣніе, и веселье замѣтно утихало при его появленіи. Но Питеръ такъ спокойно сидѣлъ на скамейкѣ и дымилъ трубкой, точно его и не было. Черезъ нѣсколько времени между ними завязались сношенія. Разъ вечеромъ Питеръ принесъ съ собой палочку и, закуривъ трубку, принялся строгать ее перочиннымъ ножомъ. Быстро глазѣя, дѣтвора тотчасъ стала съ интересомъ слѣдить за нимъ, и не прошло и четверти часа, какъ до пятидесяти ребятишекъ сидѣли полукругомъ на горячей мостовой, слѣдя за работой, затаивъ дыханіе. Когда въ концѣ концовъ палочка обратилась въ великолѣп-

ный свистокъ, напряженный радостный вздохъ пронесся между мальчуганами. Но когда свистокъ, поступилъ въ ихъ полное распоряженіе то никакія слова не могли выразить ихъ восторга. На слѣдующій вечеръ, старый обрывокъ каната, прослужившій «скакалкой» долгіе дни и помогавшій много разъ скрасить безцвѣтную жизнь маленькихъ оборванцевъ, лопнулъ окончательно, такъ что его даже и связать нельзя было, такъ онъ истерся объ мостовую. Видя это Питеръ поднялся съ мѣста, направился въ мелочную лавочку по сосѣдству и скоро вернулся, неся настоящую «скакалку», съ настоящими деревянными ручками! Съ этихъ поръ «настоящіе» волчки, «настоящія» куклы, «настоящіе» мячики и другіе «настоящіе», хотя дешевенькіе игрушки, которыя раньше только снились, и которыя старались замѣнить самодѣльными, начали появляться въ рукахъ бѣдныхъ малышей. Они не могли устоять передъ такимъ искуснымъ подкупомъ, и скоро Питеръ сошелся съ ними такъ, какъ только могъ желать. Онъ узналъ ихъ имена, разбиралъ ихъ ссоры, былъ повѣреннымъ всѣхъ ихъ горестей. Это былъ грязный, шумный, беззаконный и безбожный народецъ, но наблюдать ихъ было преинтересно, такъ что нашъ одинокій мечтатель отъ души привязался къ нимъ. Не смотря на свою преждевременную огрубѣлость, дѣти были настоящія дѣти и отвѣчали горячо на его дружескую ласку.

Черезъ нѣсколько времени Питеръ попробовалъ не только дарить игрушками, но и научить ихъ чему нибудь полезному. Онъ купилъ не дорогой наборъ столярныхъ инструментовъ, и вечера въ скверикѣ были посвящены изготовленію, подъ его руководствомъ, всевозможныхъ предметовъ.

Маленькая ручная тачка, коробка для ножей и вилокъ, подставка для часовъ и другія не хитрыя вещицы были сдѣланы одна за другой. Всѣ мальчики и даже нѣкоторыя изъ дѣвочекъ, принимали участіе въ работѣ. Одинъ отпиливалъ кусокъ доски, другой чертилъ на ней линіи карандашомъ, третій распиливалъ доску по начертеннымъ линіямъ, слѣдующій вертѣлъ буравчикомъ дырочки, слѣдующій свинчивалъ отдѣльныя части, слѣдующій сглаживалъ оконченную вещь стеклянной бумагой и т. д. Работа подвигалась крайне медленно, но за то каждый, кто только хотѣлъ, принималъ въ ней участіе, а остальные стояли кругомъ и смотрѣли. Когда вещь была готова, ее разыгрывали по жребію, и какъ счастливъ былъ тотъ, кому она доставалась!

Иногда Питеръ приносилъ съ собой книгу и читалъ вслухъ дѣтямъ. Онъ былъ крайне удивленъ, замѣтивъ, что поучительныя исторіи и волшебныя сказки не пользовались любовью слушателей. Всевозможныя же приключенія въ дикихъ странахъ имѣли гораздо большій успѣхъ, дѣти увлекались изслѣдованіями въ центральной Африкѣ, восхожденіями на швейцарскія горы, битвами съ дикими индѣйцами, и попытками открыть сѣверный полюсъ. У нихъ была странная любовь къ пыткамъ, кровопролитіямъ и убійствамъ, но не было у нихъ и недостатка въ смѣтливости и наблюдательности.

— Кажется мнѣ, что этотъ парень вретъ,—говорилъ одинъ изъ маленькихъ слушателей про разсказъ одного извѣстнаго изслѣдователя Африки, прославившагося также умѣніемъ рекламировать себя.

— Важная штука!—комментировалъ другой, когда Питеръ, чтобы не отказать просьбѣ почитать что нибудь, вынужденъ былъ выбрать отрывокъ изъ «Опытовъ» Маколея, а именно описаніе Калькуты.

— Послушай, баринъ, я не вѣрю, чтобы онъ самъ не бывалъ тамъ, онъ не съумѣлъ бы такъ хорошо разсказать, если бы не видѣлъ своими глазами.

Какъ только вліяніе Питера упрочилось, онъ по пробовалъ дѣйствовать на нравственную сторону своей аудиторіи. Каждая драка, каждая ссора тщательно изслѣдовалась имъ, и виноватый получалъ выговоръ. Потомъ слѣдовало приказаніе, чтобы не смѣли ругаться, и хотя это и было противно инстинкту и привычкамъ ребятишекъ, приказаніе ста

ло свято исполняться. Конечно, бывали случаи, что у кого нибудь срывалось крѣпкое словечко, но Питеръ не взыскивалъ за такую «спорадическую» брань, за то закоренѣлыхъ ругателей преслѣдовалъ, лишая своего расположенія.

Дѣвочкамъ Питеръ внушалъ, что не хорошо показывать другъ другу языкъ и дѣлать гримасы, что это тоже родъ брани, «такъ какъ это показываетъ всѣмъ, что въ вашемъ сердцѣ ненависть, что много хуже дурныхъ словъ и гримасъ».

Питеръ рисковалъ быть осмѣяннымъ, но дѣти не смѣялись надъ нимъ, напротивъ, его проповѣдь внушала имъ еще большее уваженіе къ нему.

Не много времени прошло, а Питеръ уже не могъ показываться на ближайшихъ улицахъ безъ того, чтобы его не привѣтствовали восторженные крики. Старшіе тоже стали вѣжливо здороваться съ нимъ и любезно ему улыбаться. Дѣти конечно разсказывали родителямъ о немъ, объ его чудныхъ подаркахъ и искусствѣ владѣть ножомъ.

— Онъ умѣетъ вырѣзать ножомъ все, что ни попросишь!

— Онъ знаетъ, изъ чего сдѣлана каждая вещь!

— Онъ можетъ завязать узелъ на шестнадцать ладовъ!

— Онъ умѣетъ дѣлать треугольники изъ бумаги!

— И онъ въ дружбѣ съ полисменомъ!

Подобныя похвалы и тысячи другихъ пѣли ребятишки своему другу. И потому старшіе улыбались и кивали ему, встрѣчаясь съ нимъ, и Питера хорошо знали сотни совершенно незнакомыхъ ему людей.

Но прошелъ еще годъ, а все таки кліенты не являлись!

ГЛАВА XII.

Первый кліентъ.

Въ жаркій іюльскій день, черезъ два года послѣ своего пріѣзда въ Нью-Іоркъ, Питеръ сидѣлъ въ своей конторѣ и писалъ матери. Онъ только что вернулся въ городъ послѣ своего ежегоднаго визита къ матери, и вернулся съ чувствомъ разочарованія, потому что она уговаривала его бросить свою попытку составить себѣ карьеру въ Нью-Іоркѣ, и вернуться въ родной городъ. Онъ отвѣтилъ матери только, что еще не считаетъ себя побѣжденнымъ, но просьба и ея огорченіе раздосадовали Питера.

Пока онъ писалъ, кто-то постучалъ въ дверь и, на его «войдите», вошелъ простой рабочій и робко остановился передъ Питеромъ.

— Чѣмъ могу служить? — спросилъ Питеръ, видя, что долженъ помочь человѣку изложить его дѣло.

— Простите, сэръ! — кротко отвѣтилъ рабочій. — Я изъ-за Мисси. Я надѣюсь, вы извините меня, что я вамъ помѣшалъ?

— Конечно, — сказалъ Питеръ.—А что же съ Мисси?

— Она... докторъ сказалъ, что она умираетъ,—отвѣчалъ рабочій, подавленный своимъ горемъ,—Салли и Бриджетъ Миллиганъ уже умерли.

— Но что же я могу сдѣлать?— спросилъ съ участіемъ Питеръ, хотя ровно ничего не понималъ.

— Мисси хочетъ повидать васъ, прежде чѣмъ уйдетъ. Это только дѣтское желаніе, сэръ, и вы не извольте безпокоиться. Но я обѣщалъ придти и позвать васъ. Надѣюсь, вы не сердитесь?

— Нисколько.

Питеръ всталъ, взялъ шляпу и оба вышли вмѣстѣ на улицу.

— Чѣмъ она больна?—спросилъ Питеръ на ходу.

— Мы не знаемъ, сэръ. Они всѣ заболѣли вчера, и двѣ уже умерли.

Рабочій утеръ глаза рукавомъ рубахи, размазывая по лицу кирпичную пыль.

— Докторъ былъ?

— Только сегодня утромъ. Мы сначала не думали, что будетъ такъ плохо.

— Какъ васъ зовутъ?

— Блакеттъ, сэръ, Джимми Блакеттъ.

Питеръ начиналъ понимать. Онъ вспомнилъ, что въ числѣ его ребятъ были Салли и Матильда Блакеттъ. По-

слѣдняя и была вѣроятно, «Мисси». Они скоро достигли рабочаго квартала и поднялись во второй этажъ въ квартиру Блакетта. Въ первой комнатѣ, служившей въ то же время кухней и гостиной, на столѣ, въ гробу, лежала маленькая семилѣтняя дѣвочка. Кругомъ горѣли четыре свѣчи, увеличивая духоту и дурной воздухъ. Въ комнатѣ рядомъ лежала на кровати пятилѣтняя крошка, которую няньчила утомленная женщина.

Ребенокъ былъ блѣденъ и худъ, потъ крупными каплями катился по горячему лобику, но рука смерти придала маленькому личику что-то такое, чего раньше въ немъ не было.

— О, мистеръ Питеръ! — сказала крошка, увидавъ его.—Я говорила, что вы придете.

Питеръ вынулъ свой платокъ и вытеръ мокрый лобикъ. Потомъ взялъ лежавшую на стулѣ газету, сложилъ ее вѣеромъ и, присѣвъ на край постели, сталъ обмахивать ребенка.

— Зачѣмъ ты хотѣла меня видѣть?— спросилъ Питеръ.

— Разскажите мнѣ сказку, которую вы читали изъ книжки. Про маленькую дѣвочку, которая поѣхала въ деревню, и ей подарили живого голубя и настоящихъ цвѣтовъ.

Питеръ началъ разсказывать сказку, насколько могъ ее припомнить, но не кончилъ. Пока онъ говорилъ, другая маленькая дѣвочка ушла въ далекую страну, откуда нѣтъ возврата, и простая жизненная сказка внезапно оборвалась.

Отецъ и мать отнеслись очень спокойно къ смерти ребенка. Питеръ предложилъ имъ нѣсколько вопросовъ и узналъ, что у нихъ было еще трое дѣтей, кромѣ умершихъ, и что самый старшій мальчикъ служитъ посыльнымъ, почему его и не было дома. Двое маленькихъ близнецовъ находились на попеченіи сосѣдки.

Питеръ спросилъ еще, есть ли у нихъ деньги; оказалось, что имъ нечѣмъ заплатить за двойныя похороны.

— Гробовщикъ обѣщалъ все сдѣлать какъ слѣдуетъ и разсрочить деньги, а я буду уплачивать ему понемногу каждую недѣлю,— объяснилъ рабочій, когда Питеръ высказалъ изумленіе по поводу совершенно лишнихъ, по его мнѣнію, расходовъ.

Пока они говорили, вошелъ докторъ.

— Я зналъ, что нѣтъ никакой надежды,—сказалъ онъ, узнавъ о смерти ребенка. — Вы помните, я прямо вамъ это сказалъ,—прибавилъ онъ, обратясь къ родителямъ.

— Да, онъ это говорилъ,—подтвердилъ отецъ.

— Вотъ, — началъ докторъ присущимъ ему живымъ и немного грубымъ тономъ,—я нашелъ, въ чемъ дѣло.

— Ну?—встрепенулась мать, вдругъ заинтересовавшись.

— Все дѣло было въ молокѣ,—продолжалъ докторъ.—Я думалъ, что оно плохое, въ ту минуту, какъ понюхалъ его, но я взялъ пробу домой, чтобы какъ слѣдуетъ удостовѣриться. — Онъ вытащилъ изъ кармана бумагу.—Вотъ изслѣдованіе, и д-ръ Племиъ, у котораго такіе же два случая въ сосѣднемъ домѣ, нашелъ тоже самое.

Супруги Блакетъ съ изумленіемъ смотрѣли на анализъ, ровно ничего не понимая. Питеръ тоже взглянулъ въ него, когда они удовлетворили свое любопытство. Когда онъ читалъ бумагу, на его лицѣ промелькнуло странное выраженіе, сходное съ тѣмъ, которое было у него на палубѣ яхты м-ра Пирса. Лицо Питера не измѣнилось, только взглядъ сталъ глубже и напряженнѣе.

— Это было въ молокѣ, которое пили дѣти?—спросилъ онъ, указывая пальцемъ на одну строчку.

—Да, —отвѣтилъ докторъ,—молоко было плохое само по себѣ, и чтобы скрыть это—фальсифицировано. Эти карбонаты иногда очень сильно дѣйствуютъ, и я предполагаю, что данный кувшинъ, получилъ больше сналобья, чѣмъ полагалось.

— Въ немъ почти нѣтъ жировъ,— замѣтилъ Питеръ, желая задержать доктора, пока самъ обдумаетъ дѣло.

— Да,—сказалъ докторъ,—это было снятое молоко.

— Вы, конечно, дадите знать санитарному управленію?—спросилъ Питеръ.

— При случаѣ, когда буду тамъ,—

ИЗЪ ГЛУБИНЪ ОКЕАНА.

ОПИСАНІЕ ПУТЕШЕСТВІЯ

ПЕРВОЙ ГЕРМАНСКОЙ ГЛУБОКОВОДНОЙ ЭКСПЕДИЦІИ

Карла Куна.

Переводъ съ нѣмецкаго **П. Ю. Шмидта.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1902.

ВВЕДЕНІЕ.

Съ давнихъ поръ глубины океана привлекали къ себѣ вниманіе человѣка и возбуждали его воображеніе. Фантазія древнихъ населяла ихъ сказочными чудовищами, создавала подводное царство могучаго морского бога съ его подданными—нимфами и дельфинами. До начала нынѣшняго столѣтія, однако, никто не рѣшался приподнять таинственный покровъ морскихъ глубинъ, попытаться на дѣлѣ познакомиться съ ихъ жизнью. Впервые въ 1818 г. знаменитый путешественникъ Джонъ Россъ, во время своего пребыванія въ Баффиновомъ заливѣ, получилъ морской илъ съ глубины 1.000 саженъ,—въ немъ оказались живые организмы, именно морскія звѣзды.

Это открытіе однимъ ударомъ разрушало теорію французскаго путешественника, современника Росса—Пэрона, который старался доказать, что дно океана покрыто слоемъ льда. Однако, открытіе Росса не было оцѣнено современниками и вскорѣ было забыто. Въ 1841 г. Эдуардъ Форбсъ развивалъ въ своемъ сообщеніи передъ британской ассоціаціей наукъ, казалось, стройное и доказательное ученіе, по которому предполагалось, что глубже 300 саженъ въ океанѣ нѣтъ ни одного живого организма. Скоро, впрочемъ, благодаря неутомимой энергіи норвежскихъ изслѣдователей Михаила Сарса съ его сыномъ, Ловэна и поэта-зоолога Асбьёрнсена, пришлось отодвинуть границу органической жизни въ океанѣ, по крайней мѣрѣ, до болѣе значительной глубины,—Сарсъ нашелъ въ 1850 г. богатую глубоководную фауну на 450 саженяхъ.

Явились доказательства жизни на глубинахъ и другого рода. Въ 50-хъ годахъ началась прокладка перваго трансатлантическаго телеграфнаго кабеля, и уже при предварительныхъ промѣрахъ выяснилось, что существуетъ фауна на глубинѣ болѣе чѣмъ 1.000 саженъ. Еще доказательнѣе было то обстоятельство, что когда порвался первый кабель, проложенный въ 1858 г., и такая же судьба постигла средиземноморскій кабель между Сардиніей и Алжиромъ, то по извлеченіи обоихъ оказалось, что на нихъ поселилось множество животныхъ. Средиземноморскій кабель пролежалъ подъ водой всего три года и этого было достаточно, чтобы къ нему прикрѣпилось на глубинѣ 3.600 метровъ до 15 видовъ изъ различныхъ отдѣловъ животнаго царства. Эти находки обратили на себя всеобщее вниманіе ученаго міра. Наиболѣе выдающіеся біологи—Эренбергъ, Гёксли, Милльнъ-Эдвардсъ — высказывались всѣ въ томъ смыслѣ, что при болѣе систематическомъ изученіи морскихъ глубинъ откроется передъ зоологами новый, невѣдомый и въ высокой степени привлекательный міръ.

*

Открытія Сарса у Лофотскихъ острововъ обратили на себя вниманіе одного изъ англійскихъ ученыхъ — профессора эдинбургскаго университета Уэвилля Томсона, человѣка съ огромными научными знаніями и несокрушимой энергіей. При помощи своего друга вице-президента Королевскаго Общества Карпентера, ему удалось достичь, что для цѣли чисто научной, именно для рѣшенія вопроса о жизни на глубинахъ, были предоставлены въ распоряженіе ученыхъ два небольшія военныя судна—«Лейтнингъ» и «Поркупинъ». Съ этого времени начинается новая эра въ дѣлѣ изученія фауны глубинъ. Въ 1868—70 гг. названныя суда совершили цѣлый рядъ промѣрныхъ и зоологическихъ работъ вокругъ Великобританскихъ острововъ, у береговъ Испаніи и въ Средиземномъ морѣ. Изслѣдованіями этими былъ заложенъ прочный фундаментъ для современныхъ воззрѣній на жизнь глубинъ. Былъ открытъ, дѣйствительно, новый міръ существъ, нерѣдко фантастической формы, блещущихъ красками и доказывающихъ, что животный организмъ можетъ приспособляться прямо къ невѣроятнымъ внѣшнимъ условіямъ.

Это открытіе вызвало понятное восхищеніе всего ученаго міра и наиболѣе интеллигентныхъ круговъ общества Западной Европы. Въ засѣданіи англійскаго парламента одинъ изъ членовъ внесъ предложеніе снарядить экспедицію болѣе крупныхъ размѣровъ для изученія глубинъ всѣхъ океановъ—въ этомъ онъ видѣлъ долгъ своей родины передъ человѣчествомъ. Предложеніе было принято единогласно, и въ декабрѣ 1872 г. корветъ «Чэлленжеръ» покинулъ берега Англіи, неся на себѣ цѣлый штабъ выдающихся изслѣдователей, во главѣ которыхъ стоялъ неутомимый Уэвилль Томсонъ. Корветъ вернулся черезъ пять лѣтъ, результаты его работъ—грандіознѣйшее собраніе фактическаго и теоретическаго матеріала изъ области совершенно новой и не затронутой — заставляютъ отвести чэлленжеровской экспедиціи первое мѣсто среди всѣхъ научныхъ предпріятій послѣдняго времени. Всѣ ея коллекціи и наблюденія были обработаны цѣлымъ рядомъ выдающихся ученыхъ всѣхъ національностей и результаты обработки изложены въ 38-ми огромныхъ томахъ in 4° «Отчетовъ» экспедиціи. Для новаго періода, въ который вступила океанографія и зоологія, немыслимо было придумать болѣе достойнаго начала.

Вскорѣ и другія государства, слѣдуя примѣру Англіи, приняли участіе въ изученіи морскихъ глубинъ. Прежде всего американцы принялись за выясненіе рельефа западной части Атлантическаго океана въ районѣ Сѣверной и Средней Америки. Цѣлымъ рядомъ экспедицій 1875—80 гг. подъ начальствомъ графа Пурталэ и Александра Агассица было изслѣдовано круто падающее дно западно-атлантическаго бассейна вдоль гряды Антильскихъ острововъ. Была найдена глубина въ 8341 метръ (сѣвернѣе Порторико) и добыта чрезвычайно богатая и разнообразная глубоководная фауна. При прокладкѣ кабеля между Сѣверной Америкой и Японіей американское судно «Тускарора» (1873—75 гг.) нашло на западъ отъ Японіи также огромную глубину въ 8.513 метровъ. Въ позднѣйшее время, однако, при изслѣдованіи Агассицемъ Тихаго океана, были найдены глубины, превосходящія высочайшіе подъемы земной поверхности въ Гималаяхъ, именно—глубины въ 9184 и 9427 метровъ. вблизи о. Тонга и острововъ Кермадекскихъ. Наконецъ, въ 1899 г. американецъ капитанъ Бэлькнапъ открылъ у самаго южнаго изъ вулканическихъ Ладронскихъ острововъ—острова Гуамъ—наиболѣе значительную изъ извѣстныхъ до сихъ поръ

глубинъ—въ 9.644 метра (=5.269 саж.). Если разсчитать, какое давленіе производитъ на такой глубинѣ водяной столбъ, то оказывается, что оно равняется около 1.000 атмосферъ. Впрочемъ, глубины болѣе 7.000 метровъ встрѣчаются рѣдко, лишь въ особыхъ вдавленіяхъ морского дна, находящихся вблизи линій значительныхъ сдвиговъ земной поверхности; глубины въ 6—7.000 метровъ также играютъ лишь второстепенную роль, тогда какъ пространства глубиною въ 5—6.000 метровъ во всѣхъ океанахъ довольно обширны по своему протяженію.

Кромѣ американцевъ, въ изученіи океаническихъ глубинъ приняли участіе скандинавскіе ученые: въ 1876—78 гг. была отправлена на суднѣ «Вёрингенъ» подъ руководствомъ Г. Мона и К. Сарса экспедиція для изученія океанографическихъ условій сѣвернаго Атлантическаго океана, собравшая богатый матеріалъ по фаунѣ глубинъ полярныхъ морей. Начиная съ 1880 г., къ другимъ державамъ примкнула въ дѣлѣ изученія глубинъ также и Франція, снарядившая до настоящаго времени четыре экспедиціи, которыя работали въ Средиземномъ морѣ и въ восточномъ Атлантическомъ океанѣ до Зеленаго мыса и Саргассоваго моря. Вскорѣ приняли участіе въ изученіи глубинъ Средиземнаго моря также Италія и маленькое княжество Монакское. Князь Альбертъ Монакскій извѣстенъ, какъ изобрѣтатель чрезвычайно остроумныхъ аппаратовъ для глубоководныхъ изслѣдованій и какъ руководитель цѣлаго ряда глубоководныхъ экспедицій, дѣятельность которыхъ простиралась до Азорскихъ острововъ. Послѣднее время онъ изслѣдовалъ и глубины арктическихъ морей.

Датское правительство также снарядило экспедицію судна «Ингольфъ» для изслѣдованія сѣвернаго Атлантическаго океана. Одновременно австрійское военное судно «Пола» работало въ Красномъ морѣ и изслѣдовало его съ такой тщательностью, что въ настоящее время это море въ океанографическомъ отношеніи представляетъ одну изъ наилучше извѣстныхъ намъ областей. Не желаетъ отстать отъ другихъ державъ и Голландія, снаряжающая въ настоящее время экспедицію на суднѣ «Сибога» подъ начальствомъ профессора Вебера для изслѣдованія морскихъ глубинъ въ области своихъ индійскихъ колоній.

Германія долгое время оставалась позади другихъ націй въ дѣлѣ изученія океаническихъ глубинъ. Превосходныя изслѣдованія по океанографіи и зоологіи, произведенныя военнымъ судомъ «Газель», во время его кругосвѣтнаго плаванія, не коснулись глубинъ, равно какъ и тщательныя работы «Кильской коммиссіи для изслѣдованія нѣмецкихъ морей» захватывали лишь сравнительно мелководный районъ. Наконецъ, и знаменитая нѣмецкая «Планктонная экспедиція» подъ руководствомъ профессора Гензена, имѣла совершенно иныя задачи, именно, старалась выяснить, какое количество организмовъ плаваетъ на поверхности и въ болѣе глубокихъ слояхъ Атлантическаго океана.

Лишь въ 1897 г. возникла и въ Германіи мысль вызвать къ жизни глубоководную экспедицію. Иниціаторомъ былъ позднѣйшій руководитель «Первой германской глубоководной экспедиціи» профессоръ К. Кунъ (C. Chun.) На съѣздѣ нѣмецкихъ естествоиспытателей въ Брауншвейгѣ имъ былъ предложенъ планъ такой экспедиціи. Въ общихъ чертахъ маршрутъ ея предполагался слѣдующій: она должна была обогнуть Африку, изслѣдовать восточный Атлантическій океанъ, сдѣлать отъ мыса Доброй Надежды экскурсію въ антарктическія воды и, наконецъ, обратить особое вниманіе на изученіе Индійскаго океана. Планъ этотъ

былъ одобренъ и съѣздомъ, и германскимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія; особая избранная съѣздомъ коммиссія, состоявшая изъ профессоровъ Неймайера, Вирхова и Вальдейера, высказалась о немъ также съ большимъ одобреніемъ, и съ Высочайшаго разрѣшенія экспедиція была окончательно рѣшена. На нужды этого ученаго предпріятія было отпущено изъ государственныхъ суммъ 300.000 марокъ, различныя учрежденія и частныя лица оказали всевозможное содѣйствіе, въ распоряженіе экспедиціи былъ предоставленъ огромный пароходъ «Вальдивія», совершающій обыкновенно рейсы между Гамбургомъ и Америкой.

Экспедиція покинула берега Германіи 31-го іюля 1898 г. и вернулась черезъ девять мѣсяцевъ—1-го мая 1899 г. На слѣдующихъ далѣе страницахъ мы даемъ нѣсколько сокращенное описаніе ея путешествія и полученныхъ результатовъ, составленное ея руководителемъ не для тѣснаго кружка спеціалистовъ, а для широкаго круга читающей публики, интересующейся наукой.

ГЛАВА I.

Лабораторіи и другія приспособленія судна.—Орудія лова.—Инструменты для океанографическихъ цѣлей.—Составъ экспедиціи.—Отъѣздъ.—Путь до Эдинбурга.—Въ сѣверной части Атлантическаго океана.—Фарёрскіе острова.—Гольфштромъ.

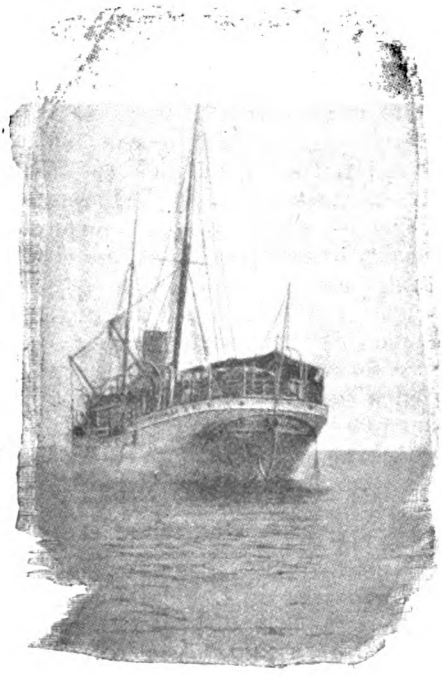

Рис. 1., «Вальдивія».

Пароходъ «Вальдивія», — огромное судно въ 308 футъ длины и 2.176 регистровыхъ тоннъ грузовмѣстимости, оказался очень удобнымъ для цѣлей экспедиціи,— при его крупныхъ размѣрахъ было возможно производить различныя научныя работы одновременно на переднемъ и заднемъ концѣ палубы. Чтобы сдѣлать судно еще болѣе соотвѣтствующимъ его новому назначенію, на немъ были произведены нѣкоторыя перестройки, — такъ было выстроено спеціальное свѣтлое помѣщеніе для работъ съ микроскопомъ, былъ устроенъ цѣлый рядъ лабораторій — лабораторія химическая, гдѣ хранились со всѣми предосторожностями противъ качки точные аппараты для количественнаго анализа морской воды и опредѣленія содержащихся въ ней газовъ, лабораторія бактеріологическая, устроенная по послѣднему слову науки и предназначенная для изученія бактерій моря, наконецъ, лабораторія и темное помѣщеніе для фотографическихъ работъ. Для консервированія животныхъ и содержанія собраннаго матеріала служило также особое обширное помѣщеніе на средней палубѣ въ передней части судна. Все судно освѣщалось, разумѣется, электричествомъ, — большая дуговая электрическая лампа была приспособлена для цѣлей рыболовныхъ и позволяла работать драгой и траломъ даже ночью.

Очень цѣннымъ для насъ приспособленіемъ оказался имѣвшійся на суднѣ холодильникъ-рефрижераторъ, вырабатывавшій значительное количество льда. Дѣло въ томъ, что глубоководные организмы живутъ на глубинахъ при очень низкихъ температурахъ, и когда попадаютъ въ верхніе слои воды, нагрѣтые до 20—25° С., очень легко въ нихъ

разлагаются. Располагая большимъ запасомъ льда, экспедиція могла относительно долгое время сохранять живыми даже самыхъ нѣжныхъ животныхъ со значительныхъ глубинъ,—какъ только приходила сѣть съ большой глубины, животныя перемѣщались изъ нея въ заранѣе охлажденную морскую воду. Это позволяло наблюдать и зарисовывать глубоководныхъ обитателей при естественныхъ условіяхъ, живыми.

Для поднятія траловъ, драгъ и сѣтей съ глубины на суднѣ была установлена огромная, очень сильная паровая лебедка. Въ нашемъ распоряженіи находилось 10.000 метровъ стального троса, 10 и 12 миллиметровъ въ діаметрѣ, и такое же количество троса сохранялось въ резервѣ на случай потери перваго. Тросъ былъ намотанъ на большой барабанъ, съ котораго по системѣ блоковъ переходилъ на стрѣлу парохода и съ конца послѣдней могъ быть спущенъ за бортъ съ тѣмъ или другимъ аппаратомъ. Кромѣ того, тросъ проходилъ черезъ особый счетчикъ, указывающій числомъ оборотовъ, сколько метровъ троса выпущено съ барабана. Для аппаратовъ болѣе легкихъ имѣлся другой барабанъ съ тонкимъ металлическимъ тросомъ.

Большое вниманіе съ нашей стороны было обращено на цѣлесообразное устройство аппаратовъ для ловли животныхъ. Аппараты эти раздѣляются на двѣ группы: *придонные* аппараты, служащіе для ловли животныхъ, которыя держатся на днѣ или у самаго дна, и аппараты *планктонные*, т.-е. употребляемые для ловли животныхъ, свободно плавающихъ въ промежуточныхъ слояхъ воды — между дномъ и поверхностью и у самой поверхности. Къ первымъ относятся *тралы* и *драги*, ко вторымъ—*пелагическія* или *планктонныя сѣти*.

Обыкновенный зоологическій тралъ представляетъ изъ себя желѣзную раму, къ которой прикрѣпленъ большой сѣтевой мѣшокъ (рис. 2). Рама ползетъ по дну на полозьяхъ и собираетъ всѣхъ животныхъ, обитающихъ у дна. Внутри сѣтевого мѣшка находится второй мѣшокъ, воронкообразный, съ отверстіемъ на концѣ—онъ препятствуетъ попадающимъ въ тралъ животнымъ выйти обратно. Размѣры траловъ различны, наиболѣе часто экспедиція пользовалась траломъ, имѣвшимъ въ ширину $2^1/_2$ метра. Кромѣ траловъ употреблялись драги—также сѣтевые мѣшки, но прикрѣпленные къ желѣзной рамѣ съ двумя лезвіями—при помощи ихъ драга соскабливаетъ животныхъ, сидящихъ на днѣ и на камняхъ. Драги, впрочемъ, рѣже употреблялись на большихъ глубинахъ, такъ какъ онѣ слишкомъ глубоко зарываются въ илъ и приносятъ гораздо меньше животныхъ. На каменистомъ грунтѣ, особенно гдѣ имѣются коралловые рифы, нельзя было пускать въ ходъ никакого орудія кромѣ шаберной драги—всѣ аппараты съ сѣтями рвались въ клочки; шаберная драга представляетъ изъ себя рядъ пучковъ пеньки, прикрѣпленныхъ къ желѣзной рамѣ. Когда рама ползетъ по дну, въ цѣпкой пенькѣ запутываются самыя разнообразныя животныя. Для ловли рыбъ употреблялся такъ называемый Петерсеновскій тралъ,—это небольшой неводъ, который тянется по дну и захватываетъ рыбъ, плавающихъ на глубинахъ.

Изъ пелагическихъ орудій лова мы впервые пользовались въ широкихъ размѣрахъ такъ называемой *вертикальной* пелагической сѣтью (рис. 3). Это—коническая сѣть изъ тонкаго шелковаго газа, прикрѣпленная къ металлическому кругу и имѣющая на концѣ цилиндръ, предназначенный для скопленія въ немъ вылавливаемыхъ животныхъ. Къ такой сѣти привязывается тяжесть и затѣмъ она опускается на ту или другую глубину и медленно поднимается съ глубины на поверх-

ность. При этомъ вода какъ бы фильтруется черезъ сѣть и вылавливаются всѣ мелкія животныя, встрѣчаемыя ею по пути. Измѣняя глу-

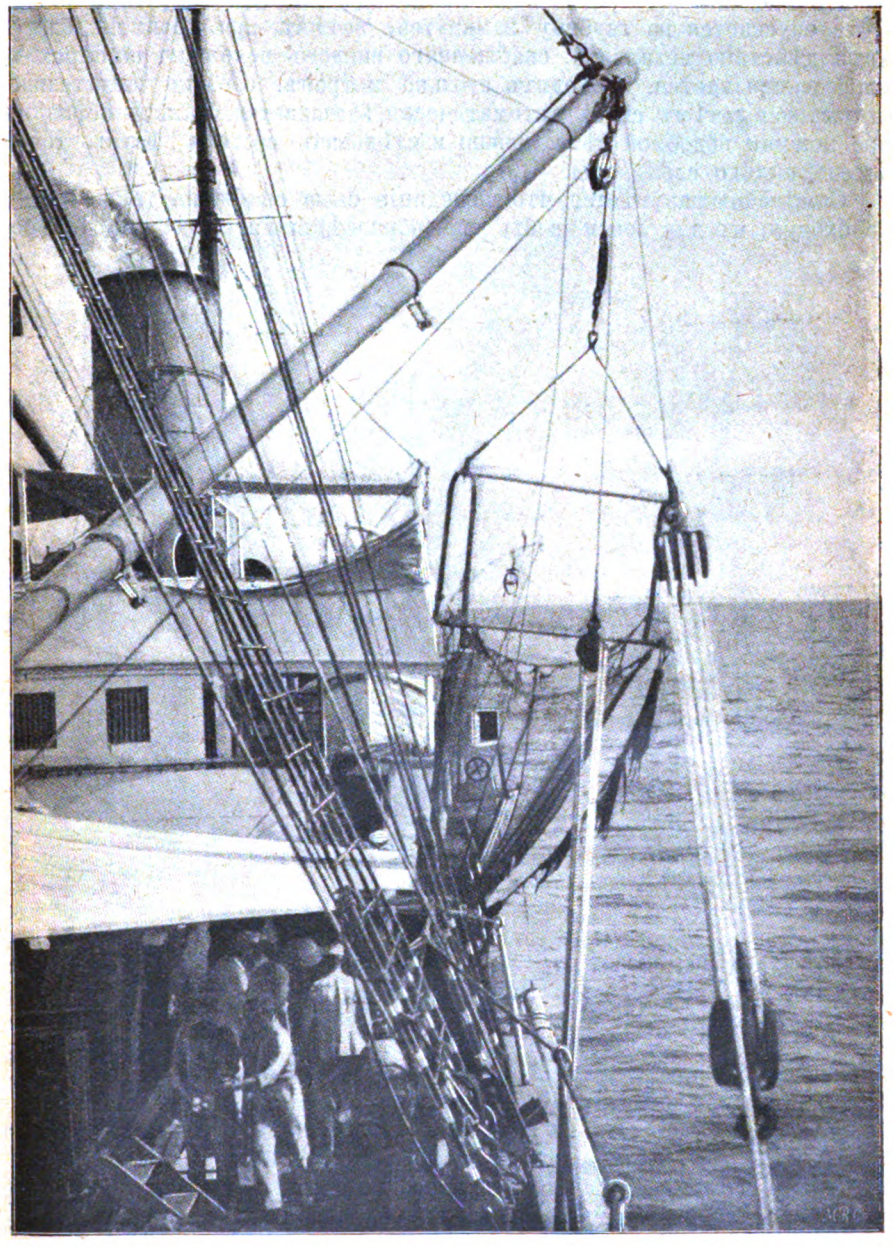

Рис. 2. Поднятіе трала (тралъ прикрѣпленъ къ тросу, проходящему черезъ блокъ на концѣ стрѣлы).

бину, на которую опускается сѣть, можно узнать до какой глубины распространены тѣ или другія пелагическія животныя. Еще болѣе

точно опредѣляютъ вертикальное распредѣленіе животныхъ такъ называемыя *замыкающіяся* сѣти (рис. 4, 5). Онѣ по принципу такого же устройства, какъ и обыкновенныя вертикальныя, но съ тѣмъ видоизмѣненіемъ, что отверстіе ихъ можетъ замыкаться и раскрываться. Сѣть опускается на глубину замкнутой, затѣмъ при поднятіи, благодаря дѣйствію механизма, снабженнаго винтомъ похожимъ на пароходный, раскрывается, проходитъ столько метровъ, сколько желательно, открытою и затѣмъ снова автоматически замыкается. Такимъ образомъ при помощи подобной сѣти, можно изслѣдовать составъ фауны точно опредѣленнаго слоя воды.

Само собою разумѣется, что экспедиція была снабжена также всѣмъ необходимымъ для ловли рыбы разнообразнѣйшими способами. Для со-

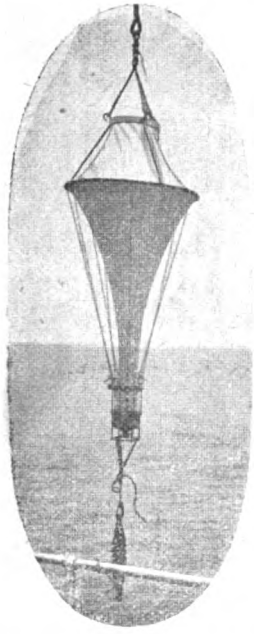

Рис. 3. Вертикальная пелагическая сѣть.

Рис. 4. Замыкающаяся пелагическая сѣть при спускѣ.

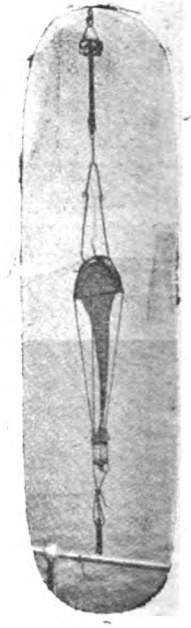

Рис. 5. Замыкающаяся пелагическая сѣть при подъемѣ.

храненія собраннаго матеріала служилъ огромный запасъ спирта — 8.000 литровъ и соотвѣтствующее количество всѣхъ важнѣйшихъ реактивовъ, употребляемыхъ въ современной зоологической техникѣ. Запасы стеклянной посуды, цинковыхъ ящиковъ и т. п. были также обширны.

Кромѣ цѣлей зоологическихъ, экспедиція имѣла въ виду и изученіе физической природы моря. Важнѣйшими аппаратами для океанографическихъ задачъ ея были двѣ глубоководныя лотовыя машины. Одна— системы Ле-Бланъ (рис. 6), другая американской системы Сигсби. Обѣ онѣ основаны на томъ принципѣ, что на глубину опускается тяжелый грузъ на тонкой стальной, такъ называемой фортепьянной проволокѣ; достигая дна, грузъ этотъ автоматически освобождается и остается на днѣ. Вмѣстѣ съ грузомъ на концѣ находится особая трубка

которая отмѣчаетъ глубину достигнутую лотомъ. Экспедиція располагала 25.000 метровъ проволоки и 260 грузами.

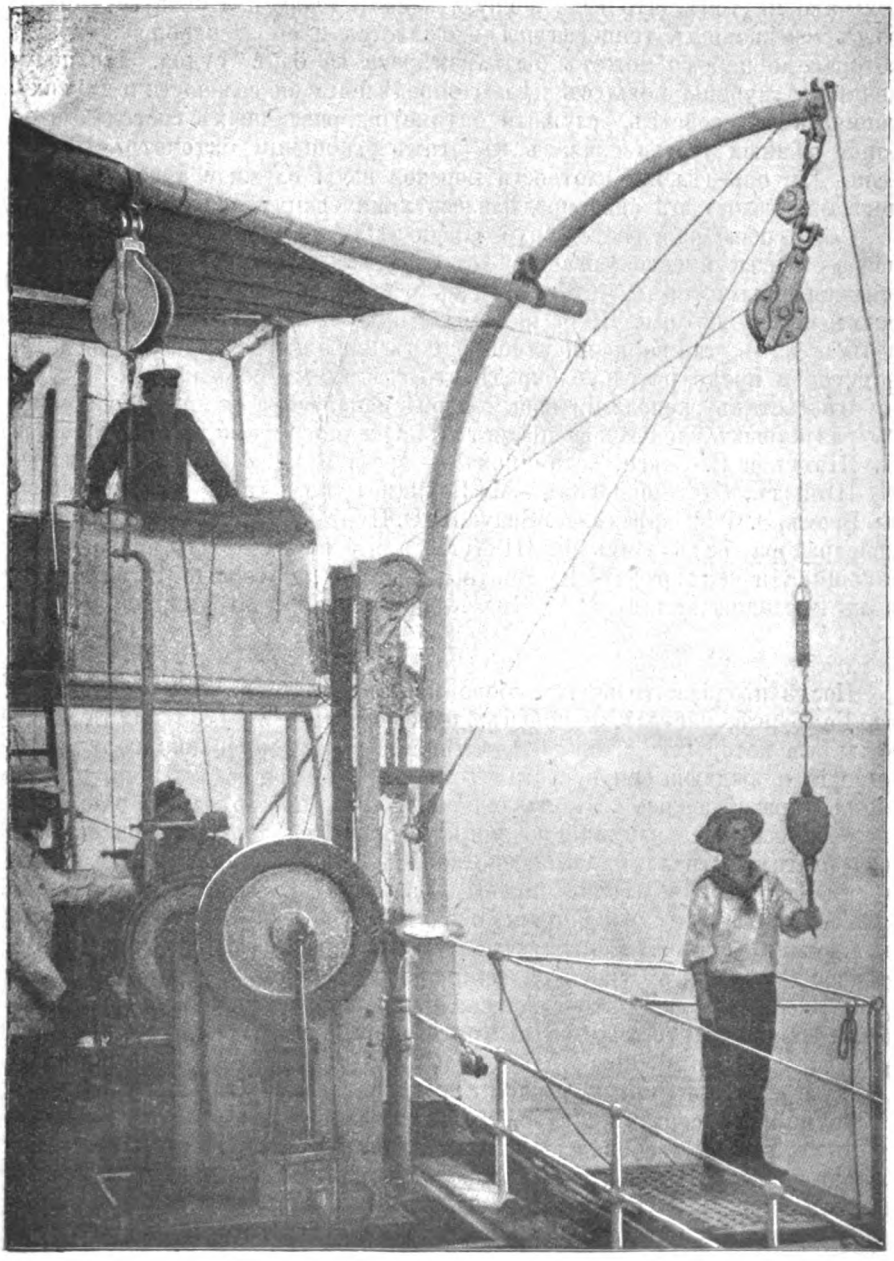

Рис. 6. Лотовая машина системы Ле-Бланъ.

Для опредѣленія температуръ на глубинахъ у насъ были особые термометры нѣсколькихъ системъ, особенно удобнымъ оказался термометръ Негретти и Замбра. Кромѣ того, имѣлся еще впервые примѣ-

няемый въ широкихъ размѣрахъ электрическій термометръ Сименса,—этотъ аппаратъ позволялъ опредѣлять съ большою точностью измѣненія температуры до глубины 750 метровъ. Устройство его въ принципѣ основано на томъ, что если погрузить на глубину платиновую спираль, то съ измѣненіемъ температуры измѣняется и ея электропроводность, которая по кабелю можетъ быть измѣрена на борту судна. Для полученія съ глубины воды съ цѣлью опредѣленія ея солености и другихъ химическихъ свойствъ, служили батометры различныхъ системъ, особенно цѣнныя услуги оказалъ въ этомъ отношеніи батометръ Петерсена. Для опредѣленія плотности морской воды служили ареометры, содержаніе газовъ въ ней опредѣлялось химическимъ анализомъ.

Само собою разумѣется, что «Вальдивія» была снабжена и походной метеорологической станціей съ полнымъ комплектомъ не только обыкновенныхъ, но и автоматически регистрирующихъ метеорологическихъ инструментовъ. Не была забыта и научная библіотека,—она позволяла намъ уже во время самой работы справляться съ научной литературой и предварительно опредѣлять сдѣланные сборы.

Въ составъ экспедиціи вошли кромѣ начальника ея проф. Куна, еще 10 различныхъ ученыхъ спеціалистовъ. Океанографами экспедиціи были Г. Шоттъ и В. Саксе, ботаникомъ — проф. В. Шимперъ, химикомъ — П. Шмидтъ, бактеріологомъ—М. Бахманнъ, зоологами—К. Апштейнъ, Ф. Брэмъ, Э. Фангоффенъ, А. Брауеръ, О. Цуръ-Штрассенъ. Въ качествѣ препаратора былъ взятъ Р. Шмиттъ, а въ качествѣ научнаго рисовальщика и фотографа—Ф. Винтеръ. Пароходъ экспедиціи находился подъ командою капитана А. Крехъ, стараго опытнаго моряка.

Послѣ продолжительныхъ сборовъ и приготовленій, производившихся въ Гамбургѣ, насталъ, наконецъ, день отъѣзда—31 іюля 1898 г. Проводы, въ которыхъ приняли участіе и высшіе сановники германской имперіи и выдающіеся представители науки и масса публики, вышли очень торжественными. Нашъ огромный бѣлый пароходъ, обращавшій на себя всеобщее вниманіе своими красивыми очертаніями, расцвѣченный флагами, отвалилъ отъ переполненной народомъ пристани Гамбурга и медленно, величественно пошелъ къ выходу въ море. Берега огласились долго не смолкавшими криками «ура!» на которые команда «Вальдивіи» отвѣчала такими же криками. Отъ борта судна отвалилъ рѣчной пароходикъ, унося на себѣ провожавшихъ, и сердца участниковъ экспедиціи невольно сжались: имъ приходилось покидать все, что было дорого, и кто знаетъ, что ожидало ихъ впереди, въ теченіе продолжительнаго плаванья?

Урегулировать ходъ такого сложнаго механизма, какъ научная экспедиція, въ составъ которой входятъ самые различные спеціалисты, дѣло не легкое, требовавшее нѣкотораго подготовительнаго опыта. Необходимо было также испытать предварительно и тѣ различные аппараты и инструменты, которые входили въ составъ ея научнаго снаряженія. Пускать ихъ въ ходъ сразу на большихъ глубинахъ было бы опасно. Въ виду этихъ обстоятельствъ, первоначально рѣшено было направить путь «Вальдивіи» такимъ образомъ, чтобы пройти по изслѣдованному уже району моря съ грунтомъ дна, не представляющимъ особыхъ затрудненій. Было рѣшено, что экспедиція зайдетъ сперва въ Эдинбургъ и затѣмъ къ Фарёрскимъ островамъ, а оттуда уже, направится къ Канарскимъ островамъ.

Въ первые дни пути каждый старался войти въ свою роль и приспособиться къ новымъ условіямъ. Не всѣмъ это было легко, особенно когда за островомъ Гельголандомъ погода разыгралась, и началась качка со своими неизбѣжными послѣдствіями. Во время обѣда особымъ предпочтеніемъ пользовались мѣста, которыя поближе къ двери, и вскорѣ на палубѣ можно было видѣть неподвижныя, закутанныя въ плэды фигуры на креслахъ и скамьяхъ.

Первымъ мѣстомъ, куда должна была зайти экспедиція, былъ Эдинбургъ,—тамъ долженъ былъ покинуть «Вальдивію» пріѣхавшій на ея проводы знаменитый англійскій ученый Джонъ Мёррей (рис. 7). Бли-

Рис. 7. Джонъ Мёррей.

зость шотландскихъ береговъ сказалась тѣмъ, что море стало спокойнѣе. Вскорѣ вырисовались живописные гребни скалъ и мѣстами покрытый зеленью берегъ. 3-го августа мы увидѣли огромную базальтовую скалу Бассъ-Рокъ, стоящую передъ входомъ въ Фирсъ-офъ-Форсъ. Ея отвѣсные обрывы оживлялись тысячами глупышей (*Sula bassana*), которые здѣсь охраняются закономъ. Цѣлыя тучи этихъ птицъ поднялись кверху, когда, проходя мимо, мы выстрѣлили. Судно подошло ближе къ берегу и можно было даже разглядѣть шотландскихъ крестьянъ, занимающихся своей національной игрою въ гольфъ. Вскорѣ мы подошли къ маяку и взяли лоцмана, который ввелъ насъ въ гавань.

Во время короткой стоянки въ Эдинбургѣ экспедиція имѣла возможность познакомиться съ живописными окрестностями города и его

важнѣйшими достопримѣчательностями. Со стороны мѣстныхъ ученыхъ она встрѣтила самый радушный и сердечный пріемъ.

Вечеромъ 4-го августа «Вальдивія» снова отправилась въ путь, держа курсъ на Фарёрскіе острова, чтобы здѣсь испробовать впервые свои глубоководные аппараты и инструменты. Эта область моря очень интересна по своимъ условіямъ рельефа дна и по распредѣленію температуры воды. Здѣсь, между берегами Исландіи и Фарёрскими островами находится значительное подводное возвышеніе дна, которое на 60-ой параллели переходитъ въ узкій подводный хребетъ, названный, въ честь шотландскаго ученаго, «хребтомъ Уэвилля Томсона». Этотъ хребетъ отдѣляетъ сѣверную холодную часть Атлантическаго океана отъ болѣе южной, гдѣ вода нагрѣвается до самаго дна. Присутствіе хребта мѣшаетъ нижнимъ холоднымъ слоямъ воды сѣверной части распространяться далѣе на югъ, и температуры по обѣ стороны хребта очень различны. На сѣверъ отъ хребта, напр., на глубинѣ 500 метровъ температура воды +0,4°, а на глубинѣ 600—даже —0,1°, тогда какъ на югъ отъ хребта—на глубинѣ 500 метровъ температура уже +9,0°.

Само собою разумѣется, что это различіе въ температурѣ воды сильнѣйшимъ образомъ отражается на распредѣленіи глубоководной фауны—на сѣверъ отъ хребта фауна типично-полярная, тогда какъ на югъ отъ него она имѣетъ тепловодный характеръ.

Никто изъ участниковъ экспедиціи не забудетъ того впечатлѣнія, которое произвелъ на насъ первый глубоководный сборъ. Мы подняли тралъ 6-го августа сѣвернѣе хребта Уэвилля Томсона съ относительно небольшой глубины въ 480 метровъ. Когда онъ пришелъ на поверхность, на пеньковыхъ швабрахъ, привязанныхъ къ нему, висѣли красивые морскіе ежи съ огромными иглами (*Dorocidaris papillata*), а ячеи сѣти были усѣяны красными морскими звѣздами-офіурами и блѣдными раковинками плеченогихъ. Мѣшокъ трала былъ наполненъ чудными узорчатыми стеклянными губками, морскими лиліями и похожими на длинноногихъ пауковъ пикногонами. Изъ сѣти выпрыгнула на палубу еще живая глубоководная рыба (*Lycodes*), и общее вниманіе было привлечено горящими въ темнотѣ глазами глубоководныхъ раковъ,—свѣченіе ихъ обусловливается присутствіемъ въ глазу особой отражающей перегородки.

Двѣ драги, спущенныя нами на еще нѣсколько болѣе значительную глубину, на слѣдующій день, принесли намъ также большое количество характерныхъ для холодной полярной воды представителей глубоководной фауны. Одна изъ нихъ была наполнена болѣе чѣмъ 500 экземплярами изящнѣйшей глубоководной губки (*Tenea muricata*), у которой стѣнки тѣла покрыты почками, почему, вѣроятно, она и размножается въ такомъ количествѣ, что покрываетъ дно моря сплошнымъ ковромъ.

Удачѣ первыхъ измѣреній глубины, работъ траломъ и драгами и температурныхъ опредѣленій содѣйствовала въ значительной степени превосходная погода, рѣдкостная для этихъ мѣстностей. 7-го августа при совершенно безоблачномъ небѣ мы прошли мимо самаго южнаго изъ Фарёрскихъ острововъ—острова Зюдероэ (рис. 8). Его обрывистые берега вертикальной стѣной спускаются къ голубому морю и лишь мѣстами зеленѣютъ подъ покровомъ изъ исландскаго мха и вереска. Кое-гдѣ къ морю прорываются долины, мѣстами скалы принимаютъ фантастическія формы и прорѣзаются глубокими ущельями. Безжизненные камни

скалъ оживляются тѣмъ поразительнымъ развитіемъ пернатаго царства, которое свойственно крайнему сѣверу. Густыми бѣлыми тучами поднимаются на воздухъ серебристыя чайки (*Larus tridactylus*) при приближеніи парохода и затѣмъ опять спускаются на воду за кормою, ища нѣтъ ли чѣмъ поживиться. Едва которая-нибудь изъ нихъ выловитъ кусочекъ повкуснѣе, какъ съ раздирающимъ крикомъ бросается на нее бурый длиннохвостый поморникъ (*Lestris parasitica*) и успокаивается лишь тогда, когда отобьетъ у чайки добычу. Въ воздухѣ надъ нами кружатся крачки (*Sterna arctica*), издавая пронзительные крики, тогда какъ тупики (*Mormon arcticus*) и чистики (*Uria troile*) колышатся группами на поверхности моря и время отъ времени исчезаютъ подъ водою, оставляя за собой лишь расходящіеся круги. Кое-гдѣ намъ попадались бакланы (*Phalacrocorax cristatus*) и буревѣстники (*Procellaria*

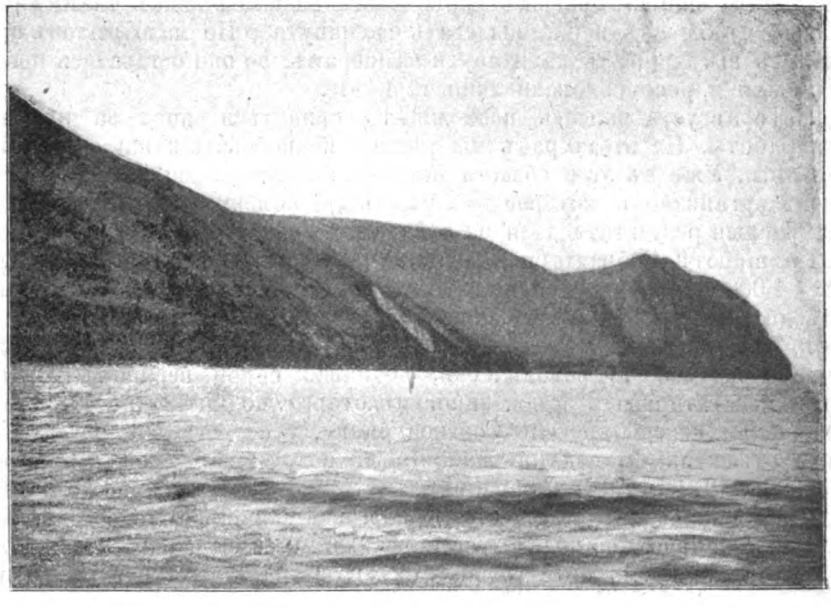

Рис. 8. Островъ Зюдероэ.

glacialis), граціознымъ полетомъ которыхъ мы имѣли случай любоваться еще долгое время послѣ того, какъ покинули Фарёрскіе острова.

Когда съ «Вальдивіи» раздался свистокъ, гулко разнесшійся по всему побережью, эхомъ отражаясь отъ стѣнъ, все пернатое населеніе, обезумѣвъ отъ ужаса, поднялось въ воздухъ и долго носилось съ неумолкающимъ крикомъ. Свистокъ этотъ напугалъ, впрочемъ, и жителей двухъ находящихся на островѣ селеній—они выбѣжали на берегъ изъ своихъ каменныхъ домиковъ и даже пасторъ выбѣжалъ изъ церкви.

Мы обошли островъ Зюдероэ съ сѣвера, полюбовались на чудную группу другихъ Фарёрскихъ острововъ, вырисовывавшихся въ фіолетовой дымкѣ, и направились прямо на югъ, держа курсъ на Канарскіе острова.

Повышеніе температуры воды на поверхности и бо́льшая теплота воздуха указали намъ ясно, что мы вступаемъ въ область Гольфштрома;

его присутствіе обнаружилось и ухудшеніемъ погоды. Вечеромъ 9-го августа усилился южный вѣтеръ, вскорѣ онъ перешелъ въ юго-западный и западный и разыгрался въ настоящую бурю. Съ небольшими перерывами море бушевало до 13 го августа, и лишь 15-го мы могли снова приняться за прерванныя работы. Въ теченіе этихъ дней мы получили тяжелый урокъ морского плаванія,—всѣ люки были задраены, по палубѣ можно было ходить, лишь держась за веревку; все, что было плохо укрѣплено, приходило въ движеніе—въ лабораторіи не умолкалъ звонъ стеклянной посуды, въ библіотекѣ книги вылетали съ полокъ и отправлялись путешествовать, тогда какъ въ каютахъ членовъ экспедиціи, еще не привыкшихъ къ морскимъ предосторожностямъ, сапоги, складные стулья, чемоданы, письменныя принадлежности, не исключая чернильницъ и банокъ съ гумми-арабикомъ, перемѣшивались въ одинъ сплошной хаосъ. О снѣ нечего было и думать, такъ какъ никто еще не привыкъ укрѣпляться въ своей койкѣ такимъ способомъ, чтобы изъ нее не вылетать ежеминутно. Не мало жалобъ приходилось выслушивать капитану и офицерамъ, но они оставались невозмутимыми и рекомендовали лишь терпѣніе.

15-го августа явилась возможность приняться снова за прерванныя работы. На этотъ разъ мы рѣшили испробовать наши вертикальныя сѣти. Уже въ этой области моря мы были поражены тѣмъ количествомъ организмовъ, которое добывалось при помощи этихъ аппаратовъ. Прекрасный результатъ дали на слѣдующій день и замыкающіяся сѣти.

На широтѣ Гибралтара и острова Мадеры поднимаются съ глубины 4.000 метровъ подводныя банки, представляющія изъ себя группы подводныхъ вулкановъ. Мы попробовали отыскать одну изъ этихъ банокъ, именно банку Жозефины, но такъ какъ положеніе ея не было точно опредѣлено астрономически, не нашли самой вершины банки и могли констатировать здѣсь лишь нѣкоторое поднятіе дна. Удачнѣе были наши поиски другой—Сенской банки, у острова Мадеры, мы ее легко отыскали, благодаря указаніямъ, полученнымъ отъ «Silvertown Submarine Telegraphic Company» въ Лондонѣ. На самой серединѣ этой банки мы подняли драгу съ глубины всего лишь 150 метровъ и получили въ ней огромное количество морскихъ лилій (*Antedon phalangium*).

Въ то же время присутствіе теплаго Канарскаго теченія,—одной изъ вѣтвей Гольфштрома,—сказалось болѣе богатымъ развитіемъ животной жизни на поверхности. Цѣлыми роями покрывали поверхность моря голубыя парусники (*Velella*), напоминающіе по своей формѣ лодку, фіолетовыя янтины (*Janthina*) плавали при помощи своего длиннаго, наполненнаго воздухомъ поплавка, который они устраиваютъ изъ слизи, выдѣляемой на ногѣ. Къ нимъ присоединялись иногда синеватые на спинѣ и серебристые на брюшной сторонѣ голые моллюски глаукусы (*Glaucus*), держащіеся у поверхности, также благодаря оригинальному приспособленію,—они заглатываютъ воздухъ, который сохраняется въ желудкѣ и поддерживаетъ ихъ. Основная окраска всѣхъ организмовъ, свободно плавающихъ на морской поверхности и увлекаемыхъ вѣтромъ и теченіями,—синяя, вполнѣ естественно, что она служитъ имъ защитою, приближая ихъ къ голубой окраскѣ океана.

ГЛАВА II.

Канарскіе острова.—Тенериффскій пикъ.—Экскурсія по побережью.—Драконово дерево въ мѣстечкѣ Икодъ. — Путешествіе черезъ островъ. — Санта-Крузъ. — Лась-Пальмасъ.

Около полудня 20-го августа мы замѣтили Тенериффскій пикъ. Въ голубоватой дымкѣ тумана вырисовывался постепенно все яснѣе силуэтъ этой огромной вершины, вышиною въ 3.716 метровъ. Черезъ нѣсколько часовъ на восточной оконечности острова обрисовался изрѣзанный ущельями гребень Анагскихъ горъ и стали замѣтны бѣлые домики двухъ лежащихъ на значительной высотѣ селеній Витторія и Матанца,—названія ихъ вызываютъ въ памяти тѣ времена, когда испанцы, поборовъ геройское сопротивленіе туземцевъ—гуанчей, завладѣли Канарскими островами. Постепенно, по мѣрѣ нашего приближенія къ сѣверному берегу, выступали яснѣе всѣ детали ландшафта. Передъ нами простиралась роскошная долина Оротавы, ограниченная слѣва высотами св. Урсулы и темной каймою пихтовыхъ лѣсовъ, справа—крутымъ обрывомъ горы Тигаига. Главный городъ сѣвернаго берега—Оротава—виднѣлся вдали, волны моря съ грохотомъ разбивались, ударяясь о прибрежные рифы изъ обломковъ лавы.

Я стоялъ у борта, вглядываясь въ раскрывающуюся картину, подавленный цѣлымъ роемъ воспоминаній. Здѣсь 11 лѣтъ тому назадъ я провелъ 8 мѣсяцевъ въ тихой научной работѣ. Все осталось по старому, все тотъ же великолѣпный видъ развертывался теперь опять передъ моими глазами! Всюду виднѣются потоки лавы, сбѣгающіе къ морю—издали можно прослѣдить, какъ они поднимаются до самаго кратера. Лучеобразно спускающіяся съ высотъ ущелья прорѣзаютъ вулканическую породу и оглашаются грохотомъ горныхъ ручьевъ. Обрывы и склоны покрыты роскошною зеленью богатѣйшей флоры Канарскихъ острововъ. Вулканическая почва острова удивительно плодородна. Всюду видны результаты дѣятельности человѣка: вся долина Оротавы усѣяна городками, деревнями, отдѣльными виллами и часовнями. Между сплошными плантаціями разсѣяны въ одиночку характерные представители канарской флоры: канарскія пальмы, у которыхъ крона гораздо гуще, чѣмъ у финиковыхъ, причудливыя драконовыя деревья и торчащія, какъ канделябры, у скалистыхъ стѣнъ молочаи придаютъ ландшафту своеобразный отпечатокъ. Выше завѣса облаковъ препятствуетъ взору и обильно снабжаетъ влагою зону лавровыхъ лѣсовъ, которые, къ сожалѣнію, за послѣднее время очень сильно повырублены. Темная зелень пихтъ вырисовывается выше облаковъ и достигаетъ до самаго гребня Кумбрійскаго хребта. Надъ всѣмъ окружающимъ царитъ гигантскій черноватый конусъ — вершина Тенериффскаго пика. Онъ поднимается изъ грандіознѣйшаго горнаго

цирка въ мірѣ. При взглядѣ на него мнѣ живо припоминаются тѣ прогулки по заполненному лавой и пепломъ прежнему кратеру вулкана, которыя я совершалъ неоднократно прежде. Поднимающійся въ видѣ порядочныхъ деревьевъ канарскій дрокъ (*Spartium nubigenum*) играетъ преобладающую роль среди растительности кратера и, когда онъ весною покрывается бѣлыми цвѣтами, воздухъ наполняется чуднымъ ароматомъ, разносимымъ вѣтромъ на много миль отъ острововъ. Подъемъ къ новому конусу вулкана очень труденъ,—вьючные мулы еле дышатъ подъ тяжестью одѣялъ, воды и провизіи, пока не доплетутся до ночевки, приблизительно на серединѣ разстоянія до вершины вулкана. Ночью не до сна,—чувствуешь себя такимъ одинокимъ и затерянным въ необъятной вселенной, такимъ далекимъ отъ всѣхъ житейскихъ дрязгъ и заботъ... Внизу разстилается царство смерти, царство обломковъ и пепла, надъ головой сверкаетъ миріадами свѣ-

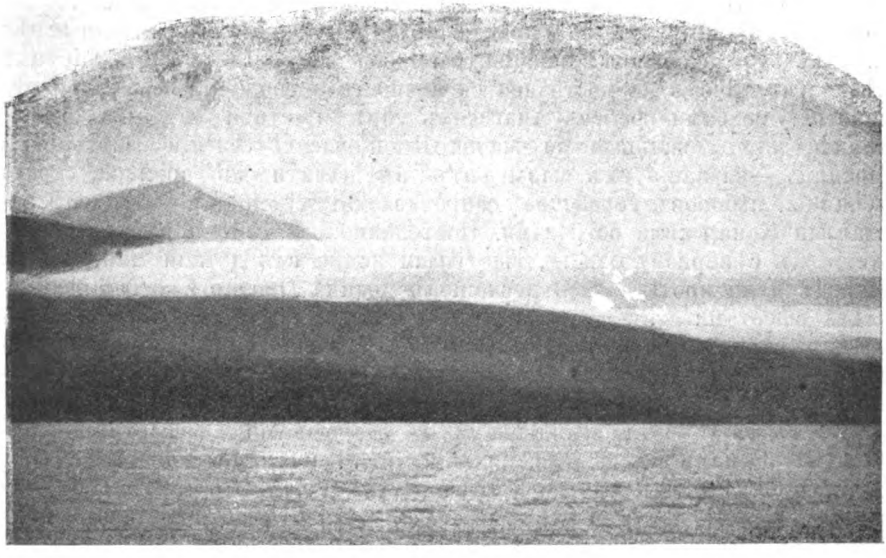

Рис. 9. Тенериффскій пикъ.

тилъ дивное южное небо и, какъ привидѣніе, поднимается темный конусъ вулкана,—онъ также мертвъ, лишь кое-гдѣ показываются клубы бѣлыхъ паровъ, указывая на то, что не совсѣмъ еще онъ уснулъ навѣки, что гдѣ то тамъ внутри сохранились еще слѣды его дѣятельности.... Утромъ снова начинается тяжелый путь черезъ острые обломки обсидіана, черезъ рыхлыя груды вулканическаго пепла... Часто приходится останавливаться, чтобы набрать въ себя воздуха, уже сильно разрѣженнаго на этихъ высотахъ, или чтобы сорвать фіалку, которая и здѣсь умудряется укрѣпиться своимъ корешкомъ въ вулканическомъ пеплѣ. Наконецъ, послѣ долгаго мучительнаго подъема, доберешься до вершины и въ полномъ изнеможеніи сядешь на краю кратера, чтобы полюбоваться видомъ, которому, дѣйствительно, врядъ ли найдется равный въ мірѣ. Подъ ногами разстилается поверхность въ 5700 кв. миль, т. е. равная приблизительно четверти поверхности всей Испаніи. Какъ на картѣ, разбросаны внизу всѣ семь Канарскихъ

острововъ: къ западу— Пальма, Ферро и Гомера, восточнѣе—о. Большой Канарскій и лежащіе ближе къ африканскому материку острова Фуертавентура и Ланцаротъ. Тенериффа кажется лишь основаніемъ вулканическаго конуса, тѣнь котораго отбрасывается далеко на западъ. У ногъ простирается безграничный океанъ. Кто желаетъ убѣдиться въ необъятности моря, тому надо взглянуть отсюда съ высоты Тенериффскаго пика,—онъ гораздо сильнѣе проникнется здѣсь этимъ чувствомъ, чѣмъ во время долгихъ недѣль морского путешествія, когда видишь передъ собой постоянно одну безграничную гладь океана. Какъ грандіозна стихія, какимъ малымъ и ничтожнымъ чувствуешь себя, какими крохотными кажутся острова съ находящимися на нихъ селеніями!

Но вотъ раздался выстрѣлъ салюта и разнесся гулко по окрестностямъ—онъ оторвалъ меня отъ нахлынувшихъ воспоминаній и перенесъ въ дѣйствительность. Якорь «Вальдивіи», грохоча цѣпью, погрузился въ море и судно наше колыхалось на открытомъ рейдѣ Оротавы. Населеніе, повидимому, недовѣрчиво отнеслось къ нашему огромному бѣлому судну, и лодка съ санитарнымъ надзоромъ приближалась медленно и осторожно. Лишь когда различили германскій флагъ, недовѣрчивость изчезла—значитъ, это не американцы, которыхъ на Канарскихъ островахъ побаиваются, предполагая въ нихъ намѣреніе укрѣпиться здѣсь, несмотря на всѣ мирные договоры! Старинные знакомые съ большимъ радушіемъ приняли насъ въ городѣ и, вспоминая давнія времена, мы провели пріятный вечеръ въ знакомой тавернѣ донны Жуаны. «Кто разъ видѣлъ Канарскіе острова,—говоритъ мнѣ радушная хозяйка,—тотъ ужъ, видно, не можетъ ихъ забыть,—его всегда опять сюда тянетъ».

Въ виду того, что нашъ ботаникъ предполагалъ познакомиться ближе съ характерной флорой Канарскихъ острововъ, мы предприняли на слѣдующій день экскурсію вдоль берега до мѣстечка Икодъ, знаменитаго своимъ старымъ драконовымъ деревомъ. Съ величайшимъ наслажденіемъ освѣжились мы до отхода рано утромъ морскимъ купаньемъ и затѣмъ направились по тихимъ улицамъ городка и между роскошными плантаціями вдоль берега. Растительность на сѣверной сторонѣ острова поражаетъ свѣжестью и роскошнымъ развитіемъ, несмотря на то, что былъ уже конецъ лѣта, а періодъ дождей еще не начинался. Дорога вела между эвкалиптами, миртовыми деревьями и олеандрами, стоящими во всемъ великолѣпіи своего краснаго наряда цвѣтовъ. Справа открывался видъ на морской берегъ, слѣва—на Кумбрійскій хребетъ и на крутой обрывъ горы Тигаига, закрывающій собою вершину Тенериффскаго пика. Банановыя насажденія и виноградники съ разбросанными кое гдѣ канарскими пальмами и небольшими драконовыми деревьями, чередовались съ полями, которыя оропаются цѣлою системою каналовъ. Мѣстами дорога прерывается ущельями, зигзагами спускается и поднимается по ихъ откосамъ, мѣстами встрѣчаются развалины прежнихъ укрѣпленій—слѣды столѣтней борьбы за обладаніе Канарскими островами, закончившейся пораженіемъ войска гуанчей подъ предводительствомъ ихъ короля Бенкомо. Все круче поднимаются скалистыя громады Тигаига, во многихъ мѣстахъ прорванныя ущельями и покрытыя характерными формами растительности, свойственными Канарскимъ скаламъ. Молочаи (*Euphorbia canariensis*), выше человѣческаго роста, своими очертаніями напоминаютъ кактусы, другой видъ молочая (*Euphorbia regis jubae*) походитъ на кустарникъ

коверъ живучекъ (*Sempervivum*) покрываетъ голый камень скалъ, кустарники *Cistus* и развѣтвленныя, какъ канделябры, вѣтви сложнодвѣтнаго *Kleinia* выдѣляются всюду между другими представителями флоры. По красотѣ своихъ видовъ крутой берегъ острова около Ла-Рамбла можетъ выдержать сравненіе со знаменитѣйшими мѣстами южной Италіи и Капскихъ колоній. Нельзя оторвать взоровъ отъ этихъ дикихъ обрывовъ, стремительно спускающихся къ глубокому морю и ревущему внизу прибою, и отъ этихъ склоновъ, покрытыхъ воздѣланными полями и плантаціями, между которыми тамъ и сямъ выставляются во всей своей красѣ граціозныя канарскія пальмы.

За Ла-Рамбла дорога проходитъ по обширнымъ полямъ, покрытымъ потоками лавы, и мѣстность становится болѣе однообразной. Все кажется какъ бы высохшимъ и превратившимся въ прахъ, помертвѣвшимъ, и лишь около мѣстечка Икодъ опять встрѣчаешь болѣе богатую растительность. Въ то же время здѣсь открывается чудный видъ на выдѣляющійся теперь конусъ пика, который какъ разъ отсюда наименѣе всего загораживается другими горами. Намъ, къ сожалѣнію, не позволили долго любоваться на эту дивную картину облака, опустившіяся густымъ покровомъ и разразившіяся дождемъ, котораго давно уже жаждало все населеніе. Наше появленіе въ мѣстечкѣ вызвало не малое изумленіе—англичанъ-туристовъ, наводняющихъ въ обыкновенное время Канарскіе острова, давно здѣсь уже не было, такъ какъ ихъ напугала война, гостинницы были заперты, и мы не безъ затрудненій отыскали себѣ уголокъ, гдѣ могли отдохнуть и подкрѣпиться.

Всеобщій интересъ возбудило, конечно, знаменитое драконовое дерево (рис. 10). По своимъ размѣрамъ и роскошному развитію этотъ гигантъ со своими свѣшивающимися съ вѣтвей воздушными корнями и богатой листвою, несомнѣнно, превосходитъ всѣ сохранившіеся на Канарскихъ островахъ экземпляры, не исключая и прославленнаго Гумбольдтомъ драконоваго дерева Оротавы. Въ его внѣшности есть что то величественное и въ то же время мрачное, отъ него вѣетъ стариною, чѣмъ то легендарнымъ, сказочнымъ. И дѣйствительно, это дерево видѣло много на своемъ вѣку,—подъ его тѣнью когда то держали народный совѣтъ вмѣстѣ съ своимъ королемъ выборные гуанчей. Сколько лѣтъ могло бы ему быть? Гуанчи потерпѣли пораженіе отъ кастильскихъ рыцарей у мѣстечка Реалейосъ 25 го іюля 1496 года,—два года спустя послѣ того, какъ они разбили на голову закованныхъ въ панцыри испанскихъ рыцарей въ ущельи у Матанца, несмотря на то, что были вооружены лишь копьями и пращами. Борьба за обладаніе Канарскими островами, начавшаяся въ 1402 г. съ высадки норманскаго рыцаря Жана Бетанкура на островѣ Ланцаротъ, была этимъ пораженіемъ закончена. 500 лѣтъ, слѣдовательно, протекло съ того времени, когда норманы впервые увидѣли драконовы деревья и въ виду большой ихъ древности, сочли ихъ священными. Если бы кто нибудь подумалъ, однако, что и въ настоящее время древнія драконовыя деревья считаются національной святыней, то онъ глубоко бы ошибся—любовь къ историческимъ древностямъ мало развита у испанскаго народа, а интересъ къ естественно-историческимъ сокровищамъ и совершенно отсутствуетъ. Знаменитый гигантъ Икода стоитъ въ тѣсномъ маленькомъ садикѣ, стѣна котораго прилегаетъ къ самому стволу и закрываетъ его широкое основаніе даже съ того единственнаго мѣста, откуда на дерево открывается свободный видъ. Владѣлецъ дерева, простой крестьянинъ, предлагалъ мнѣ все свое имѣніе вмѣстѣ съ

деревомъ за 3.500 дуросовъ (около 7.000 руб.) и, вѣроятно, сдѣлалъ бы съ этой суммы значительную скидку, если бы я серьезно имѣлъ желаніе съ нимъ торговаться. Директоръ ботаническаго сада въ Оротавѣ, швейцарецъ Вильдпретъ, разсказывалъ мнѣ, что раньше этотъ

Рис. 10. Драконово дерево въ Икодѣ.

крестьянинъ просто-на-просто хотѣлъ срубить знаменитое дерево, такъ какъ оно слишкомъ затѣняло садъ,—лишь впослѣдствіи, когда его садъ стали посѣщать иностранцы, съ которыхъ ему постоянно кое что перепадало, онъ измѣнилъ свое намѣреніе.

Икодъ,— маленькій городокъ, привлекающій путешественниковъ

лишь своимъ драконовымъ деревомъ и величественнымъ видомъ на Тенериффскій пикъ. Въ немъ вы не найдете древне-испанскихъ дворцовъ, какіе послѣ завоеванія Тенериффы были возведены знатью въ Оротавѣ и Лагунѣ и выстроены столь прочно, что сохранились въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій до настоящаго времени. Галлереи домовъ въ Икодѣ построены изъ канарской пихты, а лѣстницы изъ драгоцѣнныхъ стволовъ лавроваго дерева. Домики скромные, въ одинъ или два этажа, и своеобразный видъ имъ придаютъ лишь галлереи и рѣшетчатыя ставни оконъ. Дома, которые побольше, имѣютъ внутри дворикъ, окруженный галлереею и засаженный пальмами и цвѣтущими растеніями. Чужестранца встрѣчаютъ здѣсь съ необыкновеннымъ радушіемъ и угощаютъ стаканомъ напитка наиболѣе пріятнаго въ жаркую пору,—именно, стаканомъ прохладной фильтрованной воды. Фильтръ изъ особаго известняка, добываемаго въ Ласъ-Пальмасъ, можно найти въ каждомъ домѣ.

Небольшая возвышенность, съ которой открывается восхитительная панорама, увѣнчана простенькой по своей архитектурѣ церковью. Какъ разъ когда мы собирались уходить, изъ этой церкви вышла процессія, совершавшая благодарственное богослуженіе, по поводу только что полученнаго извѣстія объ окончаніи войны съ Америкой. Всюду по острову намъ попадались группы солдатъ-резервистовъ въ голубыхъ курткахъ, которые открыто выражали свою радость, что Канарскіе острова не попали въ районъ военныхъ дѣйствій и не пострадали отъ американскаго военнаго флота.

На слѣдующій день мы предположили пересѣчь островъ и выйти на противоположную сторону, тогда какъ судно наше должно было сняться съ якоря, обойти островъ кругомъ и остановиться въ гавани Санта-Круца. На островѣ мало уже осталось мѣстъ, гдѣ бы прежняя туземная растительность сохранилась во всей неприкосновенности, особенно мало лавровыхъ лѣсовъ, представляющихъ такое цѣнное украшеніе острова. Ближайшей цѣлью нашей экскурсіи мы и поставили себѣ добраться до одного такого сохранившагося уголка—стариннаго лавроваго лѣса на горномъ хребтѣ у Такоронте. Мы распростились съ нашей радушной хозяйкой донной Жуаной, у которой такъ пріятно проводили время въ обществѣ ея милыхъ дочерей, и направились по дорогѣ, ведущей къ городу Лагуна.

Съ вершины горы св. Урсулы, гдѣ пальмы собраны въ небольшія рощицы, открывается живописный видъ на то поистинѣ райское мѣстечко земного шара, которое называется долиной Оротавы. Далѣе дорога идетъ по болѣе безплодной мѣстности, покрытой агавами и кактусами и имѣющей болѣе итальянскій характеръ. Идти подъ солнечнымъ зноемъ между сжатыми уже полями, на которыхъ туземцы занимались очисткой зерна и вѣяніемъ, было очень утомительно. Наконецъ, мы замѣтили темную полосу лавроваго лѣса, расположеннаго у Аква-Гарція. Онъ окруженъ лишь здѣсь встрѣчающимся падубомъ (*Ilex platyphyllus*) и древовиднымъ верескомъ (*Erica arborea*) и состоитъ самъ, главнымъ образомъ, изъ канарскаго лавра (*Laurus canariensis*) и другого дерева, носящаго у туземцевъ названіе «винатико» (*Persea indica*). Роскошно разрастающіеся здѣсь кустарники, прикрѣпленные къ стволамъ деревьевъ папоротники и масса ползучихъ растеній, напоминающихъ уже собою ліаны тропиковъ, оживляютъ лѣсъ и дѣлаютъ его болѣе разнообразнымъ. Судя по всему, однако, надо думать, что не смотря на строгіе лѣсные законы, которые и здѣсь,

какъ вездѣ, плохо выполняются, лавровый лѣсъ все же сильно вырубается. Онъ показался мнѣ болѣе рѣдкимъ, чѣмъ былъ по воспоминаніямъ при моемъ первомъ посѣщеніи; возможно, впрочемъ, что здѣсь виновато отчасти сухое время года. На скалистыхъ стѣнахъ одного изъ журчащихъ ручейковъ мы замѣтили свѣшивающіяся плети растенія *Woodwardia*, тогда какъ въ глубинѣ разсѣлины нашли побѣги темно-зеленаго *Trichomanes radicans*. Этотъ лѣсъ у Аква-Гарція значительно уступаетъ по прелести вѣчно зеленымъ лѣсамъ на островѣ Пальма, гдѣ царитъ таинственный полумракъ, но, тѣмъ не менѣе, на человѣка, попадающаго сюда впервые, онъ производитъ захватывающее впечатлѣніе. Спутники мои такъ увлеклись имъ, что мы пробыли здѣсь почти цѣлый день и лишь подъ вечеръ выбрались отсюда и пріѣхали въ городокъ Лагуна, бывшій когда-то столицей Тенериффы. Своими старинными дворцами, свидѣтельствующими о быломъ могуществѣ и благосостояніи, городокъ, расположенный на довольно пустынной равнинѣ, производитъ меланхолическое впечатлѣніе, хотя теперь, лѣтомъ, въ немъ еще больше жизни, чѣмъ зимою,—сюда спасаются отъ жары жители Санта-Круца, ища прохлады на высотахъ. И здѣсь имѣется старое драконово дерево, но оно разрослось больше въ ширину и, благодаря своему толстому стволу, производитъ болѣе неуклюжее впечатлѣніе.

Когда мы спускались по многочисленнымъ зигзагамъ на южную сторону острова къ центру дѣловой дѣятельности Тенериффы, городу Санта-Круцъ, намъ казалось, что мы переносимся изъ райскихъ садовъ въ уголокъ Сахары: все было пусто, голо, покрыто пылью, изсушено. Мы были рады-радешеньки, когда, миновавъ раскаленныя улицы города, попали, наконецъ, на палубу «Вальдивіи» и пріятно провели вечеръ въ бесѣдѣ со своими соотечественниками, живущими въ Санта-Круцѣ.

Уже при приближеніи къ Канарскимъ островамъ воздухъ утратилъ свою обычную прозрачность, теперь же онъ становился постепенно какъ бы болѣе сгущеннымъ, и предметы принимали тусклыя, неопредѣленныя очертанія. Ночью мы снялись съ якоря и отправились къ острову Большому Канарскому, который даже послѣ восхода солнца сталъ замѣтенъ, лишь когда мы подошли къ нему совсѣмъ близко. Обусловливалось это большимъ количествомъ въ воздухѣ мельчайшей пыли.

Столица острова, городъ Ласъ-Пальмасъ, была также скрыта отъ взоровъ облаками пыли. Мы воспользовались непродолжительной стоянкой, вызванной необходимостью принять здѣсь уголь, для того, чтобы осмотрѣть городъ. На ведущей къ гавани широкой улицѣ, по которой ходитъ трамвай, наметены положительно песчаныя дюны, массы пыли поднимаются на воздухъ вихремъ и дѣлаютъ пребываніе здѣсь въ концѣ лѣта положительно невозможнымъ. Между тѣмъ, какъ разъ по этой улицѣ расположились, вѣроятно по ошибкѣ, всѣ новѣйшіе, превосходно отстроенные отели,—они далеки даже отъ морского купанья. Какъ это ни странно, но говорятъ, что все же отели эти переполнены зимою англійскими туристами.

Вліяніе засухи сказывалось здѣсь еще въ сильнѣйшей степени, чѣмъ въ Санта-Круцѣ,— рѣка Гвинигвада совершенно высохла. Лишь въѣхавъ въ городъ, мы были пріятно удивлены его очевиднымъ благосостояніемъ.

Между всѣми городами, носящими европейскій характеръ, Ласъ-Пальмасъ едва ли не наиболѣе южный. Населеніе его свободно отъ притока чужой крови и сохранилось вполнѣ чистымъ, такъ какъ вся-

кія сношенія съ берберійскими племенами африканскихъ береговъ, строго запрещены; особенно это запрещеніе касается канарскихъ рыбаковъ, которые утилизируютъ поразительныя рыбныя богатства, скрывающіяся въ нѣдрахъ океана между Канарскими островами и материкомъ. Ласъ-Пальмасъ производитъ впечатлѣніе настоящаго южно-испанскаго города не только по составу своего населенія, но даже и по внѣшнему виду своихъ домовъ и католическихъ соборовъ, возведенныхъ изъ темнаго камня. Благодаря энергіи купечества и интеллигентности плантаторовъ, умѣло эксплуатирующихъ природныя богатства острова, удалось легко пережить тяжелые кризисы, созданные паденіемъ культуры сахарнаго тростника и кошенили. Въ теченіе долгаго времени прекрасная гавань города давала ему преимущество надъ Санта-Круцемъ, но затѣмъ столица Тенериффы, издавна ревниво оспаривавшая первенство, не побоялась огромныхъ затратъ и возвела большой молъ, также прекрасно оградившій ея рейдъ,—въ настоящее время пароходное сообщеніе распредѣляется почти равномѣрно между обѣими гаванями. Отношеніе Канарскихъ острововъ къ метрополіи съ давнихъ временъ самое тѣсное—они представляютъ изъ себя не колонію, а одну изъ провинцій Испаніи. Нравственность жителей стоитъ высоко,—ни одна испанская провинція и, пожалуй, не многія мѣстности Европы могутъ похвастаться такимъ незначительнымъ процентомъ преступниковъ противъ собственности и жизни. Тѣ черты жестокости, которыя присущи гордому и самолюбивому испанцу, не свойственны жителямъ Канарскихъ острововъ, здѣсь неизвѣстны кровавыя бойни, называемыя боемъ быковъ, и не пользуются всеобщимъ уваженіемъ и почетомъ невѣжественные тореадоры.

Не отсутствуютъ въ Ласъ-Пальмасъ и высшія духовныя стремленія, даже стремленіе къ наукѣ,—въ этомъ убѣдило насъ присутствіе недурного музея, въ которомъ собраны единственныя въ своемъ родѣ коллекціи, относящіяся ко времени гуанчей. Я не преминулъ сдѣлать визитъ маститому основателю этого музея, извѣстному историку Канарскихъ острововъ дону Грегоріо Чиль-и-Наранчо, своему давнишнему знакомому. Старая мальвазія, которую онъ добылъ изъ своего погреба на радостяхъ, пришлась очень кстати, такъ какъ, проѣзжая по городу и по прилегающему къ нему Барранко Секо, мнѣ пришлось порядочно наглотаться пыли.

ГЛАВА III.

Морскія теченія.—Ловля акулъ.—Боависта.—Гвинейское теченіе.—Фауна поверхности моря.—Черные дельфины.—Прохожденіе экватора.—Праздникъ Нептуна.

Когда мы покинули Канарскіе острова, наступила съ 20-го августа пасмурная погода, державшаяся долгое время. Воздухъ былъ тяжелымъ и влажнымъ, небо покрыто облаками и кругозоръ ограниченъ туманомъ. Это не была, впрочемъ, типичная погода пассатныхъ вѣтровъ, какую мы могли бы уже въ данное время встрѣтить въ этой мѣстности. Во время нашего прохожденія сказывалась очень чувствительно близость пустыни,—тончайшая красноватая пыль осаждалась на подвѣтренной сторонѣ судна и въ особенности на тентѣ, т.-е. парусѣ, растянутомъ надъ палубой, чтобы предохранить насъ отъ жгучихъ лучей солнца. Парусъ этотъ окрашивался въ явственный красноватый цвѣтъ. Постоянный сѣверо-восточный пассатъ не только уноситъ изъ пустыни мельчайшія частички почвы, поднимаемыя вихрями, но и обусловливаетъ у береговъ въ области Сахары весьма своеобразное явленіе—подъемъ на морскую поверхность холодной воды съ глубинъ. Для объясненія этого явленія я позволю себѣ сдѣлать маленькое отступленіе.

Еще Гершель и Франклинъ доказывали въ свое время, а недавно скончавшійся географъ Цёпприцъ подтвердилъ и математическими выкладками, что морскія теченія, имѣющія постоянное направленіе, зависятъ главнымъ образомъ отъ передвиженія поверхностныхъ слоевъ воды вѣтромъ,—главнымъ двигателемъ теченій являются преобладающіе вѣтры. Въ той области, которая лежала теперь передъ нами, находятся три крупныхъ морскихъ теченія, имѣющихъ огромное значеніе для всего экваторіальнаго района Атлантическаго океана: сѣверное экваторіальное теченіе, идущее съ востока на западъ, Гвинейское теченіе, направляющееся съ запада на востокъ, и, наконецъ, южно-экваторіальное теченіе, идущее въ томъ же направленіи, какъ и сѣверное (см. приложенную карту теченій). Теченія эти стоятъ въ тѣснѣйшей связи съ вѣтрами: сѣверное экваторіальное теченіе находится въ области сѣверо-восточнаго пассата, Гвинейское теченіе—въ области юго-западнаго муссона, тогда какъ южно-экваторіальное теченіе — въ области юго-восточнаго пассата.

Сѣверо-восточный пассатъ отгоняетъ отъ африканскихъ береговъ нагрѣтые верхніе слои воды въ океанъ и, вслѣдствіе этого, недостатокъ воды пополняется притекающими съ глубинъ нижними слоями, которые приносятъ на поверхность болѣе холодную воду.

Чтобы познакомиться ближе съ этимъ явленіемъ, мы направили нашъ курсъ отъ Большого Канарскаго острова прямо къ африканскому

берегу, именно, къ выдающемуся на немъ пункту, носящему названіе мыса Боядоръ. Поднятіе холодныхъ слоевъ воды было нами констатировано, однако, въ менѣе рѣзкой формѣ, чѣмъ предыдущими изслѣдователями. Температура поверхности воды, пока мы находились вблизи берега (24-го августа мы были отъ берега въ разстояніи всего 40 морскихъ миль), колебалась между+20,5° и +22°. Когда мы снова вышли въ открытый океанъ, она стала быстро подниматься и достигла 27-го августа+26°. Если принять во вниманіе, что температура въ различныхъ областяхъ теченія замѣчательно постоянна, то полученная разница уже заслуживаетъ большого вниманія.

Сильное волненіе, обусловленное сѣверо-восточнымъ пассатомъ, значительно затрудняло наши обычныя работы по измѣренію глубинъ и глубоководныхъ температуръ и по добыванію зоологическаго матеріала. Судно сильно кренилось то въ ту, то въ другую сторону, и волны то и дѣло перекатывались черезъ палубу. Наши химикъ и бактеріологъ были принуждены приказать задраить люки, ведущіе въ ихъ лабораторіи, а зоологамъ нерѣдко приходилось ловить на лету уходящіе изъ ихъ рукъ микроскопы.

27-го августа мы только что начали производить спускъ нашей вертикальной пелагической сѣти, какъ раздался крикъ капитана съ мостика, что у самаго судна видна большая акула. Это извѣстіе мигомъ облетѣло все судно, и всѣхъ привело въ движеніе. Тотчасъ же нѣсколько человѣкъ бросается на ютъ и одинъ изъ офицеровъ судна прикрѣпляетъ на приготовленный уже для такого случая большой крюкъ кусокъ сала. Вскорѣ, дѣйствительно, мы замѣчаемъ въ водѣ коричневато сѣрую спину, большіе грудные и спинной плавники и широкую, голову огромной акулы - людоѣда (*Carcharias*). Она, повидимому, уже почуяла добычу, но долго еще не приближалась къ приманкѣ. Особенно интересное зрѣлище представляли сопровождающіе акулу полосатые, какъ зебры, лоцмана ея (*Naucrates ductor*), они неутомимо слѣдили за всѣми поворотами своего гиганта - товарища и то мелькали надъ его головою, то исчезали у него подъ грудными плавниками. Всѣ съ напряженіемъ слѣдятъ за движеніями страшнаго хищника, но вотъ, наконецъ, акула поворачивается на бокъ, и хватаетъ сало своею огромною пастью. Это служитъ сигналомъ тащить, и всѣ хватаются наперерывъ за веревку, но... напрасно!—сало сорвалось, и крюкъ не захваченъ. Пока прикрѣпляютъ другой кусокъ, раздается опять крикъ съ мостика, что показалась вблизи еще одна акула, не проходитъ минуты, какъ замѣчаемъ еще одну и, наконецъ—четвертую. Медленно и спокойно описываютъ чудовища большіе круги впереди носовой части судна, имъ бросаютъ еще одинъ крюкъ, наживленный саломъ. Немного погодя на первый крюкъ попалась одна изъ акулъ—желѣзо вонзилось въ ея пасть. Трудно описать то ликованіе, которое обуяло всю команду! Извѣстіе о томъ, что на крюкъ попалась акула, быстро проникло и въ машинное отдѣленіе и въ камбузъ, и въ каютъ-компанію, и отовсюду бѣгутъ люди и съ ожесточеніемъ хватаются за веревку и тянутъ изо всѣхъ силъ, тогда какъ виновница всего переполоха, выхваченная изъ своего природнаго элемента, дико извивается на крюкѣ и хлещетъ хвостомъ по бортамъ судна, такъ что далеко разносятся звуки ея ударовъ. Но вотъ треугольная голова чудовища показывается изъ за борта, изъ нея струится кровь, страшные зубы выдаются изъ угрожающе раскрытой пасти. Еще одно мгновеніе—и хищникъ лежитъ на палубѣ и яростно бьетъ сильнымъ хвостомъ во всѣ стороны.

Тутъ уже нужна осторожность, чтобы не подвернуться подъ страшный ударъ! Боцманъ бросается на акулу съ поднятой тяжеловѣсной дубиной, судовой плотникъ спѣшитъ съ топоромъ, другіе матросы стараются накинуть на извивающійся хвостъ петлю каната. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, это, наконецъ, удается, канатъ перебрасываютъ черезъ блокъ и поднимаютъ добычу на воздухъ. Большого труда стоитъ спасти животное отъ топоровъ и ножей команды,—если бы не наше энергичное заступничество, матросы, навѣрное, изрубили и изрѣзали бы ее въ куски: акула — страшный врагъ моряка, и если тому удается до нее добраться, то ужъ онъ на ней вымещаетъ всю накопившуюся злобу. Никогда мнѣ не приходилось слышать болѣе грубыхъ и ужасныхъ ругательствъ, какъ тѣ, которыя изливались на голову уже безвреднаго чудовища!

Пока мы были заняты еще съ первой жертвой, громкій крикъ радости, пронесшійся по пароходу, возвѣстилъ намъ поимку второй акулы. Вскорѣ попались на крюкъ и третья, и четвертая. И каждый разъ повторяются тѣ же сцены всеобщаго оживленія, даже поваръ появляется на палубѣ и своимъ вертеломъ помогаетъ укрощать свирѣпо отбивающихся чудовищъ. Между тѣмъ судно наше продолжаетъ дѣлать широкіе размахи, отъ времени до времени волна вырастаетъ горой и раскатывается по палубѣ. Рьяный фотографъ, только что нацѣлившійся своимъ моментальнымъ аппаратомъ, окаченъ съ ногъ до головы такой набѣжавшей волною, другіе принуждены ухватиться за снасти, чтобы не быть сброшенными въ лужи крови, набѣжавшія изъ зіяющихъ ранъ побѣжденныхъ морскихъ чудовищъ.

Всѣ кто не пострадалъ отъ соленой влаги, которою Нептунъ мстилъ очевидно, за безвременную гибель своихъ дѣтищъ, собрались вокругъ пойманной добычи и выслушивали объясненія зоологовъ. По ихъ словамъ, это акула-людоѣдъ (*Carcharias Lamia*), — видъ наиболѣе часто встрѣчающійся въ этихъ областяхъ моря и характеризующійся необыкновенной шириной грудныхъ плавниковъ, положеніемъ передняго спиннаго плавника, закругленной мордой и формой своихъ сильно заостренныхъ зубовъ. Мы измѣрили одинъ изъ экземпляровъ и нашли, что длина его отъ конца морды до конца хвоста довольно значительна — 2,48 метра. При вскрытіи, произведенномъ для того, чтобы приготовить въ видѣ анатомическихъ препаратовъ мозгъ, сердце и спиральную кишку животнаго, оказалось, что желудки акулъ пусты,—по всей вѣроятности, ихъ томилъ жесточайшій голодъ, иначе нельзя объяснить, какъ могли намъ попасться подрядъ всѣ 4 экземпляра. Акулы и позднѣе нерѣдко появлялись вблизи нашего судна, особенно во время остановокъ, онѣ заставляли насъ иногда поостеречься и не спускать нашей маленькой лодочки для пелагическаго лова.

Увлекшись охотой, мы и не замѣтили, что пересѣкли тропикъ,—на это намъ скоро указало повышеніе температуры и увеличеніе влажности воздуха. Платье въ шкафахъ, сапоги, кожанные переплеты книгъ и даже сигары начали покрываться зеленымъ налетомъ плесени, а наши инструменты и стальныя пружины—ржавѣть.

Сильный пассатъ занесъ къ намъ съ материка множество птицъ, которыя въ полномъ изнеможеніи опускались къ намъ на судно, ища на немъ отдыха. Несмотря на то, что мы находились на большомъ разстояніи отъ берега, количество видовъ птицъ, залетѣвшихъ къ намъ, было замѣчательно велико, между ними главную роль играли сорокопуты и мелкія пѣвчія; вскорѣ онѣ принялись у насъ на палубѣ охотиться

за занесенными вмѣстѣ съ ними бабочками и другими насѣкомыми. На растянутомъ тентѣ мы собрали богатую коллекцію такихъ занесенныхъ насѣкомыхъ,—явное доказательство того, что въ распространеніи летающихъ насѣкомыхъ вѣтеръ и суда имѣютъ не маловажное значеніе. 28-го августа, напримѣръ, мы собрали на тентѣ 50 бабочекъ, относящихся къ 15 видамъ.

Лишь вблизи острововъ Зеленаго Мыса, куда мы подошли 29-го августа, погода измѣнилась. Перемѣна эта сопровождалась сильнѣйшимъ ливнемъ, давшимъ сразу 19,6 мм. осадковъ и понизившимъ температуру воздуха съ 27,5° до 24° С. Мы были истомлены жарой и обрадовались ливню,—тотчасъ же явилась мысль воспользоваться имъ какъ душемъ, благо на нашемъ суднѣ не было ни одной дамы.

Уже ночью на 29-ое былъ замѣтенъ на горизонтѣ самый восточный изъ острововъ Зеленаго Мыса—Боависта. Островъ сильно вытянутъ въ длину, съ выдающимися въ море дюнами и голыми отдѣльными вершинами, далеко не похожими на живописные конусы Канарскихъ острововъ. Нигдѣ нѣтъ растительности, за исключеніемъ долинъ, въ которыхъ виднѣются мѣстами зеленыя полосы. Роскошный тропическій вечеръ послѣ грозы познакомилъ насъ здѣсь впервые съ тѣмъ великолѣпнымъ смѣшеніемъ яркихъ красокъ, которое нерѣдко приходилось потомъ наблюдать въ тропикахъ. Островъ казался фіолетовою, а по заходѣ солнца черною массою, тогда какъ на западѣ облака были окрашены въ кроваво-красный цвѣтъ, а море, казалось, состояло изъ расплавленнаго свинца...

Обошедши островъ Боависту, неподалеку отъ котораго мы сдѣлали нѣсколько удачныхъ глубоводныхъ лововъ драгою и добыли интересныя стеклянныя губки и коралловъ съ оранжевыми полипами, мы измѣнили курсъ и направились на юго-востокъ.

Уже 31-го августа мы вступили въ область направляющагося на востокъ Гвинейскаго теченія,—теплая, мало соленая и темно-синяя вода котораго въ теченіе слѣдующихъ недѣль доставила намъ невѣроятное количество драгоцѣннѣйшихъ животныхъ для нашихъ коллекцій. Эта область моря принадлежитъ къ интереснѣйшимъ районамъ экваторіальнаго Атлантическаго океана и потому будетъ, пожалуй, не лишнимъ сказать нѣсколько словъ объ ея природѣ. Что касается до температуры поверхности моря, то первоначально она была замѣчательно высока, достигая южнѣе Зеленаго Мыса 27,8°. Съ приближеніемъ къ экватору температура понизилась, очевидно, подъ вліяніемъ юго-западнаго муссона. Особенно замѣчательно, однако, отношеніе температуръ на глубинахъ: съ глубиною температура сильно падаетъ, напр., при температурѣ поверхности въ 26,6°, на глубинѣ 60 метровъ +19,3°, на глубинѣ 600— +7,7°, на глубинѣ 1.200— +4,4° С. При сравненіи Гвинейскаго теченія съ Гольфштромомъ или съ экваторіальнымъ теченіемъ, оказывается, что глубинныя температуры перваго значительно ниже,—такъ, въ Канарскомъ теченіи на глубинѣ 600 метровъ была констатирована температура 11,9°, а на глубинѣ 1.000 метровъ— +9,9° С. Изъ этого ясно, что глубокіе слои воды сѣверо-экваторіальнаго теченія и Гольфштрома прогрѣваются сильнѣе, чѣмъ въ области Гвинейскаго теченія. Это находитъ себѣ объясненіе въ томъ обстоятельствѣ, что юго-западный муссонъ влечетъ за собою, при высокомъ содержаніи влаги въ воздухѣ, пасмурную и дождливую погоду при постоянно затянутомъ облаками небѣ. Испареніе съ морской поверхности уменьшается, низвергающіеся потоки дождя понижаютъ соленость морской

воды, и вода, имѣя меньшій удѣльный вѣсъ, сильнѣе прогрѣвается и не опускается на глубины. Съ другой стороны, въ областяхъ болѣе сѣверныхъ сѣверо-восточный пассатъ обусловливаетъ ясную погоду и вызываетъ болѣе сильное испареніе на поверхности моря. Вслѣдствіе этого морская вода становится тяжелѣе, богаче солью и опускается на глубину, отдавая въ то же время пріобрѣтенный запасъ тепла болѣе глубокимъ слоямъ.

Какъ уже упомянуто, дальнѣйшій признакъ присутствія Гвинейскаго теченія—это уменьшеніе процента солености: съ 36% соленость понижается въ области пассатовъ до 34%, т. е. до солености приблизительно Нѣмецкаго моря. Если принять во вниманіе, что соленость въ океанѣ распредѣляется чрезвычайно равномѣрно и подлежитъ лишь незначительнымъ колебаніямъ, то эту разницу должно признать уже очень существенной.

Измѣненія похожія на тѣ, которыя были замѣчены при переходѣ изъ области сѣверо-восточнаго пассата въ Гвинейское теченіе, но въ обратной послѣдовательности, наступили, когда мы, 10 дней спустя, спустились къ экватору и ощутили близость южно-экваторіальнаго теченія. Юго-западный муссонъ со своими частыми ливнями и вѣчно затянутымъ небомъ уступилъ мѣсто южнымъ и юго-восточнымъ вѣтрамъ, такъ что уже 6—8 го сентября, когда наше судно проходило экваторъ, надъ нами разстилалось ясное небо и ощущалось дуновеніе юго-восточнаго пассата, несущаго съ собою замѣтное пониженіе температуры. Какъ разъ на самомъ экваторѣ ночью съ 7-го на 8-ое сентября мы наблюдали удивительно для тропической области низкую температуру воздуха и воды—именно 21,8° С. Что касается до температуры воды, то ея пониженіе было вполнѣ естественно, — мы вступили въ южно-экваторіальное теченіе, представляющее изъ себя конечную вѣтвь холоднаго Бенгуэльскаго теченія. На это указывалъ и измѣнившійся цвѣтъ воды: вмѣсто темно-синей, мы имѣли передъ собою синевато-зеленую воду. Прозрачность воды также измѣнилась: въ Гвинейскомъ теченіи при погруженіи въ воду бѣлаго диска онъ исчезаетъ изъ глазъ на глубинѣ 30 метровъ, здѣсь же предѣлъ видимости находился на 12—15 метрахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ процентное содержаніе соли въ морской водѣ повысилось, хотя и не достигло все же высокаго содержанія, встрѣчаемаго въ области сѣверо-восточнаго пассата. Рука объ руку съ охарактеризованными измѣненіями въ физической природѣ моря въ области трехъ экваторіальныхъ теченій шли также измѣненія въ составѣ фауны животныхъ, плавающихъ на поверхности,—такъ называемаго планктона. Имѣя въ виду, что вопросъ этотъ интересенъ самъ по себѣ и что позднѣе намъ придется еще вернуться къ нему при разсмотрѣніи образа жизни глубоководныхъ организмовъ, мы позволимъ себѣ остановиться на немъ нѣсколько подробнѣе.

Уже прежнія наблюденія, въ особенности работы Германской Планктонной экспедиціи, показали, что именно низшіе, едва замѣтные простымъ глазомъ представители животнаго міра—простѣйшія—особенно чувствительны къ физико-химическимъ измѣненіямъ въ составѣ морской воды въ различныхъ теченіяхъ. Мы имѣемъ здѣсь передъ собою одноклѣточные организмы, гдѣ жизнь проявляется въ самой простой, наиболѣе доступной для изслѣдованія формѣ. Организмы эти примыкаютъ то ближе къ растительнымъ формамъ, то приближаются къ животнымъ, причемъ, какъ убѣждаютъ насъ въ этомъ новѣйшія изслѣдованія, провести здѣсь сколько нибудь рѣзкую границу между пред-

ставителями животнаго и растительнаго царства, оказывается прямо невозможнымъ. Между простѣйшими, относительно принадлежности которыхъ къ тому или другому царству давно уже ведутся споры у ботаниковъ и зоологовъ, заслуживаютъ особаго вниманія такъ называемыя жгутиковыя инфузоріи. Нѣкоторыя изъ нихъ обладаютъ способностью самостоятельно вырабатывать, подъ вліяніемъ свѣта, изъ поглощенныхъ морскою водою неорганическихъ соединеній (главнымъ образомъ, изъ углекислоты и соединеній азота) бѣлковыя составныя части своего одноклѣточнаго тѣла, точно также какъ это дѣлаютъ растенія.

Этимъ свойствомъ обладаютъ лишь тѣ изъ нихъ, которыя содержатъ желтоватое или коричневатое красящее вещество, родственное зеленому красящему веществу растеній—хлорофиллу. Вещество это заключается въ маленькихъ протоплазматическихъ зернышкахъ шаро-

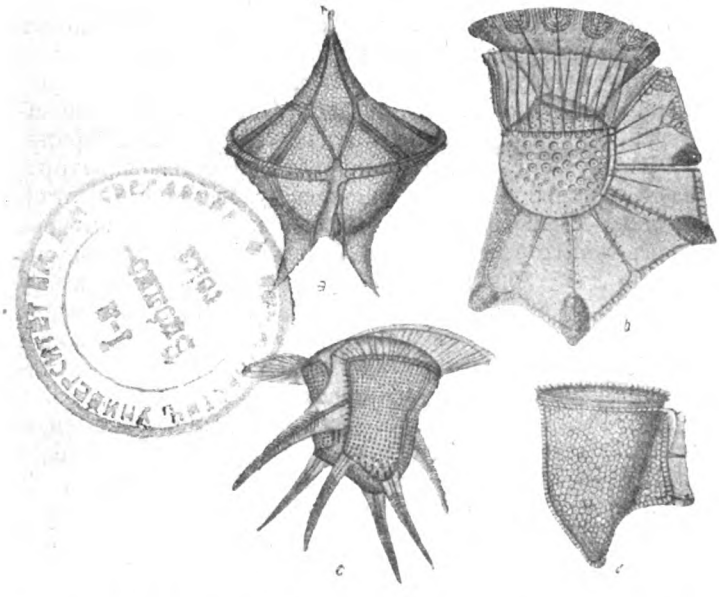

Рис. 11. Перидиніевыя теплыхъ водъ. a) *Peridinium divergens Ehrl.*—b) *Ornithocercus magnificus St.*—c) *Ceratocorys horrida St.*—d) *Phalacroma rapa St.*

образной или пластинчатой формы, такъ называемыхъ хроматофорахъ, которые прилегаютъ къ стѣнкамъ клѣтокъ. Эти жгутиковыя плаваютъ въ поверхностныхъ слояхъ океана въ особенно огромномъ количествѣ, и они-то и являются главнѣйшими производителями пищевыхъ органическихъ веществъ,—отъ нихъ находится, въ концѣ концовъ, въ прямой зависимости существованіе всѣхъ остальныхъ, болѣе высоко организованныхъ обитателей моря.

Между жгутиковыми, столь важными въ экономіи моря, обращаетъ на себя вниманіе семейство перидиніевыхъ, характеризующееся присутствіемъ у инфузорій двухъ жгутиковъ,—одинъ изъ нихъ располагается въ бороздѣ, окаймляющей тѣло, тогда какъ другой выставляется изъ перпендикулярной къ этой бороздѣ глубокой, щелевидной ямки. Плазматическое тѣло покрыто твердымъ панцыремъ, который нерѣдко несетъ длинные отростки или крыловидныя расширенія, играющія

стр.

главная героя романа.—Театральныя новинки.—«Лишенный правъ» г. Потапенки. **А. Б.** 1

17. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. **На родинѣ.** Дѣтскіе мечты и запросы.—Взаимодѣйствіе деревни и города.—Нѣмецкія колоніи въ Новороссіи.—Изъ прошлаго.—Земскій адресъ Б. Н. Чичерину.—Отголоски монополіи.—За мѣсяцъ.—Н. И. Наумовъ. (Некрологъ). 15

18. ОБЩЕСТВО ВСПОМОЖЕНІЯ ОКОНЧИВШИМЪ ВЫСШІЕ ЖЕНСКІЕ КУРСЫ. **Т. Богдановичъ.** 30

19. **Изъ русскихъ журналовъ.** У казаковъ.—Воспоминаніе Д. Ахшарумова.—Новыя теченія въ современной литературѣ. . . . 33

20. **За границей** Присужденіе премій Нобеля.—Общественные вопросы въ Германи.—Народный домъ въ Гамбургѣ.—Первый итальянскій крестьянскій конгрессъ.—Въ скандинавскихъ странахъ.—Современная Аркадія. 43

21. **Изъ иностранныхъ журналовъ.** Женское движеніе за послѣднее время въ Европѣ и на Востокѣ.—Альфредъ Нобель и его взгляды.—Республика будущаго.—Никола Тесла. 54

22. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ. Марселэнъ Бертело. (По поводу пятидесятилѣтія его научной и общественной дѣятельности). **В. Яковлева.** 59

23. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. Періодичность солнечныхъ пятенъ и связь съ нею атмосферныхъ явленій.—Что говоритъ опытъ о появленіи разновидностей.—Механическая теорія зрѣнія.—Сѣрнистый газъ, какъ дезинфицирующее и противопожарное средство. **В. Аг.** 68

24. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Беллетристика.—Исторія литературы.—Исторія всеобщая и русская.—Политическая экономія.—Естествознаніе.—Медицина и гигіена.—Народное образованіе.—Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію . . 76

25. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 108

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

26. ДОСТОПОЧТЕННЫЙ ПИТЕРЪ СТЕРЛИНГЪ. Романъ **П. Л. Форда.** Переводъ съ англійскаго **Л. Я. Сердечной.** 1

27. ИЗЪ ГЛУБИНЪ ОКЕАНА. Описаніе путешествія первой германской глубоководной экспедиціи **Карла Куна.** Переводъ съ нѣмецкаго **П. Ю. Шмидта.** Съ многочисл. рисунками. 1

„МІРЪ БОЖІЙ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

(28 листовъ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ — въ главной конторѣ и редакціи: Бассейная, 35 и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Въ Москвѣ: въ отдѣленіяхъ конторы—въ конторѣ *Печковской*, Петровскія линіи, и книжномъ магазинѣ Карбасникова, Кузнецкій мостъ, д. Коха.

1) *Рукописи*, присылаемыя въ редакцію, должны быть *четко переписаны*, снабжены подписью автора и его адресомъ, а также и указаніемъ размѣра платы, какую авторъ желаетъ получить за свою статью. Въ противномъ случаѣ размѣръ платы назначается самой редакціей.

2) Непринятыя мелкія рукописи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ редакція ни въ какія объясненія не вступаетъ.

3) Принятыя статьи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются, непринятыя же сохраняются въ теченіе полугода и возвращаются по почтѣ только по уплатѣ почтоваго расхода деньгами или марками.

4) *Лица*, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, для полученія отвѣта, прилагаютъ семикопѣечную марку.

5) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

6) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи.

7) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

8) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, необходимо прилагать печатный адресъ, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

9) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже 25 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

10) При переходѣ петербургскихъ подписчиковъ въ иногородніе доплачивается 80 копѣекъ; изъ иногородныхъ въ петербургскіе 40 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адресъ того же разряда 14 копѣекъ.

11) Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ 40 коп. съ каждаго годового экземпляра.

Контора редакціи открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 11 ч. утра до 4 ч. пополудни. Личныя объясненія *съ редакторомъ по вторникамъ*, отъ 2 до 4 час., *кромѣ праздничныхъ дней*.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ доставкой и пересылкой въ Россіи **8** руб., безъ доставки **7** руб., за границу **10** руб.

Адресъ: С.-Петербургъ, Бассейная, 35.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

14 DAY USE
RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED
LOAN DEPT.
This book is due on the last date stamped below, or
on the date to which renewed.
Renewed books are subject to immediate recall.

12Apr'65LD
IN STACKS
MAR 29 1965
REC'D LD
MAR 29 '65 -10 PM
REC'D CIRC DEPT
DEC 27'74

LD 21A-60m-3,'65
(F2336s10)476B
General Library
University of California
Berkeley

U. C. BERKELEY LIBRARIES
C042636969